

К 200-летию

Института востоковедения РАН

**Труды Института
востоковедения РАН**

Выпуск 26

Труды Института востоковедения РАН

Серийное издание ISSN 2587-9502

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ СЕРИИ:

Андросов Валерий Павлович – *председатель*
Наумкин Виталий Вячеславович, академик РАН – *сопредседатель*
Демченко Александр Владимирович – *ученый секретарь*
Аликберов Аликбер Калабекович
Белокреницкий Вячеслав Яковлевич
Железняков Александр Сергеевич
Романова Наталья Геннадиевна
Саутов Владимир Нилович

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Акимов Александр Владимирович	Кузнецов Василий Александрович
Алаев Леонид Борисович	Любимов Юрий Васильевич
Александров Юрий Георгиевич	Мамедова Нина Михайловна
Алпатов Владимир Михайлович	Микульский Дмитрий Валентинович
Белова Анна Григорьевна	Мосяков Дмитрий Валентинович
Бурлак Светлана Анатольевна	Настич Владимир Нилович
Ванина Евгения Юрьевна	Орлова Кеема Владимировна
Васильев Дмитрий Дмитриевич	Панарин Сергей Алексеевич
Воронцов Александр Валентинович	Плотников Николай Дмитриевич
Десницкий Андрей Сергеевич	Пригарина Наталья Ильинична
Другов Алексей Юрьевич	Сарабьев Алексей Викторович
Захаров Антон Олегович	Смагина Евгения Борисовна
Звягельская Ирина Доновна	Суворова Анна Ароновна
Карасова Татьяна Анисимовна	Шалапина Зоя Михайловна
Катасонова Елена Леонидовна	Шаумян Татьяна Львовна
Кобзев Артем Игоревич	

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Труды
Института востоковедения РАН

Выпуск 26

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
НА ВОСТОКЕ**

**Культурно-сложные общества
в мусульманском ареале,
геополитическая и геоэкономическая
динамика**

Москва
2019

Ответственные редакторы выпуска:

В. Я. Белокреницкий, Н. М. Мамедова, Н. Ю. Ульянов

Подготовка рукописи к изданию:

О. Е. Митрофаненкова

Труды Института востоковедения РАН. Вып. 26. Социальные и политические процессы на Востоке. Культурно-сложные общества в мусульманском ареале, геополитическая и геоэкономическая динамика / Отв. ред. выпуска В. Я. Белокреницкий, Н. М. Мамедова, Н. Ю. Ульянов. – М.: ИВ РАН, 2019. – 648 с.

ISSN 2587-9502

ISBN 978-5-89282-916-8

Основное внимание в книге уделено проблемам культурно-сложного общества в мусульманских странах вдоль южных исторических рубежей России. Рассматриваются аспекты понимания и управления такими обществами, как Турция, Иран, Афганистан, Пакистан. Значительная часть издания посвящена курдскому ареалу в Ираке и Сирии, всей исключительно запутанной экстремальной ситуации на Ближнем и Среднем Востоке. Помимо социальных процессов, в книге анализируются различные стороны геополитической ситуации в регионе, а также геоэкономическая динамика, охватывающая частично и другие, не только мусульманские, ареалы Востока.

Сборник статей адресован студентам, аспирантам, научным сотрудникам, преподавателям, журналистам, дипломатам – всем, интересующимся мировыми тенденциями социального, политического и экономического развития.

ISBN 978-5-89282-916-8

На лицевой стороне обложки изображена мечеть Нуросмание (*Nuruosmaniye Camii*) Стамбул, Турция. Фото предоставлено И. В. Федуловым.

© ФГБУН ИВ РАН, 2019

*Светлой памяти коллег и товарищей по работе
Сергея Наумовича Каменева и
Владимира Николаевича Москаленко*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	13
-------------------	----

Раздел I. ТУРЦИЯ

<i>Н. Ю. Ульченко.</i> Турция на пути к инклюзивному развитию? (К вопросу об эффективности социальной политики Партии справедливости и развития)	18
<i>И. А. Свистунова.</i> Немусульманские меньшинства в современной Турции (на примере греческой, армянской и иудейской общин)	42
<i>В. В. Цибенко (Ростов-на-Дону).</i> Политизация этнических меньшинств в Турции на примере черкесов	59
<i>И. И. Иванова.</i> Турция – Центральная Азия – Россия: изменения в конфигурации треугольника	73
<i>А. Г. Гаджиев.</i> Отношения между Турцией и Европейским союзом после турецких выборов 2018 г.	93
<i>А. В. Болдырев.</i> К вопросу об изучении внешней политики Турции в годы Второй мировой войны	102

Раздел II. ИРАН

<i>Н. М. Мамедова.</i> Культурная сложность современного иранского общества	110
<i>М. С. Каменева.</i> Этноконфессиональные меньшинства в контексте социально-культурной политики руководства Исламской Республики Иран (на примере положени бахаи и еврейской общины)	131
<i>Е. В. Дунаева.</i> Динамика демографических процессов в ИРИ (на материале переписи 2016/17 г.)	140
<i>В. И. Сажин.</i> Иран – Азербайджан: азербайджанский вопрос сегодня	157
<i>Р. В. Сулейманов.</i> Азербайджанцы как фактор (не)стабильности в Иране	173

И. М. Бабиров (Нижний Новгород). Талышское меньшинство в Азербайджане и Иране: история вопроса и современное состояние	186
А. И. Полищук. «План реализации культурной политики ИРИ» как инструмент «мягкой силы»	201

Раздел III. КУРДСКИЙ АРЕАЛ И СИРИЯ

К. В. Вертяев. Конгломератный национализм: опыт изменения парадигмы национального развития стран Ближневосточного региона (на примере Сирии)	212
В. М. Ахмедов. Трансформация этноконфессионального состава сирийского социума в условиях конфликта в САР	235
Д. А. Воронин (Санкт-Петербург). Кризис в Сирии и борьба сирийских курдов за самоопределение	243
М. С. Озманиян. К итогам парламентских выборов 2018 г. в Ираке и Иракском Курдистане: курдские партии	256
И. Е. Федорова. Иран и Иракский Курдистан	271
Н. З. Мосаки. К вопросу о региональной геоэкономике: производство мёда в Иракском Курдистане	280

Раздел IV. АФГАНИСТАН

С. Пойя. Этнические конфликты в современной истории Афганистана	296
У. В. Окимбеков. Население Афганистана: динамика численности, состав и конфликты на этнической почве	307
Н. Д. Саженов. Потенциал сепаратизма в современном Афганистане	346
О. Е. Митрофаненкова. Проблема наркомании в Афганистане	354
М. О. Нессар. Пять лет правления правительства Ашрафа Гани	364
Д. П. Елагин. Особенности современной социально-экономической модели Афганистана: влияние внутреннего вооруженного конфликта	379
Р. Д. Дауров, И. В. Шашков. «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) в субрегионе Афганистан – Пакистан	396

Раздел V. ПАКИСТАН

В. Я. Белокреницкий. Культурная сложность пакистанского общества: этнические и этноконфессиональные аспекты	420
<u>С. Н. Каменев</u> . Рост населения Пакистана и его влияние на социальные процессы	447

<i>И. Н. Серенко. Образовательный аспект радикализации пакистанского социума</i>	454
<i>Н. А. Замараева. Военно-гражданская администрация генерала П. Мушаррафа (конституционно-правовые и социальные основы)</i>	465
<i>В. В. Воробьев. Роль и значение судебной ветви власти в политической жизни современного Пакистана</i>	494
<i>Я.-В. Ю. Процаков (Белоруссия). Конфликт в Белуджистане: краткая история и современный этап</i>	508
<i>Р. Е. Прохоров. Геоэкономика пакистано-китайских отношений</i>	522
<i>М. Д. Сазегул Ислам (Бангладеш). Факторы влияния исламизации в Бангладеш</i>	531
<i>Л. А. Черешнева (Липецк). Движение тебхага в Индии (к истории крестьянских выступлений на Востоке)</i>	537

Раздел VI. ДРУГИЕ СТРАНЫ И РЕГИОНЫ

<i>Н. Н. Цветкова. Восточный социум в перспективе: низшие городские слои и автоматизация</i>	546
<i>К. М. Труевцев. Глобализация и исламский мир: после двух волн турбулентности</i>	565
<i>Г. Г. Косач. Саудовская Аравия – социально-экономическая трансформация</i>	585
<i>Е. С. Мелкумян. Стратегия развития арабских монархий Залива: основные приоритеты</i>	601
<i>И. В. Рыжов, М. Ю. Борогина (Нижний Новгород). Противостояние шиитов и суннитов на Ближнем Востоке: история вопроса и анализ современного состояния</i>	611
<i>М. А. Малов (Нижний Новгород). Модификация статуса малых этносов в системе международных отношений Ближнего Востока</i>	630

SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES IN THE EAST

CONTENTS

Foreword	13
----------------	----

Part I. TURKEY

<i>N. Y. Ulchenko</i> . Turkey on the way towards inclusive growth? (To the issue of effectiveness of the social policy of the Justice and Development Party)	18
<i>I. A. Svistunova</i> . Non-Muslim minorities in today's Turkey (case of Greek, Armenian and Jewish communities)	42
<i>V.V.Tsibenko (Rostov-on-Don)</i> . Politicization of ethnic minorities in Turkey, case of Cherkeses	59
<i>I. I. Ivanova</i> . Turkey-Central Asia-Russia: changes in the configuration of the triangular	73
<i>A. G. Gadjiyev</i> . Relations between Turkey and European Union after the Turkish elections in 2018	93
<i>A. V. Boldyrev</i> . To the issue of studying Turkey's foreign policy during World War II	102

Part II. IRAN

<i>N. M. Mamedova</i> . Culrural complexity of the contemporary Iranian society	110
<i>M. S. Kameneva</i> . Ethnoconfessional minorities in the context of socio-cultural policy of the leadership of the Islamic Republic of Iran (study of the condition of the Bahai and Jewish communities)	131
<i>E. V. Dunaeva</i> . Dynamics of demographic processes in IRI (based on the materials of population census of 2016/17)	140
<i>V. I. Sazhin</i> . Iran-Azerbaijan: the Azerbaijani question today	157

<i>R. V. Suleimanov.</i> Azerbaijanis as a factor of (in)stability in Iran	173
<i>I. M. Babirov (Nizhny Novgorod).</i> The Talysh minority in Azerbaijan and Iran: history of the problem and present situation	186
<i>A. I. Polishchuk.</i> 'The Plan for realization of the cultural policy of IRI' as an instrument of 'soft power'	201

Part III. KURDISH REGION AND SYRIA

<i>K. V. Vertyaev.</i> Aggregate nationalism: an experience of changing paradigm in national development of the countries of Middle East (case of Syria)	212
<i>V. M. Ahmedov.</i> Transformation of ethnoconfessional structure of the Syrian society in the wake of conflict in SAR	235
<i>D. A. Vorodin (St. Petersburg).</i> Crisis in Syria and the struggle of Syrian Kurds for self-determination	243
<i>M. S. Ozmanian.</i> Results of the 2018 parliament elections in Iraq and Iraqi Kurdistan: Kurdish parties	256
<i>I. E. Fedorova.</i> Iran and Iraqi Kurdistan	271
<i>N. Z. Mosaki.</i> To the issue of regional geoeconomics: honey production in Iraqi Kurdistan	280

Part IV. AFGHANISTAN

<i>S. Poya.</i> Ethnic conflicts in the modern history of Afghanistan	296
<i>U. V. Okimbekov.</i> Population of Afghanistan: dynamics of numbers, composition and conflicts on the basis of ethnicity	307
<i>N. D. Sazhenov.</i> Potential of separatism in today's Afghanistan	346
<i>O. E. Mitrofanenkova.</i> Drug addiction problem in Afghanistan	354
<i>M. O. Nessar.</i> Five years of the rule of the Ashraf Ghani government	364
<i>D. P. Yelagin.</i> Specific features of the today's socio-economic model of Afghanistan: influence of the internal armed conflict	379
<i>R. D. Daurov, I. V. Shashkov.</i> "Economic belt of the Silk Road" in the subregion of Afghanistan and Pakistan	396

Part V. PAKISTAN

<i>V. Y. Belokrenitsky.</i> Cultural complexity of the Pakistani society: ethnic and ethnoconfessional aspects	420
<u>S. N. Kamenev.</u> Population growth in Pakistan and its influence upon social processes	447

<i>I. N. Serenko. Educational aspect of radicalization of the Pakistani society</i>	454
<i>N. A. Zamaraeva. Military-civil administration of general</i>	
<i>P. Musharraf (constitutional-legal and social bases)</i>	465
<i>V. V. Vorobyev. Role and importance of the judicial authorities</i>	
<i>in the political life of the contemporary Pakistan</i>	494
<i>Y.-V. Y. Prochakov (Belorussia). Conflict</i>	
<i>in Baluchistan: a short history and current phase</i>	508
<i>R. E. Prohorov. Geoeconomics of Pakistani-Chinese relations</i>	522
<i>M.D. Sazedul Islam (Bangladesh). Factors behind the influence</i>	
<i>of Islamization in Bangladesh</i>	531
<i>L. A. Cheresheva (Lipetsk). Tebhaga movement</i>	
<i>in India (to the history of peasant protests in the East)</i>	537

Part VI. OTHER COUNTRIES AND REGIONS

<i>N. N. Tsvetkova. Eastern society in the perspective:</i>	
<i>lower urban stratas and automatization</i>	546
<i>K. M. Truevtsev. Globalization and Islamic world:</i>	
<i>after two waves of turbulence</i>	565
<i>G. G. Kosach. Saudi Arabia – socio-economic transformation.....</i>	585
<i>E. S. Melkumian. Strategy of development</i>	
<i>of the Arab Gulf monarchies: major priorities</i>	601
<i>I. V. Ryzhov, M. Y. Borodina (Nizhny Novgorod). Confrontation</i>	
<i>between Shiites and Sunnis in the Middle East: history</i>	
<i>of the question and analysis of the contemporary state of affairs</i>	611
<i>M. A. Malov (Nizhny Novgorod). Modification</i>	
<i>of the status of small ethnic groups in the system</i>	
<i>of Middle Eastern international relations</i>	630

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий выпуск серии Трудов Института востоковедения РАН включает в себе 11-й по счету тематический сборник статей, подготовленный Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока ИВ РАН. Первые два тома серии вышли в свет в 2001 г. В предшествующем юбилейном сборнике под названием «Мусульманский мир на исторических рубежах России», изданном в 2017 г., читатель может найти краткую информацию о вышедших за два десятилетия томах, участниками которых, помимо сотрудников Центра, были научные работники других подразделений Института, ряда родственных академических и научно-исследовательских учреждений, а также преподаватели, молодые сотрудники, аспиранты и магистранты многих высших учебных заведений Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Липецка, Рязани, Ростова-на-Дону, Пятигорска и других городов страны. Отличительной чертой сборников было участие иностранных ученых, а также студентов из-за рубежа, обучающихся в российских вузах.

Не стал исключением и нынешний том, основу которого составили статьи, написанные на темы докладов, прочитанных на представительной (более 50 докладов и выступлений) Общероссийской конференции «Социальные процессы на мусульманском Востоке». Подробную информацию о состоявшейся в ноябре 2018 г. конференции, в том числе тезисы прочитанных докладов, смотрите на сайте Института (ivran.ru) и подсайте Центра (bsvivran.ru).

Основная тема конференции была выбрана не случайно. Социальная проблематика, когда-то доминировавшая в наших исследованиях по странам и регионам Востока, в постсоветское время постепенно ушла на задний план. В первую очередь это касается социально-классовых вопросов, особенностей клас-

совой борьбы, левого движения и т. п. При исторической обусловленности такого рода подвижек нельзя считать социальную тематику устаревшей и малозначительной. Помимо классового аспекта в ней представлены многие другие – этнические, конфессиональные, общинные, культурные и т. д.

С последним в основном и связана причина, по которой социальные вопросы были вынесены в качестве главных сюжетов для обсуждения на конференции. Известно также, что Президиум РАН одну из фундаментальных программ исследовательской работы на 2018–2020 гг. посвятил анализу темы «Культурная сложность современного общества: понимание и управление». Институт востоковедения РАН в рамках этой программы разрабатывает ряд подпрограмм, одной из которых является «Культурно-сложные общества на Среднем Востоке и в Южной Азии». Соответственно, с ее задачами организаторы конференции включили в число предложенных для обсуждения вопросов такие, как культурная сложность современных мусульманских обществ региона, его этническая, конфессиональная и этноконфессиональная композиция, этнические и межконфессиональные конфликты, этнический национализм и национализм государственный, социальная политика государства как способ управления культурно-сложным обществом, демографические и другие социальные процессы. Ряд статей сборника (Н. Ю. Ульченко о социальной политике турецкого правительства, Н. М. Мамедовой о культурной сложности иранского общества, К. В. Вертяева о конгломератном национализме в курдских ареалах, В. Я. Белокреницкого об этнических и конфессиональных аспектах культурной сложности пакистанского общества) выполнены строго в рамках программы, некоторые другие примыкают к ее задачам по тематике и подходам.

Среди них нужно отметить статью И. А. Свистуновой, посвященную немусульманским меньшинствам в современной Турции, статьи В. В. Цибенко о политизации черкесов как турецкого этноменьшинства, М. С. Каменевой о политике руководства Исламской Республики Иран в отношении этноконфессиональных меньшинств, В. И. Сажина и Р. В. Сулейманова об азербайджанском вопросе в современном Иране и его воздействии на ирано-азербайджанские отношения.

Вплотную примыкают к теме «Культурно-сложные общества» работы по национализму, прежде всего статьи В. М. Ахмедова о трансформации этноконфессионального состава сирийского социума, Д. А. Воробина о борьбе сирийских курдов за самоопределение. Близки к теме также статьи М. С. Озмаян о курдских партиях в Ираке, С. Пойя об этнических конфликтах в современной истории Афганистана, Я.-В. Ю. Процакова об истории и современном этапе конфликта в пакистанском Белуджистане.

Социальные процессы и аспекты массовых движений затронуты, кроме того, в статьях И. М. Бабинова о талышском меньшинстве в Азербайджане и Иране, О. Е. Митрофаненковой о наркомании в Афганистане. На историческом примере, относящемся к Индии, вопрос об особенностях крестьянских движений на Востоке рассмотрен Л. А. Черешневой.

Помимо социальных процессов и проблем участники вышеупомянутой конференции обсудили и ряд других тем и сюжетов, касающихся в основном ряда остроактуальных проблем современной геополитической ситуации и особенностей геоэкономики, т. е. внешнеэкономических аспектов нынешнего этапа развития стран Востока, причем не только мусульманских – см., в частности, статью Н. Н. Цветковой о низших городских слоях и автоматизации. Актуальная проблема глобализации и исламского мира рассмотрена К. М. Труевцевым. Стратегия развития и политика модернизации в Саудовской Аравии и арабских монархиях Залива освещены в статьях Г. Г. Косача и Е. С. Мелкумян. Противостояние шиитов и суннитов на Ближнем Востоке обсуждается в совместной статье И. В. Рыжова и М. Ю. Бородинной, а тема статуса малых этносов в том же регионе – в статье М. А. Малова.

Геополитическая и геоэкономическая динамика рассмотрена в статьях И. И. Ивановой об изменениях в конфигурации треугольника Турция – Центральная Азия – Россия, А. Г. Гаджиева об отношениях между Турцией и Европейским Союзом на текущем этапе, И. Е. Федоровой об Иране и Иракском Курдистане. Здесь же следует упомянуть статью А. В. Болдырева на историческую тему – о турецкой внешней политике в годы Второй мировой

войны. Геоэкономическая проблематика находится в центре внимания Р. Е. Прохорова применительно к нынешним китайско-пакистанским взаимоотношениям, а георегиональный аспект затронут Н. З. Мосаки в связи с производством мёда – важного для курдов традиционного продукта.

К внутриполитическим проблемам чаще всего обращаются авторы, посвятившие свои статьи Афганистану, что напрямую связано с остротой внутренних коллизий в этой стране (см. статьи М. О. Нессара, Р. Д. Даурова совместно с И. В. Шашковым, И. Д. Саженова и Д. П. Елагина). Важнейшие для социальных процессов демографические процессы освещены Е. В. Дунаевой на материале последней переписи населения Ирана и У. В. Окимбековым на широком историческом фоне с детальным анализом этнического состава населения Афганистана и этнических конфликтов. В сборник включен доклад о росте населения Пакистана, прочитанный на конференции С. Н. Каменевым. Политические сюжеты, в первую очередь, связанные с терроризмом и экстремизмом, рассмотрены в статьях И. Н. Серенко об образовательном аспекте радикализации пакистанского общества, Н. А. Замараевой о военно-гражданской администрации генерала П. Мушаррафа, В. В. Воробьева о роли и значении судебной ветви власти в Пакистане и М. Д. Сазедул Ислама о факторах исламизации в Бангладеш.

Ответственные редакторы

Раздел I

ТУРЦИЯ

Н. Ю. Ульченко*

ТУРЦИЯ НА ПУТИ К ИНКЛЮЗИВНОМУ РАЗВИТИЮ (К вопросу об эффективности социальной политики Партии справедливости и развития)

Резюме: В статье анализируется эффективность социально-экономической политики, которая проводилась в стране в период правления Партии справедливости и развития на основе разработанной Азиатским банком системы показателей для оценки степени инклюзивности экономического роста. Инклюзивный рост нацелен на выравнивание возможностей для достижения личностного развития и экономического процветания всех членов общества – иначе – на сокращение социально-экономической дифференциации, что и является конечной целью социальной политики государства.

Ключевые слова: Турция, имущественное неравенство, социальное неравенство, социально-экономическая политика Партии справедливости и развития, инклюзивный рост.

Summary: The article analyzes the effectiveness of socio-economic policy, which was realized in Turkey during the period of the Justice and Development Party. The analyze is based on the system of indicators developed by the Asian Bank to assess the degree of inclusiveness of economic growth. Inclusive growth is aimed at equalizing opportunities for achieving personal development and economic prosperity of all members of society – otherwise, at reducing socio-economic differentiation, which is the ultimate goal of the social policy of the state.

Key words: Turkey, property inequality, social inequality, social and economic policy of the Justice and Development Party, inclusive growth.

* Ульченко Наталия Юрьевна – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник ИВ РАН, зав. кафедрой ИСАА при МГУ.

Статья выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Культурно-сложные общества: понимание и управление».

Одним из аспектов структурной сложности большинства восточных обществ наряду с этнической, религиозной, культурной является выраженная социально-экономическая дифференциация, которая в не меньшей мере, чем прочие, выступает фактором высокого уровня напряженности в ряде стран Востока и повышает риск дестабилизации сложившейся на сегодняшний момент системы внутригосударственного устройства и основных принципов ее функционирования. Причем сохранение значительной степени поляризации общества по социально-экономическим показателям в ряде случаев усугубляет проблемы этнической и религиозной неоднородности. И напротив, некоторая нивелировка социально-экономических различий в известной мере может способствовать внутригосударственной консолидации вопреки национальной религиозной неоднородности населения.

Понимание рисков, связанных с высоким уровнем социально-экономического неравенства, с консервацией бедности и отсутствием механизмов социальной мобильности привело к расширению масштабов использования в ряде стран Востока по мере относительного роста уровня их благосостояния различных механизмов и инструментов социальной политики. В связи с ростом внимания властей к социальной политике и увеличением государственных затрат по ее основным направлениям встает вопрос об оценке ее эффективности. Понятно, что во главе угла этой системы оценок стоит сглаживание социально-экономического неравенства. Тем не менее остается вопрос о методиках оценки этого неравенства, равно как и его сокращения. Использование в этих целях одного лишь довольно широко известного коэффициента Джини не является в полной мере достаточным. Видимо, речь должна идти об использовании неких комплексных подходов, опирающихся на систему показателей. Такой сложный комплексный подход в последний период времени в научной литературе реализуется через понятие инклюзивного роста. Инклюзивный рост – такой способ развития, преимуществами которого способны воспользоваться все члены общества через равный доступ к обеспечиваемым им возможностям. При этом следует особенно подчеркнуть, что равный доступ к возможностям стоит во главе угла инклюзивного роста, так как он

позволяет сократить худшую разновидность неравенства, исходящую от не зависящих от индивида обстоятельств. Итак, инклюзивный рост может быть определен как экономический рост при равенстве возможностей. Следовательно, инклюзивный рост означает развитие, при котором создается простор для инвестиций и возможности эффективной занятости при одновременном обеспечении условий справедливого доступа к ним. При таком росте все части общества участвуют в процессе роста на равных, независимо от обстоятельств их жизни.

Дарон Аджемоглу и и Джеймс Робинсон в работе «Почему нации терпят неудачу» определяют институты инклюзивной экономики, как позволяющие и поощряющие участие значительной массы граждан в различных видах экономической активности, которые позволяют индивидам наилучшим образом использовать их таланты и навыки и обеспечивают индивиду возможность сделать желательный для него выбор. Инклюзивные институты должны обеспечивать безопасность частной собственности, эффективность законов и определенный уровень государственных услуг, который обеспечивает гражданам развитую среду для обмена и заключения контрактов, а также создает условия для выхода на рынок нового бизнеса и позволяет индивидам осуществлять выбор своей карьеры. «Инклюзивные экономические институты предполагают защиту прав собственности и существование экономических возможностей не только для элиты, но и широких слоев общества из разных социальных слоев», – резюмируют Аджемоглу и Робинсон¹. При этом в качестве работающей модели инклюзивного развития они видят Южную Корею с такими ее особенностями, как хороший уровень образования населения, рыночная экономика, поощрение государством экономической активности населения. Поощрение экономической активности государством означает возможность для предпринимателей занимать у банков и на финансовых рынках, а для иностранных компаний – возможность вступать в партнерские связи с местными фирмами.

Противоположный пример экстрактивных институтов демонстрирует Северная Корея с ее жестким исходящим от государства предопределением весьма ограниченных возможностей самореализации и вариантов жизненных сценариев для инди-

вида, который в любом случае не сможет владеть собственностью, участвовать в легальном бизнесе и проч.²

Пытаясь решить задачу создания методики оценки инклюзивного роста, в 2011–2014 гг. Азиатский банк развития разработал систему показателей, выделив общую группу базовых показателей бедности и неравенства, группу показателей, характеризующих уровень управления в стране и состояния институтов, и 3 группы специализированных тематических показателей: показателей экономического роста и расширения экономических возможностей, показателей социальной включенности (инклюзивности), обеспечивающих равный доступ к экономическим возможностям, и, наконец, группу показателей социальной защищенности (см. табл. 1–3).

Таблица 1

Общие базовые показатели бедности и неравенства

Показатели, связанные с уровнем дохода	Показатели, не связанные с уровнем дохода
1. Доля населения, живущего ниже национального уровня черты бедности	1. Среднее число лет школьного обучения
2. Доля населения, живущего на менее чем 2 долл. в день	2. Распространенность недостаточности веса среди детей до 5 лет
3. Отношение дохода/потребления 20% наиболее богатых к 20% наиболее бедных	3. Смертность среди детей до 5 лет на 1000 новорожденных

Источник: Framework of Inclusive Growth Indicators 2014. 4th Edition. Key Indicators for Asia and the Pacific Special Supplement. Manila, Asian Development Bank, 2014. P. 5.

Таблица 2

Показатели уровня управления и состояния институтов

1. Выборность и отчетность
2. Эффективность правительства
3. Индекс восприятия коррупции

Источник: Framework of Inclusive Growth Indicators 2014. 4th Edition. Key Indicators for Asia and the Pacific Special Supplement. Manila, Asian Development Bank, 2014. P. 5.

Таблица 3

**Показатели экономического роста и расширения
экономических возможностей, показатели социальной
включенности (инклюзивности) и социальной защищенности**

Показатели экономического роста и расширения экономических возможностей	Показатели социальной включенности (инклюзивности), обеспечивающие равный доступ к экономическим возможностям	Показатели социальной защищенности
<i>Экономический рост и занятость</i>	<i>Доступность и расходы на образование и здравоохранение</i>	
1. Темпы роста ВВП (ППС) на душу населения	1. Ожидаемое число лет обучения (от начального до высшего образования)	1. Доля расходов на медицинское и социальное страхование в общем объеме расходов правительства на здравоохранение
2. Темпы роста дохода на душу населения (ППС) (для высшего и нижнего квинтиля, а также общие)	2. Соотношение численности обучающихся и преподавателей (начальное образование)	2. Доля расходов на социальное страхование и социальную помощь в общем объеме расходов правительства
3. Уровень занятости	3. Уровень охвата вакцинацией среди детей первого года жизни	
4. Эластичность общей занятости по ВВП	4. Число врачей, медсестер акушерок на 10 000 человек населения	
5. Число самозанятых и семейных работников на 100 наемных работников	5. Доля расходов на образование в общем объеме расходов правительства	
	6. Доля расходов на здравоохранение в общем объеме расходов правительства	

Окончание таблицы 3

<i>Ключевые показатели развития инфраструктуры</i>	<i>Доступ к основной инфраструктуре и услугам</i>	
6. Потребление электричества в расчете на душу населения	6. Доля населения, имеющего доступ к использованию электричества	
7. Доля дорог с покрытием	7. Доля населения, использующего твердое топливо для приготовления пищи	
8. Число абонентов сотовых телефонов на 100 человек	8. Доля населения, имеющего доступ к качественной питьевой воде	
9. Число держателей сберегательных вкладов на 1000 человек взрослого населения	9. Доля населения, живущего в достойных санитарных условиях	
	<i>Гендерное равенство</i>	
	10. Гендерное соотношение обучающихся в системе начального, среднего и высшего образования	
	11. Охват пренатальной помощью	
	12. Гендерная структура рабочей силы	
	13. Численность женщин-парламентариев	

Источник: Framework of Inclusive Growth Indicators 2014. 4th Edition. Key Indicators for Asia and the Pacific Special Supplement. Mandaluyong, Asian Development Bank, 2014. P. 5.

Вопрос о том, насколько инклюзивный характер носит развитие Турции в последние годы, представляется весьма важным, поскольку период правления находящейся у власти в стране с 2002 г. Партии справедливости и развития стал временем необы-

валой активизации государственной социальной политики. Таким образом, правомерно говорить о попытке оценки уровня успешности усилий властей в социальной сфере посредством изучения динамики критериев инклюзивного развития, цели которого во многом достигаются через государственную перераспределительную политику и создание дополнительных материальных и социальных возможностей для так называемых проигравших слоев населения.

Прежде чем переходить к анализу результативности социальной политики периода ПСР, следует сказать несколько слов об ее основных направлениях.

Во втором десятилетии XXI в. властям удалось прийти к бюджету, который – с точки зрения структуры расходов – является социальным. В результате усилий правительства по финансовой стабилизации и активизации социальной политики удельный вес расходов только по наиболее крупной комплексной, но не единственной социальной статье «здравоохранение, пенсионное обеспечение и социальная помощь», в 2010 г. составив 17%, впервые превысил долю процентных расходов³. И в последующие годы доля этой расходной статьи составляла 17–18%, оставаясь одной из основных. Таким образом, социальные расходы в бюджете выросли по сравнению с 2002 г., по крайней мере, на 8–9 процентных пунктов.

При этом финансирование социальных расходов осуществлялось не только из средств государственного бюджета.

Каковы же были их основные статьи? Одна из важнейших – здравоохранение. Основная идея реформы в этой сфере заключалась в создании единой системы медицинского страхования с целью охвата всех граждан базовыми медицинскими услугами, включая тех, кто не имеет статус официально занятых. Таким образом, в результате проведенных преобразований удалось обеспечить всеобщий доступ к медицинским услугам на равных основаниях. Для всех, кто имеет доход выше уровня бедности, были установлены обязательные страховые медицинские взносы (12% с суммы дохода, превышающего две минимальные зарплаты), тогда как за тех, кто имеет доход ниже установленного минимума (менее 1/3 минимальной заработной платы в расчете

на члена семьи), а также и за детей и подростков в возрасте до 18 лет, уплату взносов производит государство.

Переход на новую систему медицинского страхования действительно требовал значительных государственных затрат: по оценкам турецкого исследователя С. Эрдогду, в Турции в период действия старой системы медицинского страхования насчитывалось не менее 15 млн человек, не охваченных какими бы то ни было его формами и при этом отнюдь не являвшихся богатыми⁴. Следовательно, расходы по страховому медицинскому обслуживанию данного весьма многочисленного контингента надлежало взять на себя государству. В итоге наблюдалось повышение расходов на здравоохранение с 3,7% ВВП в 2002 г. до 4,5 % в 2008 г., 5,1% – в 2009 г. Впоследствии они несколько снизились, но оставались выше стартового уровня 2002 г. – 4,5% в 2010 г. и 4,4% ВВП в 2011 г. Рост расходов объяснялся «увеличением мощности системы предоставления медицинских услуг и повышением их доступности»⁵.

Важного прорыва за годы своего правления ПСР сумела добиться и в сфере образования. К своим основным достижениям партия относит переход к системе всеобщего обязательного 12-летнего образования (ранее продолжительность обязательного обучения составляла 8 лет), восьмикратное увеличение бюджета Министерства образования с 7,4 млрд тур. лир в 2002 г. до 62 млрд в 2015 г. (в текущих ценах), что позволило, в частности, поднять численность студентов университетов с 1,2 млн в 2002/03 учебном году до 2,6 млн в 2013–2014 гг. Количество университетов выросло с 76 до 176, в каждом из 81 илей (административных округов) страны есть теперь как минимум один университет⁶.

Весьма важным направлением государственной социальной политики является помощь через специально созданный Фонд социальной поддержки и солидарности⁷.

Цели и особенности деятельности Фонда исключительно близки исламской риторике взаимопомощи и взаимной ответственности членов уммы. Турецкие авторы А. Бугра и Ч. Кейдер, отмечая связь концепции функционирования Фонда с прочными общественными устоями, объясняют его создание

попыткой ответить на утрату семьей способности заботиться о родственниках в силу ее перехода от традиционной к нукlearной форме. Фонд оказывает помощь не на регулярной основе, а исходя из конкретных нужд получателя в конкретной ситуации. Фонд характеризуется как институт, который, являясь последней надеждой граждан, находящихся в состоянии глубокой нужды, ответственен за оказание срочной чрезвычайной помощи⁸. По словам турецкого исследователя Х. Хаджимхамутоглу, «цель программ Фонда – оказать человеку социальную помощь буквально по месту проживания – в своем же квартале – и с применением максимально гибких подходов»⁹. Приближение Фонда к нуждам гражданина обеспечивает организация его деятельности через 973 вакфа (отделения), которые расположены в каждом *иле* страны, являющемся наиболее мелким административно-территориальным подразделением.

Гибкость деятельности Фонда социальной поддержки и солидарности, его способность оперативно и точно отвечать на конкретные нужды достигается через многообразие форм предоставляемой помощи, о чем позволяет судить структура его расходов. К числу основных статей относятся: расходы на оказание периодической помощи (предназначены для удовлетворения разнообразных текущих потребностей нуждающихся граждан), расходы на медицинскую помощь, помощь инвалидам, расходы по обучению профессиональным навыкам и повышению занятости, расходы на образование, помощь семьям (продовольственная помощь, оказываемая в канун религиозных праздников Курбан байрама и Рамазан байрама), помощь в случае чрезвычайных ситуаций (землетрясение, пожар, наводнение и пр.), трансферты Министерству национального образования на компенсацию расходов по бесплатному обеспечению школьными учебниками, организацию бесплатных обедов для учащихся и др.

Следует отметить, что столь активное развитие системы социальной помощи противоречит западным практикам, где основной акцент делается на регулярное социальное обеспечение. Видимо, в Турции социальная помощь по большому числу все возможных случаев выступает привлекательной для властей

формой взаимодействия и установления позитивного диалога с большим числом нуждающихся избирателей.

Еще одно важное направление деятельности Фонда социальной поддержки и солидарности – обеспечение жильем малоимущих горожан.

Между Фондом социальной поддержки и солидарности и Администрацией по делам жилищного строительства (Torlu Konut İdaresi, TOKİ) действует Протокол о строительстве социального жилья, на основе которого Администрация на возмездной основе обеспечивает жильем лиц, имеющих право на поддержку Фонда. Цель протокола – обеспечить базовые жизненные потребности в жилье бедных и нуждающихся граждан, предоставив им достойные человека условия существования. Речь идет об их обеспечении двухкомнатными квартирами (1+1) площадью 45 кв. м. Проект «Социальное жилье» общей стоимостью 500 млн турецких лир финансируется Фондом социальной поддержки и солидарности. Получение жилья не обусловлено первоначальным взносом, предоставлением залога или поручительства третьего лица. Оплата производится на протяжении 20 лет. За период с 2003 г. по начало 2011 г. число получателей социального жилья составило 139 тыс. человек¹⁰, а к середине 2015 г. – почти 145 тыс.¹¹

Впрочем, потенциальная численность благодарного электората, очевидно, превышает данную цифру, поскольку сама деятельность TOKİ не ограничивается лишь социальным жильем для Фонда социальной поддержки и солидарности. Более многочисленной группой клиентов TOKİ являются лица с невысоким уровнем дохода, определяемым как средний или низкий, которые не могут приобрести жилье на рыночных условиях. В зависимости от конкретного уровня благосостояния они оплачивают от 10 до 40% стоимости жилья в качестве первоначального взноса, в то время как остальная сумма погашается на протяжении 84–240 месяцев. При этом реальный процент по жилищному кредиту остается нулевым. Сумма долга лишь корректируется в соответствии с уровнем инфляции, измеряемым уровнем индексации заработной платы рабочих государственных предприятий.

Еще одним важным каналом распределения социальной помощи являются муниципалитеты. «Практически во всех муниципалитетах ПСР (курсив наш. – Н.У.) существуют отделы по работе с нуждающимися, куда можно обратиться за помощью в получении продовольствия, топлива, одежды, места в приюте», – констатируют турецкие исследователи Г. Бакырезер и Ю. Демирель¹².

Итак, проследим для Турции динамику показателей, систему которых разработал и предложил в целях оценки успешности реализации инклюзивного развития Азиатский банк^{**}. В основном будут сопоставляться значения, относящиеся к началу правления ПСР (в большинстве случаев 2002 г.), и наиболее поздние из доступного статистического ряда (как правило, значения соответствующих показателей за 2015–2016 гг.).

Таблица 4

**Общие базовые показатели бедности и неравенства
(показатели, связанные с уровнем дохода)**

	2002 г.	2016 г.
1. Доля населения, живущего ниже национального уровня черты бедности, %	27	1,6
2. Доля населения, живущего на менее чем 2 долл. в день (2 долл. 15 центов, %)	3,04	0,06 (2015)
3. Отношение дохода/потребления 20% наиболее богатых к доходу/потреблению 20% наиболее бедных	9,4 (2006)	7,6

Составлено по: <http://www.tuik.gov.tr/UstMenu.do?metod=temelist>; World Development Indicators 2006. Wash., 2006. P. 72; <http://wdi.worldbank.org/table/1.1>

Как видим, Турция с 2002 г. продемонстрировала довольно убедительное сокращение удельного веса бедных, что ожидаемо сопровождалось некоторым сокращением разрыва в уровне дохода между верхним и нижним квинтителями.

^{**} Следует отметить, что система показателей несколько скорректирована с учетом базы данных, доступных по Турции за рассматриваемый период времени, что привело к ее некоторому сужению. Впрочем, число показателей, по которым оказались доступны данные, представляется достаточным для того, чтобы сформулировать обобщения и выводы по исследуемой теме.

Таблица 5

**Общие базовые показатели бедности и неравенства
(показатели, не связанные с уровнем дохода)**

	2002 г.	2016 г.
1. Распространенность недостаточности веса среди детей до 5 лет, %	19,9 (1995–2004)	9,8 (2008–2015)
2. Смертность среди детей до 5 лет на 1000 человек	32 (2004)	14 (2015)

Составлено по: World Development Indicators 2017. Wash., 2017. P. 42; World Development Indicators 2006. Wash., 2006. P. 122.

При этом заметно снизились (не менее чем в два раза) показатели, не связанные с уровнем дохода, но при этом свидетельствующие о степени распространения бедности в стране.

Таблица 6

**Показатели экономического роста
и расширения экономических возможностей**

	2002 г.	2016 г.
<i>Экономический рост и занятость</i>		
1. Среднегодовые темпы роста ВВП на душу населения, рассчитанного по ППС (%), постоянные цены 2011 г., долл. США)	1,95 (1990–2000)	3,25 (2000–2012) 4,35 (2012–2017)
2. Уровень занятости (доля трудоспособного населения, %)	49,6	51,3 (2015)
3. Число самозанятых и семейных работников на 100 наемных работников	87,4	42,7
<i>Ключевые показатели развития инфраструктуры</i>		
6. Потребление электричества в расчете на душу населения (kWh)	1,87	3,14
7. Доля дорог с покрытием	41,6 (1999–2003)	
8. Число абонентов сотовых телефонов на 100 человек	48,4 (2004)	92 (2015)
9. Число держателей сберегательных вкладов на 1000 чел. взрослого населения		

Составлено по: World Development Indicators 2006. Wash., 2006. P. 296, 300; <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=2&series=NY.GDP.PCAP.PP.KD&country=İstatistiklerle Türkiye> 2015. Ankara, 2016. S. 36, 38, 56, 61; Türkiye İstatistik Yılığ 2005. Ankara, 2006. S. 154, 160, 198.

Показатели экономического роста и расширения экономических возможностей также практически без исключения продемонстрировали заметную повышательную динамику. Наименее заметен рост по такому показателю, как уровень занятости трудоспособного населения. В Турции он остается на уровне чуть выше 50%. При этом в рассматриваемый период, как и ранее, довольно низкие значения данного показателя объяснялись сравнительно незначительным участием женщин в трудовой деятельности. В 2015 г. понятие рабочей силы охватывало немногим более 30% женщин трудоспособного возраста. Но одновременно практически в два раза сократилось число самозанятых и семейных работников, что считается положительной тенденцией, связанной с сокращением архаичных – в смысле слабо защищенных в социальном отношении – форм занятости.

Таблица 7

**Показатели социальной включенности
(инклюзивности), обеспечивающие равный доступ
к экономическим возможностям**

	2002 г.	2016 г.
<i>Доступность и расходы на образование и здравоохранение</i>		
1. Численность обучающихся в расчете на одного преподавателя (начальная школа)	26 (2004/05 учебный год)	18
3. Уровень охвата вакцинацией детей первого года жизни (ДТРЗ, %)		98 (дети в возрасте 12–23 месяцев)
4. Число врачей, медсестер и акушеров на 10 000 человек населения	13,9 (2003) 17,6 (2003)	17,3 (2014) 25,0 (2014)
5. Доля расходов на образование в общем объеме расходов правительства, %	7,5 (рассчитано как доля Министерства образования в суммарных расходах консолидированного бюджета)	13,1

Окончание таблицы 7

6. Доля расходов на здравоохранение в общем объеме расходов правительства, %	2,6 (2003, рассчитано как доля Министерства здравоохранения в суммарных расходах консолидированного бюджета)			4,9 (2016, рассчитано как доля расходов на здравоохранение в общем объеме расходов центрального правительства)		
<i>Доступ к основной инфраструктуре и услугам</i>						
6. Доля населения, имеющего доступ к использованию электричества				100 (2015)		
8. Доля населения, имеющего доступ к качественной питьевой воде	93			100 (2015)		
9. Доля населения, живущего в достойных санитарных условиях	83			95 (2015)		
<i>Гендерное равенство</i>						
10. Гендерное соотношение обучающихся в системе начального, среднего и высшего образования***	Начальное (2002–2003) 0,91	Среднее (2002–2003) 0,72	Высшее (2002–2003) 0,74	Начальное (2015–2016) 1,01	Среднее (2015–2016) 1,02	Высшее (2015–2016) 0,90
11. Охват пренатальной помощью (доля беременных женщин, %)				97 (2008–2017)		
12. Гендерная структура рабочей силы (доля мужчин, %)	72			69		
13. Численность женщин-парламентариев	24			104 из 596 (2018)		

Составлено по: <http://wdi.worldbank.org/table/2.7>; <http://wdi.worldbank.org/table/2.14>; http://www.tuik.gov.tr/PreTablo.do?alt_id=1084; World Development Indicators 2017. Wash., 2017. P. 58; World Development Indicators 2006. Wash., 2006. P. 106; İstatistiklerle Türkiye 2015. Ankara, 2016. S. 16, 22, 36; Türkiye İstatistik Yıllığı 2005. Ankara, 2006. S. 93, 109, 154; Ekonomik Rapor. Ankara, 2017. S. 113.

*** Отношение общего уровня охвата девочек (девушек) к общему уровню охвата данной ступенью образования мальчиков (юношей).

По показателям социальной включенности (собственно инклюзивности) достигнут заметный прогресс, а именно возросла численность учителей, врачей и медицинского персонала, что, очевидно, следует связывать с чуть ли не двукратным увеличением расходов правительства на образование и здравоохранение. Турция имеет высокие показатели доступа к основной инфраструктуре – практически все население пользуется электричеством, качественной питьевой водой и проживает в достойных санитарных условиях.

Весьма существенны подвижки в сфере обеспечения гендерного равенства: в настоящий момент число девочек, обучающихся в системе начального и среднего образования, превышает число мальчиков, а гендерный разрыв в системе высшего образования стремится к нулю. Правда, пока это несущественно сказалось на гендерной структуре рабочей силы – доля мужчин по сравнению с 2002 г. снизилась лишь на три процентных пункта.

Заметно возросло число женщин-парламентариев. Но следует иметь в виду специфические подходы правящей партии к гендерной проблематике. Например, вовлечение женщин в ряды Партии справедливости и развития осуществляется посредством формирования отдельной женской фракции, что все же несколько отличается от совместной партийной деятельности мужчин и женщин в партийных структурах в западном понимании этого процесса.

Таблица 8

Уровень управления и состояния институтов: Турция ****

	2002 г.	2012 г.	2016 г.
Выборность и отчетность	-0,2	-0,2	-0,6
Эффективность правительства	0,1	0,4	0,0
Индекс восприятия коррупции (standart error)	0,2	0,1	0,1

Составлено по: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=Worldwide-Governance-Indicators>

**** В таблице представлены стандартные оценки показателей управления, ранжируемые от -2,5 до 2,5, притом что более высокие показатели соответствуют лучшим результатам управления.

Уровень управления и состояния институтов, пожалуй, единственное, что, с точки зрения Всемирного банка, претерпело довольно противоречивую динамику в годы правления ПСР. Усиление авторитарных тенденций в Турции, очевидно, нашло отражение в снижении оценок выборности, отчетности и эффективности правительства. Индекс восприятия коррупции изменился несущественно.

Таблица 9

Показатели социальной защищенности

	2002 г.	2016 г.
1. Доля расходов на медицинское социальное страхование в общем объеме расходов правительства на здравоохранение	...	68,2 (2016)
2. Доля расходов на социальное страхование и социальную помощь в общем объеме расходов правительства	19,7	29,6

Подсчитано по: http://www.tuik.gov.tr/PreTablo.do?alt_id=1084; http://www.tuik.gov.tr/PreTablo.do?alt_id=Economic Report 2004. Ankara, 2005. S. 85; Ekonomik Rapor 2017. Ankara, 2018. S. 104.

Среди показателей социальной защищенности динамику удалось проследить лишь по одному – доле расходов на социальное страхование и социальную помощь в общем объеме расходов правительства. Рост этого показателя более чем на 10 процентных пунктов подтверждает уже отмеченное обстоятельство – превращение социальной помощи в важное направление социальной политики ПСР.

Далее, посредством проведения некоторых международных сравнений проведем более объективную оценку достижений Турции в следовании пути инклюзивного роста. В число стран для сравнения включим Республику Корея, которая, во-первых, как отмечалось выше, являет пример эффективной реализации модели инклюзивного роста. Во-вторых, Южная Корея часто рассматривается в Турции как страна-прототип, к повторению достижений которой следует стремиться. Кроме того, из базы Азиатского банка развития были выбраны еще три страны, которые так же, как и Турция, относятся к числу

стран с растущими рынками и более или менее сопоставимы с Турцией по численности населения и достигнутому уровню развития (см. табл. 10).

Таблица 10

**Показатели численности населения и благосостояния
по странам выборки**

Страна	Численность населения, 2017, млн. чел.	ВВП на душу населения (текущие цены)	ВВП на душу населения (по ППС, долл. 2011 г.)
Турция	80,7	10,540	25,193
Республика Корея	51,5	29,742	35,938
Филиппины	104,9	2,989	7,599
Таиланд	69,0	6,593	16,277
Малайзия	31,6	9,944	26,808

Составлено по: <http://worldbank.org/table/2.1>; <https://worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.CD?view=chart>; <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GNP.MKTP.KD?view=chart>

Итак, рассмотрим систему показателей, следуя уже известной схеме.

Таблица 11

**Общие базовые показатели бедности и неравенства
по странам выборки (показатели, связанные
с уровнем дохода)**

	Турция	Республика Корея	Филиппины	Таиланд	Малайзия
1. Доля населения, живущего ниже национального уровня черты бедности, %	1,6 (2016)	16,5***** (2012)	25,2 (2012)	13,2 (2012)	1,7 (2012)
2. Доля населения, живущего на менее чем 2 долл. в день (2 долл. 15 центов, %)	0,06 (2015)	...	41,5	4,1 (2010)	2,3 (2009)

***** Доля населения, доход которого ниже 50% среднего уровня.

Окончание таблицы 10

3. Отношение дохода/потребления 20% наиболее богатых к доходу/потреблению 20% наиболее бедных	7,6	5,5 (2013)	8,3 (2009)	6,9 (2010)	11,3 (2009)
---	-----	---------------	---------------	---------------	----------------

Составлено по: <http://www.tuik.gov.tr/UstMenu.do?metod=temelist>; <http://wdi.worldbank.org/table/1.1>; Framework of Inclusive Growth Indicators 2014. Key Indicators for Asia and the Pacific. Special Supplement. 4TH Edition. Manila. Asian Development Bank, 2014. P. 64–66.

Турция имеет достаточно низкие показатели распространения бедности. Что же касается разницы в доходах между наиболее бедными и богатыми долями населения, то менее существенна из группы рассматриваемых стран она лишь в Корее.

Таблица 12

Общие базовые показатели бедности и неравенства по странам выборки (показатели, не связанные с уровнем дохода)

Показатели, не связанные с уровнем дохода	Турция	Республика Корея	Филиппины	Таиланд	Малайзия
1. Распространенность недостаточности веса среди детей до 5 лет, %	9,8 (2008–2015)	...	20,2 (2011)	9,2 (2012)	11,9 (2011)
2. Смертность среди детей до 5 лет на 1000 человек	14 (2015)	4 (2012)	30 (2012)	13 (2012)	9 (2012)

Составлено по: <http://www.tuik.gov.tr/UstMenu.do?metod=temelist>; <http://wdi.worldbank.org/table/1.1>; Framework of Inclusive Growth Indicators 2014. Key Indicators for Asia and the Pacific. Special Supplement. 4th Edition. Manila. Asian Development Bank, 2014. P. 67–72.

Турция имеет сравнительно малые масштабы распространности недостаточности веса среди детей раннего возраста, правда, данные по Республике Корея отсутствуют. Что касается показателей детской смертности, то худшие по сравнению с Турцией показатели имели только Филиппины.

Ниже в продолжение сравнительного анализа рассмотрим систему показателей экономического роста и расширения экономических возможностей, а также показатели социальной включенности (инклюзивности) и социальной защищенности по Турции и странам выборки (см. табл. 13–16).

Таблица 13

**Показатели экономического роста и расширения
экономических возможностей по странам выборки**

	Турция	Республика Корея	Филиппины	Таиланд	Малайзия
<i>Экономический рост и занятость</i>					
1. Среднегодовые темпы роста ВВП на душу населения, рассчитанного по ППС (%), постоянные цены 2011 г., долл. США)	4,35 (2012–2017)	3,0 (2007–2012)	3,2 (2007–2012)	3,2 (2007–2012)	2,8 (2007–2012)
2. Уровень занятости (доля занятых в общей численности населения, %)	35,0 (2017)	24,9 (2012)	40,7 (2012)	46,6 (2012)	35,7 (2012)
3. Число самозанятых и семейных работников на 100 наемных работников	42,7 (2016)	36,1 (2008)	71,7 (2012)	122,4 (2012)	28,5 (2012)
<i>Ключевые показатели развития инфраструктуры</i>					
4. Потребление электричества в расчете на душу населения (kWh)	3,14 (2016)	10,1 (2011)	0,647 (2011)	2,316 (2011)	4,246 (2011)
5. Число абонентов сотовых телефонов на 100 человек	92 (2015)	111 (2013)	104,5 (2013)	138,0 (2013)	144,7 (2013)

Составлено по: World Development Indicators 2006. Wash., 2006. P. 296, 300; <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=2&series=NY.GDP.PCAP.PP.KD&country=İstatistiklerle Türkiye> 2015. Ankara, 2016. S. 36, 38, 56, 61; Türkiye İstatistik Yıllığı 2005. Ankara, 2006. S. 154, 160,

198; Framework of Inclusive Growth Indicators 2014. Key Indicators for Asia and the Pacific. Special Supplement. 4th Edition. Manila. Asian Development Bank, 2014. P. 73–79.

Таблица 14

**Показатели социальной включенности (инклюзивности),
обеспечивающие равный доступ к экономическим
возможностям по странам выборки**

Показатели социальной включенности (инклюзивности), обеспечивающие равный доступ к экономическим возможностям	Турция (2016)	Республика Корея	Филиппины	Таиланд	Малайзия
<i>Доступность и расходы на образование и здравоохранение</i>					
1. Численность обучающихся в расчете на одного преподавателя (начальная школа)	18	18 (2012)	31 (2009)	16 (2012)	12 (2011)
2. Уровень охвата вакцинацией среди детей первого года жизни (DTP3, %)	98 (дети в возрасте 12–23 месяцев)	99 (2012)	86 (2012)	89 (2012)	99 (2012)
3. Число врачей, медсестер и акушерок на 10 000 человек населения	17,3 (2003) 25,0 (2014)	70,9 (2012)	69,1 (2004)	24,8 (2010)	43,6 (2010)
4. Доля расходов на образование в общем объеме расходов правительства, %	13,1	16,3 (2013)	16,5 (2013)	19,0 (2013)	21,5 (2013)
5. Доля расходов на здравоохранение в общем объеме расходов правительства, %	4,9 (2016, рассчитано как доля расходов на здравоохранение в общем объеме расходов центрального правительства)	1,0 (2013)	2,9 (2013)	9,6 (2013)	7,7 (2013)

Окончание таблицы 14

<i>Доступ к основной инфраструктуре и услугам</i>					
6. Доля населения, имеющего доступ к использованию электричества	100 (2015)	...	70,2 (2011)	99,0 (2011)	99,5 (2011)
7. Доля населения, имеющего доступ к качественной питьевой воде	100 (2015)	98 (2012)	92 (2012)	96 (2012)	100 (2012)
8. Доля населения, живущего в достойных санитарных условиях	95 (2015)	100 (2012)	74 (2012)	93 (2012)	96 (2012)
<i>Гендерное равенство</i>					
9. Гендерное соотношение обучающихся в системе начального образования*****	(2015–2016) 1,01	2012 0,99	2009 0,98	2013 0,95	2012 1,00
10. Гендерное соотношение обучающихся в системе среднего образования*****	1,02 (2015–2016)	0,99 (2012)	1,08 (2009)	1,06 (2012)	1,03 (2012)
11. Гендерное соотношение обучающихся в системе высшего образования*****	0,90 (2015–2016)	0,75 (2012)	1,24 (2009)	1,34 (2013)	1,03 (2012)

Составлено по: <http://wdi.worldbank.org/table/2.7>; <http://wdi.worldbank.org/table/2.14>; http://www.tuik.gov.tr/PreTablo.do?alt_id=1084; World Development Indicators 2017. Wash., 2017. P. 58; World Development Indicators 2006. Wash., 2006. P. 106; İstatistiklerle Türkiye 2015. Ankara, 2016. S. 16, 22, 36; Türkiye İstatistik Yılı 2005. Ankara, 2006. S.93,109, 154; Ekonomik Rapor. Ankara, 2017. S.113; Framework of Inclusive Growth Indicators 2014. Key Indicators for Asia and the Pacific. Special Supplement. 4th Edition. Manila. Asian Development Bank, 2014. P. 80–93.

***** Отношение общего уровня охвата девочек (девушек) к общему уровню охвата данной ступенью образования мальчиков (юношей).

Таблица 15

Уровень управления и состояния институтов по странам выборки

	Турция (2016)	Республика Корея (2012)	Филиппины (2012)	Таиланд (2012)	Малайзия (2012)
Выборность и отчетность	-0,6	0,7	0,0	-0,3	-0,3
Эффективность правительства	0,0	1,2	0,1	0,2	1,0
Индекс восприятия коррупции (standart error)	0,1	0,5	-0,6	-0,3	0,3

В таблице представлены стандартные оценки показателей управления, ранжируемые от -2,5 до 2,5, притом что более высокие показатели соответствуют лучшим результатам управления.

Источник: <http://databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=Worldwide-Governance-Indicators>.

Составлено по: Framework of Inclusive Growth Indicators 2014. Key Indicators for Asia and the Pacific; Special Supplement. 4th Edition. Manila. Asian Development Bank, 2014. P. 95.

Таблица 16

Показатели социальной защищенности по странам выборки

Показатели социальной защищенности	Турция (2016)	Республика Корея	Филиппины	Таиланд	Малайзия
1. Доля расходов медицинского социального страхования в общем объеме расходов правительства на здравоохранение	68,2 (2016)	79,5 (2012)	28,3 (2012)	10,1 (2012)	0,9 (2012)
2. Доля расходов на социальное страхование и социальную помощь в общем объеме расходов правительства	29,6 (2016)	24,6 (2013)	8,4 (2013)	8,8 (2013)	3,4 (2013)

Составлено по: <http://wdi.worldbank.org/table/2.7>; <http://wdi.worldbank.org/table/2.14>; http://www.tuik.gov.tr/PreTablo.do?alt_id=1084; Framework of Inclusive Growth Indicators 2014. Key Indicators for Asia and the Pacific. Special Supplement. 4th Edition. Manila. Asian Development Bank, 2014. P. 94.

Анализ данных таблиц 13–16 позволяет сделать любопытные выводы. Во-первых, лишь в редком случае Турции удалось приблизиться к показателям Республики Корея, которая по большинству показателей инклюзивного роста не только обгоняет Турцию, но и уверенно лидирует среди пятерки рассматриваемых государств. Турция и Корея демонстрируют одинаковую численность учащихся начальной школы в расчете на одного преподавателя, близкие показатели охвата вакцинацией детей в возрасте до одного года и близкие показатели доли расходов на социальное страхование и социальную помощь в общем объеме расходов правительства. Турция несколько превосходит Корею по соотношению девушек и юношей, обучающихся в вузах. Но при этом Корея имеет более чем четырехкратное превосходство численности медицинского персонала на 10 тыс. жителей, в три раза более низкие показатели смертности среди детей раннего возраста, трехкратное превосходство по потреблению электричества в расчете на душу населения, более современную структуру занятости.

Но отставание Турции от страны-прототипа до некоторой степени ожидаемо. Более неожиданным является тот факт, что Турция далеко не всегда являлась лидером среди других сравниваемых стран. Особенно близкие показатели, а в некоторых случаях и превосходящие, демонстрировала Малайзия, которой, например, удалось обойти Турцию по душевому потреблению электричества, распространенности сотовой телефонной связи, численности медицинского персонала в расчете на 10 тыс. жителей, доле расходов на образование от общих расходов правительства, соотношению девушек и юношей в системе высшего образования и продемонстрировать самые низкие показатели среди пяти стран по незащищенной занятости.

При этом, что касается остальных сравниваемых стран, для них в целом характерно отставание от Турции, но далеко не тотальное. Так, Турция занимает предпоследнее место по численности медицинского персонала на 10 тыс. населения, последняя по доле расходов на образование в общем объеме расходов правительства, на предпоследнем месте по соотношению девушек и юношей в системе высшего образования (характерно, что на последнем месте как раз Республика Корея (0,75), лидер Таиланд – 1,34). При этом

Всемирный банк присвоил Турции худшие показатели по эффективности управления и состоянию институтов, что в определенной степени означает ограниченность перспектив дальнейшего движения вперед в направлении инклюзивного роста.

При этом Турция – безусловный лидер по доле расходов на социальное страхование и социальную помощь в общем объеме расходов правительства, что при относительно скромных успехах по комплексу показателей инклюзивного развития, по всей видимости, в ряде ситуаций свидетельствует о его «догоняющем» характере, по крайней мере по отношению к странам выборки.

Таким образом, проведенное сопоставление до некоторой степени нивелирует значение успехов, достигнутых Турцией в социально-экономическом развитии, указывая на то, что принимаемые меры, скорее, направлены на то, чтобы не допустить глобального отставания Турции от наиболее динамично развивающихся стран с растущими рынками по показателям инклюзивного роста, нежели на то, чтобы обеспечить ей выход на лидирующие позиции.

¹ Acemoglu D., Robinson J.A. Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty. New York, 2012. P. 89–90.

² Ibid. P. 87–90.

³ Ekonomik Rapor 2011. Ankara, TOBB, 2012. S. 92.

⁴ Erdogan S. Sosyal politikada Değişim ve Sosyal Güvenlik Reformu// AKP Kitabı. Bir Dönüşümün Bilançosu. Ankara, 2009. S. 677.

⁵ Republic of Turkey. Pre-Accession Economic Programme 2012–2014. Ankara, 2012. P. 85. URL: http://ec.europa.eu/economy_finance/international/enlargement/pre-accession_prog/pep/2012-pep-turkey_en.pdf

⁶ Yeni Türkiye Yolunda Daima Adalet Daima Kalkınma. 7 Haziran Genel Seçimleri Seçim Beyannamesi. Ankara, AKP, 2015. S.76-80/ URL: <http://www.akparti.org.tr/upload/documents/2015-secim-beyannamesi-20nisan.pdf>

⁷ Точное название Фонда в переводе – Фонд социальной помощи и поощрения солидарности (Sosyal Yardımlaşma ve Dayanışmayı Teşvik Fonu).

⁸ Duyulmuş C.U. Social Security Reform in Turkey: Different usages of Europe in shaping the national welfare reform. Paper Prepared for the RC 19 Conference. August, 2009.

⁹ Hacımahmutoğlu H. Türkiye'deki Sosyal Yardım Sisteminin Değerlendirilmesi. DPT-Uzmanlık Tezleri. Ankara, 2009.S. 126.

¹⁰ Geleceğin Türkiye'sini İnşa Ediyoruz. TOKİ Kurum Profili 2010-2011. Ankara: T.C. Başbakanlık. Toplu Konut İdaresi Başkanlığı, 2011. S. 22.

¹¹ См. официальный сайт Администрации по делам жилищного строительства: URL: <http://www.toki.gov.tr/faaliyet-ozeti>

¹² Bakirezer G., Demirer Y. Ak Partinin Sosyal Siyaseti /AKP Kitabı. Bir Donusumun Bilancosu. Ankara, 2009. S. 175.

И. А. Свистунова*

**НЕМУСУЛЬМАНСКИЕ МЕНЬШИНСТВА
В СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ
(на примере греческой, армянской
и иудейской общин)**

Резюме: Турецкое общество включает в себя немусульманские меньшинства, проживающие на территории Турции на протяжении многих столетий. В статье рассмотрено положение трех наиболее значимых немусульманских общин, на которые распространяются положения Лозаннского мирного договора. Исследование данной тематики расширяет представления о социальных процессах в Турции.

Ключевые слова: Турция, немусульманские меньшинства, религиозные меньшинства, Лозаннский мирный договор.

Summary: Turkish society includes non-Muslim minorities, which have been living in this area for many centuries. The article deals with the status of the most important non-Muslim communities, regulated by the Lausanne Treaty. Researches on this issue promote a better understanding of social processes in Turkey.

Key words: Turkey, non-muslim minorities, religious minorities, Lausanne peace treaty.

Турецкое общество неоднородно с точки зрения своего этнического и конфессионального состава и включает в себя немусульманские меньшинства, проживающие на этой территории на протяжении многих столетий. Создание Турецкой Республики

* Свистунова Ирина Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИМЭМО РАН.

в 1923 г. заложило новые основы существования данных групп населения, отличные от той системы миллетов, которая была принята в Османской империи. Хотя следует упомянуть, что принципиальная трансформация системы миллетов началась еще в XIX в., когда под влиянием стран Запада османское правительство предписало христианам провести церковную реформу и включить мирян в управление церковным имуществом¹. Установление республиканского строя внесло кардинальные изменения в социальную жизнь страны, отразившись и на положении немусульманских меньшинств.

Наиболее значимые в историческом контексте и наиболее консолидированные на современном этапе немусульманские меньшинства Турции – православные греки, армяне и иудеи. В статье будет рассмотрено современное положение этих трех общин, которые смогли наиболее полно воспользоваться возможностями, предоставляемыми меньшинствам. Стоит упомянуть, что помимо них в Турции имеются такие различные с точки зрения своего исторического присутствия и численности немусульманские группы, как ассирийцы, католики, протестанты, православные арабы, несториане, марониты, бахаисты, иеговисты, езиды, а в последние десятилетия – православные общины русских, украинцев и других выходцев из Восточной Европы.

Сведения о численности различных групп немусульманских меньшинств носят приблизительный характер, поскольку переписи населения в Турции не отражают этническую принадлежность граждан и официальные цифры появляются крайне редко. Только в 2008 г. турецкая газета «Миллиет» со ссылкой на доклад, подготовленный Министерством иностранных дел Турции и направленный в парламент, обнародовала данные о численности трех рассматриваемых групп населения. Согласно приведенным сведениям, в Турции насчитывается:

- от 3 до 4 тыс. православных греков, по большей части проживающих в Стамбуле;
- 60 тыс. армян (григориан, католиков и протестантов), из которых в Стамбуле проживает 45 тыс. человек;
- 25 тыс. иудеев, 22 тыс. из которых живут в Стамбуле².

По данным ежегодного американского «Доклада о религиозной свободе в мире в 2017 г.», эти цифры выглядят следующим образом:

- православные греки – 2 тыс. человек;
- армянская община – 90 тыс. человек (60 тыс. – граждане Турции, 30 тыс. – выходцы из Армении, проживающие в Турции);
- иудеи – 16 тыс. человек³.

Представляется, что приведенные выше данные в целом отражают динамику изменения численности немусульманских меньшинств в Турции, население которой составляет 81 млн человек⁴. Судя по заявлениям представителей самих меньшинств, во всех трех группах наблюдается тенденция к сокращению количества их членов.

В частности, по словам заместителя патриарха армяно-григорианской церкви в Турции архиепископа Арама Атешьяна, смертность в общине превышает рождаемость, и в 2015 г. было совершено 268 крещений и 501 отпевание⁵. Другие представители армянского меньшинства также отмечают постепенное снижение своей численности, не носящее пока катастрофического характера. Среди причин убыли общины выделяют эмиграцию, смешанные браки, а также случаи перехода в ислам⁶.

Любопытные сведения об армянской общине Турции были представлены на конференции, посвященной проблеме национальной идентичности армян в XXI в., которая состоялась в октябре 2016 г. в Стамбуле. Один из докладчиков – Х. Папазян – выделил три группы среди проживающих в Турции армян⁷. К первой, наиболее многочисленной, группе относятся турецкие армяне-христиане, исторически жившие на этой территории. Ключевым фактором самоидентификации для них служит христианское вероисповедание и принадлежность к Армянской Апостольской церкви. Вторую группу составляют армяне-христиане – выходцы из Армении. В основном это мигранты постсоветского периода, которые приехали в Турцию по экономическим причинам. Для них краеугольным камнем самоидентификации является Армения, с которой они связывают идею сохранения национальной культуры и традиционных ценностей. К третьей группе относятся армяне-мусульмане – потомки тех,

кто приняли ислам в османский период. Им свойственна ретроспективная национальная идентичность, при которой большое значение уделяется историческому прошлому, а также акцентирование своей этнической принадлежности, сохранение памяти о том, что предки носили армянские имена.

По мнению Х. Папазяна, отношения между тремя группами имеют непростой характер. Армяне – выходцы из Армении – нередко работают у турецких армян, в том числе в их домах. В связи с этим их взаимоотношения подвержены влиянию социальных факторов, принадлежностью к «разным классам», что порождает определенные стереотипы восприятия и своего рода «конкуренцию» национальных идентичностей. Что касается армян-мусульман, то они мало контактируют с двумя вышеупомянутыми группами своих единоплеменников. Армяне-мусульмане жалуются на то, что сталкиваются в турецком обществе с двойным отрицанием своей этнической принадлежности. С одной стороны, их единоверцы – турецкие мусульмане – не придают ей никакого значения, с другой стороны, их единоплеменники – турецкие армяне считают несовместимыми ислам и армянство⁸.

Что касается православной греческой общины, то она, несмотря на свою малую численность, остается важным элементом культурного разнообразия Турции. По некоторым данным, порядка 1,5 тыс. членов православной общины Стамбула – выходцы из турецкой провинции Антакья (историческая Антиохия), которые стали переселяться сюда, начиная с 1960-х гг., в основном по экономическим причинам⁹. Некоторые переселенцы были движимы стремлением дать своим детям возможность получить образование в соответствии с православными традициями в одной из греческих школ Стамбула. По некоторым оценкам, доля учащихся – выходцев из Антакьи – в греческих школах Стамбула в 1999 г. составляла 31,09 %, а в 2006 г. – уже 46,5 %¹⁰.

Часть мигрантов из Антакьи составляют этнические арабы православного вероисповедания. Некоторые из них живут в Стамбуле уже во втором или даже третьем поколении и не говорят по-арабски, полностью перейдя на турецкий язык. Однако тот факт, что старшие поколения в их семьях считали родным языком арабский, служит для представителей этой группы, при-

надлежащей к православной греческой общине, тем признаком, по которому они отличают себя от своих единоверцев – этнических греков. В целом переселенцы из Антаки живут в более скромных материальных условиях, чем коренные православные жители Стамбула, и нередко работают сторожами и смотрителями в греческих школах или православных храмах.

Стоит отметить, что порядка 50 тыс. греков, родившихся в Турции, или их детей, проживают в Греции. Большей частью это переселенцы, покинувшие страну после греческого погрома в Стамбуле в сентябре 1955 г., а также в связи с событиями на Кипре 1960-х – 1970-х гг., вызвавшими межэтническую напряженность в Турции. Трагическим эпизодом в истории православной общины стало решение турецких властей 1964 г. о депортации из страны греков, постоянно проживавших в Турции, но имевших греческое гражданство. Современные исследователи связывают эти шаги с попыткой оказать давление на Грецию по вопросу Кипра¹¹. Аннулировав в одностороннем порядке турецко-греческое соглашение 1930 г., согласно которому граждане Греции могли проживать в Турции, турецкие власти выслали из страны 8600 греков. Большинство из них имело супругов и детей, которые были гражданами Турции. По этой причине число православных греков, которые были вынуждены покинуть Стамбул, оказалось намного больше¹². В конце 2013 г. – в преддверии пятидесятой годовщины депортации – в Турции вышел художественный фильм «Изгнание» («Sürgün»), в котором рассказывается о событиях тех дней, о трагедии людей, которым внезапно было предписано покинуть страну в течение 48 часов, взяв с собой лишь 20 кг личных вещей и 200 лир (20 долларов)¹³.

Таким образом, во второй половине XX века численность православной греческой общины в Турции стала стремительно уменьшаться. Если в 1955 г. православная община насчитывала 80 тыс. человек, то к 1960 г. она сократилась до 65 тыс., а к 1965 г. – до 48 тыс. человек¹⁴. По данным, которые приводят другие исследователи, эти цифры выглядели еще более драматично: в 1955 г. численность православной общины составляла 105 тыс. человек, а в 1975 г. – уже всего 5 тыс.¹⁵ В последующие годы отток населения продолжился. На современном этапе турецкое

руководство признало за переселенцами право на возвращение на родину, как об этом заявил премьер-министр Р.Т. Эрдоган в ходе визита в Грецию в 2010 г.¹⁶

В 2017 г. Общество поддержки фондов греческой общины (RUMVADER) сообщило о том, что за десять лет в Стамбул вернулось около 200 греков¹⁷. Проект «Возвращение в Стамбул» пользуется поддержкой государственного Управления по делам турок за рубежом и родственных сообществ. Это объясняется тем, что православное греческое меньшинство сталкивается с угрозой исчезновения более, чем армяно-григорианская и иудейская общины.

Сокращение численности иудеев в Турции связывают с конфликтом в турецко-израильских отношениях, который с различной интенсивностью продолжается с 2009 г. по настоящее время. В условиях напряженности между двумя странами некоторые представители иудейского меньшинства принимают решение уехать из Турции. В феврале 2018 г. информационное агентство «Спутник Турция» со ссылкой на израильский «Седьмой канал» (Arutz Sheva) сообщило, что за первые девять месяцев 2017 г. 350 турецких иудеев переехали в Израиль, в то время как за аналогичный период 2016 г. число переселенцев составило 164 человека¹⁸. Пресс-секретарь иудейской общины Турции Дениз Сапорта признал, что приведенные цифры выглядят правдоподобно, хотя точные данные отсутствуют¹⁹.

Представляет интерес вопрос о восприятии Турции со стороны членов иудейской общины. Турецкоязычная газета «Шалом» пишет о том, что турецкие иудеи воспринимают тюркизм как культурный союз и со времен Ататюрка «думают по-турецки, считают по-турецки, ругаются по-турецки и видят сны на турецком»²⁰. В 2000 г. в культурном центре «Неве Шалом» в Стамбуле состоялось обсуждение вопроса о самовосприятии турецких иудеев. Присутствовавший на мероприятии Денис Ожалво выделил четыре различных подхода, озвученных участниками дискуссии:

1. Все граждане Турецкой Республики – турки, все имеют одинаковые обязанности и наделены равной ответственностью.
2. Мы – турки иудейского вероисповедания.

3. Мы – гости в Турции, поэтому не может идти речи о равных правах.

4. Мы – граждане Турецкой Республики, мы евреи иудейского вероисповедания²¹.

В то же время глава иудейской общины Турции Силвио Овадья в интервью турецкой газете «Хюррийет» в феврале 2009 г. отметил, что у общины никогда не было проблем с проведением богослужений. Однако он выразил огорчение случаями отношения к иудеям в Турции как к иностранцам, в то время как они выполняют все гражданские обязанности, включая службу в турецкой армии, а также интегрированы в турецкую культуру. В качестве примера С. Овадья привел тот факт, что свободное владение евреем турецким языком может вызвать удивление в обществе. «А на каком же языке мне говорить, я ведь турок... Мы здесь не гости и не иностранцы, мы такие же граждане, как и все остальные», – заметил Овадья²².

Немусульманские меньшинства исторически владели в Турции различным недвижимым имуществом: храмами, школами, больницами. Упомянувшийся выше доклад турецкого МИД (2008 г.) представляет следующую картину наличия у меньшинств собственности²³.

У православной греческой общины имеется 108 храмов (богослужения проводятся в 90 храмах), 75 фондов и одна больница в Стамбуле. На греческом языке выходят две газеты. Общине принадлежит 15 начальных школ и 6 лицеев, находящихся в Стамбуле. В них проходят обучение 217 учащихся, работают 103 преподавателя.

Армянской общине принадлежат 43 церкви (33 из них в Стамбуле), 52 фонда и две больницы. Издаются пять газет и один журнал. У общины имеется свой детский сад, 17 школ и пять лицеев. Общее число учащихся, которые получают образование на армянском языке, – 2 тыс. 906 человек, их обучением занимаются 488 преподавателей.

Иудейской общине принадлежат 18 фондов и две больницы в Стамбуле, для богослужений открыты 36 синагог. Издаётся газета на иврите и турецком. У общины есть детский сад, школа и лицей. Общее число детей, посещающих эти заведения,

составляет 522 человека, их обучением занимаются 76 преподавателей и воспитателей.

Основным юридическим документом, который определяет положение и права немусульманских меньшинств в Турции, служит Лозаннский мирный договор 1923 г. Меньшинствам посвящены статьи с 37-й по 45-ю²⁴, входящие в раздел «Политические вопросы». Этот договор, который подвел итоги Первой мировой войны для Турции, является международным и многосторонним, что придает вопросу о меньшинствах особую специфику. С одной стороны, это накладывает на Анкару некие международные обязательства. Так, в статье 37-й договора говорится о том, что Турция не будет принимать никакие законодательные акты, противоречащие положениям Лозаннского мирного договора, касающимся меньшинств. С другой стороны, положения договора носят достаточно общий, рамочный характер, что ставит меньшинства в зависимость от национального законодательства и открывает возможности для разночтений.

Лозаннский мирный договор предоставляет турецким немусульманам равные с мусульманами гражданские и личные права. Согласно указанным статьям договора, турецкое государство обещает всем своим гражданам защиту жизни и свободы, а также право на исповедование своей веры и беспрепятственное использование родного языка в частной и религиозной жизни, торговле, прессе, печати, в общественных собраниях и в устных выступлениях перед судом. Немусульманским меньшинствам предоставляется свобода передвижения и такие же гражданские и политические права, как и мусульманам. Немусульмане и мусульмане равны перед законом и имеют право поступать на государственную службу. Немусульманские меньшинства имеют равные с мусульманами права создавать на свои средства любые благотворительные, религиозные, социальные учреждения, школы и другие учебные заведения, управлять ими, использовать в них свои родные языки и практиковать свои религиозные верования. При этом государство обязалось защищать храмы и кладбища меньшинств и не заставлять немусульман совершать действия, которые противоречат их вере и обычаям.

Механизм контроля за действиями турецких властей был прописан только в отношении семейного права (статья 42-я). Решением возникающих вопросов должны были заниматься особые комиссии, составленные из представителей государства и меньшинства. В случае недовольства принятым решением немусульмане могли инициировать созыв комиссии с участием европейских держав. В реальности этого никогда не происходило.

В целом договор брал под защиту немусульманские меньшинства, уравнивая их в правах с мусульманским большинством. Вместе с тем лаицистские преобразования М. К. Ататюрка и его последователей отражались и на положении немусульманских меньшинств, ограничивая их религиозные права. Оспорить это меньшинствам было невозможно не только из-за отсутствия какого-то действенного механизма арбитража, но также по причине того, что в Лозаннском мирном договоре прописано предоставление немусульманам равных с другими гражданами прав. Ограничение религиозных свобод мусульман со стороны государства затрагивало и немусульманские группы населения, при этом формально турецкие власти Лозаннского мирного договора не нарушали.

Известный турецкий исследователь Баскын Оран, который в одной из своих работ подробно анализирует положения Лозаннского мирного договора, посвященные меньшинствам, отмечает, что по различным причинам некоторые его статьи никогда не выполнялись²⁵. Он указывает на статью 41-ю, где говорится, что в районах компактного проживания меньшинств власти обязаны обеспечить в начальных классах государственных школ преподавание на языках, понятных детям-немусульманам. Здесь же содержится положение о частичном финансировании образовательных, религиозных и благотворительных учреждений немусульман со стороны государственных фондов и муниципальных властей.

Положения статьи 42-й, согласно которой государство обязалось при решении вопросов семейного права и личного статуса немусульман руководствоваться традициями, принятыми в данной общине, были упразднены с принятием в 1926 г. нового Гражданского кодекса, который отменил обязательное религиозное освящение бракосочетаний. В тот момент государство ставило перед собой задачу понизить роль мусульманских рели-

гиозных традиций в обществе. Сохранение подобных прав за немусульманами могло усилить недовольство противников лаицистских реформ. В связи с этим в 1925 г., накануне введения нового кодекса, турецкие власти добились созыва специальных комитетов представителей меньшинств, которые заявили об отказе немусульман от своих прав на автономию по вопросам семейного законодательства.

Б. Оран считает этот шаг государства нелегитимным, поскольку в Лозаннском мирном договоре не прописана возможность подобного «отказа от прав», но, напротив, указано, что положения договора не подлежат аннулированию. К тому же права, предоставляемые меньшинствам, являются личными, поэтому, по мнению Орана, никакой комитет не мог отказаться от этих прав от лица всего сообщества²⁶.

Свидетельством того, что полного уравнивания прав различных конфессиональных групп не произошло, служат события периода Второй мировой войны, когда турецкие власти ввели налог на имущество с целью улучшить финансовое положение страны. При определении порядка взимания налога, введенного в конце 1942 г., плательщики были разделены на четыре группы: мусульмане, немусульмане, обращенные в ислам, подданные других государств. Долевое соотношение групп плательщиков налога в Стамбуле выглядело так: мусульмане – 7%, немусульмане – 87%, две другие группы – 6%²⁷. Закон о налоге на имущество предусматривал штрафы за неуплату в срок и даже ссылку неплательщиков в трудовые лагеря. В итоге в 1943 г. немусульмане начали массово продавать недвижимость в Стамбуле, чтобы иметь возможность уплатить налоги. 67% проданной собственности было куплено мусульманами, еще 30% – подконтрольными государству структурами (банками, страховыми компаниями и т. д.)²⁸.

Отсутствие четкого регулирования отдельных вопросов статуса немусульманских меньшинств в Турции время от времени приводит к возникновению неоднозначных ситуаций. Так, в 2007 г. Кассационный суд Турции вынес решение о том, что Константинопольская патриархия не является «вселенской», обладает религиозными полномочиями только в отношении гре-

ческого меньшинства и не имеет права претендовать на духовную власть за пределами Турции²⁹. Обсуждение этого вопроса продолжилось и в последующие годы как в прессе, так и на политическом уровне. В мае 2010 г. тогдашний премьер-министр Р. Т. Эрдоган, находясь с визитом в Афинах и отвечая на вопросы журналистов, сказал, что лично у него не вызывает озабоченности использование патриархом исторического титула «вселенский»³⁰. Вслед за этим турецкий министр по вопросам евроинтеграции Эгемен Багыш заявил, что «вопрос о том, как верующим обращаться к патриарху, не могут решать представители другой религии»³¹. Э. Багыш также подчеркнул, что «в османское время к этому титулу относились с уважением»³². Несмотря на это, вопрос об историческом титуле Константинопольского патриарха продолжает оставаться темой для дискуссий, поскольку не имеет никакого юридического закрепления в турецком законодательстве.

В качестве другого примера можно привести ситуацию с армянской общиной, которая с 2008 г. фактически остается без патриарха. После того как выяснилось, что патриарх Месроп II неизлечимо болен и не может исполнять свои обязанности, был избран и утвержден турецкими властями заместитель патриарха. Несколько попыток Синода армянской церкви, уставшей от длительного отсутствия у нее патриарха, избрать себе нового главу были заблокированы турецкими властями. Власти Стамбула заявили, что, согласно историческим традициям, выборы могут состояться только в случае кончины или добровольной отставки предыдущего патриарха³³. Отсутствие юридически зафиксированного в турецком законодательстве порядка избрания глав немусульманских меньшинств создает почву для разногласий между общинами и властями.

Как упоминалось выше, еще с османских времен меньшинства имеют собственные учебные заведения. По закону 1924 г. все учебные заведения в Турции, включая школы меньшинств и иностранные школы, были подчинены Министерству национального образования. Вместе с тем немусульмане сохранили значительную автономию в управлении школами, которые играли роль центров национальной культуры.

Но в 1971 г. Конституционный суд Турции принял решение о передаче частных высших школ государству. Это было сделано с целью контроля над образованием в условиях широкого распространения различного рода частных учебных заведений. С тех пор немусульманские меньшинства лишены возможности самостоятельно подготавливать священнослужителей, которые вынуждены получать образование за рубежом. В 1999 и в 2006 гг. турецкое руководство предлагало начать обучение немусульманского духовенства на факультете теологии Стамбульского университета. Однако для меньшинств неприемлема постановка духовного образования под контроль мусульман, в связи с чем проблема остается нерешенной.

С точки зрения закона турецкие немусульмане имеют равные с мусульманами возможности для участия в политике, в том числе могут баллотироваться в депутаты Великого национального собрания Турции. Каких-то квот для представителей меньшинств не существует, поэтому они могут участвовать в выборах только на общих основаниях. По данным турецкого новостного портала Би-би-си Тюрк в период с 1935 по 1964 г. в турецкий парламент был избран 21 депутат-немусульманин (члены православной греческой, армяно-григорианской и иудейской общин)³⁴. Они представляли различные партии (наибольшее число – Демократическую партию) или выступали в независимом статусе.

С 1964 по 1996 г. депутатов-немусульман не было. Турецкий исследователь вопроса о меньшинствах Рыфат Бали связывает это с Кипрским кризисом 1964 г., одним из последствий которого стал рост негативного отношения в Турции к православному греческому меньшинству, распространившийся и на другие меньшинства. По мнению Бали, при выдвижении представителя меньшинств кандидатом в депутаты в фокусе внимания турецких избирателей оказывается именно его конфессиональная принадлежность, а не профессиональный опыт и достижения. Политические партии не могут не учитывать этот аспект, поэтому не слишком охотно выдвигают кандидатами немусульман. Да и сами представители меньшинств в большинстве случаев предпочитают дистанцироваться от политических партий³⁵.

С 1996 г. по настоящее время в турецком парламенте было представлено шесть депутатов немусульман. В 1996 г. был избран депутатом от Партии верного пути иудей Джефи Джозеф Камхи. В 2011 г. – независимый депутат ассириец Эрол Дора. В 2015 г. в парламент прошли три депутата-армянина, представлявших Партию справедливости и развития, Народно-республиканскую партию и Демократическую партию народов. По итогам выборов 2018 г. в турецкий парламент вошел один депутат армянского происхождения от ДПН Гаро Пайлан.

Турецкие власти регулярно проводят протокольные встречи с представителями немусульманских меньшинств. В частности, в 2012 г. министр иностранных дел А. Давутоглу встречался в Стамбуле с главами немусульманских меньшинств Турции. В 2015 г. Давутоглу провел аналогичную встречу, будучи в должности премьер-министра. Он выступил с призывом осудить исламофобию, которая нарастает в Европе, а также любую дискриминацию по религиозному признаку. «Мы все члены одной большой семьи. Мы никогда не делали различий между нашими гражданами... И в дальнейшем мы будем опираться на принцип равенства граждан», – пообещал премьер-министр³⁶.

В августе 2018 г. представителей немусульманских меньшинств во дворце Долмабахче принял пресс-секретарь президента Р.Т. Эрдогана Ибрагим Калын³⁷. Поводом для встречи стало совместное заявление глав немусульманских меньшинств Турции, в котором они опровергли появившиеся в обществе слухи о том, что общины подвергаются какому-то давлению. В документе, который был опубликован в турецкой прессе, говорилось, что немусульманские меньшинства свободно осуществляют свои религиозные ритуалы и любые заявления о давлении на них безосновательны. Проблемы и сложности, с которыми им приходилось сталкиваться в прошлом, уже получили свое решение, а по всем возникающим вопросам ведутся консультации с властями³⁸.

Для руководства Турции позитивная повестка дня в отношениях с немусульманскими меньшинствами важна с точки зрения диалога с Евросоюзом. В этом контексте государство принимает участие в реставрации отдельных религиозных объек-

тов, принадлежащих различным общинам. Так, в январе 2018 г. Р.Т. Эрдоган вместе со своим болгарским коллегой Б. Борисовым принял участие в церемонии открытия после длительного ремонта болгарской церкви Святого Стефана («Железной церкви»), которая расположена на берегу Золотого Рога. Турецкий президент подчеркнул, что за последние годы при содействии государства были отреставрированы 15 религиозных объектов, в том числе православные церкви Святого Николая на острове Гекчеада и Святого Георгия в Стамбуле (район Эдирнекапы), церкви в Газиантепе и Айвалыке, ассирийская католическая церковь в Искендеруне, армянская протестантская церковь в Диярбакыре, а также Большая синагога в Эдирне³⁹. «Мы убеждены в том, что государство обязано обеспечить каждому свободу исполнения религиозных обрядов, какую бы веру он ни исповедовал», – заявил Эрдоган⁴⁰.

Очевидно, что руководство ПСР все более усваивает имперский тип мышления, который предполагает сохранение в обществе различных этнических и религиозных групп. Кроме того, акцентирование своей толерантности к немусульманским меньшинствам необходимо Анкаре для поддержания диалога с Евро-союзом.

В заключение можно отметить, что ограничения в отношении прав и свобод турецких немусульман были вызваны несколькими основными причинами:

1. Секуляризацией турецкого общества, которая вела к уменьшению роли религии в общественной жизни. Задачей преобразований было ограничение влияния ислама, вытеснение религии из политики, но реформы неизбежным образом затронули и положение немусульманских меньшинств.

2. Процессом строительства в Турции единой нации, что предполагало определенную степень нивелирования культурных различий между этническими группами.

3. Влиянием внешнеполитических проблем: отношениями Турции с такими странами, как Греция, Израиль, Армения. Государство и общество нередко «распространяло» на этнические группы свое недовольство политикой соответствующих государств.

На современном этапе турецкое руководство стремится уделять больше внимания положению немусульманских меньшинств, однако ряд сложностей и нерешенных вопросов сохраняется. Прежде всего, это связано с нечеткостью положений Лозаннского мирного договора, который вовсе не затрагивает некоторые аспекты, связанные с меньшинствами, в частности вопрос о статусе глав религиозных общин. Какой-либо пересмотр договора не представляется возможным, поскольку это международный документ, который был подписан в конкретных исторических условиях. По этой причине решение проблем, с которыми сталкиваются немусульманские общины, останется непростой задачей.

Немусульманские меньшинства являются неотъемлемой частью культурно-исторического ландшафта Турции. Сокращение численности этих меньшинств можно считать вопросом, требующим самого пристального внимания турецкого руководства, которое уже принимает некоторые меры в отношении возвращения на родину вынужденных переселенцев из православной греческой общины. Процесс изменения баланса между исламом и лаицизмом, происходящий в Турции в последние годы, в целом расширяет роль религиозного фактора в обществе, что, без сомнения, должно наделять и немусульманские меньшинства новыми возможностями проявления своей конфессиональной идентичности.

¹ См.: Герд Л.А. Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М., 2006. С. 36–54.

² Dışişleri: Azınlık sayısı 89 bin // Milliyet Gazetesi. 12.12.2008. URL: <http://www.milliyet.com.tr/disisleri--azinlik-sayisi--font-color--red~--bin--font--siyaset-1027207/> (дата обращения – 19.11.2018).

³ 2017 Uluslararası Dini Özgürlükler Raporu – Türkiye // ABD Ankara Büyükelçiliği. Resmi İnternet Sitesi. URL: <https://tr.usembassy.gov/tr/2017-uluslararasi-dini-ozgurlukler-raporu-turkiye/> (дата обращения – 20.11.2018).

⁴ Adrese Dayalı Nüfus Kayıt Sistemi Sonuçları // Türkiye İstatistik Kurumu. URL: <http://www.tuik.gov.tr/HbGetirHTML.do?id=27587> (дата обращения – 28.01.2019).

⁵ Ermeni toplumunun nüfusu azalıyor, kronik erimeye çözüm aranıyor // Agos Gazetesi. 08.09.2016. URL: <http://www.agos.com.tr/tr/yazi/16493/ermeni-toplumunun-nufusu-azaliyor-kronik-erimeye-cozum-araniyor> (дата обращения – 26.01.2019).

⁶ Ibid.

- ⁷ Türkiye'deki üç farklı Ermeni kimliği // Agos Gazetesi. 17.10.2016. URL: <http://www.agos.com.tr/tr/yazi/16758/turkiye-deki-uc-farkli-ermeni-kimligi> (дата обращения – 18.11.2018).
- ⁸ Türkiye'deki üç farklı Ermeni kimliği // Agos Gazetesi. 17.10.2016. URL: <http://www.agos.com.tr/tr/yazi/16758/turkiye-deki-uc-farkli-ermeni-kimligi> (дата обращения – 18.11.2018).
- ⁹ Kaymak, Özgür. Beylunioğlu, Anna Maria. Çelişkili Kimlikler: İstanbul'da yaşayan Antakyalı Ortodoksların etnik/dini aidiyet algıları // Ankara Üniversitesi SBF Dergisi. Cilt 73, No. 4, 2018. S. 962.
- ¹⁰ Yılmaz, Simeon. Antakyalı Rum Ortodoksların İstanbul'daki Bugünü ve Yarını // İstanbul Rumları. Bugün ve Yarın. İstanbul: İstos yayın, 2012. S. 228–229.
- ¹¹ См.: Türk Dış Politikası. Kurtuluş Savaşından Bugüne Olgular, Belgeler, Yorumlar. Cilt 1. 1919 – 1980. Editör Baskın Oran. İstanbul: İletişim Yayınları, 2012. S. 732–733.
- ¹² Ibid.
- ¹³ Sürgün – 1964 Yunan Tehciri // <http://blog.milliyet.com.tr/surgun~1964-yunan-tehciri/Blog/?BlogNo=472935>
- ¹⁴ Deri, Mehmet. Türkiye'de Azınlıklar ve Azınlık Okulları. İstanbul: IQ Kültür Sanat Yayıncılık, 2009. S. 60.
- ¹⁵ Yücel, Hakan. İstanbul'da Rum Olmak, Atina'da Rum Kalmak / URL: <https://www.sosyalbilimler.org/istanbulda-rum-olmak-atinada-rum-kalmak/> (дата обращения – 31.01.2019).
- ¹⁶ Başbakan Yunan medyasıyla atıştı // Radikal Gazetesi. 16.05.2010. URL: <http://www.radikal.com.tr/yorum/basbakan-yunan-medyasiyla-atisti-997007/> (дата обращения – 23.01.2019).
- ¹⁷ İstanbul'a geri dönen Rumlar: Uçaktan inince hiç ayrılmamış hissettim; çocukluğumu buldum // T24 İnternet Gazetesi. 15 Ekim 2017. URL: <https://t24.com.tr/haber/istanbula-geri-donen-rumlar-ucaktan-inince-hic-ayrilmamis-hissettim-cocuklugumu-buldum,464982> (дата обращения – 23.01.2019).
- ¹⁸ Türkiye Yahudileri İsrail'e gidiyor // Sputnik Türkiye. 06.02.2018. URL: <https://tr.sputniknews.com/turkiye/201802061032127294-turkiye-yahudileri-goc-israil/> (дата обращения – 22.01.2019).
- ¹⁹ Ibid.
- ²⁰ Türk Yahudi Kimliği üzerine deneme // Şalom Gazetesi. 28.03.2012. URL: http://www.salom.com.tr/haber-82171-turk_yahudi_kimligi_uzerine_deneme.html (дата обращения – 28.01.2019).
- ²¹ Ibid.
- ²² Türk Yahudi Cemaati Başkanı da konuştu // Hürriyet Gazetesi. 02.02.2009. URL: <http://www.hurriyet.com.tr/gundem/turk-yahudi-cemaati-baskani-da-konustu-10906729> (дата обращения – 29.01.2019).
- ²³ Dışişleri: Azınlık sayısı 89 bin // Milliyet Gazetesi. 12.12.2008. URL: <http://www.milliyet.com.tr/disisleri--azinlik-sayisi--font-color--red~--bin--font--siyaset-1027207/> (дата обращения – 19.11.2018).
- ²⁴ Lausanne Peace Treaty. Article 37-45 // Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. Official Website. URL: http://www.mfa.gov.tr/lausanne-peace-treaty-part-i_-political-clauses.en.mfa (дата обращения – 24.11.2018).
- ²⁵ Oran, Baskın. Lozan'da azınlıkların korunması // Toplumsal Tarih. Temmuz 2003. Sayı 115. S. 74.

²⁶ Ibid. S. 77.

²⁷ Deri, Mehmet. Türkiye'de Azınlıklar ve Azınlık Okulları. İstanbul: IQ Kültür Sanat Yayıncılık, 2009. S. 56.

²⁸ Ibid. S. 57.

²⁹ Yargıtay kararı: Patrikhane ekümenik değil // Radikal Gazetesi. 27.06.2007. URL: <http://www.radikal.com.tr/turkiye/yargitay-karari-patrikhane-ekumenik-degil-818211/> (дата обращения – 01.12.2018).

³⁰ Erdoğan ekümenik sözünün arkasında // Radikal Gazetesi. 16.05.2010. URL: <http://www.radikal.com.tr/yorum/erdogan-ekumenik-sozunun-arkasinda-997013/> (дата обращения – 15.11.2018).

³¹ Ibid.

³² Ibid.

³³ Turkey: Why Can't Armenians Elect a Patriarch? // March 9, 2018. URL: <https://armenianweekly.com/2018/03/09/turkey-cant-armenians-elect-patriarch/> (дата обращения – 26.01.2019).

³⁴ Sinan Onuş. 80 yılda 24 gayrimüslim milletvekili. 20 Nisan 2015 // URL: https://www.bbc.com/turkce/haberler/2015/04/150420_secim_gayrimuslim_adaylar (дата обращения – 15.12.2018).

³⁵ Ibid.

³⁶ Ayrımcılıklara karşı sesimizi yükseltelim // Hürriyet Gazetesi. 03.01.2015. URL: <http://www.hurriyet.com.tr/gundem/ayrimciliklara-karsi-sesimizi-yukseltelim-27884743> (дата обращения – 24.01.2019).

³⁷ Kalın, azınlık cemaatlerinin temsilcileriyle buluştu // Anadolu Ajansı. 01.08.2018. URL: <https://www.aa.com.tr/tr/turkiye/kalin-azinlik-cemaatlerinin-temsilcileriyle-bulustu/1219826> (дата обращения – 28.01.2019).

³⁸ Türkiye'deki azınlık cemaatlerinden ortak açıklama // Hürriyet Gazetesi. 31.07.2018. URL: <http://www.hurriyet.com.tr/gundem/son-dakika-turkiyedeki-azinlik-cemaatlerinden-ortak-aciklama-40914028> (дата обращения – 24.01.2019).

³⁹ Demir Kilise açıldı! Erdoğan'dan flaş AB mesajı... // Milliyet Gazetesi. 07.01.2018. URL: <http://www.milliyet.com.tr/demir-kilise-aciliyor-siyaset-2586508/> (дата обращения – 31.01.2019).

⁴⁰ Demir Kilise açıldı // Yeniçağ Gazetesi. 07.01.2018. URL: <https://www.yenicaggazetesi.com.tr/demir-kilise-acildi-181242h.htm> (дата обращения – 31.01.2019).

В. В. Цибенко*
(Ростов-на-Дону)

ПОЛИТИЗАЦИЯ ЭТНИЧЕСКИХ МЕНЬШИНСТВ В ТУРЦИИ НА ПРИМЕРЕ ЧЕРКЕСОВ

Резюме: В статье рассматривается политизация черкесской диаспоры в Турции под влиянием таких факторов как непризнание черкесов меньшинством, этнический характер турецкого национализма, а также развитие в стране дискурса прав человека. Благодаря политизации и борьбе за символическое прошлое черкесский национальный проект начинает входить в противоречие с доминирующим турецким. При этом попытки сменить этнический характер турецкого национализма на гражданский приводят к обострению общественных страхов в отношении сепаратизма и ужесточению общественно-политической риторики в отношении этнических меньшинств.

Ключевые слова: Турция, национализм, этнические меньшинства, черкесы.

Summary: In the present article, we discussed the politicization of the Circassian diaspora in Turkey under the influence of such factors as the non-recognition of Circassians as a minority, the ethnic character of Turkish nationalism, as well as the development of human rights discourse in the country. Due to the politicization of Circassians and the struggle for a symbolic past, the Circassian national project starts to conflict with the dominant Turkish one. At the same time, attempts to change the ethnic national model in Turkey lead to the aggravation of public fears against separatism and toughening of social and political rhetoric against ethnic minorities.

Key words: Turkey, nationalism, ethnic minorities, Circassians.

* Цибенко Вероника Витальевна – кандидат исторических наук, директор Центра междисциплинарных гуманитарных исследований Южного федерального университета

Одним из главных вызовов для любого многонационального государства является развитие на его территории альтернативных национальных проектов. Для Турции наиболее известным и хорошо изученным примером является курдский, однако в последние годы стремительно повышается значимость черкесского нациестроительства.

Черкесы, по разным оценкам, составляют от 200–500 тыс. (турецкие источники)¹ до 2–12 млн (черкесские источники)², т. е. от 0,25 до 15% населения Турции. При этом американские данные на 2008 г., собранные Центром США по Всемирной миссии (USCWM), говорят о 910 тыс. черкесов в Турции³. Такая разница в цифрах объясняется отсутствием официальной статистики и вариативностью подходов к подсчету количества черкесов.

В Турции по настоящее время сохраняются черкесские анклавы, сформированные в ходе массовых переселений мусульман с Кавказа в XIX – первой половине XX в. и внутренних миграций в пределах Османской империи и Турецкой Республики. Кроме того, черкесы веками попадали в Малую Азию в ходе работорговли – они традиционно занимали важное место в гаремах и среди военной элиты. В результате помимо турецких граждан с выраженной черкесской самоидентификацией в современной Турции проживает значительное, но не поддающееся точному подсчету количество турок с черкесскими корнями, которые при определённых обстоятельствах начинают считать себя черкесами по бабушкиной или дедушкиной линии (феномен «мерцающей» идентичности).

При этом под черкесами в Турции (Çerkes, Çerkez), как правило, понимаются не адыги (кабардинцы, адыгейцы, черкесы, шапсуги), как в России, а все мусульмане – представители северокавказских народов, в том числе чеченцы, ингуши, дагестанцы, карачаевцы, балкарцы, ногайцы, а также осетины и абхазы. С развитием этими группами в Турции собственных национальных проектов часть из них отделилась от черкесской диаспоры, однако до сих пор основным критерием отнесения к черкесам является не строго этническая принадлежность, а самоидентификация. В этой связи в черкесской диаспоре в Турции наблюдается вариативность национальных проектов, вклю-

чающих как этнические, так и «суперэтнические» (этнорегиональные)⁴ формы национализма.

При этом основное отличие черкесского национального движения в Турции от курдского заключается в том, что оно не выдвигает территориальных требований или требований культурной автономии в отношении турецких властей. Тем не менее набирающая темпы национальная мобилизация черкесов Турции ведёт к их стремительной политизации. Данные процессы актуализируют ряд сложных для турецкого общества вопросов: кто такие турецкие черкесы, каковы их место и роль в общественно-политической жизни страны?

Ответы на данные вопросы не столь очевидны и зависят от множества факторов как объективного, так и субъективного характера. Прежде всего, на восприятие (в том числе – самовосприятие) черкесов влияет политическая конъюнктура, задаваемая особенностями доминирующего в Турции национального проекта.

Так, на заре основания Турецкой Республики черкесы не получили статуса меньшинства, поскольку границы внутри турецкого общества ещё проходили по линии религиозных общин – миллетов. Именно это слово было использовано и для обозначения турецкой нации (*Türk milleti*)⁵.

В ходе Лозаннской конференции глава турецкой делегации Исмет-паша (впоследствии – второй президент Турции Исмет Инёню) заявил, что в стране отсутствует какое-либо меньшинство мусульман, поскольку между различными элементами мусульманского населения Турции нет разделения⁶. На предложение же министра иностранных дел Великобритании лорда Керзона предоставить статус меньшинства черкесам Исмет-паша ответил отказом: «Черкесы – наши родные братья. Мы не можем рассматривать их отдельно от нас, как христиан или евреев, мы не можем отделять их»⁷.

В итоге по Лозаннскому мирному договору 1923 г. меньшинствами были признаны только те, кто относился к немусульманским группам в Турции – греки, армяне, евреи. Данное восприятие сохраняется в Турции по настоящее время, в результате чего черкесские, как и курдские, граждане⁸, не считаются этническим или национальным меньшинством (*azınlık*).

В то же время в последние десятилетия на турецкое общество серьезно повлиял западный дискурс о правах меньшинств. Он стал особенно значимым после получения Турцией статуса страны-кандидата на вступление в ЕС в 1999 г., что сопровождалось принятием на себя обязательств по Копенгагенским критериям (включая положения об уважении и защите прав меньшинств)⁹.

Спустя десять лет существенные преобразования в общественно-политической обстановке под влиянием процесса евроинтеграции сделали реальностью казавшиеся ранее невозможными изменения для курдских и черкесских граждан – запуск круглосуточного государственного телеканала на курдском языке и полурасовых новостных передач на черкесском (кабардинском); разрешение на возвращение оригинальных топографических названий и агитации на нетурецком языке, расширение применения родных языков, в том числе в системе образования.

Важно отметить, что данный процесс демократических инициатив проходил под лозунгами «братства» (*kardeşlik*) и «национального единства» (*milli birlik*) в контексте общего неоимперского дискурса¹⁰, а вовсе не западного дискурса прав человека.

Следующим важным аспектом является то, что с начального периода существования Турецкой Республики турецкий гражданско-территориальный национализм парадоксальным образом носил выраженный этнический характер, что проявлялось в попытке этнокультурной гомогенизации населения и внедрении комплекса мер по ассимиляции граждан нетюркского происхождения¹¹.

Основное внимание уделялось языковой сфере – разворачивались кампании по вытеснению из публичного пространства нетюркских языков (тюркские считались диалектами турецкого), вводились запреты и штрафы¹². В области религии запускались проекты тюркизации ислама и христианства¹³, имевшие первостепенной целью борьбу с нетурецким культурным влиянием. Инициировались масштабные программы, обосновывавшие историко-культурное родство граждан Турции (например, «Турецкий исторический тезис»).

На черкесах это отразилось самым непосредственным образом: уже в первые годы существования Турецкой Республики

были закрыты их организации, занимавшиеся этнокультурной и образовательной деятельностью, уничтожены архивы и книги. Многие черкесские политические лидеры подверглись преследованиям или были изгнаны из страны¹⁴, 14 черкесских поселений (около 6 тыс. черкесов) были насильственно расселены для облегчения ассимиляции¹⁵. Вскоре под запретом оказались черкесские фамилии, топографические названия, родной язык, национальные костюмы¹⁶.

Отсутствие у черкесов закреплённого статуса меньшинства и последовательная тюркизация привели к распространению в Турции восприятия черкесов как тюркской группы и одновременно как части турецкой нации. Причём это представление разделяется и частью самих турецких черкесов, многие из которых даже примкнули к ультранационалистическим турецким движениям (например, «Серым волкам»)¹⁷.

Ещё одним важным аспектом, влияющим на восприятие черкесов в Турции, является специфика турецкого национализма, который можно отнести к выделенному В. Я. Белокреницким типу «подданнического национализма», характеризующемуся «безусловной подчиненностью общества носителям власти»¹⁸. Следует добавить, что в основе такой «подданнической» модели лежит бинарная оппозиция двух ключевых концептов – лояльности и предательства (государственной измены). Именно в этом ракурсе турецкое общественное мнение реагирует на проявления черкесского (как и курдского) национализма.

Все указанные факторы – непризнание черкесов меньшинством, этнический и подданнический характер турецкого национализма, а также развитие в Турции дискурса прав человека – задали основные направления политизации черкесов, которая получила возможность проявиться только в 2010-е гг.

Так, в 2011 г. ведущая организация черкесской диаспоры Федерация кавказских ассоциаций (KAFFED) сформулировала «демократические требования» черкесов, которые включают пункты о защите и сохранении идентичности и культурных прав; введении образования на родном языке; учреждении государственного теле- и радиоканала на черкесском языке; поддержке черкесских НКО; подготовку новой, «демократи-

ческой», конституции Турции¹⁹. Данные требования стали основой для широкомасштабной политической мобилизации черкесов.

Сама постановка требований свидетельствует о том, что черкесы восприняли западный дискурс прав человека, чему способствовало участие черкесских организаций в различных программах ЕС и европейских структур по взаимодействию с гражданским обществом в Турции.

Например, KAFFED участвовала в «Программе стратегического планирования и развития ресурсов», осуществляемой в рамках проекта ЕС по «Технической поддержке организаций гражданского общества» (TACSO)²⁰; в конференциях по диалогу Турции – ЕС, включающих встречи европейских представителей с представителями турецких НКО²¹; в семинарах по дискриминации, финансируемых Делегацией ЕС в Турции и Конгрессом США²². Также представители KAFFED обсуждали «демократические требования» черкесов Турции с представителями посольства США в Турции²³.

Кроме того, важное влияние на политизацию черкесов оказало курдское национальное движение. Как указывает Н. З. Мосаки, именно широкое распространение в Турции курдских националистических настроений повлияло на рост черкесского этнического самосознания, поскольку «курды выступали с общедемократических (даже “радикально-демократических”) позиций в отношении других этнических групп, полагая, в частности, что право на учебу на родном языке и его более широкое использование должно быть предоставлено не только курдам, но и другим меньшинствам, населяющим Турцию»²⁴. Вдобавок к этому, курдские организации открыто выражали поддержку черкесским национальным требованиям в Турции²⁵.

Однако серьезные коррективы внесла важность для черкесов концепта «лояльности», поскольку маркирование курдского национализма в массовом общественно-политическом дискурсе Турции как «сепаратизма» (*bölücülük*) породило стремление черкесского национального движения дистанцироваться от курдского. Широкому порицанию как пособники терроризма подвергались черкесы-социалисты, участвующие в деятельности левых

прокурдских организаций или поддерживающие прокурдские политические силы.

Показательным с точки зрения лояльности и типичным является один из комментариев в официальной группе KAFFED в социальной сети «Facebook» относительно прокурдской Демократической партии народов (ДПН): «У нас не может быть с этими предателями родины, называемыми ДПН, ничего общего, мы не поднимем восстания на землях, где едим хлеб и находим пристанище, мы не будем сепаратистами, не станем стрелять в полицию. Если кто и будет, то он предатель и не из нас»²⁶.

Одновременно меры правительства по разрешению «курдского вопроса» спровоцировали не только дистанцирование, но и конкуренцию со стороны черкесов. Так, в 2011 г. в качестве реакции на «курдскую инициативу» турецкого правительства от 2009 г.²⁷ сформировалось движение «Инициатива черкесских прав», открыто выдвигавшее требования начать по подобию курдской «черкесскую инициативу», в частности открыть государственный телеканал на черкесском языке в формате 24/7.

В 2014 г. на основе «Инициативы черкесских прав» была зарегистрирована первая черкесская партия – Партия плюралистической демократии (ППД), – публично противопоставившая черкесов курдам²⁸. Её председатель и основатель Кенан Каплан заявил, что новая партия будет заниматься защитой прав всех этнических меньшинств Турции, кроме курдов. При этом партия «отказывается от категоризации меньшинств по религиозному признаку: мусульманские и немусульманские»²⁹.

Создание партии обосновывалось Капланом следующим образом: «Черкесский вопрос был вопросом политическим. Наши требования были политическими требованиями... чтобы борьба за существование черкесов достигла цели, единственной возможностью является создание политической организации, массовая политизация и формирование идентичности»³⁰.

Естественно, стремительная политизация черкесов вызвала реакцию турецкого общества и властей. В частности, после первого митинга «Инициативы черкесских прав» с требованием открыть государственный телеканал на черкесском языке пре-

зидент Турции Р. Т. Эрдоган провел параллели с курдами, сказав ставшую крылатой фразу: «Теперь и черкесы начали!»³¹.

В тот же день известный турецкий журналист черкесского происхождения Мурат Бардакчи отметил, что встретил новость о митинге с удивлением и стыдом. По его словам, Турция времен султана Абдульазиза «раскрыла объятия» черкесам, спасавшимся от кровавого завоевания Кавказа Россией, предоставила переселенцам еду, кров, работу и даже высокие государственные должности. Они же, в свою очередь, отвечают неблагодарностью: «Браво! Тогда уж вы бы создали организацию и политическую партию и потребовали независимости! По меньшей мере, что-то наподобие “Черкесской Автономии” или “Черкесской федерации”?»³². Когда же партия действительно была создана, Бардакчи в 2015 г. обвинил черкесов в «бесстыдстве». Он отметил, что обучением родному языку должны заниматься семьи, а не государство, и предложил черкесам выдвигать свои требования не к Турции, а к России³³. В ответ другой черкесский журналист повторил популярную среди черкесов фразу, отсылающую к участию черкесов в образовании Турецкой Республики: «Когда мы отдавали жизни за эту родину, мы не знали турецкого языка. Родина спасена, но теперь мы не знаем нашего родного языка»³⁴.

Следует отметить, что публичные негативные высказывания в отношении черкесов становятся триггером запущенного демократизацией процесса их стремительной политизации. Болезненная реакция черкесов на негативные высказывания в их адрес в публичном пространстве продуцирует новый виток национальной мобилизации и приводит к борьбе в символической плоскости в турецких медиа.

Так, в феврале 2018 г. черкесские организации выступили против негативизации роли черкесов в турецкой истории в телесериале «Ты моя родина» (известного телеканала «Kanal D») об образовании Турецкой Республики, в котором один из героев, дагестанец, был представлен предателем. Черкесы потребовали от сценариста, продюсера и продюсерского центра извинений перед северокавказским обществом и исправления «неприемлемой ошибки»³⁵.

В октябре в другом телесериале того же телеканала героиня допустила некорректные высказывания в отношении черкешенок. Персонажи телесериала обсуждали девушку, рожденную матерью-черкешенкой вне брака и брошенную ею. В отношении девушки использовалась фраза «ее молоко испорчено», а также подчеркивалась черкесская красота матери и ее аморальное поведение.

Турецкие черкесы восприняли данные фразы как проявление дискриминации и расизма, оскорбление чести и достоинства черкешенок, потребовали немедленных извинений, прекращения показа сериала и даже закрытия телеканала. Были направлены коллективные жалобы в Высший совет по вопросам радио и телевидения (RTÜK). К протестам подключились политики черкесского происхождения, в результате чего вопрос был вынесен на уровень турецкого парламента. Хотя на телеканал был наложен штраф в 2% от месячного рекламного дохода, а руководство принесло извинения, этого оказалось недостаточным из-за продолжения показов телесериала (в том числе и серии со скандальными высказываниями). В результате последовали многочисленные обращения в суд и протестные митинги, собиравшие до нескольких тысяч черкесов³⁶.

Последним по времени событием такого противоборства в медийной сфере стали высказывания известного турецкого телеведущего Фатиха Алтайлы на телеканале «Habertürk» в декабре 2018 г. В выпуске вечерней авторской программы «Один на один», посвященном предстоящим в марте 2019 г. муниципальным выборам, Алтайлы отметил, что за 200 лет в Турцию прибыло множество переселенцев, но через некоторое время эти люди начинали «позиционировать себя как коренных» и заявлять о своих «правах». В качестве примера он привел «некоторых черкесов», посоветовав им ехать в Черкесию и там заниматься выдвижением своих демократических требований³⁷.

На эти слова незамедлительно последовала реакция черкесской диаспоры, посчитавшей их дискриминационными и разжигающими ненависть и вражду. Были направлены жалобы на журналиста в Администрацию Президента, Высшему совету Турции по радио и телевидению и руководству телеканала³⁸. Характерно,

что вместо извинений Алтайлы заявил, что имел в виду только тех черкесов, которые пытаются разделить общество³⁹.

Важно отметить, что во всех трёх описанных случаях черкесы не только порицали медиа за расизм, но они также требовали пересмотра роли черкесов в исторической парадигме Турции с признанием их в качестве государствообразующего элемента.

Так, например, черкесы увидели в персонаже дагестанца-предателя отсылку к личности Этхема-черкеса (1880(6)–1949(50)), вошедшего в турецкие школьные учебники как «изменник черкес» за восстание против центральных властей в 1920 г. Исключение этого травмирующего черкесов сюжета, реабилитация Этхема как героя Национально-освободительной войны 1919–1923 гг. и перезахоронение в Турции его останков, сейчас находящихся в Иордании, входит в число первоочередных задач черкесского национального движения⁴⁰.

Также и слова Алтайлы, проведшего параллели между сирийскими беженцами в XXI в. и черкесскими переселенцами XIX–XX вв., опровергались черкесами с отсылкой к героической роли черкесов в создании Турецкой Республики. Указания же на красоту и «испорченность» черкесских женщин воспринимаются черкесами как оскорбление ввиду их подразумеваемой роли «живого товара» в Османской империи – тема, табуированная в современной черкесской диаспоре.

Эти примеры демонстрируют, как благодаря политизации черкесский национальный проект начинает входить в противоречие с доминирующим турецким в медийной сфере. Борьба черкесов за права меньшинств подкрепляется также и борьбой в символической сфере, посредством которой черкесы пытаются добиться пересмотра исторической политики Турции и даже самой её национальной модели. Выдвигая свои демократические требования, бойкотирова проявления турецкого националистического дискурса и выступая за плюралистическую демократию в Турции, черкесская диаспора фактически пытается сменить этнический характер турецкого национализма на гражданский.

Такие попытки приводят к обострению общественных страхов в отношении сепаратизма и ужесточению общественно-

политической риторики в отношении этнических меньшинств, а это, в свою очередь, порождает новый виток политизации последних. При этом основным сдерживающим фактором для черкесов выступает концепт лояльности как органическая часть подданического типа национализма.

¹ KONDA Araştırma ve Danışmanlık. Biz kimiz? Social Structure Survey [Электронный ресурс]. 2006. P. 25. URL: https://konda.com.tr/wp-content/uploads/2017/03/2006_09_KONDA_Social_Structure-1.pdf (дата обращения – 16.01.2019); Önder A.T. Türkiye'nin Etnik Yapısı. Ankara, 2011. P. 302.

² Çerkesler [Электронный ресурс] // Çerkes Araştırmaları. URL: <http://cerkesarastirmalari.org/cerkesler/> (дата обращения – 24.01.2019); Jane Ş. Çerkes Nüfusu İçin Yaklaşımlar [Электронный ресурс] // Cerkes.net. 2010. URL: www.cerkes.net/cerkes/index.php/ozel/makale/249-cerkesnufusu-icin-yaklasimlar.html (дата обращения – 18.01.2019).

³ Tafolar M. Amerikan vakfından etnik köken araştırması [Электронный ресурс] // Milliyet. 02.01.2009. URL: <http://www.milliyet.com.tr/amerikan-vakfindan-etnik-koken-arastirmasi-gundem-1041916/> (дата обращения – 18.01.2019).

⁴ Белокреницкий В.Я. Особенности национализма и наций-государств на Востоке, в исламском мире (пример Пакистана) // Нации и национализм на мусульманском Востоке. М., 2015. С. 19–20.

⁵ Binbinoğlu H. Millet-Ulus farkı ve bölücülük [Электронный ресурс] // Milliyet Blog. 17.02.2013. URL: <http://blog.milliyet.com.tr/millet-ulus-farki-ve-boluculuk/Blog/?BlogNo=402922> (дата обращения – 23.01.2019). Интересно отметить сходство с арабским национальным движением, выбравшим слово «умма» – мусульманская община – для обозначения нации современного, современного типа (см.: Орлов В. В. Самоотожествление в арабском мире: этническое, конфессиональное, национальное // Нации и национализм на мусульманском Востоке. М., 2015. С. 150–152).

⁶ Aydın Z. Lozanda Farklı Kökenlilere Tanınan Haklar [Электронный ресурс] // Bianet. Bağımsız İletişim Ağı. 01.11.2004. URL: <http://bianet.org/bianet/kultur/46222-lozanda-farkli-kokenlilere-taninan-haklar> (дата обращения – 23.01.2019).

⁷ Güsar V. Çerkez Kadınları Teavün Cemiyeti // Kafkasya Dergisi. 1975. № 48. S. 24–25.

⁸ Гаджиев А.Г. Проблемы национальных меньшинств в Турции (по материалам отчетов Еврокомиссии о прогрессе Турции на пути к членству) // Нации и национализм на мусульманском Востоке. М., 2015. С. 377.

⁹ Кудряшова Ю. С. Копенгагенские критерии и Турция // Востокведный сборник. Вып. 6. М., 2004. С. 118–131.

¹⁰ Аватков В. А. Неоосманизм. Базовая идеология и геостратегия Турции // Свободная мысль. 2014. № 3. С. 71–78; Цибенко В. В. Обыкновенный неоосманизм: османские очаги и янычары дворца // Арабские маршруты в азиатском контексте. СПб., 2016. С. 394–404.

¹¹ О политике тюркизации этнических меньшинств подробнее см.: Bali R.N. Resmî İdeoloji ve Gayrimüslim Yurttaşlar // Birikim. Ocak/Şubat 1998. № 105–106. S. 170–176.

¹² Подробнее см.: Шлыков В.И. Языковая политика кемалистов в раннереспубликанский период // Нации и национализм на мусульманском Востоке. М., 2015. С. 187–190.

- ¹³ Цибенко В. В. Национализация религии на примере проекта тюркизации ислама в Турции // История религии: материалы V Международной научно-практической конференции «Религия и история», Минск, 20–22 апреля 2017 г. Минск, 2018. С. 104–107; Иванова В. В. Стратегии включения гагаузов в тюрко-турецкое культурное пространство (XX–XXI вв.). Радловский сборник. СПб., 2013. С. 264.
- ¹⁴ Özoğlu H. From Caliphate to Secular State: Power Struggle in the Early Turkish Republic. Santa Barbara, 2011. P. 19–34.
- ¹⁵ Gönen-Manyas Çerkeslerinin Sürgünü [Электронный ресурс] // Kaffed Dernekleri Federasyonu. 15.06.2005. URL: <http://www.kaffed.org/bilgi-belge/tarih/item/203-gonen-manyas-cherkeslerinin-surgunu.html> (дата обращения – 19.01.2019).
- ¹⁶ Кушхабиев А. В. Проблемы репатриации зарубежных черкесов: история, политика, социальная практика. Нальчик, 2013. С. 39–40.
- ¹⁷ Подробнее об этом явлении см.: Özden M. Türk Irkçısı Çerkesler Üzerine [Электронный ресурс] // Özgür Çerkes. 01.08.2016. URL: <http://www.ozgurcerkes.com/?Syf=22&Mkl=900180&pt=Murat+%C3%96zden&T%C3%BCrk-Irk%C3%A7%C4%B1s%C4%B1-%C3%87erkesler-%C3%9Czerine> (дата обращения – 19.01.2019).
- ¹⁸ Белокреницкий В. Я. Особенности национализма и наций-государств на Востоке. С. 17–18.
- ¹⁹ Türkiye Çerkeslerinin Demokratik Talepleri [Электронный ресурс] // Kaffed Dernekleri Federasyonu. 05.12.2017. URL: <http://www.kaffed.org/kaffed/taleplerimiz/item/939-turkiye-cherkeslerinin-demokratik-talepleri.html> (дата обращения – 20.01.2019).
- ²⁰ KAFFED “Stratejik Planlama ve Kaynak Geliştirme Programı”na Katıldı [Электронный ресурс] // Kaffed Dernekleri Federasyonu. 20.01.2016. URL: <http://www.kaffed.org/haberler/federasyondan/item/2861-kaffed-%E2%80%9Cstratejik-planlama-ve-kaynak-geli%C5%9Ftirme-program%C4%B1%E2%80%9Dna-kat%C4%B1ld%C4%B1.html> (дата обращения – 20.01.2019).
- ²¹ KAFFED AB-Türkiye Diyalog Konferansı ve STK Fuarı’na Katıldı [Электронный ресурс] // Kaffed Dernekleri Federasyonu. 24.12.2015. URL: <http://www.kaffed.org/haberler/federasyondan/item/2845-kaffed-ab-t%C3%BCrkiye-diyalog-konferans%C4%B1-ve-stk-fuar%C4%B1-na-kat%C4%B1ld%C4%B1.html> (дата обращения – 20.01.2019).
- ²² KAFFED Uluslararası Ayrımcılık Konferansı’nda [Электронный ресурс] // Kaffed Dernekleri Federasyonu. 31.05.2018. URL: <http://www.kaffed.org/haberler/federasyondan/item/3561-kaffed-uluslararasi-ayrimcilik-konferansi-nda.html> (дата обращения – 20.01.2019).
- ²³ Türkiye Çerkeslerinin Demokratik Talepleri [Электронный ресурс] // Kaffed Dernekleri Federasyonu. 11.05.2011. URL: <http://www.kaffed.org/kaffed/taleplerimiz/item/939-turkiye-cherkeslerinin-demokratik-talepleri.html> (дата обращения – 20.01.2019).
- ²⁴ Мосаки Н. З. Позиция прокурдских организаций Турции в черкесском вопросе (по материалам курдоязычных СМИ) // Восток. 2017. № 2. С. 98.
- ²⁵ Çerkesya halklarının yaşadığı soykırımı unutmuyoruz [Электронный ресурс] // Halkların Demokratik Partisi. 21.05.2018. URL: <http://www.hdp.org.tr/tr/basin/basin-aciklamalari/cherkesya-halklarının-yasadigi-soykirimi-unutmuyoruz/12005> (дата обращения – 22.01.2019).
- ²⁶ Подробнее см.: Цибенко В. В. Северо-Западный Кавказ в политическом фокусе Турции в контексте парламентских выборов 2015 г. // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2015. № 5 (84). С. 60–61.

- ²⁷ Свистунов А. И. «Курдская инициатива» правительства Турции [Электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока. URL: <http://iimes.ru/rus/stat/2009/09-09-09b.htm> (дата обращения – 21.01.2019).
- ²⁸ Хотя этническая принадлежность в названии и уставе партии не указана в соответствии с турецкими ограничениями, она создана черкесами и ведёт агитацию только среди черкесов.
- ²⁹ Черкесы основали в Турции политическую партию [Электронный ресурс] // TRT-Русский. 23.01.2015. URL: <http://www.trt.net.tr/russian/turtsiia/2015/01/23/chierkiesy-osnovali-v-turtsii-politichieskuiu-partiiu-195535> (дата обращения – 20.01.2019).
- ³⁰ Çdp Genel Başkanı Kaplan: Çerkesler Görmezden Geliniyor [Электронный ресурс] // Haberler.com. 11.01.2015. URL: <https://www.haberler.com/cdp-genel-baskani-kaplan-cherkesler-gormezden-6857720-haberi/> (дата обращения – 20.01.2019).
- ³¹ Selçuk B. Şimdi de Çerkesler Başladı! [Электронный ресурс] // Özgür Çerkes. 03.11.2011. URL: <http://www.ozgurcerkes.com/?Syf=22&Mkl=235484> (дата обращения – 21.01.2019).
- ³² Bardakçı M. Bir "Çerkes açılımı" eksikti! [Электронный ресурс] // Habertürk. 03.11.2011. URL: <https://www.haberturk.com/yazarlar/murat-bardakci/609308-bir-cherkes-acilimi-eksikti> (дата обращения – 21.01.2019).
- ³³ Подробнее см.: Цибенко В. В. Северо-Западный Кавказ в политическом фокусе Турции. С. 60.
- ³⁴ Uğur F. PARTİ KURAN ÇERKES VE ARAPLAR NANKÖR MÜ? [Электронный ресурс] // Türkiye Gazetesi. 14.02.2015. URL: <https://www.turkiyegazetesi.com.tr/yazarlar/kuat-ugur/584833.aspx> (дата обращения – 22.01.2019).
- ³⁵ VATANIM SENSİN DİZİSİ ve KANAL D'ye KINAMA [Электронный ресурс] // Çerkes Dernekleri Federasyonu. 26.02.2018. URL: <http://www.cerkesfed.org/2018/02/26/vatanim-sensin-dizisi-ve-kanaldye-kinama/> (дата обращения – 23.01.2019).
- ³⁶ «Bir Umut Yeter» dizisi RTÜK'e ve TV Kanalına şikayet edildi [Электронный ресурс] // Kafkas Dernekleri Federasyonu. 08.11.2018. URL: <https://www.haberturk.com/tv/programlar/video/teke-tek-ozel-4-aralik-2018-secimin-kaderini-adaylar-mi-partilerin-gelistirecegi-taktik-ve-stratejiler-mi-belirleyecek/572536> (дата обращения – 23.01.2019); Bir Umut Yeter adlı dizideki, «Bunun sütü bozuk. Tam bir Çerkez kızı» sözleri Meclis gündeminde [Электронный ресурс] // T24. 11.10.2018. URL: <https://t24.com.tr/haber/bir-umut-yeter-adli-dizideki-bunun-sutu-bozuk-tam-bir-cherkez-kizi-sozleri-meclis-gundeminde,720864> (дата обращения – 23.01.2019); Çerkesler'den Kanal D'ye protesto: Ana sütü bozuk olmaz! [Электронный ресурс] // Demokrat Haber. 21.11.2018. URL: <https://www.demokrathaber.org/guncel/cherkesler-den-kanal-d-ye-protesto-ana-sutu-bozuk-olmaz-h108694.html> (дата обращения – 23.01.2019).
- ³⁷ Teke Tek – 4 Aralık 2018 (İttifaklar sandığa nasıl yansır?) [Электронный ресурс] // HT.TV. 05.12.2018. URL: <https://www.haberturk.com/tv/programlar/video/teke-tek-ozel-4-aralik-2018-secimin-kaderini-adaylar-mi-partilerin-gelistirecegi-taktik-ve-stratejiler-mi-belirleyecek/572536> (дата обращения – 23.01.2019).
- ³⁸ HABERTÜRK Yönetimi ve Fatih Altaylı, Çerkes Halkından Özür Dileyin! [Электронный ресурс] // Cherkessia. 08.12.2018. URL: <http://www.cherkessia.net/bakisacimiz.php?id=3420> (дата обращения – 23.01.2019); K. KAFKASYA STK'LARINDAN AÇIKLAMA: FATİH ALTAYLI'YI KINIYORUZ! [Электронный ресурс] // Çerkes Dernekleri Federasyonu. 09.12.2018. URL: <http://www.cerkesfed.org/2018/12/09/k-kafkasya-stklarindan-aciklama->

fatih-altayliyi-kiniyoruz/ (дата обращения – 23.01.2019); Teke Tek Programında Çerkeslere Yönelik Ayrımcı İfadeler Kullanılmasını Kınıyoruz [Электронный ресурс] // Kafkas Dernekleri Federasyonu. 07.12.2018. URL: <http://www.kaffed.org/haberler/federasyondan/item/3679-teke-tek-program%C4%B1nda-%C3%A7erkeslere-y%C3%B6nelik-ayr%C4%B1mc%C4%B1-ifadeler-kullan%C4%B1lmas%C4%B1n%C4%B1-k%C4%B1n%C4%B1yoruz.html> (дата обращения – 23.01.2019).

³⁹ Altaylı F. Bu eğitimle Türk mucizesi [Электронный ресурс] // HaberTürk. 08.12.2018. URL: <https://www.haberturk.com/yazarlar/fatih-altayli-1001/2252647-bu-egitimle-turk-mucizesi> (дата обращения – 24.01.2019).

⁴⁰ См., например: Salihoglu M.L. Çerkes Ethem'e resmen iade-i itibar [Электронный ресурс] // Yeni Asya. 21.09.2015. URL: <http://1cerkes.com/cerkes-etheme-iadei-itibar/> (дата обращения – 24.01.2019).

И. И. Иванова*

ТУРЦИЯ – ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ – РОССИЯ: ИЗМЕНЕНИЯ В КОНФИГУРАЦИИ ТРЕУГОЛЬНИКА

Резюме: В статье рассматриваются актуальные проблемы политики Турции в отношении государств Центральной Азии после распада СССР. Особый акцент сделан на развитии отношений в период правления Партии справедливости и развития (ПСР). Подчеркивается, что совместная работа на центральноазиатском направлении России и Турции, несмотря на наличие разнонаправленных, а порой и сталкивающихся интересов, не только возможна, но и продуктивна.

Ключевые слова: Центральная Азия, ШОС, российско-турецкое взаимодействие.

Summary: The article deals with topical problems of Turkish policy towards Central Asian states after the USSR dissolution. Special emphasis has been made on the development of relations during the AK Party's rule. Mutual interaction of Russia and Turkey in the Central Asian region apart from contradictions is possible and contributive.

Key words: Central Asia, SCO, Russian-Turkish interaction.

Распад СССР и образование на его месте независимых государств, в том числе пяти тюркских, было встречено в Турции с огромным воодушевлением, и на повестку дня был выведен вопрос об объединении тюрков под эгидой Турции, что стало одним из наиболее важных приоритетов внешнеполитической стратегии страны.

С начала 90-х гг. Турция прилагала максимум усилий для налаживания политических и торгово-экономических отноше-

* Иванова Инесса Ильинична – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН, доцент кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО(У) МИД РФ

ний с вновь образованными тюркскими государствами, выдвигала интеграционные инициативы.

Турецкий президент Т. Озал, премьер-министр С. Демирель, министр иностранных дел Х. Четин во время своих визитов в страны Центральной Азии выдвигали программу скорейшего объединения тюркских государств в рамках единого тюркского политического, экономического и культурного пространства¹. В январе 1992 г. в Министерстве иностранных дел Турции было создано специальное подразделение – Турецкое Агентство по сотрудничеству и развитию (Türk İşbirliği ve Kalkınma Ajansı – ТІКА), целью которого было оказание помощи соседним странам, в первую очередь тюркоязычным, для развития с ними сотрудничества в экономике, торговле, технической области, в образовательной и культурной сферах². Таким образом, политическая активность Турции сочеталась с конкретной деятельностью по установлению тесных экономических, культурных, научных и иных связей, с оказанием разносторонней помощи, включая гуманитарную и техническую. Большую активность проявлял и турецкий частный бизнес.

В середине 90-х гг. эйфория от возможных далеко идущих планов Турции в отношении Центральной Азии снизилась. И это объясняется рядом причин. Лидеров центральноазиатских стран стало все больше беспокоить желание Турции сыграть роль «большого брата». Как просчет турецкого МИД можно рассматривать заявление бывшего тогда министром иностранных дел Х. Четина в марте 1992 г. о том, что «Турция будет представлять интересы этих республик за рубежом». только Узбекистан согласился рассмотреть это предложение³. Несмотря на активность Турции, тюркские государства, получившие независимость, стремились развивать и укреплять свою национальную идентичность. Подчеркивалось, что чрезмерный акцент Турции на ее общности с тюркскими государствами вызвал негодование в Центральной Азии⁴.

Со второй половины 90-х гг. корпорации США, стран Евросоюза и Японии, а также некоторых «новых индустриальных стран» становятся ведущими деловыми партнерами государств Центральной Азии, конкуренция с которыми для турецких,

преимущественно маломощных, компаний была непосильной. Отпала нужда и в посреднических услугах Турции – контакты Запада со своими новыми азиатскими партнерами стали осуществляться напрямую.

На рубеже XX–XXI вв. торгово-экономические отношения Турции с центральноазиатскими странами оказались в серьезном кризисе – турецкий товарооборот сократился на треть: с 1306 млн долл. в 1997 г. он снизился до 873 млн долл.⁵, значительно уменьшилась численность турецких строительных фирм, промышленных и прочих предприятий. Причинами резкого спада деловой активности турецкого бизнеса были финансово-экономические кризисы 1998–1999 гг. и нестабильность в самой Турции. Экономическая рецессия, общее обострение социальных проблем вызвали рост общественного недовольства действиями власти, что привело Турцию к политическому кризису, за которым в ноябре 2002 г. последовали досрочные парламентские выборы и приход к власти правительства Партии справедливости и развития.

После прихода к власти в Турции в ноябре 2002 г. Партии справедливости и развития турецкое руководство принимает меры по восстановлению многостороннего сотрудничества со странами Центральной Азии. В программе правительства ПСР отмечалось неудовлетворительное состояние, в котором находились отношения с тюркоязычными государствами, в частности говорилось следующее: «Несмотря на историческую культурную и социальную близость с тюркскими республиками, сотрудничество с этими государствами не смогло оправдать ожиданий. Поэтому правительство приложит все усилия для улучшения этих отношений и превращения региона в арену тесного сотрудничества»⁶. Основной акцент в политике Турции был сделан на торгово-экономическом сотрудничестве, а не на попытках доминирования «в образовавшемся после распада СССР тюркском мире».

Уже в январе 2003 г. лидер ПСР Р. Т. Эрдоган, еще даже не ставший премьер-министром, посетил Туркменистан, Казахстан и Азербайджан. С одной стороны, этот шаг подтвердил заинтересованность Турции в развитии сотрудничества с тюркскими государствами, а с другой – показал, что страна подходит к

такому сотрудничеству прагматично – визит состоялся в республике, богатые энергоресурсами. В ходе визита в Туркменистан велись переговоры о продолжении сотрудничества двух государств в отраслях легкой промышленности, строительства, прокладке транспортных магистралей, а также транспортировке туркменских энергоносителей на мировые рынки. В Казахстане стороны пришли к общему мнению о необходимости увеличения товарооборота между странами. На переговорах Р. Т. Эрдогана и Н. Назарбаева особое место занял проект Баку – Тбилиси – Джейхан и вопросы транспортировки казахских энергоресурсов. То есть везде обсуждались экономические аспекты сотрудничества. В то же время на переговорах отмечался братский характер взаимоотношений, историческая и культурная близость⁷.

В апреле 2003 г. по инициативе Союза торговых, промышленных палат и торговых бирж Турции (ТОВВ) в Турции состоялась встреча председателей торгово-промышленных палат Турции, Азербайджана и Кыргызстана, в которой также приняли участие послы Узбекистана и Туркменистана в Турции. Выступая перед участниками встречи, премьер-министр Р. Т. Эрдоган подчеркнул, что после распада СССР отношения Турции с тюркскими республиками СНГ не смогли достичь желаемого уровня. Одним из основных средств исправления подобной ситуации Эрдоган назвал устранение проблем и препятствий, присутствующих в торговых и экономических отношениях между государствами. Именно на этой основе, по его мнению, может строиться стратегия долгосрочного сотрудничества⁸.

Весна 2003 г. была отмечена визитами в Турцию высокопоставленных лиц из Кыргызстана и Казахстана. Страну посетил премьер-министр Кыргызстана Танаев (13–15 мая), а затем президент Казахстана Н. Назарбаев (21–23 мая). На переговорах вновь были затронуты вопросы торгово-экономического сотрудничества, а также вопросы поддержания мира и стабильности в регионе. Турция подписала с этими государствами соглашения. Среди них: Договор о сотрудничестве в сфере строительства и План действий по осуществлению программы долгосрочного торгово-экономического сотрудничества с Кыргызстаном, Дого-

вор о долгосрочном торгово-экономическом сотрудничестве с Казахстаном⁹.

Череду визитов на высшем уровне продолжил премьер-министр Турции Р. Т. Эрдоган. В октябре 2003 г. он нанес официальный визит в Кыргызстан, в ходе которого заявил, что приветствует переход Кыргызстана к свободной рыночной экономике и что целью обеих стран является повышение уровня товарооборота с 40 млн долл. до 200 млн. Отдельно на переговорах была затронута тема реагирования на новые угрозы, прежде всего международного терроризма¹⁰.

В ноябре 2003 г. Р. Т. Эрдоган посетил Таджикистан, где на встречах с президентом Э. Рахмоновым и премьер-министром А. Акиловым были рассмотрены вопросы, связанные с повышением взаимного товарооборота и привлечения турецких инвестиций в развитие энергетики в республике. И наконец, в декабре 2003 г. Эрдоган нанес визит в Узбекистан и провел переговоры с президентом И. Каримовым, во время которых наряду с рассмотрением мер, необходимых для расширения двустороннего товарооборота, обсуждались вопросы региональной безопасности и укрепления взаимодействия в борьбе с международным терроризмом. По завершении переговоров стороны подписали Протокол о создании совместной экономической комиссии и Договор о сотрудничестве в борьбе с терроризмом¹¹.

Вместе с тем, по мнению турецкого исследователя С. Зейреккли, сравнительный анализ отношений Турции с Центральной Азией с 2001 по 2006 г. в политическом плане оставался на достаточно низком уровне¹².

Начиная с 2007 г. отношения получили новый импульс и стали более продуктивными. Так, по мнению итальянского исследователя К. Фраппи, «...политика ПСР в отношении стран Центральной Азии получила свой стимул в связи с избранием в 2007 г. президента Турецкой Республики А. Гюля, который сделал центральноазиатские страны приоритетом своей внешней политики»¹³.

Согласно данным Министерства иностранных дел Турции, турецкая внешняя политика в отношении Центрально-Азиатского региона придерживается следующих пяти компонентов:

1. Развитие двустороннего и многостороннего сотрудничества в области энергетики, экономики, торговли, культуры, общественных объединений, политики и т.д.

2. Помощь в поисках мирного разрешения региональных конфликтов.

3. Услуги в качестве энергетического терминала.

4. Предоставление помощи региональным странам в процессе формирования национальных и государственных структур.

5. Помощь в развитии отношений с другими странами¹⁴.

Таким образом, в 2000-е гг. в Анкаре осознали необходимость пересмотреть политические подходы к странам Центральной Азии. Ставка была сделана на реализацию более реальных проектов и отказ от чрезмерно амбициозных планов в отношении этих республик.

Турция стремится взять на себя главную роль в борьбе против проникновения радикальных исламистов в страны Центральной Азии. Это дает ей возможность усилить влияние в регионе. Важным аспектом укрепления своего влияния среди тюркских республик Анкара рассматривает военно-техническое и военно-политическое сотрудничество. Так, обучение у турецких военных инструкторов на конец 2015 г. прошли 1299 человек из Туркменистана, 401 – из Кыргызстана, 426 – Узбекистана, 383 – Казахстана¹⁵.

Турция прилагает большие усилия в направлении развития деловых отношений с центральноазиатскими странами. Прямые инвестиции турецких фирм в этот регион уже превысили на конец 2017 г. 14 млрд долл. И свыше 4 тыс. турецких фирм осуществляют свою деятельность в регионе¹⁶.

Анкара сделала ставку на поиск новых многосторонних интеграционных схем и форматов в экономической и социально-культурной сферах. Свидетельством тому стало создание по итогам встречи глав государств Азербайджана, Казахстана, Кыргызстана и Турции (главы Туркменистана и Узбекистана воздержались) 3 октября 2009 г. в Нахичевани Совета сотрудничества тюркоязычных государств (CCTГ) (Türk Dili Konuşan Ülkeler İşbirliği Konseyi), или Тюркского совета, целью которого «стало укрепление атмосферы доверия в тюркском мире, укрепле-

ние политической солидарности и придание импульса в развитии экономического и технического сотрудничества». Саммиты ССТГ 2011–2015 гг. проходили в Бишкеке, Стамбуле, Бодруме, Астане¹⁷. Планы так называемого «тюркского мира» вызывают в российских политических кругах определенную настороженность. Однако для Анкары особое значение приобретают и связи с Москвой. Ведь именно от этого в немалой степени зависит и будущее двустороннего сотрудничества.

Отдельного внимания заслуживает позиция Турции в отношении Шанхайской организации сотрудничества. 26 апреля 2012 г. в Алма-Ате был подписан меморандум о партнерстве по диалогу между Анкарой и ШОС. А. Давутоглу, в то время глава МИД Турции, расценил этот документ как подтверждение «единой судьбы» Турции и государств – членов ШОС. Статус партнера по диалогу, подчеркнул он, будет способствовать укреплению многовекторной внешней политики Анкары, а также отслеживанию происходящих внутри организации событий и обмену взглядов по вопросам регионального сотрудничества¹⁸.

За последние несколько лет Турция ускорила создание советов стратегического сотрудничества высшего уровня с ближайшими соседями. Анкара использует их как инструмент систематических консультаций по линии основных министерств и ведомств для обсуждения практических вопросов дальнейшего повышения взаимодействия, в частности в торгово-экономической и энергетической сферах. Кыргызстан стал второй после России страной, с которой Анкара создала подобную платформу. Существуют также Советы стратегического сотрудничества с Казахстаном и Туркменистаном. Турция заинтересована в использовании своей территории для транспортировки каспийской нефти и газа на мировые рынки. Однако политические приоритеты и «трубопроводная дипломатия» Анкары в регионе определяется в контексте достижения баланса стратегических отношений с Москвой. Именно поэтому двусторонние связи с государствами Центральной Азии приобретают еще большую актуальность.

Туркмено-турецкие отношения. Турция стала первым государством, открывшим свое посольство в Ашхабаде после распада СССР. Тот факт, что Туркменистан входит в первую пятерку стран,

обладающих наибольшими запасами природного газа в мире, особенно привлекает внимание Турции к этой стране. В последние годы турецкие строительные компании наибольшее количество проектов реализовали именно в Туркменистане¹⁹.

Свой первый визит в качестве президента Р.Т. Эрдоган совершил именно в Туркменистан 6–7 ноября 2014 г. Турецко-туркменские экономические отношения на уровне конца 2016 г. составили следующие показатели: экспорт в Туркменистан составил 125 млрд долл., импорт из Туркменистана – 422 млн долл. В Туркменистане работают около 600 турецких фирм²⁰. Турция продолжает переговоры с туркменскими коллегами, чтобы включить страну в проект Баку – Тбилиси – Джейхан.

Что же касается газовых проектов, то пока до сих пор, по мнению главы центра нефтяных исследований Азербайджана И. Шабана, «ни один из министров иностранных дел трех стран (Турции, Азербайджана, Туркменистана) не заявлял о намерениях поставлять туркменский газ через Азербайджан в Турцию и далее в Европу»²¹.

Напомним, что один из разрабатываемых маршрутов – присоединение Туркменистана к проекту транспортировки азербайджанского газа в Европу через Турцию («Южный коридор»).

Туркменистан желает продавать газ «на своей границе». Поэтому в вопросе строительства газопровода по дну Каспийского моря в Азербайджан Ашхабад был достаточно пассивен. Против реализации проекта выступают Россия и Иран. Причем они выдвигают как правовые соображения, связанные с тем, что статус Каспийского моря до сих пор не определен, так и связанные с экологией. Чтобы разрешить эту проблему, пять прикаспийских стран должны прийти к консенсусу, но до этого еще далеко²².

Казахстанско-турецкие отношения. Началом двусторонних отношений можно считать визит Н. Назарбаева в Турцию в сентябре 1991 г., до распада СССР, что повлекло за собой признание Турцией данного государства. Безусловно, Казахстан выделяется из пятерки Центральной Азии в силу своего высокого, по сравнению со странами региона, уровня развития. По запасам природного газа страна занимает 20-е, а по запасам нефти 12-е место в

мире²³. В 2012 г. состоялось первое заседание Совета сотрудничества высшего уровня между Турцией и Казахстаном.

Итоги турецко-казахстанского сотрудничества были подведены в ходе визита президента Турции Р. Т. Эрдогана в Казахстан в сентябре 2017 г., причем эта поездка была приурочена к саммиту ОИС по науке и технологиям в Астане. «Товарооборот между нашими странами на сегодняшний день составляет порядка 2 млрд долл. Считаю это не предел. Наша задача, как договаривались, довести уровень товарооборота до 5 млрд долл., так как у Казахстана и Турции для этого есть достаточный потенциал», – заявил турецкий президент во время визита в Астану²⁴.

В ходе переговоров было подчеркнуто, что в Казахстане имеются представительства свыше 600 тыс. турецких фирм, осуществляющих подрядные работы на сумму около 20 млрд долл.²⁵ Президент Казахстана подчеркнул, что обе страны, расположенные на историческом Шелковом пути, осуществляют «функции моста между Востоком и Западом»²⁶.

Вместе с тем сегодня Казахстан не заинтересован в чрезмерно тесной консолидации с Турцией. Вместо этого он стремится поддерживать равноудаленные контакты со всеми крупными региональными державами – Россией, КНР и Турцией. Именно сдержанность внешнеполитического курса Казахстана позволила стране выступить в роли миротворца в разгар российско-турецкого политического конфликта 2015–2016 гг. Н. Назарбаев использовал свои дружеские связи с российским и турецким лидерами для восстановления отношений Москвы и Анкары, находившихся в кризисе после того, как турецкие военные сбили СУ-24 ВКС России.

По мнению директора Центра изучения кризисного общества М. Вилисова, из всех постсоветских стран у Казахстана – наиболее взвешенная и последовательная тактика. «Назарбаев всегда декларировал, что, несмотря на многовекторный подход, Россия является главным партнером Казахстана. Казахстану удастся обеспечивать прагматичный баланс между крупными игроками. Казахстан сам является системным игроком, нередко выступая инициатором тех или иных контактов», – подчеркнул Вилисов²⁷.

Узбекско-турецкие отношения. Турция стала первой страной, признавшей независимость Узбекистана, и в 1992 г. установила с ним дипломатические отношения. После распада СССР отношения между Узбекистаном и Турцией начали стремительно развиваться. Однако после того как в середине 90-х гг. Анкара стала настойчиво продвигать идею пантюркизма среди узбеков, Ташкент резко свернул свои связи с Турцией. Кроме того, узбекского лидера И. Каримова не устраивало и то, что турецкие власти предоставили убежище ряду его политических противников, в первую очередь лидеру узбекской оппозиции Мухаммаду Салаху²⁸.

После смерти И. Каримова Турция приложила немалые усилия, чтобы «перезагрузить» отношения. В ноябре 2016 г., через 4 месяца после неудавшегося переворота в Турции, президент Р.Т. Эрдоган направился в Узбекистан с официальным визитом, чтобы встретиться с и.о. президента Узбекистана Ш. Мирзиёевым. Узбекистан имеет большое геополитическое значение. Он граничит с Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Афганистаном и Туркменистаном. Таким образом, визит Эрдогана оказал политическое, геостратегическое воздействие не только на отношения Турции с Узбекистаном, но и со всей Центральной Азией²⁹.

В 2017 г. новый президент Узбекистана совершил первый за 20 лет государственный визит в Турцию. После встречи двух лидеров было подписано 26 соглашений в сфере экономики, образования, культуры, банкинга и военной промышленности. Два лидера поставили задачу увеличить товарооборот между странами до 10 млрд долл. за 10 лет³⁰.

Кыргызско-турецкие отношения. Как и в случае с уже упомянутыми государствами Центральной Азии Турция первой признала независимость Кыргызстана, и в 1992 г. были установлены дипломатические отношения между двумя странами. В 2011 г. был создан Совет сотрудничества высшего уровня, и лидеры двух стран встречаются ежегодно. С 2004 г. и по настоящее время Турция оказывает Кыргызстану материальную поддержку в объеме около 850 млн долл. в рамках деятельности ТИКА. Однако, несмотря на это, товарооборот между двумя странами составляет около 500 млн долл.³¹

Кыргызско-турецкие культурные связи развиваются едва ли не активнее экономических. При этом Турция действует в классических традициях «мягкой силы», используя этническое родство двух народов для укрепления своего политического и экономического влияния. Анкара и Бишкек поддерживают интенсивные контакты не только на уровне министерств иностранных дел, но и по линии отдельных ведомств, парламентов, органов местного самоуправления и образовательных учреждений. Это позволяет развивать связи не только между политическими и бизнес-элитами, но и более широкими слоями населения. В развитии культурных связей активно участвует и кыргызская сторона. За два месяца кыргызские дипломаты организовали в Турции три культурных мероприятия: творческий вечер поэта Омора Султанова, мероприятия памяти Чингиза Айтматова и советского кыргызского режиссера Толомуша Океева. Последнее из них было проведено совместно с международной организацией тюркской культуры ТЮРКСОЙ. 3 февраля 2016 г. министр иностранных дел Кыргызстана Эрлан Абдылдаев встречался с генеральным секретарем другой пантюркистской организации – Совета сотрудничества тюркоязычных стран – Рамилем Гасановым, обсудив с ним подготовку к 6-му саммиту организации, который должен был пройти в Кыргызстане, и II Всемирным играм кочевников³².

В апреле 2018 г. Анкару посетил с официальным визитом президент Киргизии Сооронбай Жээнбеков, вступивший в должность главы государства в ноябре 2017 г. С. Жээнбеков встретился со своим турецким коллегой Р. Т. Эрдоганом. В ходе встречи были подписаны двусторонние документы о сотрудничестве в сфере экономики, инвестиций, сельского хозяйства, спорта, социального обеспечения, а также в области информации и печати. На пресс-конференции, которая состоялась после церемонии подписания, Эрдоган отметил, что «Кыргызстан для Турции – особая страна»³³.

Вместе с тем с 2016 г. наблюдалось известное ухудшение взаимоотношений Кыргызстана и Турции. Причиной послужил спор по поводу движения «Хизмет» опального религиозного деятеля Фетхуллага Гюлена, которого турецкие власти обвиняют в организации вооруженного переворота 16 июля 2016 г.

В 2016 г. Турция, отметив, что влияние «гюленовцев» сильно и в Кыргызстане, призвало власти страны запретить их деятельность. Тогдашнее руководство Кыргызстана отказалось выполнить просьбу Анкары. А. Атанбаев (на тот период президент страны), заявив, что турецкие власти вмешиваются во внутренние дела Кыргызстана, высказал критику по этому поводу.

В Кыргызстане действует ряд образовательных, культурных и благотворительных организаций, которые, как считается, открыты последователями Гюлена. Самая крупная из них – сеть международных образовательных учреждений «Себат» – в 2017 г. прошла перерегистрацию как местная организация и получила новое название «Сапат».

После этого отношения Кыргызстана и Турции заметно охладели. В итоге ранее часто встречавшиеся друг с другом руководители двух стран практически не провели ни одной встречи³⁴.

Вот почему высказывалось предположение, что одним из главных вопросов, затронутых в ходе визита нового президента С. Жээнбекова в Анкару, будет вопрос последователей Гюлена в Турции.

Кроме того, президент Турции в своей речи отметил, что движение «подозреваемого в организации военного переворота 2016 года» Фетхуллы Гюлена представляет также угрозу для Кыргызстана, в связи с чем он призвал президента Кыргызстана принять меры в отношении приверженцев этого течения³⁵. В свою очередь, С. Жээнбеков не ответил на призыв Эрдогана по поводу школ Гюлена и свою позицию не озвучил. Вместе с тем он подчеркнул, что сотрудничество с Турцией будет усилено, а данный визит, по его словам, придаст двусторонним отношениям новый импульс.

Таджикско-турецкие отношения. Турция признала Таджикистан в 1991 г., и в 1992 г. были установлены дипломатические отношения между странами. То, что Таджикистан этнически ближе к Ирану, не помешало Турции налаживать связи с этой страной. Визиты премьер-министра Р.Т. Эрдогана в Таджикистан в октябре 2003 г. и президента А. Гюля в мае 2009 г. оказались в целом недостаточными для продвижения отношений, которые оказались ограниченными лишь этими визитами. Товарооборот на 2010 г. составил лишь 420 млн долл.³⁶

В 2012 г. президент Таджикистана совершил ответный визит в Турцию, в результате которого лидеры двух стран подписали декларацию о создании Совета сотрудничества высшего уровня между Турцией и Таджикистаном. Таким образом, отношения приобрели новый уровень³⁷.

Материальную помощь Таджикистану в объеме 90 млн долл. была в целом осуществлена в рамках деятельности ТИКА³⁸.

Проведенный в феврале 2017 г. в Душанбе в рамках девятого заседания межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству бизнес форум «Турция – Таджикистан» стал действенной платформой для углубления межгосударственного сотрудничества и улучшения экономических инвестиционных и торговых связей двух стран³⁹.

На форуме рассматривались результаты взаимодействия двух стран за 25 лет, которые «являются прагматическими и впечатляющими». На территории Таджикистана зарегистрировано свыше 80 турецких компаний в сфере торговли, текстиля, строительства жилых комплексов, торговых центров, водоканализационных и инфраструктурных систем. Осуществляется сотрудничество с Турцией в сфере транспорта и дорожного строительства. И, как подчеркнул выступивший на форуме вице-премьер Турции Тургул Тюркеш, «за эти годы есть прекрасные результаты во всех областях. Мы видим, как воплощенные в реальность экономические проекты соединяют две страны. Уверен, что наша дружба и солидарность приведут к появлению еще большего числа взаимовыгодных масштабных проектов»⁴⁰.

* * *

Характеризуя российско-турецкое взаимодействие на центральноазиатском направлении, можно утверждать, что в XXI в. кардинально изменились подходы России и Турции к региону, а также отношения между двумя странами.

В XXI в. Центральная Азия снова стала восприниматься как зона жизненно важных интересов России и как её естественная сфера влияния. Соответственно, любое несогласованное с Москвой внешнее проникновение или вмешательство в эту сферу, подчеркивается российским исследователем, док-

тором исторических наук, профессором И. Звягельской, рассматривалось как геополитический вызов и угроза российским интересам⁴¹.

Поэтому важно было определиться с потенциалом партнерства и масштабами сотрудничества с другими региональными участниками, которые имеют свои интересы в Центральной Азии, в частности с Турцией. В 2000-е гг. в Анкаре осознали необходимость пересмотреть политические подходы к странам Центральной Азии. Ставка была сделана на реализацию более реальных проектов и на отказ от чрезмерных амбициозных планов в отношении этих республик. Примечательно, что Турция и Россия позиционируют себя в качестве двух великих держав в Евразийском регионе, которые способствуют поддержанию здесь мира и сохранению стабильности. Как подчеркивает доктор политических наук Дина Малышева, сотрудничеству Турции и России в Центрально-Азиатском регионе благоприятствует ряд объективных факторов:

- выгодное географическое положение Турции, которая контролирует Черноморские проливы и играет роль своеобразного моста между Европой и Азией, что открывает перед Россией и странами Центральной Азии дополнительные возможности в плане реализации собственных экономических и политических интересов;

- Россия и Турция, продвигая каждая свои проекты региональной кооперации и создавая атмосферу доверия и взаимной заинтересованности всех участников интеграционных процессов, способствуют снижению напряженности в регионе;

- Турция и Россия как крупные евразийские государства со значительным мусульманским населением способны играть роль посредников в отношениях между странами Центральной Азии, Западом и миром ислама;

- многовекторная политика, взятая на вооружение всеми центральноазиатскими государствами, может быть использована Россией и Турцией для углубленного сотрудничества со странами региона в двустороннем формате⁴².

Есть несколько направлений, по которым открываются перспективы для российско-турецкого взаимодействия.

Во-первых, это сотрудничество двух стран в рамках евразийской интеграции. Может быть поставлен вопрос о возможных взаимоотношениях Турции и Евразийским экономическим союзом⁴³.

По мнению бывшего министра иностранных дел Турции Яшара Якыша, ЕАЭС представляет интерес для Турции, поскольку является динамично развивающейся авторитетной организацией, находящейся в непосредственной близости. Участие в проекте позволит государствам – членам ЕАЭС повысить продуктивность экономики. Турция получит возможность нарастить объемы торговли с этими странами. С другой стороны, по мнению турецкого дипломата, Турции будет нелегко отказаться от глубокой экономической интеграции с ЕС, даже если она получит возможность вступления в ЕАЭС. Страна не может состоять в двух таможенных союзах, поскольку это противоречит самой логике таких объединений⁴⁴.

В августе 2017 г. министр экономики Турции Нихат Зейбекчи сообщил о намерениях Анкары подписать таможенное соглашение с ЕАЭС, создав зону свободной торговли⁴⁵. И это заявление прокомментировал директор Института ЕАЭС Владимир Лепехин, который подчеркнул, что структуры Евразийского экономического союза ведут переговоры с целым рядом стран (их более полутора десятков) о расширении экономического взаимодействия в формате присоединения этих стран к ЕАЭС в качестве формирования евразийской зоны свободной торговли (ЗСТ). Такие соглашения уже имеются у ЕАЭС с Вьетнамом, указал Лепехин. Расширяется экономическое сотрудничество с Сербией, Ираном, Египтом, Монголией, Таиландом. Ведутся переговоры о расширении сотрудничества с Азербайджаном и Турцией. «ЕАЭС и Россия становятся все более привлекательными партнерами для соседей, – отметил В. Лепехин, – поскольку в мире (мы видим это на примере санкций США и ЕС по отношению к самым разным странам, и ВТО здесь не обеспечивает равноправное партнерство) по факту начинаются и обостряются торговые войны с применением странами Запада метода кнута и пряника (против ИРИ, ЕАЭС и пр.), Евросоюз уже фактически закрыл свой рынок продовольственных товаров из-за рубежа, в связи с чем у Турции возникли серьезные проблемы для экспорта своей

сельхозпродукции. В такой ситуации расширение торговых и иных экономических связей Турции с Россией и другими странами ЕАЭС – объективный и перспективный процесс, который будет нарастать.

Вероятно, что первым этапом этого процесса станет подписание Турцией Соглашения с ЕАЭС, предусматривающего особый таможенный режим для группы товаров. А в дальнейшем Турция может претендовать и на статус наблюдателя в ЕАЭС по примеру Молдовы.

Разумеется, в структурах ЕАЭС мнение Армении по многим вопросам является решающим (что естественно для ситуации, когда решения в Союзе принимаются методом консенсуса), но нужно иметь в виду и то, что это – экономический союз, не касающийся вопросов политики. Экономический прагматизм – та платформа, которая создает условия для развития торговых связей ЕАЭС с любыми соседями, будь то Турция, Азербайджан или любая другая страна»⁴⁶.

Еще одной потенциальной сферой взаимодействия между Турцией и евразийскими государствами является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), которая охватывает почти все страны ЕАЭС, Турция проявляет, как указывалось выше, большой интерес к участию ШОС, поскольку она становится политическим партнером с такими государствами, как Россия, Китай, и сможет не только оставаться наблюдателем всех процессов, проходящих на огромных территориях, но и играть активную роль в формировании здесь системы региональной безопасности, а также осуществить участие в многовекторных энергетических проектах⁴⁷.

После предоставления Турции статуса партнера по диалогу в рамках ШОС в июне 2012 г. уже в июле 2012 г. бывший в то время премьер-министром Эрдоган обратился к президенту России В.В. Путину с предложением о принятии Турции в ШОС на основе полноправного членства. В ноябре 2016 г. Эрдоган вновь вернулся к данной теме. Так, отвечая на вопрос, может ли Шанхайская пятерка стать альтернативой ЕС, он ответил: «А почему бы и нет», что породило начало новой дискуссии по данному вопросу⁴⁸.

Это заявление Эрдогана было положительно воспринято как в Китае, так и в России. Спикер китайского МИД Генг Шуанг и член комитета по обороне Совета Федерации российского парламента А. Путков в своих выступлениях указали, что «можно зажечь зеленый свет на пути Турции в ШОС», и таким образом с того периода, когда Турция говорила о полном членстве в организации, она впервые получила положительный ответ⁴⁹.

Российский посол в Турции А. Карлов, давая оценку российско-турецким отношениям накануне визита в Россию турецкого премьер-министра в декабре 2016 г., напомнил о том, что Турция является партнером по диалогу в этой организации. Он, в частности, указал: «Мы с точки зрения российской стороны подчеркиваем, что готовы к сотрудничеству с Турцией как на двусторонней, так и международной платформе. И Казахстан, и Китай подчеркивают, что хотят видеть Турецкую Республику членом ШОС. Все полностью связано с решением Анкары»⁵⁰. Вместе с тем, как подчеркивает турецкий политолог С. Кохен, на вопрос, может ли Турция стать полноправным членом ШОС, указывает, что это очень сложно. Потому что Турция – член НАТО, и против этого выступят её союзники⁵¹.

В октябре 2017 г. посол Турецкой Республики в Российской Федерации Х. Дириоз высказал мнение, что вступление Турции в ЕС ни в коей мере не противоречит интеграции с Шанхайской организацией сотрудничества. И, таким образом, в настоящее время Анкара продолжает взаимодействие со странами по обоим направлениям⁵².

По мнению турецкого эксперта по внешней политике Эрдема Эрена, проблемы в отношениях с Евросоюзом подтолкнули Турцию к поиску новых альтернатив членству в ЕС. Он полагает, что в экономическом, политическом, военном и культурном плане членство с Шанхайской организацией сотрудничества привлекательно для Анкары. Эрен не исключил, что в случае вступления в ШОС Анкара может стать «мостом» между Организацией и Западом, а также странами Ближнего Востока и балканскими странами.

Поиск партнеров среди разных политических и экономических альянсов может стать хорошим выходом для государств,

которые опасаются остаться в изоляции в случае, если прежние союзники окажутся недостаточно надежными. Налаживая отношения с ШОС, Турция показывает Западу, что намерена проводить сбалансированную внешнюю политику.

В настоящее время Турция имеет статус партнера по диалогу в ШОС. При этом перспективы ее полноправного членства в Организации окончательно неясны. «Стать полноправным членом ШОС в ближайшее время для Турции невозможно. Тут скорее речь идет о повышении статуса Турции в организации до наблюдателя. Не стоит забывать, что в Организации существует определенный мораторий на расширение, Недавнее вступление в ШОС Индии и Пакистана изменило структуру организации, и теперь ей потребуется определенное время для интеграции новых участников, в течение которого новые члены приниматься не будут», – пояснил заведующий отделом Кавказа Института стран СНГ Владимир Евсеев⁵³.

При этом, по мнению большинства экспертов, вступление в ШОС для Турции в долгосрочной перспективе – вполне реальный сценарий. Анкара хорошо понимает, что многовекторная политика выгодна стране, и по этой причине будет стараться выстраивать более сбалансированные отношения на международной арене.

Наряду с сотрудничеством в рамках евразийской интеграции открываются перспективы для российско-турецкого взаимодействия в области энергетических проектов, а также сотрудничества военных и дипломатических ведомств двух стран в сфере поддержания региональной безопасности.

И наконец, имеются определенные возможности для совместной деятельности двух стран в сфере противодействия преступности, незаконному обороту наркотиков, нелегальному перемещению людей, товаров, оружия. Подобное взаимодействие может быть осуществлено по линии правоохранительных структур России и Турции.

Таким образом, совместная работа на центральноазиатском направлении России и Турции, несмотря на наличие разнонаправленных, а порой и сталкивающихся интересов, не только возможна, но и продуктивна. С одной стороны, накопленный

опыт длительного сосуществования центральноазиатских республик с Российской Федерацией (в частности, ориентированные на Россию элиты, прочные экономические связи, российские инвестиции в стратегические проекты), с другой стороны, социокультурные и религиозные факторы, сближающие страны Центральной Азии с Турцией, дают Москве и Анкаре возможность выработать общие принципы и подходы к стабилизации обстановки в этом регионе.

Турция и Россия как крупные евразийские государства со значительным мусульманским населением способны играть роль посредников в отношениях между странами Центральной Азии, Западом и миром ислама. Исходя из всего этого, можно утверждать, что Турция является для России больше партнером, чем соперником в Центральной Азии, и сторонам так или иначе придется сотрудничать.

¹ Уразова Е. И. Турция сегодня: экономическое сотрудничество со странами Южного Кавказа и Центральной Азии. М., 2012. С. 20.

² Türk Dış Politikası, cilt 2 1980–2001. S. 382.

³ Winrow. Turkey and the Post Soviyet Central Asia. L., 1996. P. 29.

⁴ Ayden M. Turkey and the Central Asia / Central Asia Survey / vol. 15, № 2, June 1996. P. 165.

⁵ DPT. Temel ekonomik göstergeler. Ankara, 1996. S. 57, 68; 2002. S. 49, 60, 69.

⁶ The Program of the 59th Government, Ankara, 18 March 2003. www.mfa.gov.tr.

⁷ Avrasya Bulteni Say' 10, Ocak 2003.

⁸ Avrasya Bulteni Say' 10, Mayıs 2003.

⁹ Avrasya Bulteni Say' 11, Haziran 2003.

¹⁰ Avrasya Bulteni Sayı 16, Kasım, 2003.

¹¹ Avrasya Bulteni Sayı 16, Aralık 2003.

¹² Zeyrekli S. Türkiye'nin Orta Politikasında Demirel' in Rolü. Elektronik Journal of Political Studies, June 2013. P. 28.

¹³ Frappi C. Central Asia's place in Turkey's Foreign Policy. ISPI analyses, № 225, December 2013. P. 1–12.

¹⁴ Ministry of Foreign Affairs, Turkey, Synopsis of the Turkish Foreign Policy, www.mfa.gov.tr.

¹⁵ Лаумуллин М. Турция и Центральная Азия / <http://www.asia-centre-com>.

¹⁶ www.mfa.gov.tr/turkiye-orta-asya-ulkeri.tr.mfa.

¹⁷ www.mfa.gov.tr/turk-konseyi.tr.mfa.

¹⁸ www.globalaffairs.ru/global_processors/Rossiia-i-Tursiya. 01.12.2014.

¹⁹ Resmi Gazete. 28.02.2012.

²⁰ www.mfa.gov.tr/turkiye-turkmenistan-siyasi-iliskileri-tr.mfa.

- ²¹ <https://easaily.com/ru/news/2017/07/19/smi-turciya-lobbiruyet-gazovye-interesy-turkmenii>.
- ²² Ibid.
- ²³ [www.bilgesam.org. Images, Dokumanlar. 411-21502640/](http://www.bilgesam.org/Images/Dokumanlar/411-21502640/)
- ²⁴ Sabah. 10.09.2017.
- ²⁵ Ibid.
- ²⁶ Ibid.
- ²⁷ <https://russian.rt.com/article/428215/turciya-svyazi-kazakhstan>. 9.10.2017.
- ²⁸ Дубнов А. Как Центральная Азия реагирует на конфликт России и Турции. <http://carnegie.ru/commentary/62182>.
- ²⁹ www.arabnews.com/node/1296696. Turkey carves out a new role for itself in Central Asia.
- ³⁰ <https://www.ahaber.com.tr/gundem/2017/10/26/turkiye-ve-ozbekistan-arasinda-26-anlasma>.
- ³¹ Справочные материалы и отчеты ТИКА. <http://www.gov.tr/tr19>.
- ³² Независимая газета. 14.03.2016.
- ³³ <https://ru.azaltik/kyrgistan-turkiye-erdogan-jeenbekov/29155588.html>.
- ³⁴ <https://rus.azaltik/kyrgistan-turkiye-erdogan-jeenbekov/29155588.html>.
- ³⁵ <https://rus.azaltik/kyrgistan-turkiye-erdogan-jeenbekov/29155588.html>.
- ³⁶ Türk Dış Politikası cilt III. 2001–2012. S. 476.
- ³⁷ <http://www.mfa.gov.tr/turkiye-tacikistan-siyasi-iliskeri.tr.mfa>.
- ³⁸ <https://www.dunya.com/tacikistanda-altin-ve-pamukta-ismirligi-imkanlarimiz-cok>.
- ³⁹ Op. p. ti/2017/02/16/dusanbe-prinamaet-biznes-forum-turciya-tadzhikistan.
- ⁴⁰ tpp.ti/2017/02/16/dusanbe-prinamaet-biznes-forum-turciya-tadzhikistan.
- ⁴¹ Звягельская И. Д. Макаров Д. В. Восприятие Россией политики Запада в Центральной Азии. М., 2003. С. 106.
- ⁴² www.mirprognozov.ru/prognosis/politiks/rossiya-i-turtsiya-v-tsentralnoy-azii-partnerstvo-ili-sopernichestvo.
- ⁴³ Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС), подписанный Россией, Казахстаном и Белоруссией, вступил в силу 1 января 2015 г. В 2015 г. к нему присоединились Армения и Кыргызстан. ЕАЭС был создан на базе Таможенного союза России, Казахстана и Белоруссии как международная организация, обладающая международной правосубъектностью. В рамках Союза обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проведение согласованной или единой политики в ключевых отраслях экономики.
- ⁴⁴ <http://valdaiclub.com/Может-ли-Турция-вступить-в-ЕАЭС>. 10.01.2017.
- ⁴⁵ <https://azeri.today/articles/835/Вступит-ли-Турция-в-ЕАЭС>. 22.08.2017.
- ⁴⁶ <https://azeri.today/articles/835/Вступит-ли-Турция-в-ЕАЭС>.
- ⁴⁷ [www.SDE\(StratejikDüsünceEnstitüsü\)org.tr/köseyazilari](http://www.SDE(StratejikDüsünceEnstitüsü)org.tr/köseyazilari).
- ⁴⁸ www.star.com.tr/acikgorus/turkiyenin-sanghay-ismirligi-mumkun-muhaber-1164134.
- ⁴⁹ Ibid.
- ⁵⁰ www.sabah.com.tr/dunya/2016/11/30/andrey-karlov-sanghay-ismirligi-orgutu-konusunda-kazar.
- ⁵¹ Milliyet. 12.11.2016.
- ⁵² infoshos.ru/ru/18087. Турция взяла курс на вступление в ШОС. 07.03.2018.
- ⁵³ Ibid.

А. Г. Гаджиев*

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ТУРЦИЕЙ И ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ ПОСЛЕ ТУРЕЦКИХ ВЫБОРОВ 2018 Г.

Резюме: 24 июня 2018 г. в Турции состоялись досрочные президентские и парламентские выборы, которые завершились победой действующего президента и правящей партии. После оглашения итогов всеобщего голосования началась реализация положений новой конституции, принятой в результате референдума 2017 г., что привело к нарушению принципа разделения властей и поставило под сомнение эффективность системы сдержек и противовесов. Реакция ЕС на процессы, происходившие в Турции после парламентско-президентских выборов, была умеренно критичной. Дистанцирование Турции от ЕС продолжается.

Ключевые слова: Турция, ЕС, выборы, коалиции, реформы.

Summary: Turkey's presidential and general elections, held on 24 June 2018, ended with the victory of the ruling party and the current president. After the announcement of the results of general elections, the implementation of the provisions of the new constitution adopted as a result of the 2017 referendum began, which led to a violation of the principle of separation of powers and questioned the effectiveness of the system of checks and balances. The reaction of the EU to the processes taking place in Turkey after the parliamentary-presidential elections was moderately critical. Turkey's distance from the EU continuing.

Key world: Turkey, EU, elections, coalitions, reforms.

24 июня 2018 г. в Турции состоялись досрочные президентские и парламентские выборы, которые завершились победой действующего президента республики Реджепа Тайипа Эрдога-

* Гаджиев Амур Гаджибабаевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник ИВ РАН

на(набравшего 52,59% голосов)¹ и Партии справедливости и развития (получившей 42,56% голосов)², которую он возглавляет.

Сами по себе прошедшие выборы с точки зрения турецкой политической культуры оказались во многом уникальными. Во-первых, потому, что впервые граждане Турции одновременно избирали и парламент страны, и главу государства. Во-вторых, никогда ранее в истории современной Турции выборы не проводились в условиях действовавшего на территории всей страны режима чрезвычайного положения (ЧП). В турецкой практике режим ЧП ассоциируется, скорее, с беспокойными южными и юго-восточными провинциями страны и связан главным образом с борьбой против Рабочей партии Курдистана (РПК), которую в Турции считают террористической организацией. Однако действовавший в период выборов режим ЧП, охвативший территорию всей страны, был введен после неудавшейся попытки государственного переворота в июле 2016 г.³

В-третьих, выборы 24 июня ознаменовали собой фактическое начало новой страницы в политической истории Турции, поскольку, с одной стороны, стали первыми и после попытки государственного переворота, и после конституционного референдума о расширении полномочий президента, состоявшегося в апреле 2017 г., с другой стороны, формально явились финальным аккордом в наиболее сложном и болезненном этапе процесса перехода страны из парламентской республики в президентскую⁴.

В-четвертых, в прошедших выборах наряду с отдельными политическими партиями участвовали как внутрипартийные (главным образом в составе прокурдской Демократической партии народов), так и межпартийные коалиции – «народный альянс» («cumhur ittifakı») в составе Партии справедливости и развития (ПСР) и Партии националистического движения (ПНД) и «национальный блок» («millet ittifakı»), состоящий из Народно-республиканской партии (НРП), Партии человечности, новаций и добра («Хорошей партии») и Партии счастья (ПС)⁵.

Само по себе коалиционное взаимодействие политических партий – явление для Турции не новое. В то же время ряд мотивационных аспектов в нынешних политических конфигурациях обращает на себя внимание. Так, идея «народного альянса» воз-

ника в связи с тем, что, во-первых, имелись определенные опасения по поводу того, что Эрдогану не удастся набрать необходимый минимум в первом туре голосования, а второй тур мог бы преподнести неожиданные «сюрпризы»⁶.

Во-вторых потому, что ПСР не желала повтора сценария июня 2015 г., когда в условиях отсутствия политических союзников правящая партия пусть и одержала победу, но потеряла большинство в парламенте, что привело к политическому кризису в стране, поскольку так и не удалось сформировать правительство⁷.

В свою очередь, сторонники ПНД опасались того, что не смогут преодолеть избирательный барьер, который в настоящее время составляет 10%. Таким образом, оба участника «народного альянса» за счет объединения своих усилий решали собственные задачи и преуспели в этом⁸.

И всё же, несмотря на то что определенная интрига в условиях сложных коалиционных игр сохранялась на протяжении всего периода выборной гонки, результаты выборов во многом оказались предсказуемыми.

Очевидно, что после выборов позиции Р.Т. Эрдогана как лидера страны укрепились, его полномочия как главы государства расширились. Политическое влияние оппозиционных сил на процессы принятия внутри- и внешнеполитических решений, несмотря на относительное повышение представительности нынешнего состава парламента, снизилось. Началась стремительная реализация положений новой конституции, принятой в результате референдума, состоявшегося 16 апреля 2017 г.

После упразднения должности премьер-министра нынешний президент получил не только возможность сосредоточить в своих руках значительную часть исполнительной власти, но и мощные рычаги контроля и давления на законодательную и судебную ветви власти, что, по мнению многих экспертов, противоречит принципу разделения властей и ставит под сомнение эффективность традиционной системы сдержек и противовесов⁹.

Накануне формирования нового правительства было много слухов о переходе на технократию. Предполагалось также, что в новом кабмине помимо сторонников ПСР будут и представители ПНД, а также беспартийные¹⁰. Однако на деле все оказа-

лось иначе. Не достижения в профессиональной деятельности, а степень лояльности к президенту стала одним из главных критериев назначения на посты министров. Кроме того, в новом правительстве не оказалось не только беспартийных, но и сторонников ПНД. К тому же ряд министров из предыдущего кабинета сохранили свои позиции. Поэтому говорить о полном обновлении турецкой государственной власти и переходе на технократию не приходится¹¹.

В то же время в результате упразднения Аппарата Премьер-министра и переподчинения целого ряда государственных структур, в основном путем вхождения под контроль Администрации Президента, а также внедрения практики назначения советников, бюрократический аппарат претерпел значительные изменения¹².

Многих контрольно-надзорных функций лишилось и Великое национальное собрание Турции, которое утратило механизм непосредственного контроля над деятельностью правительства и стало более ограниченным в применении импичмента в отношении главы государства. А в результате введения в действие практики президентских указов фактически произошла узурпация законодательной власти в части ее правотворческих функций¹³.

Любопытно, что к данной ситуации с пониманием отнесся один из важнейших институтов судебной власти – Конституционный суд Турецкой Республики, который 30 июня 2018 г. отклонил требования главной оппозиционной Народно-республиканской партии посчитать ничтожными или отменить законы, предусматривающие принятие указов, изданных в условиях действия режима чрезвычайного положения¹⁴.

Что касается реакции европейцев на процессы, происходившие в Турции накануне и в период проведения парламентско-президентских выборов, то следует отметить, что многие лидеры ЕС в своих заявлениях ссылались на заключения наблюдателей от ОБСЕ и ПАСЕ, которые в своих докладах отмечали, что кандидатам в президенты не был предоставлен равный доступ к СМИ и международные наблюдатели не получали всей необходимой информации¹⁵.

В своих отчетах европейские наблюдатели раскритиковали проведение выборов в условиях режима ЧП и объедине-

ние участков в местах проживания преимущественно курдского населения¹⁶. Тем не менее, сразу после оглашения предварительных результатов представители Евросоюза и лидеры ключевых стран ЕС поспешили поздравить Эрдогана с очередной победой¹⁷. Однако с учетом того, что в настоящее время переговоры между Турцией и ЕС о полноправном членстве фактически приостановлены, то вряд ли данную реакцию можно считать сигналом Брюсселя.

Что касается самого процесса вступления Турции в ЕС, то можно сказать, что в рассматриваемый период в ЕС по этому поводу доминировали следующие две позиции: 1) перспективы имеются, но очень туманные, многое зависит от поведения самой Турции; 2) перспективы отсутствуют.

Например, еврокомиссар по вопросам политики соседства и переговоров о расширении ЕС Йоханнес Хан 6 ноября 2018 г. в интервью немецкой газете «Вельт» заявил, что Евросоюз продемонстрирует честность, если прекратит вести с Турцией переговоры по вступлению страны в ЕС¹⁸.

В то же время официальный представитель Еврокомиссии Маргаритис Схинас на брифинге в Брюсселе отметил, что переговоры о вступлении Турции в Евросоюз могут быть продолжены и от Анкары ждут реализации необходимых реформ. По словам официального представителя ЕК, в ходе саммита ЕС – Турция, состоявшегося в марте 2018 г. в Варне, председатель Европейского совета Дональд Туск и председатель Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер напомнили о необходимости проведения углубленных реформ с целью освобождения политзаключенных и установления добрососедских отношений¹⁹.

Один из последних эпизодов касается задержания турецкими властями 13 сторонников правозащитника и активиста Османа Кавалы. Официальный представитель внешнеполитической службы ЕС Майя Косьянчич в связи с этим выразила обеспокоенность и призвала немедленно освободить взятых под стражу людей, задержанных без надлежащего судебного разбирательства. В ее заявлении отмечалось: «Властям необходимо немедленно обеспечить урегулирование ситуации на основании принципа презумпции невиновности и применения предвари-

тельного заключения в соответствии с Европейской конвенцией о защите прав человека»²⁰. Сам Кавала был задержан 18 октября 2017 г. в стамбульском аэропорту. 1 ноября 2017 г. суд Турции постановил заключить его под стражу за «попытку сменить конституционный строй и сместить действующее правительство»²¹. Помимо инцидента с Османом Кавалы в январе 2017 г. турецкие следователи выдали ордер на арест 380 предпринимателей по обвинению в косвенном участии в попытке переворота²². В связи с расследованием по поводу попытки путча разрешений на работу лишились более 27 тыс. преподавателей и сотрудников учебных заведений. Всего после попытки госпереворота было уволено около 160 тыс. госслужащих, и еще примерно 50 тыс. человек находятся под следствием²³.

Большое значение с точки зрения понимания нынешнего уровня отношений между Турцией и ЕС имеет совместное заявление министра иностранных дел Турции Мевлюта Чавушоглу и верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности Федерики Могерини, сделанное по итогам политического диалога высокого уровня, состоявшегося 22 ноября 2018 г. в Анкаре. В заявлении отмечалось, что ЕС и Турция по итогам политических консультаций подтвердили стратегический характер двусторонних отношений. Стороны подчеркнули, что «связанный с присоединением Турции процесс может стать важной основой для полной реализации потенциала отношений между ЕС и Турцией, а также для экономических, социальных и политических реформ в Турции»²⁴.

В данном контексте стороны обсудили политические критерии и рамки переговоров, а также сотрудничество по ключевым тематическим вопросам: экономика, торговля и Таможенный союз, безопасность, финансовое сотрудничество, энергетика, миграция, визовая либерализация и борьба с терроризмом. В совместном заявлении также подчеркивалось, что ЕС и Турция договорились работать над сближением позиций по всем ключевым внешнеполитическим и региональным вопросам, включая Сирию и Иран. Отмечалась необходимость в соблюдении всеми сторонами российско-турецкого меморандума о стабилизации в сирийском Идлибе от 17 сентября 2018 г., в соответствии с кото-

рым вдоль линии соприкосновения сирийских войск и оппозиции в Идлибе была создана демилитаризованная зона, откуда должно быть выведено тяжелое вооружение, а сама зона должна будет контролироваться российскими и турецкими военными патрулями. Также была подчеркнута необходимость в сохранении экономических выгод для Ирана от Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД). Кроме того, стороны отметили важность создания конституционного комитета для возобновления процесса политического перехода в Сирии: «В частности, были обсуждены пути оказания Евросоюзом поддержки этому процессу, в том числе в преддверии третьей донорской конференции в Брюсселе весной следующего года»²⁵.

Поднимался вопрос и о выплате Турции второго транша в рамках соглашения о миграции 2016 г. Напомним, Брюссель обещал Анкаре 6 млрд евро, из которых первый транш в 3 млрд евро уже перечислен, а выделение второго было одобрено Европарламентом в июле 2018 г. Все эти средства в теории должны быть потрачены на удовлетворение базовых нужд мигрантов, находящихся на турецкой территории, и тем одновременно компенсировать расходы Анкары на их содержание и понизить заинтересованность самих мигрантов отправляться в опасное морское путешествие в Европу²⁶.

В ходе пресс-конференции были озвучены и требования ЕС. Например, отмечалось, что Брюссель ожидает от Анкары скорейшего освобождения экс-сопредседателя прокурдской Партии демократии народов Селухаттина Демирташа, которого задержали в ноябре 2016 г., обвинив в связях с РПК. Демирташ являлся кандидатом в президенты Турции на прошедших в июне президентских выборах и набрал 8,4% голосов. Однако в сентябре он был приговорен судом Стамбула к 4 годам и 8 месяцам тюремного заключения по обвинению в террористической пропаганде. Ранее Европейский суд по правам человека признал нарушением продление срока досудебного содержания под стражей Демирташа и потребовал от властей Турции выплатить ему компенсацию в 25 тыс. евро. В ответ на данное решение Эрдоган заявил, что это решение не имеет силы для его страны, обвинив ЕСПЧ в поддержке терроризма²⁷.

Подводя итоги, можно предположить, что Евросоюз продолжит оказывать финансовую поддержку и техническую помощь Турции для совместного решения проблем в сфере миграции. В то же время, по мнению Брюсселя, Турция хотя и остается формально страной-кандидатом, однако в настоящее время дистанцируется от ЕС, и переговоры о вступлении фактически остановлены. Не предвидится дальнейшей работы и по модернизации Таможенного союза Турции с ЕС.

¹ Yurt içi, yurt dışı ve gümrük sandıkları dahil Cumhurbaşkanlığı Seçim Sonucu // Yüksek Seçim Kurulundan Duyuru. Örnek: 416/D. Ankara. <http://www.ysk.gov.tr/doc/dosyalar/docs/24Haziran2018/KesinSecimSonuclari/2018CB-416D.pdf> (дата обращения – 23.11.2018).

² Yurt içi, yurt dışı ve gümrük sandıkları dahil Milletvekili Genel Seçimi Sonucu // Yüksek Seçim Kurulundan Duyuru. Örnek: 96/C. Ankara. <http://www.ysk.gov.tr/doc/dosyalar/docs/24Haziran2018/KesinSecimSonuclari/2018MV-96C.pdf> (дата обращения – 23.11.2018).

³ Uzun C.D. 15 Temmuz Darbe Girişimi Sonrası Olağanüstü Hal İlanı ve Sonuçları // SETA Perspektif. No: 138. Temmuz 2016. <https://setav.org/assets/uploads/2016/07/138.-perspektif.pdf> (дата обращения – 21.11.2018).

⁴ Seçim tamam reform zamanı, Hürriyet, 25.06.2018 // <http://www.hurriyet.com.tr/ekonomi/secim-tamam-reform-zamani-40877241> (дата обращения – 21.11.2018).

⁵ Miş N., Duran H., 24 Haziran Seçim Sonuçları Analizi // SETA Analiz. No: 250. Temmuz 2018. https://setav.org/assets/uploads/2018/07/Analiz_250-24-Haziran-Seçim-Sonuçları-Analizi.pdf (дата обращения – 21.11.2018).

⁶ Gülenler S., AK Parti neden “erken seçim” dedi? Sabah, 21.04.2018. <https://www.sabah.com.tr/yazarlar/perspektif/serdar-gulener/2018/04/21/ak-parti-neden-erken-secim-dedi> (дата обращения – 21.11.2018).

⁷ Sobacı M.Z. AK Parti-MHP ittifakını anlamak. Sabah, 10.02.2018. <https://www.sabah.com.tr/yazarlar/perspektif/mehmed-zahid-sobaci/2018/02/10/ak-parti-mhp-ittifakini-anlamak> (дата обращения – 21.11.2018).

⁸ Kayacı M.A. Muhalliflerden ‘Cumhur ittifakı’ yorumu. Sözcü, 24.10.2018 // <https://www.sozcu.com.tr/2018/gundem/muhalliflerden-cumhur-ittifaki-yorumu-2699302> (дата обращения – 21.11.2018).

⁹ İlgin S., Yeni sisteme geçiş nasıl olacak? Akademisyen Nihan Yancı Özalp anlattı. Evrensel, 02.07.2018 // <https://www.evrensel.net/haber/356015/yeni-sisteme-gecis-nasil-olacak-akademisyen-nihan-yanci-ozalp-anlatti> (дата обращения – 21.11.2018).

¹⁰ Erdoğan'ın kafasında teknokrat bir kabine kurmak var. Memurlar.Net. 02.05.2018 // <https://www.memurlar.net/haber/745940/erdogan-in-kafasinda-teknokrat-bir-kabine-kurmak-var.html> (дата обращения – 21.11.2018).

¹¹ Yeni bakanlar kimdir kabinede kimler var? 2018 son dakika Cumhurbaşkanlığı Hükümet Sistemi nedir? Akşam, 11.07.2018 // <https://www.aksam.com.tr/siyaset/2018-yeni-kabine-bakanlar-son-dakika-cumhurbaskanligi-hukümet-sistemi-nedir/haber-752419> (дата обращения – 21.11.2018).

12 Erdem F. Kamu yönetimine, bürokrasiye yeni düzen. Sabah, 28.06.2018 // <https://www.sabah.com.tr/yazarlar/erdem/2018/06/28/kamu-yonetimine-burokrasiye-yeni-duzen> (дата обращения – 21.11.2018).

¹³ Öztürk F., Cumhurbaşkanlığı hükümet sisteminde TBMM: Yetkileri ve görevleri ne olacak? BBC Türkçe, 01.10.2018 // <https://www.bbc.com/turkce/haberler-turkiye-44737074> (дата обращения – 21.11.2018).

¹⁴ Anayasa Mahkemesi CHP'nin OHAL talebini reddetti. TRT Haber, 30.06.2018 // <https://www.trthaber.com/haber/turkiye/anayasa-mahkemesi-chpnin-ohal-talebini-reddetti-372800.html> (дата обращения – 21.11.2018).

¹⁵ Statement by HR/VP Mogherini and Commissioner Johannes Hahn on the elections in Turkey. European External Action Service, 25.06.2018 // https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/47282/statement-hrvp-mogherini-and-commissioner-johannes-hahn-elections-turkey_en (дата обращения – 19.11.2018).

¹⁶ International Election Observation Mission. Republic of Turkey – Early Presidential and Parliamentary Elections – 24 June 2018. Statement of Preliminary Findings and Conclusions. OSCE PA <https://www.osce.org/odihr/elections/turkey/385671?download=true> (дата обращения – 19.11.2018).

¹⁷ Cumhurbaşkanı Erdoğan'a dünya liderlerinden tebrik yağdı. TRT Haber, 27.06.2018 // <https://www.trthaber.com/haber/gundem/cumhurbaskani-erdogana-dunya-liderlerinden-tebrik-yagdi-372293.html> (дата обращения – 20.11.2018).

¹⁸ 'Türkiye ile müzakereler nihai olarak sonlandırılmalı'. Evrensel, 06.11.2018 // <https://www.evrensel.net/haber/365235/turkiye-ile-muzakereler-nihai-olarak-sonlandirilmali> (дата обращения – 20.11.2018).

¹⁹ Представитель Еврокомиссии опроверг отказ от переговоров с Турцией о членстве в ЕС. Интерфакс, 07.11.2018 // <https://interfax.com.ua/news/general/543356.html> (дата обращения – 20.11.2018).

²⁰ ЕС: Мы призываем Турцию освободить задержанных сторонников активиста Кавалы. МК Турция, 19.11.2018 // <https://mk-turkey.ru/politics/2018/11/19/mot-es-prizval-tureckoe-pravительство-osvobodit-zaderzhannyh.html> (дата обращения – 20.11.2018).

²¹ В Турции заключили под стражу активиста, связанного с сотрудником дипмиссии США. Sputnik, 01.11.2017 // <https://news.sputnik.ru/turizm/ed7b4f3b6aec06206d1c9c7d2afb83bdc4cfa21> (дата обращения – 20.11.2018).

²² В Турции планируют арестовать 380 предпринимателей за связь с Гюленом, РИА Новости, 05.01.2017 // <https://ria.ru/20170105/1485180677.html> (дата обращения – 20.11.2018).

²³ Власти Турции уволили более 18 тыс. госслужащих, НТВ, 08.07.2018 // <https://www.ntv.ru/novosti/2045480/> (дата обращения – 20.11.2018).

²⁴ Remarks by High Representative/Vice-President Federica Mogherini at the press conference following the European Union-Turkey High-Level Political Dialogue Meeting. European External Action Service, 22.11.2018 // https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/54269/remarks-high-representativevice-president-federica-mogherini-press-conference-following_en (дата обращения – 20.11.2018).

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid.

А. В. Болдырев*

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Резюме: В статье на основе авторефератов диссертаций из доступных электронных ресурсов предпринята попытка проанализировать состояние изученности политики Турции в годы Второй мировой войны и наметить перспективы дальнейших исследований. По мнению автора, исследования должны носить комплексный характер: необходимо проанализировать политику США и Великобритании в турецком вопросе, обратить внимание на экономические и внутривнутриполитические причины прозападного разворота Турции. Необходимо также проанализировать состояние развития турецкой историографии Второй мировой войны.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Турция, СССР, советско-турецкие отношения, турецкая историография.

Summary: The article on the basis of the abstracts of theses from available electronic resources attempts to analyze the state of study of the policy of Turkey during the Second World War and to outline the prospects for further research. According to the author, the research should be comprehensive: it is necessary to analyze the policy of the United States and Great Britain in the Turkish issue, to pay attention to the economic and domestic political causes of Turkey's pro-western reversal. It is also necessary to analyze the state and development of the Turkish historiography of the Second World War.

Key words: World War II, Turkey, USSR, Soviet-Turkish relations, Turkish historiography.

* Болдырев Андрей Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН

События 1939–1945 гг. во многом не только определили внешнеполитические приоритеты Турецкой Республики, но и повлияли на социальные процессы внутри страны, обусловив «прозападный» крен правящей элиты. Следует отметить, что идеологизированность советской исторической науки придавала исследованиям внешней политики Турции во многом односторонний характер. Как правило, подчеркивался «благородный характер» советской внешней политики в отношении соседнего государства в любой критический момент ее истории¹. С другой стороны, зарубежная, в том числе и турецкая, историография также несла на себе отпечаток идеологического противостояния, что препятствовало формированию объективной картины развития международных отношений в период Второй мировой войны². В связи с этим многие аспекты советско-турецких отношений не могли стать объектом научного анализа. На сегодняшний день ощущается необходимость нового подхода к изучению советско-турецких отношений указанного периода. Возможности для этого в последние годы значительно увеличились, так как расширился круг источников, доступных исследователям. Перспективность подобных разработок обуславливается также необходимостью обобщения опыта изучения проблемы, проведения комплексного изучения советско-турецких отношений в годы войны, а также исследованием такого нового направления, как турецко-американские отношения. Последнее представляется особенно важным, поскольку позволяет понять, как «политическое одиночество» Турции в годы войны привело к проамериканской ориентации ее элиты. С другой стороны, в последнее время появляется немало работ молодых турецких авторов. Претендуя на то, чтобы по-новому взглянуть на советско-турецкие отношения, они продолжают рассматривать их в прежнем формате, с той лишь разницей, что «советская» угроза признается не единственной причиной, заставившей Турцию отказаться после войны от политики балансирования³.

Подобная трактовка событий распространена и среди российских исследователей. Так, в диссертации Н. М. Галиакбаров «Советско-турецкие отношения в 1939–1941 гг.» отмечается, что эти отношения в 1939–1941 гг. напрямую зависели от

состояния советско-германских отношений. По мнению автора, во время переговоров с министром иностранных дел Турции Ш. Сараджоглу советское руководство действовало в интересах своего германского союзника. Причинами ухудшения советско-турецких отношений называются дипломатические и военные меры, предпринятые СССР в рамках реализации договоренностей с Германией о разделе сфер интересов⁴. При этом не учитывается, что инициатива постановки вопроса о проливах принадлежала Германии, а согласие СССР на раздел сфер влияния было обусловлено желанием получить военно-морскую базу не в турецких проливах, а в болгарской Варне⁵.

В плане изучения советско-турецких отношений в последнее время внимание российских исследователей привлекает реакция на них США и Великобритании⁶. В диссертации кировского исследователя И.В. Смольняка на базе доступных неопубликованных и опубликованных документов предпринята попытка представить системную картину эволюции турецкой политики в отношении США в годы Второй мировой войны, постепенного вовлечения Соединённых Штатов в турецкие политические процессы. Особое внимание в исследовании уделено позиции США по вопросу вступления Турции во Вторую мировую войну в контексте взаимоотношений США с Лондоном и Москвой⁷.

В настоящий момент возникла необходимость в глубоком переосмыслении ситуации, связанной с Черноморскими проливами, проведением ее комплексного геополитического анализа. Данная проблема рассмотрена в докторской диссертации сотрудника Дипломатической академии Т.В. Лавровой. По ее мнению, политика давления на Турцию не принесла СССР положительных результатов, надолго испортил советско-турецкие отношения. Важнейшая для СССР задача – обеспечение своей военной и экономической безопасности на южном направлении – осталась нерешенной⁸.

К сожалению, на этом конкретные диссертационные исследования по турецкой внешней политике в годы Второй мировой войны заканчиваются. Кое-что можно подчерпнуть из сквозных работ. В диссертации московского исследователя С.В. Кизюкова «Эволюция доктринальных основ внешней политики Тур-

ции» дан анализ основных идеологических подходов в турецкой внешней политике, начиная с 1923 г.⁹ Диссертация написана в продолжение монографии С. В. Кизюкова «Внешнеполитические концепции республиканской Турции»¹⁰. Констатируется, что на протяжении всего республиканского периода ведущими принципами турецкой внешней политики были и остаются доктрины кемализма, призванные максимально реалистично оценивать роль страны в международных вопросах¹¹. «Ренессанс» пантюркистских настроений в годы войны автор склонен рассматривать главным образом как общественную тенденцию, которую по ряду причин турецкое правительство предпочло не «упускать из виду»¹². Надо отметить, что данное утверждение противоречит мнению одного из ведущих российских туркологов Н. Г. Киреева, который считает, что причиной возрождения идеологии пантюркизма и «недружественного» нейтралитета в отношении СССР стал отход от внешнеполитической доктрины К. Ататюрка¹³.

В духе кемалистских установок оценивают идеологическую составляющую внешнеполитической линии Анкары и турецкие исследователи. К примеру, Рашида Мрасси отмечает, что подобно всякой политике, внешняя политика Анкары зависела от того или иного конкретного исторического этапа. Так, если после Первой мировой войны Турция стремилась по возможности сохранить за собой прежние позиции, то после Второй мировой войны от нейтралитета она перешла к «попыткам извлечения преимуществ»¹⁴. Эта точка зрения разделяется и другими турецкими историками, по мнению которых этот процесс имел противоречивые последствия для Турции, в частности в том, что касается ее превращения в сателлита Запада. Кайгусуз Джумхур связывает с этим участие Турции в Корейской войне 1950 г. и присоединение к НАТО в качестве полноправного члена (1952 г.)¹⁵. Тем не менее, несмотря на попытки более объективного анализа, доминанта советской угрозы, как главной причины отказа Турции от политики балансирования после войны, остается преобладающей не только в турецких, но и в отечественных исследованиях¹⁶. В этом плане наиболее объективно представляется мнение петербургского востоковеда А. А. Сотниченко, подчеркивающего, что в результате в проигрыше остались обе стороны¹⁷.

Подводя итоги, отметим, что изучение внешней политики Турецкой Республики в годы Второй мировой войны перспективно в трех направлениях:

1. Изучение советско-турецких отношений. Рассмотрение этого направления должно носить комплексный характер, т. е. не ограничиваться внешнеполитическими акциями СССР и реакцией на них турецкой стороны, а проанализировать политику и других игроков в турецком вопросе (прежде всего США и Великобритания). Примером могут служить статьи И. В. Смольняка¹⁸.

2. Следует отойти от исключительно внешних причин прозападного разворота Турции и обратить внимание на внутренние, прежде всего экономические и внутривнутриполитические, причины. Как отмечает в своей статье А. А. Сотниченко, «главной причиной выбора США в качестве стратегического партнера Турции стали особенности ее экономического и политического развития»¹⁹. Нарботки в этом отношении есть. Примером тому служат исследования П. П. Моисеева и В. И. Гусейнова²⁰. В 1967 г. вышла монография Д. И. Вдовиченкова «Борьба политических партий в Турции в 1944–1965 гг.», в 1978 г. – книга армянского исследователя Р. П. Кондакчяна «Внутренняя политика Турции в годы Второй мировой войны»²¹, однако этого явно недостаточно.

3. Давно назрела необходимость появления работ, подытоживающих и оценивающих развитие турецкой историографии Второй мировой войны. Речь идет не о пропаганде в духе «нашего ответа Чемберлену», а об анализе фактологического материала и выводов турецких историков с точки зрения научной объективности. Из работ такого рода в настоящий момент можно назвать только статью Н. М. Галиакбаровской «Идеология пантюркизма периода Второй мировой войны в трудах современных турецких исследователей», вышедшей в журнале «Уральское востоковедение» в 2008 г.²²

¹ Черников И. Ф. Советско-турецкие отношения в 1934–1972 годах. Киев, 1983. Автореферат дисс. докт. ист. наук: 07.00.05. // URL: <http://www.dissercat.com/content/sovetsko-turetskie-otnosheniya-v-1934-1972-godakh#ixzz5XXCL0kmj> (дата обращения – 28.10.2018); См. также: Черников И. Ф. В интересах мира и добрососедства: О советско-турецких отношениях в 1935–1970 гг. Киев, 1977.

² Смольняк И. В. Политика США в отношении Турции в 1939–1945 гг. Киров, 2013. Автореферат дисс. канд. ист. наук: 07.00.03 // URL: <http://www.dissercat.com/content/politika-ssha-v-otnoshenii-turtsii-v-1939-1945-gg#ixzz5XXEtzcs1> (дата обращения – 28.10.2018).

³ Джумхур К. Турецко-советские отношения в контексте международной военно-политической конфронтации: 1920–1991 гг. Автореферат дисс. канд. ист. наук: 07.00.03. Нижний Новгород, 2017.

⁴ Галиакбарова Н. М. Советско-турецкие отношения в 1939–1941 гг. Екатеринбург, 2006. Автореферат дисс. канд. ист. наук: 07.00.15 // URL: <http://www.dissercat.com/content/sovetsko-turetskie-otnosheniya-v-1939-1941-gg#ixzz5XXGDRrXA> (дата обращения – 28.10.2018).

⁵ Оглашению подлежит: СССР – Германия. 1939–1941: Документы и материалы. М., 1991. С. 184–219.

⁶ Смольняк И. В. Политика США в отношении Турции в 1939–1945 гг. Киров, 2013. Автореферат дисс. канд. ист. наук: 07.00.03 // URL: <http://www.dissercat.com/content/politika-ssha-v-otnoshenii-turtsii-v-1939-1945-gg#ixzz5XXEtzcs1> (дата обращения – 28.10.2018).

⁷ Там же.

⁸ Лаврова Т. В. Черноморские проливы как геополитическая проблема современных международных отношений. М., 2001. Автореферат дисс. докт. ист. наук: 23.00.04 // URL: <http://www.dissercat.com/content/chernomorskie-proliwy-kak-geopoliticheskaya-problema-sovremennykh-mezhdunarodnykh-otnoshenii#ixzz5XXJwBJH> (дата обращения – 28.10.2018).

⁹ Кизюков С. В. Эволюция доктринальных основ внешней политики Турции. М., 2008. Дисс. канд. полит. наук: 07.00.02.

¹⁰ Кизюков С. В. Внешнеполитические концепции республиканской Турции: экспансионизм или самоизоляция. Бишкек, 2006.

¹¹ Кизюков С. В. Эволюция доктринальных основ внешней политики Турции. М., 2008. Автореферат дисс. канд. полит. наук: 07.00.02 // URL: <http://cheloveknauka.com/evolyutsiya-doktrinalnyh-osnov-vneshney-politiki-turtsii#ixzz5Xbo3xHRE> (дата обращения – 28.10.2018).

¹² Кизюков С. В. Эволюция доктринальных основ внешней политики Турции. М., 2008. Дисс. канд. полит. наук: 07.00.02. С. 111.

¹³ Киреев Н. Г. История Турции. XX век. М., 2007. С. 244–249.

¹⁴ Мрасси Р. Эволюция концептуальных основ внешней политики Турецкой республики. М., 2010. Автореферат дисс. канд. ист. наук: 07.00.02 // URL: <http://www.dissercat.com/content/evolyutsiya-kontseptualnykh-osnov-vneshnei-politiki-turetskoi-respubliki> (дата обращения – 28.10.2018).

¹⁵ Джумхур К. Турецко-советские отношения в контексте международной военно-политической конфронтации: 1920–1991 гг.: Автореферат дисс. канд. ист. наук: 07.00.03. Нижний Новгород, 2017. С. 41–73.

¹⁶ См., напр.: Мошкин С. В. «Рука Москвы» в истории вступления Турции в НАТО // ПОЛИТЭК. 2009. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ruka-moskvy-v-istorii-vstupleniya-turtsii-v-nato> (дата обращения – 28.10.2018); Мошкин С. В. Дипломатическая война за Черноморские проливы в 1944–1946 годах // Дискурс-Пи. 2016. № 1.

<https://cyberleninka.ru/article/n/diplomaticheskaya-voyna-za-chnomorskie-prolivy-v-1944-1946-godah> (дата обращения – 28.10.2018)

¹⁷ Сотниченко А. А. Пролог «Холодной войны». Турецко-советские противоречия в 1945–1950 гг. в условиях формирования Ялтинской системы международных отношений // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2010. № 2. С. 230–231. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prolog-holodnoy-voyny-turetsko-sovetskie-protivorechiya-v-1945-1950-gg-v-usloviyah-formirovaniya-yaltinskoy-sistemy-mezhdunarodnyh> (дата обращения – 28.10.2018).

¹⁸ См.: Научная электронная библиотека «Киберленинка» // URL: <https://cyberleninka.ru/>

¹⁹ Сотниченко А. А. Пролог «Холодной войны». Турецко-советские противоречия в 1945–1950 гг. в условиях формирования Ялтинской системы международных отношений // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2010. № 2. С. 230. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prolog-holodnoy-voyny-turetsko-sovetskie-protivorechiya-v-1945-1950-gg-v-usloviyah-formirovaniya-yaltinskoy-sistemy-mezhdunarodnyh> (дата обращения – 28.10.2018).

²⁰ Моисеев П. П. Кризис экономики Турции во время Второй мировой войны (1939–1945 гг.): Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. канд. экон. наук / М-во высш. образования СССР. Моск. ин-т востоковедения. Москва: [б. и.], 1952. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005843350> (дата обращения – 28.10.2018); Гусейнов В. И. Внутренняя политика Турецкого правительства в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.): Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук / АН АзССР. Ин-т народов Ближнего и Среднего Востока. Баку, 1967. URL: <http://e-catalog.nlb.by/Record/BY-NLB-rr34275690000> (дата обращения – 28.10.2018).

²¹ Вдовиченков Д. И. Борьба политических партий в Турции в 1944–1965 гг. М., 1967; Кондакчян Р. П. Внутренняя политика Турции в годы Второй мировой войны. Ереван, 1978.

²² Галиакбарова Н. М. Идеология пантюркизма периода Второй мировой войны в трудах современных турецких исследователей // Уральское востоковедение: международный альманах. Уральский государственный университет имени А. М. Горького. 2008. № 3. С. 155–164. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34973202> (дата обращения – 28.10.2018); Советско-турецкие отношения в историографическом плане рассмотрены в диссертации А. Г. Гришина. Однако ко Второй мировой войне эта работа отношения не имеет. Гришин А. Г. Внешняя политика советского государства в первой половине 1920-х годов по англо-американской исторической литературе и источникам. Брянск, 2004. Автореферат канд. ист. наук: 07.00.02 // URL: <http://www.dissercat.com/content/vneshnyaya-politika-sovetskogo-gosudarstva-v-pervoi-pолоvine-1920-kh-godov-po-anglo-amerikan> (дата обращения – 28.10.2018).

Раздел II

ИРАН

Н. М. Мамедова*

КУЛЬТУРНАЯ СЛОЖНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО ИРАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Резюме: В статье поднимаются вопросы, связанные с особенностями культурного развития современного иранского общества, которые во многом зависят от межэтнического и межрелигиозного баланса, от степени формирования национальной общности. Дан анализ различных взглядов на нациестроительство в Иране, обращено внимание на роль религиозного фактора в национальной общности как по государственной принадлежности, так и по культурно-исторической схожести. Автор считает, что объективный ход развития центробежных и центростремительных процессов в формировании иранской нации в последние несколько лет осложнен политико-экономическим давлением на Иран и этнополитической ситуацией в соседних странах, но преобладающим продолжает оставаться тренд на государственную национальную общность.

Ключевые слова: Иран, нация, этносы, конфессиональная структура, ислам, политическая культура.

Summary: The article reviews the issues related to the modern Iranian society cultural development characteristics largely dependent both on the inter-ethnic and inter-religious balance and on the degree of formation of the national community. The author provides an analysis of various standpoints over the nation-building in Iran, giving a special attention to the importance of the religion in the national (ethnic) commonality regarding the aspects of nationality, conformities with culture and history. According to the author over the past few years the objective character of the centrifugal and centripetal processes' course of development in the formation of

* Мамедова Нина Михайловна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИВ РАН.

Статья выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Культурно-сложные общества: понимание и управление»

the Iranian nation has been impeded by political and economic pressure on Iran and the ethno-political situation in neighboring countries, however the state national (ethnic) commonality remains the dominant vector.

Key words: *Iran, nation, ethnic groups, confessional structure, Islam, political culture.*

Формирование культуры любой страны тесно связано с ее историей, географическим положением, экономической структурой, религией и, конечно, с демографическим ландшафтом страны. При исследовании культурной сложности иранского общества возникает ряд вопросов, связанных с тем, является ли иранское общество национальным с точки зрения гражданственности или национальным с точки зрения этнической составляющей.

Для Ирана это сложный вопрос, так как современное иранское общество является не моноэтничным, а полиэтничным. В нациестроительстве в Иране участвовали и до сих пор участвуют два принципа: этнический, т. е. общность по схожести культуры, и территориально-гражданский, т. е. общность по государству. Для Ирана с его древней государственностью, пережившей эпоху империи, распада, образования государства в современных границах, в отличие от ряда других ближневосточных государств в формировании иранского народа как нации всегда присутствовали эти две тенденции. Они иногда сближаются, иногда расходятся – в зависимости и от внешних, и от внутренних факторов. Эти факторы иногда сплачивают народы, населяющие Иран, которые больше начинают ощущать себя иранцами, иногда разделяют их на этнические группы или народности, угрожая расколом страны по этническому принципу.

Иран отличает не только этническое многообразие, но и, хотя и в меньшей степени, конфессиональная неоднородность. Христиане, в большинстве своем представленные армянами и ассирийцами, а также иудеи (евреи) исторически играли большую роль в политической, экономической и культурной жизни Ирана. Персы, как коренное население Ирана, также конфессионально неоднородны, сохранив частично приверженность зороастризму, некоторые, пусть и неофициально – бехаизму, кото-

рый настолько далеко отошел от ислама, что часто выделяется в отдельную религию. Мусульманское население, в подавляющем большинстве своем исповедующее шиизм, также неоднородно, особенно среди национальных меньшинств.

Но наибольшее разнообразие населению Ирана придает этническая составляющая. Кроме того, почти до середины прошлого века немаловажную роль в жизни иранского государства играл и такой аспект, как наличие кочевой цивилизации. Несмотря на то что в большей степени кочевой уклад сохранился среди национальных меньшинств (курды, туркмены и др.), в Иране кочевниками были и иранские народы. Кочевые племена, утрачивая постепенно свою роль в политической и военной структуре Ирана, тем не менее, периодически заявляли о своей значимости, особенно среди национальных меньшинств. Все это приводило к проявлениям этнического сепаратизма, т.е. центробежным тенденциям формирования иранской нации. Наиболее «опасными» для сохранения единства государства в XX в. были 20-е гг., когда в Гиляне была провозглашена Персидская советская республика, развернулись бурные события на территории «Хорасанского Курдистана», а также 40-е гг., когда при поддержке СССР были образованы автономии в Азербайджане и Курдистане. Сегодняшняя ситуация в соседних с Ираном странах, обострившая религиозно-этнические проблемы, вновь актуализировала в иранском обществе вопросы, связанные с национальной идентичностью. Ранее подобные проблемы проявили себя в условиях распада СССР, вызвавшие рост националистических настроений среди азербайджанцев и туркмен Ирана. Такой рост конфессиональных и этнических противоречий идет в противовес процессу глобализации и регионализации¹, которые отдавали приоритет принципу государственных интересов и государственного единства.

Иранские трактовки нации

Иранцы как нация в настоящее время сформировались. Следует отметить, что в самом Иране широко обсуждаются вопросы нациестроительства. Разногласий о складывании разных этнических групп, населяющих Иран, в единую нацию фактически нет, больше расхождений вызывает вопрос о том, какие факторы

были преобладающими для складывания народов, населяющих Иран, в единую нацию. Дискутируется также вопрос о периодах, которые можно считать временем складывания нации и самого понятия иранской нации с точки зрения национальной идентичности. Например, Афшин Мараши, работа которого вызвала широкую дискуссию в Иране и за его пределами, считает таким периодом 1870–1940-е гг., т. е. связывает его с территориально-гражданской, или европейской, концепцией².

В этом отношении интересно привести положение В. А. Тишкова, что можно говорить о нации тогда, «когда появляется сам концепт в общеразделяемом членами сообщества смысле. Если нет слова, то нет и нации»³. При этом, как отмечают авторы аналитического доклада ИМЭМО⁴, интересно сопоставить синонимические ряды термина «нация – *nation*». Если в английском языке большинство синонимов говорят о понимании нации как государства, то в русском языке на первый план выходит *нация* как этническое сообщество, но понимание термина «нация» В. А. Тишковым ближе по смыслу к английскому термину⁵.

В Иране есть понятие нации – это слово «*меллят*», более близкое к пониманию нации как принадлежности к одному государству. Симптоматично, что в значении «нация» слово «*меллят*» стало употребляться в начале XX в., особенно в период развертывания Конституционного движения 1905–1911 гг., т. е. тогда, когда на повестку дня были поставлены вопросы общегосударственного характера. Среди них главным был вопрос о взаимоотношении власти и всего народа, населявшего страну, его участия в управлении государством. Особенно широко понятие «*меллят*» или нации или иранцев, вводилось в сознание народов Ирана в период правления династии Пехлеви. В основе понятия иранской нации лежала главным образом общность истории, государства и культуры.

А как это понятие было воспринято в исламский период? Во время развертывания исламского движения в Иране и в первое время после Исламской революции в лозунгах присутствовало только слово «*умма*»⁶ (община), или народ – *мардам*. В работе одного из идеологов Исламской революции М. Мотаххари «Иран и ислам: история взаимоотношений»⁷, признававшего понятие

«*меллят*», на первое место в формировании нации выдвигалась идея исламского единства. М. Мотаххари полагал, что хотя ислам изначально внеационален, но, будучи добровольным историческим выбором иранского народа, он становится «сугубо национальным явлением»⁸. При этом в самом понятии национализма он видит только западные корни и главное внимание обращает на принципы исламского единства.

Но уже в принятой в декабре 1979 г. конституции слово «*нация*» присутствует. Если в ее Преамбуле говорится только об умме, то уже в следующем разделе – «Цена, которую заплатил народ» – введено понятие иранской нации – *меллят ирани*, т. е. понятие иранцев как граждан Ирана.

Роль религиозной общности

Несомненно, что в формировании иранцев как нации огромную роль сыграла религиозная общность. В Иране и до принятия ислама народы иранской империи религиозно объединял зороастризм, сохранившийся до наших дней. Любопытно, что в настоящее время в условиях исламского правления считается, что в основе культурного самосознания и идентичности иранцев лежат религиозные верования и приверженность иранцев к монотеизму в течение тысячелетий, т. е. принятие ислама трактуется как культурная преемственность⁹.

Официальной религией Исламской Республики Иран по конституции является ислам джафаритского толка, или шиизм, хотя это слово в конституции отсутствует. Однако конституция предусмотрела конфессиональные права последователей других мазхабов – и шиитских, и суннитских, а также права христиан, иудеев и зороастрийцев. Как видим, совмещение и гражданской, и этноконфессиональной компоненты в формировании иранцев как единой нации закреплено юридически.

Конфессиональное разнообразие Ирана

В конфессиональном отношении Иран относительно монолитен, что является фактором, сплачивающим этносы в нацию. Согласно переписи населения 2016 г. мусульманами являются

99,6% населения страны. Конфессиональная структура страны характеризуется данными табл. 1.

Таблица 1

Конфессиональная структура иранского населения, чел.

Религия	2011 г.	%	2016 г.	%
Население, всего	75 149 669	100,0	79 926 270	100,0
Мусульмане	74 682 938	99,4	79 598 054	99,6
Христиане	117 704	0,16	130 158	0,16
Иудеи	8 756	0,01	9 826	0,01
Зороастрийцы	25 271	0,03	23 109	0,03
Другие	49 101	0,06	40 551	0,05
Не установлено	265 899	0,34	124 572	0,15

Источник: Selected findings of the 2016 National Population and Housing Census. P. 20.

Конфессиональная однородность за прошедшие пять лет возросла, индекс устойчивости общества с точки зрения преобладания мусульманского населения приблизился почти к единице.

Но следует обратить внимание на значительное число лиц, вероисповедание которых не установлено, что свидетельствует о значительных слоях населения, предпочитающих скрывать свою принадлежность к конфессиям, либо запрещенным, либо ограниченным в своих правах. И это относится даже к мусульманскому населению страны.

***Неоднородность исламской общины
как центробежный фактор***

Выше мы говорили о том, что мусульманская община Ирана (99,6% населения) внутренне неоднородна. И это проявляется в первую очередь по линии шииты (более 90% населения) – сунниты. Оценки их численности приблизительны. По данным CIA Factbook от 12 февраля 2019 г., доля шиитов в населении страны определялась в 90–95%, доля суннитов в 5–10%¹⁰, т. е. разница достигает 3–5 млн человек. Большинство мусульман-суннитов

Ирана – это курды, белуджи, арабы, живущие на западных и южных границах страны. Большая часть иранских суннитов является последователями ханафитского (белуджи) и шафиитского (в основном, курды) мазхабов, признанных конституцией страны. Официально последователи суннитских мазхабов имеют одинаковые права с шиитами, но, тем не менее, периодически появляются сообщения о недовольстве суннитского населения из-за запрета на открытие новых мечетей. В последние несколько лет увеличилось финансирование суннитских районов, в том числе на строительство и ремонт мечетей. По данным официальной брошюры «Общие сведения о суннитских мечетях и медресе Ирана», в 2010 г. функционировало более 12,2 тыс. суннитских мечетей. По провинциям (останам) они распределялись следующим образом:

Таблица 2

Количество суннитских мечетей в останях

Наименование остана	Количество
Фарс	232
Бушир	115
Курдистан	2000
Хорасан	1025
Хормозган	1193
Западный Азербайджан	1800
Систан и Белуджистан	4029
Голестан	1233
Гилян	175
Керманшах	420
<i>Всего:</i>	12 222

Источник: «Общие сведения о суннитских мечетях и медресе Ирана». Материалы конференции «Исламское единство». Тегеран, 2012.

Чуть более половины мечетей принадлежат ханафитам (6,3 тыс.)¹¹.

Анализируя особенности нациестроительства, мы не можем не учитывать наличие в исламе – и в суннизме, и даже в шиизме

различных тарикатов. Да, в шиизме они находятся фактически под запретом, но в реальности они сохраняются, особенно среди этнических меньшинств. Это находит свое отражение не только в культуре, в особенностях социальных отношений, но и в политических процессах. В настоящее время это наиболее отчетливо проявляется не только в отношении к бехаитам, но и к суфийским орденам, например к общине Яросан (Али-илахи, ахле-хакк)¹², к общине Гонабади суфийского ордена Ниматуллахи¹³. Адепты этого суфийского ордена неоднократно выступали против ущемления их прав, и эти выступления жестко подавлялись. В декабре 2014 г. ходжат-оль-эслам Али Юнеси, специальный помощник Х. Роухани по делам религиозных и этнических меньшинств, признал, что обращение с дервишами было «произвольным» и не соответствует политике правительства, и жестокое обращение с дервишскими общинами, имевшее место в прошлом, противоречит интересам страны¹⁴.

В феврале 2018 г. дервиши Гонабади организовали масштабную демонстрацию протеста против нарушения их прав, в результате более 200 участников были осуждены¹⁵. По словам членов общины Яросан, им запрещено строить культовые сооружения, хоронить с соблюдением обычаев этой общины, даже иногда носить усы на рабочих местах¹⁶. Такая внутренняя неоднородность внутри конфессий, как фактор напряженности, отмечается в ряде стран¹⁷, и Иран – не исключение.

Этническое многообразие Ирана

Иран является многонациональной страной. Считается, что он занимает 16-е место в мире по разнообразию этносов и языков. Национальные меньшинства составляют значительные сегменты иранского населения. В большинстве своем эти меньшинства являются коренными жителями Ирана или живут в нем исторически долго. Крупные меньшинства Ирана – это в первую очередь азербайджанцы – второй по численности после персов народ Ирана, затем курды, достаточно большие анклавы образуют белуджи, туркмены¹⁸. Небольшие по численности меньшинства – это арабы, ассирийцы, армяне, евреи и др. Именно

эти последние группы, кроме арабов, являются не только национальными, но и конфессиональными меньшинствами в Иране. Национальность как принадлежность к определенной этнической группе в Иране не отражается в официальных документах, переписи населения учитывают только конфессиональную принадлежность. Оценка этнических групп возможна только на основе исторических (в том числе на основе их географического расселения) и лингвистических факторов. Население страны можно условно разделить на такие четыре группы: ираноязычные, тюркоязычные, семитские и отдельная группа, самая неоднородная по составу, – это представители всех остальных этносов (армяне, грузины, хазарейцы, цыгане и т. д.)¹⁹. Определенное представление о соотношении этносов может дать структура населения по останам, часть которых названа по этническому принципу.

Таблица 3

Численность населения Ирана по останам

Останы	2011 г.	2016 г.	Кочевые** (2011 г.)	Кочевые (2016 г.)
	75 149 669	79 926 270	56 225	48 798
Вост. Азербайджан	3 724 620	3 909 652	–	8
Зап. Азербайджан	3 080 576	3 265 219	–	16
Альборз	2 412 513	2 712 400	–	104
Ардебиль	1 248 488	1 270 420	–	150
Исфаган	4 879 312	5 120 850	104	468
Элам	557 599	580 158	1376	451
Бушер	1 032 949	1 163 400	2563	1950
Техран	12 183 391	13 267 637	122	709
Чахармахаль и Бахтиария	895 263	947 763	1446	652
Южный Хорасан	662 534	768 898	45	1
Хорасан Разави	5 994 402	6 434 501	787	456
Сев. Хорасан	867 727	863 092	1787	1213

** Не установленное население, в основном к этой категории относится кочевое население.

Окончание таблицы 3

Хузестан	4 531 720	4 710 509	12 001	4708
Зенджан	1 015 734	1 057 461	–	1
Семнан	631 218	702 360	–	–
Систан и Белуджистан	2 534 327	2 775 014	3088	2040
Фарс	4 596 658	4 851 274	14 576	17244
Казвин	1 201 565	1 273 761	537	2
Кум	1 151 672	1 292 283	3	2
Курдистан	1 493 645	1 603 011	–	4
Керман	2 938 988	3 164 718	6802	3574
Керманшах	1 945 227	1 952 434	3512	5375
Кухгилуйе и Боерахмад	658 629	713 052	1485	1582
Голестан	1 777 014	1 868 819	764	1658
Гилян	2 480 874	2 530 696	3	10
Лурестан	1 754 243	1 760 649	876	1845
Мазендеран	3 073 943	3 283 582	5	7
Центральный	1 413 959	1 429 475	–	21
Хормозган	1 578 183	1 776 415	3333	2081
Хамедан	1 758 268	1 738 234	994	2012
Йезд	1 074 428	1 138 533	16	454

Источник: Selected findings of the 2016 National Population and Housing Census.

В Восточном Азербайджане преобладает азербайджанское население, в Западном Азербайджане живут азербайджанцы и курды, азербайджанцы живут преимущественно и в новых останках – Ардебиле и Зенджане. Систан и Белуджистан населяют в основном белуджи, Голестан и Северный Хорасан – туркмены. Курды живут преимущественно в Курдистане, в Керманшахе и Западном Азербайджане, в Хузестане – арабы, в Лурестане, Чахармахале и Бахтиярии, в Кухгилуйе и Бойерахмаде и в Эламе – луры, бахтияры.

Бывший посол ИРИ в Российской Федерации Реза Саджади в своем блоге приводит такой этнический состав иранского

населения: персы – 61%, азербайджанцы – 16%, курды – 10%, лезгины – 6%, арабы – 2%, белуджи – 2%, туркмены – 2%, другие – 1%²⁰. Эти данные практически совпадают с данными CIA Factbook за 2014 г. Однако ряд экспертов оценивают долю персов лишь приближающуюся к 50%, увеличивая долю тюркского населения. В любом случае, пока персы остаются самой крупной этнической группой, хотя индекс этнической неоднородности из-за постепенного уменьшения доли персов в населении чрезвычайно высок. Не случайно в 2013 г. – впервые в Иране при президенте Х. Роухани – был введен пост специального помощника по делам национальных меньшинств и конфессий. Отражением этноконфессиональной нестабильности стали массовые протестные демонстрации конца 2017 – начала 2018 г. Хотя эти выступления не имели характера сколько-нибудь отчетливо выраженного этнического сепаратизма, наиболее широко они прошли в провинциях и городах с преобладанием национальных меньшинств. В Докладе Генерального секретаря ООН, подготовленного после этих событий в августе 2018 г., отмечалось, что «по мнению организаций гражданского общества и ученых, неравенство, маргинализация, недостаточные объемы инвестиций и отсутствие доступа к государственным услугам в приграничных районах и провинциях подпитывали недовольство этнических и религиозных меньшинств»²¹. В Докладе отмечались случаи дискриминации представителей этнических меньшинств в области образования, трудоустройства, ограничения в использовании языков меньшинств и их культурной практики в области начального и среднего образования, а также то, что большинство политических заключенных приходится на представителей меньшинств. Согласно данным статистического центра Ирана за 2017/18 г. наибольший удельный вес безработных (при среднем по стране в 12,1%) наблюдался в национальных останках: Керманшахе – 21,6%, Курдистане – 13,7%, Хузестане – 14,7%, Чахармахале и Бахтиари – 20,8%, в Восточном Азербайджане – 14,3%²². Сравнение статистических рядов по удельному весу безработных за ряд лет (с 2011/12 г. по 2015/16 г.) дает схожую картину: наиболее высокий уровень безработных характерен для национальных провинций.

Таблица 4

**Удельный вес экономически активного населения
и безработицы (всего и по группам населения)
по провинциям за 2015/16 г.**

Останы	Эк. активное население	Безработные, всего	Удельный вес безработных (от 15 до 24 лет)	Удельный вес безработных (от 15 до 29 лет)
Страна, в том числе:	38,2	11,0	26,1	23,3
Ардебиль	43,7	12,8	31,1	27,3
Чахармахаль и Бахтиария	36,1	16,4	36,9	33,5
Систан и Белуджистан	29,9	11,5	29,9	23,6
Курдистан	40,2	13,3	35,0	29,2
Керманшах	39,5	17,6	36,4	37,5
Кухгилуйе и Боерахмад	34,5	17,7	48,8	43,2
Лурестан	36,2	13,3	34,3	33,8

Источник: Statistical Centre of Iran. Iran Statistical Yearbook 1394 (2015/16). P. 204.

Среди молодежи от 15 до 29 лет безработица среди бахтияр и луров превышает общенациональную в 1,44 раза, в Керманшахе – в 1,6 раза, а в Кухгилуйе и Боерахмаде – в 1,8 раза. Безусловно, такая разница в экономическом положении провинций идет в противовес сближению этносов. В такой ситуации начинает уменьшаться значимость такого фактора нациестроительства, как быстрый рост урбанизации. Снижение темпов экономического роста, проявившееся в Иране прежде всего в сокращении строительных работ и промышленного производства, привело к более высоким темпам роста безработицы в городах²³.

Особенно сложная обстановка сложилась в провинции Систан и Белуджистан, где более 80% всего населения (2,5 млн) являются белуджами-суннитами, а часть представлена кочевниками (3,1 тыс.)²⁴. Как отмечается в докладах ООН, многие не имеют официального подтверждения гражданства и поэтому сталкиваются с многочисленными проблемами, включая

исключение доступа к государственной социальной помощи, такие как социальные выплаты, здравоохранение и образование. После 2013 г. правительство Х. Роухани пытается решить эти проблемы. К марту 2018 г. было выдано 24 тыс. свидетельств о рождении, дающие право на иранское гражданство и на право называть себя иранцами. Кроме того, Министерство образования стало выдавать разрешение посещать школу без свидетельств о рождении²⁵. Не исключено, что подобные проблемы возникают в курдских районах, в арабских районах Хузестана, где более 12 тыс. человек являются кочевниками.

Из-за событий на Ближнем и Среднем Востоке, которые актуализировали курдскую проблему, необходимо остановиться на включенности иранских курдов в формировании иранской нации. По мнению иранских исследователей Махмуда Шури (член научного совета, научный сотрудник Института изучения Ирана и Евразии) и Аффифе Абеди (ведущий эксперт по международным вопросам исследовательской группы по Евразийскому региону Научного центра стратегических исследований при Совете по целесообразности принимаемых решений ИРИ), курдский вопрос в Иране имеет существенное отличие от аналогичного вопроса в других странах. Они полагают, что сепаратистские тенденции среди иранских курдов обусловлены главным образом чуждой им идеологией, политическими проблемами, а «не с проблемой идентичности, как в Ираке, Сирии и Турции»²⁶.

Хотя все иранцы свою национальность как принадлежность к этносу помнят, но на вопрос о национальности, как правило, говорят – иранец. Несомненно, что на самосознание иранцев огромное влияние оказывала не только богатая персидская литература и искусство, но и историческое прошлое, такая особенность иранского менталитета, как историческая память, которая сохранила имперскость мышления.

Фактором, усиливающим этническое многообразие иранского общества, является миграция в Иран населения соседних стран. После революции 1979 г. Исламская Республика Иран неоднократно возглавляла списки стран, принимающих беженцев. В 1991 г. число мигрантов превысило 4 млн., из них 3 млн

были афганскими беженцами, появившимися после советского ввода войск в Афганистан в 1979 г., и 1,2 млн иракцев, покинувших Ирак в течение ирано-иракской войны (1980–1988 гг.). Несмотря на то что Иран проводит политику по возвращению беженцев на родину, часть их смогла получить иранское гражданство, а часть продолжает оставаться в Иране, составляя довольно значительную прослойку населения (см. табл. 5).

Таблица 5

**Численность населения Ирана
по гражданской принадлежности**

Гражданство	2011 г.	2016 г.
Население, всего	75 149 669	79 926 270
В том числе граждане Ирана	73 461 474	78 166 822
Граждане Афганистана	1 452 513	1 583 979
Граждане Ирака	51 506	34 532
Граждане Пакистана	17 731	14 320
Граждане Турции	1 639	713
Граждане других стран	24 290	20 844
Не установлено	140 516	105 060

Источник: Selected findings of the 2016 National Population and Housing Census.

Хотя доля неграждан в населении Ирана практически не изменилась (в 2011 г. она составляла 2,25%, а в 2016 г. – 2,20%), тем не менее в 2016 г. их количество превышало 1,7 млн человек. Увеличение произошло за счет афганцев, в том числе за счет новых мигрантов, главным образом хазарейцев, являющихся шиитами, но вносящим разнообразие в этническую палитру Ирана. Однако после введения американских санкций в 2018 г. и ухудшения экономической ситуации в Иране приток афганцев сократился, а их отток стал увеличиваться. По данным Международной организации по миграции (МОМ), в 2018 г. вернулось около 780 тыс. афганцев, не имеющих документов. Афганцы в основном были заняты в теневой экономике Ирана, а этот сегмент также стал сокращаться²⁷.

О подданистическом типе нации

Для анализа характера восточных обществ плодотворным является положение В. Я. Белокреницкого о том, что в гражданско-территориальном концепте нации на Востоке можно проследить «подданистический» тип, связанный с харизматическим типом власти, «с безусловной подчиненностью общества носителям власти»²⁸. Особенно важно это для шиитов, у которых основным принципом легитимности власти в отсутствие скрытого имама является уровень ее признания всей уммой. И несмотря на реально созданные после революции демократические институты власти, одним из значимых факторов, который сплачивает многонациональный Иран в единую нацию, является ее харизматический лидер Хомейни. Не случайно постоянное обращение власти к его личности и наследию, особенно в сложные для страны ситуации. Умма рассматривает подчинение духовному лидеру, которым сейчас является Али Хаменеи, как подчинение Аллаху и своей религиозной обязанностью, придающее народу уверенность в своих силах²⁹. Представляется, что это влияние рахбара заметно ослабеваает, как и идея вelayате-факих, фактически опиравшаяся на харизматичность Хомейни. Иранский ученый Сейед Мохаммад-Таги Ал-е Гафур, рассматривая совокупность элементов и компонентов иранского общества как источников культуры, определяет политическую культуру иранского народа «как «подданически-активистскую, причем большая ее часть определяется чертами, присущими подданическому типу»³⁰. Истоки этой культуры он видит в семье – с ее патриархальностью, отношениями господства-подчинения, зависимостью, стремлению к власти как самоцели, а не как к средству. При этом в качестве доказательства своего определения он приводит период до Исламской революции, когда в традиционной структуре власти закон был представлен волей шаха, а общество представляло собой структуру, напоминающую порядок в патриархальной семье.

В первые несколько десятилетий исламского режима происходила, как отмечалось многими иранистами, трансформация таких компонентов, как иранского влияния (*ираньян*) и ислам-

ского (*исламиян*) в сторону усиления первых. Но ведь внутри самой компоненты *ираньян* тоже возможна трансформация. На мой взгляд, в ней в сегодняшнем Иране заметно возрастание этнического фактора. И хотя это открыто не выражается через массовые сепаратистские этнические движения, периодически эти противоречия в самом концепте *ираньян* проявляются. Противники режима также пытаются использовать этот фактор. В ситуации с Ираном все осложняется крайне обострившимися конфликтами в регионе, в которые Иран оказался либо непосредственно, либо опосредованно втянут. Особенно значимым оказывается то, что по границам Иран населен разделенными народами. Помимо этнического фактора действует внешний фактор, что осложняет формирование иранского общества как единого народа.

Изменение соотношения между *ираньян* и *исламиян* может оказывать разное воздействие на процесс складывания нации. С одной стороны, в сторону этнического сепаратизма «работает» то, что когда компонента *ираньян* усиливается, то сужается поле для внутриконфессиональных противоречий в рамках *исламиян*.

С другой стороны, снижение уровня межконфессиональных противоречий становится фактором, сплачивающим иранское общество, а следовательно, в этом случае в самом концепте *ираньян* усиливается общенациональная значимость.

Для Ирана проблема соотношения «этносты – иранская нация» в настоящее время вновь повысила свою актуальность из-за воздействия внешних факторов. Из таких факторов, которые могут представлять угрозу общенациональной общности, помимо националистических движений в соседних государствах, особенно в связи с курдской проблемой, следует отметить санкционный режим. Наложение на Иран жестких санкций со стороны США после мая 2018 г. уже привело к осложнению экономической ситуации. Страна едва успела восстановить после отмены в январе 2016 г. международного санкционного режима положительный темп роста ВВП, привлечь к участию в развитии иностранные инвестиции, как вновь оказалась под санкциями. Вновь замедлились темпы роста до отрицательных показателей, из страны вышли иностранные компании, сократилось промыш-

ленное производство, нарушился порядок финансовых расчетов. Неизбежный при этом рост безработицы и инфляции привел к всплеску социального недовольства, обострению противоречий между различными стратами общества. Исключать перерастание этих противоречий в этносоциальные нельзя. Однако в настоящее время акценты на общеиранские ценности, а также конфессиональная общность в условиях исламского правления значительно перевешивают факторы развития этнического сепаратизма. Возможно, на это «работает» то, что шиизм исторически находился в состоянии обороны от суннитского большинства, санкции США ассоциируются с Израилем и Саудовской Аравией, а это в определенных обстоятельствах сплачивает шиитские различные этносы в одну нацию.

Особенности формирования иранского государства как государства национального, формирование иранцев как нации-государства определили и особенности его культуры в ее разных проявлениях.

В экономической культуре больше совпадающих с другими мусульманскими странами компонентов, но есть и свои особенности. Это относится даже к элементам «исламской экономики», функционирующим в других странах Востока. Принципиальных различий в работе вакфов и исламских банков нет, в работе страховых компаний также достаточно много совпадений. Пожалуй, наиболее отличительной чертой экономики Ирана после исламской революции стало появление исламских фондов – *боньядов*, по форме напоминающих вакфы, но которые по исламскому праву нельзя к ним отнести, так как они созданы не добровольно, а в результате конфискации.

Отличается от других исламских стран и налоговая система Ирана, не только сохранившая официальную налоговую систему, принятую ранее, и которая лежит в основе доходной части иранского бюджета, но и исламскую систему. Последняя действует на добровольной основе как шиитская система, в основе которой лежат доходы от *хумса* (20% дохода). Они могут составлять огромные суммы, которые частично расходуются на благотворительные нужды, на поддержку национальных отсталых провинций, на поддержку других конфессиональных групп. Эти

различные элементы исламской экономической культуры изменяются под влиянием потребностей современного развития, иногда практически уходят из экономической жизни, иногда вновь возрождаются, как, например, ранее почти не использовавшаяся в Иране *хавала* для финансирования операций в условиях санкционного режима в 2010-х гг.

Эти различные элементы экономической культуры в настоящее время в большей степени являются фактором, сплачивающим этносы и конфессиональные общины в единую нацию. Во время пребывания делегации иранистов в Иране в 2017 г. официальными лицами говорилось о том, что за счет хумса были выделены средства на строительство суннитской мечети в Белуджистане. В женской школе, работающей при зороастрийском храме в Тегеране, учатся представительницы других конфессий.

Своеобразие политической культуры

Особенности формирования иранского государства как государства национального, формирование иранцев как нации-государства определили и особенности его культуры в ее разных проявлениях. Отразилось это и на политической культуре Ирана. В связи с этим следует вспомнить о возникших в Иране таких течениях, как манихейство и маздакизм, оказавших влияние и на мировую политическую культуру. Само по себе принятие шиизма в качестве официальной религии позволило Ирану стать независимым от религиозной власти других стран. В середине XIX в. возникло мощное бабидское религиозное движение, бехаизм, предпринявший попытку приблизить исламские нормы к европейским. Ведущаяся до сих пор борьба с бехаизмом, сам арест оппозиционеров под предлогом их принадлежности к бехаитам свидетельствует об их сохраняющемся влиянии. После 1979 г. в Иране была создана уникальная структура политической власти, уникальная даже с точки зрения шиизма. Закрепленная конституционно она получила абсолютное одобрение населения в ходе референдума.

При этом исторически присущие Ирану объединения в различные сообщества – по религиозному, культурному, эконо-

мическому, политическому принципу, – влияние религиозно-экономических кланов сосуществуют с европейскими принципами выборности власти. Если рассматривать выборность как один из маркеров демократии, то, пожалуй, мало найдется мусульманских стран с такой широкой амплитудой выборности власти, как в Исламской Республике Иран – от религиозного лидера страны, высших органов власти до местных советов, что дает представление об очень сложной мозаике иранской политической культуры. Лидером страны, занимающим, согласно конституции, главный государственный пост в стране является этнический азербайджанец. Азербайджанцы и курды широко представлены в органах власти. В Иране традиционно представители тюркских племен присутствовали во власти, являлись основателями шахских династий, не исключая основателя династии Пехлеви, мать которого принадлежала к бакинской знати.

В заключение необходимо отметить, что отмеченная выше тенденция к сужению влияния на общество ислама (*исламиян*) как фактора, сближающего нацию, могла бы в условиях Ирана проявиться более отчетливо. Этническое разнообразие также могло бы привести к центробежным тенденциям. Это вполне вписывается в процесс «многоуровневой фрагментации» в государствах региона³¹. Но этому препятствует внешний фактор в виде санкций и угрозы вмешательства извне, что на данном этапе развития, на мой взгляд, больше действует в сторону сплочения населения Ирана в одну нацию-государство. Конечно, вывод – спорный, но иранские реалии его пока подтверждают.

¹ Семененко И. С. Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 11. С. 94.

² Afshin Marashi. Nationalizing Iran: Culture, Power and the State, 1870–1940. 2008. P. 165.

³ Культурная сложность современных наций. М., 2016. С. 8.

⁴ Регулирование этнополитической конфликтности и поддержание гражданского согласия в условиях культурного многообразия: модели, подходы, практики. Аналитический доклад. Москва, 2017.

⁵ Там же. С. 56.

- ⁶ Анализ трактовки термина «умма» дан в: Наумкин В.В. Ислам и мусульмане: культура и политика. М., 2008. С. 650–652.
- ⁷ Мутахарри М. Ислам и Иран: история взаимоотношений. СПб., 2008.
- ⁸ Гибадуллин И. Муртаза Мутаххари и исламская революция в Иране. М., 2015. С. 253.
- ⁹ Хоррамшад, Мохаммад-Багер; Моттаги, Афшин. Роль Исламской революции в укреплении «умной силы» Исламской Республики Иран // Иран в условиях новых геополитических реалий. М., 2019. С. 162. В Иране опубликовано в: «Моталеате годрате нарм», 1395 (2016/17), № 15. С. 22–46. Пер. на рус. яз. И. Р. Гибадуллина.
- ¹⁰ <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ir.html>
- ¹¹ <https://munir-hazrat.livejournal.com/80010.html> (дата обращения – 27.01.2019).
- ¹² Адептами этой религиозной группы в основном являются курды на западе Ирана, востоке Ирака, но также луры, арабы и персы. «Ахл-е Хакк» также причисляют к язданиям, близкую к сирийским алавитам. Территория компактного расселения общины Ярослав концентрируется в районе Керманшаха, где находятся две главные святыни секты: гробница Султана Сахака в Пердиваре и гробница Баба Ядгара в Зохабе. В этом остане члены «Ахл-е Хакк» составляют около трети населения.
- ¹³ Суфийский орден Ниматуллахи возник в Иране в XIII–XIV вв. Первоначально был суннитским, но затем – шиитским. Распался на ряд сект, в том числе общину Гонабади. С 1953 по 2008 г. главой этого братства был д-р Джавад Нурбахш (Нур Али Шах II). При нём ханаки братства появились на Западе. В настоящее время ханаки живут в Северной Америке, Европе, Африке, Австралии, в России. С 2008 г. главой братства является Алиреза Нурбахш (Реза Али Шах), живущий в Лондоне.
- ¹⁴ Report of the Special Rapporteur on the situation of human rights in the Islamic Republic of Iran, Ahmed Shaheed. Human Rights Council Twenty-eighth session. 12 March 2015. P. 47.
- ¹⁵ <https://amnesty.org.ru/r/2019-01-24-iran/> (дата обращения – 02.02.2019).
- ¹⁶ Report of the Special Rapporteur on the situation of human rights in the Islamic Republic of Iran. 5 March 2018. Human Rights Council. Thirty-seventh session. P. 16–17.
- ¹⁷ Барановский В. Г., Наумкин В. В. «Мир веры» и «мир неверия»: экспансия и редукция религиозности // Полис. Политические исследования. 2018. № 6. С. 8–31.
- ¹⁸ Мамедова Н. М. Межконфессиональные отношения в Иране и их влияние на ситуацию в регионе // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. 2017. Т. 159. Кн. 6. С. 1510.
- ¹⁹ Сухоруков А.Н. Население Ирана: единство в многообразии // История, цивилизация, общество: опыт, современное состояние и пути развития. СПб., 2017. С. 41.
- ²⁰ <https://sajjadi.livejournal.com/298348.html> (дата обращения – 20.02.2019).
- ²¹ Положение в области прав человека в Исламской Республике Иран. Доклад Генерального секретаря ООН. 73-я сессия. 6 августа 2018 г. С. 8/22, 18/22.
- ²² Statistical Centre of Iran. A Selection of Labor Force Survey Results The Year 1396 (March 21, 2017 – March 20, 2018). P. 10.
- ²³ Statistical Centre of Iran. Iran Statistical Yearbook 1394 (2015|16). P. 207–208.
- ²⁴ Ibid. P. 144.
- ²⁵ Report of the Special Rapporteur on the situation of human rights in the Islamic Republic of Iran. Human Rights Council Thirty-seventh session. 26 February – 23 March 2018. P. 17.

²⁶ Шури М., Абеди А. Иран, Россия и курдский вопрос на Ближнем Востоке // Иран и Россия на Ближнем Востоке. М., 2018. С. 231.

²⁷ <https://www.vestifinance.ru/articles/114470> (дата обращения – 8.02.2019)

²⁸ Белокреницкий В. Я. Особенности национализма и наций-государств на Востоке, в исламском мире (пример Пакистана) // Нации и национализм на мусульманском Востоке. М., 2015. С. 17–19.

²⁹ Хоррамшад, Мохаммад-Багер. Моттаги, Афшин. Роль Исламской революции в укреплении «умной силы» Исламской Республики Иран // Иран в условиях новых геополитических реалий. М., 2019. С. 161.

³⁰ Сейед Мохаммад-Таги Ал-е Гафур. Роль культуры в политической структуре современного Ирана // Идейные процессы в Иране. М., 2017. С. 41.

³¹ Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте. М., 2018. С. 2.

М. С. Каменева*

**ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА
В КОНТЕКСТЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ
РУКОВОДСТВА ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН
(на примере положения бахаи и еврейской общины)**

Резюме: Статья посвящена анализу политики руководства Исламской Республики Иран преимущественно в социокультурной сфере в отношении проживающих в стране этноконфессиональных меньшинств. В качестве объекта исследования предложены две общины современного Ирана – еврейская и бахаи. На их примере сделана попытка показать общее и особенное в отношении к ним иранской власти, а также в процессах, происходящих внутри этих общин, в том числе и под влиянием внешних факторов. В статье показано, что иранские евреи, являющиеся этноконфессиональным меньшинством, находятся в значительно более выигрышной ситуации, чем представители конфессионального меньшинства – бахаи.

Ключевые слова: Исламская Республика Иран, национальный вопрос, этно-конфессиональное меньшинство, еврейская община, бахаи Ирана, исламская революция, дискриминация.

Summary: The article is devoted to the analysis of the leadership's policy of Islamic Republic of Iran in social and cultural sphere with the respect to residents of ethno-religious minorities. Two communities of modern Iran has been offered as an object of the study – Jewish and Bahá'í. Their example is an attempt to show the general and local in the relation to them by the Iranian authorities, as well as in the processes taking place within these communities, including under the influence of external factors.

* Каменева Марина Самуиловна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН

The article shows that Iranian Jews as the ethno-religious minority are in a much more advantageous position than the confessional minority – Bahai.

Key words: *Islamic Republic of Iran, nationalities question, ethno-confessional minority, Jewish community, Iranian Bahai, Islamic revolution, discrimination*

Данные о численности этноконфессиональных меньшинств Ирана – армян, ассирийцев, евреев, зороастрийцев, а также бахаи – носят оценочный характер и предлагают цифру всего не более 1,5% почти 85-миллионного населения страны. Однако вопросы, связанные с существованием этих групп в иранском обществе, несмотря на их исследованность, являются объектом повышенного интереса и внимания политиков и ученых как в Иране, так и в других странах мира. И это объясняется целым рядом причин. Так, например, изучение положения еврейской общины Ирана приобретает особую остроту на фоне существующих непростых отношений между Исламской Республикой Иран (далее – ИРИ) и Израилем. Что касается иранских бахаи, то они, составляя приблизительно 300–350 тыс. человек, являются, по существу, самой бесправной частью иранского общества. Они представляют собой официально не признаваемое и не упоминаемое иранской властью конфессиональное меньшинство. Ни мусульманские теологи, ни сами последователи этого учения не признают бахаизм частью ислама. Первые считают его ересью в исламе, а сами бахаи рассматривают это учение в качестве новой современной межконфессиональной религии.

Этноконфессиональные проблемы в ИРИ, как и в любом многонациональном государстве, находятся в ряду наиболее острых в контексте внутренней политики иранского руководства. Согласно ныне действующей конституции, которая была принята в 1979 г., в ИРИ кроме ислама официально признаны христианство, иудаизм и зороастризм, представленные в парламенте страны. По этому поводу в Основном законе также говорится, что их последователи «являются единственными религиозными меньшинствами, которые могут свободно осуществлять свои религиозные обряды в рамках закона и поступать в граждан-

ских делах и в сфере религиозного воспитания согласно своему учению. Правительство ИРИ и мусульмане обязаны с добротой и исламской справедливостью обращаться с немусульманами и соблюдать их человеческие права»¹. Однако действующие в стране в настоящее время законы демонстрируют правовое предпочтение мусульман по отношению к проживающим в Иране религиозным меньшинствам. Вместе с тем иранское руководство в последнее время предпринимает отдельные положительные шаги для разрешения существующих в этноконфессиональной сфере проблем и противоречий. Среди них в первую очередь следует отметить представление иранским руководством государственной программы по национальному вопросу, реализация которой призвана содействовать смягчению ситуации в сфере национальных отношений. Этноконфессиональные меньшинства занимают в ней особое место.

В этой связи предлагается рассмотреть две проживающие на территории современного Ирана общины – еврейскую и бахаи – и на их примере попытаться показать общее и особенное в отношении к ним иранской власти, а также в процессах, происходящих внутри этих общин под влиянием внешних факторов.

Еврейская община современного Ирана насчитывает от 25 до 30 тыс человек. Вместе с тем она является самой значительной на Среднем Востоке и по величине может сравниться лишь с еврейской общиной в Турции, несмотря на то что после исламской революции Иран покинуло около 50–55 тыс. иранских евреев, Иран стал родиной для иранских евреев почти три тысячелетия тому назад, когда их предки обосновались на его территории, будучи освобождены Киром Великим – основателем династии Ахеменидов – из вавилонского рабства. Современные иранские евреи гордятся как своими еврейскими корнями, так и принадлежностью к иранской цивилизации².

Существование общины бахаи официально не признается иранской властью, а ее члены подвергаются жестоким гонениям и дискриминации. И это происходит на фоне того, что бахаи составляют крупнейшее религиозное меньшинство в Иране, которое насчитывает приблизительно 300 тыс. человек³. В этой связи представляет особый интерес тот факт, что религия бахаи

возникла в Персии и с самого начала вызывала негативное отношение к себе как со стороны власти, так и мусульманского большинства. Дело в том, что ее основатель Хосейн Али Нури (1817–1892) в 1863 г. объявил себя пророком – баха-уллой – и изложил свое учение в священной книге «Китаб-е акдес», призванной заменить собой Коран. Постепенно бахаизм в глазах персов обрастал всевозможными мифами, основанными на ложных обвинениях и искажении самого вероучения бахаи, хотя в его основе лежат гуманистические принципы. Это – установление всеобщего братства людей и народов, отказ от традиций вооруженной борьбы, создание единой религии и единого языка и, как результат, ликвидация национальных, государственных и социальных границ, призыв к миру между народами, любовь к ближнему и т. д., то есть пропаганда ценностей, часть которых близка к христианским. Исламская революция 1979 г. в Иране значительно усложнила положение общины бахаи, максимально приблизив его к критическому⁴.

Представители еврейской общины Ирана, являясь не только этническим, но и конфессиональным меньшинством страны, исповедуют иудаизм и для отправления религиозного культа имеют в своем распоряжении синагоги, количество которых, по некоторым оценкам, даже достигает цифры «сто». Две самые крупные из них находятся в столице – Тегеране, а также в Ширазе, где проживает значительное количество иранских евреев. Надо сказать, что новые синагоги не строятся, что связано с сокращением численности еврейской общины по причине эмиграции. Однако в городах с большими общинами старые синагоги реставрируются, поскольку представляют собой и культурно-историческую ценность. Помимо этого, иранские евреи имеют в своем распоряжении специальные еврейские школы, культурные комплексы, помещения для заседаний и собраний, специальные места для резания скота в соответствии с требованиями иудаизма. Большинство иранских евреев двуязычны. Они владеют как персидским языком, так и еврейским персидским, который представляет собой комплекс диалектов и говоров и в основе которого лежит еврейское письмо. Вместе с тем существует мнение, что еврейский персидский не является особой формой пер-

сидского языка, с одной стороны, но и отличается от классического иврита – с другой. Иврит преподается в еврейских школах в ограниченных объемах. Еврейский персидский был языком литературного творчества евреев Ирана в течение длительного времени – с XIV в. по 20-е гг. XX в. В настоящее время языком их художественной литературы является персидский. Знание персидского языка современными иранскими евреями позволяет им быть социально мобильными в иранском обществе, а еврейский персидский используется ими преимущественно внутри еврейской общины. Еврейские дети и молодежь не лишены возможности получать религиозные знания, и религиозное обучение идет в часы, отведенные мусульманам для изучения Корана и основ ислама. Кроме того, возможно посещение дополнительных занятий по изучению Торы и Талмуда при синагогах⁵.

Что касается последователей религии бахаи, принадлежащих к конфессиональным меньшинствам современного Ирана, то они из-за постоянных преследований и гонений со стороны властных структур не имели возможности в прошлом и тем более не могут в наши дни свободно отправлять свои религиозные культы. В Иране нет бахаистских храмов или домов поклонения, находящихся в распоряжении общин бахаи как во многих странах мира, и, видимо, религиозные собрания проводятся тайно на частной территории. Надо сказать, что бахаи постепенно лишались иранской властью даже того небольшого, что имели. Так, например, в 1955 г. в Тегеране был разрушен Центр бахаи. А в 2008 г. Духовное собрание бахаи было арестовано и заключено в тюрьму. Не только культовые места и организации бахаи, но и их кладбища часто становятся объектами актов вандализма⁶. Интерес представляет история, связанная с газетой «Хамшахри» («Земляк»), издание которой было приостановлено в конце 2009 г. в связи с публикацией в разделе туристической рекламы фотографии бахаистского Храма лотоса, расположенного в Дели – столице Индии. Правда, по мнению экспертов, публикация фотографии стала лишь формальным поводом, а истинная причина лежала в сфере политики⁷.

Иранские евреи считают, что в истории их общины на территории Ирана было два периода, когда они обладали достаточно

широкими правами и льготами. Это имело место, во-первых, во время правления одного из царей династии Ахеменидов – Артаксеркса, женой которого стала еврейская девушка Эстер (библейская Эсфирь). Второй период связан со временем правления последнего иранского шаха Мохаммада Реза Пехлеви, приравнявшего права евреев к правам мусульман, поскольку считал, что еврейская община играет чрезвычайно важную роль в экономике страны. Бахаи же практически на протяжении всей истории своего существования, особенно после исламской революции 1979 г., остаются объектом дискриминации со стороны государства, относятся властью к категории неверных, незащищенных, у которых нет никаких прав. И это происходит, несмотря на то что бахаи придерживаются принципов ненасилия, веротерпимости. После исламской революции систематически проводились кампании по искоренению общины бахаи. С 1979 по 1988 г. было казнено около 200 выдающихся бахаи. Сотни представителей этой общины были заключены в тюрьмы, десятки тысяч лишены работы, возможности заниматься предпринимательством и получать образование. В конце 80-х гг. под влиянием серии резолюций ООН иранское правительство сократило масштабы репрессий, но это было временным явлением⁸.

Надо сказать, что если для членов еврейской общины нет объективных причин скрывать свою конфессиональную принадлежность, то иранские бахаи вынуждены это делать, особенно после исламской революции, когда учение бахаи в изданных иранскими богословами фетвах объявлялось исламской ересью. Обвинение не только в принадлежности к бахаи, но даже в связях с ними может стать роковым для любого иранца. Так, у лауреата Нобелевской премии мира иранской правозащитницы Ширин Эбади были конфискованы нобелевская медаль и другие награды по обвинению в приверженности религии бахаи⁹. Часто среди арестованных и заключенных в тюрьму бахаи находятся и иранские правозащитники. Этот факт говорит о том, что бахаи становятся нередко и символом прав человека. Именно поэтому во время антизападных демонстраций в Иране можно увидеть транспаранты с надписью «BBC = Bahai Broadcasting Company».

Правовые преимущества положения иранских евреев перед бахаи очевидны. Прежде всего, они имеют своего депутата в иранском парламенте – меджлисе исламского совета, и их права законодательно закреплены наравне с правами других граждан страны в конституции. Однако в реальной действительности ситуация далеко не столь идеальна. Есть определенные сложности при приеме евреев на работу, когда преимущество отдается заключению контракта. В армии им также невозможно, например, дослужиться до высших военных званий. Управление еврейскими школами на протяжении последних нескольких десятилетий было возложено на самих евреев, но в настоящее время директорами школ назначают представителей конфессионального большинства, хотя законодательно это никак не закреплено. Вместе с тем преподаватели основ религии всегда являются евреями, в то время как преподавателями других предметов далеко не всегда являются представители еврейской общины. Еще совсем недавно, если в еврейской семье в результате несчастного случая погибал родственник, то она получала значительно меньшую компенсацию, чем в аналогичной ситуации мусульманская семья. Однако эти и многие другие вопросы, связанные с социальной сферой жизни иранских евреев, постоянно находятся в стадии обсуждения, а некоторые из них и на этапе принятия положительного для еврейской общины решения. Представляет также интерес вопрос о возможности смешанных браков для иранских евреев. С одной стороны, юридических препятствий не существует, есть только религиозные, но они настолько сильны, что в современном Иране таких браков либо нет вообще, либо они составляют менее 1%¹⁰.

Что касается бахаи, то в соответствии с Указом Высшего совета исламской революции от 25 февраля 1991 г. они кроме ограничений с трудоустройством на государственную службу не могут также получать университетское образование, поскольку, как отмечается в документе, индивидуальность бахаи складывается именно в процессе получения высшего образования. Надо сказать, что еще в 1932 г. в шахском Иране было принято решение о закрытии школ бахаи в Тегеране, т. е. они подверглись дискриминации и на уровне начального и среднего образования. В 2006 г.

решением Высшего совета культурной революции и Министерства информации вновь было подтверждено, что члены общины бахаи лишаются возможности поступления в высшие учебные заведения, а в случае если такое произойдет, должны изгоняться из них. Так, в марте 2016 г. прошла информация, что представители иранских бахаи были арестованы лишь за то, что отстаивали свое право продолжить образование в Иране. И это только один из многих примеров, а их можно привести великое множество, поскольку иранская власть планомерно и жестоко преследует членов этой общины, вынуждая их часто эмигрировать из страны. Бахаи также лишены права служить в иранской армии. Государственные служащие, являющиеся членами бахаистской общины, лишены права получать пенсию. Еще в 1925 г. шах Ирана издал закон, в соответствии с которым браки бахаи аннулировались, а дети, рожденные в них, признавались незаконнорожденными. Семейным парам даже не разрешалось занимать один номер в гостинице. И надо сказать, что дискриминация бахаи в современном Иране только усиливается. Так, после исламской революции в 1991 г. был издан Секретный меморандум Гольпайгани, который наметил всеобъемлющий план «блокирования» развития иранской общины бахаи. А в соответствии с конфиденциальным письмом МВД Ирана, датированным концом 2005 г., разведывательные службы и органы полиции, а также Корпус стражей исламской революции обязаны выявлять бахаи по всей стране, получать информацию об их материальном положении, социальном статусе, связях с иностранными организациями и устанавливать за ними наблюдение. А за этим письмом последовали еще несколько с аналогичным содержанием, что, безусловно, не могло способствовать установлению межконфессионального согласия, о котором говорят руководители ИРИ¹¹.

Наконец, если обратиться к повседневной жизни членов обеих общин, то иранские евреи за пределами своей общины подчиняются законам, по которым живет все иранское общество, в том числе и в отношении одежды. Внутри же общины им разрешено соблюдать традиции иудаизма. В целом представители еврейской общины в ИРИ, живя среди мусульман, составляющих абсолютное большинство населения страны, с одной сто-

роны, и стремятся, и вынуждены ассимилироваться с ними, а с другой стараются сохранять свои национальные, культурные и религиозные традиции внутри своего сообщества. Что касается иранских бахаи, то они, будучи иранцами, продолжают оставаться абсолютно бесправными и представляют собой в значительной степени изолированную группу в иранском обществе. Фактически, положение иранских евреев, являющихся этно-конфессиональным меньшинством, неизмеримо предпочтительнее ситуации, сложившейся с конфессиональным меньшинством – бахаи. Для улучшения положения иранских бахаи необходимо улучшение их отношений с мусульманами, а для этого необходимо, с одной стороны, признание бахаизма неисламским религиозным учением, а с другой – снижение влияния экстремистских убеждений в среде мусульман.

¹ Конституция Исламской Республики Иран. Глава 1. Статьи 13,14. Тегеран, 1979.

² Интернет-сайт BBC, 2006. URL: http://www.bbc.co.uk/persian/iran/story/2006/09/printable/060905_nh-iran-jews.shtml (дата обращения – 27.09.2014).

³ Интернет-сайт Religo.ru, 2006. URL: <http://religo.ru/2009/11/baxai-kak-obraz-vraga> (дата обращения – 05.03.2018).

⁴ Ислам. Краткий справочник. М., 1983. С. 43–44.

⁵ Каменева М.С. Этнокультурная характеристика еврейской общины в современном Иране // Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке. М., 2014. С. 312–313; Иран: колыбель мирного сосуществования религий. М., 2015. С. 165–168.

⁶ Интернет-сайт Religo.ru, 2006. URL: <http://religo.ru/2009/11/baxai-kak-obraz-vraga/> (дата обращения – 05.03.2016).

⁷ Независимая газета. 09.12.2009.

⁸ Интернет-сайт Bahai.narod.ru. URL: <http://bahai.narod.ru/persecution.html> (дата обращения – 20.05.2018).

⁹ Интернет-сайт Religo.ru, 2006. URL: <http://religo.ru/2009/11/baxai-kak-obraz-vraga/> (дата обращения – 05.03.2016).

¹⁰ Каменева М. С. Указ. соч. С. 315.

¹¹ Месамед В.И. Иран: равноправны ли персы, курды, армяне, евреи, сунниты, беахиты // www.iimes.ru/rus/stat/2007/19-04-07a.htm (дата обращения – 03.03.2016); Интернет-сайт Fa.wikipedia. URL: <http://fa.wikipedia.org/wiki/%D8%A%D9%87%D8%A7%D8%A6%DB%8C%D8%AA> (дата обращения – 15.03.2018).

Е. В. Дунаева*

ДИНАМИКА ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ИРИ (на материале переписи 2016/17 г.)

Резюме: Демографические процессы являются важными факторами социально-экономического развития общества. За 40 лет существования Исламской Республики Иран произошли значительные изменения демографической ситуации, что отражается в материалах проводящихся раз в пять лет переписей населения страны. С одной стороны, новые процессы открыли «окно возможностей» для экономического роста. С другой – некоторые тенденции, ставшие результатом влияния модернизационных факторов, осознаются обществом как кризисные с социально-культурной и даже политической точек зрения, поскольку не соответствуют традиционным ценностям и укоренившимся исламским нормам. В данной статье делается попытка на основе анализа материалов Всеобщей переписи населения ИРИ за 1395 г. (2016/17 г.) отследить основные демографические изменения, связанные с обеспечением человеческих ресурсов, и определить их социальную значимость.

Ключевые слова: Исламская Республика Иран, воспроизводство населения, миграции, уровень грамотности, возрастной состав населения, занятость, уровень безработицы, разводы.

Summary: The analyses of Iran's population dynamics are very important for understanding their potential for socio-economic development nowadays and in the long run and determining political stability. Over the 40 years of the Islamic Republic of Iran, there have been significant changes in the demographic situation. Current demographic trends presented in this study are based on the results of Iran's 2016 /17 censuse. From one hand current trends open a window of opportunity for economic growth which

* Дунаева Елена Викторовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН, доцент ИСАА при МГУ

will last about four decades. These opportunities must be seized before the population grows older. But from the other hand some strata of Iranian society view these trends as a threat to traditional values and Islamic norms, although these trends resulted from modernization factors.

Key words: *Islamic Republic of Iran, population's growth, population age distribution, employment, unemployment, literacy rate.*

Проведение Всеобщих переписей в ИРИ на регулярной основе позволяет отслеживать не только динамику населения, но и выявлять основные тенденции в развитии демографической ситуации. Результаты последней Всеобщей переписи населения, проводившейся в 1395 г. (2016/17 г.), при сравнении с материалами предыдущих демографических исследований выявили целый ряд новых тенденций, которые вызывают обеспокоенность не только внутри страны, но и в кругах международных экспертов по вопросам народонаселения. Несколько мировых исследовательских центров, в том числе структуры ООН, даже пересмотрели свои прогнозы, касающиеся оценок численности человеческих ресурсов в Иране¹.

Согласно данным, население страны в 2016 г. достигло 80 млн человек, однако этот рост наблюдался на фоне замедления темпов прироста, которые в последнее пятилетие (2011/12–2016/17 гг.) составляли 1,24%². Такие темпы роста приближают Иран к группе развитых государств. Причем если в 90-е гг. на воспроизводство населения после «беби-бума» конца 70-х – начала 80-х гг. мощное влияние оказала введенная в 1989 г. программа планирования семьи, проводившаяся под лозунгом «Один ребенок – хорошо, два – достаточно», то в последнее десятилетие эта тенденция объясняется снижением общего коэффициента рождаемости (TFR). По последним данным, в ИРИ на одну женщину приходится 1,8 рождений, что приближено к уровню развитых стран и ниже среднего мирового показателя – 2,1³. Такая динамика – свидетельство суженного типа воспроизводства населения, который грозит сокращением совокупного населения страны в будущем. Так, согласно прогнозам ООН, если подобные тенденции рождаемости сохранятся, то после 2050 г. в Иране будет наблюдаться отрицательный рост населения.

Таблица 1

Численность населения ИРИ, тыс. чел.

Годы	Население	Темпы роста
2015	79 361	1,25
2016	80 277	1,16
2019**	82 821	0,99
2025**	86 730	0,74
2035**	90 479	0,36
2050**	93 553	0,1
2055**	93 147	-0,09

Составлено по: URL: www.worldpopulationreview.com/countries/iran-population/ и World Population Prospects 2017. Demographic Profiles. United Nations. DESA. P.390-391 // URL: https://population.un.org/wpp/Publications/Files/WPP2017_Volume-II-Demographic-Profiles.pdf.

В последние месяцы 2018 г. иранские демографы заявили, что тенденция сокращения населения может проявиться даже раньше, уже после 2037 г.⁴ Очевидно, что такая корректировка прогнозов связана с сокращением рождаемости, наблюдаемой в 2017 и 2018 гг. и уменьшением количества вступающих в брак как следствие обострения экономической ситуации в стране и возвращением санкций. Так, если в 1395 Г. (2016/17 г.) родилось 1528 тыс. детей, то в 1396 г. (2017/18) – 1479 тыс. Дальнейшее снижение коэффициента рождаемости наблюдается и в первой половине 1397 г. (2018/19 г.)⁵.

Однако приводимые выше показатели варьируются по останам. Так, в Южном Хорасане был отмечен рост населения на уровне 3%, в Бушере, Хормозгане, Альборзе, Куме и Семнани он превышает 2%. Наиболее низкие темпы прироста отмечаются в остане Керманшах, Луристан (по 0,07%), Гилян (0,3%) и Центральный (0,22%). Два остана – Северный Хорасан и Хамадан – продемонстрировали отрицательный рост⁶. Несомненно, что уровень прироста или сокращения населения зависит не только от количества рождений, но и от уровня смертности, миграции. Изменение показателей рождаемости связано с влиянием модер-

** прогноз

низационных факторов: урбанизации, образовательного ценза, социально-экономического развития территории и т. д. Однако в рамках данной статьи не ставится задача выявить и обосновать динамику демографических изменений по регионам.

Согласно данным переписи, в стране проживает 2,7 млн иммигрантов, что составляет 3,4% населения. Среди них преобладают афганцы (1600 тыс.), остальные – граждане Ирака (34 тыс.), Пакистана (14 тыс.) и других стран. 32% внешних мигрантов проживают в остане Тегеран, 14% – в Хорасане Резави, 12% – в Исфагане и 8% – в Кермане⁷.

Миграционные процессы (прирост и убыль) в целом по стране не оказывают влияния на общую численность населения ввиду их малых величин. Согласно расчетам, рейтинг чистой миграции ИРИ составляет -0,20⁸. Однако процессы внутренней миграции идут достаточно интенсивно, хотя за последнее десятилетие общее количество иранцев, меняющих место жительства, несколько сократилось. Уменьшилось более чем на половину количество мигрантов, перебирающихся в города из сельских районов. Если их численность в 2006/07 г. достигала 9 млн человек, то к 2016/17 г. она не превышала 4 млн. В целом по стране такой вид миграции составил 14,6%, а из городов в сельские районы переехало 12% всех мигрирующих. Основная часть мигрантов – почти 50% – переселялась «вслед за семьей». В поисках работы меняли место жительства приблизительно 10%, а искали «лучшую долю» 7,5%. Остальные причинами миграции называли учебу, повышение квалификации и военную службу⁹. Большая часть мигрантов переселилась в остан Тегеран (20,2%), Хорасане Резави (7,3%), Исфаган (6,8%), Фарс и Альборс (по 6%). Большинство среди тех, кто поменял место жительства, относится к возрастной категории 20–34 года, т. е. к молодому трудоспособному населению.

Население по стране размещено очень неравномерно. В пятерку наиболее населенных провинций входят остан Тегеран (16% всех жителей страны), Хорасан Резави (8,1%), Исфаган (6,4%), Фарс (6,1%) и Хузестан (5,9). В таких останах, как Элам, Семнан, Кохгилуйе и Боюрахмад, насчитывается по менее чем 1% от населения страны. Такая неравномерность связана как

с географическими условиями, так и с уровнем экономического развития районов.

В Иране достаточно высок уровень урбанизации. 74% жителей проживают в городах. Причем приток населения в города продолжается. Рост городского населения соответственно превышал в последнее пятилетие рост сельского и составлял соответственно 1,97 и 03%¹⁰. Уровень урбанизации сильно различается по останам: он составляет от 49 до 95%. Кум, Тегеран, Алборз и Исфаган – наиболее урбанизированные районы. Низкий уровень урбанизации отмечается в останях Голестан и Хормозган. Сельское население превышает городское лишь в одном остане – Систан и Белуджистан. Особенность урбанизации – сосредоточение населения в нескольких крупных городах. Так, почти половина городского населения проживает в 20 крупнейших городах. В Иране восемь городов-миллионников. Однако за последнее пятилетие стала проявляться новая тенденция: наблюдался преимущественный рост населения не в группе мегаполисов, а среди небольших городов, расположенных вблизи крупнейших центров. Так, в провинции Тегеран на 27% выросло население Насимшахра, на 20,6% – Горчака, на 15% – Исламшахра. Приток населения в эти небольшие городки обусловлен и их близостью к столице, и проведением программы «Мехр» – строительства социального жилья, активно пропагандировавшейся в период президентства М. Ахмадинежада. Аналогичная тенденция проявилась и в ряде других провинций.

Сокращение рождаемости и уменьшение детородной активности женщин вызывает большое беспокойство в стране. Стоит указать на то, что отмеченная выше динамика фиксируется на фоне попыток государства увеличить темпы роста населения как путем поддержки материнства и детства, так и сокращением уровня смертности. Этот коэффициент, по последним данным, составляет 4,7 на тыс. человек, притом что еще в 1990 г. он доходил до 9,1. Младенческая смертность фиксируется на уровне 15. Последний показатель за годы Исламской Республики сократился более чем в 10 раз, что свидетельствует об успешности политики руководства ИРИ в области здравоохранения и социальной сфере. Рассчитываемый возраст предполагаемого дожития превышает

75 лет, а среди женщин – 76,2 г.¹¹ С начала 2010-х гг. правительство выступило с идеей организации фонда материальной поддержки новорожденных и выделения каждому младенцу по 1 млн туманов¹². В 2014 г. духовный лидер провозгласил основные направления политики в сфере народонаселения с целью компенсации сокращения уровня рождаемости и своим указом обязал руководителей трех властей разработать программу мер, способствующую восстановлению роста населения и увеличению рождаемости. Однако вызывает удивление тот факт, что в 6-м пятилетнем плане эта проблема не нашла своего отражения.

За годы, прошедшие после исламской революции, преобладающее положение заняли нуклеарные семьи. Средняя семья насчитывает 3,3 человека. Семьи из двух человек составляют почти 21% всех иранских семей. В то же время количество семей с пятью и более детей за десятилетие сократилось с 30 до 14,7%. Эта тенденция характерна не только для городской среды. За последнее десятилетие средний состав сельских семей сократился с 4,4 до 3,4 человек¹³. Малодетная модель совершенно не соответствует этнорелигиозным традициям страны. Увеличивается число семей, состоящих из одного человека, с 7% в 2011/12 г. до 8,5% в 2016/17 г. Новым явлением, которое уже укоренилось в обществе, стало и раздельное проживание взрослых детей, не состоящих в браке, что говорит о развитии индивидуализма и формировании новых ценностных ориентиров. Причем стремятся отделиться от родителей не только сыновья, но и девушки.

Бурный рост населения в первые годы после исламской революции, а затем значительное снижение рождаемости оказали большое влияние на возрастной состав. Около четверти населения – 24% – еще не достигло 15 лет. Четверть населения составляет возрастную группу от 15 до 29 лет, 44,8% приходится на группу 30–64-летних. Медианный возраст – 30,3 года. Представители возрастной категории 65 и старше составляют 6%. Хотя в настоящее время очень высока доля молодых возрастных групп, возрастная структура населения постепенно эволюционирует от «молодой» к «переходной», когда свыше 45% населения составляют люди старше 30 лет, что в условиях низкой рождаемости приведет через несколько десятилетий к старению населения.

Возрастная пирамида Ирана имеет переходный характер от омолаживающей к стационарной и, согласно прогнозам, уже после 2030 г. будет по форме приближена к пирамидам, характерным для развитых стран. Изменения по такому типу, вызванные снижением смертности и сокращением уровня рождаемости, признаются фактором экономического роста, так как приводят к увеличению ВВП на душу населения, росту нормы сбережений. Исходя из этого, некоторые экономисты не высказывают беспокойства проявившимися в стране демографическими процессами. В то же время нельзя не учитывать, что сокращение численности самых молодых возрастов, наблюдаемое в настоящее время, приведет к сокращению количества рождений через полтора десятилетия и, соответственно, снижению рождаемости через два-три десятилетия, что может быть чревато определенными трудностями для экономической ситуации в стране.

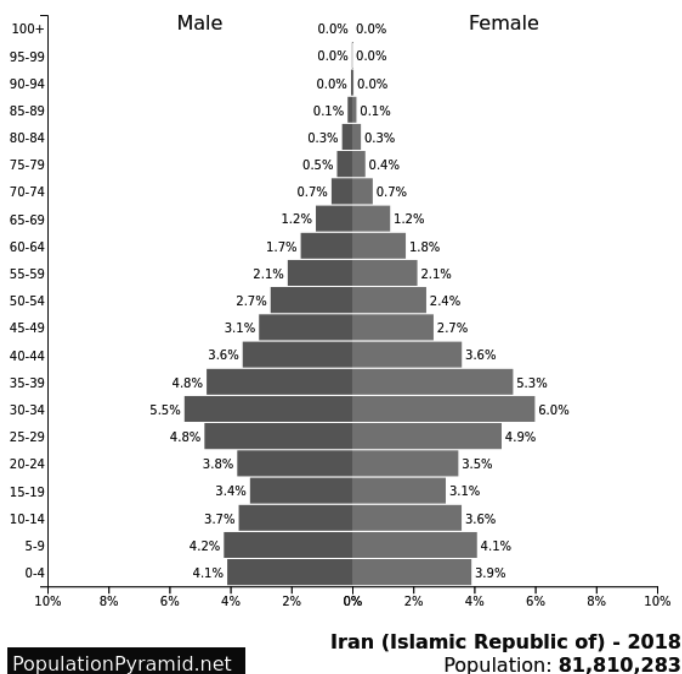

Рис. 1. Половозрастная пирамида ИРИ

В последнее десятилетие и в экспертных кругах, и в СМИ регулярно поднимается вопрос о старении населения, вследствие чего в будущем перед страной встанет проблема сокращения человеческих ресурсов, что может обернуться замедлением экономического роста, а, по мнению некоторых иранских исследователей и политологов, даже «представлять вызовы безопасности и территориальной целостности страны и способствовать ослаблению ее позиций как региональной державы»¹⁴.

Однако не все демографы разделяют эту точку зрения. Так, Ш. Каземипур исходит из того, что поколение, родившееся в 80-е гг., вызвавшее волну рождаемости в 2006–2011 гг., через 20 лет вновь спродуцирует новую волну, поскольку в пору половой зрелости вступит поколение их детей. Основываясь на модели демографической волны, она прогнозирует численность населения Ирана к 2040/41 г. до 110 млн человек¹⁵. Отметим, что этот прогноз не коррелируется с расчетами, опубликованными соответствующими международными организациями, в основе которых лежит отрицательный рост, что уже отмечалось выше.

Давая свои оценки возможного увеличения уровня рождаемости, в то же время Ш. Каземипур отмечает неизбежность старения населения как следствие той же волны рождений 80-х гг. Уже после 2030 г. будет наблюдаться более резкий рост численности старших возрастных групп, и к 2040 г. эта прослойка будет составлять 17% всего населения, а к 2050 г. может составить 20%¹⁶.

Таблица 2

Возрастной состав населения ИРИ, %

Возрастные группы	2005/2006 г.	2015/2016 г.
0–14	25,1	24,0
15–29	35,4	25,1
30–64	34,3	44,8
65 и старше	5,2	6,1

Составлено по: Гозиде-йе натайедж-е саршомари-й оуми-йе нофус ва маскан-е 1395. Мамарказ-е амар-е Иран. Тегеран. Б.г. С. 17.

Согласно данным последней переписи, в настоящее время население в возрасте от 15 до 65 лет составляет 71%, а эти группы представляют собой трудовые ресурсы страны. Такая высокая доля трудоспособного населения открывает перед страной определенные преимущества. Коэффициент общей демографической нагрузки (обеспечение младших и старших групп) пока достаточно низкий и составляет 40,2 на 100 человек, следствием чего становится сокращение расходов государства на социальную помощь. Соответственно невысок и коэффициент пенсионной нагрузки – 9,1 на 100 человек¹⁷. Коэффициент замещения трудовых ресурсов рассчитывается как 33,1, что отражает процессы сокращения трудовых ресурсов в перспективе. Нынешняя демографическая ситуация предоставляет Ирану «окно возможностей» еще на 30–40 лет. Наблюдаемый рост доли трудоспособного населения в ближайшие десятилетия может потенциально стать двигателем экономического роста и развития. Сумеет ли Иран использовать эту возможность, зависит как от уровня развития человеческого капитала, так и от потенциала его экономики с точки зрения создания новых рабочих мест. По истечении этого периода численность работоспособного населения начнет сокращаться, что приведет в последующие десятилетия к нарастанию демографической нагрузки. Причем на фоне сокращения нагрузки детскими группами будет наблюдаться ее повышение старшими возрастами. Перед государством, в котором традиционно преобладали большие семьи и вместе проживало несколько поколений, младшие обеспечивали уход за пожилыми членами семьи, нынешние тренды в сфере семейных отношений ставят серьезные проблемы, связанные с необходимостью организации социальных институтов для пожилых людей.

Еще одним фактором, обеспечивающим возможности интенсивного экономического развития страны, выступает высокий уровень грамотности и развитие образования. Так, по данным последней переписи, уровень грамотности в целом по стране достигает 87,6%. Однако сохраняется гендерный разрыв в уровне образования: 91% – среди мужчин и 84,2% – среди женщин. Накануне исламской революции уровень грамотного населения не превышал 48%. В пятерку самых грамотных остан

входят Альборз, Тегеран, Йезд, Семнан и Исфаган, т. е. районы, где преобладают этнические персы. В них уровень грамотности превышает 90%. Значительно отстают по этому показателю: Западный Азербайджан (82%), Курдистан (81,5%) и Систан и Белуджистан (76%), т. е. районы расселения этнических меньшинств. Однако по темпам роста грамотного населения в последнее пятилетие лидировали как раз отдаленные от центра районы: Хормозган, Систан и Белуджистан, Южный Хорасан¹⁸, что может рассматриваться как косвенное свидетельство большего внимания государства к отдаленным и депрессивным районам. Отмечая достижения ИРИ в области борьбы с неграмотностью, которая практически искоренена среди детей и молодежи, среди старших возрастных групп ее уровень еще высок. Обращает на себя внимание и тот факт, что уровень грамотности женщин в городах на 15% выше, чем в сельских районах, и, по мнению иранских исследователей, потребуется не менее 25 лет, чтобы ликвидировать этот разрыв¹⁹.

Бросаются в глаза успехи ИРИ в развитии высшего образования. За период с 2006 по 2016 г. в возрастных группах свыше 20 лет число лиц, получивших степень бакалавра, магистра и доктора возросло с 7 до 11%. Прогнозы Стэнфордского университета показывают, что к 2026 г. число лиц, имеющих высшее образование, достигнет 12,5 млн человек, что составит 20% от всего населения от 20 лет и старше, а среди 25–34-летних будет доходить до 50%²⁰.

Стоит обратить внимание на активную вовлеченность женщин в систему высшего образования. На этом уровне образования можно говорить об отсутствии гендерных стереотипов. В настоящее время студентки составляют 54% обучающихся по специальности «сельское хозяйство», 65% – по медицине, 57% – культура и искусство, 53% – гуманитарные науки и 24% – по инженерным специальностям²¹.

Очевидно, что именно высокий образовательный ценз населения, особенно в возрастных группах до 45 лет, на фоне повышения продолжительности жизни, сокращения смертности и других показателей стал причиной достаточно высокого международного рейтинга ИРИ по Индексу человеческого развития. На

2016 г. она занимала 85-е место среди 130 стран, а среди возрастных групп до 24 лет – 69-е место²².

Грамотное молодое население Ирана, составляющее основу его человеческих ресурсов, потенциально могло бы стать драйвером стабильного экономического развития. Однако целый ряд экономических проблем, связанных как с влиянием внешних факторов, так и институциональной структурой экономики, просчетами в системе управления не позволяют эффективно задействовать существующий человеческий капитал.

Экономически активное население составляет 40,4% от населения трудоспособных возрастов (по иранской статистике – от 10 лет до 65) и 44% с возраста от 15 лет. Гендерный разрыв по уровню занятости очень высок, так как среди женского населения занято в экономике только 16%, а среди мужского – 65%. Однако, уровень женской занятости на селе значительно выше и достигает 42%²³. Занятое население было распределено по основным секторам экономики следующим образом: промышленность – 31,5%, сельское хозяйство – 19,4% , услуги – 49,1%. Причем 84% работающих заняты на частных и кооперативных предприятиях (включая работодателей и семейных рабочих), 16% – в общественном секторе экономики.

На протяжении последнего десятилетия наблюдался высокий уровень безработицы, который составлял от 10 до 15%. По данным Переписи трудовых ресурсов за 2016 г., он достигал в среднем по стране 12,7%, находился на отметке 14,4% в городских районах, а в сельской местности был несколько ниже и достигал 8%. Среди женщин безработица доходила до 21,8%²⁴.

Согласно последним данным Статистического центра ИРИ на осень 2018 г., уровень безработицы составляет 11,7%, среди мужчин – 10,1%, женщин – 18%. Наиболее высок уровень безработицы в останах Керманшах – 20%, Чахармахаль и Бахтияри – 19%, Исфаган – 17%, Альборз – 15%. Немного ниже среднего уровень безработицы в Западном Азербайджане – 7,5%, Семнани – 8,1%, Центральном остане – 6,7%²⁵. Большая часть безработных относится к молодым возрастам. Среди представителей группы 15–24 года безработица достигает до 27%, а среди получивших дипломы о высшем образовании – 18,3%²⁶.

Сравнение уровня безработицы и уровня грамотности выявляет определенную зависимость: процент безработных намного выше среди тех, кто имеет более высокий уровень образования. Реальный уровень безработицы еще выше, так как иранская статистика относит к работающим даже тех, кто занят по одному часу в день.

Рассмотренные выше демографические процессы характерны для второй стадии демографического перехода, при котором демографическая ситуация во многом определяется изменениями социального уклада общества, связанными с проявлением модернизационных факторов.

Одной из набирающих силу тенденций в социальной сфере, влияющих на динамику рождаемости, становится переоценка роли женщины в семье и обществе. Среди иранок, особенно представительниц современных городских слоев, изменились социально-экономические и психологические стереотипы. Женщина стремится выйти из дома, получить образование, найти работу и вести активную социальную жизнь. Она предпочитает сама формировать свои представления о семье, увязывая их со своими запросами, а не опираясь на традицию. Проблема «бегства дочерей» (фарар-е дохтаран) в большие города и их адаптация превращается в социальный вызов.

По данным переписи, 1360 тыс. женщин проживает отдельно. Это не только молодые женщины, но и вдовы, разведенные женщины. Однако это также новое явление в иранском обществе, в котором до исламской революции преобладали большие семьи, и не только девушки и молодые женщины, но и те, кто потерял мужа или получил развод, должны были проживать совместно с родственниками.

Статистика отмечает повышение среднего возраста вступления в брак женщин за период 2006/07–2016/17 гг. с 19,8 до 23 лет. Сократилось и общее число вступающих в брак женщин с 95 до 80%. Эти изменения в основном коснулись молодых возрастов: 15–19 и 20–25 лет. В первой группе количество вступающих в брак сократилось наполовину, а во второй – на 25%²⁷. Согласно статистике, 19,6% женщин и 28,5% мужчин никогда не вступали в брачные отношения²⁸. Повышение среднего возраста вступле-

ния в брак влечет за собой и повышение возраста материнства. Большая свобода выбора для женщин в семейных отношениях, их стремление удовлетворить индивидуальные потребности, получить независимость объясняет меньшее количество родов на женщину и сокращение количества детей в семье.

Однако представительниц женских движений и прогрессивные слои общества волнует проблема не поздних, а еще сохраняющихся ранних браков (17% девушек вступают в брак до 18 лет, и из этого числа 5,5% невест находятся в возрасте от 10 до 15 лет)²⁹. Они поднимают вопрос в парламенте об установлении минимального возраста вступления в брак с 18 лет для женщин, однако его упорно блокируют представители консервативной ориентации, которые едины во взглядах с представителями духовенства и исходят из того, что, согласно традициям общества, девушка уже с девяти лет может быть выдана замуж. Именно в поощрении ранних браков они видят путь к увеличению рождаемости и решение ряда актуальных демографических проблем.

Возраст вступления в брак возрастает и среди мужчин. За рассматриваемый период он изменился с 23,6 до 27,4 лет.

Социальными проблемами, беспокоящими общество, становятся незарегистрированные браки (эздеваджха-йе сефид), что не согласуется с исламскими нормами, и рост количества разводов. Официальной статистики по незарегистрированным бракам в Иране нет, однако ученые отмечают в последние годы рост количества пар, проживающих совместно, и поднимают вопрос о необходимости более тщательного изучения этого явления. Стоит отметить, что многие иранцы не только не одобряют, но и категорически не приемлют незарегистрированные союзы. Однако исследователи утверждают, что в своем большинстве в гражданском браке живут молодые люди в возрасте от 25 до 30 лет, имеющие среднее специальное или высшее образование, работающие в частных компаниях. Практически половина таких семей планирует в перспективе вступить в брак. Но финансовые обстоятельства становятся основным ограничителем на этом пути³⁰. Сам факт признания факта существования семейных отношений вне юридического брака и обсуждение этой пробле-

матики в СМИ свидетельствует о трансформациях в общественном сознании.

В последнее десятилетие неуклонно растет количество разводов, а ситуация последних двух-трех лет оценивается как критическая. Так, если в 2010/11 г. количество разводов составляло 15,4% от количества заключенных браков, то в 2014/15 г. достигло 22,6%, а в 2017/18 г. – уже 29%, т. е. на 3,9 браков приходится один развод³¹. В эти же годы отмечается неуклонное сокращение заключаемых браков. Несомненно, что социально-экономический и политический кризис в ИРИ лишь подстегивают настроения безнадежности, неуверенности в будущем, что ограничивает стремление к созданию семьи и рождению детей.

Такая ситуация не может не беспокоить общество, хотя все показанные выше демографические тенденции укладываются в схему второй фазы демографического перехода, отражающую новую возрастную модель деторождения как следствие изменения образа жизни и формирования новых ценностных ориентиров в ходе социальной модернизации.

Современная демографическая ситуация открывает Ирану «окно возможностей», но демографические дивиденды, которые предоставляют стране шанс на экономический рост и сокращение бедности, ограничены 30–40 годами. В настоящее время высокий уровень безработицы среди получивших высшее образование, лишь возрастающий в последние годы, не предоставляет возможности грамотной иранской молодежи доказать свою конкурентоспособность и применить свои знания в стране, что приводит к «утечке мозгов». А именно этот высокообразованный человеческий ресурс может быть задействован для наращивания экономического потенциала. Для максимальной и скорейшей реализации существующих демографических возможностей руководству ИРИ необходимо срочно корректировать государственную политику. Очевидно, что политический выбор в пользу либерализации экономической и политической систем, а также законодательное закрепление уже утвердившихся новых реалий в социальной жизни могли бы стать направлениями новой стратегии.

В условиях, когда страну ждет спад роста населения и его сокращение, необходима правильная и тщательная оценка демографических реалий, с тем чтобы спрогнозировать, а при необходимости скорректировать процессы, которые связаны с воспроизводством, размещением, уровнем квалификации и человеческих ресурсов.

Демографические трансформации оказывают влияние не только на социально-экономическое развитие общества, но и на политическую ситуацию. Согласно исследованию, проведенному в США, вероятность возникновения политической нестабильности определяется отношением численности возрастной группы 15–29 лет к численности группы 30–54 года. В условиях, когда это соотношение превышает 1,27, вероятность нестабильности возрастает. Ситуация накануне исламской революции в Иране, когда прослойка молодых возрастов была равна половине населения, по мнению американских исследователей, выступает наглядным доказательством такого утверждения³². Хотя пример достаточно любопытный, очевидно, для окончательных выводов относительно высчитанного коэффициента помимо чисто математических расчетов необходим тщательный анализ ситуации в каждой стране и учет других многочисленных факторов. Однако нельзя отрицать, что события последнего десятилетия на Ближнем Востоке подтверждают выявленную тенденцию: рост численности молодежи, особенно в городской среде, увеличивает число конфликтных ситуаций³³.

Специфика демографической ситуации в Иране, в частности достаточно высокий процент молодых возрастов, накладывается на острый социально-экономический и политический кризис, ужесточившийся в последнее время в результате возвращения США к санкционной политике и психологической войне против ИРИ. Такая ситуация может стать катализатором протестных настроений, уже развивающихся в молодежной среде в условиях нарастающей безработицы, убыстряющей инфляции, роста дороговизны и отсутствия видимых перспектив. Молодые поколения, вовлеченные в мировые коммуникационные процессы, стремятся к большей свободе, независимости, настроены на принятие инноваций, они не всегда разделяют традиционалист-

ские ценности и готовы бороться за новые идеалы. Резко обострившийся конфликт поколений несет в себе угрозу внутренней дестабилизации и представляет потенциальный вызов для политического режима, поскольку в условиях нынешней экономической неопределенности молодежь может поставить под сомнение и существующие формы власти.

¹ Stanford Iran 2040 Project «Iran's Population Dynamics and Demographic Window of Opportunity». Stanford University. Working Paper No. 4 October 2017.// URL: http://iranian-studies.stanford.edu/sites/g/files/sbiybj6191/f/publications/irans_population_dynamics_and_demographic_window_of_opportunity_1.pdf. Cincotta R. and Sadjadpour K. Iran in transition. The Implications of the Islamic Republic's Changing Demographics. Washington, 2017.// URL:<http://CarnegieEndowment.org> ; World Population Prospects 2017. Demographic Profiles. United Nations. DESA. P.390-391.// URL: https://population.un.org/wpp/Publications/Files/WPP2017_Volume-II-Demographic-Profiles.pdf.

² Гоэиде-йе натайедж-е саршомари-йе омуми-йе нофус ва маскан-е 1395. Марказ-е амар-е Иран. Тереран. [Б. г.]. С. 7.

³ World Population Prospects 2017. P. 391.

⁴ URL: <https://www.farsnews.com/news/13970512000250>

⁵ URL: <https://www.tabnak.ir/fa/news/822250>

⁶ Гоэиде-йе натайедж-е саршомари-йе омуми-йе нофус ва маскан-е 1395. С. 13.

⁷ Рассчитано по : Натайедж-е тафсили-йе саршомари-йе омуми-йе нофус ва маскане 1395. Марказ-е амар-е иран. [Б. м.]. 1396. С. 33–34.

⁸ The World factbook. 2016-2017. CIA. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/attachments/images/original/2016-front.jpg>.

⁹ <https://www.eghtesadnews.com/%D8%A8%D8%AE%D8%B4-%D8%A7%D9%82-%D8%AA%D8%B5%D8%A7%D8%AF-%D8%AF%D8%B1-%D8%B1%D8%B3%D8%A7-%D9%86%D9%87-%D9%87%D8%A7-67/239286-%D8%AF%D9%84%D8%A7%DB%8C%D9%84-%D8%A7%D8%B5%D9%84%DB%8C-%D9%85%D9%87%D8%A7%D8%AC%D8%B1%D8%AA-%D8%AF%D8%B1-%D8%A7%DB%8C%D8%B1%D8%A7%D9%86-%D8%AC%D8%AF%D9%88%D9%84>

¹⁰ Гоэиде-йе натайедж-е саршомари-йе омуми-йе нофус ва маскан-е 1395. С. 12.

¹¹ Там же.

¹² URL: <https://www.asriran.com/fa/news/107413>

¹³ Гоэиде-йе натайедж-е саршомари-йе омуми-йе нофус ва маскан-е 1395. С. 11

¹⁴ См.// URL: <https://www.farsnews.com/news/13930810001360>.

¹⁵ Иран дар астане-йе бохран-е джамийат ва кахеш-е чешмгир-е нофус. URL: <https://www.shia-news.com/fa/print/154800>

¹⁶ Stanford Iran 2040 Project. P. 15.

¹⁷ URL: <https://knoema.ru/atlas/topics/Демография>.

¹⁸ Гоэиде-йе натайедж-е саршомари-йе омуми-йе нофус ва маскан-е 1395. С. 31.

¹⁹ Хосроушахи А. Шекаф-е дженсийати дар сатх-е севад. / Донья-йе-эгтесад. № 4210. 18 азара 1396.

²⁰ Stanford Iran 2040 Project. P. 22.

²¹ Ibid.

²² URL: <https://www3.irna.ir/fa/News/82481886/>

²³ Натаяедж-е тарх-е амаргири-йе ниру-йе кар. Табестан 1395. Марказ-е амар-е иран. [Б. м.], [Б. г.]. С. 18. URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=4&cad=rja&uact=8&ved=2ahUKEwir5fTm6Y7hAhVy1qYKHTtOCdIQFjADegQIBxAC&url=https%3A%2F%2Fwww.amar.org.ir%2FPortals%2F0%2FFiles%2Fabstract%2F1395%2Fch_ntank_95-4.pdf&usg=AOvVaw2GEZ-NWBStrZ0SAmgNqjnN

²⁴ Там же. С. 19.

²⁵ Натаяедж-е тарх-е амаргири-йе ниру-йе кар. С. 25.

²⁶ URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1397/10/14/1914322/>

²⁷ Stanford Iran 2040 Project. P. 8.

²⁸ Натаяедж-е тафсили-йе саршомари-йе омуми-йе нофус ва маскане 1395. Марказ-е амар-е иран. С. 33–34.

²⁹ URL: <https://www.isna.ir/news/97102614285/>

³⁰ URL: <https://www.asriran.com/fa/news/626683/>

³¹ URL: <http://www.jonoubnews.ir/fa/news/182518/>

³² URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0415/student03.php#11>

³³ Коротаяев А. В., Халтурина Д. А., Малков А. С., Божевольнов Ю. В., Кобзева С. В., Зинькина Ю. В. Законы истории: Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития. 2019.

В. И. Сажин*

ИРАН – АЗЕРБАЙДЖАН: АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ВОПРОС СЕГОДНЯ

Резюме. В статье делается попытка конспективно проанализировать взаимоотношения в Иране между титульной персидской нацией (не забудем название – Персия) и доминирующим меньшинством – азербайджанцами. В круг интересов автора статьи входят также проблемы единства и различия в национальном сознании, исторически сложившиеся между «южными» азербайджанцами, проживающими в Иране, и «северными» – бывшими подданными Российской империи, а затем – гражданами СССР, а ныне – гражданами Азербайджанской Республики (АР).

Кроме того, в статье кратко рассматривается вопрос о государственных отношениях Исламской Республики Иран (ИРИ) и Азербайджанской Республики в настоящее время.

Ключевые слова: Иран, Азербайджан, персы, азербайджанцы

Summary: This article attempts to analyze the relationship between the titular Persian nation (let's not forget the name – Persia) and the dominant minority of Azerbaijanis in Iran. The author's interest also includes the problems of unity and differences in national consciousness, historically formed between «southern» Azerbaijanis living in Iran and «northern» – former subjects of the Russian Empire, and then – citizens of the USSR, and now – citizens of the Republic of Azerbaijan (AR).

In addition, the article briefly discusses the issue of state relations between the Islamic Republic of Iran (IRI) and the Republic of Azerbaijan at the present time.

Key words: Iran, Azerbaijan, Persians, Azerbaijanis

* Сажин Владимир Игоревич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН

Говорят, что география – это судьба. Возможно, это не всегда так, но, пожалуй, в отношении Кавказа это справедливо. В мире не так много регионов, где его военно-стратегическое положение и экономическое значение совмещалось бы с невиданным этно-религиозным разнообразием на такой ограниченной территории при наличии исторически обусловленных спорных моментов. Это объективно создает предпосылки для перманентного состояния напряженности, которая на протяжении, по крайней мере, двух последних столетий неоднократно взрывалась вооруженными конфликтами и войнами.

В XXI в. ситуация на Кавказе формируется сложнейшей политической палитрой двусторонних и многосторонних отношений трех бывших советских республик Закавказья – Азербайджана, Армении и Грузии, – а также не в последнюю очередь, если не сказать больше – в первую очередь, – тоже кавказскими государствами – Россией, Турцией и Ираном. При этом не следует забывать и о военно-политическом влиянии внерегиональных стран, в первую очередь США, Евросоюза и Израиля.

Несомненно, сегодня мы являемся свидетелями воздействия разновекторных сил на субъекты кавказской политики, заставляющих их втягиваться в различные альянсы. Причем векторы региональной политики каждого из южнокавказских государств определяются множеством факторов, порожденных особенностью двусторонних и многосторонних отношений, в том числе с Россией, Соединенными Штатами, Ираном, Турцией.

Но мы не будем претендовать на анализ всего комплекса отношений как между этими двумя группами стран, так и внутри групп. Сфокусируемся на отношениях двух влиятельных кавказских государств, накрепко связанных между собой географически, исторически, этнически, конфессионально, – на Иране и Азербайджане, а также затронем проблему азербайджанцев, проживающих в Иране, которые являются доминирующим меньшинством в ИРИ¹.

Исламская Республика Иран является крупнейшим многонациональным государством Ближнего и Среднего Востока. На протяжении многих веков Иран неоднократно подвергался вторжениям и нашествиям разноразличных народов, влияние и следы

пребывания которых прослеживаются в составе его населения до сих пор².

В современном Иране проживает более 40 народов и народностей, находящихся на различных ступенях социально-экономического развития. Есть народы, которые уже завершили процесс национальной консолидации, есть и такие, которые живут еще в условиях родоплеменных отношений и ведут кочевой образ жизни скотоводов. Поскольку точных статистических данных нет, в практике изучения проблемы народонаселения Ирана принято деление населения на три основных группы по языковому признаку:

- **ираноязычная** составляет более половины всего населения (более 67%), в том числе персы (более 50%), курды (8%), гилянцы и мазендеранцы (8%), луры и бахтияры (3%), белуджи (2%), а также талыши, таджики, афганцы и др.;

- **тюркоязычная** – вторая по численности группа населения, в которую входят азербайджанцы³ (25% населения), туркмены (3%), узбеки и кашкайцы (менее 1%);

- **арабоязычная** представлена собственно арабами (около 4%).

В Иране с глубокой древности живут армяне (около 200 тыс. человек), ассирийцы (около 100 тыс.), евреи (около 80 тыс.), а также грузины, русские и др. Указанные цифры являются неофициальными и не могут быть приняты в качестве окончательных по причине стремления руководства Ирана минимизировать во всех официальных документах численность национальных меньшинств в стране. Государственная идеология ИРИ – неошиизм или хомейнизм – официально отрицает наличие национального вопроса в так называемой единой национальной исламской общине Ирана, где с официальной точки зрения национальная принадлежность ее членов не имеет никакого значения и где главное для всех – приверженность законам ислама и канонам шариата. Однако наличие религиозных меньшинств всё же признается⁴.

Многочисленное население Ирана этнически связано родственными узами с народами Закавказья и Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока, Южной Азии. Основная этническая группа – собственно персы (более 50% населения), которые

объединены общностью и близостью языка с таджиками Таджикистана и Афганистана. Иранские курды имеют тесные родственные и кровные связи с курдами Турции, Ирака и Сирии. Аналогичные узы связывают иранских белуджей с их сородичами в Пакистане и Афганистане.

Другие народы Ирана (азербайджанцы, арабы, евреи, армяне, туркмены, узбеки) имеют за рубежом крупные родственные группы, обладающие собственной государственностью (Азербайджан, арабские страны, Израиль, Армения, Туркменистан, Узбекистан и т. д.)⁵.

На протяжении веков Иран поддерживал (и поддерживает) тесные экономические и культурные связи с народами Закавказья. При этом особой спецификой отличаются его отношения с Азербайджаном.

Исторически сложилось так, что по Гюлистанскому договору, подписанному Россией и Персией в 1813 году, азербайджанцы были разделены между этими двумя государствами. Причем большинство этнических азербайджанцев проживают на территории Ирана (по оценкам специалистов, 17–18 млн человек, 20–25% населения, по ряду других источников, например, CIA World Factbook – от 16 до 35 млн⁶, а в самой Республике Азербайджан – чуть более 10 млн человек.

Азербайджанцев и персов объединяет не только территориальная близость, но и религия: те и другие исповедуют шиизм, что, естественно, оказало влияние на формирование схожих нравов и обычаев двух этносов.

Многое притягивает Иран и Азербайджан друг к другу, но многое и отталкивает. Так, уникальность азербайджанского сознания – сочетание шиитской ментальности (объединительный фактор) и собственно тюркской национальной основы. Последнее и есть камень преткновения между Тегераном и Баку. На протяжении почти двух столетий одни азербайджанцы были подданными Персидской империи, другие – Российской, что не могло не сказаться на изменении национального сознания «южных» и «северных» частей этноса, причем изменении в разных системах координат. В Иране – в плане постепенной, иногда насильственной, ассимиляции азербайджанцев с титуль-

ной персидской нацией (после исламской революции 1979 г. – на фундаменте неошиизма то есть хомейнизма, ставящего во главу угла единство в исламе), в Российской империи – при сохранении национальной автономии – секуляризации и европеизации азербайджанцев. Особенно активно этот процесс проявлялся в советское время, когда коммунистические идеологи и политики, выкорчевывая из сознания азербайджанского народа «религиозные пережитки», творили «нового человека» на базе единства в пролетарском интернационале или позднее – единства в новой общности людей – советском народе.

Таким образом, к началу 1990-х гг., к моменту распада СССР, различия в национальном сознании «северных» и «южных» азербайджанцев были значительны. Бывший председатель Исламского комитета России покойный Гейдар Джемаль заявлял, что азербайджанцы Ирана по отношению к Северному Азербайджану выступают с достаточно высокомерных, имперских позиций, рассматривают его как психологически и морально деградировавшую часть Азербайджана, которую нужно хорошенько встряхнуть и поднять до своего уровня. То есть они считают себя людьми уверенными, инициативными, высокоорганизованными, имеющими принципы и идеалы, а своих северных соотечественников – людьми, которые в значительной степени расслабились, потеряли стимулы, умение контролировать ситуацию, обеспечивать себя, соблюдать традиционные нормы, обвиняя их в утрате части национальной территории в силу именно очевидного ослабления и каких-то дефектов характера⁷.

Однако это не помешало обеим сторонам выдвигать идеи объединения азербайджанцев, что, естественно, крайне взволновало официальный Тегеран. Предвидя рост национального сепаратизма в многонациональном Иране под влиянием социально-политических процессов в СССР, руководство ИРИ без радости восприняло распад Советского Союза.

Автор находился в ИРИ в 1991 г. и был свидетелем того, как распад СССР крайне отрицательно воспринимался властями и даже пугал их возможностью повторения этого в ИРИ.

После провозглашения независимости бывшего Советского Азербайджана в истории ирано-азербайджанских связей начался

новый этап, характеризуемый уже межгосударственными отношениями Тегерана и Баку. При этом традиционно-исторические этнорелигиозные проблемы оставались и даже разрастались, наполняясь новым политическим содержанием.

Суть проблем, которые охватывают многие аспекты региональных взаимоотношений, правомерно искать в гегелевском законе диалектики о единстве и борьбе противоположностей.

При единстве конфессиональных (у персов и азербайджанцев) и этнических (у азербайджанцев двух стран) черт имело и имеет место несовпадение взглядов у правящих элит в Тегеране и Баку по вопросу приоритетов в государственных и национальных интересах.

Первый год, после распада Советского Союза, были открыты, границы и сотни семей по обе стороны начали активно навещать друг друга⁸. Были достигнуты значительные улучшения в коммуникационных и транспортных соединениях между Азербайджанской Республикой и азербайджанскими провинциями Ирана. Появились прямые авиационные и автобусные рейсы. Были установлены связи и подписаны соглашения между администрацией азербайджанских провинций Ирана и правительством Азербайджанской Республики в области торговли, образования, научных исследований и экономического сотрудничества⁹. Первоначально иранские власти приветствовали контакты по обеим сторонам границы, надеясь на распространение своего влияния на новорожденную Азербайджанскую Республику.

Однако вскоре они осознали, что влияние происходит в обратном направлении, и к концу 1992 г. начали ставить препятствия на пути контактов с целью их сокращения. Так, например, в отличие от своей политики в отношении беженцев из Афганистана и Ирака, иранские власти отказались принять азербайджанских беженцев спасающихся из районов боевых действий с Арменией, опасаясь интенсивного общения между беженцами и «своими» азербайджанцами¹⁰. Также правительство Ирана изменило свою позицию в карабахском конфликте в пользу поддержки Армении¹¹, так как считало, что победа Азербайджана вдохновит иранских азербайджанцев¹².

Азербайджанскому вопросу в Тегеране стали уделять особое внимание, тем более что число оппозиционных азербайджанских группировок возрастало.

По данным материалов, подготовленных по заказу Отдела международной защиты Управления Верховного комиссара ООН по правам человека, Австрийским центром исследований и документации в сфере информации о странах происхождения и по вопросам убежища (АККОРД), которые приводятся в сборнике 2015 г. «Иран: оппозиционные политические группы, силовые структуры, избранные проблемы в области прав человека, верховенство права» в ИРИ действовали более десятка различных оппозиционных группировок азербайджанцев¹³.

Цели этих организаций различные: от отделения Иранского (Южного) Азербайджана от ИРИ до национально-культурной автономии в рамках Ирана. Но всё же большинство считает необходимым или объединение с Северным Азербайджаном, или создание независимого государства в Южном Азербайджане.

Так, например, Организация национального сопротивления Азербайджана, которая заявила о своем существовании в 2006 г., ставит целью добиться самоопределения азербайджанских турок, а также положить конец разделу так называемых «азербайджанских исторических земель» на северную и южную части. Организация использует «скрытые и полускрытые методы борьбы», донося информацию до населения «с помощью вебсайтов и распространения информационных бюллетеней, книг, брошюр и компакт-дисков» в городах Иранского Азербайджана.

С другой стороны, целями Движения за национальное пробуждение Южного Азербайджана (ДНПЮА). (создана в марте 2008 г.) была объявлена активизация национального сознания южноазербайджанских турок, содействовать борьбе за политические права азербайджанских турок в Иране. Согласно уставу ДНПЮА и в соответствии с его гуманитарными ценностями, организация использует ненасильственные методы для достижения поставленных целей.

ДНПЮА стремится создать демократический, плюралистический и светский регион, в котором будут представлены все

нации и меньшинства, а все люди смогут свободно выражать свое мнение.

ДНПЮА считает, что полностью автономное государство в Южном Азербайджане сможет гарантировать национальные и личные права нациям и народам, живущим в Иране, права, которые все иранские режимы с давних пор отрицали и попирали.

Цель ДНПЮА – добиться самоопределения для Южного Азербайджана, так как лидеры организации убеждены, что все люди имеют право сами определять свою судьбу.

В этом отношении ДНПЮА хочет, чтобы народы, которые оно представляет, жили на территории современного Среднего Востока, где соблюдаются права человека, в атмосфере мира и добрососедства. С этой целью ДНПЮА обращается за помощью ко всем гуманитарным организациям и свободным людям мира.

В 2003 г. по северо-западу Ирана прокатилась волна массовых демонстраций азербайджанцев. С тех пор позиция иранских властей в отношении националистических организаций стала заметно жестче. В июле того же года состоялась показательная казнь 19-летней студентки-азербайджанки, принимавшей участие в протестах. В 2006 г. разгорелся новый скандал вокруг высмеивающей азербайджанский язык карикатуры, напечатанной в государственной газете, вылившийся в тысячные акции протеста в городах Ирана с преимущественно азербайджанским населением. Иранские службы безопасности жестко подавили демонстрации, убив как минимум четырех человек, ранив сорок три человека и арестовав сотни азербайджанцев¹⁴.

Выступления с разной интенсивностью происходят ежегодно.

Иранские власти активно борются с азербайджанскими оппозиционерами, подвергая их тюремному заключению или даже казни. Об этом свидетельствуют доклады ООН по вопросу о положении в области прав человека в Исламской Республике Иран (например, март 2015 г.).

В то же время, заботясь о безопасности внутри страны, о территориальной целостности ИРИ, иранские шиитские эмиссары оказывают влияние на жителей Республики Азербайджан, которая остается в числе первых и основных целей ирано-шиитского гегемонизма.

В конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. Иран, только что вышедший из восьмилетней войны с Ираком, переоценил свои доктринальные постулаты, разработанные уже покойным к тому времени лидером исламской революции аятоллой Хомейни. Конечно, в Тегеране не стоял вопрос об отказе от учения Хомейни, скорее – о наилучшем его приспособлении к изменяющемуся миру. Так, оставив в качестве стержня своей военно-политической доктрины идею об «экспорте исламской революции», иранские клерикалы переместили акценты с силовых методов его осуществления на идеолого-культурологические. Поскольку хомейнизм не делает различия между религией, идеологией и политикой, то, естественно, иранская пропаганда за рубежом была и остается религиозной по своей сути.

Нетрудно догадаться, что Азербайджан остается в числе первых и основных целей ирано-шиитского внимания.

Однако, как считает российский востоковед Н. М. Мамедова, тенденции эволюции исламского режима, происшедшей за последние 25 лет, позволяют говорить о том, что прогноз, появившийся в начале 1990-х гг., относительно опасности распространения Ираном фундаментализма в странах региона не подтвердился¹⁵. Сегодня угроза иранского шиитского фундаментализма скорее гипотетическая, нежели реальная. Конечно, Иран не отказывается от распространения своего религиозного влияния. В этом плане показательна деятельность такого исламского фонда, как Комитет имама Хомейни, отделение которого ведет благотворительную деятельность в Нахичеванской автономной республике Азербайджана. Сама по себе деятельность Комитета представляет собой пропаганду преимуществ исламской системы, элементом которой являются подобные фонды.

Но все же, как мы уже отмечали, вопреки желаниям Ирана бурного всплеска исламского фундаментализма в Республике Азербайджан не произошло, что политологи-востоковеды объясняют рядом факторов. Во-первых, высоким уровнем урбанизации Азербайджана, интернациональным характером его столицы, европеизированностью значительной части интеллектуальной элиты страны. Во-вторых, любое усиление влияния Тегерана в Баку отождествляется в азербайджанском обществе (в том числе и

среди верующих шиитов) с ростом иранской угрозы, что заведомо ограничивает перспективы распространения в этой постсоветской республике шиитского фундаментализма. Таким образом, можно констатировать, что степень готовности ее населения к восприятию идей исламской шиитской революции чрезвычайно мала.

Параллельно с позиционированием Ираном шиитского фактора в обеих странах «раскручивался» и тюрко-этнический сюжет.

«Азербайджанский вопрос» – одна из причин межгосударственной напряженности между Тегераном и Баку. Еще на заре независимости современной АР бывший в то время президентом страны А. Эльчибей заявил, что азербайджанцам следует объединиться в единое государство и создать Великий Азербайджан. Иранским правительством это было расценено как попытка раскола их государства. Пришедший на смену Эльчибею новый президент Гейдар Алиев значительно смягчил эту напряженность.

В настоящее время накал страстей спал, но подспудно эта проблема омрачает ирано-азербайджанские отношения.

Действительно, стремясь к расширению своих национально-культурных прав, иранские азербайджанцы не обнаруживают практически никаких сепаратистских поползновений и не считают, что в будущем возможны волнения на межэтнической почве. Идеи отделения от Ирана или объединения с Азербайджанской Республикой не пользуются у них популярностью. Лишь немногие выражают политическое, общественное и экономическое недовольство (настроения, которые разделяет большинство иранцев) на языке межэтнических разногласий.

Безусловно, в настоящее время этнорелигиозные факторы сказываются на развитии межгосударственных отношений Азербайджана и Ирана. Однако сегодня на базе сложных исторических межгосударственных проблем выделяются новые – политические. В первую очередь это проблема правового статуса Каспийского моря; проблема Карабаха; роль США и Израиля в регионе.

Каспий. 12 августа 2018 г. в казахстанском городе Актау лидеры пяти прикаспийских государств – России, Азербайджана, Ирана, Казахстана, Туркменистана – приняли исторический

документ – Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря¹⁶. Один из важных аспектов этого документа – вопрос о разделе дна и недр Каспия на национальные сектора.

Как известно, Россия, Казахстан, Азербайджан в период с 1998 по 2003 г. подписали соглашения о разделении северной части Каспийского моря по срединной линии. Между Казахстаном и Туркменистаном было подписано такое же соглашение в 2014 г. На севере Каспия споров нет.

На юге Каспия сохраняются пограничные противоречия между Ираном и его соседями – Азербайджаном и Туркменистаном. И принятая Конвенция не вносит полной ясности в вопрос о размежевании дна на юге Каспия. В ней лишь сказано, что «разграничение дна и недр Каспийского моря на сектора осуществляется по договоренности сопредельных и противолежащих государств с учетом общепризнанных принципов и норм права»¹⁷. Как отмечают политологи, это сделано для того, чтобы двусторонние разногласия в южной части Каспия не согласовывать впятером и не вносить в общий большой документ.

Наиболее сложная проблема межгосударственных отношений на Кавказе – это **проблема Карабаха**.

Иран, первоначально оказавший Азербайджану многоплановую помощь, включая предоставление кредитов, поставки оружия и боеприпасов, выступал с инициативой о посредничестве в урегулировании нагорно-карабахского конфликта. Однако постепенно прагматизм в государственной политике Тегерана стал превалировать над идеологическими соображениями, прежде всего в сфере безоговорочной поддержки единоверцев-шиитов. Это выразилось в том числе и в корректировке позиции Ирана в азербайджано-армянском конфликте.

Симпатии Ирана стали смещаться к Армении. На первый взгляд союз между подчеркнуто христианской Арменией и Исламской Республикой может показаться не совсем естественным. Однако реальная политика диктует свои приоритеты. Иран предоставил Армении транзитный коридор (закрытый со стороны Турции) с целью расширения возможностей ее внешней торговли. Более того, Иран стал настойчиво осваивать армянский рынок, сопровождая свои действия предоставлением кредитов и

вложением капитала. Тегеран и Ереван заключили более 30 различных соглашений и договоров. Иран обеспечивает Армению электроэнергией, газом и нефтью, строит новые дороги. В определенной мере это содействовало выходу из изоляции как Ирана, так и Армении. При этом тот факт, что Армения официально не имеет военного контингента в Карабахе, укрепление отношений с ней Ирана, по мнению руководства, не может рассматриваться как поддержка страны-агрессора, а политическое, экономическое и военно-техническое сотрудничество с Ираном позволяет Армении поддерживать свой экономический потенциал.

Иран стал придавать Армении особое значение в связи с подписанием Турцией и Азербайджаном договора о стратегическом сотрудничестве, одной из целей которого служит создание пантюркистского сообщества. Армения с Нагорным Карабахом как бы делит тюркскую дугу на две части, препятствуя их объединению. Поэтому, конечно, такая ситуация не служит укреплению азербайджано-иранских отношений.

Противоречия между Тегераном и Баку связаны также с тем, что Азербайджан продолжает **развивать и углублять отношения с Турцией, США, НАТО и Израилем.**

Уже на протяжении 40 лет для Исламской Республики Иран главный враг – «великий сатана» – США. Тегеран крайне обеспокоен даже гипотетической возможностью создания на территории Азербайджана американских военных баз и размещения там воинских контингентов вооруженных сил США.

В то же время известно, что Азербайджан имеет и развивает дружеские отношения не только с США, но и с Израилем, который в «табели о рангах» врагов ИРИ занимает после США второе место и именуется в Иране не иначе как «малый сатана», «сионистский режим», «режим, оккупировавший палестинские территории».

То, что между Азербайджаном и Израилем существуют масштабные военно-технические связи, – факт, который не отрицают ни израильтяне, ни азербайджанцы. В рамках оборонного контракта, оцениваемого в 1,6 млрд долл., заключенного в 2011 г., Азербайджан производит беспилотники по израильским чертежам. Израиль обеспечивает Баку средствами ПВО и дру-

гой современной военной техникой. Причем всё возрастающие объемы военно-технического сотрудничества не попадают в официальную статистику товарооборота двух стран, который по своим показателям и так уже вывел Азербайджан в лидеры среди мусульманских стран-партнеров Израиля. Примечательно также, что еще несколько лет назад стороны договорились об обмене разведданными.

Но все же, по-видимому, союз Израиля и Азербайджана в большей степени является одним из элементов психологической войны, уже давно ведущейся между Израилем и Ираном. И Азербайджан, проводящий многовекторную политику, тоже не прочь поучаствовать в этой войне.

Однако при этом обращает на себя внимание одно высказывание президента Азербайджана Ильхама Алиева. В американской дипломатической переписке 2009 г., опубликованной WikiLeaks, приводится цитата И. Алиева, охарактеризовавшего азербайджанско-израильские отношения как «айсберг, девять десятых которого скрыты под водой»¹⁸.

Естественно, что подобная внешнеполитическая ориентация Азербайджана раздражает многих в Тегеране. С другой стороны, не способствует сближению Баку и Тегерана и вспыхивающие время от времени в Иране дебаты о денонсировании Гюлистанского и Туркманчайского договоров.

Так, в 2013 г. группа депутатов парламента Ирана подготовила законопроект, суть которого заключалась в следующем: правительство Ирана объявляет о прекращении действия Гюлистанского и Туркманчайского договоров. Иными словами, раздел исторического Азербайджана между Россией и Персией на две части – Южный (Иранский) и Северный (Российский) – признается недействительным. Следовательно, Иран получает право объявить об аннексии всей территории нынешней независимой Азербайджанской Республики. Правда, эта инициатива иранских депутатов не была поддержана большинством, но вызвала резкую реакцию Баку¹⁹.

Несмотря на сложные моменты в двусторонних отношениях между Ираном и Азербайджаном в последнее время наметились позитивные тенденции. Особенно это проявилось после прихода

к власти в ИРИ Хасана Роухани, сменившего агрессивно-пропагандистский курс своего предшественника во внешней политике на умеренный, прагматичный. Во главу угла была поставлена задача развивать и улучшать отношения со странами как на Западе (включая США и Евросоюз), так и на Востоке. При этом особым приоритетом стали отношения с соседями по всем азимутам. В результате – пропагандистская риторика обоюдных обвинений как из Тегерана, так и из Баку затихает.

Лидеры двух государств стали чаще встречаться на разных площадках. На встречах обсуждаются глобальные, региональные проблемы, а также и двусторонние отношения, в том числе в области экономики и торговли, подписываются важные документы. Развиваются контакты и по линии МИД двух стран.

В этом отношении был показателен официальный визит министра иностранных дел Азербайджана Эльмара Мамедъярова в Тегеран 9 марта 2019 г. и его встреча с президентом ИРИ Хасаном Роухани. Стороны обсудили вынесенные на повестку дня экономические проекты двух стран. Роухани выразил удовлетворение уровнем ирано-азербайджанских отношений, отметив, что все ветви власти Исламской Республики Иран поддерживают развитие связей с Азербайджаном.

Президент Х. Роухани отметил, что Иран поддерживает мирное урегулирование карабахского конфликта путем дипломатических переговоров в рамках территориальной целостности и неприкосновенности границ Азербайджана.

Президент ИРИ поддержал сотрудничество между двумя странами в двустороннем и многостороннем форматах и положительно оценил сотрудничество между Азербайджаном, Россией и Ираном, отметив значимость проведения очередного саммита глав государств. Была отмечена важность продолжения сотрудничества в формате Азербайджан – Иран – Турция и Азербайджан – Иран – Турция – Грузия.

Э. Мамедъяров представил президенту Х. Роухани приглашительное письмо на саммит глав государств и правительств Движения неприсоединения, который состоится 25–26 октября в Баку. Президент Роухани с удовлетворением принял приглашение²⁰.

Тегеран и Баку в последние годы неоднократно отмечали, что имеются все возможности для расширения сотрудничества в области инвестиций, энергетики, транспорта, информационно-коммуникационных технологий, инфраструктуры, культуры и др.

Так, активно ведется строительство Ордубадской ГЭС на реке Араз в Нахичеванской автономной республике. Вступило в силу соглашение о совместном строительстве ГЭС Мазре на сопредельной с Ираном территории Азербайджана, каждая мощностью 35–45 МВт. Расширяется участие Азербайджана на иранском рынке инновационной продукции. Укрепляются связи и по военной линии, происходит обмен военными делегациями двух стран.

В заключение следует отметить, что сегодня Иран и Азербайджан вполне способны преодолеть все трудности на пути укрепления взаимопонимания. Однако, по всей вероятности, этот путь будет долгим. Слишком глубоки и разветвлены корни недоверия. Но политикам двух стран необходимо сделать всё, чтобы подрубить эту корневую систему. Ведь добрососедские отношения между Ираном и Азербайджаном чрезвычайно важны не только для двух этих стран, для безопасности региона, но и для России, которая имеет хорошие партнерские связи как с Исламской Республикой Иран, так и с Азербайджанской Республикой.

¹ Доминирующее меньшинство – это этноязыковое меньшинство в стране, сосредоточившее в своих руках большое, а иногда и подавляющее политическое, экономическое или культурное господство в стране, несмотря на меньшую по сравнению с титульной нацией численность. В определенной степени это определение относится и к азербайджанцам в Иране.

² Мичурин В. Возрождение Ирана в свете теории этногенеза. Наш Современник. 1992. № 8. С. 124–128.

³ Как правило, в Иране азербайджанцев называют «торк», т. е. «тюрки».

⁴ Подробнее см.: Сажин В. И., Бондарь Ю. М. Военная мощь Исламской Республики Иран. М., 2014.

⁵ Мамедова Н. М. Иран в XX веке. М., 2000.

⁶ Оценки численности иранских азербайджанцев, приводимые в тех или иных источниках, могут различаться на порядок – от 15 до 30 млн. См., например: Looklex Encyclopaedia, Iranian.com, «Ethnologue» Report for Azerbaijani Language, UNPO information on Southern Azerbaijan, Jamestown Foundation.

⁷ Багиров А. Гейдар Джемаль: Сепаратистские настроения в Иране усилились // ЭХО. 2004. № 14(752) Сб., 24 Января. URL: http://www.echo-az.com/archive/2004_01/752/facts.shtml (дата обращения – 17.10.2018)

⁸ Shaffer Brenda. Iran's Internal Azerbaijani Challenge: Implications for Policy In the Caucasus, in Gammer, Moshe, ed. The Caspian Region. A Re-emerging Region, Vol. 1, London: Routledge, 2004. P. 119–140. // URL: http://books.google.com/books?id=zDijSUDODPQC&printsec=frontcover&hl=ru&source=gbs_similarbooks_r&cad=2#v=onepage&q=&f=false (дата обращения – 26.10.2018).

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Priego Alberto. The Creation of the Azerbaijani Identity and Its Influence on Foreign Policy', UNISCI Discussion Papers, Universidad Complutense de Madrid, 2005.

¹² Brown Michael E. ed. The International Dimensions of Internal Conflict. Cambridge, Mass.: The MIT Press. 1996 // URL: http://belfercenter.ksg.harvard.edu/publication/1806/international_dimensions_of_internal_conflict.html (дата обращения – 06.11.2018).

¹³ Так, например: Движение за национальное освобождение Южного Азербайджана, лидер/основатель Пируз Диленчи; основано в 1991 г.; Движение за национальное пробуждение Южного Азербайджана, лидер/основатель Махмудали Чехрегани; основано в 2008 г.; Движение студентов Южного Азербайджана основано в 2006 г. группой студентов; Всемирный азербайджанский конгресс, лидер/основатель Али Назми Афшар, основан в 1994 г.; Организация национального возрождения Южного Азербайджана, лидер/основатель Атилла, основана в 1995 г.; Национальный исламский фронт Азербайджана, основатель Махмудали Чехрегани, основан в 1998 г.; Парламент Южного Азербайджана, лидер/основатель Булуд Карапапак, основан в 1999 г.; Организация национального освобождения Азербайджана, лидер/основатель Эльдар Карадагли, основана в 1999 г.; Партия независимости Южного Азербайджана, лидер/основатель Салех Илдириш, основана в 2006 г.; Фронт национального освобождения Южного Азербайджана, основан в 2012 г.

¹⁴ The Washington Institute for Near East Policy. Policy Watch #1111. // URL: <http://www.washingtoninstitute.org/templateC05.php?CID=2476> (дата обращения – 05.11.2018).

¹⁵ Мамедова Н.М. Экономические связи Ирана и стран СНГ // Иран и СНГ. М., 2003.

¹⁶ Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. // URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5328> (дата обращения – 20.10.2018).

¹⁷ Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. Статья 8. // URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5328> (дата обращения – 20.10.2018).

¹⁸ Perry M. Israel's Secret Staging Ground // Foreign policy. 28 March. URL.: http://www.foreignpolicy.com/articles/2012/03/28/Israel_s_secret_staging_ground?page=full&wp_login_redirect=0. (дата обращения – 05.11.2018).

¹⁹ Киселев Д. Депутаты парламента Ирана угрожают аннексировать Северный Азербайджан // URL: <http://azerros.ru/maintheme/11938-deputaty-parlamenta-irana-ugrozhayut-anneksirovat-severnuyu-azerbaydzhan.html> (дата обращения – 01.11.2018).

²⁰ Интернет-сайт Sputnik Azerbaijan // URL: <https://az.sputniknews.ru/politics/20190309/419726032/Mamedyarov-priglasil-Roukhani-v-Azerbaydzhan.html> (дата обращения – 10.03.2019).

Р. В. Сулейманов*

АЗЕРБАЙДЖАНЦЫ КАК ФАКТОР (НЕ)СТАБИЛЬНОСТИ В ИРАНЕ

Резюме: *Сегодня азербайджанцы (или азербайджанские турки) являются неотъемлемой частью этнорелигиозной и конфессиональной структуры Ирана. На протяжении уже нескольких столетий они играют ведущую роль в общественно-политической жизни страны. Не единожды азербайджанцы, выступавшие с требованиями о равенстве в правах с персами, об автономии и т.д., становились настоящей головной болью для центральных властей. В то же время азербайджанцы и по сей день остаются одним из самых патриотичных этносов страны, успешно интегрировавшихся и занимающих ведущие государственные посты, не делая при этом акцента на своем этническом происхождении.*

Ключевые слова: *Иран, азербайджанцы, этническое меньшинство, безопасность, стабильность.*

Summary: *Nowadays Azerbaijanis (or Azerbaijani Turks) are an integral part of the ethno-religious and confessional structure of Iran. For several centuries, they have played a leading role in the social and political life of the country. However, Azerbaijanis, who demanded equality in rights with the Persians, autonomy, etc., for many times have become a real headache for the central authorities. This notwithstanding, Azerbaijanis remain to this day one of the most patriotic ethnic groups in the country, successfully integrated into the social and political life, and occupying leading government positions, without making an emphasis on their ethnic origin.*

Key words: *Iran, Azerbaijanis, ethnic minority, security, stability.*

* Сулейманов Руслан Вахидович – студент 2-го курса магистратуры факультета мировой политики МГУ имени М. В. Ломоносова

Сегодня азербайджанцы (азербайджанские тюрки) являются крупнейшим этническим меньшинством на территории Ирана. Их численность, по разным оценкам, колеблется от 12 до 20 млн человек. Такой широкий разброс в статистических данных обусловлен тем, что в стране отсутствует официальная информация о численности населения по языковым или этно-национальным признакам, а специальные исследования на этот счёт не проводились центральными властями уже на протяжении нескольких десятилетий.

Начиная примерно с XIV–XV вв., когда на территории исторической Персии стало активно возрастать присутствие тюркского элемента, азербайджанские тюрки стали играть активную роль в общественно-политической жизни Ирана. В частности, вплоть до свержения династии Каджаров в 1925 г., территория современного Ирана централизованно управлялась именно выходцами из тюркских племен. В наши дни в Исламской Республике Иран (ИРИ) многие государственные деятели, начиная с руководителя и духовного лидера Ирана аятоллы Али Хаменеи, имеют тюркское происхождение, хотя и, как правило, сами не акцентируют на этом внимание.

Азербайджанский фактор в истории Ирана

Как уже было отмечено выше, тюркский элемент на территории исторической Персии стал увеличиваться после того, как на обширную территорию Ближнего и Среднего Востока в XI–XII вв. проникли многочисленные огузские племена.

Именно выходцы из этих племен в конце XV – начале XVI в. составили политическую опору основателя государства Сефевидов шаха Исмаила I (1487–1524)¹, при котором имамитский шиизм был объявлен государственной религией Ирана. В эпоху Сефевидов (1501 г. – первая половина XVIII в.) на территории Ирана сложилась актуальная и по сей день этнорелигиозная и конфессиональная структура².

После длительных ожесточенных междоусобных войн в течение всего XVIII столетия Иран оказывается под властью полукумачевого племени Каджар, также имевшего тюркские (азербайджанские) корни. В эпоху Каджаров (конец XVIII в. – 1925 г.)

произошло одно из ключевых событий в истории азербайджанского народа, а именно разделение территорий его компактного проживания между Российской империей и Персией. По условиям Гюлистанского мирного договора (1813 г.) и Туркманчайского мирного договора (1828 г.) семь ханств Северного Азербайджана, утратившие свою независимость, а также отошедшие из состава Ирана Эриванское и Нахичеванское ханства были присоединены к России³. В современной азербайджанской историографии разделение некогда единого этноса между двумя империями называется не иначе как трагедия. «К большому сожалению, та историческая несправедливость, которую учинили царские и иранские захватчики, продолжается и по сей день», – отмечает в этой связи историк И. М. Мамедов⁴.

Хотя и прямые контакты между азербайджанцами по обоим берегам реки Аракс продолжали сохраняться, примерно с середины XIX в. власти Персидской и Российской империй, не сговариваясь, начали осуществлять постепенное культурологическое разделение азербайджанских тюрок фактически на два народа. Если самоидентификацию тех, кто проживал к югу от Аракса, строили во многом на почве принадлежности к единой иранской нации⁵, то подданных российской короны именовали не иначе как «закавказские татары», дабы подчеркнуть историческую и цивилизационную близость азербайджанцев с некоторыми этносами, проживавшими на территории России.

В то же время, несмотря на активную политику России по интеграции азербайджанцев в империю⁶, у многих из них, особенно у представителей интеллигенции, сохранялись противоречия относительно вопроса самоидентификации. В качестве примера приведем Мирзу Фатали Ахундова (1812–1878), выдающегося азербайджанского драматурга и философа, который, с одной стороны, был безоговорочно лоялен российскому императору, с другой стороны, в своих произведениях восхвалял Персию и всё персидское, называя себя «почти персом»⁷, но в то же время не прибегал к антиосманской риторике, характерной среди персидских интеллектуалов того времени. Более того, был одним из тех, кто ратовал за развитие собственных языков у тюркских народов, что, по выражению Т. Светоховского, привело к «осво-

бождению (азербайджанцев. – *Р.С.*) от многовекового персидского культурного доминирования»⁸.

«Закавказские татары» сыграли не последнюю роль и в событиях конституционной революции в Иране в 1905–1911 гг. После революции 1905–1907 гг. в России огромное количество печатной продукции, издававшейся в Баку, пропагандировало либерально-демократические идеи, находившие горячий отклик и среди революционеров Персии. Имевшие большое хождение главным образом в провинции Тебриз, газеты «Хаят» («Жизнь») и «Иршад» («Наставление на путь истинный») знакомили персидского читателя с реформами, проводимыми в Российской империи; памфлеты и карикатуры в журнале «Молла Насреддин», руководимом Джалилом Мамедкулизаде (1866–1932), внесли огромный вклад в развитие сатиры в иранской прессе; а язвительные диатрибы поэта Мирзы Алекпера Сабира (1862–1911) против деспотов и богачей цитировались на политических митингах, а также среди военных, когда революция в Персии переросла в вооруженный конфликт. Учрежденная же в 1909 г. Мамедом Эмином Расулзаде (1884–1955)⁹ в Южном Азербайджане газета «Ирани-ноу» («Новый Иран») за короткий период времени стала самым массовым изданием в Персии, а впоследствии – официальным органом Демократической партии Ирана, представлявшей интересы нарождавшейся в стране национальной буржуазии.

В итоге осенью 1911 г. революционные выступления на севере Ирана (главным образом в Тебризе), в которых принимали активное участие и выходцы из Северного Азербайджана, были жестоко подавлены при непосредственном участии русской армии.

Однако полностью протестные настроения в Персии шахскому режиму и его союзникам уничтожить не удалось. Выступая главным образом против проанглийского курса Тегерана, шейх Мохаммад Хиябани (1880–1920) и его сторонники из Демократической партии Азербайджана (ДПА) в апреле 1920 г. начали восстание в Тебризе, требуя от центрального правительства, в частности, провозглашения в Иране республики, предоставления Иранскому Азербайджану политико-административ-

ной автономии, а также осуществления статей иранской конституции относительно областных и провинциальных энджуменов (советов)¹⁰.

Интересно, что хиябанисты называли свою республику Азадистаном («Страна свободы»), желая отмежеваться от правительства независимой Азербайджанской Демократической Республики (АДР) (28.05.1918–28.04.1920), руководство которой проявляло склонность к сотрудничеству не только с Великобританией, но и с тегеранским правительством. Ликвидация АДР и захват власти в Северном Азербайджане большевиками поначалу вызвали позитивную реакцию хиябанистов, но затем их отношение к руководителям уже Советского Азербайджана резко изменилось, поскольку им стало понятно, что «последнее слово в Баку принадлежит русским и что они скорее преследуют экспансионистские цели»¹¹.

Опасения Хиябани и его сторонников были небеспочвенны: в мае 1920 г. была осуществлена так называемая энзелийская операция по захвату и отводу в Советскую Россию морских судов Белого движения, интернированных британскими войсками в иранском порту Энзели. Побочным результатом этой операции стало создание Гилянской Советской Социалистической Республики (июнь 1920 г. – сентябрь 1921 г.) в провинции Гилян, поддерживаемой большевиками, которая, однако, ввиду многочисленных просчетов Москвы была уничтожена войсками тегеранского правительства¹².

Восстание хиябанистов, по сути не имевших союзников ни в Иране, ни за его пределами, также будет недолгим: в сентябре 1920 года Тегеран восстановил прежнюю власть в Тебризе, а Хиябани был убит¹³.

Пожалуй, самым серьезным эпизодом, когда азербайджанские турки стали источником нестабильности для центральных властей Ирана, можно назвать события 1941–1946 гг., когда в Иранском Азербайджане развернулось движение за автономию. Его появление было обусловлено совокупностью факторов, как внутренних (недовольство проводимой Реза шахом (1878–1944) политики лингвицида¹⁴ в отношении культуры и языка азербайджанских тюрок; недовольство экономической политикой Теге-

рана, выражавшейся в сдерживании хозяйственной активности в Иранском Азербайджане; общее недовольство институтом монархии в стране и т.д.), так и внешних, главным образом в лице активной поддержки со стороны Советского Союза автономистов во главе с Сеидом Джафаром Пишевари (1892–1947).

Если поначалу СССР прилагал всесторонние усилия, направленные на обретение азербайджанскими тюрками Ирана автономии (а впоследствии, как рассчитывали в Кремле, а также в Баку – на воссоединение исторических Северного и Южного Азербайджана), то вскоре, после серьезного давления со стороны западных держав, от поставленных целей пришлось отказаться, прекратить поддержку Демократической Республики Азербайджан (ДРА, более известной как Азербайджанское Народное Правительство), провозглашенной в ноябре 1945 г., и в конце концов вывести свои войска из Ирана¹⁵, введенные туда еще в августе 1941 г. совместно с Великобританией. В декабре 1946 г. войска центрального правительства окончательно ликвидировали ДРА, а Пишевари эмигрировал в Советский Союз, где погиб в автокатастрофе при загадочных обстоятельствах¹⁶.

После событий 1941–1946 гг. Тегеран начинает проводить целенаправленную репрессивную политику в отношении азербайджанского тюркского меньшинства, проживающего преимущественно в северных останках, с тем чтобы пресечь любую возможность возникновения сепаратистских настроений. Отчасти это будет проявляться в экономической политике шахских властей, в рамках которой основные инфраструктура и производства страны будут размещаться в регионах, где численность азербайджанцев значительно меньше по отношению к персам.

После исламской революции 1979 г. и прихода к власти в стране духовенства в государственной идеологии Ирана происходит смещение акцента с национальной идентичности на религиозную (шиитскую), что, в частности, отразилось на самосознании местных азербайджанцев¹⁷.

Ситуация начала постепенно меняться в 1990-е гг., главным образом после распада СССР и создания независимой Азербайджанской Республики (АР), что стало источником постоянного беспокойства в Тегеране, отчасти из-за разразившегося кон-

фликта в Нагорном Карабахе, в котором Иран стал оказывать неприкрытую поддержку Армении.

Помимо дружбы с Арменией, отрицательный имидж ИРИ в АР, как отмечает Р. Мотика, в 1990-е гг. был обусловлен еще и такими факторами, как наследие антииранской пропаганды во времена СССР и непривлекательность иранской модели построения государства, основанной на религиозных догматах¹⁸.

К моменту создания АР прошло уже почти два столетия после разделения азербайджанцев на условных «северян» и «южан», и культурологические различия между ними стали весьма существенны. Если представителей Северного Азербайджана характеризует секуляризм, русификация и национализм, то выходцев из Южного Азербайджана – религиозный консерватизм, принадлежность к общеперсидской культуре и к единой иранской нации¹⁹.

Азербайджанские турки Ирана сегодня. Позиция властей ИРИ

Власти Ирана сегодня отрицают наличие в стране какой-либо дискриминации по религиозному или этнонациональному признакам. Между тем некоторые статьи Конституции ИРИ не наделяют этнические и религиозные меньшинства теми правами, которые есть у персов-шиитов. Например, 15-я статья определяет фарси как официальный язык Ирана, следовательно, все официальные документы, корреспонденция и иные тексты должны печататься только на этом языке²⁰.

«Иранцы, относящиеся к любому этносу или племени, обладают равными правами; цвет кожи, раса, язык и т. п. не ставит никого в привилегированное положение», – тем не менее гласит 19-я статья Основного закона ИРИ. В документе в принципе отсутствует понятие «этнические меньшинства», а все мусульмане, согласно конституции, «представляют собой единую умму (общину. – Р.С.)»²¹.

В наши дни в Иранском Азербайджане на фоне огромных экономических проблем в стране и усиливающейся дискредитации духовенства многие азербайджанцы, особенно молодежь, с большей гордостью говорят о своей этнической идентичности,

чем о религиозной. «Еще лет 20 назад на улицах Тебриза едва ли можно было услышать тюркские слова, 10 лет назад едва ли половина населения города говорила по-тюркски, зато сегодня на этом языке говорит чуть ли не каждый, и отовсюду здесь слышна азербайджанская и турецкая музыка», – замечают современные исследователи Э. А. Сулейманов и Д. Краус²².

Шутки и оскорбления в СМИ

В последние годы азербайджанские тюрки стали более болезненно реагировать на шутки и оскорбления в свой адрес со стороны иранских СМИ. Один из самых резонансных эпизодов произошел в мае 2006 г., когда в приложении для детей к полуофициальной газете «Иран» была напечатана карикатура, на которой иранский мальчик пытается поговорить с тараканом по-персидски, то тот отвечает ему по-азербайджански. Эта шутка привела к многотысячным протестам во всех крупных городах Иранского Азербайджана, в результате чего, по официальным данным, погибли 4 человека и 330 были арестованы²³, а сама газета закрыта.

Ещё одной неудачной шуткой, приведшей к протестам среди азербайджанских тюрков, стал эпизод в ноябре 2015 г. в детской комедийной передаче «Фитиль» на государственном телеканале Ирана «TV 2», где один из актеров, изображавший этнического азербайджанца, чистил зубы туалетным ёршиком, приговаривая, что «азербайджанские дети пахнут очень плохо <...> и путают зубную щетку с туалетной». Сотни азербайджанцев вышли на улицы Тебриза, Ардебиля, Кереджа, Тегерана и других городов страны с лозунгами «Мы тюрки», «Смерть персидскому расизму» и «Стоп расизму против азербайджанских тюрков». В результате один из протестующих погиб²⁴, а программа «Фитиль» после 12 лет вещания закрыта²⁵.

Озеро Урмия

Вызывает обеспокоенность азербайджанцев и ситуация вокруг высыхающего озера Урмия. Из-за строительства плотин, чрезмерного потребления воды, а также сильной засухи,

начавшейся в 1998 г., озеро обмелело более чем на 70%. В августе – сентябре 2011 г. тысячи жителей Урмии, Тебриза и некоторых других городов вышли на улицы, обвиняя власти страны в бездействии и нежелании решить проблему солёного озера. В результате не менее 60 протестующих были задержаны «за отсутствие разрешения на проведение митингов»²⁶, а требование жителей принять чрезвычайный план по спасению озера было отклонено парламентом страны²⁷.

Футбольные фанаты

Пожалуй, одними из главных выразителей идей азербайджанского национализма в Иране в последние годы стали болельщики базирующегося в Тебризе футбольного клуба «Трактор Сази». На домашних матчах команды собирается рекордное для Ирана число зрителей – нередко до 60 тыс. человек, а встречи с непримиримыми соперниками из Тегерана – командами «Эстегляль» и «Персеполис» – перерастают в настоящую войну кричалок и оскорбительных выпадов в адрес друг друга. За громкие лозунги вроде «Мы горды, что мы тюрки», «Азербайджан – наш, Афганистан – ваш», «Конец персидскому фашизму» фанаты «Трактор Сази», а вместе с ними и руководство клуба нередко подозреваются иранскими властями в поддержке, в первую очередь финансовой, из Анкары и Баку.

Националистические организации

В настоящее время в Иранском Азербайджане и в целом в Иране нет ни одной серьезной – как легальной, так и нелегальной – общественно-политической организации, которая представляла бы интересы азербайджанских тюрков в ИРИ. Созданное в 1995 году в Баку Движение национального пробуждения Южного Азербайджана (ДНПЮА), провозгласившее своей целью воссоединение исторических Северного и Южного Азербайджана, сегодня не демонстрирует никакой активности, не пользуется поддержкой среди местного населения, а его основные лидеры, начиная с Махмудали Чохраганлы, проживают за рубежом. Другие организации вроде Движения национальной

свободы Южного Азербайджана (ДНСЮА), Организации национального возрождения Южного Азербайджана (ОНВЮА) или Партии независимости Южного Азербайджана (ПНЮА) также не проявляют никакой активности, главным образом ввиду того, что их идеологи и лидеры находятся вдали от ИРИ. Добавим, что молодое поколение азербайджанских тюрок Ирана в массе своей не проявляет интереса к организациям националистической направленности, предпочитая участие в иранских студенческих движениях и союзах.

Внешний фактор

В официальном Тегеране убеждены в том, что любая деятельность националистического характера со стороны этнических меньшинств, любые выступления за культурную и политическую автономию – не более чем происки врагов Ирана.

Достоверные данные о том, что Турция якобы ведет подрывную деятельность в Иранском Азербайджане, отсутствуют, однако её экономическое и культурное влияние в регионе в последние годы значительно усилилось. На фоне возросшего на рубеже столетий политического и экономического веса Турции на всем Ближнем Востоке, а также ввиду ухудшающегося положения в ИРИ многие азербайджанцы, особенно представители молодого поколения, перестают самоидентифицироваться с теократическим государством, но склонны акцентировать внимание на своем этническом происхождении, а также гордиться исторической связью с более современной и успешной, чем Иран, Турцией. Просмотр турецких сериалов по спутниковым каналам, поездки на отдых в Турцию только укрепляют эти настроения, однако говорить о влиянии Анкары на азербайджанское меньшинство Ирана всерьез не приходится, поскольку это скорее пассивное влияние.

Руководство Азербайджана, как уже отмечалось выше, не выступает в качестве поборника интересов азербайджанского меньшинства в ИРИ, не желая идти на открытую конфронтацию с южным соседом. На уровне все возрастающих в последние годы политических и экономических контактов Тегерана и Баку

вопрос о проблемах азербайджанцев в ИРИ, по крайней мере согласно официальной хронике, не поднимался ни разу. С другой стороны, сами выходцы из Иранского Азербайджана самоидентифицируются скорее с более успешной и продвинутой Турцией, чем с молодым Азербайджаном, хотя и охотно посещают республику на праздники и во время каникул.

Оказал влияние на азербайджанское меньшинство ИРИ, как ни странно, и не прекращающийся с 2011 года конфликт в Сирийской Арабской Республике (САР). Если молодежь, поддерживающая действия Турции и западных стран, выступает с критикой режима Башара Асада, России, а также политики Тегерана в САР, то представители более старшего поколения, особенно жители сельской местности, высказывают полную поддержку властям ИРИ. Дискуссии вокруг сирийского конфликта фактически обнажили и даже обострили противоречия между националистически и светски настроенными азербайджанцами, с одной стороны, и консервативными и религиозными азербайджанцами Ирана – с другой.

Так или иначе, говорить о серьезном влиянии внешних сил на ситуацию в Иранском Азербайджане и на азербайджанское меньшинство ИРИ в целом не приходится, не считая лишь экономическое и культурное влияние Турции и отчасти Азербайджана.

Таким образом, по прошествии нескольких столетий, в течение которых азербайджанцы нередко выступали за уравнивание в правах с персами, за собственную культурную и политическую автономию, сегодня они, занимая ведущие государственные посты, называют себя не иначе как иранцами и фактически являются одним из самых патриотичных этносов страны. В то же время проживающее в Иранском Азербайджане этническое меньшинство довольно болезненно реагирует на любые оскорбительные выпады со стороны СМИ в свой адрес, периодически выступает с требованиями о повышении статуса собственного языка, однако серьезной общественно-политической силы не представляет, поскольку его ведущие и националистически настроенные лидеры проживают за рубежом. В ближайшем будущем стабильность в Иранском Азербайджане будет опреде-

ляться стабильностью в ИРИ в целом, однако говорить об обратной корреляции в этом вопросе (пока во всяком случае) оснований нет.

¹ История Ирана. XX век. М., 2004. С. 23.

² Важно отметить, что между иранскими и азербайджанскими историками до сих пор нет консенсуса относительно Сефевидов, и в частности роли Исмаила I. В современных иранских учебниках по истории утверждается, что основатель Сефевидской империи сыграл огромную роль в объединении иранского этноса; в азербайджанских учебниках шаху Исмаилу I приписываются те же заслуги, но в отношении азербайджанского этноса, соответственно (ср. Тарих-е иран уа джихан (2). Ширкят-е чап уа нэшр-и китабха-и дерси иран. Техран, 2013. С. 103 и *Azərbaycan tarixi 7-ci sinif. Azərbaycan Respublikası Təhsil Nazirliyi. Bakı, 2014. S. 117–118.*).

³ Большая часть этих территорий сегодня входит в состав независимой Азербайджанской Республики (АР). Исторический Южный Азербайджан в наше время представляет собой останы (провинции) Ардебиль, Восточный Азербайджан и Западный Азербайджан в составе ИРИ.

⁴ Məmmədov İ.M. *Azərbaycan tarixi (Ali məktəblər üçün dərslik). «Adiloğlu» nəşriyyatı. Bakı, 2005. S. 311.*

⁵ Сначала к словосочетанию «мусульманская нация» (меллат-е мосалман) добавилось слово «Иран» (меллат-е мослман-е Иран), а уже примерно к началу XX в. религиозная составляющая отпала, и осталась только «иранская нация» (меллат-е Иран) (см.: Ashraf A. The Crisis of National and Ethnic Identities in Contemporary Iran, *Iranian Studies* 26/1-2, 1993. P. 159–164).

⁶ Как отмечает Т. Светоховски, в России в XIX в. соперничали две школы относительно вопроса интеграции «закавказских татар» и других народов с новоприобретенных земель в империю. Первая, более прагматичная, делала акцент на квазиавтономном регионализме, подразумевавшем принятие культурных и иных особенностей и интересов присоединенного народа. Вторая школа настаивала на централизованном управлении империей и потому считала необходимой политику русификации (см.: Swietohowski T. *Russian Azerbaijan. 1905–1920. The Shaping of National Identity in a Muslim Community. Cambridge, 1985. P. 12.*)

⁷ В современной иранской историографии М. Ф. Ахундов, наравне, скажем, с Мирза Ага Ханом Кермани (1853–1896), считается одним из идеологов персидского национализма (см.: Джерайанха-и фикри мешрутийат (меджмua'-и сохнараниха уа макалят). Чап-е деввом. Техран: муa'ссесе-и моталият уа пежухешха-и сийаси, табестан 138. С. 106).

⁸ Swietohowski T. *Op. cit.* P. 25.

⁹ Впоследствии М. Э. Расулзаде станет одним из лидеров азербайджанских националистов, а также отцов-основателей Азербайджанской Демократической Республики (1918–1920 гг.), а пока, на данном этапе своей политической карьеры, считал себя сопричастным к судьбе Персии.

¹⁰ История Ирана. XX век. С. 110–111.

¹¹ Fatemi S. F. *Diplomatic History of Persia. 1917–1923. New-York, 1952. P. 250.*

¹² О действиях большевиков в Гиляне см.: Генис В.Л. Красная Персия: Большевики в Гиляне. 1920–1921. Документальная хроника. М., 2000.

¹³ Гийам-е шейх-и мохаммад хиябани. Тарих-е гийам уа зендегинаме-и хиябани. Невеште-и сейид али азари ба мукаддима-и саид нефеси. Энтешарат-е сафи алишах, 1329, Тегеран.

¹⁴ Искоренение определенного языка по аналогии с понятием геноцида.

¹⁵ Великобритания приступит к выводу собственных войск из Ирана 2 марта 1946 года («спустя 6 месяцев после прекращения всех боевых действий»), Советский Союз же – только в мае того же года после официального обвинения со стороны Тегерана в адрес Москвы в рамках новообразованного Совета Безопасности ООН.

¹⁶ Подробнее о событиях вокруг азербайджанского кризиса 1941–1946 гг. см.: Гасанлы Дж.П. СССР – Иран: Азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941–1946 гг.). М., 2006.

¹⁷ Как отмечают Э.А. Сулейманов и Д. Краус, с этого момента самоидентификация азербайджанских тюрок в Иране начинает строиться в следующей последовательности: во-первых, мусульмане-шииты, во-вторых, иранцы, в-третьих, азербайджанцы (см.: Souleimanov E. A., Kraus J. Iran's Azerbaijan Question in Evolution: Identity, Society, and Regional Security. Silk Road Paper. Washington, D.C. and Stockholm: American Foreign Policy Council & Institute for Security and Development Policy, 2017. P. 7).

¹⁸ Motika R. Islam in Post-Soviet Azerbaijan. Archives de sciences sociales des religions. Islam et politique dans le monde (ex-)communiste. Juillet-septembre, 2001. P. 113.

¹⁹ На бытовом уровне это нередко проявляется в предубеждениях, что, мол, «северяне» утратили свои корни и свою религию, да и вообще обрусели, а «южане», в свою очередь, всего лишь религиозные фанатики, забывшие о том, что они азербайджанцы.

²⁰ Интересно, что положение арабского языка в стране как языка Корана фактически выше, чем других языков этнонациональных меньшинств ИРИ.

²¹ Метн-е кямил-е канун-и асаси-и джумхури-и ислями иран хемра ба эслахат-е сал-е 1368 [Электронный ресурс] // URL: https://www.lu.ac.ir/uploads/123456_20436.pdf (дата обращения – 01.11.2018).

²² Souleimanov E. A., Kraus J. Op. cit. P. 22.

²³ Iran Says 330 Arrested Over Recent Cartoon Unrest [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rferl.org/a/1069380.html> (дата обращения – 01.11.2018).

²⁴ Civil protests erupt in Iranian Azerbaijan [Электронный ресурс] // URL: <https://eadaily.com/en/news/2015/11/10/civil-protests-erupt-in-iranian-azerbaijan> (дата обращения – 01.11.2018).

²⁵ Важно отметить, что в современном персидском языке уже фактически устоялись шуточные или оскорбительные выражения в адрес того или иного этноса. В отношении азербайджанцев используется «торк-е хар» («тюркский/турецкий осёл»), а в отношении иранцев – «маймун-е фарси» («персидская обезьяна») или «саг-е фарси» («персидская собака»).

²⁶ Iran arrests saltwater lake protesters [Электронный ресурс] // URL: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-14780708> (дата обращения – 01.11.2018).

²⁷ Интересно, что во всех трех вышеупомянутых случаях официальный Баку, очевидно не желая идти на конфликт с властями Ирана, воздерживался от комментариев.

И. М. Бабиров*
(Нижний Новгород)

ТАЛЫШСКОЕ МЕНЬШИНСТВО В АЗЕРБАЙДЖАНЕ И ИРАНЕ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Резюме: В статье анализируется история талышского этноса, его самоидентификация, культурная и социальная принадлежность. Рассматривается ключевая роль талышского языка в самоопределении народа, который в настоящее время не имеет официального статуса в Иране и Азербайджане. Также рассмотрен вопрос защиты и восстановления прав талышского этнического меньшинства в Азербайджане в контексте позиционирования страны в духе европейских ценностей демократии.

Ключевые слова: национальности и этносы, этнические меньшинства, Азербайджан, Иран, талыши.

Summary: The article analyzes the history of the Talysh ethnos, its self-identification, cultural and social belonging. The key role of the Talysh language in the self-determination of the people, which currently has no official status in Iran and Azerbaijan, is considered. The issue of protection and restoration of the rights of the Talysh ethnic minority in Azerbaijan in the context of positioning the country as the European democracy is also being studied.

Key words: nationalities and ethnic groups, ethnic minorities, Azerbaijan, Iran, Talysh people.

Распад Советского Союза и появившиеся новые социокультурные реалии на территориях его бывших республик привели многие народности к поиску своей этнической идентичности в

* Бабиров Имрин Мехманович – выпускник аспирантуры кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н. И. Лобачевского

условиях кризиса государственности и национального самосознания. Не стал исключением и Азербайджан, как и другие кавказские республики, отличающийся пёстрым этническим составом населения.

Согласно статистическим данным, население Азербайджана насчитывает 9,7 млн человек. По этому показателю страна занимает первое место в регионе Закавказья. При этом около 120–140 тыс. из них проживает на территории непризнанного государства Нагорный Карабах. В Азербайджане проживают представители многих национальностей и этносов, среди которых выделяют: азербайджанцев (91%), лезгинов (2%), армян (1,4%), русских (1,3%), талышей (1,3%), аварцев (0,6 %), турок (0,4%) и др.¹

Талыши живут в юго-западном регионе Каспийского моря уже тысячи лет. В средние века они попали под влияние Турции, но создали свое независимое ханство или королевство в 1600-х гг. В начале 1800-х гг. талыши нынешнего Азербайджана оказались под контролем Российской империи, а потом – СССР, который продолжался до 1991 г., когда Азербайджан отделился от Советского Союза. Сегодня талыши сталкиваются с той же дилеммой, что и многие другие народы Центральной Азии, поскольку они пытаются решить, следует ли следовать исламскими традициям прошлого или западной культуре и технологиям настоящего.

Талыши являются ираноязычным народом и одним из древнейших коренных народов Южного Кавказа². Талышское меньшинство в Азербайджане живет вдоль иранской границы в районах Астара, Ленкорань и Лерик. По данным переписи 2009 года, в Азербайджане проживает 112 тыс. талышей. Они в основном мусульмане-шииты. Что касается происхождения талышей, то здесь исследователи не дают конкретного ответа на этот вопрос. Одни считают талышей автохтонным населением региона и сходятся во мнении, что территория их расселения в древности была более обширной. Другие полагают, что предки талышей не были ираноязычными³. Территория, населенная талышами, в древности входила в состав Мидии (а впоследствии – Атропатены). Исследователи предполагают, что племена каспии, кадусии, гелы, телюмаи, талаи участвовали в этногенезе талышей⁴.

Позже, после крушения Ахеменидской империи, на территории зороастрийского государства Атропатена распространялось влияние персидских, арабских, тюрко-сельджукских и других государств Передней Азии. В Средние века образовалось самостоятельное талышское государство. В 1747 г. талыши во главе с Сейид Аббасом создают свое национальное государство – Талышское ханство. Мир Мустафа хан (1747–1814) был самым известным правителем Талышского ханства. Он является одним из самых выдающихся политиков и полководцев Азербайджана. Именно благодаря его усилиям Талышское ханство увеличилось в размерах и долгое время оборонялось от Ирана и России. После заключения Гюлистанского мирного договора в 1813 г. Талышское ханство вместе с другими ханствами Азербайджана вошло в состав Российской империи. С этого времени русские ученые и исследователи начинают изучать географию, язык, этнографию, историю и культуру талышского народа.

Несмотря на присоединение к Российской империи, идея создания собственной государственности у талышей сохранилась. Они принимали активное участие в создании Муганской Советской Республики, создание которой в 1919 г. было спровоцировано пантюркистской политикой мусаватистского правительства Азербайджанской Демократической Республики. Муганская Советская Республика просуществовала всего три месяца и вскоре была ликвидирована пантюркистами.

В первые годы Советской власти в Азербайджане начали появляться талышские школы. Этот период в истории талышей ознаменовался резким ростом национального самосознания талышского народа. В период с 1920 по 1930 г. велась интенсивная работа по созданию литературы на талышском языке. Также выходила газета на талышском языке «Красный Талыш». Наиболее видным талышским деятелем той эпохи был поэт и просветитель Зульфигар Ахмедзаде – автор переводов на талышский язык русской классики. Однако в 1937 г. Зульфигар Ахмедзаде был арестован, а изучение талышского языка и публикации на нем были приостановлены. С этого времени и до конца распада СССР талышская идентичность жестко подавлялась. С 1959 по 1989 г. талыши не включались в переписи как отдельная этни-

ческая группа, но считались частью азербайджанских турок. Представители талышской интеллигенции, не согласные с таким положением дел, подвергались репрессиям со стороны НКВД (КГБ).

В течение многих веков происходило культурное сближение талышей с азербайджанцами, а также сужение области талышского языка. Наличие тесных экономических и культурных связей с азербайджанцами способствовали распространению среди талышей двуязычия, влиянию азербайджанской культуры⁵.

В конце 1980-х гг. была основана Талышская национальная партия возрождения, переименованная вскоре в Партию Равенства Народов Азербайджана. Основная цель партии – добиться автономии талышей в составе Азербайджана. 21 июня 1993 г. полковником Аликрамом Гумматовым была провозглашена Талыш-Муганская Автономная Республика. Это событие совпало с широкомасштабным наступлением армянских войск на карабахском фронте и захватом ими нескольких районов на западе Азербайджана. Это наступление вызвало мятеж Сурета Гусейнова и общий кризис власти в Азербайджане, результатом которого явилось скоординированное восстание талышских военнослужащих в Ленкоране. Были сформированы местные органы власти и создано учредительное собрание – Национальный Меджлис. Аликрам Гумматов провозгласил себя президентом Республики и даже встречался с главой Азербайджана Гейдаром Алиевым, однако А. Гумматов не согласился отказаться от автономии, а Алиев отказался признать ее. Спустя два месяца Республика была ликвидирована. Партия Равенства Народов Азербайджана была запрещена на всей территории Азербайджана⁶. Аликрам Гумматов, лидер «республики», был арестован в 1993 году и был помилован президентом Ильхамом Алиевым. Его лишили азербайджанского гражданства и отправили в Нидерланды, где жили его родственники.

После того как из-под ареста был освобожден А. Гумматов, возникло Талышское национальное движение. Эта организация выдвигает идею национальной автономии талышей и ставит своей целью коренную смену политического режима; предоставление автономии всем народам Азербайджана. Движение ориен-

тировано пророссийски, однако выступает за равные отношения со всеми странами, включая США⁷.

Лидер талышского национального движения А. Гумматов определяет движение как составную часть общезербайджанского протестного движения, ставящую целью отстранение конституционным путем существующего режима и преобразование Азербайджана на демократических принципах. Также он заявляет, что талышский народ не может существовать вне Ирана, и просит у него защиту от властей Азербайджана. Такая сильная привязанность к Ирану объясняется историческим прошлым талышей, которые являются ираноязычным народом. Кроме всего прочего, бывший президент Ирана Махмуд Ахмадинежад по происхождению является талышом.

Талыши занимают местность, полную резких контрастов, начиная от высоких, покрытых лесом Талышских гор до субтропических прибрежных земель вдоль Каспийского моря. Хотя почти все талышские группы говорят на родном языке, большинство из них свободно владеет азербайджанским языком, а некоторые также говорят на русском или фарси. Два перспективных нефтяных месторождения (Талыш-Дениз и Ленкоран-Дениз) расположены в акватории Каспийского моря, рядом с территорией талышей⁸.

Образ жизни разных талышских групп сильно отличается из-за различий в их окружении. Однако независимо от региона, в котором они живут, большинство талышей являются фермерами. В некоторых районах основной культурой является рис, в других – пшеница и ячмень. Чай и цитрусовые выращиваются в низинах вблизи Каспийского моря. Не все талыши фермеры. Некоторые из них стали квалифицированными ремесленниками. Их основные ремесла включают шелк, ковры и войлок. Некоторые работают с оловом, делают обувь или дизайнерские украшения. Талыши живут в домах разных стилей – в зависимости от региона, в котором они расположены. Традиционные дома талышей не имеют мебели. Однако сегодня все большее число домов обставлены мебелью в западном стиле.

Талышские женщины традиционно носили мусульманскую одежду, закрывающую их лица и полностью покрывающую их

тела. Сегодня многие талышские женщины, особенно живущие в Азербайджане, отказались от привычного наряда и носят одежду в западном стиле. Большинство талышских мужчин имеет только одну жену. Мальчики обычно вступают в брак, когда они находятся в возрасте от 15 до 20 лет, в то время как девочки обычно выходят замуж, когда они находятся в возрасте от 12 до 16 лет. Семья жениха должна заплатить цену невесты или кебин, которая состоит из денег и предметов, таких как ковры или посуда. Чтобы не платить кебин, молодой человек иногда «похищает» будущую невесту, беря ее в жены.

Талыши практически все мусульмане прежде всего шиитской традиции. Как и другие мусульмане, они следуют пяти «столпам» ислама, которые включают в себя утверждение, что Аллах – единственный бог, а Мохаммед – его пророк, молятся по пять раз в день, щедро раздавая милостыню, постятся и совершают паломничество в Мекку. Хотя талыши исповедуют ислам, некоторые остатки их доисламской религии сохраняются. Например, они с почтением относятся к деревьям и рощам и верят в присутствие добрых и злых духов, причем самым опасным духом является Алажан – «красная женщина». Считается, что Алажан атакует женщин во время родов, а также новорожденных⁹.

Таким образом, вопрос идентичности талышей является на сегодняшний день самым дискуссионным и в то же время малоизученным. В изучении талышской самоидентификации с самого начала упоминания талышей в древнейших источниках основной упор делался на труды местных и зарубежных регионоведов, историков и специалистов в области этногенеза. Из узкого круга работ складывается более менее стойкое представление о вопросе в рамках исторического прошлого талышского народа.

Талышский народ, разделенный на две части границами, на сегодняшний день разделен и самоидентификацией. У современных талышей не существует четко выраженного самоощущения в части национальной принадлежности в силу ключевой роли талышского языка в самоопределении. Большинство талышей представляют себя как азербайджанцы, но талышские корни никто не скрывает. Это связано с выходом талышского языка из обихода в местах компактного проживания талышей и азербайд-

жанцев и постепенным переходом на азербайджанский язык в деревнях с практически стопроцентным талышским населением. При этом талышский язык не имеет официального статуса ни в Иране, ни в Азербайджане.

Начало XXI в. ознаменовало растущую популярность идей талышской обособленности в таких традиционно этнически смешанных городах, как Ленкорань и Масаллы. Данный процесс происходит вместе с утратой талышским языком своих позиций. Талыши привязаны к своему краю и не желают быть частью азербайджанского общества. Это объясняется тем, что талыши стремятся сохранить свои социокультурные особенности, хотя сильных противоречий в культуре талышей и азербайджанцев не наблюдается. Данная черта присуща большинству ираноязычных народов – слабая привязанность к родному языку и, напротив, сильная привязанность к присущей себе модели поведения и культурным особенностям.

В 2008 г. главный редактор газеты на талышском языке «Тольшисадо» («Голос Талыша»), заведующий отделением Института языковедения Академии наук Азербайджана Новрузали Мамедов был приговорен к десяти годам лишения свободы за государственную измену. По официальной версии обвинения, он «вел антиазербайджанскую пропаганду со страниц газеты», а также «помогал Ирану в его враждебной деятельности». Мамедов понимал, что его судят за этническое происхождение, за то, что он талыш. Подчеркнув, что он гордится своей принадлежностью к талышскому народу, ученый-лингвист потребовал у прокурора пожизненного заключения, заявив, что десять лет недостаточны для такого «преступления». Новрузали Мамедова обвинили в передаче спецслужбам Ирана информации о гражданах Азербайджана; в обращении Мамедова в международные организации, такие как ООН, ОБСЕ и др. с информацией о нарушении прав национальных меньшинств; в формировании отрицательного имиджа Республики Азербайджан и т. д.

Таким образом, талыши являются древнейшим народом Южного Кавказа. На протяжении всей своей истории талыши стремились создать территориальную автономию на территории Азербайджана. А также талыши получают поддержку со стороны

иранского правительства. С момента приобретения независимости Азербайджан преследует цель присоединить к себе часть территории Ирана и ведет антииранскую пропаганду. Поэтому не случайно, что большинство бед выпадает на долю тех талышей, которые в СМИ открыто заявляют о своих исторических корнях с Ираном и стремятся к территориальной автономии. В Азербайджане проживает большое количество этносов и народов, и если каждому предоставить автономию, от самой Республики Азербайджан практически ничего не останется. Поэтому правительство Азербайджана обвиняет в сепаратизме и разжигании межнациональной розни в первую очередь тех, кто стремится добиться территориальной автономии. Талыши, как отдельный этнос, имеют равные права с азербайджанцами, и ни о какой дискриминации не может идти и речи. Более того, в Азербайджане выпускают газеты на талышском языке («Талышский вестник»), действуют талышские школы и существует телевизионный канал, полностью транслируемый на талышском языке («Национальное телевидение Талышистана», «Голос Талышистана»).

В настоящее время Азербайджан пытается с помощью самых демократических стран стать уважаемым членом единой европейской семьи. Благодаря усилиям европейских структур, прежде всего Европейского союза, демократические ценности играют все большую роль в общественной и политической жизни азербайджанского народа. Азербайджан является многонациональной страной, и борьба за демократию и европейские ценности означает также и защиту прав этнических меньшинств.

По мнению скептически настроенных талышей, официальная статистика сознательно недооценивает население талышского народа. Согласно самым скромным подсчетам, талышское население составляет 1,5 млн человек. Азербайджанское государство насчитывает намного меньше.

Талыши не имеют возможности учиться на своем родном языке. Несмотря на многочисленные притязания талышской интеллигенции, талышский язык преподается только в качестве факультативных уроков. Ни одно из высших учебных заведений не готовит учителей талышского языка. Средства массовой информации существенно ограничены. Есть только одна

талышская газета, выходящая раз в месяц; история, культура и язык талышского народа не являются предметом научных исследований.

Талыши убеждены, что без надлежащего решения этих проблем Азербайджан не может быть полным и консолидированным демократическим государством, которым он хочет стать. Исходя из этого и руководствуясь «Рамочной конвенцией о защите национальных меньшинств»¹⁰, принятой Советом Европы в 1995 г. и другими фундаментальными международными документами, они требуют в том числе открытия в Ленкоранском и Бакинском государственных университетах кафедры талышского языка и истории, подготовки учебников по талышскому языку и проведения новой «справедливой» переписи населения в Азербайджане, чтобы восстановить историческую правду в отношении талышского населения.

Одно из самых многочисленных национальных меньшинств Азербайджана требует культурной автономии, которую правительство боится дать им. С момента распада Советского Союза талыши требовали образования на своем родном языке и культурной автономии, обращаясь к международным правам этнических меньшинств. В целом, можно сказать, что в Азербайджане еще осталось много вопросов о несоблюдении прав человека. Естественно, эти проблемы включают в себя и те, которые связаны с правами этнических меньшинств.

В 2000 г., когда Азербайджан присоединился к Парламентской ассамблее Совета Европы, он принял на себя ответственность за принятие закона об этнических меньшинствах в течение двух лет. Такой закон до сих пор не принят. У талышей нет проблемы с другими этническими группами, составляющими население Азербайджана, но на правительственном уровне много недосказанности.

Согласно программе Министерства образования, уроки на талышском должны проводиться с первого по четвертый класс в тех районах, где большую часть населения составляют талыши. Но активные местные жители жалуются, что на практике это происходит чисто формально либо уроки даются для вида, либо просто заменяются другими, внешкольными, мероприятиями¹¹.

Школьные учебники по изучению талышского языка были изданы только один раз – в 2005 г. В Ленкорани в государственном университете нет факультетов для обучения учителей талышского языка. Такое отношение правительства к этническому меньшинству обусловлено страхом сепаратизма: несколько раз за свою долгую историю талыши пытались создать собственное государство. В регионе ощущается сильное влияние шиитского Ирана, поэтому страх центральных властей понятен. При удобных обстоятельствах талыши могут использовать Россию, Иран или Армению для достижения своих политических целей.

Политический обозреватель Задрушт Ализаде считает, что пока в стране существует сильное правительство, сепаратизм не представляет опасности. «Сепаратизм можно и нужно держать в ограниченных рамках идеологического и политического дискурса. Ни в коем случае обсуждение не должно быть подавлено. Это просто превращается в “запретный плод”»¹². Угроза сепаратизма будет оставаться до тех пор, пока в Азербайджане не появится демократического механизма решения социально-экономических проблем среди населения. По его же словам, истинными источниками сепаратизма являются высокий уровень безработицы, несправедливые суды, отсутствие социальной мобильности, бессмысленные ограничения культур этнических групп.

При этом критики талышского движения воспринимают их попытки добиться независимости как происки армянского лобби, пытающегося таким образом дестабилизировать обстановку в соседней стране, с которой у них давняя история враждебности¹³. С Арменией у талышей действительно тёплые отношения, которые, с одной стороны, можно назвать «дружбой против» (подразумеваемая, естественно, Азербайджан), с другой – данная связь основывается на общих историко-культурных ситуациях.

В декабре 2016 г. совместными усилиями Департамента иранских исследований Ереванского государственного университета и национального движения «Талыш» при поддержке радио «Голос Талышистана» был организован круглый стол на тему «Талышский народ: история и современные тенденции»¹⁴, на котором политики и общественные деятели, представляющие талышское национальное меньшинство в Азербайджане,

говорили о насилии, совершенном против них в Азербайджане. Лидер талышского национального движения Алакрам Хамметзод подчеркнул полезность диалога между армянами и талышами. По его словам, два народа должны укреплять научное и культурное сотрудничество. Он также обозначил главную цель национального движения «Талыш»: провести реформы в Азербайджане и получить автономию. На этом же круглом столе глава талышской диаспоры в России сравнил опыт талышей с борьбой за независимость Нагорного Карабаха, отметив, что последние идут правильным путём¹⁴.

Заведующий кафедрой отдела иранских исследований Вардан Восканян подчеркнул тот факт, что политическая элита талышского народа ценит вклад Армении в политические движения талышского народа, и в этом контексте отметил, что Армения является своего рода региональной супердержавой, поскольку она способна контролировать некоторые политические процессы во враждебном Азербайджане. По его словам, армянский и талышский народы являются самыми древними народами региона, которые уже установили отношения до появления турецкого элемента в регионе¹⁵.

Лидером современного талышского сепаратизма является Фахраддин Абосзода, филолог и политолог, автор ряда книг, в том числе «Мыслить немислимое. Моя борьба за независимый Талышистан», в которой он критикует Азербайджан за политику «титულიй нации» и размышляет о другой проблеме сепаратистского характера – Нагорном Карабахе.

В своей книге он даже опосредованно сравнивает Гейдара Алиева и его сына Ильхама с Гитлером, считая, что проводимая ими политика не соответствует ожиданиям народа¹⁶.

Также важным остаётся вопрос о роли России в дальнейшем развитии талышской проблемы, если таковая действительно присутствует. Об этой роли можно размышлять в связи с отношениями России с Арменией, которые важны для Армении из-за агрессивных соседей – Азербайджана и Турции. В России проживает сильная армянская диаспора, и даже, например, такое событие, как массовое убийство в Гюмри в 2015 г., не ослабило связь между странами, хотя и добавило некоторую долю напряженно-

сти. Вряд ли России имеет смысл поддерживать талышей только ради того, чтобы показать свою уверенность во внешнеполитическом курсе Ирану, с которым у России традиционно тёплые отношения, множество контактов на высшем уровне и длительная история военно-технического сотрудничества. С другой стороны, поддержка талышей может быть сигналом Азербайджану о том, что в Москве есть ресурсы для дальнейших действий на Кавказе, к которым Москва вполне может прибегнуть, если Азербайджан будет не согласен с пожеланиями России¹⁷.

Самоидентификация талышей довольно неопределенна. Некоторые эксперты утверждают, что талышское меньшинство в Азербайджане самоопределяется в две разные группы: носителей радикальных националистических взглядов и тех, кого не интересуют подобные вопросы. Есть и третий вариант, отмечающий полное отсутствие самоидентификации как талыша или как азербайджанца либо ограничивающий свою талышскую принадлежность семьёй или талышскому сообществу¹⁸.

Талышская этническая идентификация была сильно подавлена в Советском Союзе, однако небольшая группа так называемых «националистов» стремится сохранить наследие и требует «культурных прав». Вопросы идентификации талышей являются открытыми, в том числе и из-за отсутствия надежных статистических источников, особенно во время ограничений в советский период. Взаимоотношения с «турками» также усложняют проблему, как и упадок талышского языка. Вопрос о реалистическом представлении этнической демографии становится тем актуальней, чем дольше он требует решения. Несмотря на то что в настоящее время талыши страдают от ряда социальных проблем, таких как нищета, безработица, отсутствие базовой инфраструктуры, такой как электричество, талышские общины имеют высокий уровень рождаемости, вступают в брак моложе, чем азербайджанцы, и, следовательно, их доля в государстве будет расти. Эти факторы сочетаются с историческим страхом репрессий в отношении утверждения своей этнической идентичности и страха быть связанными или обвиняемыми в сговоре с Арменией¹⁹. Со временем решение данного вопроса может быть осложнено другими возникающими проблемами.

Сама «талышская идентичность» довольно туманна в стране, где отношение к любым сепаратистским тенденциям кажется преимущественно отрицательным. Сторонники талышской автономии не будут честны в отношении своей позиции с теми, кто выступает против талышской пропаганды. Возможно, самой большой практической проблемой, заключающейся в том, чтобы оценить характер талышской идентичности сегодня и степень ее потенциальной политизации или возможности принесения её к общественной сфере, является разделение между государством и обществом. Историческое подавление идентичности и неспособность открыто распространять свою культуру и язык привели к внутреннему самоподавлению. Как уже отмечалось, короткий период сепаратизма в 1993 году вызвал страх ассоциации любых действий националистического характера талышей с влиянием Армении или России. Это подавление является значительным, но не единственным фактором, способствующим определенному отсутствию интереса многих к своей этнической принадлежности сегодня. Боязнь насильственного сепаратизма внушила мысль о необходимости терпимости и отсутствия интереса к этнической принадлежности. Отсутствие интереса также связано с определённым прагматизмом – люди перегружены другими проблемами. Например, интеллигенция больше интересуется «демократизацией», «правами человека», выборами и т. д., чем талышской проблемой, и любые имеющиеся в обществе ресурсы скорее пойдут на благотворительные проекты. Возмущение, возможно, также смягчается от того, что талыши являются не единственным меньшинством, чьи права в той или иной степени ущемляются. Другие факторы, в теории, могут способствовать преданности данного меньшинства государству, в том числе желание быть частью светской республики, а не теократического Ирана, а также позиция по Нагорному Карабаху. Все эти факторы в разной степени влияют на неопределённость, в которой находится талышское движение.

Людей, поддерживающих данное движение, можно разделить на несколько групп, различающихся характером своей приверженности талышской культуре; от пуристов, претендующих на то, что их культура – основа для многих других, до тех, для которых изучение и овладение талышской идентичностью

является ненавязчивым хобби. Большая часть является умеренными талышами, защищающими культуру и традиции своего региона, которые просто хотели бы, чтобы язык их предков сохранился. Несмотря на отсутствие прямых призывов к сепаратизму, данный случай талышского культурного движения выявляет некоторые недостатки в способности государства справляться с проблемами этнических меньшинств и таким образом становится средством критики государства, к которому могут приложиться другие вопросы, даже не являющиеся прямым фактором неудовлетворенности.

В заключение стоит отметить, что вероятность кардинальных изменений в судьбе талышей в ближайшем будущем минимальна. Сохранению статуса-кво способствует ряд факторов, среди которых отсутствие четко определённой позиции самого талышского народа, восприятие политической элитой темы предоставления этническим меньшинствам как угрозы сепаратизма и неимение конкретных программ у Талышской народной партии, которая никогда не избиралась в Милли меджлис.

Кроме того, в странах бывшего СССР не было ни одного успешного примера получения национальным меньшинством независимости. Из возможных подвижек наиболее вероятным кажется предоставление талышам большей культурной автономии и сохранение, возможно продвижение, талышского языка. Облегчает ситуацию в целом благоприятная обстановка в регионе, высокий уровень ассимиляции и, как следствие, отсутствие конфликтов с титульной нацией и другими меньшинствами и общая религия. С другой стороны, резкие изменения не нужны, интерес к своим правам как правам этнического меньшинства у талышей появился с решением основных экономических проблем в государстве; кроме притязаний на культурную автономию большая часть талышей не готова предъявлять конкретные претензии политическому устройству и вести самостоятельный курс.

¹ Всеобщая перепись населения Азербайджана от 13.03.2014. Государственный комитет статистики Азербайджана // URL: <http://stat.gov.az> (дата обращения – 30.04.2018).

² Савина В. И. Этнонимы и топонимии Ирана // Ономастика Востока. М., 1980. С. 143.

- ³ Алиев И., Гошгарлы Г. Юго-Запад Прикаспия в древности и эпоху средневековья. Тольшисадо, 1993. С. 4.
- ⁴ Грантовский Э. А. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 2007. С. 429.
- ⁵ Волкова Н. Г. Этнические процессы в Закавказье в 19–20 вв. // Кавказский этнографический сборник. М., 1969. Т. 4. С. 43–44.
- ⁶ Шнирельман В. А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье. М., 2003. С. 67.
- ⁷ Амелина Я. В. Талыши не у дел // Независимая газета, 10.09.2007.
- ⁸ Background and Present Situation of the Talysh // Unrepresented Nations and Peoples Organization: UNPO. URL: <http://www.unpo.org/article/3910> (дата обращения – 15.04.2018).
- ⁹ Talysh in Iran // The Joshua Project. URL: https://joshuaproject.net/people_groups/15220/IR (дата обращения – 15.04.2018).
- ¹⁰ Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств / Страсбург, 1 февраля 1995 г. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/euro/Rets157.html> (дата обращения – 15.04.2018).
- ¹¹ The Talysh People Demand Cultural Autonomy in Azerbaijan // MeydanTV. URL: <https://www.meydan.tv/en/site/society/22391/> (дата обращения – 15.04.2018).
- ¹² Там же.
- ¹³ Независимый «Талышистан» как армянская бомба под транзитный проект «Север – Юг» // Кавказплюс. URL: <https://kavkazplus.com/news.php?id=17601#.WtRnZ4huaUk> (дата обращения – 15.04.2018).
- ¹⁴ Talysh people subject to genocide in Azerbaijan – says Talysh politician // Арменпресс. URL: <https://armenpress.am/eng/news/873451/talysh-people-subject-to-genocide-in-azerbaijan-%E2%80%93-says-talysh-politician.html> (дата обращения – 30.04.2018).
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Мыслить немислимое. Моя борьба за независимый Талышистан // Кавказский геополитический клуб. URL: <http://kavkazgeoclub.ru/content/myslit-nemyslimoe-moya-borba-za-nezavisimyy-talyshistan> (дата обращения – 30.04.2018).
- ¹⁷ Is Moscow Putting the Talysh in Play Against Azerbaijan? // The Jamestown Foundation. URL: <https://jamestown.org/program/is-moscow-putting-the-talysh-in-play-against-azerbaijan/> (дата обращения – 30.04.2018).
- ¹⁸ The Sociolinguistic Situation of Talyshs in Azerbaijan // Голос Талыша. URL: http://www.talish.org/publ/news_talysh/the_sociolinguistic_situation_of_talyshs_in_azerbaijan/1-1-0-3 (дата обращения – 30.04.2018).
- ¹⁹ Hema Kotecha. Islamic and Ethnic Identities in Azerbaijan: Emerging Trends and Tensions. URL: <https://www.osce.org/baku/23809?download=true> (дата обращения – 30.04.2018).

А. И. Полищук*

«ПЛАН РЕАЛИЗАЦИИ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ ИРИ» КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ»

Резюме: Статья посвящена анализу содержания понятия «мягкой силы» и путей её применения в соответствии с «Планом реализации культурной политики ИРИ», разработанным в Секретариате Высшего Совета по культуре и вступившим в действие в 2014 г. Планом предполагается активное использование потенциала образовательных учреждений, творческих союзов, искусства, СМИ, возможностей виртуального пространства для религиозного просвещения, воспитания патриотизма и противодействия «враждебной мягкой силе».

Ключевые слова: «мягкая сила», культура, ислам, просвещение, Иран.

Summary: The article is devoted to analyzing of soft power definition and its usage in accordance with The Islamic Republic of Iran cultural engineering plan prepared by the High Consul for culture and adopted in 2014. The Plan is intended to active use of education facilities, creative forces, arts, mass media, cyber space and other means for religious and patriotic propaganda and also struggle against «hostile soft power».

Key words: soft power, culture, Islam, education, Iran.

«План реализации культурной политики ИРИ» был разработан по указанию духовного лидера страны аятоллы Хаменеи с привлечением более 200 представителей научного сообщества и духовенства, обсуждён и одобрен Высшим советом культурной

* Полищук Александр Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры восточных языков переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

революции в марте 2014 г.¹ План носит комплексный характер и касается культурной политики в очень широком понимании, охватывая практически все стороны жизни страны. Он содержит основополагающие установки по проведению культурной политики внутри страны и, что особенно важно, за её пределами в целях формирования позитивного образа страны в регионе и в мире с использованием «мягкой силы». Целевой аудиторией действия Плана объявляются:

1. Граждане ИРИ.
2. Организации и институты ИРИ.
3. Персоязычные сообщества.
4. Исламский мир: страны, народы и исламские сообщества в регионе и на Ближнем Востоке.
5. Страны региона с учётом их географического, культурного, исторического и политического родства.
6. Народы и страны, которые имеют с ИРИ надёжные политические, культурно-политические и культурно-экономические связи.
7. Правительства, течения и группы, являющиеся противниками или врагами ИРИ, которые ведут организованную враждебную деятельность против ИРИ.
8. Международные и региональные организации.
9. Мировое сообщество.

В настоящее время политика «мягкой силы» активно используется руководством ИРИ по отношению к перечисленным группам населения, организациям и институтам. Иран предпринимает целенаправленные усилия для распространения своего влияния среди единоверцев (прежде всего шиитов и близких им религиозных общин в Ираке, Сирии, Афганистане: алавиты, хуситы, хазарейцы и пр.), среди населения районов, в прошлом входивших в состав иранских государств (Закавказье: талыши, осетины; Средняя Азия и в том числе персоязычные сообщества в Таджикистане, Афганистане, в Индии, на Бахрейне и пр.), и среди мусульманского населения Азии.

Приведённое выше перечисление «объектов», на которые распространяется действие Плана, красноречиво свидетельствует о его активной направленности в качестве программы

применения «мягкой силы». Каково же культурное содержание этой «мягкой силы»? В Плане обращает на себя внимание тщательная разработка основополагающих ценностей и принципов «ирано-исламской» культуры, которые носят религиозно-философский и морально-нравственный характер и из которых делаются вполне конкретные практические выводы и даются важные рекомендации.

К ценностям в соответствии с Планом относятся прежде всего «понимание» или «разумность», которые включают в себя: исламское сознание или политическую мудрость, которая объявляется мерилom сотрудничества во внутренней и внешней политике; социальная сознательность; вера, включающая в себя такие понятия как мораль, знание, активность.

К принципам культурной политики или, вернее, к самому понятию культуры, в Плане отнесены: религиозная ориентация, главенствующая роль культуры, справедливость, принцип руководства и управления обществом, взаимопомощь, способность прогнозировать будущее, социальная ориентация, упорядочение и координация, эффективное сотрудничество, постоянство, реализуемость, принцип инновационности, принцип обеспечения природными ресурсами и капиталовложениями, умеренность и скромность².

Несомненный интерес представляют конкретные постулаты культурной политики и способы её реализации. Содержание Плана в целом носит идеологический характер и базируется на религиозных и революционных ценностях. В этой связи его можно рассматривать как **концентрированное выражение иранской исламской «мягкой силы»**, что видно уже из названий основных разделов, помещённых в статью № 6 Плана. Содержание этой статьи Плана делится на 13 базовых разделов, посвящённых отдельным направлениям культурной политики, каждый из которых начинается с формулировки, в общем виде соответствующей «генеральной стратегии», и состоит из двух больших блоков: «национальная стратегия» и «меры по реализации стратегии в национальном масштабе».

Генеральные стратегические цели по разделам главы № 6 в Плане формулируются следующим образом: 1) внедрение

и закрепление культуры в соответствии с Кораном и праведным исламским учением; 2) возрождение мышления, базирующегося на традиционном (праведном) исламе; 3) укрепление семьи и семейных ценностей; 4) противодействие снижению общей веры в исламское учение, учёт потребностей страны, сохранение и укрепление социальных устоев; 5) разработка и внедрение норм иранской исламской жизни в быту; 6) укрепление роли семьи, образования и роли закона в жизни общества; 7) внедрение норм морали в общественной и политической жизни; 8) внедрение исламских норм в экономику и трудовые отношения, распространение праведного искусства; 9) внедрение и Положения этих двух блоков в каждом разделе часто повторяют друг друга, но «меры по реализации» сформулированы более конкретно в прагматическом плане; 10) установление общего порядка деятельности СМИ на основе религиозного и революционного учения и моральных ценностей в соответствии со стратегическими целями и политикой режима; 11) расширение влияния культурных ценностей ИРИ на базе ознакомления с достижениями и положительными примерами на мировом уровне для интернационализации исламского дискурса по гуманитарным и международным проблемам; 12) пересмотр культурной политики и приведение её в соответствие с Перспективным планом; 13) укрепление культурного фронта исламской революции, активное руководство войной с использованием **«мягкой силы»** и поднятие значения факторов **«мягкой силы»** исламского правления (нами выделено жирным шрифтом во всём тексте статьи упоминание в Плане термина «мягкая сила»). Даже простое перечисление «генеральных национальных стратегий» позволяет понять комплекс проблем, нашедших отражение в Плане и, по сути, определяющих в целом содержание иранской исламской **«мягкой силы»**.

Раздел 13 Плана посвящён преимущественно **«мягкой силе»**, где этот термин «qodrat-e narm» (калька с английского – soft power) неоднократно упоминается. В этой связи показательны следующие положения, которые представляют интерес как подробное изложение содержания **«мягкой силы»**, как она интерпретируется в рамках «национальной стратегии» и в качестве идеи для проведения «национальных мероприятий».

«Мягкая сила» как элемент «национальной стратегии» предполагает реализацию следующих мер:

1. Качественное и количественное развитие потенциала искусства и его активное использование для поднятия значения своей **«мягкой силы»** в борьбе с враждебной пропагандой.

2. Поднятие уровня обучения, воспитания и мобилизация ресурсов для обеспечения культурной и идейной базы использования **«мягкой силы»** и активное противодействие враждебной **«мягкой силе»**.

3. Углубление приверженности религии, идеям и культуре мобилизации масс по защите страны и строя, пропаганда идей «священной обороны» и воспитание невосприимчивости народа к воздействию враждебной **«мягкой силы»**.

4. Стратегическое руководство виртуальным пространством и использование научного потенциала и новых технологий для противодействия враждебной **«мягкой силе»**.

«Мягкая сила» как часть «национальных мероприятий» реализуется при проведении следующих мероприятий:

1. Подготовка и реализация документа совершенствования культурного фронта исламской революции и поднятие значения **«мягкой силы»** для противодействия **враждебной «мягкой силе»** при активном участии всех основных институтов и учреждений режима.

1.1. Отслеживание, контроль и футурологический прогноз **собственных институтов «мягкой силы»** и инструментов воздействия противника на национальном и наднациональном уровнях, а также разработка комплексной системы воссоздания и формирования **«мягкой силы»** страны.

1.2. Совершенствование системы управления культурой для прогнозирования и предотвращения, и противодействия возникновению кризисных ситуаций и явлений, могущих нанести вред культуре.

1.3. Возложение обязанностей по предотвращению и противодействию нежелательных явлений в общественной жизни на ответственные институты и распределение ответственности между ними за определенные участки работы.

1.4. Планирование мероприятий по повышению уровня безопасности в сфере культуры и системное противодействие угрозам и опасностям войны с применением **«мягкой силы»**, таких как: **нарушение самоидентификации**, создание враждебного имиджа, подрыв безопасности, распространение нигилизма и атмосферы недоверия в сфере культуры, социально-экономической и политической жизни, неверие в действенность исламского режима и дискредитация отдельных личностей.

1.5. Планирование мероприятий по использованию общей активной дипломатии, а также потенциала культуры, экономики, политики и социальных институтов для укрепления **«мягкой силы»** на национальном уровне.

1.6. Поддержка деятельности общественных организаций и интеллектуальных сообществ на национальном и наднациональном уровне, особенно в области прав человека, борьбы за мир, ислама, противодействия терроризму, борьбы с пропагандой войны и территориальных захватов в соответствии с положениями Плана.

1.7. Создание блока СМИ исламской революции и его сетей в мире³.

2. Разъяснение, сохранение и поднятие значения и роли идеи «веляте факих» (правления авторитетного исламского законоведа) в руководстве войной **«мягкой силы»** и в управлении кризисными ситуациями.

2.1. Планирование с целью повышения уровня культурного цивилизационного самосознания народа, распространение актуальных знаний, религиозной прозорливости и возможностей населения распознавать опасность в условиях ведения войны с использованием **«мягкой силы»**.

2.2. Планирование с целью расширения и углубления культуры и идей национальной мобилизации (басидж) с учётом необходимости обращения к **«мягкой силе»** и её укрепления для противостояния народа враждебной пропаганде в условиях использования противником **«мягкой силы»**.

2.3. Укрепление культуры пассивной обороны, укрепление сознательности и уровня знаний населения с целью противостояния и усиления эффективности противодействия использованию **«мягкой силы»** противником.

2.4. Планирование мероприятий с целью поднятия значения **«мягкой силы»** и невосприимчивости населения к воздействию враждебной **«мягкой силы»** с опорой на систему образования.

2.5. Укрепление социальной справедливости, предотвращение классового разрыва и улучшение результатов деятельности по поднятию жизненного уровня людей, связанных с институтами власти.

2.6. Укрепление межличностных, семейных и социальных связей в направлении усиления божественного благочестия, религиозной прозорливости и мудрости в целях укрепления национального единства.

2.7. Планирование в целях поддержания социального достоинства участников движения ополчения (басидж), инвалидов, героев войны, волонтеров в различных сферах, в том числе участников добровольного движения «Созидательный джихад».

2.8. Оптимизация деятельности по поддержке инвалидов войны, людей, отдавших жизни за веру и отечество (шахидов), поддержка в обществе практики и идей участия в ополчении (басидж), а также соответствующего отношения ответственных лиц к этому явлению и противодействие фактам ослабления этих идей, веры в них и их осуществления.

2.9. Распространение опыта и примеров подвигов национальных героев, а именно: командиров, ополченцев (басиджей), священнослужителей, учёных – всех, отдавших жизнь за родину и веру в ходе ирано-иракской войны 1980–1988 гг.

2.10. Выявление и сохранение университетской интеллигенции; сохранение и привлечение лояльных университетских профессоров, представителей религиозной интеллигенции и элиты и использование их потенциала для усиления **«мягкой силы»** на национальном и международном уровне.

2.11. Планирование мер по повышению уровня государственного и частного обучения и воспитания с целью подготовки кадров и воспитания революционно настроенного и верующего поколения и помощь в создании подготовленного и способного поколения для воспроизводства и укрепления **«мягкой силы»** и противодействия угрозам и вызовам.

2.12. Качественное и количественное развитие потенциала искусства и его активное использование для поднятия значения своей **«мягкой силы»** в борьбе с враждебной пропагандой.

2.13. Планирование мер по нахождению, оказанию поддержки и повышению уровня подготовки и использования человеческого интеллектуального капитала, творческих представителей общественности и культуры в провинциях и регионах.

2.14. Создание условий для ведения дискурса и создание литературы по вопросам использования **«мягкой силы»** на базе исламского обучения в национальном и международном масштабах.

2.15. Выявление запросов и потребностей общества и ведение просветительской деятельности.

2.16. Придание глубины культурным и моральным ценностям исламской и иранской цивилизации, переосмысление ценностей национальной культуры и придание ей новых форм, а также отказ от поверхностной и чисто пропагандистской трактовки культурных ценностей.

2.17. Планирование процесса создания и внедрения положительных примеров и образцов исламской и иранской культуры в национальном и международном масштабе⁴.

В заключение необходимо отметить, что культура, наряду с политикой и экономикой, в течение 40 лет, прошедших со времени исламской революции, являлась важнейшей составляющей **«национальной силы»** ИРИ. Практически во всех официальных документах ИРИ можно найти положения о крайне важной роли культуры в проецировании иранской **«мягкой силы»**. В наиболее концентрированном виде идеи использования **«мягкой силы»** нашли отражение в **«Перспективном плане культурного развития ИРИ»**.

В последнее время особенно актуальной стала тема **«национальной идентичности»**, которая выдвигается в качестве важной и существенной части работы в сфере культуры.

В этой связи представляет интерес точка зрения, выраженная на сайте научно-исследовательского отдела официального информационного агентства ИРНА и посвящённая воспитательной роли культуры в системе государственного устройства ИРИ.

Представляется необходимым привести полностью опубликованные в этой связи рассуждения аналитиков агентства ИРНА.

«Реальная ситуация, сложившаяся в иранском обществе, свидетельствует о необходимости многочисленных изменений во всех областях жизни. Убеждение общества в необходимости этих изменений является обязанностью тех, кто проводит эту культурную политику в жизнь. В действительности именно культура является самым влиятельным фактором и аргументом для начала преобразований и может их обеспечить. В области культуры и политической мысли существует такое понятие, как “разбитое окно”, смысл которого состоит в том, что начало изменений начинается с изменений самых незначительных и маловажных проблем и тем.

Из этого следует, что любые трансформации должны начинаться с института семьи и школы, которым в Иране обычно не уделяется должного внимания, и сосредоточенность политиков и людей, принимающих решения, на других вопросах оставляет без внимания эти два основополагающих института. С другой стороны, уязвимость общества в результате неравномерного развития говорит о том, что многие иранцы не имеют ясного и верного представления о законах и их применении или же считают законы лишь неким украшением или же устрашающим существом, чтобы убежать от которого возможно совершить любой проступок. Примирение закона с народом и ознакомление общества с правами и обязанностями, заложенными в законах, может способствовать разрешению многих культурных и моральных проблем, существующих в стране.

Законные общественные и неправительственные организации, осуществляющие связь между правительством и народом, не играют решающей роли [в сравнении с традиционным семейным воспитанием], а нехватка таких связующих звеньев может стать причиной их забвения в будущем. Несмотря на то что важность затронутых выше проблем и факторов очевидна, однако важнейшим показателем силы общества в мире и является национальная идентичность, важность которой признают многие политики и социологи. Укрепление этой идентичности и поднятие уровня чувства собственного достоинства является

основополагающим принципом обретения и укрепления нашей силы, которая должна прорасти под светом культуры и укрепить мощь нации»⁵.

¹ План реализации культурной политики ИРИ. Секретариат Высшего совета по культуре. Тегеран, 2014. (Накшейе мохандесийе фархангийе кешвар. Дабирханейе шурайе алийе фарханги. Сале 1392 х.ш.).

² Там же. С. 29–32.

³ Там же. С. 112–113.

⁴ Там же. С. 113–115.

⁵ <http://www.irna.ir/fa/NewsPrint.aspx?ID=82836111> (дата обращения – 9.10.2018).

Раздел III

КУРДСКИЙ АРЕАЛ И СИРИЯ

К. В. Вертяев*

КОНГЛОМЕРАТНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ: ОПЫТ ИЗМЕНЕНИЯ ПАРАДИГМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ СТРАН БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ СИРИИ)

Резюме: В статье рассматривается феномен конгломератного национализма, характерного для целого ряда современных государств с высоким уровнем этноконфессионального партикуляризма и перспективы его применения в условиях современной Сирии. Автор подчеркивает надэтнический характер конгломератного гражданско-национального концепта, что является переходным этапом от патримониальной политической структуры, сложившейся в Сирии еще в XIX в., закреплённой в период французского мандата (1920–1946), а затем – при правлении Хафеза Асада, начиная со второй половины 70-х гг. В статье акцентируется внимание на том, что Сирия в современных условиях нуждается в выработке новых подходов к «нациестроительству» в рамках кризиса понятия сирийской национальной идентичности в результате гражданской войны в стране. Показано, что конгломератный национальный концепт носит универсальный характер, применим и успешно реализуем в разных обществах Востока и Запада.

Ключевые слова: конгломератный национализм, нация, Сирия, нациестроительство, нация на Востоке и Западе, Рожава, сирийское государство, сирийская нация.

Resume: The article discusses the phenomenon of aggregate nationalism which is a characteristic of a number of modern states with a high level of ethno-confessional particularism and its correspondence to the conditions of the modern Syria. The author emphasizes the supra-ethnic character of

* Вертяев Кирилл Валентинович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН. Статья написана в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Культурно-сложные общества: понимание и управление»

the aggregate civil-national concept as a transitional stage from the patrimonial political system that has developed in Syria as early as in the 19th century and enshrined during the French mandate (1920–1946), and then under the rule of Hafez Asad since the second half of 70-ties. The article focuses on the fact that in modern conditions Syria needs to develop new approaches to “nation building” due to the crisis in the concept of Syrian national identity as a result of the civil war. The aggregate national concept is universal, applicable as successfully implemented in various political entities.

Key words: conglomerate, aggregate nationalism, nation, Syria, nation building, nation in the East and West, Rojava, Syrian state, Syrian nation.

В современной науке определения национализма все еще достаточно туманны и противоречивы. В российской отечественной социальной науке нация определяется как «воображаемая общность, социальный конструкт, политическая метафора, обладающая мобилизирующей силой и имеющая почти всеобщее распространение»¹. Проблемы полинационализма, под которыми подразумеваются вопросы сосуществования в рамках одного государства нескольких этнических, конфессиональных и национальных сообществ с высокой степенью групповой политической мобилизации и солидарности, остро встали перед ближневосточными странами в период политического кризиса второго десятилетия XXI в., затронувшего авторитарные по сути своей режимы ряда ближневосточных стран. Несмотря на сложную специфику отдельно взятых стран, авторитаризм в восточных обществах зачастую связывается с такими формами политического принуждения, которые противоположны по своему функциональному значению методам, используемым в западных демократиях, на чем достаточно подробно останавливался в своих работах известный отечественный китаист Л. С. Васильев. С другой же стороны, возведенная в свое время в ранг панацеи в предотвращении конфликтов идея пропорционального представительства в высших органах власти страны различных этноконфессиональных групп, не совсем корректно именуемых иногда «меньшинствами», не обеспечила согласия в обществах с явными или латентными межэтническими (межконфессиональными) проти-

воречиями, что наглядно продемонстрировал в 70–80-е гг. прошлого столетия печальный опыт Кипра и Ливана. Даже в Европе такие формы политического устройства, которые используют консенсусные подходы при различных проявлениях этнического партикуляризма (Босния и Герцеговина, Косово), по сути, ведут к блокировке принятия политических решений на уровне единого государства. Как правило, отсутствие такого консенсуса ведет к тому, что в политологии называют *failed state*.

На этом фоне в мире продолжает успешно существовать целый ряд стран, где наличие консенсуса опосредовано институционально закрепленными положениями, фиксирующими его многоэтнический или даже многонациональный характер. Однако такой формальный подход нередко осложнен уже де-факто сложившимися политическими границами в результате вооруженного конфликта, чаще – межэтнического или межконфессионального, что является естественным препятствием для признания де-факто территориальной целостности государств, если под «государством» подразумевать инструмент любого политического принуждения, или «легитимного насилия», центра в отношении этноконфессионально обособленной периферии: Сербская Митровица в Косово и Республика Сербска в Боснии и Герцеговине, Северный Кипр, Джамну и Кашмир, ДНР в Украине, Идлиб или Рожав в Сирии и т. д. Концептуальная двойственность трактовки понятия национализма в данном случае подразумевает соперничающие друг с другом идентичности в их этнической и гражданско-территориальной составляющей, что наиболее акцентировано проявляется в форме, которую мы в целях данной работы называем «конгломератным национализмом», в рамках которого сохраняющаяся национальная идентичность сообщества опосредуется не этническими или конфессиональными корнями, а гражданским термином самоидентификации с сообществом, которое характеризуется подобным высоким уровнем этноконфессионального партикуляризма (например, ливанец, шри-ланкиец, сингапурец и т. д.). При этом данная дефиниция не всегда превалирует в сознании носителей такой национальной идентичности в качестве определяющей. Так, проживающие на северо-востоке Сирии курды (в границах самопровозглашенной Федерации Северной Сирии) в подавля-

ющем большинстве своем ассоциируют себя с курдами, а не с сирийцами. Поэтому нам снова необходимо обратить пристальное внимание на крайне диверсифицированный этноконфессиональный состав Сирии, который вследствие кровопролитной гражданской войны и на фоне продолжающейся до сих пор миграции сирийского населения в соседние страны по-прежнему продолжает претерпевать изменения и являться источником потенциальных конфликтов.

Кантонизация Сирии, начатая самопровозглашенными курдскими анклавами под общим именем Рожава (по курдски: «Запад», «Западный Курдистан»), стала способом самоорганизации при достаточно авторитарном контроле со стороны партии «Демократический Союз» (PYD), представляющей интересы большей части курдов, симпатизирующих Партии рабочих Курдистана (ПРК), ведущей повстанческо-инсургентскую деятельность на территории Турции. Примечательны и ценны современные наблюдения о том, что при въезде на территории, контролируемые сейчас сирийскими курдами со стороны Ирака и Турции, блокпосты обозначают уже не территорию «Сирийской Арабской Республики как государства, вышедшего из состава ОАР в 1961 г., а государство под названием “Республика Сирия”, в большей степени все еще воображаемое»².

Для сегодняшней Сирии, по сути, остро стоит вопрос строительства нового национального концепта, когда ключевую роль играет конституция государства, периферией которого так или иначе является географически опосредованное политическое образование, не признающее тот правовой статус, которым его наделяют представители центра, чью власть де-факто «мятежная окраина» либо не признает, либо считает ее нелегитимной (либо недостаточно легитимной), если только такое политическое образование не претендует на полную политическую независимость от центра. При этом важным фактором формирования пусть даже формального национального единства является достаточно очевидная форма единого рынка, обеспечивающего стабильное единение всех мультикультурных элементов на основе материально-духовной удовлетворенности (или счастья, благополучия – того, что на Ближнем Востоке именуется емким

словом «саадет»)), присущей всем составляющим такой «конгломератной нации», состоящей из отдельных лиц со своими индивидуальными национально-культурными особенностями. Нечто подобное мы находим и в теоретических концептах лидера ПРК Абдуллы Оджалана (явно почерпнутые им у Букчина), где он пишет о том, что «близкие друг другу племена и народности, развившиеся вокруг внутреннего рынка, созданного благодаря капиталистическому способу производства, достигают высшей формы развития – нации, и создания государства. Именно общий рынок является основой формирования единого языка и национальной культуры на основе местных диалектов и культур». Примерами более-менее успешной реализации здесь могут служить Сингапур, Ливан и несколько других стран. Рассмотрим концепцию конгломератного национализма более подробно.

Конгломератный национализм как результат модернизации восточного общества

В результате сложной трансформации понятия национализма на протяжении XX века можно говорить, что оно фигурирует под двумя, по выражению Бенедикта Андерсона, «масками» – с одной стороны, создание слабых, экономически уязвимых наций-государств как в Европе, так и на Ближнем Востоке, в основном в результате итогов Первой мировой войны, а второе – это потеря смыслового различия между понятиями нации и государства, связанная с верой лидеров национально-освободительных движений в то, что «только лишь национальное государство обеспечит им экономическое процветание, международное признание, гордость». Пожалуй, главным заблуждением, к сожалению, уже покойного автора теории «воображаемых сообществ» оставалась вера в то, что таким государствам будет гарантировано подчинение и безраздельная преданность большинства граждан, считающих себя принадлежащими этой нации. Отчасти Андерсон сам не соглашался с собой, отмечая, что чем более мобильными становятся люди в современном мире, тем быстрее складываются легкие на подъем национальности, ключевым лозунгом которых следует считать идентичность³. Андерсон упоминает про «величайший институт, соз-

данный французскими революционерами и их прусскими антагонистами, – воинскую повинность, ставшую тем животворным элементом, который способствовал единству понятия нации-государства». Однако серьезные инновации в военной сфере сделали воинскую повинность уже неактуальной в вызревании подлинного национального единства. С одной стороны, мы видим колоссальную роль тех же военных сил пешмерга в цементировании национальной идентичности иракских курдов, с другой – нагляден пример Сирии последних лет, когда гражданская война сделала именно воинскую повинность причиной, заставившей многих сирийцев искать убежища в соседних странах: Турции, Ливане и в Европе, чтобы избежать участия в бессмысленной, на их взгляд, бойне.

Можно предположить, что в начале XXI века весь комплекс позиций по определению феномена национализма как минимум на Ближнем Востоке подвергся серьезному пересмотру. Уместно также вспомнить, что впервые вопрос о применимости терминологии национализма к обществам Ближнего Востока был затронут в работе 1922 г. Арнольда Тойнби «Западный вопрос в Греции и Турции», посвященной распаду Османской империи. Там английский историк настаивал, что национализм – это понятие сугубо западное и оно не может быть применимо к реалиям Ближнего Востока. Однако этот постулат был опровергнут самим ходом истории, когда и турецкий, и арабский (панарабский) национализм стал идеологической основой существования секулярной части государств Ближнего Востока. Национализм чаще всего ассоциировался с национальными чувствами, однако в наши дни на Ближнем Востоке национализм начинает все больше пересекаться с понятием национальных интересов.

Классический национализм, каким он был порожден почти одновременно и с провозглашением независимости США в 1776 г., и Французской революцией в 1789 г., носил изначально конгломератный характер. В случае с Францией это актуально, если учитывать протонациональные сообщества вроде провансальцев, лангедокцев, эльзасцев и лотарингцев, объединившихся во французов, т. е. в рамках нации, которая по словам историка Э. Лависса, «создала сама себя по собственной воле». Француз-

ская нация, как воображаемый концепт, изначально носила конгломератный характер, т. е. включала сущностные сообщества, воображаемые на основе этноконфессионального партикуляризма (в историческом контексте об этом особо уместно говорить как в отношении Эльзаса, так и Лангедока).

На Востоке же интегральный (пан)арабский национализм, по сути, восходит к этнотерриториальному самосознанию жителей Аравии, существовавшему задолго до миссии Пророка Мухаммеда, когда слово «араб» обозначало хозяйственно-культурный тип высокоомобильного кочевника-скотовода, населявшего Аравию, Палестину, Сирию и Месопотамию⁴. Конгломератный национализм противопоставляется, но не противоречит интегральному национализму этнического образца, когда жители Йемена, Сирии, Ирака, Катара, Саудовской Аравии и т. д. могут считать себя частью единой арабской нации.

Конгломератный национализм и на Западе, и на Востоке тесно связан с моделью мультикультурализма, под которым мы подразумеваем объединение различных этноконфессиональных групп в единое гражданское общество с сохранением и политической легитимацией их культурной идентичности. Кризис концепции мультикультурализма в Европе привел к радикализации различных движений, базирующихся на этноконфессиональном партикуляризме и, главное, на дуалистическом противопоставлении западного и восточного мировоззрения, морали, политической культуры.

Довольно уже долгое время особенности национального на Западе и Востоке находятся в подобном противопоставлении ввиду наличия специфических черт политической культуры, политических систем и процессов, в том числе и на Ближнем Востоке. Общим направлением этого процесса на Западе и на Востоке может быть то, что под созданием нации, процессом «нациестроительства»⁵, понимается масштабная трансформация общества, поддающаяся вполне контролируемым обобщениям. Безусловно, нация является продуктом долгого исторического процесса, основным элементом которого является разделяемая всеми членами этого сообщества историческая память или общая судьба. Индустриальная современность, которая создала

явление национализма, как минимум, во времена Французской революции, являлась основой европейского господства в Азии и Африке на протяжении долгого времени, поэтому национализм, который весьма условно экстраполировался на реалии Востока, был истолкован многими на Востоке, как составная часть подобного господства, хотя и рассматривался в 50–60-е гг. XX в. как особенность антиколониальной борьбы. В представлении просвещенных элит и интеллектуалов Востока национализм был «причиной, по которой в 70-е гг. люди “третьего мира” убивали друг друга как в гражданских войнах, в столкновениях с регулярной армией или – все в возрастающей степени посредством едва ли поддающихся предотвращению террористических актов»⁶. Защищаемый американским социологом индийского происхождения Партой Чаттерджи тезис о том, что национализм имперских окраин, куда можно включать не только Ближний Восток, но и Среднюю Азию и Северный Кавказ времен распада империи Романовых в 1917 г., имел специфические черты именно ввиду своего антиколониального характера, вступает в противоречие с идеей универсальности трактовок национализма в контекстах Западной Европы и восточных обществ. Действительно, самые мощные и творческие результаты национального воображения на Востоке основывались не на идентичности с формами национального общества, пропагандируемыми Западом, сколько на отличии от них. Нередко на этапе модернизации традиционных восточных обществ этот процесс контролировался со стороны мягкой или достаточно авторитарной силы, соотносимой в отечественном востоковедении с понятием «власти-собственности», основывавшейся зачастую на этноконфессиональном партикуляризме. Феномен «власти-собственности» в том виде, в каком его описывал Л.С. Васильев, продолжал существовать в восточных колониальных окраинах и в рамках имперского управления. Так, колониальная система управления национальными окраинами в Российской и Османской империях имела немало общих черт. Она, по сути, признавала разделение мира местных колониальных общественных институтов на материальную и духовную сферы, которые зачастую не совпадали не только по своим основополагающим практикам, символам и способам проявле-

ния своей национальной (либо протонациональной) идентичности, но и нередко были антагонистичны по отношению друг к другу. Ярким примером здесь может служить и Северо-Кавказский имамат времен Шамиля, и мятежная турецкая провинция Дерсим (Тунджели), населенная курдами-алевитами, демонстрировавшая де-факто непризнание юрисдикции власти не только Стамбула во времена Османской империи, но и Анкары времен республиканской Турции.

Древнейшим и наиболее успешным опытом конгломератного гражданского общества является, безусловно, Швейцарская Конфедерация. С определенными оговорками к этому типу государств может быть отнесена Индия. К этому стремится и Российская Федерация: имплементируемый с конца 90-х гг. термин «россиянин» является воплощением именно такой национальной идентичности, носящей конгломератный характер, подразумевающий наличие других национальных (этноконфессиональных) идентичностей в своем составе. На Востоке наглядным примером успешной реализации концепции такого типа национализма явился Сингапур после провозглашения независимости в 1965 г. Сюда же можно отнести и современный Ливан, что для Сирии является наиболее наглядным примером реализации такой доктрины.

В нынешнем своем виде конгломератный национализм, противопоставляемый национализму интегральному (почти всегда – этнически мотивированному), подразумевает наличие нескольких духовных суверенитетов в своем составе и универсален; он с легкостью может экстраполироваться на опыт стран Европы, Азии, Латинской Америки (Швейцария, Ливан, Сингапур, Боливия). Исходя из подобного опыта, что мы вправе считать изменяющимся, а что неизменным в теории и практиках национализма? Так, по мнению М. Хроха, главной предпосылкой любых национальных движений – и вчера, и сегодня, является глубокий кризис старых порядков, сопровождающийся упадком всех его норм, ценностей и чувств, которые поддерживали его⁷. В контексте Сирии этот кризис нашел свое отражение в виде гражданской войны, что привело к беспрецедентному вмешательству в сирийские дела нескольких государств, в первую очередь

Турции, России, США. Однако из истории мы знаем, что иностранное вмешательство всегда служило основанием для мобилизации национального самосознания, что в отличие от практик XX в. находит свое отражение не в вооруженной национально-освободительной борьбе, а в стремлении сохранить собственный суверенитет в рамках существующих в государстве норм и различий. В случае с Сирией этот кризис совмещался с экономической депрессией, вызвавшей огромное количество сирийских беженцев (в одной только Турции – до 3 млн человек). Кризис происходил на фоне того, что Сирия характеризовалась низким уровнем участия широких масс населения в управлении государством. Совмещение подобных очевидных кризисных паттернов в одно время и в одном месте ведет к повышению плотности и скорости общественных связей, в первую очередь в горизонтальных, в плоскости этнической, религиозной или иной политической солидарности. Однако вертикальные связи, пронизывающие все сирийское общество на почве патриотизма, также не стоит недооценивать. Как только господствующий авторитаризм подвергается незначительной либерализации, социальные и политические движения против него становятся неизбежными. Фактор вынужденной миграции населения Сирии в результате гражданской войны является важным в оценке перспектив восприятия всеми гражданами страны (внутри ее и за ее пределами) такого единого объединяющего национального концепта.

В конгломератных нациях власть институционально «растворена» в мультикультурном обществе, конституционно признаваемым в качестве источника политической власти в данной стране (что, к примеру, зафиксировано в официальном названии Боливии – «многонациональное государство»). Процесс же искусственного разведения сначала – в парламенте, – а затем и географически враждующих сторон межэтническо-конфессионального конфликта на примере Кипра показал неэффективность в обеспечении гипотетического кипрского общенационального единства в рамках подобной концепции. В контексте Сирии в этой связи имеет смысл говорить еще и об анклавов в провинции Идлиб, а также в Африне, считающимся сторонниками партии «Демсоюз» частью Федерации Северной Сирии (ФСС), но оккупированной

Турцией. Поэтому сирийская консолидация подразумевается пока в виде «рыхлого национального единства» партикулярно разобранного политического сообщества на основе самоидентификации по гражданскому признаку. Примечательно, что на этом фоне такое политическое образование, как ФСС, само являющееся конгломератом различных этноконфессиональных групп, отказалось в 2016 г. от этнической составляющей в своем официальном названии (Рожава). Безусловно, этот шаг был подвергнут острой критике со стороны многих курдских патриотических организаций, в первую очередь со стороны Демократической партии Курдистана в Ираке и в Сирии, которая рассматривала его как предательство курдских национальных интересов. Такое самопровозглашение произошло в основном усилиями прокурдской партии «Демократический союз» (хотя считается, что ее создание явилось некой формой политического консенсуса), претендующей на реализацию на подконтрольной им территории формально автономного политического статуса в составе Сирии. Как известно, территория Рожавы представляется действительно этноконфессиональным конгломератом, населенным представителями различных групп, наиболее крупными из которых являются курды, арабы и ассирийцы, к которым этимологически восходит и название всего государства. Для многих из тех, кто связывает свои патриотические чувства с Рожавой или с Сирией, именно США выступают в качестве примера такого гражданского национализма и могут действительно рассматриваться этим сообществом, которое мы традиционно именуем курдами (хотя это еще и арабы, ассирийцы, черкесы, армяне, езиды и т. д.) примером реализации таких общенациональных прав.

Как представляется, для многих сторонников и апологетов Рожавы Сирия при Асадах являлась и до сих пор является некой реинкарнацией империи, воплощенного имперского сознания. В частности, об этом свидетельствуют ряд авторов, упоминая о том, что в результате госпереворота 16 ноября 1970 г. в Сирии была создана система, которую можно охарактеризовать термином «президентская монархия», притом что курдская окраина Сирии (Рожава) рассматривалась как источник сырья и, по сути, пребывала в состоянии «внутренней колонии»⁸.

Изначальная идея нации как саморазвертывающегося целого предполагала искоренение сословных и религиозных перегородок между частями этого целого, что имело отношение к быстро распространявшейся идее социального прогресса. По сути, эта же идея, как оказалось, не изжила себя и в нашем веке, когда осознание себя нацией или уммой и, как следствие, наиболее яркие всплески уже не национального, а антинационального, а точнее религиозного радикализма имели место там и тогда, где напряжение между тем, чем мы являемся, и «тем, кем бы должны быть в идеале» или «были когда-то», например во времена праведных халифов, достигало наивысшего предела.

Появление ИГИЛ (запрещено в РФ) стало реальным, наглядным основным концептуальным вызовом, поставившим национальные государства перед перспективой вообще прекратить свое существование, одновременно обозначив кризисный характер нынешнего положения вещей с национальной идентификацией и понятием национальных государств на Ближнем Востоке. Поэтому, не вдаваясь в подробности всех аспектов и трактовок этого понятия, имеет смысл заострить внимание на еще одной «ахиллесовой пяте» андерсоновского подхода, а именно к росту сначала угрозы, а потом и влияния ближневосточных инсургентских движений, зачастую не столько националистических, сколько интернациональных и анти-националистических по своей сути, таких как Партия рабочих Курдистана в Турции и их ответвления в Сирии, «Хезболла» в Ливане, «Братья-мусульмане» в Египте, деятельность которых, как минимум, антагонистична по отношению к той «воображаемой» ими самими национальной доктрине стран, на (или с) территории которых они вели или продолжают вести свою инсургентскую деятельность, в разных контекстах именуемую «терроризмом». При этом тема антинационалистического дискурса в деятельности «Хезболлы» и «Братьев-мусульман» в целом ясна: национализм противопоставляется целостности исламской уммы или вообще онтологически отрицается.

Языковая проблема также не снята с повестки дня. Проблема свободного использования языка различных этногрупп в качестве государственного решена в таких странах, как Швей-

цария или Сингапур, или даже Боливия, где все 30 индейских языков являются государственными. Однако же именно этот аспект в актуализации межэтнических конфликтов по-прежнему остается актуальным как на Востоке, так и на Западе. Проблема актуальна, например, для Турции, где этнические курды безуспешно добиваются признания курдского языка в качестве второго государственного. Проблема эта, очевидно присутствовавшая в курдских окраинах Турции выражалась в том, что турецкий язык, как язык бюрократии, вытеснял в республиканский период курдский не только из официального, но и повседневного употребления. Между тем именно этим сейчас снова занимается Турция в оккупированном сирийском Африне, насаждая туркоманско-ориентированную администрацию и вытесняя курдский язык из официального использования. Здесь стоит вспомнить также, как языковая проблема была критична и важна в актуализации балканского кризиса в Европе в конце XX в. Одним из признаков развала Югославии стала кампания по выделению хорватского языка как отдельного от сербского, а доводы о национальной самобытности Словакии были основаны на тезисе о самобытности языка. Также росту сепаратистских тенденций в Крыму и на Донбассе в Украине способствовала необдуманная попытка Киева отменить закон о статусе региональных языков. Мирослав Хрох говорит, что здесь, в проблемах статусности национального языка, присутствует феномен понижения национального статуса доминантных этнолингвистических групп. Люди, говорящие на немецком или венгерском языках во времена Австро-венгерской монархии, отказывались учить или использовать языки других этногрупп, проживающих на их территории. С распадом империи и возникновением новых независимых государств в 1918–1919 гг. многие из них внезапно обнаружили, что их статус свелся до уровня официального меньшинства. Чешский ученый отмечает, что аналогичный процесс «понижения статуса» русского населения наблюдался в новообразованных национальных государствах и с распадом СССР. Подобные исторические параллели между *Volksdeutsche* и положением, так сказать, «*Volkrussen* паразительны и внушают тревогу»⁹.

Именно поэтому языковая проблема является определяющей, и ее статусность лежит в основе конституций конгломератных государств, таких как Сингапур, Боливия, Северная Македония, Шри-Ланка и т. д. В этой связи на Ближнем Востоке феномен понижения национального статуса арабов-суннитов продолжает наблюдаться в Ираке после свержения С. Хусейна и явно отражается на внутрииракских современных конфликтах. В перспективе с подобным может столкнуться и Сирия, когда алавиты потеряют принадлежащие им рычаги управления государством, в первую очередь силовые. Подобная мобилизация может затронуть и часть националистически настроенных арабов, если Сирия официально откажется от баасистской национальной идеологии. Таким образом, в Сирии такой феномен «понижения национального статуса» арабов и алавитов также вполне возможен.

Конгломератный национализм как оптимистичный вариант империи

Религиозное самосознание на Ближнем Востоке являлось нередко определяющим при вызревании собственно национального сознания, поскольку именно оно было проводником и символом той суверенной духовной свободы, в рамки которой не допускалось вмешательство чужаков или чуждой идеологии, нередко ассоциируемой с колониальным центром (Западом). Примечательно, что в контексте курдского национализма первыми и, возможно, неосознанными проводниками собственно национальной идеологии выступали именно религиозные шейхи, являвшиеся хранителями такого духовного суверенитета. Как отмечалось выше, национальная идеология нередко становилась результатом антиколониального сопротивления. Причем такое сопротивление, если говорить о курдском национальном движении времен Османской империи (например, о восстании шейха Обейдуллы Нехрили, 1880 г.), можно трактовать как и противодействие «внутреннему колониализму», проводником которого в сознании национальных агитаторов и активистов выступал османский центр в Стамбуле. Первые попытки привить конгломератное национальное самосознание в рамках, по сути, имперского самосознания были осуществлены в Осман-

ской империи начала XX в., когда усилиями султана Абдулхамид II, а затем и ранних младотурок декларативно прививалась османская национальная идентичность – химерическая по сути, ибо она этимологически связывалась не с территорией, а с правящей монархической династией. Впрочем, провозглашение верности своей «оттоманской» идентичности было присуще еще ранним агитаторам арабского национализма середины XIX в. на территории нынешних Сирии и Ливана.

В этом мы видим один из признаков того, что национализм конгломератного типа заимствует ряд элементов у имперского государственного уклада. Однако такое сравнение некорректно в основном в связи с негативными коннотациями у большинства народов и наций в отношении всего имперского. Здесь, например, интересны наблюдения швейцарского историка Андреаса Каппелера, который считал, что приход в России к власти большевиков со своей специфической новой модернистской идеологией отсрочил распад империи, который де-факто произошел в 1991 г. Можно ли утверждать в таком случае, что и зафиксированный в Конституции СССР 1977 г. «советский человек» был попыткой поиска и привития такой национальной идентичности? И является ли в наши дни понятие «сириец» обозначением такой идентичности?

Одной из главных особенностей политической структуры Сирии как суверенного государства до начала гражданской войны оставался патримониальный характер политической власти, сложившейся здесь еще в XIX в. и узаконенной французской администрацией в период с 1920 по 1946 г. По мнению профессора Роберта Олсона из университета Кентукки, патримониальное сирийское государство характеризовалось всевластным доминированием городского населения над сельским сектором, что вело к фрагментации, партикуляризации сельского населения в кланы, семьи, племена, секты и т. д. Можно согласиться с Олсоном хотя бы в том, что исторически Сирия была «перекрестком различных культурно-этнических влияний и инкубатором различных религиозных верований, многие из которых до сих пор присутствуют в сирийском обществе»¹⁰. Имплементированная со времен Османской империи система «миллетов» для

немусульман основывалась на практике духовной автономии, о чем говорилось выше, что закладывало основу противодействия таких этнорелигиозных групп процессу ассимиляции. Наглядным примером превращения Сирии в конгломерат различных этноконфессиональных идентичностей являются, например, халдейские христианские общины – в них входят в основном этнические сирийки, идентифицирующие себя по конфессиональному признаку¹¹.

С точки зрения Олсона, первая значительная модернизация сирийского общества произошла после госпереворота 1963 г., когда сирийские баасисты, вооруженные идеологией интегрального арабского национализма, разуверившись в возможности политической унии с Египтом в рамках Объединенной Арабской Республики, начали претворять в жизнь радикальные национальные реформы, в первую очередь в аграрной сфере. Сложившаяся в результате этих реформ новая мобилизационная политическая система взамен прежней патерналистской обладала набором специфических черт. Особенностью ее было то, что власть в стране сосредотачивалась в руках группы лидеров, нередко пришедших к власти в результате очередного госпереворота, озабоченных проведением радикальных социальных реформ за счет массового вовлечения населения в политический процесс. Легитимность такой политической системы поддерживается идеологией или персональными особенностями лидера и периодически подтверждается с помощью плебисцита. Интересы народных масс, государства занимают центральное место в идеологии такого государства, но крайне редко – в реальной политике. По мнению Олсона, мобилизационная политическая система сирийских баасистов носила эгалитарный, популистский характер по своей сути¹².

Парадоксальным образом мы можем увидеть ростки именно такой амбициозной мобилизационной политической системы в самоорганизации кантонов на севере Сирии (Рожава, Федерация Северной Сирии) – это, в некотором смысле, роднит баасистов и апочистов. Однако в идеологии сторонников Абдуллы Оджалана есть немало слов о вовлечении народных масс в реальную политику государства, в чем, на наш взгляд, выражается один из прин-

ципиальных экспериментов политической системы «прямого народовластия», имплементированный в Рожаве.

Также на примере Сирии видно, как подобная мобилизационная политическая система быстро исчерпала свой потенциал уже к 1976 г., когда Сирия ввела войска в Ливан, что стало причиной серьезного внутреннего политического кризиса в стране и потери баасистами широкой поддержки населения, в первую очередь среди суннитов. Причиной этого в глазах многих в Сирии было то, что «баасизм властной верхушки ассоциировался уже не с панарабизмом или пансирийской идеологией, а с паналавизмом»¹³. Это вызвало мобилизацию суннитско-исламской оппозиции в стране, сначала в конце семидесятых, затем повторно в 2012 г., когда страна окончательно была ввергнута в пучину гражданской войны. В конце 70-х гг. с целью предотвращения эскалации напряженности в стране режим Хафеза Асада, по сути, вернул патримониальный характер политической системы в стране, характерной для традиционных сирийских политических связей. Особенностью этой системы было то, что политические элиты были представлены в основном этнически, религиозно и географически периферийными группами, чьи персональные и социальные связи основывались на клановом, этническом, религиозном и племенном партикуляризме¹⁴. Со времен Асада-старшего это привело к тому, что насилие и принуждение стало заменять традицию, культуру и религию как принципы социального контроля. Демонтаж этой системы, по сути, произошел в результате кровопролитной гражданской войны.

Сформировавшаяся в Сирии при Асадах политическая система на протяжении трех десятилетий по сегодняшний день основывалась на патримониальных политических связях, т. е. это был подданныческий тип нации, предложенный профессором В. Я. Белокреницким¹⁵, который во многом характерен для восточных обществ. С другой стороны, миссия таких политических систем, пускай и крайне важная, ограничена определенным временным континуумом. Грань, отделяющая имперское государственное устройство от конгломератно-национального, должна быть четко идентифицируема, что присутствует в работах немецкого политолога Герфрида Мюнклера (близкий по зна-

чению термин называется у него «гегемонией»¹⁶). В современных условиях расширение, обустройство и поддержание национального пространства все больше связано с контролем над ресурсами, в первую очередь сырьевыми. Причем не только над источниками ресурсов, но и над способами их транспортировки. Национальная экспансия конгломератного типа может осуществляться посредством валютных спекуляций, санкций и прочих составляющих, характерных сейчас, например, для отношений испанского центра с мятежной Каталонией. Несомненным является то, что появление квазигосударств, пусть даже внутри таких конгломератных сообществ, а также их нередко опережающее экономическое развитие разрушает государственную монополию центра на применение силы. Не исключено, что в контексте Рожавы (Федерации Северной Сирии) полевые командиры при поддержке США устанавливают территориальный контроль над частью государства и получают доходы от эксплуатации недр или прибыль за транзит энергоресурсов. Обычно демонтаж подобных квазигосударственных образований ведется чисто военным путем с одновременным конструированием наций и перекройкой границ¹⁷.

Здесь стоит рассмотреть теоретический разворот, который позволил бы увидеть, что в отличие от империи в конгломератном национализме расширение, поддержание и обустройство национального пространства связано с контролем над рынками, источниками сырья и энергоресурсов, что достаточно грубо «втиснуто» в понятие национальных интересов.

Начало кантонизации северных областей Сирии может быть обозначено январем 2014 г., когда кантон Джизре провозгласил суверенитет (автономный статус), причем этот статус никак не соотносился с понятиями Курдистан или Рожавы (Западный Курдистан)¹⁸.

Национальная логика многонационального конгломерата, предлагаемая апологетами Рожавы (значение территории соотносится уже не с этническим понятием, а с местом зарождения социального эксперимента) означает: мы создаем нацию, в которой никто не собирается оспаривать права соотечественника, считать себя представителем другой нации. Это, например,

характерно и актуально для иракской нации в том контексте, что таким же образом эти нации сами по себе не являются неопровержимым указанием на то, что под ними подразумевается именно или только лишь арабская национальная идентичность. Арабский национализм, зародившийся как интеллектуальное движение еще в середине XIX в. на территории нынешних Сирии и Ливана, носил в большой степени антиколониальную направленность, что роднит его, например, с индийским национализмом с той лишь разницей, что источником для его критики являлся не западный империализм, а центр Османской империи – Стамбул. Воплощением такого антиколониального протонационализма является, безусловно, и фигура мятежного египетского паши Мухаммеда Али (который по происхождению был вообще не араб, а албанец).

При ближайшем рассмотрении можно выделить основную предпосылку, которая играет важную роль в трансформации пристрастия человека к своему региону в самоидентификацию с группой как с будущей нацией. В первую очередь – это социальный и политический кризис старого порядка, который характеризуется новыми уровнями напряженности. В рамках этой напряженности формируются разногласия между различными группами населения, что связано с утратой веры в прежние нравственные ориентиры. Текущая ситуация в Ближневосточном регионе носит во многих отношениях уникальный характер: старый порядок привел к крушению, а кое-где – к пересмотру устоявшихся национальных концепций, что вызвало образование политического вакуума. Гражданская война в Сирии не носит межэтнический, межнациональный характер, хотя во многом опосредована всевластием алавитских элит в политической и военной жизни Сирии. При этом собственно курдский вопрос в Сирии не является определяющим в сложном клубке внутрисирийских противоречий. Однако отсутствие должной политической «деликатности» со стороны асадовского режима в отношении курдов в своей стране привело к тому, что сформировавшееся на севере Сирии де-факто квазигосударственное образование Федерация Северной Сирии (Рожава), не без поддержки со стороны США, уже в ближайшее время может заявить о непризнании юрисдикции власти

Дамаска на своей территории. То есть, другими словами, формально оставаясь в составе Сирии, ФСС имеет перспективы не признавать со своей стороны легитимность правящего в Дамаске режима. Это же можно отнести и к провинции Идлиб – анклаву непримиримой антиасадовской оппозиции. Однако, как показывает история (впрочем, и наглядный пример Тайваня), такой политический суверенитет, совпадающий с границами разведения сторон, не признающих легитимность друг друга, рано или поздно приведет и к суверенитету территориальному. С другой стороны, партикуляризм, ведущий к сепаратизму, актуален в контексте защиты своей территории от агрессора, но в данном случае в отношении Рожавы конфликтующей стороной является вовсе не сирийский режим, а официальная Турция, что отнюдь не уменьшает поддержки Рожавы со стороны многих турецких курдов, а также левых политических сил.

Существует ли сирийская национальная идентичность – вопрос, неоднозначно многими сейчас трактуемый. В любом случае, она существует независимо от того, на сколько непримиримых анклавов разделена сейчас Сирия и кто признает или не признает существующую в Дамаске власть. Поэтому наиболее актуальным на данном этапе является анализ и идентификация всех этнических и конфессиональных групп, которые составляют сирийское общество, необходимо определить динамику и значимость этнических различий как предпосылку для формирования такого национального единства. Причем здесь определяющим будет влияние этнического или любого другого партикулярного фактора в электоральном процессе Сирии.

При этом очевидный процесс суверенизации Федерации на севере Сирии (которую по формальным признакам нельзя считать «курдской») чрезвычайно болезненен для соседа Сирии – Турции. В реализуемой здесь оджалановской концепции «демократического конфедерализма» Анкарой видится старт процессу, который может привести в конечном итоге к демонтажу политических границ между Сирией и Турцией и непризнанию юрисдикции власти центра (Анкары) на почве национального партикуляризма говорящими на курманджи курдами, являющимися одним народом со своими сирийскими собратьями. Между

тем курдский партикуляризм в Турции стал во многом закономерным итогом той национальной политики, которая проводилась на протяжении первых 70 лет республиканского режима. Вторым немаловажным источником опасений Анкары является, очевидно, левацкий идейный посыл концепта А. Оджалана, что делает его достаточно популярным в среде левых политических сил Турции¹⁹. Поддержка Рожавы как в Турции, так и за ее пределами создавала дополнительный, в том числе и информационный, ресурс для своей суверенизации. Судя по тому, как агрессивна политика Анкары в отношении квазигосударственного образования на севере Сирии, этот сценарий рассматривается в Турции в качестве весьма вероятного.

В урегулировании подобных политических конфликтов важную роль играет так называемая «дипломатия второго эшелона» («Second track diplomacy»). Сложным вопросом остается следующий: является ли концепция демократического конфедерализма Оджалана способом именно мирного достижения формы национального сообщества в демократических рамках, минуя этап национального государства? Является ли по сути заявка такой формы «над-национализма» в рамках конфедеративной системы способом решения курдской проблемы в рамках Сирии, основываясь на принципах демократического единства между народами на территории, которую они населяют? Как бы то ни было, ответ на этот вопрос может быть положительным при одном условии: борьба за свои национальные права заканчивается там, где она превращается в право на идеологическое насилие над другими.

Заключение

Экономический и политический кризис в Сирии, явившийся источником начала кровопролитной войны между режимом Асада и политической оппозицией Сирии был достаточно хорошо изучен; важным внутрисирийским вопросом остается проблема нового политического устройства Сирии на основе общенационального концепта. Нужно отметить, что сирийский вооруженный конфликт не носил ярко выраженный межэтнический характер, хотя и был опосредован всевластием алавитских

элит, что, скорее, перемещает его в плоскость конфликта межконфессионального. Гражданский конфликт выявил глубокий кризис идейно-политических ориентиров сирийского общества. Центральная власть в Дамаске пошла на значительные уступки, внеся в конституцию поправки об изъятии таких идейных ориентиров, как «социализм» и «панарабизм». Формально легитимность сирийской власти была достигнута в результате первых, с 1963 г., альтернативных выборов 2012 г., когда победу одержал блок «Национальное единство» (по официальным данным, в выборах приняли участие около 50% сирийских избирателей)²⁰. Однако же при этом значительная часть сирийских жителей не приняла легитимности новой политической силы, по-прежнему возглавляемой партией аль-Баас, и гражданскую войну остановить не удалось. Более того, она уже перешла в плоскость межконфессиональную, что привело к росту сторонников экстремистских организаций типа «Джабхат аль-Нусра» и целых квазигосударств типа ИГИЛ, очаги которых удалось погасить ценой невероятных усилий. Ныне же сложившаяся в Сирии система относительной безопасности хрупкая, однако лишь это является главной гарантией начала политического процесса по урегулированию гражданского конфликта.

¹ Тишков В. А. Усложняющее разнообразие: как его понимать и упорядочить // Культурная сложность современных наций. М., 2016. С. 9/

² Scmidinger T. Rojava. Revolution, War and Future of Syria's Kurds. Pluto Press, 2018. P. 1.

³ Андерсон Б. Введение // Нации и национализм. М., 2002. С. 16.

⁴ Орлов В. В. Самоотжествление в арабском мире: этническое, конфессиональное, национальное // Нации и национализм на мусульманском Востоке. М., 2015. С. 149.

⁵ Нацестроительство – процесс формирования национальной идентичности, суть которой заключается в создании чувства патриотизма и общей солидарности по отношению к своему государству. Объектом этого процесса становится сообщество людей, находящихся под его юрисдикцией (В. А. Тишков. Понимание нацестроительства в России в мировом контексте. www.valerytishkov.ru).

⁶ Чаттерджи П. Воображаемые сообщества: кто их воображает? // Нации и национализм. М., 2002. С. 283.

⁷ Хрох М. От национальных движений к сформировавшейся нации // Нации и национализм. М., 2002. С. 143.

⁸ Флах А., Айбога Э., Кнапп М. Курдистан: реальная демократия в условиях войны и блокады. М., 2016. С. 48–49.

⁹ Крох М. От национальных движений к сформировавшейся нации // Нации и национализм. М., 2002. С. 139/

¹⁰ Olson R. The Ba'th and Syria. From the French Mandate to the Era of Hafiz al-Asad. The Kingston Press, 1982. P. 43.

¹¹ Другим примером могут служить ассирийцы. По словам Ишана Гаури, главы партии Ассирийский Союз (Федерация Северной Сирии), ассирийцы считают себя народом, а не религиозной общиной. При этом «антибаасизм» большинства ассирийцев Сирии служит основой для их политической мобилизации совместно с курдскими сторонниками партии «Демократический Союз» (Флах А., Айбога Э., Кнапп М. Курдистан: реальная демократия в условиях войны и блокады. С. 67).

¹² Olson R. Op. cit. P. 61.

¹³ Ibid. P. 61.

¹⁴ Ibid. P. 62.

¹⁵ Белокреницкий В. Я. Особенности национализма и наций-государств на Востоке, в исламском мире (пример Пакистана) // Нации и национализм на мусульманском Востоке. М., 2015. С. 17.

¹⁶ Мюнклер Г. Империи: логика господства над миром – от Древнего Рима до США. М., 2015.

¹⁷ Кузнецов И. Политическая прагматика империи. www.globalaffairs.ru. 15.06.2016

¹⁸ Об этом достаточно наглядно свидетельствует тот факт, что при пересечении границы этого кантона ставилась отметка о въезде в автономный кантон Джизре, являющийся частью Республики Сирия (не Сирийской Арабской Республики). Процесс суверенизации субъекта в его наднациональном статусе может служить примером начала формирования конгломератного национализма в Сирии. (Shmidinger T. Rojava: Revolution, War and the Future of Syrian Kurds. Pluto Press, 2018. P. 3).

¹⁹ Наглядным примером здесь может служить недавнее высказывание кандидата в мэры Шишли от Народно-республиканской партии Турции, основанной еще Ататюрком, о том, что в Турции существует еще и Курдистан (www.cnnturk.com/turkiye/chpnin-sisli-adayina-sosyal-medyada-kurdistan-tepkisi).

²⁰ Труевцев К. М. Ближневосточный узел как эпицентр противостояния современного панисламистского проекта и национальных государств // Нации и национализм на мусульманском Востоке. М., 2015. С. 96.

В. М. Ахмедов*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО СОСТАВА СИРИЙСКОГО СОЦИУМА В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА В САР

Резюме: Исследование вопросов эволюции этнического и конфессионального состава сирийского общества в условиях кризиса в САР имеет большое значение. Анализ влияния религиозного фактора на ход основных политических процессов и перспективы урегулирования сирийского кризиса мог способствовать определению перспектив развития сирийского общества и возможностей достижения мира в этой арабской стране.

Ключевые слова: Сирия, сунниты, алавиты, шииты, Асад, Дамаск.

Summary: The lasted Syrian crisis has had a great impact on sectarian factor in Syria and the developments of political and military processors in this Arab country. The developments of the crisis have dramatically changed the Syrian society and caused an evolution of the sectarian map of Syria. Meanwhile the sectarian factors make a great influence on the main political developments in Syria and perspective of the possible resolution of this crisis.

Key words: Syria, sunny, shia'a, alaviy, Assad, Damascus.

Начавшаяся в марте 2011 г. сирийская революция уже давно утратила свой первоначальный характер и переросла в кровопролитную гражданскую войну, которая поставила страну на грань территориального раскола и утраты национальной идентичности.

Действительно, выдвинутые первоначально лозунги свободы, плюрализма, демократии, которые отражали в своей

* Ахмедов Владимир Муртузович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН

основе законные требования широких слоев сирийского населения, оказались выхолащены и постепенно трансформировались в религиозные призывы экстремистского характера. В конечном итоге это привело к подмене изначально сформулированных целей протестного движения задачами (поддержанными частью оппозиции) установления религиозного государства.

Подобная трансформация была во многом связана с целым рядом факторов, в том числе с ростом милитаризации сирийского восстания, слабой перспективой достичь разрешения кризиса политическим путем, неспособностью международного сообщества вывести мирные переговоры из тупика.

Огромные жертвы среди гражданского населения, сотни тысяч погибших, миллионы беженцев, колоссальные разрушения – всё это вело к изменению мировоззрения широких масс сирийского населения.

Вышедшие на передний план междоусобной борьбы в Сирии религиозные, конфессиональные, этнические, земляческие аспекты в сочетании с беспрецедентной интернационализацией конфликта и активным вовлечением в него разновекторных и разновесных инациональных вооруженных формирований серьезно осложнили перспективы достижения мира в этой арабской стране.

В результате гражданской войны прежняя политическая система государства и его основные институты оказались фактически разрушенными. Они не способны играть самостоятельную роль в завершении этого конфликта, тем более – управлять восстановлением и развитием страны в мирных условиях без внешней поддержки.

Характерно, что сирийский режим с момента прихода к власти в 1970 г. Хафеза Асада позиционировался и старался вести политику исключительно как светский. Он базировался на баасистской трактовке идеологии арабского единства с элементами социализма, опирался на армию, где, как в плавильном котле, стирались все конфессиональные и религиозные различия, а также на мощную партийную организацию.

Действительно, многие властные позиции занимали выходцы из нескольких алавитских кланов, среди которых первенство-

вали кланы Асадов и Махлюфов. Но это вовсе не означало, что алавиты во власти отражали интересы всей алавитской общины Сирии и пользовались ее безусловной поддержкой. Лишь 25% из них связывали свою судьбу и жизнь с режимом¹. Остальные старались использовать свое алавитское происхождение для продвижения бизнеса или карьеры в госсекторе, а многие и вовсе никак не были связаны с режимом. Да и руководители из числа алавитов уже были далеко не те, что раньше.

Даже противники Хафеза Асада были вынуждены признать его скромность и аскетизм, неприязнательность в быту. Если учесть, что алавиты пришли к власти в Сирии на рубеже 60–70-х гг. XX в. из бедности, при поддержке малоимущих суннитов из сел в борьбе с разжиревшей при османах и французах сирийской аристократией, то эти мелочи при определенных обстоятельствах могли значить много.

При Хафезе Асаде простые алавиты были во многом солидарны со своими высокопоставленными одноплеменниками и были готовы защищать их ради общего дела.

После прихода к власти в 2000 г. Башар Асад окружил себя своими родными и близкими родственниками, расставив их на самые важные и доходные посты в государстве. Так, могущественный кузен президента Рами Махлюф фактически поднял под себя почти весь доходный бизнес в стране.

Таким образом, тщательно выстроенная Хафезом Асадом негласная система распределения социальных ролей между конфессиями по типу общественного договора оказалась нарушена. Основная суть ее сводилась к тому, что алавиты доминировали в армии и спецслужбах, а сунниты вольготно себя чувствовали в экономике и бизнесе в обмен на лояльность власти. При этом представители суннитской экономической и бизнес-элиты осознавали себя больше партнерами, нежели клиентами алавитов в общем деле управления государством.

К началу второго президентского срока (2007 г.) Башара Асада, на который он фактически сам себя переназначил, нарушив ранее данные им обязательства провести альтернативные выборы, все изменилось с точностью до наоборот. На фоне приближающегося экономического коллапса в результате кризиса

суннитская буржуазия все меньше была склонна поддерживать режим.

Действительно, длительный вооруженный конфликт в Сирии оказал влияние на изменение конфессионального баланса в обществе, что, несомненно, окажет влияние на ход будущих политических процессов в стране.

Особенность сирийского конфликта и сложность его разрешения заключается не только в его беспрецедентной длительности по сравнению с восстаниями в других арабских странах, что во многом было определено ролью национальных вооруженных сил и геостратегическим положением Сирии. Сирийский кризис вывел на политическую авансцену новые социальные силы, обнажив искусно замаскированный и приглушенный режимом Хафеза Асада весь спектр острых социальных противоречий, клановых, конфессиональных, этнических и земляческих конфликтов.

Прежде внешне единый сирийский социум в условиях обострения кризиса стал стремительно раскалываться по указанным выше конфликтным линиям, серьезно радикализовав исламистские настроения в стране и Ближневосточном регионе в целом.

Религиозные, этнические и земляческие факторы сыграли одну из ключевых ролей в начале сирийского восстания. Более того, и сегодня указанные факторы продолжают оказывать сильное влияние не только на ход военно-политических процессов, но и на выработку основных принципов урегулирования сирийского кризиса. Исследование данной темы представляло определенные сложности не только в довоенный период, но и особенно в условиях гражданской войны. К тому же сирийские и международные статистические данные, как и сведения различных правозащитных организаций, не отличаются непогрешимостью и особой репрезентативностью.

При этом надо иметь в виду, что в условиях военных действий демография превращается в своеобразный инструмент пропагандистской войны противоборствующих сторон с целью оказать влияние на региональных и международных участников конфликта, подтолкнув их таким образом к принятию выгодных той или иной стороне решений.

В начале 2006 г. на одном из популярных интернет-сайтов были опубликованы необычные статистические данные о конфессиональном составе сирийского общества. Как подчеркивал автор публикации, приведенные им данные собирались в условиях повышенной секретности. Их сбор был поручен не Центральному статистическому бюро (ЦСБ) САР, а определенным структурам, и проводился в течение всего 2005 г. Ранее они нигде не публиковались.

Справедливости ради нужно отметить, что в публикациях ЦСБ САР после 1960-х гг. невозможно найти сведения о религиозном и этническом составе населения. Во многом это было продиктовано политикой властей, которые тщательно маскировали этот щепетильный аспект развития сирийского социума.

Согласно этим данным, все население Сирии составляло в 2005 г. приблизительно 18 млн человек. По своей конфессиональной принадлежности оно распределялось следующим образом: 45% – сунниты-арабы, 20% – алавиты, 15% – курды, 12% – христиане, 3% – друзы, 3% – муршидуны, 1,5% – исмаилиты, 0,5% – шииты. Таким образом, сирийское общество состояло из четырех основных религиозных и этнических групп: суннитов-арабов, алавитов, курдов, христиан. Малочисленные общины были представлены друзами, муршидунами, исмаилитами и шиитами. С этой точки зрения Сирия не сильно отличалась от соседнего Ливана, где, как известно, в основе управления страной лежал принцип политического конфессионализма.

С одной стороны, приведенные выше данные внушали определенное сомнение, особенно в отношении численности алавитов (3,6 млн человек) и их процентного соотношения по сравнению с другими группами населения. Тем более что, по данным ряда источников, население Сирии в 2011 г. составляло приблизительно 20 млн человек и распределялось в конфессиональном и этническом отношении следующим образом: 65% – сунниты-арабы, 15% – курды, 10% – алавиты, 5% – христиане, 3% – друзы, 1% – исмаилиты, 1% – шииты.

Грубые подсчеты показывают, что, по официальным данным темпов прироста населения в этот период, которые составляли 3–3,5% в год, все население страны за 5 лет должно было выра-

сти на 3–4 млн и, соответственно, составить 21–22 млн человек. Именно эту цифру можно было чаще всего встретить в работах отечественных и зарубежных исследователей, а также политических обозревателей и экспертов. При этом данные ЦСБ САР за 2011 г. показывают, что население Сирии составляло более 24 млн человек².

Возможно, такая разница в данных возникла из-за того, что начиная с середины 1990-х гг. в Сирии стал наблюдаться постепенный спад темпов прироста населения до 2,6–2,5% в год. В провинциях этот показатель был еще ниже и составлял 2%. Особенно это касалось Тартуса, Латакии, Сувейды и Хасаке. Приведенные выше подсчеты лишний раз демонстрируют всю условность статистических данных как сирийских, так и международных экспертных организаций. Для нас важным является тот факт, что накануне гражданской войны сирийское общество было уже разделено по конфессиональным и этническим линиям. Возможность выхода на поверхность каких-либо проявлений этнических и конфессиональных разногласий жестко пресекалась властью. С другой стороны, подобные разногласия искусно гасились за счет системы сдержек и противовесов. На них базировалась выстроенная Х. Асадом конструкция государства и его система управления.

Однако недооценка подлинной конфессиональной и этнической ситуации в стране на фоне ухудшения экономического положения самой властью и международными игроками сыграла, на наш взгляд, роковую роль в сирийских событиях и их превращении в конфессиональный и этнический вооруженный конфликт.

К весне 2017 г. от 7 до 9 млн человек оказались за пределами страны. Около 6 млн человек находились в состоянии постоянной внутренней миграции. Общее население Сирии сократилось до 16 млн человек³. Указанные выше данные отражают лишь общую тенденцию и требуют более четкой верификации. К этому времени сирийские власти фактически перестали публиковать подробные статистические данные о составе и численности населения.

В то же время сирийские власти передавали часть статистических материалов в информационную структуру ООН – ОСНА.

В свою очередь, сирийская оппозиция создала на территории Турции специальный орган – Assistance Coordination Unit (ACU), куда направляла свои данные о состоянии местного населения и беженцах. Существовали и такие организации, как SOHR и подобные им, которые вели свою статистику и пользовались своими источниками. Подобная ситуация осложняла получение более или менее объективных данных о реальном положении местного населения и его показателях.

Несомненно одно – длящаяся уже 7 лет война привела к серьезным изменениям в конфессиональной карте Сирии. Трансформация религиозного и этнического состава Сирии во многом предопределялась высокой смертностью как военных, так и гражданских, эмиграцией и внутренними перемещениями населения.

В то же время ряд меньшинств внутри Сирии смогли увеличить свои показатели как в абсолютном, так и относительном отношении. Во многом это произошло за счет значительного сокращения суннитов-арабов. Из общего показателя эмигрировавших сирийцев к 2017 г. 80% (около 5,5 млн человек) составили именно сунниты-арабы. К тому же наиболее интенсивные боевые действия велись на территории, где они традиционно проживали. Гражданская война отрицательно сказалась и на сирийских христианах, возможно, потому, что в отличие от алавитов и друзов они не располагали собственным анклавом.

К концу 2017 г. общее число покинувших страну христиан составило около 10%. При этом христианская эмиграция началась еще в 2011 г. 10% курдского населения также выехало из Сирии в 2015 г. В основном они нашли себе прибежище в Иракском Курдистане. Меньше всего из страны выехало алавитов, друзов, исмаилитов и шиитов⁴.

В конце 2017 г. 80% территории страны находилось под контролем правительства Б. Асада. Там проживало около 75% всего населения Сирии. При этом на территориях, занятых ИГИЛ и вооруженными формированиями сирийского сопротивления (северо-запад страны, южные районы, Гута), население не могло чувствовать себя в безопасности из-за постоянно ведущихся боевых действий.

Любопытно, что в зонах контроля сирийских властей 42% населения представляли сунниты-арабы. В то же время в районах, занятых вооруженной оппозицией, сунниты-арабы составляли 87% населения. Несмотря на то что алавиты, друзы, христиане, исмаилиты и шииты в основном поддерживали Б. Асада, численность меньшинств выросла на рубеже 2015–2016 гг. всего на 5% – по сравнению с 20% до начала сирийского восстания. Курды составляли 15% населения страны, сунниты-арабы – 60%⁵.

В этой связи при формировании принципов сирийского урегулирования желательно учесть характер трансформации конфессиональной и этнической карты Сирии. Так, слабость, религиозность меньшинств и явное превосходство суннитов-арабов ставит сирийские власти перед сложной дилеммой. Сможет ли Б. Асад удерживать необходимый баланс на этапе переходного периода, если нынешний конфессиональный состав сирийского общества останется неизменным?

¹ Ахмедов В. М. Сирийское восстание: история, политика, идеология. М., 2018. С. 63–65.

² Бюллетень результатов переписи населения и жилых помещений на 2004 г. в районах и пригородах Дамаска. 03.07.2007. Статистический сборник, 2011. Центральное Статистическое Бюро. Дамаск, 2011.

³ Подробнее об этом см.: Balanche F. Communautarisme en Syrie lorsque le mythe devient realite [Электронный ресурс] // Confluences Mediterranee, 89, Spring 2014. URL: <https://www.cairn.info/revue-confluences-mediterranee-2014-2-page-29.htm>; Phillips Ch. Sectarianism and Conflict in Syria // Third World Quarterly, 36/ No 2, 2017.

⁴ Подробнее об этом см.: Balanche, Fabrice. Communautarisme en Syrie lorsque le mythe devient realite [Электронный ресурс] // Confluences Mediterranee, 89, Spring 2014. URL: <https://www.cairn.info/revue-confluences-mediterranee-2014-2-page-29.htm>.

⁵ Phillips Ch. Sectarianism and Conflict in Syria // Third World Quarterly, 36. No 2. 2017.

Д. А. Воронин*
(Санкт-Петербург)

КРИЗИС В СИРИИ И БОРЬБА СИРИЙСКИХ КУРДОВ ЗА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Резюме: В статье рассматривается современное состояние курдской проблемы в Сирии, обострившейся после начала «арабской весны». Несмотря на разногласия, сирийские курды добились успехов в создании автономии, получившей название Федерация Северной Сирии. Анализ перспектив курдского самоуправления на севере Сирии весьма актуален в контексте продолжающегося сирийского конфликта и военного вмешательства Турции.

Ключевые слова: курдский вопрос, самоопределение, Курдистан, Федерация Северной Сирии, Рожава, демократический конфедерализм.

Summary: The article covers the current state of the Kurdish issue in Syria escalated after the beginning of Arab Spring. In spite of disagreement, Syrian Kurds succeed of building the autonomy named Federation of Northern Syria. The analysis of perspectives of kurdish self-government in northern Syria is very topical in the context of proceed conflict in Syria and Turkish military intervention.

Key words: Kurdish question, Kurdistan, self-determination, Federation of Northern Syria, Rojava, democratic confederalism.

Курдский вопрос в Сирии получил новый импульс вследствие начавшейся в 2010 г. так называемой «арабской весны», значительно повысившей конфликтный потенциал Ближневосточного региона. В ходе продолжающегося с марта 2011 г. конфликта в Сирии между режимом президента Башара Асада

* Воронин Дмитрий Алексеевич – аспирант кафедры международных политических процессов факультета политологии СПбГУ

и вооруженной оппозицией, поддерживаемой США, Турцией, монархиями Персидского залива¹, произошла активизация сирийских курдов, проживающих в северных районах страны, на границе с Турцией и Ираком.

В сирийском конфликте курды выступили своего рода «третьей силой», не желая примыкать ни к правительственным силам, ни к отрядам оппозиции².

Основной коалиционный орган сирийской оппозиции – Сирийский национальный совет (СНС) – не смог сделать курдов своими сторонниками, поскольку не гарантировал положительного комплексного решения проблемы самоопределения курдов после окончания войны, хотя первоначально отдельные курдские партии участвовали в формировании СНС, а его лидером в июне – ноябре 2012 г. был этнический курд Абдель Сейд³.

На протяжении всего сирийского конфликта курдское движение претерпевало серьезные трудности из-за разногласий между различными партиями и группировками.

Ведущей политической силой Сирийского Курдистана является созданная в 2003 г. Партия демократического союза (PYD), которой руководят сопредседатели Шахоз Хасан и Айша Хесо.

PYD считается сирийским крылом Рабочей партии Курдистана (РПК) и имеет широкую социальную базу. Члены PYD дистанцируются от идеи отделения курдских территорий от Сирии и выступают за создание широкой курдской автономии в составе сирийского государства.

Уход сирийской армии из курдских районов в 2012 г. привел к их переходу под контроль боевых сил PYD – Отрядов народной самообороны (YPG) и Отрядов женской самообороны (YPJ).

Деятельность PYD, выступающей политическим крылом «Движения за демократическое общество» (TEV-DEM), заключалась не только в борьбе с исламистами, но и в создании институтов курдского самоуправления: политико-правовых, например системы правоохранительных органов, народных советов, также исполняющих функции третейских судов, «Народного конгресса Западного Курдистана», а также социальных и культурных – преподавание в школах на курдском языке, движение за права женщин, профсоюзы, молодежные центры⁴.

Данные принципы были изложены в документе «The Project for Democratic Self-Governance in Western Kurdistan», основанном на работе лидера турецких курдов Абдуллы Оджалана «Democratic Confederalism», в свою очередь основанной на статье американского философа Мюррея Букчина «The Meaning of Confederalism»⁵.

В ходе попытки преодоления раскола в курдском движении в октябре 2011 г. в Камышлы был создан Курдский национальный совет (КНС), представляющий собой организацию зонтичного типа, объединяющую 16 партий и движений Сирийского Курдистана. КНС выступает за автономию курдов и федерализацию Сирии и пользуется поддержкой иракских курдов – Демократической партии Курдистана (ДПК) и ее лидера Масуда Барзани, поскольку первым председателем КНС стал Абдулкерим Башар, руководитель Демократической партии Сирийского Курдистана (ДПСК), являющейся ответвлением ДПК⁶. От ДПСК в свое время отделился ряд курдских полулегальных партий, в частности Партия свободы курдов («Азади»).

В июле 2012 г. в Эрбиле при поддержке Масуда Барзани КНС и РYД подписали соглашение о создании Высшего совета Курдистана – временного органа самоуправления сирийских курдов, в подчинении которого находились вооруженные силы курдской самообороны.

Основными целями и принципами курдского движения в Сирии были провозглашены: создание автономии, децентрализация управления, создание собственного парламента, демократическое сосуществование разных этнических групп на одной территории в соответствии с концепцией «демократического конфедерализма»⁷.

Дальнейший раскол курдских партий произошел осенью 2013 г., когда КНС вошел в состав главной группы внешней сирийской оппозиции – Национальной коалиции оппозиционных и революционных сил (НКОРС). РYД не поддержала эту акцию.

Курдское движение в Сирии сталкивается не только с внутренними противоречиями, но и с внешним вмешательством. В Турции традиционно видят в автономизации сирийских курдов угрозу своим национальным интересам и называют курдов из

РҮД и YPG террористами наряду с турецкой Рабочей партией Курдистана.

Когда в 2013 г. лидер РҮД Салих Муслим Мухаммад провозгласил создание переходного правительства Сирийского Курдистана, премьер-министр Турции Ахмет Давутоглу заявил, что «автономия не может быть провозглашена в одностороннем порядке»⁸.

Осенью 2013 г. Салих Муслим Мухаммад объявил о готовящемся проекте конституции будущей курдской автономии⁹.

21 января 2014 г. курды объявили о создании в северной части Сирии автономной администрации Рожава во главе с Экремом Хесо и со столицей в городе Камышлы. Автономия была провозглашена за день до начала конференции «Женева-2», посвященной урегулированию сирийского кризиса. Курдам как независимой делегации было отказано в участии в данной конференции, а проблема самоопределения курдов в Сирии не была включена в ее повестку¹⁰.

Сирийские курды противостояли таким суннитским группировкам, как «Джабхат-ан-Нусра ли-ахлиш-Шам» (с июля 2016 г. – «Джабхат Фатх аш-Шам») и «Исламское государство Ирака и Леванта» (впоследствии – «Исламское государство», запрещенное на территории РФ).

Особенно серьезным вызовом для сирийских курдов стало наступление боевиков ИГ на город Кобани в середине сентября 2014 г., вынудившее тысячи курдов бежать на территорию Турции, против чего выступала Анкара, испортившая в итоге отношения с собственными курдами.

Отряды народной самообороны в Кобани состояли из боевых отрядов РПК, бригад «Джабхат аль-Акрад», курдских добровольцев из стран Ближнего Востока и ЕС. Кроме того, во время боев под Кобани на помощь сирийским курдам прибыли несколько бригад пешмерга из Иракского Курдистана. ВВС США поддерживали курдов с воздуха. В итоге к концу июня 2015 г. Кобани был полностью освобожден. Победа курдов над ИГ, самой крупной и хорошо организованной террористической организацией мира, доказала жизнеспособность курдской автономии на севере Сирии и стала дополнительным стимулом роста

курдского автономизма не только в Сирии, но и в других курдских этноареалах¹¹.

Дальнейшие военные успехи курдов летом 2015 г. были связаны с взятием под контроль города Тель-Абьяд и стратегической трассы между ним и Раккой. В этой операции курды также получили поддержку от США.

12 октября 2015 г. курды и поддерживаемая Соединенными Штатами сирийская оппозиция объявили о создании «Сирийских демократических сил» (СДС), направленных против «Исламского государства».

Россия, с 30 сентября 2015 г. участвующая в военной операции на территории Сирии, выступает за признание права сирийских курдов на самоопределение и призывает курдов к совместной с правящим режимом борьбе против террористов. Инцидент с российским бомбардировщиком 24 ноября 2015 г. и ухудшение российско-турецких отношений еще больше способствовали развитию военно-политических контактов России с курдами – не только сирийскими, но и турецкими. Встреча главы МИД РФ С. В. Лаврова с сопредседателем ДПК Селахаттином Демирташем в декабре 2015 г. вызвала гневную реакцию Анкары.

Политическое руководство Турции оказывало давление на своего партнера Масуда Барзани с целью заставить его не поддерживать отношения с PYD и выступать против автономизации сирийских курдов. Барзани действительно критиковал PYD, называя ее «авторитарной» и стремящейся к маргинализации других политических сил. Прежде всего здесь имелось в виду то, что поддерживаемый Барзани КНС отодвигался на вторые позиции в политическом пространстве Сирийского Курдистана¹².

Однако 22 октября 2014 г. между «Движением за демократическое общество» и КНС было заключено Дохукское соглашение, положившее начало признанию кантональной системы управления в Сирийском Курдистане и давшее возможность КНС полноценно участвовать в общественно-политической жизни региона¹³.

17 марта 2016 г. члены PYD, а также представители арабов, ассирийцев, туркоманов провели съезд в городе Румейлан (провинция Хасеке), где объявили о создании региональной федера-

тивной администрации в северной части Сирии, состоящей из трех отдельных анклавов – кантонов Джазира, Кобани и Африн¹⁴. Курдская автономия стала теперь официально называться не Республика Рожава, а Федерация Северной Сирии¹⁵.

Комментируя создание автономии, официальный представитель Западного Курдистана Идрис Наасан заявил, что курды не имеют «никаких сепаратистских намерений в Сирии, и их территории продолжают оставаться частью географического пространства САР... Северный федеративный район останется неотъемлемой частью Сирии и будет представлять собой образец децентрализованной, плюралистической демократической власти»¹⁶.

Федерация Северной Сирии является, по сути, попыткой реализации на практике идей «демократического конфедерализма» или «конгломератного национализма».

Демократический конфедерализм – основополагающая идеология Федерации Северной Сирии – представляет собой передовую форму демократии, осуществляемой «нацией без государства»¹⁷. Он объединяет элементы гражданского национализма и революционного социализма с целью создания новой нации в Сирии, построенной на эгалитарных началах. Политическая система автономии основана на принципах федерализма и партиципаторной демократии (демократии участия), позволяющих неоднородному населению ее кантонов участвовать в самоуправлении на уровнях от локального до квазигосударственного¹⁸.

В управление автономией привлекаются не только представители курдского этноса, но и арабы, армяне, ассирийцы, туркоманы. Национальная доктрина строится на постепенном отходе от принципов собственно национального государства, являвшегося одной из наиболее распространенных форм самоопределения народов в прошлом. Наоборот, на первый план выдвигается поликультурный, плюралистический характер данного политического образования. Демократический конфедерализм, как национализм конгломеративного типа, выражается в существовании общества в рамках максимального уважения к культурной автономии этнических групп, которые совместно выступают в качестве нациеобразующих субъектов, претендующих на автономию или независимость¹⁹.

Демократическое самоуправление в курдских кантонах Сирии стало своеобразным идеологическим ответом курдов на попытки радикальных исламистов построить новый Халифат и представляет собой привлекательную модель мирного решения этноконфессиональных конфликтов на Ближнем Востоке в начале XXI в.

Курды видят будущую Сирию светским, демократическим государством, в котором будут признаны права всех этнических групп и конфессий, обеспечено гендерное равноправие²⁰.

Сирийские курды выступают за решение проблемы самоопределения конституционным путем и недопущение внешнего вмешательства. Именно поэтому военная интервенция Турции в Сирию в рамках операции «Щит Евфрата», начатой в августе 2016 г., была воспринята курдами как прямое посягательство на их суверенитет и мобилизовала их протестный потенциал²¹.

Главной целью военной операции, проводимой совместно с силами оппозиционной Свободной Сирийской Армии и без согласия Дамаска, было обеспечение безопасности турецкой границы, а также зачистка приграничных территорий на севере Сирии от боевиков ИГ и курдских подразделений.

2 марта 2017 г. после согласования с Москвой отряды СДС уступили правительственной армии Башара Асада территорию к западу от города Манбидж, который они освободили в августе 2016 г. при поддержке американских ВВС²².

Акту передачи предшествовали столкновения между курдскими отрядами и турецкими военными, которые выдвинулись к Манбиджу после того, как совместно с силами ССА отбили у ИГ город Эль-Баб. 29 марта 2017 г. операция «Щит Евфрата» завершилась.

Прогноз о том, что референдум 16 апреля 2017 г. и переход Турции к президентской системе ускорит процессы, начатые Анкарой по решению собственных стратегических задач, подтвердился: 25 апреля турецкие ВВС нанесли удар по штабу YPG возле города Дерик в Сирии, а также по Шенгалу (Синджару) в Ираке, где расположены опорные базы РПК, спасавшей в 2014 г. езидов от геноцида ИГ²³.

Курды в составе СДС сыграли важную роль в освобождении столицы ИГ в Сирии – Ракки – в октябре 2017 г. Однако на этом

конфликт в Сирии не закончился. Осталась нерешенной проблема Идлиба, не был решен курдский вопрос, к тому же в ситуацию вновь вмешалась Турция²⁴.

Успехи операции «Щит Евфрата» воодушевили Анкару на проведение новой военной операции под названием «Оливковая ветвь», целью которой было вытеснение курдов из Африна и создание буферной зоны на границе Турции и Сирии.

Операция началась 20 января 2018 г., а 18 марта Африн покинули последние бойцы YPG. Район был взят под контроль турецких военных. В результате продолжения операции в июне 2018 г. курды были вынуждены покинуть и Манбидж, который должен был перейти под турецко-американский контроль, согласно договоренности Анкары и Вашингтона²⁵.

Оккупировав северные и северо-западные районы Сирии, турки приступили к созданию протурецких органов власти и формированию новых отрядов вооруженной оппозиции из числа арабов-суннитов и туркоманов²⁶.

В сентябре 2018 г. появилась информация, что РYD и Дамаск достигли соглашения, согласно которому силы YPG примут участие в военной операции по освобождению Идлиба и будут всячески поддерживать вооруженные силы сирийского режима.

В октябре 2018 г. президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган заявил о затягивании реализации соглашения с США по Манбиджу и пообещал провести в Сирии новую «масштабную и эффективную» военную операцию, чтобы уничтожить «террористическую структуру» к востоку от Евфрата и создать там зону безопасности²⁷.

Таким образом, несмотря на то что сирийские курды не стремятся к немедленному отделению от Дамаска, они по-прежнему воспринимаются Анкарой как угроза, как «террористы». В ноябре 2018 г. на этом вновь сделал акцент министр иностранных дел Турции Мевлют Чавушоглу, также подчеркнувший, что дорожная карта по Манбиджу должна быть согласована до конца 2018 г.²⁸

19 декабря 2018 г. на фоне продолжающихся угроз Анкары в отношении сирийских курдов президент США Дональд Трамп заявил о победе над ИГ в Сирии и о подготовке к выводу американских войск из страны (на территорию Ирака). Представители

СДС назвали это решение «ударом в спину», однако никакого моментального ухода американского контингента (около 2 тыс. человек) не предполагается. Советник по национальной безопасности Джон Болтон заявил, что Соединенные Штаты сохраняют свою позицию по защите курдов даже после ухода из Сирии. Тем не менее для Дамаска, Тегерана и Москвы в связи с уходом США возникнет необходимость не допустить того, чтобы ИГ, разбитое, но не уничтоженное окончательно, не смогло усилить свои позиции на востоке и в других районах Сирии²⁹.

Крайне важным будет достижение договоренностей между курдами, контролирующими нефтяные и газовые месторождения к востоку от Дейр эз-Зора, и Дамаском, по-прежнему не желающим идти на уступки курдам.

В случае реального выхода США из Сирии и отсутствия достижения договоренностей между правящим режимом и курдами активные боевые действия Турции на севере Сирии более чем вероятны. Представители СДС предупреждают, что наибольшие выгоды из сложившейся ситуации извлекут террористические силы, и в первую очередь ИГ, поскольку курды будут вынуждены перебросить ряд подразделений на север для отражения турецкой агрессии. Это неизбежно создаст возможности для активизации действий спящих ячеек ИГ³⁰.

Министр обороны Турции Хулуси Акар 7 января 2019 г. объявил YPG как ответвление «террористической» РПК целью будущей турецкой операции в Сирии наряду с ИГ³¹.

Можно прогнозировать, что Анкара будет проводить эту операцию с опорой на сирийские антиправительственные группировки, состоящие из арабов. Тем более что, по словам пресс-секретаря МИД Турции Хами Аксоя, зачистка Манбиджа от бойцов курдских YPG, а также недопущение присутствия там официального Дамаска, являются вопросами национальной безопасности для Анкары. Дополнительным стимулом для операции стал произошедший 16 января 2019 г. в Манбидже теракт, в результате которого погибли в том числе американские военнослужащие³². Эрдоган назвал теракт провокацией, направленной на то, чтобы повлиять на решение Трампа вывести американские силы из Сирии³³.

В последние годы в российском экспертном сообществе все чаще выдвигается тезис о закате «системы Сайкс – Пико» на Ближнем Востоке. В данном случае имеются в виду не только изменения искусственных политических границ, проведенных европейцами в первой четверти XX в. при игнорировании этнической карты Ближнего Востока. Речь идет о крахе модели государственности – арабского национального государства, а также об изменении в политической идентичности стран региона³⁴. Эти региональные процессы предоставляют возможность существования для такого политического сообщества, как «конгломератная» – полиэтническая и поликонфессиональная – Федерация Северной Сирии.

Как показывает опыт референдума в Иракском Курдистане в сентябре 2017 г., а также история взаимоотношений Асада и сирийских курдов, борьба за самоопределение не находит долгосрочной поддержки ни в самом Ближневосточном регионе, ни за его пределами.

В то же время очевидно, что игнорировать права и интересы курдов не удастся, независимо от того, кто бы ни был у власти в Дамаске. В противном случае политический суверенитет курдов и других этноконфессиональных групп в рамках федеративной автономной администрации может превратиться в территориальный суверенитет.

К такому шагу курдов может привести и необходимость защиты от агрессора, в роли которого в настоящее время выступает не Дамаск, а Турецкая Республика.

Несмотря на достигнутые успехи, борьба сирийских курдов за самоопределение далека от завершения, как и в других курдских этноареалах. Этнический Курдистан в настоящее время по-прежнему разделенная территория и «разделенный народ».

³⁴ См.: Надеин-Раевский В. А. Внешняя политика Турции: ветры перемен // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 2. С. 84–92; Шарипов У. З. Американская концепция «Большого Ближнего Востока» и национальные трагедии на Ближнем и Среднем Востоке. М., 2013. С. 206–225; Шишкина А. Р. Сирия: секреты стойкости режима // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны. М., 2013. С. 323–353.

- ² Исаев Л. М., Шишкина А. Р. Сирия и Йемен: неоконченные революции. М., 2014. С. 117–238; Ланцов С. А. Революционные процессы на Ближнем Востоке: социально-политические механизмы и геополитические последствия // Политическая экспертиза. ПОЛИТЭК. 2013. Т. 9. № 1. С. 157.
- ³ Васецова Е. С., Мазур О. А. Курдский вопрос в Сирии и Россия // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2016. № 2 (8). С. 64; Иванов С. М. Сирийские курды в борьбе за свои права и свободы // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 9. С. 40.
- ⁴ Saadi S. Rojava revolution: building autonomy in the Middle East. 25.07.2014. URL: <https://roarmag.org/essays/rojava-autonomy-syrian-kurds/> (дата обращения – 20.01.2019).
- ⁵ Ocalan A. Democratic Confederalism. 2011. URL: <http://www.freedom-for-ocalan.com/english/download/Ocalan-Democratic-Confederalism.pdf> (дата обращения – 24.12.2018); Bookchin M. The Meaning of Confederalism. 1990. URL: <http://theanarchistlibrary.org/library/murray-bookchin-the-meaning-of-confederalism> (дата обращения – 10.01.2019).
- ⁶ Иванов С. М. Сирийские курды в борьбе... С. 42.
- ⁷ См.: Вертяев К. В. Специфика курдского национального движения и его современная актуализация в Турции и Сирии // Нации и национализм на мусульманском Востоке М., 2015. С. 367–368; Иванов С. М. Сирийские курды в борьбе... С. 42.
- ⁸ Kurdish Declaration of Autonomy in Syria Rejected by Turkey, Larger Opposition. 14.11.2013. URL: <http://www.rudaw.net/english/middleeast/syria/14112013> (дата обращения – 09.01.2019).
- ⁹ Sardar Saadi. Rojava revolution: building autonomy in the Middle East // Roarmag.org. Reflections on a revolution. 2014. July 25. – Режим доступа: <http://roarmag.org/2014/07/rojava-autonomy-syrian-kurds/>
- ¹⁰ См.: Курды Сирии объявили о независимости. 22.01.2014. URL: <http://kurdistan.today/kurdy-siriy-ob-yavili-o-nezavisimosti/11260/> (дата обращения – 08.01.2019); Вертяев К. В. Специфика курдского национального движения... С. 368–369; Вертяев К. В., Иванов С. М. Курдский национализм: История и современность. М., 2015. С. 329.
- ¹¹ Вертяев К. В. Специфика курдского национального движения... С. 369–371; Иванов С. М. Сирийские курды в борьбе... С. 40; Мазур О. А. Перспективы решения курдского вопроса в Сирии // Вестник ЗабГУ. 2016. Т. 22. №4. С. 87.
- ¹² Мазур О. А. Политические партии Сирийского Курдистана в конфликте в Сирии // Мировая политика. 2016. № 1. С. 26–35. URL: http://e-notabene.ru/wi/article_18359.html (дата обращения – 11.01.2019).
- ¹³ Патиев Ф. А. Курдские автономные районы современной Сирии // Курдский фактор в региональной геополитике. (Материалы круглого стола в ИМЭМО РАН 11.03.2015). М., 2015. С. 53.
- ¹⁴ Syria civil war: Kurds declare federal region in north. 17.03.2016. URL: <http://www.aljazeera.com/news/2016/03/syria-civil-war-kurds-declare-federal-system-north-160317111902534.html> (дата обращения – 15.01.2019).
- ¹⁵ Вертяев К. В. «Конгломеративный национализм» как идеологический базис становления курдской автономии в Сирии // Мировая политика. 2016. №4. С. 1–9. URL: http://e-notabene.ru/wi/article_21401.html (дата обращения – 15.01.2019).
- ¹⁶ Цит. по: Иванов С. М. Сирийские курды в борьбе... С. 42.

¹⁷ Moberg M. J. Nation-building in Rojava: participatory democracy amidst the Syrian civil war // Пути к миру и безопасности. 2016. № 2 (51). С. 18.

¹⁸ Ibid. P. 33.

¹⁹ См.: Вертяев К. В. «Конгломеративный национализм»... URL: http://e-notabene.ru/wi/article_21401.html (дата обращения – 15.01.2019).

²⁰ Van Bruinessen M. Kurdish identities and Kurdish nationalisms in the early twenty-first century. 2016. URL: https://www.academia.edu/31059416/Kurdish_identities_and_Kurdish_nationalisms_in_the_early_twenty-first_century (дата обращения – 14.01.2019).

²¹ Вертяев К. В. Обострение турецко-курдского межэтнического конфликта в Турции (в 2015–2016 гг.) // Международные отношения. 2016. № 4. С. 294.

²² См.: Там же. С. 30; Почему курды объединились с сирийской армией против Турции. 03.03.2017. URL: <http://www.rbc.ru/politics/03/03/2017/58b93efa9a7947f614ec7eaa> (дата обращения – 11.01.2019).

²³ Хас К. Новая. Жаркая. Своя. Внешняя политика Анкары после референдума. 17.04.2017. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-zharkaya-svoya-vneshnyaya-politika-ankary-posle-referenduma/> (дата обращения – 12.01.2019); Рыбин А. Эрдоган возвращается в Сирию. 30.04.2017. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2017/04/30_a_10650317.shtml (Дата обращения – 12.01.2019); Turkey to conduct military operation against PKK base in Sinjar. 31.03.2017. URL: <https://www.dailysabah.com/war-on-terror/2017/04/01/turkey-to-conduct-military-operation-against-pkk-base-in-sinjar> (дата обращения – 12.01.2019).

²⁴ Бартенев В. И. «Взаимно гарантированная обструкция»? Россия, страны Запада и политические дилеммы восстановления Сирии // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2018. № 4. С. 755–774; Наумкин В. В. Сирийские сюрпризы. 17.09.2018. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/siriyskie-syurprizy/> (дата обращения – 20.12.2019).

²⁵ Алексеева Н. Время уступать: как США согласились пустить турецких военных в сирийский Манбидж. 07.06.2018. URL: <http://riataza.com/2018/06/07/vremya-ustupat-kak-ssha-soglasisil-pustit-turetskih-voennyih-v-siriyskiy-manbidzh/> (дата обращения – 20.12.2019); Проект «Сирийский Курдистан» разваливается: курды уходят за Евфрат. 18.06.2018. URL: https://kurdistan.ru/2018/06/18/articles-32913_Proekt_Siriyskiy_Kurdistan_razvalivatsya_Kurdy_uhodyat_za_Evfrat.html (дата обращения – 08.12.2018).

²⁶ Иванов С. М. Курдский фактор с каждым годом играет все большую роль на Ближнем Востоке. 07.12.2018. URL: https://kurdistan.ru/2018/12/07/news-34429_Stanislav_Ivanov_Kurdskiy_faktor_s_kazhdym_godom_igraet_vse_bolshuyu_rol_na_Blizhnem_Vostoke.html (дата обращения – 15.01.2019); Иванов С. М. Сирийский кризис сопровождается разделом страны. 24.10.2018. URL: https://kurdistan.ru/2018/10/24/news-34023_Siriyskiy_krizis_soprovozhdaetsya_razdelom_strany.html (дата обращения – 15.01.2019).

²⁷ Эрдоган обещает атаковать курдов в Восточном Евфрате. 30.10.2018. URL: https://kurdistan.ru/2018/10/30/news-34072_Erdogan_obeschaet_atakovat_kurdov_v_Vostochnom_Evfrate.html (дата обращения – 14.01.2019).

²⁸ Глава МИД Турции: дорожная карта по Манбиджу должна быть реализована до конца года. 23.11.2018. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5825208> (дата обращения – 19.12.2018).

²⁹ Иванов С. М. Американцы еще не ушли, а желающих занять их место уже предостаточно! 26.01.2019. URL: https://kurdistan.ru/2019/01/26/articles-34892_Amerikancy_esche_ne_ushli_a_zhelayuschih_zanyat_ih_mesto_uzhe_predostatochno.html (дата обращения – 26.01.2019); Трамп «не позволит Турции убить курдов». 06.01.2018. URL: https://kurdistan.ru/2019/01/06/news-34721_Tramp_ne_pozvolit_T.html (дата обращения – 08.01.2019).

³⁰ Мамедов Р. Ш. Трамп наносит «удар в спину». 21.12.2018. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tramp-nanosit-udar-v-spinu/?sphrase_id=24235531 (дата обращения: 16.01.2019).

³¹ Хулуси Акар: Турция преследует не курдов, а террористов. 08.01.2019. URL: https://kurdistan.ru/2019/01/08/news-34738_Hulusi_Akar_Turciya.html (дата обращения – 10.01.2019).

³² Турция выступила против контроля Дамаска над Манбиджем. 18.01.2019. URL: https://kurdistan.ru/2019/01/18/news-34836_Turciya_vystupila_protiv_kontrolya_Damaska_nad_Manbidzhem.html (дата обращения – 21.01.2019).

33 Трамп обсудил с Эрдоганом гибель американских военных при взрыве в Сирии. 20.01.2019. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5c44e0149a79476c87ddb225> (дата обращения – 21.01.2019).

³⁴ См. подробнее: Вертяев К. В. Специфика курдского национального движения... С. 364–365; Звягельская И. Д. Суверенитет и государственность на Ближнем Востоке – невыносимая хрупкость бытия // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 10. № 2. 2017. С. 97–109; Исаев Г. Г. Крах арабской мечты. URL: <https://lenta.ru/articles/2015/12/26/arabdream/> (дата обращения – 19.01.2019); Карякин В. В. Деградация светских государственных институтов в странах арабского мира в свете активности исламского фундаментализма // Нации и национализм на мусульманском Востоке. М., 2015. С. 225–227; Кузнецов В. А., Салем В. Безальтернативная хрупкость: судьба государства-нации в арабском мире. URL: <http://globalaffairs.ru/valday/Bezalternativnaya-khrupkost-sudba-gosudarstva-nacii-v-arabskom-mire-18043> (дата обращения – 19.01.2019); Наумкин В. В. Цивилизации и кризис наций-государств // Россия в глобальной политике. 2014. Том 12. № 1. С. 41–58.

М. С. Озманян*

К ИТОГАМ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 2018 Г. В ИРАКЕ И ИРАКСКОМ КУРДИСТАНЕ: КУРДСКИЕ ПАРТИИ

Резюме: В статье анализируются итоги парламентских выборов в Республике Ирак и в Курдском автономном районе проведенные впервые после освобождения страны от ИГИЛ, и как они повлияли на курдские партии и расстановку сил в Ираке и в регионе. Курдский фактор еще долго будет служить препятствием для устойчивого развития Ирака, в связи с чем правительство Ирака заинтересовано в поддержке курдских партий и курдского правительства.

Ключевые слова: парламентские выборы; курдские партии; плебисцит; ДПК; ПСК; «Горран»; Ирак; Иракский Курдистан.

Summary: The article analyses the results of parliamentary elections in the Republic of Iraq and the Kurdish region of Iraq held for the first time after the liberation of the country from the ISIS. The author analyses the results of the parliamentary elections in the Kurdish parties and their balance of power in Iraq and in the region.

The Kurdish factor will be an obstacle to the sustainable development of Iraq for a long time. In this connection, the government of Iraq is interested in the Kurdish parties and the Kurdish government to support them.

Key words: parliamentary election; Kurdish parties; plebiscite; PDK; PUK; Gorran; Iraq; Iraqi Kurdistan.

Итоги парламентских выборов в Ираке в 2018 г.: курдские партии

12 мая 2018 г. в Ираке прошли парламентские выборы в 18 провинциях в условиях повышенных мер безопасности, впервые после освобождения страны от ИГ (запрещено в РФ). Без-

* Озманян Мидия Саиговна – младший научный сотрудник ИВ РАН.

опасность избирателей осуществляли свыше одного миллиона представителей силовых структур. По соображениям безопасности перед голосованием власти перекрыли сухопутную границу, аэропорты, ограничили движение транспорта по всей стране. Однако премьер-министр и главнокомандующий ВС Ирака Хейдар аль-Абади после открытия участков дал распоряжение о частичной отмене мер безопасности.

По данным Центральной избирательной комиссии (далее ЦИК) Ирака, принять участие в выборе новых депутатов имели право 24,349 млн избирателей из 36-миллионного населения страны. Явка составила 44,54 (на этот раз она была ниже показателя 2014 г. в 60%)¹, в голосовании приняли участие 10,7 млн человек. Таким образом, после свержения С. Хусейна явка в Ираке была исторически минимальна в Ираке.

Традиционная борьба за власть в Ираке шла между тремя влиятельными религиозными и этническими силами: шиитами, суннитами и представителями курдской общины. На этот раз выборы в парламент были осложнены тем, что шиитские и суннитские партии не выступали единым фронтом. Это же касается и политических сил, представляющих интересы курдов.

В избирательной гонке приняли участие 29 блоков, объединивших около 200 различных политических партий. ЦИК выявил около 7000 кандидатов, желающих занять одно из 329 представленных мест в парламенте страны². Тем не менее, согласно Конституции Республики Ирак, 25% мест (83 кресла) в Совете представителей должны занять женщины, 9 – представители этноконфессиональных меньшинств (среди которых 5 христиан)³.

Проанализировав небольшую статистику числа избирателей, количества избирательных участков, а также явок в основных курдских провинциях в период парламентских выборов в Республике Ирак (рис. 1, 2 и 3), выявилось то, что соотношения числа избирателей и самих явок не равны. Народ Ирака выбирал новый парламент в условиях демократии, однако жители региона Курдистана не отличились высокой явкой. Снижение числа избирателей, участвующих в голосовании, объясняется недоверием к действующим политикам.

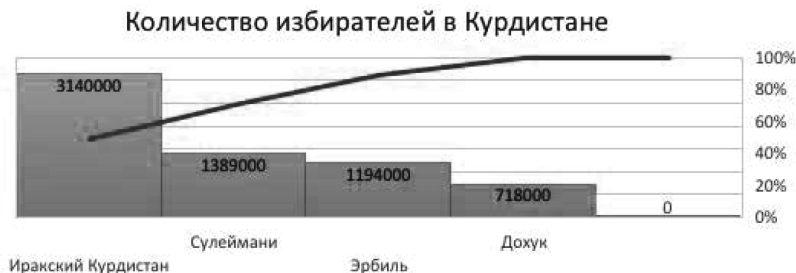

Рис. 1. Количество избирателей в провинциях Иракского Курдистана на парламентских выборах в Ираке в 2018 г.

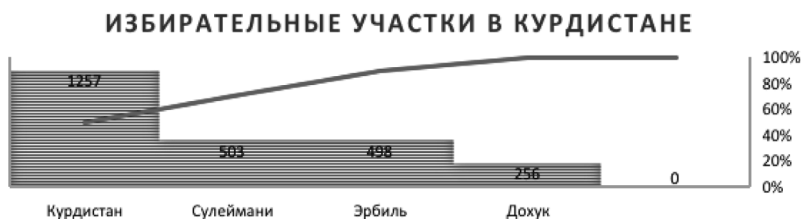

Рис. 2. Количество избирательных участков в провинциях Иракского Курдистана на парламентских выборах в Ираке в 2018 г.

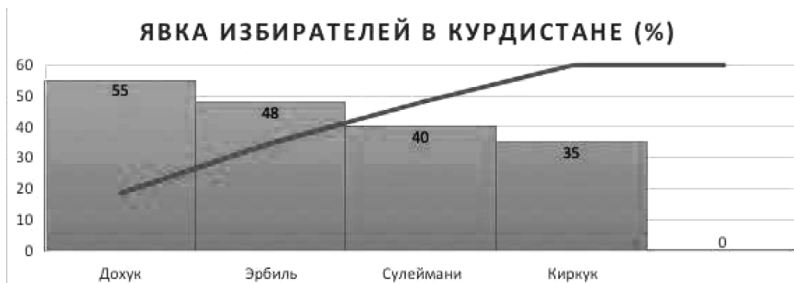

Рис. 3. Явка избирателей в провинциях Иракского Курдистана на парламентских выборах в Ираке в 2018 г.

ЦИК Ирака первоначально планировал представить результаты выборов в течение 48 часов с закрытия, 12 мая, вечером. Однако выборы были омрачены обвинениями в мошенничестве с голосами, особенно в Курдском регионе и спорных районах, поэтому результаты голосования были перенесены.

Инциденты в период выборов в курдских провинциях

В нескольких провинциях, включая столицу, несколько раз давала сбой новая электронная система голосования, использовавшаяся на выборах. Однако в ЦИК заявили, что сбои были несерьезными, проблемы быстро устранили, и на ход голосования это не повлияло.

В годы, последовавшие за падением режима С. Хусейна в 2003 г., Иракский Курдистан стал важным избирательным округом для иракских партий для получения политического большинства в парламенте и в исполнительной власти. Даже сейчас участие курдов имело решающее значение в парламентских выборах 2018 г., несмотря на серьезные внутренние разногласия.

Однако эти разногласия заметно проявились в процессе выборов.

Сулеймания

Пять курдских оппозиционных партий сформировали единый фронт, отвергающий результаты голосования и насилие, которое ненадолго вспыхнуло в Сулеймании.

После предварительных результатов в Сулеймании «Патриотический Союз Курдистана» (ПСК) победил на 40 избирательных участках. Партия «Движения за перемены» («Горран»), «Коалиция за Демократию и Справедливость», «Комала», партия «Исламский Союз Курдистана» и «Коммунистическая партия Курдистана» провели встречу, чтобы обсудить предполагаемые фальсификации выборов. Они утверждали, что электронная система голосования была взломана и потребовали ручного пересчета.

Киркук

Инциденты в период парламентских выборов проявились также в Киркуке. Два избирателя и наблюдатель были убиты бомбой, прикрепленной к их автомобилю? в избирательном участке недалеко от города Аль-Хан, к югу от Киркука. Ответственность за теракт взяло на себя ИГИЛ. Согласно сообщениям СМИ, ссылающимся на источники в силах безопасности, еще

несколько самодельных взрывных устройств были обезврежены в сельских районах Хавиджи, расположенной примерно в 55 км к юго-западу от Киркука⁴.

Мохаммед Хоршид, глава Демократической партии Курдистана (ДПК) в Киркуке, заявил, что члены Хашд аш-Шааби и иракских вооруженных сил голосовали в Киркуке незаконно и не позволяли голосовать курдам⁵. По словам местных курдов, иракские вооруженные силы стреляли в небо, поэтому им приходилось добираться до избирательных участков по узким улочкам.

Иракский премьер-министр Хейдар аль-Абади распорядился о задержании всех членов ЦИК в Киркуке после завершения голосования. Указ был связан с необходимостью расследования нарушений 10 мая, во время голосования членов сил безопасности и военнослужащих страны. Решение было принято после того, как в ходе голосования было зафиксировано множество нарушений, совершенных с ведома главы ЦИК Киркука Имада Вали Ахмеда.

Синджар

120 тыс. езидов были допущены к выборам, однако только 30 тыс. смогли проголосовать из-за проблем с идентификацией.

Как заявил мэр Синджара Махма Халиль, многие езиды просто не нашли свои имена в избирательных списках.

Результаты парламентских выборов в Республике Ирак

Результаты проведенных 12 мая 2018 г. парламентских выборов в Ираке показали ведущую роль в стране шиитских и курдских сил.

Среди шиитских сил лидировал блок «Ас-Саирун» («Альянс революционеров за реформы») Муктады ас-Садра (56 мест). За ним следовал блок «Фатх» («Завоевание») Хади аль-Амири (54 места). Замыкал тройку лидеров блок «Наср» («Победа») Хайдера аль-Абади (46 мест)⁶.

Со времени предыдущих выборов значительные изменения произошли и в курдских партиях. Лидерами, как и прежде, остались две ведущие политические силы Иракского Курдистана –

Демократическая партия Курдистана (ДПК) и Патриотический союз Курдистана (ПСК).

В сентябре 2017 г. Бархам Салих, бывший премьер-министр Иракского Курдистана и заместитель лидера ПСК, объявил, что покидает партию и формирует новую оппозиционную партию – «Коалицию за демократию и справедливость». Считалось, что у партии есть потенциал для изменения курдского политического ландшафта. Бархам Салих надеялся на то, что сможет соединить все другие курдские оппозиционные партии, включая «Движение за перемены» и «Исламскую группу Курдистана», чтобы бросить вызов правящему альянсу ДПК – ПСК, сформировав коалицию под названием «Ништиман» («Родина») для участия в выборах. Однако на выборах Бархам Салих и его сторонники потерпели фиаско. По результатам плебисцита, ДПК получила 25 мест в парламенте, ПСК – 18, «Коалиция за демократию и справедливость» – 3, «Горран» – 5, «Исламская группа Курдистана» – 2⁷. В руководстве ПСК считали, что Бархам Салих, внеся раскол в курдские ряды, сам оказался в проигрыше.

На тот период времени лидеры партии «Движение за перемены» отказывались встречаться с представителями ПСК, несмотря на многочисленные просьбы руководства этой партии. По некоторым данным, руководство «Горран» якобы рассматривало варианты создания собственных вооруженных отрядов самообороны, что могло бы с одной стороны поставить под угрозу монополию ПСК на вооруженные силы в провинции Сулеймания, с другой – еще больше обострить там обстановку.

В выборах участвовало несколько суннитских политических блоков. Если на предыдущих выборах им удалось получить 64 места в парламенте, то сейчас – только 47. В целом за последние 13 лет сунниты потеряли около 50 % своих мест в законодательном органе страны.

Как полагают большинство иностранных экспертов, нынешние выборы показали снижение суннитского представительства. Основные причины – существенные демографические изменения, падение авторитета суннитских политических партий и их лидеров, погрязших в коррупции, потеря суннитами места в шиитских и курдских списках.

В ряде мест севера Ирака суннитские избиратели голосовали за представителей курдов. Тем самым они выразили свою признательность за курдскую поддержку беженцев во время войны с ИГИЛ за Мосул. В целом в нынешней политической жизни Ирака суннитские политики играют второстепенную роль.

Внешнеполитические приоритеты всех трех ведущих шиитских блоков значительно отличаются друг от друга. Так, «другом Америки» считают премьер-министра Хайдера аль-Абади, «союзником Тегерана» называют Хади аль-Амири, против зависимости Ирака от США и Ирана выступает Муктада ас-Садр. Тем не менее альянс Муктады ас-Садра достиг соглашения с коалицией «Фатх», о чем было объявлено 12 июня. Затем ас-Садр заключил еще одно соглашение – с блоком Хайдера аль-Абади, с целью ускорения формирования нового правительства.

Программные установки новой коалиции включили:

- сосредоточение усилий на формировании правительства технократов, свободное от сектантских идеологий;
- поддержку федеральных сил безопасности, не позволяя при этом вооружаться другим группам;
- продолжение борьбы с коррупцией;
- подготовка плана восстановления и оздоровления экономики страны;
- сохранение единого Ирака.

Результаты парламентских выборов в Ираке 2018 г. по сравнению с выборами 2014 г. (см. табл. 1) свидетельствуют о том, что иракские курды более разделены, чем в любое другое время после падения режима С. Хусейна в 2003 г.

Таблица 1

**Результаты парламентских выборов
2014 г. и 2018 г. в Ираке**

№	ФИО	Альянс/партия	Мест/ 2014	Мест/ 2018
1	Муктада ас-Садр	Ас-Сайрун	34	54
2	Хади аль-Амири	Фатх	–	47
3	Хайдер аль-Абади	Победа	–	42
4	Нури аль-Малики	коалиция Государство закона	92	67

Окончание таблицы 1

5	Ничерван Барзани	ДПК	25	25
6	Айад Аллави	Аль-Ватания	21	21
7	Аммар ал-Хаким	Национальное мудрое движение	29	19
8	Косрат Расул Али	ПСК	21	18
9	Усама аль-Нуджайфи	Муттахидун	23	14

Источник: Renad Mansour, Christine van den Toorn. The 2018 Iraqi federal elections. A population in transition? http://eprints.lse.ac.uk/89698/7/MEC_Iraqi-elections_Report_2018.pdf

В ходе переговоров по формированию нового иракского правительства курдские партии выступали отдельно. Делегации ДПК и ПСК встречались отдельно с Хайдером аль-Абади, а также с другими кандидатами и влиятельными политиками в Багдаде. Тем не менее в то же время обе стороны провели координационные переговоры, и их альянс можно было возобновить. С другой стороны, «Горран», занявший боевые позиции против ДПК и ПСК, отказался сотрудничать с ними в переговорах с Багдадом.

7 июля делегация иракских шиитских коалиций «Правовое государство» и «Фатх» («Завоевание») Хади аль-Амири встретились с курдским лидером и главой ДПК Масудом Барзани в Эрбиле для обсуждения состава будущего иракского правительства. Прибывшая делегация надеялась пригласить ДПК принять участие в формировании крупнейшего парламентского блока в Багдаде и создании следующего правительства. Они предложили план совместной работы по преодолению нынешнего политического кризиса в Ираке и началу нового этапа политического процесса в стране.

16 июля политбюро ДПК и ПСК провели переговоры относительно «национального проекта по защите конституционных прав курдов в Багдаде», о чем их представители заявили на пресс-конференции после встречи.

Пресс-секретарь ДПК Махмуд Мохаммед сообщил на пресс-конференции, что были «проведены хорошие и продуктивные переговоры».

Саади Пира, представитель ПСК, заявил, что созданная национальная программа также нацелена на решение вопроса статуса курдских сил пешмерга в иракских вооруженных силах и их конституционных прав, а также на возобновление переговоров по статье 140-й и ее реализации в соответствии с Конституцией Ирака.

В июле 2018 г. премьер-министр Нечирван Барзани призвал все курдские фракции к участию в текущих обсуждениях формирования правительства Ирака. Курдский премьер также заявил, что «...Наша главная цель – добиться конституционных прав Курдистана»⁸.

С учетом вышеизложенной динамики можно ли прогнозировать, сколько времени потребуется для формирования следующего правительства?

В октябре 2018 г. Адиль Абдул-Махди был назначен иракским премьер-министром. С тех пор он прилагает усилия для создания нового кабинета. Из-за политических споров в кабинете Махди еще не назначены несколько главных министров. Премьер-министр сказал, что эти вакантные должности будут заполнены «очень скоро».

Однако будет также оказано дополнительное давление на политическую элиту Ирака, с тем чтобы она заключила грандиозную сделку до конца 2018 г., учитывая обязательства страны перед международными финансистами, а именно необходимость своевременного принятия федерального бюджета на 2019 г. Грандиозная задача восстановления и реформирования страны требует политической стабильности, которая может быть достигнута только на основе поддержки вновь избранного парламента.

Итоги парламентских выборов в Иракском Курдистане в 2018 г.

Иракский Курдистан – неофициальное название Курдского автономного района, имеющего статус широкой автономии в составе Ирака. Юридически статус района закреплен в Конституции Ирака 2005 г.

30 сентября 2018 г. в Иракском Курдистане прошли пятые парламентские выборы при явке более 58%. За 111 мест боролись 29 фракций, в том числе три коалиции.

Зарегистрировано было 3,85 млн избирателей⁹. На этих выборах явка была меньше, чем в 2013 г. (74%). Вооруженные силы Иракского Курдистана (члены сил пешмерга, полиции и сил безопасности) 28 сентября проголосовали в числе первых.

Изначально выборы были запланированы на 1 ноября 2017 г., однако после «провала референдума» они были перенесены.

Долгое время политические партии игнорировали вопросы, связанные с парламентскими выборами в Курдистане, даже после объявления 9 мая о точной дате их проведения из-за озабоченности иракскими выборами и ручным пересчетом голосов. Итоги парламентских выборов Ирака 12 мая вызвали волну критики в стране. Центризбирком обвинили в фальсификациях и грубых нарушениях избирательного законодательства. В ответ парламент принял решение о пересчете вручную части бюллетеней.

Решение о ручном пересчете голосов, принятое парламентом Ирака и советом министров, получило полную поддержку курдов. В связи с этим курдские политические партии потребовали провести предвыборную кампанию для курдских парламентских выборов фактически менее чем за один месяц.

К выборам все партии Курдистана зарегистрировались вместе с несколькими новыми образованиями.

Шесть партий, выступающих против результатов недавних парламентских выборов в Ираке, обсуждали проект, чтобы принять участие в курдских выборах в совместном списке.

Различные стороны обращались и призывали к прекращению разногласий, поскольку существовала критическая необходимость для объединенного курдского фронта в Багдаде, когда приближалось время для формирования правительства, предшествовавшего оспариваемым выборам 12 мая.

В мае в офисе IHERC¹⁰ было сказано, что на парламентских выборах будут принимать исключительно ручные подсчеты голосов, так как многие партии в Курдистане заявили о мошенничестве на парламентских выборах в Ираке, использовавшие систему электронного голосования.

Процесс регистрации кандидатов прошел с 3 по 25 июня, а 25 июля комиссия подтвердила всех кандидатов, все партии и коалиции, зарегистрированные на выборах.

Самая известная коалиция была объявлена между «Исламским союзом Курдистана» и «Исламским движением Курдистана».

В день выборов не обошлось без происшествий и обвинений в мошенничестве, а также в нарушениях в некоторых провинциях (Сулеймании, Халабджа).

Избирательная комиссия Курдистана объявила окончательные результаты выборов лишь вечером 20 октября 2018 г. из-за большого количества обращений касательно нарушений: ДПК получила 45 мест, ПСК – 21 место. За ними следовали «Горран» и «Новое поколение».

По результатам плебисцита, прошедшие выборы стали большим успехом для ДПК – 45 мест против 38 мест в 2013 г., ПСК – 21 место против 18 в 2013 г., а вот движение «Горран» сократило почти вдвое свое присутствие в курдском парламенте – 12 мест против 24 в 2013 г.¹¹

Это были уже вторые выборы после референдума, на которых ДПК лидировала с большим отрывом от ПСК. Как говорилось ранее, в мае 2018 г. прошли выборы в парламент Ирака, тогда ДПК победила в Курдском автономном регионе, получив 25 мест, на парламентских выборах ПСК получил 18 мест, что позволило ДПК стать представителем Курдского автономного региона в иракском парламенте. Это усилило ее позиции в переговорах с Багдадом и внутри региона.

Демократическая партия Курдистана

Правящая ДПК поздравила курдский народ с успешным завершением парламентских выборов, призвав к сосуществованию и единству курдских партий. Масуд Барзани заявил, что выборы являются отличным механизмом равномерного распределения политической власти. По словам М. Барзани, поддержка со стороны граждан означает, что они хотят сильный Курдистан, политической стабильности и безопасности, а также развития.

Прежде ДПК разделяла власть с ПСК и другими партиями на основе консенсуса. Однако ПСК в этот раз решил основываться на решении выборов, и поэтому ДПК призывала дать ей, крупнейшей партии Курдистана, «право применить новый механизм формирования нового правительства»¹².

В предыдущий парламентский период отсутствие консенсуса между ДПК и ПСК привело к тому, что парламент региона практически не работал. Сейчас в Курдистане у Масуда Барзани большая народная поддержка. Он вполне может ее расширить за счет населения Сулеймании, обращаясь по поводу общекурдских проблем. Тем не менее объявление о победе Бархама Салиха во втором туре голосования в иракском парламенте (2 октября) еще раз наглядно показывает, что у ПСК есть сильные союзники на иракском поле и за его пределами, которые могут решить дело не в пользу выбора ДПК.

Несмотря на то что в целом политический фон в автономии не изменился, ДПК и ПСК по-прежнему контролируют расстановку сил в регионе. Две ведущие партии Курдистана, победившие на последних парламентских выборах, сейчас ведут переговоры по формированию кабинета.

Стороны обсудили возможные механизмы формирования следующего правительства, выдвинув в качестве главного приоритета политическую стабильность и экономическое процветание. Однако проведенный ряд встреч пока демонстрирует сохранившийся раскол, образовавшийся после провалившегося референдума о независимости Иракского Курдистана.

Патриотический союз Курдистана

После объявления итоговых результатов пресс-секретарь ПСК Саади Пира заявил, что их партия – «Патриотический союз Курдистана» – согласна с итогами выборов и хочет, чтобы новое правительство было сформировано как можно скорее, и они готовы помочь в этом. В ноябре пресс-секретарь объявил, что партия настаивает на том, чтобы ни одна политическая фракция не была исключена из участия в следующем правительстве, если она не решила стать оппозицией.

Партия «Движение за перемены» («Горран»)

Спустя несколько часов после объявления результатов парламентских выборов в Иракском Курдистане Мохаммед Али (координатор отдела политических исследований «Горран» и член генеральной ассамблеи партии) объявил о своей отставке. «Горран» заняло третью позицию, потеряв почти половину своих мест, из-за чего подверглась жесткой критике.

Движение «Горран» планировало после оглашения результатов выборов провести свой съезд для того, чтобы пересмотреть работу своей партии. 9 ноября партия «Патриотический союз Курдистана» (ПСК) опубликовала заявление, в котором сказано, что к ней вернулись около 4000 членов, сторонников и избирателей «Горран»¹³. Вслед за тем делегация ДПК провела встречу «Горран» для того, чтобы обсудить формирование будущего правительства Иракского Курдистана. Никакие решения не были приняты, однако переговоры обе стороны назвали «позитивными». ДПК считает, что «Горран» должно принять участие в правительстве, однако решение принимать будет Национальное собрание партии.

Партия «Исламская группа Курдистана» (ИСК) объявила, что не будет принимать участия в новом правительстве Иракского Курдистана из-за плачевных результатов партии на недавних парламентских выборах. Партия продолжит свою политическую деятельность в качестве оппозиционной, чтобы противостоять коррупции и помочь в проведении реформ.

Иракский Курдистан переживает финансовый кризис из-за борьбы против ИГ, в результате чего произошел приток почти двух миллионов беженцев и внутренне перемещенных лиц в Курдистан, международное падение цен на нефть и т.д. В связи со сложившейся ситуацией Региональное правительство Курдистана стремится сократить число министерств почти наполовину в попытке сократить расходы и улучшить услуги. В настоящее время в Курдистане действуют 19 министерств с несколькими департаментами и комиссиями. Однако вопрос должен быть изучен прежде, чем будет принято какое-то решение, так как могут появиться непредвиденные последствия. До сих пор ни одна партия в Курдистане не выступила против этой идеи. Начиная с 2014 года.

Таким образом, очередные парламентские выборы в Республике Ирак и в Курдском автономном районе в целом прошли в достаточно конкурентной борьбе. Не смотря на результаты (см. Таблица 1 и 2) выборы не решат накопившихся в Ираке и Иракском Курдистане проблем, которые ещё долго будут угрожать стабильному существованию Иракского государства.

Таблица 2

**Результаты парламентских выборов
в Иракском Курдистане в 2018 г.**

№	Партия	Голоса избирателей	Мест в кабинете
1	Демократическая партия Курдистана (ДПК)	688 000	45
2	Патриотический союз Курдистана (ПСК)	319 000	21
3	Движение за перемены («Горран»)	186 000	12
4	Новое поколение	127 000	8
5	Исламская группа Курдистана	109 000	7
6	За реформы	79 000	5
7	...		

Источник: Fondation-Institut kurde de Paris. The final results of the parliamentary elections in Kurdistan. <https://www.institutkurde.org/en/info/the-final-results-of-the-parliamentary-elections-in-kurdistan-1232551449.html>

Иракское общество так и не преодолело раскол после свержения Саддама Хусейна. Наглядным примером служит проведенный иракскими курдами референдум в сентябре 2017 г. Несмотря на его провал, курдский фактор ещё долго будет служить препятствием для устойчивого развития Ирака. Поэтому, иракское правительство очень заинтересовано в поддержке курдских партий и курдского правительства.

¹ Iraq: Election results within two days, turnout at record low. 13.05.2018, URL: <https://www.aljazeera.com/news/2018/05/iraq-election-results-days-turnout-record-180513061807758.html>

² Polls close across Iraq in first vote since victory over ISIS. 12.05.2018, URL: <https://www.usatoday.com/story/news/world/2018/05/12/iraq-election-first-vote-since-victory-over-isis/604737002/>

³ IRAQI CONSTITUTION. Section three. Federal powers. First: The Council of Representatives. Article 49.4. URL: <https://wipolex.wipo.int/en/text/230000>

⁴ Взрыв в Киркуке: трое погибших. 12.05.2018, URL: https://kurdistan.ru/2018/05/12/news-32613_Vzryv_v_Kirkuke_troe_pogibshih.html

⁵ Catastrophic low turnout in Kirkuk a big betrayal: PUK. 12.05.2018, URL: <http://www.rudaw.net/english/kurdistan/120520184>

⁶ Выборы после ИГИЛ. Сможет ли Ирак выйти из-под влияния Терерана. 20.06.2018, URL: <https://carnegie.ru/commentary/76623>

⁷ Iraq announces final results of parliamentary elections after manual recount. 10.08.2018, URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-08/10/c_137379859.htm

⁸ PM Barzani: a Bright Future Awaits Kurdistan. 19.07.2018, URL: <https://search4dinar.wordpress.com/2018/07/19/pm-barzani-a-bright-future-awaits-kurdistan/>

⁹ Polls close in Kurdish parliamentary election. 30.09.2018, URL: <https://www.aljazeera.com/news/2018/09/iraq-kurds-vote-parliamentary-election-180930053256161.html>

¹⁰ Высшая независимая избирательная комиссия по выборам и референдуму Южного (Иракского) Курдистана.

¹¹ The final results of the parliamentary elections in Kurdistan. 31.10.2018, URL: <https://www.institutkurde.org/en/info/the-final-results-of-the-parliamentary-elections-in-kurdistan-1232551449.html>

¹² Курдский депутат: Кубад Талабани перестанет занимать пост вице-премьера Курдистана. 07.10.2018, URL: <http://riataza.com/2018/10/07/kurdskiy-deputat-kubad-talabani-perestanet-zanimat-post-vitse-premera-kurdistan/>

¹³ PUK: Nearly 4,000 Gorran Supporters Returned. 10.11.2018, URL: <http://www.basnews.com/index.php/en/news/kurdistan/479088>

И. Е. Федорова*

ИРАН И ИРАКСКИЙ КУРДИСТАН

Резюме: Курдский автономный район занимает особое место во внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности Исламской Республики Иран. Здесь сконцентрированы геополитические интересы Тегерана. Политика Ирана носит прагматический характер. С одной стороны, Иран поддерживает дружеские отношения с Багдадом, с другой – стремится расширить свое влияние на лидеров Иракского Курдистана. Такая позиция дает возможность иранским политикам выступать в качестве посредников в переговорном процессе между лидерами Иракского Курдистана и центральным правительством Ирака. Состояние отношений правительства ИРИ с руководством Иракского Курдистана оказывает непосредственное влияние на деятельность националистических курдских партий и группировок на территории Ирана и может способствовать стабилизации внутривнутриполитической ситуации в ИРИ.

Ключевые слова: Иран, Иракский Курдистан, Нерчиван Барзани, референдум о независимости Курдистана, К. Сулеймани.

Summary: Kurdistan Region of Iraq plays an important role in foreign and economic policy of Iran. Iranian policy is highly pragmatic. On the one hand Iran maintains good relations with Bagdad, on the other hand seeks to have deeper relations with the leaders of Iraqi Kurdistan. This stance enables Tehran to act as a mediator in talks between central government of Iraq and Iraqi Kurdistan. The state of relations between Iranian government and the authorities of Iraqi Kurdistan exert influence on the activity of Kurdish parties and military-political groupings on the Iranian territory and can contribute to the stabilization of internal situation in Iran.

Key words: Iran, Iraq, Kurdistan Region of Iraq, N. Barzani, Q. Soleimani.

* Федорова Ирина Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН

Курдский автономный район Ирака, расположенный на границе Исламской Республики Иран (ИРИ) и Республики Ирак, занимает особое место в парадигме ирано-иракских отношений. Здесь сконцентрированы непосредственные геополитические и экономические интересы Тегерана. Тесные связи Ирана с Иракским Курдистаном приводят к тому, что 38 % иранского экспорта идет в Ирак через его территорию¹, а товарооборот между ними оценивается экспертами в 2,5 млрд долл. Это составляет примерно треть от общего ирано-иракского торгового оборота (8 млрд долл.)² и выводит Иран на второе место среди региональных торговых партнеров Иракского Курдистана после Турции. Помимо этого, богатый нефтью регион (считается, что он занимает 6-е место в мире по ее запасам) привлекателен для иранских инвестиций.

Территория Иракского Курдистана имеет большое значение при разработке проектов поставок иранского газа в Европу. Именно через земли иракских курдов должен был пройти газопровод из иранской части месторождения Южный Парс в Сирию к побережью Средиземного моря, о строительстве которого Иран, Ирак и Сирия подписали меморандум 25 июля 2011 г. Стоит отметить, что гражданская война в Сирии стала разрастаться во многом после того, как Б. Асад выбрал этот проект, отказавшись от проекта, предложенного Катаром.

Помимо экономической заинтересованности Ирана в Иракском Курдистане немаловажную роль при формировании политики Тегерана играют соображения безопасности и противостояния силам «Исламского государства» (ИГ) (запрещено в РФ). По территории Курдского автономного района Ирака протекает сухопутная дорога из Ирана в Сирию и далее в Ливан, которая имеет ключевое значение для связи Ирана с его союзниками на Ближнем Востоке, в первую очередь с руководством Сирии и «Хезболлой». Кроме того, курдские военизированные формирования пешмерга, насчитывающие около 150 000 бойцов³, являются важным противовесом влиянию ИГ в регионе и создают препятствия для проникновения боевиков этой организации на территорию Ирана.

Однако наряду с геополитическими возможностями и экономическими перспективами, которые открываются Ирану при

условии полнокровного развития отношений с Иракским Курдистаном, в этом регионе кроется немало вызовов для Тегерана. Особую озабоченность руководства ИРИ вызывают националистические амбиции курдов, традиционные районы проживания которых сконцентрированы по обе стороны границы между двумя государствами. В ИРИ – это провинции Западный Азербайджан, Курдистан, Илам и Керманшах. В этой связи внимание Тегерана сфокусировано на деятельности курдских националистических и политических организаций и группировок, базирующихся в Иракском Курдистане и стоящих за трансграничными конфликтами и террористическими атаками на территории Ирана, в частности особое беспокойство вызывает деятельность «Партии свободной жизни Курдистана» (ПСЖК), которая существует с 2004 г. и имеет тесные связи с Рабочей партией Курдистана в Турции, считая Абдуллу Оджалана своим идейным лидером. Официально партия ведет борьбу за предоставление автономии курдским областям Ирана, за демократизацию иранского общества, за политические и культурные права религиозных и этнических меньшинств и женщин. При этом боевое крыло этой партии «Самооборона Восточного Курдистана» (СВК, HRK), признанное террористической организацией как в Иране, так и в Турции, активно действует с целью дестабилизации внутривосточной ситуации в ИРИ. По мнению иранских аналитиков, руководство СВК получает финансовую помощь от спецслужб США и Израиля, а силы безопасности Иракского Курдистана – «Асаиш» – традиционно поддерживают военные связи с Израилем и сотрудничают с его спецслужбами.

Озабоченность Тегерана имеет вполне конкретные основания. Вашингтон и Тель-Авив имеют устойчивые финансовые и экономические связи с иракскими курдами и давно разыгрывают так называемую «курдскую карту». Под этим подразумевается, что части территорий в Иране, Ираке, Сирии и Турции, населенные курдами со временем образуют новое государство Курдистан, которое будет препятствовать распространению влияния ИРИ на Ближнем и Среднем Востоке⁴.

Для достижения своих целей и усиления влияния в Иракском Курдистане Тегеран работает в самых различных направ-

лениях. Его политика гибкая и прагматичная. Он поддерживает отношения с самыми различными политическими силами, зачастую стоящими на противоположных позициях.

В первую очередь руководство ИРИ опирается на центральное правительство в Багдаде и шиитское большинство в парламенте Ирака. Так, с помощью иранских властей и при существенной поддержке Корпуса стражей исламской революции (КСИР) в июне 2014 г. были сформированы Силы народной мобилизации Ирака – Хашд-аль-Шааби, подчиняющиеся главнокомандующему вооруженными силами – премьер-министру Ирака. Они насчитывают около 100 тыс. человек и состоят в основном из шиитских вооруженных формирований, предназначенных в первую очередь для борьбы с боевиками Исламского государства и входят в состав вооруженных сил Ирака. Однако, учитывая серьезное финансирование со стороны ИРИ (по некоторым данным, оно составляет до 80%)⁵, бойцы Хашд-аль-Шааби служат инструментом продвижения иранского влияния и противовеса силам пешмерга. С другой стороны, Иран поддерживает контакты с руководством обеих основных политических партий Иракского Курдистана – Патриотическим союзом Курдистана (ПСК) и Демократической партией Курдистана (ДПК), несмотря на то что у обеих партий существуют достаточно тесные связи с США. В Тегеране находится представитель регионального правительства Курдистана Назем Даббага (одновременно являющийся членом ПСК), который работает над развитием связей Ирана с Иракским Курдистаном и способствует смягчению возникающих противоречий⁶.

Событием, определившим важнейшие реперные точки политики Ирана в Иракском Курдистане стал референдум о независимости Иракского Курдистана, проведенный 25 сентября 2017 г. Референдум вызвал крайнюю озабоченность Тегерана. Руководство Ирана опасалось, что провозглашение независимого курдского государства и последующий за этим выход Курдского автономного района из состава Республики Ирак станет прямой угрозой целостности Ирана. Помимо этого, отделение курдских районов от Ирака может стать катализатором выхода курдских районов из состава Сирии, в результате чего оба союзных Ирану государства ослабеют. Существенным фактором, повлиявшим на жесткую

позицию Тегерана в отношении референдума в Иракском Курдистане, стала позиция Израиля – единственной страны, признавшей результаты референдума и поддержавшей создание независимого курдского государства⁷. Поэтому руководство ИРИ не признало результаты референдума, выступив за территориальную целостность Ирака и сохранение во многом лояльного к нему режима в Багдаде. В своих выступлениях Верховный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи отмечал, что референдум являлся результатом заговора зарубежных государств, направленным на усиление позиций США и Израиля в регионе⁸. А министр иностранных дел Ирана Мохаммад Джавад Зариф во время выступления в Нью-Йорке подчеркнул, что референдум в Иракском Курдистане будет иметь катастрофические последствия не только для Ирака и соседних с ним стран, но и для всего региона в целом⁹.

Референдум по независимости Иракского Курдистана вызвал серьезное беспокойство не только у Тегерана, но и у Анкары. Это привело к сближению позиций двух стран и выработке согласованных действий по этому вопросу. Руководство Ирана на встречах с президентом Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом сфокусировало внимание на том, что правительства Ирака, Ирана и Турции обязаны сделать всё возможное, чтобы противостоять образованию курдского независимого государства, незамедлительно приняв соответствующие серьёзные меры¹⁰.

После референдума Тегеран действовал весьма решительно. Багдаду была направлена военная и финансовая помощь, перекрыта граница с Курдским автономным районом Ирака, закрыто воздушное пространство для самолетов, следующих в Иракский Курдистан или вылетающих оттуда, и введен временный запрет иранским компаниям на транспортировку нефтепродуктов в Иракский Курдистан и из него. Одновременно Корпус стражей исламской революции начал учения сухопутных войск с участием артиллерии воздушно-десантных и бронетанковых подразделений на границе с Ираком. А в конце сентября – начале октября 2017 г. в Северный Ирак вошли части специального назначения Корпуса стражей исламской революции «Кодс» под руководством генерал-майора Касема Сулеймани, которые вместе с иракской армией и Хашд-аль-Шааби приняли участие в

вытеснении курдских формирований из провинции Киркук и района вокруг Мосула¹¹.

Важно отметить, что в напряженной ситуации, сложившейся в Ираке после референдума, Тегеран использовал не только экономическое, военное и политическое давление на руководство Эрбиля, но и предпринял серьезные дипломатические усилия, направленные на достижение договоренностей между противоборствующими сторонами. Сразу после референдума посол Ирана в Ираке Ирадж Масджеди заявил, что Тегеран поможет региональному правительству Курдистана вернуться к переговорам и найти решение длительных споров с правительством Ирака. Особую важность этому заявлению придавало то, что Исламская Республика Иран явилась единственной страной, которая немедленно высказала готовность выступить посредником.

Роль посредника сыграл уже упоминавшийся генерал-майор К. Сулеймани. Во многом благодаря его усилиям было подписано соглашение между Хади аль-Амири (главой коалиции поддерживаемых Ираном фракций Хашд-аль-Шааби) и Бафелем Ат-Талабани (членом политбюро Патриотического союза Курдистана) под руководством премьер-министра Ирака Хайдера аль-Абади о перемирии и заморозке результатов референдума. А 14 ноября 2017 г. правительство Иракского Курдистана сообщило о том, что признает вердикт Верховного суда Ирака о незаконности референдума о независимости Курдистана. Роль Ирана в переговорах была высоко оценена представителем правительства Курдистана в Иране. Н. Даббага подчеркнул, что он приветствует стремление Тегерана решить спорные вопросы между правительством Ирака и Иракским Курдистаном на основе иракской конституции, особо отметив усилия К. Сулеймани, который «честно относится к иракским курдам».

Сыграв существенную роль в урегулировании отношений Багдада и Иракского Курдистана, Тегеран продолжил уделять большое внимание связям с этим регионом. 22 января 2018 г. делегация регионального правительства Курдистана (КРГ) во главе с премьер-министром Нечирваном Барзани прибыла в ИРИ и провела встречи с председателем Меджлиса Али Лариджани президентом Хасаном Роухани и главой Высшего совета по

национальной безопасности Али Шамхани. Приезд Н. Барзани в Тегеран во многом объяснялся стремлением более тесно сотрудничать с Ираном – не только посредником при решении вопросов с правительством Ирака, но и реальным контрбалансом своей зависимости от США. Необходимость такого противовеса возросла, когда Вашингтон и страны Евросоюза проявили молчаливое согласие с вытеснением курдских отрядов из Киркука. А Ангела Меркель 18 декабря 2018 г., не высказавшись в поддержку результатов референдума в Иракском Курдистане, лишь призвала к мирному решению противоречий между Эрбилем и Багдадом¹². Необходимость достижения модуса вивенди с руководством Ирана диктовалась и стремлением получить иранские инвестиции для развития региона.

Во время переговоров Н. Барзани с руководством Ирана самым болезненным вопросом стало обсуждение деятельности курдских террористических организаций, базирующихся на территории Иракского Курдистана. Усиление их активности и увеличение количества трансграничных атак было вызвано рядом обстоятельств. Во-первых, правительство Иракского Курдистана разрешило Курдской демократической партии Ирана разместить членов своих военизированных формирований недалеко от границы с Ираном, с целью консолидации курдских сил в борьбе против ИГ. Во-вторых, накануне визита Н. Барзани в Тегеран пять основных курдских иранских партий вместе с силами пешмерга образовали координационный центр для объединения усилий по отстаиванию интересов курдского населения Ирана. Помимо этого, особое беспокойство Тегерана вызвало не только усиление террористической деятельности, но и наличие спящих ячеек националистических курдских организаций в иранских городах, так называемой «городской пешмерги», находящихся в резерве организаций, запрещенных в Иране. Али Шамхани жестко поставил вопрос о том, что правительство Курдской автономии должно принять меры к прекращению их деятельности, назвав это «красными линиями» иранского правительства при осуществлении сотрудничества с Иракским Курдистаном.

Стоит отметить, что, несмотря на обещания Н. Барзани не допустить угроз Ирану с территории Иракского Курдистана, дея-

тельность этих организаций в Иране продолжилась. По сообщениям Jerusalem Post, боевые фракции КДПИ продолжили свою деятельность и поддержали протесты, охватившие Тегеран и другие города в 2018 г. А в начале июля бойцы пешмерга Демократической партии Иранского Курдистана спустились с гор в населенный курдами город Мариван. По мнению генерального секретаря КДПИ Мустафы Хиджри, это означало, что уровень присутствия в Иране военизированных группировок, зачастую неподконтрольных руководству Иракского Курдистана, но имеющих отношение к КДПИ, резко возрос¹³. Это стало поводом для Корпуса стражей исламской революции нанести в сентябре 2018 г. ракетный удар по штабу Демократической партии Иранского Курдистана, находящемуся на территории Ирака. Таким образом, напряженность в отношениях между руководством ИРИ и рядом курдских партий и группировок как на территории Ирана, так и за рубежом продолжает оставаться важным фактором, оказывающим влияние на внутреннюю и внешнюю политику Тегерана.

Подводя итоги вышесказанному, представляется возможным сделать следующие выводы. Иракский Курдистан занимает важное место в парадигме иранской внешней политики. В нем сфокусированы интересы не только стран региона, но и важнейших глобальных игроков. Заинтересованность Тегерана и Иракского Курдистана в развитии взаимовыгодных экономических отношений не может получить свою полную реализацию из-за сложной, неурегулированной обстановки в Иракском Курдистане, где сталкиваются противоречивые интересы различных политических партий и группировок. Руководство ИРИ в этой ситуации, проявляя большую гибкость, стремится расширить свое влияние в этом автономном районе Ирака и использует самые различные варианты давления: военные, политические, экономические и дипломатические.

¹ Интернет-сайт «REGNUM» ФАН – URL: <https://regnum.ru/news/2583205.html> (дата обращения – 12.12.2018).

² Интернет-сайт «REGNUM» ФАН – URL: <https://regnum.ru/news/2590629.html> (дата обращения – 13.01.2019).

- ³ Интернет-сайт «Военное обозрение» ИП – URL: <https://topwar.ru/60978-armiya-nezavisimogo-kurdistana.html> (дата обращения – 20.01.2019).
- ⁴ Интернет-сайт «BBC News» – URL: <https://www.bbc.com/russian/news-41251860html>. (дата обращения – 03.03.2019).
- ⁵ Интернет-сайт «National Interest» – URL: <https://nationalinterest.org/blog/the-buzz/big-questions-irans-great-iraq-game-17780.html> (дата обращения – 19.01. 2019).
- ⁶ Интернет-сайт «Ria Taza» – URL: <http://riataza.com/2018/07/18/ofitsialnyi-predstavitel-psk-iran-ne-stoit-za-demonstratsiyami-v-irake/>.html (дата обращения – 01.02.2019).
- ⁷ Интернет-сайт РИА «Россия сегодня» – URL: <https://russian.rt.com/world/article/430066-kurdistan-izrail-referendum.html> (дата обращения – 18.01.2019).
- ⁸ Интернет-сайт «ТАСС» – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4618177.html> (дата обращения – 03.02.2019).
- ⁹ Интернет-сайт «РИА НОВОСТИ» – URL: <https://ria.ru/20170718/1498662161.html> (дата обращения – 28.01-19).
- ¹⁰ Интернет-сайт «ТАСС» – URL URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4618177.html> (дата обращения – 13.12.2018).
- ¹¹ Интернет-сайт РИА «Россия сегодня» – URL: <https://russian.rt.com/world/article/440248-kurdy-irak-operatsiya.html> (дата обращения – 14.01.2019).
- ¹² Интернет-сайт «Ria Taza» – URL: <http://riataza.com/2017/12/18/nechirvan-barzani-i-angela-merkel-proveli-zasedanie-v-berline/>.html (дата обращения – 02.02.2019).
- ¹³ Интернет-сайт «Ria Taza» – URL: <http://riataza.com/2018/07/06/iranskie-kurdi-gotovyi-vyistupit-protiv-islamistskogo-rezhima/>.html (дата обращения – 15.09.2018).

Н. З. Мосаки*

К ВОПРОСУ О РЕГИОНАЛЬНОЙ ГЕОЭКОНОМИКЕ: ПРОИЗВОДСТВО МЁДА В ИРАКСКОМ КУРДИСТАНЕ

Резюме: В статье анализируются некоторые экономические аспекты производства продукции пчеловодства в Иракском Курдистане. Отмечены районы, вносящие наибольший вклад в эту отрасль сельского хозяйства. Представлены показатели объёма пчеловодческой продукции. Рассмотрены факторы, препятствующие развитию пчеловодства. Показано, что важное влияние на развитие пчеловодческой отрасли в этом регионе оказывает продукция, поступающая из Турции и Ирана, отличающаяся своей дешёвой и низким качеством. В этих условиях весьма перспективным направлением с учётом любительского (непромышленного) характера занятий курдистанских пчеловодов видится формирование бренда дорогого горного органического курдистанского мёда.

Ключевые слова: мёд, пчеловодство, Иракский Курдистан, Турция, Иран.

Summary: The article analyzes some economic aspects of the production of beekeeping in Iraqi Kurdistan. The areas making the greatest contribution to this branch of agriculture are noted. Presents indicators of the volume of apicultural products. The factors that hinder the development of beekeeping are considered. It is shown that an important influence on the development of the beekeeping industry in this region is provided by products importing from Turkey and Iran, which is distinguished by its low cost and low quality. In these conditions, a very promising direction, taking into account the amateur (non-industrial) nature of the Kurdistan beekeepers, seems to be the formation of a brand of expensive mountain organic Kurdistan honey.

Key words: Honey, Beekeeping, Iraqi Kurdistan, Turkey, Iran

* Мосаки Ногар Зейналович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН

Власти Иракского Курдистана¹ регулярно заявляют о важности сельского хозяйства для развития экономики региона. При этом нередко речь идёт даже о весьма амбициозной задаче «перейти на полное обеспечение местными продовольственными продуктами и фактически прекращения импорта продовольствия и фруктов»².

Надо отметить, что правительство региона осуществляло определённые мероприятия, направленные на поддержку местных сельхозпроизводителей. Так, ещё в 2007 г. Министерство сельского хозяйства Курдистана объявило о начале программы поддержки местных фермеров. 10 тыс. сельскохозяйственных производителей начали получать субсидии, в летний период были увеличены тарифы на импортные продукты питания, а импорт ряда продуктов (помидоры, огурцы, виноград, персики и груши) и вовсе был запрещён. Планировалось, что в рамках первого этапа осуществления программы должны были увеличиться объёмы производства продукции и повышен уровень качества местной продукции. В рамках второго этапа предусматривалось достижение самодостаточности в обеспечении сельскохозяйственной продукцией местного производства; в рамках третьего этапа Курдистан должен был стать экспортёром сельскохозяйственной продукции. Продолжительность этого плана была рассчитана на 10 лет³. При этом 2009 и 2010 гг. были объявлены руководством Курдистана годами поддержки сельского хозяйства⁴.

Тем не менее, не вдаваясь в подробности, необходимо отметить, что спустя более чем два десятилетия фактической независимости Курдистана от центральных властей Ирака и несмотря на различные мероприятия и усилия властей намерения по самообеспечению настолько далеки от реальности, что в них, похоже, не верят и сами курдистанские власти. На местном рынке наблюдается почти полное доминирование импортного продовольствия.

В этом смысле весьма интересным представляется рассмотрение развития пчеловодства в Иракском Курдистане, которое является традиционной отраслью сельского хозяйства этого региона, широко известного производством мёда, его высоким качеством и вкусом, обусловленным разнообразием флоры и горным происхождением (на горных пастбищах и кочевьях). Это

относится и к курдским регионам сопредельных государств. Горные пастбища Курдистана, покрытые полевыми цветами, являются идеальным климатом для пчеловодства⁵.

Ирано-иракская война и последовавшие за ней события в Ираке в начале 90-х гг., междоусобная война между крупнейшими южнокурдистанскими партиями, вторжения турецких войск под предлогом преследования повстанцев Партии рабочих Курдистана (ПРК), международное эмбарго в отношении Ирака и эмбарго иракских властей против Курдистана привели к глубокому социально-экономическому кризису и резкому уменьшению сельскохозяйственного производства в Курдистане.

В частности, резко уменьшилось количество пчелосемей и производство мёда. Однако после прекращения гражданской войны и помощи в рамках программы «Нефть в обмен на продовольствие» экономика Иракского Курдистана несколько стабилизировалась. Уже к концу 1990-х – началу 2000-х гг. производство мёда в Курдистане составляло около 200–300 т. В 2008 г. этот показатель достигал пика за предыдущие 30 лет, составив 650 т, но в следующем году снизился до 550 т, что было обусловлено экологическими (пыльные бури) и экономическими причинами – приобретение арабскими фермерами с юга и центра Ирака при финансовой поддержке Министерства сельского хозяйства страны ульев в Курдистане и снятие властями Курдистана запрета на импорт иностранного мёда⁶, в результате чего недорогой мёд из Турции, Ирана⁷ и Египта, объём производства которого составляет в каждой из этих стран несколько десятков тысяч тонн в год, хлынул на рынок Иракского Курдистана. В 2011 г. производство мёда в Иракском Курдистане ещё больше уменьшилось и составило 400 т⁸.

Курдистанские власти в рамках поддержки сельского хозяйства оказывали некоторую помощь развитию пчеловодства и выходу его продукции на мировые рынки. Так, в 2008 г. в Дубай было отправлено 42 т курдистанского мёда⁹. Производимый в регионе мёд планировалось упаковывать в специальные ёмкости, на которых предполагалось проставлять «марку» Курдистана¹⁰, т. е. фактически речь шла о создании курдистанского медового бренда. В курортно-туристическом районе Шаклава (провинция

Эрбиль) предполагалось открытие предприятия по производству мёда с прогнозируемым объёмом на уровне 1,2 тыс. т в год¹¹. В регионе при поддержке властей начали регулярно проводиться фестивали мёда¹². Однако осуществляемые регулярно Турцией бомбардировки районов, представляющих форпосты ПРК в Иракском Курдистане (некоторые районы провинции Дохук на северо-западе Иракского Курдистана¹³ и района Кандиль¹⁴ на турецко-иранско-иракской границе), и Ираном приграничных районов в провинции Сулеймания негативно влияли на развитие пчеловодства в регионе, поскольку именно эти территории были традиционным местом его развития. Так, в Кандиле в 2014 г. имелось около 20 тыс. улей и было произведено около 80 т мёда, однако после бомбардировок позиций ПРК в сентябре 2015 г. объём производства мёда снизился в 2–3 раза¹⁵.

Количество пчеловодов в Курдистане составляет около 10 тыс. человек (из них имеющих профессиональные знания – лишь около 100), численность пчелосемей – 350–500 тыс. (выросла с 151 тыс. в 2001 г. и 250 тыс. в 2013 г.). Производство мёда в 2014–2016 гг. составляло 650–850 т, что удовлетворяло спрос местного населения примерно на 60%. Потребление мёда в Курдистане в этот же период составляло около 1,35 тыс. т в год¹⁶. Однако в 2017 г. производство мёда в Иракском Курдистане уменьшилось на 60% – до 400 т¹⁷, а по другим данным, даже до 100 т¹⁸, что, как представляется, слишком занижено и отражает, скорее, полную неразбериху со статистикой, поскольку тот же источник утверждал, что лишь в провинции Дохук в 2017 г. было произведено 136 т мёда¹⁹. Тремя основными причинами этого падения назывались сильные дожди весной 2017 г., бомбардировки соседних государств и невозможность для местных производителей выдержать конкуренцию с импортной продукцией. Так, импортный мёд продавался в Иракском Курдистане по цене около 6 тыс. динаров (\$5), в то время как местные производители предлагали его по цене от 30 тыс. динаров (\$25), а особые сорта – по 120 тыс. динаров (\$100)²⁰. В связи с этим даже тот небольшой объём производимого мёда, который имеется в Южном Курдистане, не всегда находил сбыт. Южнокурдистанские пчеловоды обращались с просьбой к властям запретить

импорт мёда из других стран и оказать содействие в реализации имеющихся запасов²¹.

Хотя в целом население Иракского Курдистана мало потребляет мёд (регулярно питаются мёдом около 10%, и то преимущественно импортным), курдистанский мёд пользуется популярностью и в небольшом количестве вывозится в остальную часть Ирака и экспортируется в другие арабские страны (в первую очередь в нефтяные монархии Персидского залива).

В 2009 г. мед из Иракского Курдистана был представлен на 41-м международном конгрессе Апимондии и получил весьма высокую оценку. Производители мёда из Курдистана регулярно участвуют в фестивалях меда, проводимых в арабских странах. В 2015 г. курдистанский мёд был признан в числе лучших на Конгрессе арабских пчеловодов в Неджефе, в 2017 г. – на Конгрессе пчеловодов арабских и средиземноморских стран в Египте²² и на одной из выставок в Дубае²³, а в 2018 г. – на конгрессе в Бейруте. В 2019 г. Конгресс пчеловодов планируется провести в Эрбиле²⁴.

Следует отметить, что до захвата и разорения в августе 2014 г. территории населённого преимущественно езидями Синджара²⁵ (не входит в административные границы Региона Курдистан, но курдистанские власти претендуют на него) и этот район славился своим мёдом. В Синджаре было около 300 пчеловодов, ныне – всего лишь несколько человек; производство мёда составляло 120–180 т в год, ныне – 8–15 т в год. Примечательно, что 2017 г. на Конгрессе пчеловодов арабских и средиземноморских стран в Египте в числе лучших был отмечен мёд синджарского пчеловода²⁶.

Однако несмотря на высокое качество курдистанского мёда, его производители так и не смогли составить какую-либо конкуренцию импортной продукции, в основном из Турции и Ирана. Курдистанские пчеловоды, выражая своё недовольство импортным мёдом, призывали власти проводить жёсткую протекционистскую политику – ограничить его ввоз или, ещё лучше, ввести запрет на импорт. Глава Союза пчеловодов Ариф Шервани заявлял, что ввозимый в Иракский Курдистан мед из Ирана представляет собой сахарный мед. Хотя производимый в Иракском

Курдистане мёд вследствие природных условий очень высокого качества, из-за дороговизны он не находит спроса, а местное население по причине дешевизны предпочитает иранский мед²⁷. Стоимость горного мёда составляет около 80 тыс. иракских динаров (64 долл.)²⁸.

В этом смысле для понимания перспектив и конкурентных возможностей пчеловодства в Курдистане представляется целесообразным привести некоторые данные, касающиеся этой отрасли в Иране и Турции, а точнее – в компактно населённых курдами регионах этих стран, прилегающих к Иракскому Курдистану и условно обозначаемых как «Турецкий Курдистан» и «Иранский Курдистан». Именно на эти регионы приходится большая часть импортируемой пчеловодческой продукции как в Иракский Курдистан, так и Ирак в целом, при этом Иранский и Турецкий Курдистан имеют практически сходные природно-географические характеристики с Иракским Курдистаном.

Турция

Восточная и Юго-Восточная Анатолия (Турецкий Курдистан) являются важными центрами производства мёда в Турции²⁹. В 2005 г. производство мёда в Восточной Анатолии составляло 17% от общетурецкого показателя, или 14,2 тыс. т, в том числе в Эрзуруме – 3068 т, Ване³⁰ – 2354 т, Эрзинджане – 1336 т, Карсе³¹ – 1069 т, Бингёле³² – 1005 т, Элязыге – 1004 т, Хакяри – 803 т, Тунджели – 791 т, Малатье – 739 т, Битлисе – 738 т, Ардагане – 476 т, Муше – 467 т, Агри³³ – 141 т, Игдире – 125 т³⁴. В настоящее время этот регион даёт около 20 тыс. т ежегодно. Благоприятные условия для производства меда отмечаются в районе Приараксья Восточной Анатолии³⁵. Важное значение провинций и районов высокогорных плато Восточной Анатолии широко отмечается в различных исследованиях, посвященных производству мёда в Турции³⁶. Таким образом, в Иракском Курдистане с населением в почти 5 млн человек производится примерно такой же объём мёда, какой приблизительно наблюдается, например, в Муше, Битлисе³⁷, Хакяри³⁸ или Тунджели (Дерсим)³⁹, которые являются одними из наиболее отсталых провинций Турции с населением, соответственно, в 10, 15, 20 и 50 раз меньше, чем в Иракском Кур-

дистане. Примечательно, что в Муше лишь один фермер производит 60 т, то есть около 10% всего производства мёда Иракского Курдистана, вывозя его в турецкие мегаполисы⁴⁰. Однако в ряде провинций Турции объём производства мёда сокращается. Так, в 2017 г. в Тунджели (Дерсиме) было произведено 600 т мёда (что на четверть меньше показателя 2005 г.), однако в 2018 г. планировалось произвести лишь 300 т⁴¹.

Важным регионом производства мёда является Юго-Восточная Анатолия, где производится мёд особо высокого качества⁴². В Диярбакыре объём производимого мёда в 1995–2015 гг. вырос более чем в 13 раз – со 130 до 1732 т, в то время как в целом в Турции – в 1,6 раза, что позволило увеличить долю Диярбакыра в Турции с 0,2 до 1,6%⁴³. В основном в регионе Проекта Юго-Восточной Анатолии (ПЮВА, тур. GAP) производится хлопковый мёд (в Мардине, Диярбакыре, Шанлыурфе⁴⁴, Газиантепе, что связано с наличием огромных хлопковых плантаций в этих провинциях⁴⁵). Однако в этих районах из-за сильной жары производство мёда всё же невелико, и основная часть мёда производится в восточной части Юго-Восточной Анатолии, где климат схож с Восточной Анатолией⁴⁶ и с северной частью провинции Дохук Иракского Курдистана. Особенно известны своим мёдом Ширнак⁴⁷, район Сасон, который входит ныне в провинцию Батман (ранее входил в Сирт)⁴⁸, провинция Сирт⁴⁹.

Примечательно, что в Турецком Курдистане производится лишь цветочный мёд, что объясняется богатством флоры, в то время как в остальной части Турции (особенно на западе и в Присредиземноморье) широко распространён падевый⁵⁰.

Турецкие власти оказывают пчеловодам ощутимую поддержку, благодаря чему Турция стала одним из мировых лидеров в этой области. В рамках проекта развития органического земледелия ПЮВА турецкими властями осуществляется поддержка развития пчеловодства⁵¹. «Экономическая комиссия» ПРК (которая в ряде районов Турецкого Курдистана является через аффилированные партии местной властью) также заявляет о своей поддержке населению в садоводстве и пчеловодстве⁵², однако очевидно, эти действия являются обычной пропагандой и вряд ли могут быть сопоставимы с усилиями турецких властей.

Некоторый ущерб производству мёда на территории Турецкого Курдистана наносят боевые действия между турецкой армией и ПРК, в результате чего наносятся повреждения ульям⁵³. Многие районы Турецкого Курдистана, в основном пастбища, турецкие власти объявили «зоной безопасности», ограничив доступ туда жителей, что также препятствует пчеловодству⁵⁴. Строительство крупных гидрообъектов и последовавшее за этим изменение экологии и ботаники также нанесло ущерб местным пчеловодам. Так, сооружение крупных ГЭС в Хакяри привело к изменению стока реки Заб и осушению некоторых районов⁵⁵. Планируемое сооружение нескольких ГЭС в Сиирте приведёт к изменению флоры района и, соответственно, уничтожению местных сортов меда⁵⁶. Кроме того, определённые трудности турецкие производители мёда, особенно на границе с Ираном (в терминах курдского национализма – на северокурдистанско-восточнокурдистанской границе), испытывают из-за конкуренции иранского мёда, утверждая то же самое, что и пчеловоды Иракского Курдистана: хотя он весьма низкого качества, но из-за низкой стоимости находит сбыт в Турции⁵⁷. Однако турецкие предприниматели извлекали огромные прибыли из ввозимого в Турцию иранского мёда. В связи с отсутствием соответствующей упаковки, брендинга и более слабой, чем у Турции, торговой сети торговцы ввозили дешёвый иранский мёд, переупаковывали и перепродавали его в 5–6 раз дороже⁵⁸.

Следует отметить, что огромный промышленный рост объёмов производства мёда не мог не сопровождаться снижением его качества. В начале нулевых годов экспорт мёда из Турции достиг 12 тыс. т, однако в связи с обнаружением остатков антибиотиков и других «загрязнителей» резко обвалился (в 10 раз)⁵⁹. Кроме того, в Турции остро стоит проблема фальсификации мёда (подмешивание в него глюкозы, фруктозы и сахарного сиропа) на этапе его промышленной переработки и маскировка мёда низкого качества под известные бренды, в результате чего подобный мёд предлагается по цене 2,7–4 долл./кг⁶⁰. По некоторым данным, 85% меда, сбываемого на турецких рынках, является фальсификатом. В Турции даже приобретение меда у дере-

венского пчеловода не гарантирует его натуральность, поскольку турецкие пчеловоды активно используют для скормливания сахарный сироп⁶¹. В этом смысле пчеловодство в Турции в целом напоминает другие отрасли сельского хозяйства, промышленности и строительства, когда в погоне за объёмами продаж и, соответственно, снижения стоимости производство товаров (работ, услуг) осуществляется далеко не в соответствии с лучшими стандартами.

Иран

Иран также является одним из крупнейших мировых производителей мёда, лишь немного отставая от Турции при одинаковом населении. При этом основная часть мёда производится в регионах, которые в курдской традиции называются «Восточным Курдистаном». Производством меда занято в Иране около 80 тыс. человек. В Иране производится более 80 тыс. т меда, из них 1,5 тыс. т экспортируется, в основном в страны Персидского залива и другие соседние страны⁶², однако, очевидно, этот показатель, учитывая валовый объём производства, будет увеличиваться.

Крупнейшим производителем меда в Иране является провинция Урмия, в которой, в свою очередь, основным центром является губерния (уезд) Хой. Так, в 2014 г. Хой давал около 20% всего производства мёда в Иране – более 8 из 42 тыс. т. Особенно выделяется по вкусовым качествам мед в горах Аури и Члехане, который активно вывозится в Турцию, Иракский Курдистан и Азербайджан⁶³. За период с 21 марта 2015 г. по 20 марта 2016 г. провинция Западный Азербайджан произвела более 18 тыс. т (на экспорт – 1,5 тыс. т), что составило 27% всего производства меда в Иране⁶⁴.

В Керманшахе производится около 4 т мёда ежегодно. Благодаря этому Керманшах входит в десятку крупнейших производителей мёда в Иране⁶⁵.

Курдские СМИ оценивали долю «Восточного Курдистана» в производстве мёда в Иране в 42% (30 тыс. т), в том числе Урмии (Западного Азербайджана) – 30% с объёмом производ-

ства в 23 тыс. т (1-е место в Иране). Объём производства мёда в Керманшахе оценивался в 3,4 тыс. т; Луристана – 1,6 тыс. т; Сенне (провинции Курдистан) – 1,2 тыс. т; Илама – 800 т. Урмия и Керманшах за период с 21 марта 2016 г. по 20 марта 2017 г. экспортировали мёда на 7 млн долл., в том числе Урмия на 6 млн долл.⁶⁶

Необходимо отметить, что в связи с неблагоприятной экологической обстановкой мёд, производимый в ряде курдских районов, имеет следы загрязнений⁶⁷.

Заключение

Таким образом, основной объём мёда на территории этногеографического Курдистана приходится на его восточную (иранскую) часть, далее следует Северный (Турецкий) Курдистан. В Иракском Курдистане производится мизерное количество мёда, объём которого варьируется от 400 до 950 т (в лучшие годы) и сопоставим с небольшой провинцией в Турецком или Иранском Курдистане. Для сравнения: в Турции производится ежегодно более 100 тыс. т (1,3 кг на душу населения, что превышает среднемировой уровень в 5 раз), а в Иране более 80 тыс. т (1 кг) мёда, что делает их одними из мировых лидеров в этой отрасли. Следует также учитывать, что в Турции и Иране лишь ежегодное увеличение производства мёда существенно превышает общий объём этого производства в Иракском Курдистане, а его экспорт в этот регион будет ещё более наращиваться.

В Иракском Курдистане, власти которого регулярно заявляют о приоритетности сельского хозяйства и выделении значительных инвестиций в аграрную отрасль (в том числе и в производство мёда), безусловно, этот показатель будет ниже, чем в Турецком и Иранском Курдистане, в несколько десятков, а может быть, и в 100 раз (при меньшем населении примерно в 2–4 раза). Поэтому производители мёда в этих странах смогут продолжать позволять себе снижать затраты, а также осуществлять демпинг, в том числе благодаря дальнейшему снижению качества и фальсификации, что станет серьёзным препятствием для производителей мёда в Иракском Курдистане, где

эта отрасль так и не вышла из любительского состояния. Курдистанский мёд не сможет конкурировать с турецким и иранским по дешевизне, в том числе и в деле фальсификации в промышленных масштабах. Поэтому единственным перспективным направлением является формирование бренда дорогого горного органического курдистанского мёда, а любительский (непромышленный) характер занятий курдистанских пчеловодов лишь будет содействовать формированию этого бренда, поскольку означает органический характер производимого товара. Этому будет способствовать и весьма благоприятный, в отличие, например, от турецкого и иранского, имидж курдистанского мёда, не испорченный из-за сахарных примесей и фальсификатов. Ниша дешёвого мёда останется за иранским и турецким мёдом, спрос на который из-за дешевизны невозможно отрицать, возможно, к нему присоединится и китайская продукция. Понятно, что при такой ситуации объём производимой пчеловодческой продукции будет оставаться небольшим. Однако дешёвый мёд низкого качества в настоящее время имеется в мире в достаточном количестве, в то время как важным становится наличие на рынке природной и экологически чистой продукции. При этом учитывая низкую эластичность продукта, поскольку его потребителями будут представители зажиточных слоёв, и достаточно небольшой объём его потребления, сравнительно высокая цена не будет иметь определяющего значения. Позитивным фактором для курдистанского мёда является также и повышение благосостояния населения.

В этой ситуации основной мерой поддержки производства мёда в Курдистане видится не осуществление протекционистских мер для «защиты местного рынка» посредством различных мер тарифного и нетарифного характера, что приведёт лишь к удорожанию дешёвого импортного мёда и, соответственно, дополнительным потерям местного населения, а реализация мер, доводящих до потребителя верную информацию (полные сведения о происхождении товара, его качестве, санитарный контроль, исключение фальсификата и т. п.), что и должно являться главной задачей властей. Надо отметить, что по сравнению с другими отраслями сельского хозяйства производ-

ство мёда находится в достаточно благоприятном положении и заполняет значимый сегмент местного рынка, в то время как в отношении других продуктов наблюдается тотальное засилье импорта.

¹ Официальное название Иракского Курдистана – Регион Курдистан/Ирак. В настоящей статье используется принятое в курдоведческой литературе наименование – «Южный Курдистан», а также «регион», «Курдистан».

² См., например, заявление министра сельского и водного хозяйства Курдистана Джамиля Сулеймана: Курдистан намерен перейти на самообеспечение продуктами // https://kurdistan.ru/2011/07/24/news-11493_Kurdistan_nameren_pe.html, 24.07.2011.

³ Salih M. A. The state of agriculture in Kurdistan. Fields lay bare as farmers head for the cities // *The Kurdish Globe*, 03.07.2007.

⁴ Хотя надо отметить, что именно на аграрный сектор было выделено наименьшее количество бюджетных средств: *Proje nameşin, ji sedî 95ê fêkiyê Kurdistanê ji derve tê* // www.rudaw.net. 12.01.2011.

⁵ Sweet success: Kurdish beekeepers showcase honey in Lebanon // <http://www.rudaw.net/english/business/071020181>; Hilberîna hingiv li Herêma Kurdistanê // aa.com.tr/kk. 09.11.2017; 'Hingivê herî baş li zozanan çêdibe' // *DîHA*. 24.04.2015.

⁶ Dust storming drops Kurdistan honey production to 550 tons in 2009 // *AKnews*. 19.01.2010.

⁷ Hilberîna hingiv li Herêma Kurdistanê // aa.com.tr/kk. 09.11.2017.

⁸ Par hingivê Herêma Kurdistanê 400 ton bû // *AKnews*. 28.04.2012.

⁹ *AKnews*. 06.03.2009.

¹⁰ Par hingivê Herêma Kurdistanê 400 ton bû // *AKnews*. 28.04.2012.

¹¹ *AKnews*. 06.03.2009.

¹² Festîvala hingiv li Silêmaniyê dest pê kir // *AKnews*, 14.10.2011; Othman S. Kurdish mountain honey in high demand in Sulaimani's market // <http://www.rudaw.net/english/kurdistan/12052017>; Pêşangeha hingivê devera Barzan hat vekirin // <http://www.rudaw.net/kurmanci/kurdistan/180920185>; Hûsên N. Li Duhokê festîvala tirî û hingiv hat lidarxistin // <http://www.rudaw.net/kurmanci/kurdistan/170920183>; Othman S. Sulaimani holds sweet festival of honey // <http://www.rudaw.net/english/lifestyle/08112018>.

¹³ См., например, сообщения о турецких бомбардировках в районе Амадия в провинции Дохук, в результате чего происходило уничтожение имеющихся там улей: Serhat S. Dewleta Tirk agir berda daristanên Amediyeyê // *ANF*. 04.09.2018; Loqman R. Duhok – Ji ber bordûmana firokeyan agir bi gelek gundan ket! // <http://www.basnews.com/index.php/kr/news/kurdistan/464375>; Leşkerên Tirk li Kanîmasiyê Kurdistanîyek qetil kir // *ANF*. 06.07.2018; Gundê Bêdûhê yê Metîna di hedefa artêşa Tirk de ye // *ANF*. 17.06.2017.

¹⁴ О пчеловодстве в Кандиле см.: Şivan M. Li gundên Binarê Qendilê amadekariyên ji bo zivistanê // *ANF*. 28.10.2018; Об ущербе пчеловодству, нанесённом бомбардировками Кандиля, см.: 'Dewleta Tirk zerareke mezin dide xwezayê' // *ANF*. 16.06.2016.

¹⁵ Turkish airstrikes harm honey production in Kurdistan // www.rudaw.net. 03.10.2015.

- ¹⁶ Hingivê têra xelkê nake // www.rudaw.net. 16.08.2016; Othman S. Kurdish mountain honey in high demand in Sulaimani's market...
- ¹⁷ Berhema hingivê xwemalî ji sedî 60 kêr bûye // <http://www.rudaw.net/kurmanci/business/040920171>.
- ¹⁸ Pêşangeha hingivê devera Barzan hat vekirin...
- ¹⁹ Hûsên N. Li Duhokê festîvala tirî û hingiv hat lidarxistin...
- ²⁰ Berhema hingivê xwemalî ji sedî 60 kêr bûye; Fancy some Kurdish honey on World Bee Day? // <http://www.rudaw.net/english/kurdistan/200520184>.
- ²¹ Pêşangeha hingivê devera Barzan hat vekirin...
- ²² Aslanhan Î. Bazirganên Erebi hingivê Kurdistanê dixwazin // <http://www.rudaw.net/kurmanci/business/261220172>; Sweet success: Kurdish beekeepers.
- ²³ Hinar, zeytûn û hingivîna Kurdistanê li Dubey hatin nişandan // <http://www.basnews.com/index.php/kr/news/kurdistan/399887>. 14.12.2017
- ²⁴ Aslanhan Î. Bazirganên Erebi hingivê Kurdistanê dixwazin; Sweet success: Kurdish beekeepers.
- ²⁵ Об уничтожении аграрного сектора в Синджаре боевиками ИГИЛ см. подробнее: Iraq: Islamic State's destructive legacy decimates Yezidi farming // <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2018/12/iraq-islamic-states-destructive-legacy-decimates-yezidi-farming/>. 13.12.2018.
- ²⁶ Aslanhan Î. Bazirganên Erebi hingivê Kurdistanê dixwazin; Sweet success: Kurdish beekeepers.
- ²⁷ Zozik T. Serokê Yekitiya Mêşvanên Kurdistanê: Hingivîna îranî bi tîzabê tê çêkirin! // <http://www.basnews.com/index.php/kr/economy/310248>. 08.11.2015.
- ²⁸ Othman S. Kurdish mountain honey in high demand in Sulaimani's market...
- ²⁹ Sirali R. General Beekeeping Structure of Turkey // *Uludag Bee Journal*. November 2002. P. 32, 34.
- ³⁰ См. сообщения о ванском мёде: Ozturk F., Erkan C. Bee Plants of Van Lake Basin (Turkey) // *International Journal of Botany*. 2010. № 6. P. 101–106; Rengên Tirkiyeyê li Wanê hatin ba hev // aa.com.tr/kk. 27.11.2018; Li Çataxê kelecana raftîngê // aa.com.tr/kk. 05.09.2018; Hingivê ku kirîn bi xwe derxistin // aa.com.tr/kk. 12.10.2017; Yıldız S., Bîlgîn O. Ji bo hingivê zinaran mirina xwe didin li ber çavê xwe // aa.com.tr/kk. 25.09.2013; Li Wanê jinên mêşvan hingivê xwe komkir // aa.com.tr/kk. 22.09.2017; Bi piştgiriya dewletê salê 8 ton hingiv bi dest dixwe // aa.com.tr/kk. 20.09.2017; Li Wanê dema vekirina kewaran e // aa.com.tr/kk. 12.09.2017; Bi karê mêşvaniyê salê 3 ton hingiv bi dest dixwe // aa.com.tr/kk. 16.09.2017; Ji bo hingivê zinaran mirina xwe didin li ber çavê xwe // aa.com.tr/kk. 25.09.2017; Bi piştewaniya mêşvanan dê Wan bibe «hingiv» // aa.com.tr/kk. 21.11.2017; Li Wanê jinên mêşvan hingivê xwe komkir // aa.com.tr/kk. 22.09.2017.
- ³¹ Gençay Ç. Ö., Özenirler Ç., Ecem B. N., Zare G., Sorkun K. Melissopalynological analysis for geographical marking of Kars honey // *Kafkas Univ Vet Fak Derg*. 2018. № 24 (1). P. 53–59; Baranê rekolteya hingivê kêr kir // aa.com.tr/kk. 17.10.2018; Di nav zinaran de kewarên hingiv // aa.com.tr/kk. 19.11.2017; Mêşvan ji bo vegeerê amadehiyên xwe dikin // aa.com.tr/kk. 28.10.2017; Ali A. M. Bajarê ku raza xwe di guhê berfê de dike pistinî // <http://www.basnews.com/index.php/kr/lifestyle/tourism/397542>. 05.12.2017; van Herpen W. Land of Kars flows with liquid gold: Honey // *Hürriyet Daily News*. 21.08.2003.
- ³² Бингёльский мёд занял 2-е место на Всемирном конгрессе Апимондии в Стамбуле в 2017 г.; Gün G. 'Hingivê Çewligê li cîhanê duyemîn e' // <http://www.basnews.com/index.php/kr/economy/397908>. 06.12.2017.

- ³³ Karip C. Zozanê Sînegê bú cihê hingivê organîk // <https://www.aa.com.tr>. 09.09.2013.
- ³⁴ Koc B., Terin M., Ceylan M., Dagistan E. General Situation of Beekeeping in the Eastern Anatolian Region of Turkey and ARIMA Model with the Help of Long-term Analysis // *Asian Journal of Animal and Veterinary Advances*. 2010. Vol. 5. No. 8. P. 537–546.
- ³⁵ Hingivê Rojhilatê li çiyayê Erezê tehma xwe digre // [aa.com.tr/kk](https://www.aa.com.tr/kk). 11.08.2017
- ³⁶ Gupta R. K., Khan M. S., Srivastava R. M., Goswami V. History of Beekeeping in Developing World // *Beekeeping for Poverty Alleviation and Livelihood Security*. Gupta R.K., Reybroeck W., van Veen J. W., Gupta A. (Eds.). Vol. 1: Technological Aspects of Beekeeping. N.Y.–L., Springer, 2014. P. 23; Özkırım A. Beekeeping in Turkey: Bridging Asia and Europe // *Asian Beekeeping in the 21st Century*. Chantawannakul P., Williams G., Neumann P. (Eds). Singapore: Springer, 2018. P. 50.
- ³⁷ Li «Rojên Bidlîsê» dext û denê organîk // [aa.com.tr/kk](https://www.aa.com.tr/kk). 12.10.2018; Nebatên tîbî û aromatik ên Bidlîsê tîn qeydkirin // [aa.com.tr/kk](https://www.aa.com.tr/kk). 02.10.2018; Li Hîzanê çaxa vekirina kewarên hingiv e // [aa.com.tr/kk](https://www.aa.com.tr/kk). 16.11.2017; Hingivê Bitlîsê bi qelîte ye lê nayê zanîn // [aa.com.tr/kk](https://www.aa.com.tr/kk). 26.10.2017; Mêşvanên li Bidlîsê wê îsal herin zozanan // [aa.com.tr/kk](https://www.aa.com.tr/kk). 08.06.2017; Çima hingivînê Bedlîsê “baştir” e? // <http://rudaw.net/kurmanci/business/28022014>.
- ³⁸ О производстве мёда в высокогорном Хакяри (3-4 тыс. над уровнем моря) см., например: Li Hekariyê kewarên hingivan hatin berhevkin // [aa.com.tr/kk](https://www.aa.com.tr/kk). 12.10.2018; Dermanê gelek nexweşyan: Hingivê Colemêrgê // ANF. 21.10.2018; Yilmazkaya M. Şemzînan û gerîlayên wê –I // ANF. 02.10.2018; Mêşan dest bi çêkirina hingiv kîrin // [aa.com.tr/kk](https://www.aa.com.tr/kk). 26.04.2017; 3 hezar û 300 kewarên hingiv belavî 220 kesî kîrin // [aa.com.tr/kk](https://www.aa.com.tr/kk). 14.09.2017.
- ³⁹ Gün G. “Xwezeya Dêrsimê ji bo mêşvaniyê gelekî guncaw e” // [kurdibas](https://www.kurdibas.com). 22.11.2017; Dixwaze hingivê Tunceliyê îxrac bike // [aa.com.tr/kk](https://www.aa.com.tr/kk). 25.09.2017.
- ⁴⁰ Bi saya piştgiyîya dewletê di salê da 60 ton hingiv kom dike // [aa.com.tr/kk](https://www.aa.com.tr/kk), 27.11.2018; см. также сообщение Агентства «Анадолу» о другом фермере Муша: Bi piştgiyîya dewletê salê 8 ton hingiv bi dest dixwe // [aa.com.tr/kk](https://www.aa.com.tr/kk). 20.09.2017.
- ⁴¹ Li Dêrsimê berhemê hingivê % 60 kêmtir bûye // <http://www.rudaw.net/kurmanci/business/22092018>
- ⁴² Güler A. & Demir M. Beekeeping potential in Turkey // *Bee World*. 2005. Vol. 86. No.4. P. 117.
- ⁴³ Parilti Ş., Çakir E., Çimen M. Diyarbakır ilinde 1995–2015 Yılları Arasında Bal Üretimi // *Bilim ve Gençlik Dergisi*. 2017. Vol. 5. Issue 2. P. 14; О развитии этой отрасли в Диярбакыре см. также: Hingivên hilberandin dest bi firotinê kîrin // *DîHA*. 19.09.2016.
- ⁴⁴ См. также: Aydın M. A. Şahesara Mezopotamyayê: Deştê Heranê // <http://www.basnews.com/index.php/kr/lifestyle/tourism/379752>. 21.09.2017.
- ⁴⁵ Özkırım A. Beekeeping in Turkey. P. 55.
- ⁴⁶ Güler A. & Demir M. Beekeeping potential in Turkey. P. 117.
- ⁴⁷ Li Şîrnexê Navenda Pêşxistina Koma Hingiv tê avakirin // [aa.com.tr/kk](https://www.aa.com.tr/kk). 19.01.2018.
- ⁴⁸ Onen N. Bajarê bi dirokê dorpeçkirî: Batman // <http://www.basnews.com/index.php/kr/lifestyle/tourism/365779>. 24.07.2017; Porxelek D. Çîleka Sasonê li bazaren cihanê ye // <http://www.basnews.com/index.php/kr/economy/351356>. 18.05.2017.
- ⁴⁹ Gün G. Fistiqên Sêrtê îxracî derveyî welat dibin // <http://www.basnews.com/index.php/kr/economy/357825>, 15.06.2017.
- ⁵⁰ Ünal S., Ayan S., Karadeniz M., Yer E. N. Some forest trees for honeydew honey production in Turkey // *Sibirskij Lesnoj Zurnal (Siberian Journal of Forest Science)*. 2017. № 4. P. 105.

- ⁵¹ Li herêma GAPê berên organîk ên nû // aa.com.tr/kk. 20.11.2017.
- ⁵² Komîsyona Aboriya KCD'ê ket nava tevgerê // ANF. 27.03.2015.
- ⁵³ См., например: Ji ber bûyerên terorê hingiv kêr dibe // aa.com.tr/kk. 02.09.2017; Geliyê Zapê bi rêya HES'an tê talankirin // ANF. 18.07.2017; Parlamenter Irgat: Şehîdgeh hilweşandin, leşkeran em gulebarankirin // ANF. 30.09.2015.
- ⁵⁴ Gundên wan şewitandin, niha jî rûniştgehê ji wan dixwazin // ANF. 16.05.2018; Kûray Z. Saziye Dersimê zilma dewletê dixin rojeva meclisê // ANF. 15.09.2016; 'Bi girtina rêyan re tê xwestin herêm ji mirovan bê xalîkirin' // ANF. 16.09.2015; Şahîn: Gelê Dêrsimê wê gund û zozanên xwe vala neke // ANF. 06.08.2015.
- ⁵⁵ Dewlet li Colemêrgê xwezayê qetil dike // ANF. 12.05.2018.
- ⁵⁶ Arslan F. Projeya bendavê ya AKP'ê: Li Botanê wê fisteq şîn nebe // ANF. 08.04.2016.
- ⁵⁷ См., например, жалобы по этому поводу пчеловодов в Хакяри: 3 hezar û 300 kewarên hingiv belavî 220 kesî kirin // aa.com.tr/kk. 14.09.2017.
- ⁵⁸ Turkey Profits From Iranian Honey // Financial Tribune. 27.02.2016.
- ⁵⁹ Пономарев А. Особенности рынка меда в Турции // <http://www.apiworld.ru/1520935167.html>, 13.03.2018.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Sohrabi Z. Iranian Honey Oozing Quality // Financial Tribune. 21.07.2017; Last Year's Honey Production at 81,500 Tons // Financial Tribune. 08.04.2017; в Иране в прошлом году было произведено около 81 500 тонн меда // www.iran.ru. 20.06.2017.
- ⁶³ Bajarê Xoyê di warê hingiv de li ser asta Îranê yekem e // <http://rudaw.net/kurmanci/business/05052014#sthash.nd7WYnTH.dpuf>. 06.05.2014.
- ⁶⁴ Иранский остан Западный Азербайджан экспортирует 1500 тонн меда в год // www.iran.ru. 29.10.2016.
- ⁶⁵ Felah Ş. Li Kirmaşanê her sal 4 hezar ton hingivîn tê berhemanîn! // <http://www.basnews.com/index.php/kr/news/kurdistan/476662>. 30.10.2018.
- ⁶⁶ Porxelek D. Tehma du hezar salî: Hingivê Kurdistanê // <http://www.basnews.com/index.php/kr/economy/358346>. 17.06.2017.
- ⁶⁷ Sadeghi A., Mozafari A.-A. , Bahmani R., Shokri K. Use of honeybees as bio-indicators of environmental pollution in the Kurdistan province of Iran // Journal of Apicultural Science. 2012. Vol. 56. No. 2. P. 83–88.
- Piran F., Emamifar A., Delalat H. Investigation Of Heavy Metal (Arsenic) of Honey Samples From Sanandaj, Ghorveand Saghez in Kurdistan, Iran // International Journal of Farming and Allied Sciences 2015. Vol. 4. No. 6. P. 522–525.

Раздел IV

АФГАНИСТАН

С. Пойя*

ЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ АФГАНИСТАНА

Резюме: В данной статье рассматривается этнический характер афганского общества, основные причины этнических конфликтов и возможные пути их решения. При анализе понятий этноса, общества, народа, нации и национальной принадлежности сделаны выводы о том, что Афганистан – это многоэтническая страна, нежели многонациональная, и разрешение этнических конфликтов является самой приоритетной задачей для современного Афганистана, ибо от их успешного урегулирования зависит стабильность и безопасность в этой стране.

Ключевые слова: Афганистан, этносы, этнические конфликты, общество, нация и национальная принадлежность.

Summary: This article examines the ethnic character of Afghan society, the main causes of ethnic conflicts and possible ways of resolution. In the analysis of the notions of ethnicity, society, people, nation and nationality, it was concluded that Afghanistan is a multi-ethnic country rather than a multinational one, and resolving ethnic conflicts is the highest priority for modern Afghanistan, because their stability and security in this country depends on its' successful regulation.

Key words: Afghanistan, ethnic groups, ethnic conflicts, society, nation and nationality.

Афганистан – полиэтническая страна, состоящая из десятков разнообразных этнокультурных образований, нравы которых легко можно отличить друг от друга.

Каждый этнос в Афганистане, как их в целом характеризует Л. Н. Гумилев¹, имеет свои неповторимые черты, присущие

* Семеулла Пойя – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН

только ему одному, и представляет собой своеобразную мозаику из кодекса поведения, ценностей, идеалов, этикета, обычаев, традиций, ритуалов (обрядов). Это люди, говорящие на одном языке, имеющие общее происхождение, оседающие и приспособляющиеся сотни лет в определенных географических пространствах (т.е. «велятах» – провинциях), из поколения в поколение повторяющие адаты своих предшественников во всех сферах жизнедеятельности. В биологическом смысле этносы афганского общества, не теряя своей этнической идентичности, создают кровные брачные союзы между двоюродными братьями и сестрами и близкими родственниками, сохраняя свой генотип. Немаловажную роль в сохранении этноса играет природная стабильность. Биосфера и среда обитания этносов в этой стране практически не меняются, что тоже является одной из причин этнической целостности и моделью постоянного взаимодействия истории, природы и человека.

Этносы в афганском обществе весьма консервативны, и их устои укоренились настолько глубоко, что в течение столетий существуют практически в неизменном состоянии и неподвластны внешнему воздействию.

В поисках точного определения понятия этноса в афганском обществе мы пришли к выводу о том, что наиболее близко к нему подходит определение, данное Л.Н. Гумилевым, что и характерно в целом для мультиэтнического государства: этносы – это тот или иной коллектив людей, противопоставляющий себя всем аналогичным коллективам («мы» и «не мы»), имеющий свою особую внутреннюю структуру и оригинальный стереотип поведения².

Афганский народ – это совокупность этнических групп с общей историей, которые на протяжении столетий объединялись, формировались и образовывались в рамках единого государства. Применимы ли такие понятия, как нация, национальная принадлежность и гражданство, для афганцев в целом? Вот вопросы, которые в настоящее время вызывают бурные дискуссии в стране и за ее пределами, а также горячие споры в СМИ. На эти вопросы нужно ответить, но для этого надо сначала четко определить понятия нации и национальной принадлежности.

Нация – общественная единица, которая выражает политическое единство именно индивидов, проживающих в одном государстве. Латинское слово «natio» обозначает массу людей, имеющую общее территориальное происхождение. При образовании нации стираются культурные различия между этносами и народами, образовавшими государство. Нация – не что иное, как «плавильный котел», который уничтожает традиционные формы идентичности (этническую, культурную, даже религиозную) и создает искусственное образование в рамках государства. При создании нации, как правило, полностью ликвидируются языковые различия между этническими группами, и язык одного наиболее многочисленного этноса навязывается в государстве как единственно возможный для использования³.

Национальная принадлежность и гражданство – тождественные синонимичные понятия. Нациями можно считать, например, население Франции и США. В данных государствах целенаправленно в течение веков проводится политика стирания этнических различий. Строго охраняется только идентичность гражданина как индивида, другие формы идентичности приносятся в жертву политическим интересам правящих кругов⁴.

Анализируя эти понятия, трудно найти признаки нации в целом для людей, проживающих на территории Афганистана. Они не теряют, а сохраняют собственную культуру, язык, нравы и адаты. Следовательно, нельзя говорить о нации, гражданстве и национальной принадлежности афганского народа в целом. Определение этноса в афганском обществе в нашем понимании имеет более прикладное применение.

Существование афганского общества возможно только традиционно, в рамках единого полиэтнического народа.

Этнические конфликты в афганском обществе

Источники этнических конфликтов в афганском обществе имеют глубокие исторические корни, основанные преимущественно на социально-политических интересах и политизации этнической принадлежности, а также на экономических интересах. Данные конфликты усугубляются из-за эмоционального

характера этносов и конфессиональных различий афганского общества.

В провинциях, где более компактно проживают этнические общины, острее наблюдаются межэтнические конфликты. На разных этапах исторического развития в условиях динамично меняющейся социально-политической ситуации в афганском обществе наблюдались все три традиционно существующих конфликта: горизонтальные, вертикальные и смешанные.

К горизонтальным относятся такие конфликты, в которых задействованы этносы между собой, к вертикальным – конфликты между государством и этнической группой⁵.

В смешанных конфликтах представлены вертикальные и горизонтальные составляющие. Они наиболее нежелательны для властей. Дело в том, что в таком случае каждое действие руководителя рассматривается всем обществом через призму этого конфликта.

Важнейшие причины этнических конфликтов афганского общества типологически выглядят следующим образом:

1. Политическая борьба за власть между различными этническими группами на всех уровнях (городском, уездном, провинциальном и государственном).

2. Идеологический фактор. Усилению межэтнической напряженности способствовало стремление этнических элит использовать идеологию, прежде всего религиозную, в политических интересах. Не случайно большинство политической элиты, представляющей себя лидерами того или другого этноса в современном афганском обществе, получило религиозное образование (сунниты – в пакистанских радикальных мусульманских медресе и в Каире, а шииты – в Иране). Усилению ожесточенности конфликта способствовала солидарность единоверцев из сопредельных государств, в том числе в виде поставки оружия боевикам. Согласно канонам ислама в ситуациях насилия, во время вооруженных конфликтов религиозные и основанные на религии идеологии должны сыграть весьма позитивную роль в ограничении ужасов войны, установлении диалога и примирении общин и воюющих сторон. Но на деле происходит наоборот. Слишком часто религиозные элиты проповедуют нетерпимость, межкон-

фессиональную и межрелигиозную рознь, способствуют росту межрелигиозной и межэтнической напряженности.

Однако не только религиозные лидеры разжигают этнические конфликты. Зачастую носителями идеологии этношовинизма становятся интеллигентские слои афганского общества. Достаточно вспомнить, что в последние годы правления президента Наджибуллы возникли конфликты групповых интересов внутри правившей партии Ватан («Родина»), произошла этническая мобилизация внутри элиты и всплеск идеологии шовинизма в эпоху политического кризиса. В итоге этноконфликты привели к распаду государственной системы.

Напряженность по идеологическому фактору возросла в переломные исторические периоды с начала 1978 г. и не затухает до настоящего времени. В данные периоды идеологический фактор этнического конфликта занимал в общественном сознании серьезную позицию.

3. Языковой фактор играет определяющую и объединяющую роль в каждом этносе в отдельности, но разобщает этносы в целом. Этот фактор основан на стремлении к сохранению приоритета языка дари и возрождению полноценного функционирования языка пушту.

С начала XX в. язык дари являлся языком межэтнического общения. Многие пуштунские этносы, включая королевские кланы, а также высокие чины страны говорили и выступали с трибун на дари. Пуштуны, в отличие от таджиков и другого дариязычного населения, свободно говорят на языке дари. После Апрельской революции ситуация несколько изменилась. Лидеры революции все чаще выступали на языке пушту. Президент Наджибулла впервые ввел новый лексикон речи. В своих выступлениях он чередовал речь дари и пушту. Его нововведения практикуют в своих речах и Хамид Карзай, и Ашраф Гани, а также большинство представителей современной элиты. В настоящее время язык пушту, наряду с дари, постепенно становится языком межэтнического общения. Однако в обществе накаляются противоречия по языковому фактору. Дариязычные радикалы пытаются изменить названия некоторых государственных учреждений, а также традиционно сложившихся терминов с языка пушту на дари⁶.

4. Социально-экономический фактор этнических конфликтов. Он выражен в требовании:

- выравнивания уровня жизни отдельных провинций;
- предоставления квот этническим меньшинствам во всех властных структурах;
- распоряжения природными ресурсами в интересах той этнической группы, на территории которой они находятся;
- равенства этносов в обладании, распоряжении и потреблении материальных ресурсов и создании справедливого баланса экономических интересов между этнически идентифицированными провинциями, распределения энергетических ресурсов, которые страна получает у соседних государств.

Яркий конфликт в этом случае произошёл в 2017 г. Большую волну протеста хазарейцев вызвало проведение ЛЭП из Туркменистана в Афганистан. Его суть заключалась в следующем: вначале планировалось провести ЛЭП до Кабула по территории компактного проживания хазарейцев. В последующем, с точки зрения экономической целесообразности, правительство приняло решение провести ЛЭП через перевал Саланг – территорию с преимущественно таджикским населением. Это решение было опротестовано лидерами хазарейцев. Ими было создано общественно-политическое движение «Рушнаи» («Свет»), которое организовало различного рода массовые мероприятия, направленные против решения правительства. Своими агрессивными лозунгами они спровоцировали ответное противодействие органов государственной власти и других этнических групп. В Кабуле, Бамиане, Дайкунди и ряде провинций, где компактно проживают хазарейские этносы, были проведены спланированные акции (митинги, шествия). Эта волна протеста погасла в результате крупного террористического акта в центре Кабула на митинге протеста, жертвами которого стали десятки протестующих. Для удовлетворения их требований правительство приняло компромиссное решение: провести отдельную ветвь ЛЭП мощностью 300 МВатт для данных провинций.

В афганских провинциях общество формируется преимущественно на основе этнической солидарности, монополизируются правоохранные органы и местная полиция, создаются

полувоенизированные отряды (Малиша, Арбаки). Как правило, важнейшими материальными ресурсами любого государства являются земля и ее недра. Поэтому наиболее ярко выражены конфликты в тех провинциях, где есть доступ к недрам, дающий немалые контрабандные доходы, что ведет к конкуренции и напряжению в межэтнических отношениях. Именно в таких ситуациях этносы объединяются, консолидируются вокруг своего лидера и тем самым становятся его опорой. Подобные конфликты обычно разрешаются усилением роли государства, однако в новейшей истории страны это не дало желаемых результатов.

5. Статусные конфликты, связанные с выдвижением требований по изменению (повышению) политического статуса той или иной этнотерриториальной провинции. Этот фактор был отличительной чертой правления Хамида Карзая. Примечательно, что в 2004 г. по инициативе ярких представителей пуштунского этноса – Ашрафа Гани, занимавшего тогда пост министра финансов (в настоящее время – президента Афганистана), Ахмада Джалали – министра внутренних дел, Ханифа Атмара – министра по восстановлению и развитию (с 2014 по 2018 года – секретаря совета безопасности Афганистана), а также известного лидера хазарейского этноса, занимавшего тогда пост министра плана, Мухаммада Мохакека (в настоящее время – заместителя председателя исполнительного совета Афганистана) – часть территории провинции Забула была отделена и преобразована в самостоятельную провинцию – Дайкунди⁷. Первым губернатором Дайкунди был назначен Сарвар Даниш (в настоящее время – второй вице-президент Афганистана).

С 60-х гг. XX в. в столице и ряде северных провинций страны представителями таджикского этноса велась активная борьба за образование государства по принципу этнотерриториального федерализма, идейным вдохновителем которого являлся известный революционер левого толка Таир Бадахши. Сегодня его линию продолжает член нижней палаты парламента Афганистана, экс-кандидат в президенты и его земляк Латиф Педрам.

Таджикскими шовинистами выдвигаются лозунги о создании собственного независимого государства «Великий Хурасан»

отдельно от пуштунского этноса, вплоть до воссоединения части территории Афганистана с соседними («материнскими» или «родственными») государствами. Разрешение подобного конфликта они видят в изменении территориальных контуров географического пространства Афганистана.

Существует и борьба пуштунского этноса за свой политический статус, которая затрагивает два соседних государства – Афганистан и Пакистан. Исторический опыт показывает, что это особенно сложный конфликт, который пока не поддается разрешению. Политики двух стран не нашли пути урегулирования данного конфликта, и, похоже, им это не удастся.

В качестве наиболее радикальных способов разрешения межэтнических конфликтов выступают сценарии разрушения полиэтнического общества, реализующиеся либо путем изменения территорий и проведения новых государственных или региональных границ, либо посредством изменения этнического состава населения за счет депортации и переселения противоборствующих групп, выделяемых по этническому признаку. Такой способ был применен в середине XX в. при образовании Пакистана и отделении его от Индии. История показывает, что это крайне кровопролитное и неэффективное решение. Если такой метод будет применен в Афганистане, изменение территорий будет касаться не только этой страны.

Мотивы территориальных притязаний следующие:

1. Аннексия большей части территории Афганистана в 1893 г. и присоединение ее к Британской Индии, а в последующем передача этой территории в состав Пакистана.

2. Расчленение этнической группы пуштунов между отдельными государствами. Для обоснования территориальных претензий пуштуны используют исторические факты, культурные и традиционные общности пуштунского этноса по обе стороны линии Дюранда.

В результате произвольной демаркации границы тогда было найдено компромиссное решение, однако это отнюдь не означало, что следующие поколения не возобновят конфликт. Пуштунский этнос включен в состав двух суверенных государств, имеющих различные формы государственно-

сти. Насильственное включение большей части территории пуштунского этноса в состав соседнего государства и расчленение данного этноса между двумя государствами по замыслу афганской стороны нуждается в проведении новой демаркации границы, а Пакистан требует соблюдать принцип нерушимости границ.

Современные государства Афганистан и Пакистан сложились в результате сложных геополитических процессов. Если гипотетически представить себе перестройку границы, вряд ли это приведет к установлению нового справедливого и приемлемого для всех сторон порядка.

Урегулирование подобного рода этнического конфликта является сложнейшей политической проблемой, ибо его последствия сопровождаются большими человеческими потерями и разрушают основы общества.

Отношения между Пакистаном и Афганистаном в первое десятилетие после деколонизации и раздела Британской Индии характеризовались то накалом, то временным ослаблением напряженности. Обстановка особенно обострилась в 1955 г. формированием на основе малых провинций в западной части Пакистана единой провинции Западный Пакистан. Подоплекой напряженности явилось желание правящих кругов Афганистана, особенно после прихода к власти М. Дауда, использовать так называемую «проблему Пуштунистана» для восстановления исторической справедливости⁸.

Неоднократные разрывы отношений с Пакистаном, связанные с политикой правительства М. Дауда по Пуштунистану, не принесли сторонам ничего, кроме напрасных убытков и экономических потерь. В итоге никакого положительного результата ни Афганистан, ни пуштунский народ не получили. Афганистан не должен был обострять отношения с Пакистаном и, тем более, терять его как главное окно во внешний мир, так как больше 70% всех транзитных товаров, в том числе и иностранная помощь, шли через пакистанскую территорию. Афганистан должен был дать возможность народу Пуштунистана самостоятельно определиться в своем выборе и лишь поддержать его волеизъявление. Афганские политики должны были хорошо понимать, что для

реализации их программы экономического развития и модернизации страны необходимо налаживать деловые отношения с Пакистаном⁹.

Результаты исследования автора показывают, что пуштунский вопрос не может быть урегулирован в рамках двусторонних афгано-пакистанских отношений. Вопрос Пуштунистана является корнем проблем в отношениях между Афганистаном и Пакистаном. Исторический анализ периода пребывания Мухаммада Дауда на посту премьер-министра показывает, что ситуация конфронтации контрпродуктивна, в первую очередь для самого Афганистана. Проводимая афганской стороной политика по решению пуштунского вопроса и противодействие этой политике со стороны Пакистана зачастую только усугубляли ситуацию. Нерешенный вопрос Пуштунистана не позволял афгано-пакистанским отношениям развиваться, а политикам обеих стран – продуктивно работать. Все более очевидной становилась необходимость поиска новых путей решения пуштунского вопроса. Это этнотерриториальный конфликт, который выходит за пределы территории страны. Следовательно, нужно найти совершенно иной подход к решению данной проблемы.

Для решения сложного этнического конфликта автором было предложено создание международного института под эгидой ООН, где не политические круги, а эксперты и ученые-историки не только обеих стран, но и стран региона при содействии США и России провели бы всесторонний анализ ситуации в полосе линии Дюранда, используя документы, хранящиеся в их богатых архивах. Результаты работы этого института должны удовлетворить и Афганистан, и Пакистан, и особенно народы, проживающие в полосе СЗПП. А политикам двух стран следовало бы объявить временный мораторий на обсуждение проблемы Пуштунистана до окончания результатов исследований института. Надо полагать, что это очень большая и кропотливая работа, и для принятия решения и получения результата потребуется не один год, но, может быть, это и станет отправной точкой для того, чтобы разрядить обстановку и дать возможность политикам обеих стран тем временем приступить к реализации региональных экономических проектов¹⁰.

Какие бы причины ни лежали в основе того или иного конфликта, в своем развитии любой конфликт выражает чьи-то интересы и преследует определенные цели (порой не вполне осознаваемые его участниками). Как известно, выразителем этнических интересов является не весь этнос, а лишь небольшая его часть, элитные группы, которые преследуют личные интересы.

¹ Журнал «Эксмо». 100 цитат из книги Льва Гумилева. <https://eksmo.ru/interview/10-tsitat-iz-knig-lva-gumileva--ID3606871/>

² Библиотекарь.ру. Основные понятия этнической и кросскультурной психологии. <http://www.bibliotekar.ru/psihologia-2-1/118.htm>

³ Геополитика.ру, Олег Батыров. Этнос, народ, нация, национальность. <https://www.geopolitica.ru/article/etnos-narod-naciya-nacionalnost-raznica-ponyatiy-i-opasnost-ih-smesheniya>.

⁴ Там же.

⁵ Суперека С. В. Социология 2009. Этнический конфликт: сущность, причины, типология. <http://www.nalogi.ru/faq/detail.php?ID=1600966>

⁶ Пухантун-Данешгах, Кингер, шагарс- Раст бро, Чап бро и.т.

⁷ Афганистан – административное деление Афганистана. http://afganista.ru/a/administrativnoe_delenie_afganistana

⁸ Пойя С. Премьер-министр Мухаммад Дауд хан. Эпохи развития и конфронтация. Автореферат диссертации кандидата исторических наук.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

У. В. Окимбеков*

НАСЕЛЕНИЕ АФГАНИСТАНА: ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ, СОСТАВ И ЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ НА ЭТНИЧЕСКОЙ ПОЧВЕ

Резюме: Статья посвящена вопросу исследования динамики численности населения Афганистана, изучению возрастного, полового и этнического состава, демографических процессов, происходящих в период после 2001 г. Рассматривается также влияние гражданской войны на демографию и социально-экономическую жизнь афганского населения.

Ключевые слова: Афганистан, перепись населения, статистика, демография.

Summary: The article is dedicated to the issue of researching the dynamics of Afghan population, studying of age, gender and ethnic structure, demographic processes after 2001. The influence of civilian war on demography and socio-economic life of Afghanistan is studied as well.

Key words: Afghanistan, population census, statistics, demography.

На протяжении всего периода политической независимости Афганистан не проводил масштабную и полноценную перепись населения, а цифры, встречающиеся в материалах официальной статистики и научной литературе, «представляют собой весьма грубые оценки и сильно отличаются друг от друга»¹. При изучении демографии Афганистана приходится отталкиваться от двух категорий источников – внутренних, афганских, и внешних, зарубежных. Данные первой группы, как будет показано ниже, местами завышены, а второй – ближе к реальности.

* Окимбеков Убайд Вафобекович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН

В период правления династии Дуррани численность населения империи оценивалась в 14 млн, из которых около 5 млн жили на территории Афганистана в нынешних его границах². Во второй половине XIX – начале XX в. источники указывают цифры от 4³ до 7⁴ млн человек. В частности, Н. А. Аристов, анализируя демографические данные, встречающиеся в источниках, пришел к выводу, что во владениях афганского эмира к концу XIX в. жили 5 млн человек⁵. Среди различных оценок, выдвинутых специалистами, А.Е. Снесарев также более точным называл данный показатель⁶. Эмир Абдурахман Хан, считавший, что число его подданных намного больше, отвергал эту цифру и писал, что за последние 40 лет она осталась неизменной. Эмир считал это невежеством иностранных авторов и утверждал, что «у них нет возможностей узнавать положение дел в стране, или перемены, через которые она прошла», но при этом «они претендуют на знание того, чего не знают, и ... предоставляя неправильную информацию, обманывают общество»⁷.

Работы по изучению демографии в Афганистане в период до обретения независимости ограничивались отдельно взятыми субъектами. По сообщениям афганских источников, первое мероприятие, связанное с вопросом переписи населения Кабула, проводилось по приказу эмира Шер Али-хана в 1875 г. Согласно ее результатам, число жителей города составляло 140 тыс. человек⁸.

При Аманулле-хане в 1926 г. власти намеревались провести перепись населения, но из-за отсутствия необходимых ресурсов, а также напряженной политической ситуации в стране осуществить ее стало невозможно. В дальнейшем приходилось опираться на оценочные данные разных источников, которые сильно расходились. Ежегодник «Салнама-е Кабул», вышедший в 1932 г., оценил численность афганского населения в 12 млн человек⁹, а зарубежные, в частности советские, источники приводили существенно меньшие оценки – 7,5–8 млн¹⁰.

До 1950-х гг. какие-либо исследования для более точной оценки численности населения не проводились, да и в структуре власти не имелось самостоятельного ведомства, которое занималось бы этим вопросом. В 1950 г. был открыт Генеральный директорат статистики при Министерстве внутренних дел для пере-

писи населения и паспортизации мужской его части, а в 1954 г. приступили к выдаче паспортов и сбору некоторых демографических данных, которые были обобщены в 1960 г. При оценке также использовались данные 15-летней давности, собранные разными министерствами и ведомствами. В итоге, согласно новым оценкам, численность населения Афганистана, по данным МВД, определялась в 13 800 тыс. человек¹¹, а на основе выборочного обследования она оценивалась в 11 404 тыс.¹²

Афганская пресса в 1967 г. сообщала о подготовке правительством законопроекта о проведении через два года общеафганской переписи населения. Срок реализации намечался в 10 дней, для чего требовалось привлечение 32 тыс. переписчиков и 129 млн афгани из бюджетных средств¹³. В доступных источниках информация о дальнейшей судьбе законопроекта не встречается.

Статистический ежегодник 1970 г. оценил общую численность афганского населения в 17 086 тыс. (со среднегодовым приростом в 2.1%)¹⁴. Только в 1972 г. власти приступили к очередному выборочному исследованию, которое завершилось через два года и охватило 21 тыс. хозяйств с населением 140 тыс. человек¹⁵. В 1975 г. были опубликованы первые новые оценочные данные, полученные, как говорится в самом статистическом ежегоднике, «с применением научных методов исследования». Согласно их результатам, общая численность жителей страны оценивалась в 16 665 тыс., из них оседлое население равнялось 14 260 тыс., а кочевое – 2405 тыс. человек¹⁶.

Первая и единственная попытка всеобщей переписи была предпринята в конце 1970-х гг., когда к власт пришла Народно-демократическая партия Афганистана. Перепись, не доведенная до конца, продолжалась 20 дней и охватила лишь 67% населения¹⁷. Статистический ежегодник 1979 г. так говорил о масштабах данного мероприятия: «...опубликованные до сегодняшнего дня национальными и международными источниками данные и показатели о численности, расселении, составе и особенностях населения страны и использовавшиеся при экономических и социальных расчетах и измерениях, а также научных исследованиях были оценочными, так как первая полноценная перепись населения проводилась в месяцах джавза – саратан

текущего года, и результаты ее пока не получены»¹⁸. Мероприятию придавали особое значение, поэтому власти развернули большую пропагандистскую кампанию призыва населения к максимальному участию в переписи. Газета «Анис» в течение двух недель до и после начала переписи в каждом номере писала об этом.

Таким образом, по состоянию на 1979 г., численность афганского населения составляла 15 551,3 тыс. человек, из которых 13 051,3 тыс. оседлое и 2500 тыс. – кочевое население. Численность городского населения – 1976,7 тыс. (15,2%)¹⁹. Согласно данным 1980 г., средний темп прироста численности населения составлял 2,6%, в частности 4,59% – в городской и 2,24% в сельской местности²⁰. Отметим, что с тех пор произошли заметные административно-территориальные изменения и Афганистан состоял из 26 провинций, 2 больших уездов (луи вулусвали), 185 уездов (вулусвали), 96 волостей (алакадари) и 35 339 населенных пунктов (кариа – село, деревня)²¹.

События 80-х гг., связанные с эскалацией внутривнутриполитического конфликта, негативно сказывались на демографической ситуации, осложняли задачи по ее изучению. Гражданская война сопровождалась большими людскими потерями, как среди мирного населения, так и участников боевых действий с обеих сторон. Была прекращена работа образовательных и медицинских учреждений, ухудшились условия доступа к медицинским услугам и препаратам. Ежегодно увеличивался поток афганских беженцев в соседние и другие страны. Число официально зарегистрированных пакистанскими властями беженцев из Афганистана в декабре 1978 г. составляло 18,3 тыс., в декабре 1979 г. – 389 тыс. и декабре 1980 г. – 1232 тыс. человек²². По данным ООН, к 1990 г. в Пакистане насчитывалось 3,3 млн, а в Иране – 3 млн афганских беженцев²³.

Динамика численности афганского населения в эти годы претерпела серьезные изменения, поэтому в источниках нет единого мнения по общему показателю. По одним данным, на 1990 г. в Афганистане проживало 12 249,4 тыс. человек, по другим – 18 млн (1992 г.)²⁴. Данные официальных органов афганских властей тех времен также указывают на цифру 17 620 тыс. (1990 г.)²⁵.

Здесь, видимо, в одних источниках не учитываются беженцы, находившиеся в других странах, но, так или иначе, фактически на территории Афганистана в течение этого и последующих десятилетий находилось относительно меньше жителей, чем указано в национальной статистике.

Таблица 1

**Численность населения Афганистана по годам,
тыс. человек**

Год	Плотность населения (на кв. км)	Всего населения
1990	19	12 249,4
1989	18	11 777,6
1988	18	11 540,9
1987	18	11 502,7
1986	18	11601
1985	18	11783
1984	18	12047
1983	19	12 389,3
1982	20	12 749,6
1981	20	13 053,9
1980	20	13 248,4
1979	20	13 306,7

Источник: <https://countryeconomy.com/demography/population/afghanistan?year=1990>

После бурных военно-политических событий двух последних декад XX в., оказавших крайне негативное влияние на социально-экономическую обстановку в Афганистане, органы афганской статистики в своих оценках продолжают брать за основу данные переписи 1979 г. Согласно им, в 2001 г. численность населения страны достигла 21410 тыс. человек²⁶, а к 2017 г. – в пределах 29,7 млн²⁷, что среди сопредельных стран почти на одном уровне с Узбекистаном, в 3.5 раза больше показателя Таджикистана, в 5 раз больше, чем в Туркменистане и в разы уступает трем остальным соседним странам.

В Афганистане по-прежнему проживают кочевники, приблизительное число которых достигает 1,5 млн человек, что на 40% меньше, чем в 1979 г. Разница в соотношении полов с небольшим превалированием мужского пола не так сильно выражена. По последним данным, из общего числа оседлого населения (28,2 млн) 14,4 млн (51,1%) мужчины и 13,8 млн (48,9%) женщины²⁸.

В структуре оседлого населения 25% (7148 тыс.) составляет городское и 75% (21 076 тыс.) – сельское население. Кабул – единственный афганский город с населением свыше одного миллиона человек. Большая часть горожан (55%, или 3984 тыс.) приходится на долю этого города. Здесь также проживает 85% от всего населения (4679 тыс.) одноименной провинции Кабул. По сравнению с 1979 г. население афганской столицы выросло в четыре раза. Стоит отметить, что в большинстве крупных провинциальных столиц сосредоточено свыше 30% населения. По одним данным, 31,7%²⁹, по другим – 37%³⁰ населения провинции Балх, например, живет в г. Мазари-Шариф, в Кандагаре – 36% и Герат – 29%–40% соответственно³¹.

Общая плотность населения равна 42 человека на км². По провинциям самый высокий показатель в Кабуле (1034 чел.) – почти в 25 раз выше среднего показателя по стране. Затем идут Каписа (239) и Нангархар (206). В группу ниже среднего по стране из крупных по площади провинций входят Герат (35), Кандагар (23), Бадахшан (22), Гур (19) Гильменд (16), Фарах (11) и Нимруз (4). На долю этих провинций в совокупности приходится 52,5% территории страны³². Если рассмотреть показатель плотности населения по административным центрам, то выделяются следующие города: Кабул – 8398³³ человек на км², Мазари-Шариф – 7906³⁴, Герат – 2383 человек на км²³⁵.

Анализ возрастного состава по этим же данным показывает, что Афганистан находится среди стран-лидеров с большой долей молодого населения. Около 46% (13318 тыс. человек) афганского населения составляют дети до 15 лет, еще 46% в возрасте 15–54 лет³⁶. Хотя афганская статистика и раньше приводила такое соотношение (по состоянию на 1970 г. доля детей до 15 лет – 45%, 15–24 – 14%³⁷, что всего 59% от общего показателя), исследования, проведенные в 12 провинциях (подроб-

нее об этом дальше), подтверждают эти оценки Центральной статистической организации (ЦСО) Афганистана. По рейтингу с долей населения до 18 лет среди стран мира Афганистан занимает 14-е место³⁸. Незначительная доля возрастной группы старше 55, возможно, объясняется небольшой продолжительностью жизни в стране.

В период после 2001 г. афганские власти продолжают работу в направлении улучшения качества жизни, в частности путем предоставления доступа к медицинским и образовательным услугам, проведения семинаров для снижения коэффициента смертности на всех уровнях.

Таблица 2

Показатели здравоохранения Афганистана (2003–2016)

Показатели	2003	2005	2007	2009	2011	2013	2015	2016
Число медиков на каждые 10 тыс. жителей	2	2	2	2	2	3	3	3
Количество коек на 10 тыс. человек	5	4	5	5	5	5	5	5
Количество главных медцентров	290	764	766	928	930	943	932	923
Количество вспомогательных медцентров	69	726	382	423	679	765	874	833
Количество комплексных медцентров	—	376	390	442	383	398	410	417
Распространенность туберкулеза (на 10 тыс. чел.)	20	27	38	231	270	358	340	340
Число зараженных малярией (на 10 тыс. чел.)	—	13850	1627	1320	1018	827	330	358
Число зарегистрированных ВИЧ-инфицированных	—	—	435	631	1250	1529	1856	2060

Источник: <http://cso.gov.af/en/page/demography-and-socile-statistics/social-statistics/health-statistic>

Международными организациями и исследовательскими центрами западных стран был завершен ряд исследований с целью изучения демографических процессов в Афганистане. Большая их часть говорит об изменении показателей в сторону улучшения, о «ветре демографических перемен в Афганистане». Например, исследования 2000 г. показали, что до 2001 г. только 5,3% замужних женщин задумывались о различных формах планирования семьи, а к 2006 г. их доля достигла 15,5%; число женщин, получивших дородовой уход, выросло с 5% в 2003 г. до 32% в 2006 г.³⁹

Улучшение качества этих и других показателей оставляет двоякое впечатление. С одной стороны, «если на самом деле в Афганистане произойдет резкое снижение размера семьи и замедление последующего прироста, такое изменение станет важной вехой в развитии страны», в противном случае это «может привести к продолжающемуся перенапряжению молодой рабочей силы, ее недовольству и вооруженному насилию, размежеванию образовательных и медицинских услуг, а также перпетуации высокой рождаемости»⁴⁰. Уровень безработицы в стране даже сейчас находится в пределах 40%⁴¹, а афганский рынок труда, согласно исследованиям Всемирного банка, ежегодно за счет молодежи пополняется новой рабочей силой на 180 тыс. человек, из которых только 60 тыс. так или иначе трудоустроятся⁴².

Агентство США по международному развитию приводит данные о значительном снижении уровня материнской смертности с 1600 на 100 тыс. человек в 2002 г. до 327 к 2010 г.⁴³ Но встречаются и другие данные, свидетельствующие о сохранении высокого уровня смертности в стране. Исследования британского и ирландского агентства «Афганистан групп» в 2010 г. показали, что материнская смертность в среднем по стране находится на уровне 1575. Точно так же и по средней продолжительности жизни американское агентство сообщает о росте показателя с 41 года до 63 лет, «Афганистан групп» – только до 48⁴⁴. По другим данным, детская смертность находится на уровне 55 смертей на 1000 живорожденных и младенческая – 45. В городах уровень младенческой смертности ниже (35), чем в сельской местности (54 на 1000 живорожденных)⁴⁵.

Имеются и данные по отдельно взятым районам страны. Высокий показатель младенческой смертности наблюдается в Нуристане (123), Урузгане (89) и Бадахшане (68)⁴⁶. Материнская смертность, согласно другим исследованиям, в Кабуле снизилась в 2002 г. с 418 до 166 на 100 тыс. живорожденных, а в районе Раг провинции Бадахшан – 6507 и 713 соответственно⁴⁷. Отметим, что во многих районах других провинций также смертность была высокой (Алишанг провинции Лагман – 774, Майванд провинции Кандагар – 2182)⁴⁸.

В целом Афганистан все еще находится на начальном этапе восстановительного процесса, и, чтобы довести качество жизни до желаемого уровня, потребуется еще много усилий. По индексу человеческого развития на 2016 г. Афганистан среди 188 стран мира находился на 169-м месте⁴⁹.

Таблица 3

**Уровень смертности в раннем возрасте
(на 1000 живорожденных)**

Провинция	Год проведения исследования	Младенческая смертность	Смертность среди детей до 5 лет
Баглан	2016	46	59
Нимруз	2016	45	58
Герат	2016	71	98
Балх	2015	52	68
Тахар	2015	59	79
Саманган	2015	81	114
Каписа	2014	55	72
Парван	2014	59	80
Кабул	2013	43	54
Гур	2012	70	97
Дайкунди	2012	76	105
Бамиан	2011	86	122

Источник: Socio Demographic and Economic Survey 2016. Baghlan. P. 63.

Для определения численности своего населения Афганистан начал применять и другие, более современные, технологичные, методы – дистанционное зондирование и спутниковые снимки. Органы статистики Афганистана в течение двух лет за счет средств Фонда народонаселения ООН и Благотворительного фонда Билла и Мелинды Гейтсов провели такое исследование, а результаты огласили в начале 2018 г. В документах говорится, что «при картировании населения с высоким разрешением использовались методы, успешно реализованные в других местах. Они включают интеграцию данных социально-демографического и экономического обзора, обследований небольших районов, а также геопространственных данных высокого разрешения, многие из которых были получены с недавно сделанных спутниковых снимков 50-см пространственного разрешения или более меньшего размера. Были опробованы и внедрены ряд статистических методов для интеграции этих данных и получения оценок общей численности населения на разных уровнях административных единиц по всей стране, а также с разбивкой по возрасту и полу»⁵⁰.

Согласно результатам исследования численность афганцев составляет 34,5 млн, что на 5 млн больше, чем приводит статистический ежегодник 2017 г. Новые данные в большинстве случаев противоречат традиционному представлению о демографии Афганистана сложившемуся после переписи 1979 г. В первую очередь это касается провинций севера и центральной части страны, где местами показатель существенно ниже общепринятого, и юга и востока, где, наоборот, налицо беспрецедентный рост показателей. То есть фактически дополнительные 5 млн выявлены на юге и юго-востоке страны. К числу таковых, например, относится провинция Гильменд⁵¹, где, по прежним данным, живет 900 тыс. человек, а исследование там выявило 2111 тыс. То есть, судя по этим данным, население провинции Гильменд с 1979 г. по 2017 г. увеличилось на 1482 тыс. человек со среднегодовым темпом в 7,5%, что в 2,5 раза выше среднего показателя по стране (3,2%). Конечно, Кабул имеет

высокий показатель роста, однако столица всегда была привлекательной для мигрантов, перемещенных лиц и сельской бедноты, но, как будет далее показано, Гильменд к такой категории провинций не относится. Показатель прироста г. Кабул – 6,33%, что в основном происходило за счет притока жителей сельских местностей⁵².

В результатах исследования численность самого густонаселенного, оживленного, обеспеченного электроэнергией и привлекательного для репатриантов и мигрантов Кабула указана в 4142 тыс., что на 500 тыс. меньше данных ЦСО Афганистана, провинции Баглана – 1180 тыс. против 900 тыс. Также в провинциях Хост (948 тыс.), Пактия (832 тыс.), Лагман (748 тыс.), Балха (1664 тыс.), и Кунар (980 тыс.) численность населения больше, чем указывают данные афганской статистики. Среднегодовой прирост в Кундузе составил 1,5%, Забуле – 1,3%, Бамиане – 0,98%⁵³.

В экспертных кругах и среди парламентариев эти данные в прямом и переносном смысле называют «воздушными» и выдвигают мнение, что они необходимы действующим властям, во-первых, для искусственного увеличения численности отдельно взятого народа и, во-вторых, фальсификации на грядущих президентских выборах⁵⁴.

Если исследование охватывало только тех жителей, которые на момент его проведения находились на территории страны, тогда с учетом беженцев в Пакистане и Иране показатель приблизится к 40 млн. В Пакистане на начало 2018 г. число только официально зарегистрированных беженцев из Афганистана составило 1,38 млн и еще 1 млн человек нелегально пребывающих, что в совокупности 2,38 млн⁵⁵. Такое же число беженцев находятся в соседнем Иране. Министерство по делам беженцев Афганистана приводит цифру в 2,4 млн человек. На долю этих стран также приходится подавляющая часть репатриантов. По одним данным, в 2018 г. из 332,4 тыс. официально вернувшихся в Афганистан беженцев 320 тыс. прибыли из Ирана и Пакистана, в 2017 г. на долю этих стран приходилось 619 тыс.⁵⁶

Таблица 4

Репатриация афганских беженцев (2002–2017 гг.)

Год	Иран		Пакистан		Другие страны		Всего	
	Человек	Семей	Человек	Семей	Человек	Семей	Человек	Семей
2002	259 792	259 792	1 565 066	281 565	9683	2273	1 834 541	321 069
2003	142 280	22 241	332 183	58 939	1171	206	475 634	81 386
2004	377 151	68 263	383 322	66 539	650	128	761 123	134 930
2005	63 559	11 532	449 391	79 234	1140	65	514 090	90 831
2006	5264	913	133 338	24 046	1202	103	139 804	25 062
2007	7054	1388	357 635	56 335	721	71	365 410	57 794
2008	3656	641	274 200	45 062	628	68	278 484	45 771
2009	6028	1069	48 320	8414	204	21	54552	9504
2010	8487	1476	104 331	17 343	150	28	112 968	18 847
2011	18 851	3675	48 998	8564	113	22	67 962	12 261
2012	15035	2873	79435	14 064	86	18	94 556	16 955
2013	8247	1180	30 388	5429	131	24	38 766	6633
2014	4512	513	12257	2172	226	47	16995	2,732
2015	2881	199	55 422	10 135	157	31	58 460	10365
2016	2290	114	370 102	65 693	185	40	372 577	65 847
2017	1262	67	58 133	10 700	196	41	59 623	10 809
Всего	926 349	153 375	4 302 521	754 234	16643	3186	5 245 545	910 796

Источник: Afghanistan Statistical Yearbook 2017–18. Р. 10.

Как видно из данных таблицы 4, между 2002–2016 гг. из Пакистана вернулись 4244 тыс. человек, а, согласно исследованиям Агентства ООН по делам беженцев, в 2005 г. на территории этой страны находилось 3049 тыс. афганских беженцев, из которых 42,3% проживали в лагерях, а остальные в городских и сельских местностях. Среди них 80% те, кто покинули страну между 1981 и 1990 гг., 8,5% – с 1991 по 1995 г. и 5,4% – с 1996 по 2000 г.⁵⁷ Также выше было указано, что, по последним данным, в Пакистане остается значительное число афганских беженцев.

Следует отметить, что наравне с репатриацией афганских беженцев продолжается и обратный процесс – эмиграция из Афганистана в соседние страны и Европу. С 2001 по 2005 г. в Пакистан эмигрировали 133 тыс. человек⁵⁸. В 2015 г. 300 тыс. человек вернулись домой, а 150 тыс. просили убежище в странах ЕС. Такое поведение продиктовано не только вопросами безопасности, но и экономическими и социальными соображениями, результатом чего становится длительное нахождение беженцев за пределами Афганистана. Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев приводит данные, согласно которым летом 2009 г. ежедневно в среднем официальные пограничные пункты с Пакистаном в обоих направлениях проходили 40 тыс. человек. Наблюдения показывали, что причины у афганцев для выезда были разные – начиная от поиска убежища, работы, посещения близких и родственников до медицинского обслуживания⁵⁹. Поведением людей управляют самые разные мотивы, поэтому становится «все сложнее сказать, кто является беженцем, а кто трудовым мигрантом»⁶⁰.

С 2012 по 2017 г. из Афганистана эмигрировали свыше 772 тыс. человек, из которых 60% направлялись в Иран, 21% – в Пакистан. Если рассмотреть по провинциям, то больше всех мигрировало из Герата (103,5 тыс.), Баглана (94), Тахара (87,6), Фараха (81), Балха (79), Кундуза (78,9) и Кабула (56,3 тыс.). Центральные и восточные провинции отличаются относительно меньшим числом эмигрантов⁶¹.

Кроме эмиграции за пределы страны растет и число перемещенных внутри страны лиц. Жители часто оставляют места постоянного жительства под воздействием двух факторов – нестабильности и стихийных бедствий, прежде всего засухи. Исследования показывают, что 72% вынужденных переселенцев как минимум дважды покидали места постоянного обитания, другая часть – трижды⁶². В 2012 г. по всей стране перемещенных лиц насчитывалось 398 тыс. человек, или 62 тыс. семей (из них 32% были с юга, 23% – с запада, 24% – с востока страны)⁶³, а в середине 2018 г. их совокупное число вместе с репатриантами в 15 провинциях выросло почти в десять раз и достигло 3549 тыс. Из числа перемещенных лиц 1482 тыс. человек, или 86%, покинули свои дома вследствие конфликтов⁶⁴.

В 2016 г. с начала января до середины декабря свыше 580 тыс. человек, или 84 257 семей, переместились в поисках безопасных мест. Среди них была высока доля детей в возрасте до 18 лет (56%). Основную их массу составляли жители провинций Кундуз, Урузган, Фарах и Гильменд. Если рассмотреть соотношение перемещенных лиц в 2018 г. по регионам, то 198 тыс. приходились на северо-восточный регион, 164 тыс. – южный и 90 тыс. – западный регион страны⁶⁵.

Общее число внутренне перемещенных лиц в Афганистане, по последним данным, находится на уровне 1,7 млн человек, из которых 57% передвигаются в пределах своих провинций, а остальные 43% распределены по 15 провинциям. Самыми привлекательными среди провинций для этой категории лиц являются Герат, Нангархар и Кабул⁶⁶.

На социально-экономическом состоянии некоторых городов и провинций сказывается поток репатриантов из соседних стран, приведший к резкому росту численности их населения. Нангархар, граничащий с Пакистаном, не стал в этом плане исключением, где останавливается значительная часть возвращающихся афганцев. По некоторым данным, по состоянию на 2017 г. в этой провинции насчитывалось 418 тыс. репатриантов, которые в основном прибыли из Пакистана и Ирана⁶⁷. Прежней инфраструктуре здравоохранения и образования не только здесь, но и во всех остальных принимающих провинциях и городах не под силу обеспечить нормальный доступ местным жителям к необходимым услугам, а процесс репатриации еще больше усиливает нагрузки.

Приведем данные Международной организации миграции (МОМ), согласно которым число репатриантов в Афганистане намного больше, чем указано в официальной афганской статистике. Данные, предоставленные ими, ежедневно получаются на всех приграничных пропускных пунктах сотрудниками организации. Для сравнения отметим, что, по данным МОМ, в 2016 г. число репатриантов составило 692 тыс. человек, что почти в два раза больше показателя официальной статистики⁶⁸. По данным организации, только в 2018 г. включительно по 29 декабря в Афганистан вернулись 800 тыс. человек. Подавляющая их часть

приходится на Иран (767,6 тыс.) и небольшая – на Пакистан (32,5 тыс.). Из общего числа возвратившихся из Ирана 53,7% (412,1 тыс.) были депортированы, остальные вернулись добровольно. Такой большой отток из этой страны объясняется ухудшением экономической ситуации⁶⁹.

Возвращаясь к вопросу полноценной переписи населения, отметим, что в период после 2001 г. имели место попытки ее проведения. В планах афганских властей она была намечена на 2008 г., но, как утверждают сами афганские власти, нестабильная обстановка в большинстве провинций не позволила приступить к работе. Позже, в 2011 г., ЦСО Афганистана совместно с Фондом народонаселения ООН запустила семилетний проект социально-экономического и демографического исследования (СЭДИ) Афганистана, которое также затягивается и не завершилось к намеченному сроку. На сегодня работы выполнены только в 14 из 34 провинций, а обработаны данные по 12 из них⁷⁰.

Хотя в опубликованных результатах исследования не отражаются абсолютные показатели общей численности населения обследованных провинций, а указывается лишь процентное соотношение по районам и городам, косвенно, исходя из предоставленных данных по числу и доли мигрантов, можно определить общий показатель. В некоторых случаях материалы СЭДИ по 12 провинциям соответствуют общему показателю последних исследований с применением новых технологий, а в других – противоречат им. Прежде всего, это касается численности населения отдельных провинций.

Репатрианты и перемещенные внутри страны лица, как частично было выше сказано, в основном сосредотачиваются в больших городах и вокруг них, оказывая существенное влияние на их демографию. Поэтому следует отметить, что мигрантами в этих материалах считаются все, кто как минимум последние шесть месяцев переселились из другого района, провинции или страны. Немалая их часть приходится на репатриантов из соседних стран. В общих чертах рассмотрим ситуацию по некоторым из них.

Обработанные и опубликованные материалы исследования показывают высокую мобильность афганского населения.

Согласно этим данным, в провинции Балх 426 тыс. человек, или 26% от общего числа населения, составляют мигранты. В Нахри-Шахри на них приходится свыше половины населения, а в провинциальном центре г. Мазари-Шарифе – 46% от городского населения⁷¹ (по другим данным, 38%, из которых 17% – репатрианты)⁷². В провинции Баглан (2016 г.) мигранты составляли 18,2%, или 229 тыс. человек. Здесь наивысший показатель продемонстрировал г. Пули-Хумри, где 28,4% населения составляют мигранты⁷³.

Наибольшее скопление мигрантов и перемещенных лиц наблюдается в крупных городах экономически важных провинций, что характерно для большинства городов всех стран. Примером служит провинция Герат, где находятся 808 тыс. (33,4% населения) мигрантов. Свыше половины населения (56,4%) г. Герата, как говорится в материалах исследования, так же мигранты⁷⁴. Такое же положение дел наблюдается и в столичном регионе, самом крупном и привлекательном центре скопления искателей лучшей жизни. Там численность мигрантов (2012 г.) достигала 1,3 млн, или 31,9% от общего числа по провинции. Примечательно, что в столицу стремятся не только жители других провинций, но и репатрианты, особенно из соседних Пакистана и Ирана. На долю Кабула приходится 79,9% от всех мигрантов провинции, из которых 49,2% репатрианты из других стран, 28,4% – из соседних и 19,6% – из других отдаленных провинций⁷⁵.

Мигранты в отдельных провинциях составляют свыше половины их населения. Например, в Нимрузе на их долю приходится 52% (125 тыс. человек) от общей численности населения провинции⁷⁶. В некоторых случаях приток жителей окрестных районов самой провинции в основном приводит к удвоению численности горожан. Здесь наглядным примером послужит административный центр провинции Тахар г. Талукан, где доля мигрантов из других районов самой провинции составляет 49,7%, из-за границы – 23,1%, в частности 59,7% из Ирана и 34,5% из Пакистана⁷⁷. В г. Герате 43,2% приезжих приходятся на другие районы провинции, 17,3% – на другие провинции и 27,5% на другие страны, в частности 94% на Иран и около 5% на Пакистан. В 7 из 13 районов Герата доля приезжих составляет от 53 до 77% их населения, а в 9 из них большая доля приходится на репатриантов⁷⁸.

На долю менее богатых провинций приходится минимальное число мигрантов (Каписа – 4 тыс. человек, или 12,8% от общего числа населения⁷⁹, Бамиан – 46 тыс. и 12,4% соответственно⁸⁰).

Как уже выше было отмечено, исходя из приведенных данных по мигрантам, можно подсчитать показатель общей численности населения этих провинций. Ниже в таблице сравниваются данные ЦСО, спутниковых снимков и СЭДИ.

Таблица 5

**Численность населения Афганистана по данным
разных источников и исследований, тыс. человек**

Провинция	Год исследования	Данные результатов СЭДИ	Данные ЦСО, соответствующие году исследования	Данные спутниковых исследований	Данные ЦСО на 2017 г.
Кабул	2013	4075	4086	4142	4679
Баглан	2016	1258	926,9	1181	943
Саманган	2015	464	387	471	401
Балх	2015	1638	1325	1664	1382
Бамиан	2011	371	418,5	368	462
Герат	2016	2419	1928	2835	1967
Дайкунди	2012	611	438	717	476
Нимруз	2016	240	167,8	309	170
Парван	2014	683	653	709	687
Тахар	2015	1280	983	1292	1017

Как видно из полученных данных, кроме провинций Кабула, Бамиана и Парван в остальных случаях результаты СЭДИ значительно выше, чем показатели официальной статистики, и расходятся с результатами спутниковых исследований. Без учета перемещенных лиц и репатриантов по многим городам и провинциям картина существенно меняется. С одной стороны, если

по тем же данным из общей численности постоянных жителей Герата исключить мигрантов, то получится 1661 тыс. человек, но следует учитывать тот факт, что СЭДИ к категории мигрантов относит и тех, кто несколько десятилетий назад меняли места жительства.

Расчет ежегодного прироста численности афганского населения между 1980 и 2017 гг. в 2,6% в год при прочих равных условиях без учета коэффициентов рождаемости и смертности, а также фактора нестабильности дает цифру, равную результатам спутниковых исследований. Но здесь следует еще раз отметить, что даже при сохранении высокого уровня рождаемости за годы войны смертность в целом, а младенческая, детская и материнская в частности были высокие. Кроме того, часть взрослого населения эмигрировала в другие страны, другая – погибла в ходе междоусобиц.

Выше в общих чертах было сказано о демографической ситуации в 80-е гг. На примере некоторых провинций покажем изменения, произошедшие в указанном десятилетии в результате вынужденной эмиграции. Исследования УПБ ООН от 1989 г. показали, что беженцев из Герата в Иране насчитывалось около 200–250 тыс. (31% от всего населения провинции)⁸¹. Население Кандагара за счет оттока в Пакистан сократилось на 42% (240 тыс.) от показателя 1979 г.⁸², провинция Нангархар в процентном соотношении пострадала больше, поскольку 54% ее населения (400 тыс.) от показателя 1979 г. находилось в пакистанских лагерях для беженцев⁸³. Меньше всего эта тенденция наблюдалась в провинции Балх – 47 тыс. беженцев в Иране и Пакистане (5% от числа жителей). Здесь нестабильность привела к негативным последствиям для жителей, однако большая их часть предпочла переселиться в менее опасные районы самой провинции. Внутренне перемещенных лиц там насчитывалось 200 тыс. человек⁸⁴.

За прошедшие годы гражданская война унесла жизни сотен тысяч человек, что, естественно, не могло не отражаться на темпах прироста численности населения. По оценкам ООН, число погибших в ходе войны в 80-х гг. варьируется от 700 тыс. до 1,3 млн человек⁸⁵. Продолжение войны в 90-х гг. также привело к

гибели большого числа жителей страны. Только с 1992 по 1995 г. в одном Кабуле и его окрестностях было убито, по одним данным, 25 тыс.⁸⁶, по другим – от 40 до 50 тыс. мирных жителей⁸⁷. С марта 2003 по октябрь 2018 г. в Афганистане погибли 58 тыс. солдат и служащих афганской милиции, 38 тыс. мирных жителей и 42 тыс. боевиков оппозиции⁸⁸, что в совокупности 138 тыс. человек.

Прогнозные оценки международных организаций и авторитетных агентств западных стран также разнятся. В 2009 г. Отдел народонаселения ООН прогнозировал, что к 2030 г. афганское население достигнет 50 млн, а Центр международных программ бюро переписи населения США – 43 млн⁸⁹. Всемирным банком ежегодный прирост численности афганского населения между 2010 и 2015 гг. оценивается в 3% годовых⁹⁰. Даже если темпы прироста в абсолютном выражении сохранятся на уровне 500 тыс. в год, исходя из данных статистики, только к 2030 г. население страны достигнет показателя в 36 млн человек.

Отсутствуют точные данные и по этническому составу афганского населения. При выборочных исследованиях вопрос численного соотношения этносов, проживающих на территории страны, остался без внимания. Национальный вопрос в Афганистане политизирован и в официальных документах стараются избегать его, поскольку речь тут же может пойти о численном превосходстве двух главных наций – пуштунов и таджиков – и исконности обитания каждой на этой территории.

М. Ф. Слинкин, изучая историю формирования этносов Афганистана с древности, приходит к выводу, что на территории современного Афганистана «к середине XVIII в., к моменту образования первого афганского государства во главе с Ахмад-шахом Абдали (Дуррани), в целом завершилось формирование национального состава Афганистана, существующего по настоящее время в географических границах страны» и поэтому «ни один народ, ни одно племя, из населяющих эту страну этносов (за исключением, пожалуй, только брагуи, имеющих дравидские корни), не может претендовать на автохтонность или другими словами – на “исторические права” коренного народа ... и преимущества перед другими (некоренными) этносами, как

это стало модным считать в националистических кругах многих стран, в том числе и Афганистана»⁹¹.

Поскольку точные данные отсутствуют, как и во всех остальных случаях, при изучении этнического состава афганского населения придется исходить только из оценочных показателей и косвенных выводов.

В источниках первые данные встречаются в работе М. Эльфинстона согласно которым пуштунов на территории Афганистана того периода насчитывалось 4,5 млн, персов (таджиков) – 1,5 млн, тартаров (тюркоязычных народов, включая хазарейцев) – 1,2 и белуджей – 1 млн⁹². Источники начала второй половины XIX в. сообщают, что в Кандагаре проживало 600 тыс. пуштунов и 300 тыс. персов, в Кабуле – 1600 и 800 тыс. соответственно⁹³. Н.А. Аристов число пуштунов к концу столетия определил в 2 млн, численность остальных народов – 3 млн⁹⁴. То есть, доля пуштунов, по тем данным, составляла 40% от всего населения.

Периодически правители Афганистана по различным причинам переселяли целые племена и народы из одного места в другое, что привело к изменению этнической картины, значительному росту доли конкретной народности в заданном регионе. Так, встречаются факты переселения племен во времена Надир Шаха Афшара. В центральные районы, такие как Кабул, переселяли 12 тыс. семей из числа кызылбашей⁹⁵. Самый заметный след в истории Афганистана оставила политика Абдурахман-хана, заселившего северные районы пуштунскими племенами.

Причинам и последствиям политики Абдурахман-хана посвящено много публикаций, поэтому отметим здесь только то, что эмир в первую очередь был озабочен вопросом обеспечения и укрепления безопасности северных рубежей своих владений, расширением экономических возможностей государства. Переселенческую политику он начал с непуштунских народов Афганистана. Абдурахман-хан призывал племена переселяться на север страны для защиты границы от России, осваиванию новых свободных плодородных земель, содействовать развитию нации и государства. Изначально данная политика охватывала и непуштунские народы Афганистана. В начале 1885 г. в

Бала-Мургаб переселяли до 2 тыс. семей из числа джамшидов, хазарейцев, фирузкухи и сарыков⁹⁶.

В первой половине XIX в. в Бадгисе проживало 80 тыс. семей джамшидов, после событий 1844 г. 12 тыс. семей со своим главой переселились в Хиву и только в период Дост Мухаммада вернулись обратно. В первые годы правления Абдурахман-хана в Бала-Мургабе расселились 30 тыс. семей джамшидов во главе с Ялангтуш-ханом. Позже, «во время работы англо-русской разграничительной комиссии по определению границы между русскими владениями и Афганистаном, Ялангтуш-хан был заподозрен эмиром Абдуррахманом в сепаратных сношениях с русскими», что изменило дельнейшую судьбу его народа⁹⁷.

Член афганской пограничной комиссии из числа английских офицеров лейтенант Ч.Э. Иет в 1884 г. посоветовал эмиру переселять на север пуштунов, чтобы обеспечить безопасность северных рубежей Афганистана в случае попыток проникновений со стороны России. Он порекомендовал заменить джамшидов более воинственными пуштунскими племенами гильзай, которые «вряд-ли поддаются русскому влиянию». В результате афганский эмир к концу 1885 г. принял решение переселять местных жителей приграничной территории вглубь страны, а вместо них поселил туда 18 тыс. семей, большая часть которых были пуштуны⁹⁸.

Лейтенанта Ч.Э. Иета, с одной стороны, беспокоили контакты, которые имелись между родственными этносами, проживающими по обеим сторонам границы, с другой – удивляла ненависть, которую представители пуштунских племен испытывали к иноверцам, и их готовность воевать против других, в данном случае против России. В англоязычных источниках встречаются следующие выдержки из текстов Ч.Э. Иета, характеризующие его отношение к непуштунским народам севера Афганистана: «Только неафганские племена, такие как узбеки Меймены, гератские хазарейцы и джамшиды и т. д., имеют разного рода связи с туркменами или русскими и общаются с ними, но будучи окруженными афганцами, они становятся безопасными»⁹⁹.

Узбекам севера Афганистана Ч.Э. Иет дал не самую хорошую характеристику по той причине, что среди них «не видел ни

одного человека, носящего оружие, и они выглядят кем угодно, но только не воинами»¹⁰⁰. С другой стороны, он с восторгом писал о встрече с переселенцем из племени гильзай в Бала-Мургабе, который «не имел ни семьи, ни что-либо другое, что могло бы держать его на этом свете, его жизнь ничего для него не значила и все, о чем он желал, это умереть на войне против России»¹⁰¹.

Стоит отметить, что сам процесс переселения пуштунов на север с 1885 г. происходил в принудительном порядке и болезненно. Во-первых, климат северных районов не был привычен для выходцев из южных регионов Афганистана, что привело к гибели многих из них. Во-вторых, не все они были земледельцами и многим не хватило навыков и желания заниматься земледелием¹⁰².

В источниках встречаются разные данные относительно численности переселенных хозяйств¹⁰³, но здесь мы ограничимся информацией и данными исследования Н. Таппер. Также отметим, что не только из юга и юго-востока, но и из столичного региона страны переселяли жителей на север. В частности, осенью 1885 г. около 7 тыс. семей были отправлены из Кабула в Майману¹⁰⁴.

Переселенческая политика оказала крайне негативное влияние на социально-экономическую и политическую жизнь местных племен и народов, многие из которых потеряли не только свои земли, но и были вынуждены массами уезжать в другие места и территории. Ч.Э. Иет через год писал: «В Бала-Мургабе я видел как джамшиды массами возвращались в Кушку, а их места собирались занять афганские кочевники, которые в количестве до 2 тыс. семей находились в ожидании на той стороне реки... По возвращении через неделю в Бала-Мургаб я не обнаружил там ни одного человека из числа джамшидов»¹⁰⁵.

Эмир Абдурахман-хан в силу известных причин старался переселять более лояльные и преданные ему племена, о чем в 1887 г. писал: «Хотел бы увидеть границы Герата укомплектованными и расставленными не только регулярной армией, но также и своими соплеменниками из числа дуррани. Только в течение этого года 8 тыс. семей были переселены с той стороны Гильменда». Однако позже он разочаровался, узнав, что среди них основная масса – пуштуны из других племен¹⁰⁶.

Эмир намеревался переселять все больше желающих со всех других районов страны в места, расположенные к северным границам его владений. В своем обращении к жителям Афганистана от 1890 г. он сообщил, что желает переселить в афганский Туркестан 30 тыс. семей¹⁰⁷.

Следует отметить, что северные районы Афганистана к этому времени в результате непрекращавшихся конфликтов потеряли значительную часть своего местного населения, в ходе стычек опустошались целые города и районы. В Балхе, одном из самых крупных населенных пунктов региона, к 1886 г. насчитывалось всего 500 домов¹⁰⁸. Это продолжилось и при Абдурахман-хане, политика которого еще больше усугубила ситуацию. В период похода эмира в Хазараджат была истреблена половина мужского населения хазарейцев¹⁰⁹.

Таким образом, свободные земли северных районов заселяли жители из более густонаселенных районов юга. Постепенно, когда часть вынужденных переселенцев обосновалась в новых местах жительства, к началу 90-х гг. XIX в. опыт их развития привел к добровольному переезду из южных районов в северные¹¹⁰.

Таблица 6

**Общая численность пуштунских хозяйств
в северных районах Афганистана на 1907 г.**

Племя	Маймана	Бадгис	Сари-Пуль	Всего
Дуррани: Из них: Ализаи Ишакзаи	1100 900	2000	7000	11 000
Другие племена	3400		5800	9200
Всего	5400	2000	12 800	20 200

Источник: Tapper N. The Advent of Pashtūn... P. 73.

Местные племена северных районов в первые десятилетия XX в. семьями продолжали переезжать в российскую Среднюю Азию. До революции 1917 г. около 4 тыс. семей джамшидов и 2,5 тыс. семей аймаков (1908 г.) переселились на территорию современного Туркменистана. В первой половине 20-х гг. имел

место и обратный процесс, когда из советского Таджикистана в Афганистан эмигрировали 246 тыс. человек, из которых позже обратно вернулись только 18 тыс. Только из керкинского округа Туркменистана уехали 11 376 хозяйств, обратно вернулись 2200 хозяйств¹¹¹.

Заселение северных районов пуштунскими племенами продолжилось и в последующие годы. Между 1939 и 1951 гг. в район Мазари-Шарифа и Каттагана было переселено 5850 кочевых хозяйств¹¹².

Таким образом, в северные регионы Афганистана было переселено до 200 тыс. пуштунов, а их доля за это время увеличилась с 3 до 30% от всего населения региона¹¹³.

Что касается этнического состава населения Афганистана на начало XX в., то численность пуштунов исследователями оценивалась в 2 млн, таджиков – 1 млн, тюрков (туркмены, узбеки и др.) – 500 тыс., хазарейцев – 700 тыс., нуристанцев и кызылбашей по 150 тыс., индийских племен – до 300 тыс. и других народностей – 200 тыс. человек¹¹⁴. То есть, согласно этим данным доля пуштунов составляла более 41%, таджиков – 21%, хазарейцев – 14%, тюркоязычных – 10%.

Такое соотношение с небольшим ростом в пользу доли таджиков продолжает фигурировать и в дальнейших оценках как афганских, так и зарубежных исследователей. В 70-х гг. XX в. доля пуштунов оценивалась в 43–46% от всего населения¹¹⁵. По оценочным данным 80-х гг., численность пуштунов в Афганистане составляла 5817 тыс. (42,3%), таджиков – 3882 тыс. (28,2%), хазарейцев – 1560 тыс. (11,4%), узбеков 1105 тыс. (8%), туркменов 336 тыс. (2,4%). Судя по этим и другим нижеприведенным данным, пуштуны составляли большинство населения не только в зоне своего традиционного ареала – на юге и юго-востоке, – но и в некоторых провинциях севера и северо-востока, а также запада.

В рамках административно-территориального деления 1980-х гг., в провинциях Забуль и Пактика, а также округах Хоста и Шинвара доля пуштунов составляла 100%, в провинциях Пактия – 92%, Кандагаре – 91%, Нангархаре – 85%, Гильменде – 83%, Кунаре – 70%, Логаре – 65%, Фарахе – 63%, Уруз-

гане – 40%. Кроме того, по этим данным, большинство населения пуштуны составляли в Балхе (32,2%), Кундузе (39%) и на несколько процентных пунктов уступали таджикам в Герате (40 и 44%). Для сравнения отметим, что в начале XX в. население г. Балх состояло из 10 тыс. пуштунов, 5 тыс. тюркоязычных народов (татаров), 1 тыс. евреев¹¹⁶.

Таджики составляли большинство в столичном регионе с перевесом (48%) над пуштунами (34%), а также – Бадахшане (76%), Баглане (49%), Тахаре (46%), Гуре (43%), Парване (67%), Бадгисе (56%), Каписе (51%), Самангане (33%). Хазарейцы кроме своего исторического места проживания (Бамиан), где составляли около 83% населения, компактно проживали в провинциях Газни (44%), Вардак (40%) и Гуре (21%). Узбеки составляли большинство в Тахаре (39%), Самангане (33,8%), Джаузджане (21%) и Фарьябе (56%)¹¹⁷.

Международные источники, как и афганские, в своих оценках исходят из того, что свыше 40% населения Афганистана – это пуштуны. По данным «Country Studies» (1996 г.), приблизительно 40% населения Афганистана (10,1 млн) составляют пуштуны (11,4% – представители племени дуррани и 13,8% – гильзай), 25,3% – таджики, 18% – хазарейцы и 6,3% – узбеки¹¹⁸.

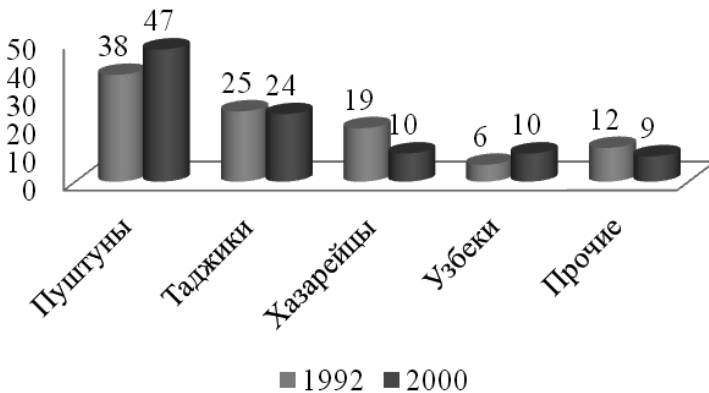

Рис. 1. Этнический состав афганского населения
по данным «Энциклопедии Британики», %

В постталибский период впервые официально в 2012 г. Афганской академией наук были опубликованы материалы об этническом составе населения, согласно которым 62% жителей Афганистана составляли пуштуны, 12% – таджики, 9% – узбеки и 6% – хазарейцы. Глава статистического управления назвал эти цифры далекими от реальности, поскольку ни на какие исследования, по его утверждению, они не опирались¹¹⁹.

Военно-политические события, происходящие после 1979 г., в некоторой степени изменили национальную картину по регионам. Междоусобицы из политической плоскости переросли в национальную, и местами представители большинства принудили этнические меньшинства покинуть места постоянного обитания.

До 1980-х гг. напряженность между пуштунами и непуштунами северных районов Афганистана находилась в латентном состоянии, а с началом междоусобной, гражданской, войны появилась почва для вытеснения пуштунского населения из северного региона. Непуштунское население начало притеснять пуштунов. В 90-х гг. в период вторжения талибов в северные провинции, наоборот, пуштуны воспользовались случаем для сведения счетов¹²⁰.

Известно, что талибы в подавляющем большинстве были пуштуны, поэтому боевые действия в северных провинциях с противниками получили этническую окраску. В мае 1997 г. около 3 тыс. боевиков талибов были казнены в Мазари-Шарифе объединенным фронтом узбекского генерала Абдул Малика и лидера хазарейцев Мухаккека. Через год, в августе 1998 г., захватив город, талибы искали и убивали всех мужчин, особенно молодежь из числа хазарейцев. В результате было убито свыше 2 тыс. человек, преимущественно хазарейцев, таджиков и узбеков¹²¹.

В ходе этих войн пострадали Коренные жители северных регионов, находясь в местах компактного проживания. Захватив район Якаоланг провинции Бамиан, талибы подожгли 4500 жилых домов, 500 лавок и общественных зданий хазарейцев, 3 тыс. домов таджиков и узбеков в Хваджагаре (Талукан)¹²². Источники, с одной стороны, дают информацию, что при нападе-

нии талибов на северные провинции часть пуштунов региона не только помогла им захватить территорию, но и принимала активное участие в совершении насилия в отношении непуштунов. С другой стороны, есть сведения, что при талибах такое поведение в подавляющем большинстве наблюдалось со стороны пуштунов-мигрантов¹²³.

После 2001 г., когда власть талибов была свергнута, преследованиям подверглись почти все пуштуны Балха, Фарьяба, Самангана, Баглана, Кундуза и других провинций¹²⁴, что привело к их массовому уходу с разных районов. Только в 2002 г. 20 тыс. пуштунов покинули северные регионы и стали вынужденными переселенцами на юге страны. К 2003 г. таковых насчитывалось уже в общей сложности 50 тыс. человек¹²⁵.

Подобные проблемы фиксируются и в провинциях других регионов Афганистана. На протяжении более 10 лет в провинции Вардак продолжаются вооруженные нападения кочевых племен на оседлых жителей районов компактного проживания хазарейцев. Официальной версией конфликта считается спор вокруг земельных угодий, на которые претендуют кочевые племена. Но выдвигается и версия, что нападения совершают боевики-талибы под видом кочевников¹²⁶.

Вероятно, по этим и другим причинам часть репатриантов и перемещенных лиц не возвращаются в места своего постоянного проживания, предпочитая выбирать другие районы и провинции. Опросы, проведенные в 2016 г. МОМ, показали, что около 70% репатриантов из Пакистана (по данным провинциальных властей – 80%) планировали остаться в провинции Нангархар, хотя большая их часть были выходцами из других мест¹²⁷. Такое поведение репатриантов, возможно, объясняется также близостью провинции к границе с Пакистаном, куда, в случае необходимости, легко было бы эмигрировать вновь. Напомним, что еще с 80-х гг. афганские беженцы в Пакистане по своему этническому составу в основном состояли из пуштунов, а в Иране – из таджиков, узбеков и хазарейцев¹²⁸.

Для обустройства репатриантов в новых местах проживания привлекаются средства международных доноров. На эти деньги проводятся мероприятия по обеспечению жильем и реше-

нию других жизненно важных вопросов. В 2016 г. заговорили о строительстве городка для 30 тыс. семей из числа репатриантов¹²⁹, а летом 2018 г. Европейский союз выделил 32 млн долл. для строительства жилья 3 тыс. репатриантам¹³⁰; в январе 2019 г. власти сообщили о завершающем этапе строительных работ по возведению домов для 4 тыс. семей в волости Касым-абад¹³¹. Это говорит о том, что данная категория репатриантов больше не желает или не надеется возвращаться на прежние места жительства.

Насколько напряженность на националистической почве может изменить этническое соотношение по провинциям, трудно сказать, однако встречаются данные официальных властей, предоставленные отдельными органами и ведомствами провинций. Они оценочные и не претендуют на абсолютную точность. Согласно информации Министерства образования Афганистана, из 323,9 тыс. жителей г. Кундуза 36% составляют таджики, 30% – пуштуны, 20% – узбеки, по 5% – хазарейцы и туркмены¹³². Напомним, что население Кундуза, по данным источников середины XIX в., в основном состояло из узбеков, переселившихся туда в XVI в., таджиков и «нескольких рассеянных семей афганцев и арабов»¹³³.

По другим данным, на языке дари в провинции Балх разговаривают 50% всего населения и 58% от всех сел, на пушту – большинство в 266 сел с долей 27%, туркменском – 11,9% и узбекском – 10,7%¹³⁴. В Баглане около 52% населения – таджики, 20% – пуштуны, 15% – хазарейцы и 12% – узбеки, в Самангане 65% – таджики, 30% – узбеки, в Кундузе 33% – пуштуны, 27% – узбеки и 22% – таджики, 11% – туркмены, 6% – хазарейцы и 1% – пашаи¹³⁵. Если сравнить эти цифры с данными 80-х гг., то в Баглане доля таджикского населения растет, а в Кундузе пуштунов становится меньше.

Как выше было отмечено, пуштуны и раньше составляли большинство в провинции Балх, но в последнее время, судя по косвенным данным, этническая картина провинции претерпела некоторые изменения. Представителями пуштунов в Балхе создан «Большой совет пуштунов» для защиты прав и поддержки участия пуштунов в политической жизни провинции в качестве

нацменьшинств¹³⁶. В этой провинции были случаи физической ликвидации пуштунских лидеров и вождей племен, вымогание денег местной милицией с пуштунов, оказание давления на пуштунское население¹³⁷.

В афганской прессе встречаются статистические данные об офицерском составе по национальному признаку. Из 13 049 офицеров и старшин 7030 (53,8%) таджики, 3287 (25,2%) – пуштуны, 918 (7%) – хазарейцы, 683 (52%) – узбеки, 199 (1,5%) – пашаи, 20 – белуджи, 25 – нуристанцы, 89 – арабы, 29 – аймакцы и 77 – туркмены. Также в батальоне противодействия беспорядков, входящем в это командование и состоящем из 500 человек, 391 – таджики, 60 – пуштуны, 29 – хазарейцы, 11 – узбеки, 5 – пашаи, 3 – арабы и один белудж¹³⁸. Эти цифры, во-первых, могут говорить об активном участии этих этносов, во-вторых, о соотношении численного состава.

Национальный вопрос в Афганистане временами становится препятствием при принятии решения по тому или иному вопросу. Введение электронных паспортов в течение нескольких лет затягивалось из-за вопроса отметки национальности в паспорте. Афганская пресса по этому поводу писала, что «секрет проблематичности процесса введения электронных паспортов не связан с юридическими или социальными вопросами, его корни кроются в политическом шантаже...»¹³⁹.

Парламент страны в течение нескольких лет затягивал принятие «Закона о регистрации и переписи граждан», который «был разработан во времена администрации г-на Карзая и в то время из-за разногласий вокруг термина “афганец” в паспорте в качестве общего определения идентичности для всего афганского народа был отложен и не утвержден. Тогда политические фракции разделились на две группы. Одна желала, чтобы слово “афганец” было введено как национальное определение для всех граждан Афганистана, а другая сторона, наряду с «афганцем» как общее для всех граждан призвала указывать и этническую принадлежность. Были те, кто выступали за полную отмену указания национальности народов в паспорте»¹⁴⁰.

На законодательном уровне в стране раньше не затрагивали национальный вопрос. Даже Конституция 1964 г. гово-

рила о «единой афганской нации», и только в статье 4-й нового Основного закона, принятого в 2004 г., перечисляются конкретные этносы: «Афганская нация состоит из пуштунов, таджиков, хазарейцев, узбеков, туркменов, белуджей, пашаи, нуристанцев, аймаков, арабов, киргизов, кызылбашей, гуджаров, брагуи и других народов». Как видно, статья указывает только на 14 крупных этносов страны. Представители Бюро выдачи электронных паспортов сообщали, что при обращении за паспортом гражданина для указания его этнической принадлежности из имеющегося банка данных предоставляется выбор из 14 включенных туда народностей¹⁴¹.

В феврале 2018 г. была создана комиссия, которая рассматривала возможность включения в систему выдачи паспортов названия остальных этносов. Представители Бюро переписи насчитывали обращений со стороны 100 народностей, проживающих в Афганистане¹⁴², поэтому решили исходить из 4-й статьи конституции. В мае 2018 г. Бюро выдачи электронных паспортов сообщило о включении в систему названий 14 народностей¹⁴³. В то же время было отмечено, что даже представители тех народностей страны, которые не отражены в Основном законе, выступают с обращением дать возможность указывать этническую принадлежность в паспорте. Афганские правоведы считают, что поскольку в Основном законе говорится «и другие народы», то каждый гражданин имеет право по своему усмотрению указывать свою национальность в паспорте¹⁴⁴.

Президент страны в начале мая 2018 г., получив электронный паспорт, дал старт процессу, в то время как глава исполнительной власти выразил с этим свое несогласие. Многие видные действующие и бывшие общественные и политические фигуры выступали против указания национальности в паспорте. Бывший президент страны Хамид Карзай, в частности, заявил, что процесс выдачи паспортов политизирован и приводит к расколу в обществе и что до тех пор, пока вопрос не будет решен, он не получит паспорт. Также Исламское общество Афганистана в своем обращении говорило, что поскольку все жители страны являются подданными Исламской республики Афганистан, то указание национальности не только становится излишним, но

и разжигает межнациональную вражду, раскалывает народы. Некоторые парламентарии обвиняли чиновников в незнании и незаинтересованности стабилизации обстановки в стране¹⁴⁵.

Через месяц после начала запуска процесса выдачи паспортов афганская пресса писала, что споры и разногласия вокруг термина «афганец» не утихают и что это «с одной стороны, показывает глубокий разрыв между народами Афганистана, а с другой – является показателем политического пробуждения среди непуштунских этносов... использующих термин “афганец” только по отношению к пуштунам и называющих этот процесс навязыванием национальной идентичности пуштунов другим этносам»¹⁴⁶.

В провинциях Парван и Бамиан после начала процесса выдачи паспортов некоторые общественные деятели вышли на митинг против указания в паспорте отметки «афганец» и скандировали лозунг «мы не афганцы»¹⁴⁷. Некоторые говорили, что термин «афганец» относится к пуштунам и не стоит его навязывать другим народам, а надо исходить из идентичности каждого из них¹⁴⁸. М. Н. Шахрани в своей статье, излагая взгляд непуштунов севера на нынешний конфликт, пишет, что «Многие непуштунские общины на севере Афганистана видят в продолжающемся конфликте в стране противостояние между “включенными” пуштунами и “исключенными” непуштунами»¹⁴⁹.

За введение в паспорте строки национальность в большей степени выступают малочисленные народности и этносы. Ярким примером служат представители этноконфессиональной группы «садат», пригрозившие воздержаться от процесса паспортизации в случае не включения их в список национальностей электронной базы. Руководитель «Движения национальной и исламской солидарности Афганистана» Саид Исхак Гилани, в частности, заявил, что они «определенно не собираются играть со своей идентичностью». Сайиду Мухаммад Али Джавиду, председателю Объединенной комиссии по народам и лидеру Свободного исламского движения Афганистана, в ответ на просьбу к президенту включить группу «садат» в базу посоветовали выбрать национальность из действующего списка, на что он ответил, что национальность не выбирают¹⁵⁰.

Представители «садат» в течение года регулярно поднимали этот вопрос и в середине марта текущего года добились встречи с вице-президентом страны Сарваром Данишом, который заверил их, что афганский народ относится к ним с почтением, так как «садат» являются прямыми потомками пророка ислама. Он отметил, что лично сам внес на рассмотрение президента вопрос включения «садат» в список наряду с 14 национальностями, отраженными в статье 4-й конституции. Вице-президент добавил, что надеется, что другие этносы будут возражать и если из их числа появятся желающие, для начала возникнет необходимость установить их этническую идентичность, тогда никаких препятствий со стороны закона не остается¹⁵¹.

Как показывает практика, в целом за прошедшие месяцы споры и недовольства вокруг этого вопроса утихли. Политические процессы, происходящие в последние годы, показывают, что межнациональная напряженность, присутствовавшая до первой декады нынешнего столетия, в какой-то мере начинает уходить на второй план, поскольку представители разных народов и этносов Афганистана все чаще объединяются вокруг политических программ и экономических интересов.

Национальный вопрос в Афганистане присутствует везде. Даже проблему проведения всеобщей переписи связывают с ним. Бытует мнение, что власти намеренно не проводят перепись населения, так как этим пытаются скрыть реальное численное соотношение этносов. Трудно сказать, насколько это соответствует действительности, но фактор нестабильности остается главным препятствием на пути их проведения. Власти посталибского Афганистана, имевшие в наличии всестороннюю поддержку внешних спонсоров, не справились с задачей, которую не смогли довести до конца и власти НДПА. Прделанные работы на протяжении XX в. принесли небольшие плоды. Выборочные исследования, начатые с 50-х гг., несмотря на высокие погрешности, помогли скорректировать статистические данные по численности и другим показателям социально-экономической жизни афганского населения. К концу 70-х гг. полученные данные в ходе частичной переписи еще больше улучшили качественную сторону показателей и приблизили к реальным.

Так или иначе, фактом остается то, что темпы прироста населения в стране высокие, а по возрастному составу доля молодежи в силу высокого уровня рождаемости по-прежнему находится на высоком уровне. Это как сейчас, так и в будущем требует ускоренных темпов социально-экономического развития, больших финансовых вложений, прежде всего в сферы образования и здравоохранения. При существующих социально-экономических реалиях, чтобы выйти на нормальный уровень развития, темпы роста экономики Афганистана должны быть намного выше темпов прироста численности его населения.

¹ Пуляркин В. А. Афганистан: экономическая география. М., 1964. С. 34.

² The conflict of Tribe and State in Iran and Afghanistan. New York, 1983. P. 17–18.

³ Белокреницкий В. Я. Пуштун Афганистана и Пакистана: демографическая динамика и политическая роль // Афганистан на переходном этапе (сентябрь 2001 – июнь 2002 г.). М., 2002. С. 39; Зарипов Ш. Производительные силы сельского хозяйства современного Афганистана. Душанбе, 1972. С. 7.

⁴ Давыдов А., Черняховская Н. Афганистан. М., 1973. С. 16.

⁵ Аристов Н. А. Об Афганистане и его населении // Живая старина (отделение этнографии). Выпуск III и IV. СПб., 1898. С. 278; 292.

⁶ Снесарев А. Е. Афганистан. М., 2000. С. 102.

⁷ The life of Abdur Rahman, Amir of Afghanistan. Vol 2. L., 1900. P. 279.

⁸ معلومات احصائيوي افغانستان (۱۳۵۲-۱۳۵۴) کابل ۱۳۵۵. س. ۱.

⁹ سالنامه «کابل» ۱۳۳۱. س. ۸۰.

¹⁰ Белокреницкий В. Я. Указ. соч. С. 39.

¹¹ Лобашев А. И. Сельское население и сельское хозяйство Афганистана в цифрах. М., 1967. С. 5–6.

¹² Зарипов Ш. Производительные силы сельского хозяйства... С. 10.

¹³ Там же. С. 120.

¹⁴ مجموعه احصائيوي سال ۱۳۵۰. س. ۴.

¹⁵ Trussel J., E. Brown. A Close look at the Demography of Afghanistan // Demography. Vol. 16. № 1. P. 137.

¹⁶ معلومات احصائيوي افغانستان (۱۳۵۲-۱۳۵۴) کابل ۱۳۵۵. س. ج: ۱۶.

¹⁷ سرشماری تازه: نفوس افغانستان افزایش یافته است <http://www.1tvnews.af> (13.03.2018).

¹⁸ مجموعه احصائيوي سال ۱۳۵۷. س. ۳۷.

¹⁹ Краткий статистический сборник состояния и развития отраслей национальной экономики и социальных служб ДРА. Кабул, 1980. С. 1.

²⁰ مجموعه احصائيوي سال ۱۳۵۹. س. ۴-۲۵:۵.

- ²¹ Краткий статистический сборник состояния. С. 1.
- ²² Слинкин М. Ф. Афганистан: страницы истории (80–90-е гг. XX в.). Симферополь, 2003 (в формате PDF). С. 28.
- ²³ <http://www.un.org/News/dh/latest/afghan/un-afghan-history.shtml>
- ²⁴ Слинкин М. Ф. Этническая проблема в Афганистане (историко-политический анализ) // Культура народов Причерноморья, 2005. № 66. С. 49.
- ²⁵ سالنامه احصائیوی سال ۱۳۶۹. س. ۶
- ²⁶ سالنامه احصائیوی سال ۱۳۸۰. س. ۶
- ²⁷ Afghanistan Statistical Yearbook 2017–18. P. 3.
- ²⁸ Ibid. P. 5.
- ²⁹ Socio-Demographic and Economic Survey 2015. Balkh. Central Statistic Organization of Islamic Republic of Afghanistan, UNFPA, 2015. P. 5.
- ³⁰ Afghanistan Statistical Yearbook 2017–18. P. 6.
- ³¹ Afghanistan Statistical Yearbook 2017–18. P. 6; Socio-Demographic and Economic Survey 2016. Herat. Central Statistic Organization of Islamic Republic of Afghanistan, UNFPA, 2016. P. 7.
- ³² Afghanistan Statistical Yearbook 2017–18. P. 1.
- ³³ Socio-Demographic and Economic Survey. Kabul. Central Statistic Organization of Islamic Republic of Afghanistan, UNFPA, 2012. P. 16.
- ³⁴ Socio-Demographic and Economic Survey 2015. Balkh. P. 6.
- ³⁵ Socio-Demographic and Economic Survey 2016. Herat. P. 8.
- ³⁶ Afghanistan Statistical Yearbook 2017–18. P. 4.
- ³⁷ مجموعه احصائیوی سال ۱۳۵۰. س. ۵
- ³⁸ 30 Countries With The Youngest Populations In The World <https://www.worldatlas.com/articles/the-youngest-populations-in-the-world.html>
- ³⁹ Winds of Demographic Change in Afghanistan? <https://www.prb.org> (30.11.2009).
- ⁴⁰ Could Demography Save Afghanistan? <https://foreignpolicy.com> (17.11.2009).
- ⁴¹ حدود ۴۰ درصد افغانها بیکار اند <https://www.darivoa.com> (01.05.2018).
- ⁴² تحقیق تازه: بیکاری عمدهترین مشکل جوانان افغانستان است <https://etilaatroz.com/18603>
- ⁴³ How the U.S. Government Misleads the Public on Afghanistan <https://www.nytimes.com> (08.09.2018).
- ⁴⁴ Ibid.
- ⁴⁵ Afghanistan Demographic and Health Survey 2015. Central Statistics Organization, Ministry of Public Health. Maryland, 2017. P. 127.
- ⁴⁶ Ibid. P. 131.
- ⁴⁷ Linda Bartlett, Amnesty Le Fevre, Linnea Zimmerman, Sayed Ataullah Saeedzai, Sabera Turkmani, Weeda Zabih, Hannah Tappis, Stan Becker, Peter Winch, Marge Koblinsky, Ahmed Javed Rahmanzai. Progress and inequities in maternal mortality in Afghanistan (RAMOS-II): a retrospective observational study // Lancet Glob Health 2017. Vol. 5, May 2017. P. 552.
- ⁴⁸ Linda A Bartlett, Shairose Mawji, Sara Whitehead, Chadd Crouse, Suraya Dalil, Denisa Ionete, Peter Salama, and the Afghan Maternal Mortality Study Team. Where giving birth is

a forecast of death: maternal mortality in four districts of Afghanistan, 1999–2002 // *Lancet Glob Health* 2005. Vol 365, March 5, 2005. P. 868.

⁴⁹ Доклад о человеческом развитии 2016 (Резюме). Человеческое развитие для всех и каждого. Опубликовано для Программы развития Организации объединенных наций, 2016. С. 29.

⁵⁰ New Study Estimates Population to be 34.4 Million <https://www.tolonews.com> (29.03.2018).

⁵¹ سرشماری تازه: نفوس افغانستان افزایش یافته است <http://www.1tvnews.af> (13.03.2018).

⁵² مجموعه احصائیوی سال ۱۳۵۹. س. ۴-۵

⁵³ افزایش ۷ میلیونی جمعیت افغانستان براساس برآورد یک سازمان خارجی <https://etilaatroz.com> (۱۲ حمل ۱۳۹۷).

⁵⁴ <http://www.farsi.ru> پژوہشگران: نفوس شماری «هوایی» به هدف اکثریتسازی قومی صورت می گیرد (17.03.2018); <https://www.didpress.com> (۲۵ حوت ۱۳۹۶).

⁵⁵ Deadline looms for Afghan refugees in Pakistan <https://www.aljazeera.com> (31.01.2018).

⁵⁶ جمعیت افغانها در ایران دو میلیون و ۴۰۰ هزار نفر اعلام شد <http://www.irna.ir/fa/News/82946901> (19.06.2018).

⁵⁷ Census of Afghans in Pakistan 2005. Statistical Report on Census of Afghans in Pakistan – 2005. Ministry of States & Frontier Regions Government of Pakistan, Population Census Organization Statistics Division Government of Pakistan, United Nations High Commissioner for Refugees Branch Office Islamabad United Nations High Commissioner for Refugees Branch Office Islamabad. P. 5–6.

⁵⁸ Ibid. P. 6.

⁵⁹ Seeking Safety, Jobs, and More: Afghanistan's Mixed Flows Test Migration Policies <https://www.migrationpolicy.org> (25.02.2016).

⁶⁰ Ministry of Refugees and Repatriation and IOM Mark International Migrants Day in Kabul <https://afghanistan.iom.int/> (18.12.2015).

⁶¹ Kabul, Nangarhar, Herat host most IDPs, repatriates: IOM <https://www.pajhwok.com> (08.05.2018).

⁶² Hall S. Escaping war in Afghanistan: Where to next? A research study on the challenges of IDP protection in Afghanistan. Norwegian Refugee Council, 2018. P. 10.

⁶³ Afghanistan. Conflict- Induced Internally Displaced Persons in Afghanistan Interpretation of Data as of 31 May 2012. UNHCR Representation in Afghanistan. July, 2012. P. 4.

⁶⁴ Displacement Survey Shows 3.5 Million Internally Displaced, Returnees from Abroad in 15 Afghan Provinces <https://reliefweb.int> (08.05.2018).

⁶⁵ Over Half a Million Afghans Flee Conflict in 2016: A look at the IDP statistics <https://www.afghanistan-analysts.org> (28.12.2016).

⁶⁶ Kabul, Nangarhar, Herat host most IDPs, repatriates...

⁶⁷ How Return of Half a Million Refugees is Impacting One Afghan Province <https://www.newsdeeply.com> (23.05.2017).

⁶⁸ https://afghanistan.iom.int/sites/default/files/Reports/iom_return_of_undocumented_afghans_weekly_situation_report_25-31_december_2016.pdf.

- ⁶⁹ https://afghanistan.iom.int/sites/default/files/Reports/iom_afghanistan-return_of_undocumented_afghans-situation_report_23_-29_dec_2018_003.pdf
- ⁷⁰ چرا سرشماری افغانستان انجام نمیشود؟ <http://www.bbc.com> (11.07.2015).
- ⁷¹ Socio-Demographic and Economic Survey 2015. Balkh. P. 28.
- ⁷² EASO Country of Origin Information Report: Afghanistan – Key socio-economic indicators, state protection, and mobility in Kabul City, Mazar-e Sharif, and Herat City. Luxembourg, 2017. P. 18.
- ⁷³ Socio Demographic and Economic Survey 2016. Baghlan. P. 34.
- ⁷⁴ Socio-Demographic and Economic Survey 2016. Herat. P. 29–30.
- ⁷⁵ Socio-Demographic and Economic Survey. Kabul. P. 37–38.
- ⁷⁶ Socio-Demographic and Economic Survey 2016. Nimroz. Central Statistic Organization of Islamic Republic of Afghanistan, UNFPA, 2016. P. 24.
- ⁷⁷ Socio-Demographic and Economic Survey 2015. Takhar. Central Statistic Organization of Islamic Republic of Afghanistan, UNFPA, 2016. P. 43.
- ⁷⁸ Socio-Demographic and Economic Survey 2016. Herat. P. 31.
- ⁷⁹ Socio-Demographic and Economic Survey. Kapisa. Central Statistic Organization of Islamic Republic of Afghanistan, UNFPA, 2012. P. 31.
- ⁸⁰ Socio-Demographic and Economic Survey. Bamiyan. Central Statistic Organization of Islamic Republic of Afghanistan, UNFPA, 2012. P. 28.
- ⁸¹ Herat Province. UNHCR Background Report Prepared for the Data Collection for Afghan Repatriation Project. 15 April 1990. P. 1.
- ⁸² Kandahar Province. UNHCR Background Report Prepared for the Data Collection for Afghan Repatriation Project. 1 September 1989. P. 1.
- ⁸³ Nangarhar Province. UNHCR Background Report Prepared for the Data Collection for Afghan Repatriation Project. 1 September 1989. P. 1.
- ⁸⁴ Afghanistan. Balk Province, A Socio-Economic Profile. UNIDATA, Kabul, 1992. P. 7.
- ⁸⁵ <http://www.un.org/News/dh/latest/afghan/un-afghan-history.shtml>
- ⁸⁶ Country of Origin Information Report. Afghanistan. UK Border Agency. 8 April 2010. P. 12.
- ⁸⁷ Millen R.A. Afghanistan: Reconstructing a Collapsed State. April 2005. P. 1. URL: www.strategicstudiesinstitute.army.mil
- ⁸⁸ <https://watson.brown.edu/costsofwar/files/cow/imce/papers/2018/Human%20Costs%2C%20Nov%208%202018%20CoW.pdf>
- ⁸⁹ Could Demography Save Afghanistan? <https://foreignpolicy.com> (17.11.2009).
- ⁹⁰ Fragility and population movement in Afghanistan <http://documents.worldbank.org/curated/en/315481475557449283/pdf/108733-REVISED-PUBLIC-WB-UNHCR-policy-brief-FINAL.pdf>
- ⁹¹ Слинкин М. Ф. Этническая проблема в Афганистане. С. 48.
- ⁹² Elphinstone M. An account of the kingdom of Caubul, and its dependencies, in Persia, Tartary, and India (1842). Vol. I. L., 1842. P. 114.
- ⁹³ Report on the trade and resources of the countries on the North-Western boundary of British India. Lahore, 1862. С. 6.

- ⁹⁴ Аристов Н. А. Указ. соч. С. 278; 292.
- ⁹⁵ Report on the trade and resources. С. 6.
- ⁹⁶ Tapper N. The Advent of Pashtūn Māldārs in North-Western Afghanistan // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. University of London, Vol. 36, № 1 (1973). P. 55; 58; Kakar H. K.. Government and Society in Afghanistan: The Reign of Amir 'Abd al-Rahman Khan (Modern Middle East Series, number 5.) Austin: University of Texas Press. 1979. P. 131–132.
- ⁹⁷ Народы Передней Азии (под редакцией Н.А. Кислякова, А.И. Першица). М., 1957. С. 125; Kakar H. K.. Government and Society in Afghanistan. P. 132.
- ⁹⁸ Tapper N. The Advent of Pashtūn. P. 59–60.
- ⁹⁹ Lee L.J. The 'Ancient Supremacy': Bukhara, Afghanistan and the Battle for Balkh, 1731–1901. New York, 1996. P. 483.
- ¹⁰⁰ Yate C.E. Northern Afghanistan or Letters from the Afghan Boundary Commission. L., 1888. P. 130.
- ¹⁰¹ Ibid. P. 218.
- ¹⁰² Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана. Т. 2. М., 1965. С. 279–280.
- ¹⁰³ Lee L.J. The 'Ancient Supremacy': Bukhara. P. 480–490.
- ¹⁰⁴ Tapper N. The Advent of Pashtūn. P. 61.
- ¹⁰⁵ Yate C.E. Northern Afghanistan. P. 216–217.
- ¹⁰⁶ Tapper N. The Advent of Pashtūn. P. 67.
- ¹⁰⁷ Ibid. P. 71.
- ¹⁰⁸ Yate C.E. Northern Afghanistan. P. 255.
- ¹⁰⁹ Lee J.L. Afghanistan: A History from 1260 to the Present. L., 2018. P. 399.
- ¹¹⁰ Tapper N. The Advent of Pashtūn. P. 71.
- ¹¹¹ Панин С. Советская Россия и Афганистан (1919–1929 гг.). Москва-Иркутск, 1998. С. 145–148.
- ¹¹² Зарипов Ш. Проблема перевода кочевников и полукочевников Афганистана на оседлость // Актуальные проблемы стран Ближнего и Среднего Востока (история, экономика). М., 1970. С. 47.
- ¹¹³ Lee L.J. Afghanistan: A History from 1260 to the Present. 2018. P. 388.
- ¹¹⁴ Снесарев А.Е. Указ. соч. С. 102.
- ¹¹⁵ Белокреницкий В.Я. Указ. соч. С. 45.
- ¹¹⁶ Afghanistan and its late Amir: with some account of Baluchistan (Christian Literature Society for India). London-Madras, 1902. P. 45.
- ¹¹⁷ Слинкин М. Ф. Афганистан: страна, люди, общество. Симферополь, 1995. С. 86–87.
- ¹¹⁸ <http://countrystudies.us/afghanistan/38.htm>
- ¹¹⁹ ۲۳ جوزا ۱۳۹۱ <https://8am.af> آمار خیالی اکادمی علوم
- ¹²⁰ Shahrani M. Nazif. Conflict and peace in Afghanistan. A northern, non-Pashtun perspective // Accord. Issue 27, June 2018. Incremental peace in Afghanistan. P. 42–43.
- ¹²¹ Fueling Aghanistan's War. Press Backgrounder <https://www.hrw.org/legacy/backgrounder/asia/afghanistan/afghbk.htm>

- ¹²² Afghanistan. Paying for the Taliban's Crimes: Abuses Against Ethnic Pashtuns in Northern Afghanistan. Human Rights Watch., April 2002. Vol. 14. № 2 (C). P. 11-12.
- ¹²³ Ibid. P. 16.
- ¹²⁴ Ibid. P. 12-44.
- ¹²⁵ Lawrence Devlin, Jacob Rinck, Christian Denny and Idrees Zaman. Conflict analysis: Kunduz city, Kunduz Province. Cooperation for Peace and Unity, 2009. P. 7.
- ¹²⁶ http://www.dailyafghanistan.com (۱۳۹۱) ولسوالۍ بهسود بار دگر مورد تهاجم کوچي ها قرار گرفت <https://etilaatroz.com> درگیری کوچیها با باشندگاه بهسود چهار کشته و زخمی برجا گذاشت (۱۴ جوزا ۱۳۹۴) سرطان (۳); Бамяан. P. 28.
- ¹²⁷ Resettling Nearly Half a Million Afghans in Nangrahar: The consequences of the mass return of refugees <https://www.afghanistan-analysts.org> (12.05.2017).
- ¹²⁸ <http://www.un.org/News/dh/latest/afghan/un-afghan-history.shtml>
- ¹²⁹ اسکان بیشتر عودت کنندگان در ننگرهار مشکلات آفریده است <https://www.pajhwok.com> (17.12.2016).
- ¹³⁰ سه هزار خانه برای مهاجرین عودت کننده در ننگرهار اعمار میشود <https://www.pajhwok.com> (24.07.2018).
- ¹³¹ http://morr.gov.af/fa/news/84802 (09.01.2019). واحد مسکونی برای عودت کنندگان اعمار می شود
- ¹³² http://moe.gov.af/Content/files/Markaz%20Shahr.pdf. الی ۱۳۹۷ پلان میان مدت شهر کندز ۱۳۹۹.س. ۳.
- ¹³³ Report on the Trade and Resources of the Countries on the North-Western Boundary of British India. Lahore, 1862. P. 10.
- ¹³⁴ https://my.nps.edu/documents/105988371/107571254/Balkh_PDP_Provincial_profile.pdf/09d635b2-a75b-49e8-88c2-94d26ab54f7f. P. 2.
- ¹³⁵ <https://my.nps.edu/web/ccs/northern-afghanistan?inheritRedirect=true>
- ¹³⁶ <http://afghanpaper.com> (30.08.2010). ایجاد شورای بزرگ پشتونها در بلخ
- ¹³⁷ پولیس محلی بلخ از پشتون ها باجگیری می کند و آنان را به نام طالبان آزار می دهد <https://www.pajhwok.com> (23.02.2017).
- ¹³⁸ <https://8am.af> (05.09.1396). ترکیب قومی فرماندهی پولیس امن و نظم عامه اعلام شد
- ¹³⁹ <http://dailyafghanistan.com> (۱۳۹۶ جدی ۱۳). سایه سنگین سیاست بر توزیع تذکره های الکترونیکی
- ¹⁴⁰ Там же.
- ¹⁴¹ <https://www.tolonews.com> (۶۹۳۱ حوت ۲). به نام قوم دیگر شناسنامه میگیریم؛ باید اقوام نکر شوند
- ¹⁴² <http://www.armanemili.com> (25.02.2018). اداره ثبت احوال نفوس: درج نام سایر اقوام در شناسنامه های برقی بررسی می شود
- ¹⁴³ <http://sana.af> (05.05.2018). اسامی ۱۴ قوم که در شناسنامه های برقی درج می شوند
- ¹⁴⁴ <https://ariananews.af> (26.10.2017). بعضی اقوام دیگر نیز خواهان «درج قومیت شان» در شناسنامه های برقی شده اند
- ¹⁴⁵ <http://journalafghanistan.com> (19.06.2018). توزیع شناسنامه با واژه «افغان» به نفع اشرف غنی تمام خواهد شد؟ حامد کرزی: تا اختلافات حل نشود، شناسنامه الکترونیکی نمی گیرم <http://www.armanemili.com> (19.06.2018).
- ¹⁴⁶ <http://journalafghanistan.com> (19.06.2018). توزیع شناسنامه با واژه «افغان» به نفع اشرف غنی تمام خواهد شد؟

¹⁴⁷ اعتراض شهروندان پروان و بامیان به روند توزیع شناسنامه برقی <https://af.sputniknews.com> (27.05.2018).

¹⁴⁸ تفاوت اختلافات بر سر واژه افغان/درج واژه افغان، هویت تحمیلی بر سایر اقوام افغانستان است (۱۴ جدی ۱۳۹۶) <http://sana.af>.

¹⁴⁹ Shahrani M. Nazif. Conflict and peace in Afghanistan... P. 41.

¹⁵⁰ (۲ حوت ۱۳۹۶) <https://www.tolonews.com> سادات: به نام قوم دیگر شناسنامه نمیگیریم؛ باید اقوام ذکر شوند

¹⁵¹ <https://www.avapress.com> (21.12.1397). دانش: سادات از نسل اهل بیت پیامبر هستند

Н. Д. Саженов*

ПОТЕНЦИАЛ СЕПАРАТИЗМА В СОВРЕМЕННОМ АФГАНИСТАНЕ

Резюме: В статье рассматривается проблема сепаратизма в современном Афганистане (после 2001 г.). Сепаратизм в стране анализируется в контексте внутривластной динамики, в частности как инструмент давления региональных лидеров (авторитетных представителей национальных меньшинств) в политическом торге с правительством в Кабуле. В статье показано, что на современном этапе развития Афганистана сепаратистские идеи имели и имеют слабый потенциал для реализации, в стране отсутствуют массовые движения, в программных установках которых артикулируются сепаратистские подходы. Однако заметное изменение внутривластной конфигурации в стране, ведущее к отстранению какого-либо этнического меньшинства от ресурсной базы, теоретически может возродить интерес к сепаратизму в Афганистане.

Ключевые слова: Афганистан, сепаратизм, ирредентизм, межэтническое взаимодействие, национализм, модернизация.

Summary: The article is devoted to the issue of separatism in modern Afghanistan after the overthrow of the Taliban regime. The issue is analyzed in the light of the internal political context, for instance, as an instrument of political pressure on the Government in Kabul, which is used by local or ethnic leaders and warlords. The article demonstrates that separatism had and has insignificant potential in modern Afghanistan. What is more, there is no mass movement or a political party articulating secessionist ideas in Afghanistan. But in case of total deprivation of any ethnic minority from the access to political or economic resources separatist ambitious in the country may be revived.

Key words: Afghanistan, separatism, irredentism, inter-ethnic interaction, nationalism, modernization.

* Саженов Николай Дмитриевич – лаборант-исследователь ИВ РАН

Политическая и экономическая нестабильность в современном Афганистане¹ в совокупности с неопределенностью направлений будущего развития страны порождают серьезные дискуссии о перспективах страны и о процессах, в ней происходящих. Такие дискуссии подчас характеризуются заметной драматизацией и алармизмом, высказываются даже предположения о распаде страны в результате сепаратистских тенденций среди основных этносов Афганистана. Поэтому настоящая работа посвящена, во-первых, анализу реальности сепаратизма в Афганистане, а во-вторых, оценке его потенциала.

Прежде всего следует сделать концептуальное уточнение и развести понятия сепаратизма как «идеологии и основанных на ней политических движений, направленных на отделение части территории от существующего государства и ликвидацию его суверенитета над ней»² и ирредентизма как особой его формы, подразумевающей выход какого-либо региона с сепаратистскими настроениями из состава «материнского государства» в целях присоединения к другому государству.

Потенциал сепаратизма в современном Афганистане во многом определяется характерными особенностями исторического развития страны. В Афганистане существовал специфический межэтнический *modus vivendi*, основанный на своего рода «разделении ролей» между крупнейшими нациями страны. Пуштуны контролировали сферу государственного управления и армию, таджики занимались крупным предпринимательством, узбеки – ремесленным производством. Между основными народностями Афганистана отмечается конфликтное взаимодействие, нет единства даже внутри титульного этноса пуштунов, где конкурируют два крупных конгломерата племен – дуррани (абдали) и гильзаи. Однако речь о сецессии какого-либо моноэтнического региона и о формировании нового независимого государства не ведется, идеи сепаратизма слабо представлены и в общественной дискуссии. Происходит это по нескольким причинам.

Прежде всего в Афганистане центральная власть традиционно не контролирует полностью территорию страны, на местах реальная власть принадлежит региональным или племенным лидерам, не всегда лояльным Кабулу, который не имеет ресурс-

ных возможностей для постоянного вмешательства в дела регионов страны. Местных лидеров вполне устраивает ситуация квазинезависимости – обладания реальными полномочиями на местах, но без формирования обособленного государства. К тому же жизнеспособность такого государства, не имеющего ни ресурсов, ни достаточно квалифицированных управленцев, сомнительна, а издержки от его создания в виде выстраивания политической системы, армии, обустройства границ или, к примеру, установления таможенных тарифов, существенно бы превышали выгоды от сецессии. Исходя из предложенного выше определения, неподконтрольность региональных и племенных лидеров центральному правительству сепаратизмом назвать нельзя, поскольку в условиях современного Афганистана такая ситуация не подразумевает наличия четко оформленной сецессионистской идеологии и политических движений, программа которых базировалась бы на ней.

В определенной степени идеи сепаратизма являются составной частью подходов пуштунских националистов, выступающих за создание независимого государства Пуштунистан в местах проживания пуштунов, т.е., на территории Южного Афганистана и части Северного Пакистана. Таким образом, по мнению пуштунских националистов, снимется вопрос о спорной границе между двумя странами, которую в Афганистане не признают и считают «навязанной британскими колонизаторами». Однако, как представляется, сепаратистские заявления представителей пуштунского этноса являются лишь удобным «козырем» для упрочения собственной политической позиции и оказания давления на правительство Пакистана и общественное мнение Афганистана. Создание моноэтнического государства пуштунов маловероятно, для этого нет массовой внутренней поддержки, необходимой для воплощения идеи сепаратизма на практике, и подходящих для этого внешнеполитических условий³.

В источниках можно встретить точку зрения, имплицитно приравнивающую сепаратизм в Афганистане к неподчинению Кабулу со стороны региональных лидеров⁴. В качестве примера называется конфликт одного из наиболее влиятельных региональных лидеров, губернатора провинции Балх Атта Мохаммада

Нура с центральным правительством в Кабуле, когда в конце 2017 г. он отказался подчиняться Правительству национального единства, а указ президента страны Ашрафа Гани о назначении нового губернатора Балха попросту проигнорировал. В развитие конфликта Нур пытался разыгрывать карту региональных экономических диспропорций (к настоящему моменту провинция Балх является одной из наиболее благополучных в Афганистане с политико-экономической точки зрения), а также угрожал Кабулу «общенациональным восстанием»⁵. Сам губернатор сумел сосредоточить в своих руках значительный объем ресурсов и, будучи этническим таджиком, опирался на поддержку лояльной ему части таджикского меньшинства в Афганистане⁶.

К настоящему времени конфликт между теперь уже бывшим губернатором Балха (в результате переговоров весной 2018 г. в должность вступил новый губернатор) и кабульским правительством, по большому счету, удалось погасить и перевести в латентную фазу. Жесткие заявления со стороны Атта Мохаммада Нура в адрес президента и Правительства национального единства прекратились, через своих представителей стороны вступили в диалог. Как представляется, выступление губернатора Балха с подобных позиций было продиктовано в первую очередь стремлением поднять ставку в политическом торге с Кабулом. Оценка реалистичности заявлений Нура порождает больше вопросов, чем ответов, в частности:

1) насколько жизнеспособным будет образованное на севере Афганистана новое государство?

2) насколько позитивно идеи Нура воспринимаются таджикским меньшинством в Афганистане, другими словами, насколько он в состоянии артикулировать общетаджикский дискурс в масштабах Афганистана?

3) как следствие из предыдущего вопроса, будут ли его действия поддержаны иными влиятельными фигурами в среде афганских таджиков, в частности Исмаил-ханом, Салахудином Раббани, Ахмад Зия Масудом и Юнусом Кануни. Главу Правительства национального единства Абдуллу Абдуллу в данном контексте мы не рассматриваем, поскольку он является представителем центрального правительства в Кабуле и в данном

вопросе безусловный антагонист для Нура, хотя также имеет лояльную ему группу среди афганских таджиков.

Как представляется, несмотря на значительный ресурсный потенциал и накопленный политический капитал, в настоящее время Ата Мохаммад Нур все же не в состоянии сформулировать приемлемую для большинства афганских таджиков идеологию сепаратизма, а подобные попытки будут, по всей видимости, сталкиваться с сопротивлением других таджикских лидеров. Стремление к реализации сепаратистских идей будет также означать для региональных таджикских лидеров гораздо более серьезный конфликт с центральным правительством в Кабуле, возможно даже с попытками интернационализации – не имеющий ресурсов для окончательного склонения чаши весов в свою пользу в данном вопросе Кабул может обратиться за помощью к внешним игрокам, в частности к НАТО, реализующей на территории страны миссию «Решительная поддержка». К тому же реальные попытки сецессии практически автоматически блокируют возможность региональных лидеров ведения торга с Кабулом по вопросу предоставления ассигнований из государственного бюджета. Вопросы вызывает и мобилизационный потенциал самой фигуры Нура – сейчас в афганском обществе формируется запрос на новые политические фигуры, связанный с усталостью от отсутствия обновления в элитах. И в среднесрочной перспективе это может сыграть не в пользу бывшего губернатора Балха, участвующего в афганской политике более 20 лет, несмотря на его накопленный политический капитал и существенное влияние на севере Афганистана.

Идеи ирредентизма, на первый взгляд имеющие смысл для народов Северного Афганистана (узбеков, таджиков и туркменов) и предполагающие отделение от Афганистана с последующим присоединением к соответствующему государству-соседу страны, также не резонируют в афганском обществе. Во многом это обусловлено сложившейся разнонаправленностью векторов исторического развития таджиков, узбеков и туркменов, проживавших на территории Российской империи, а затем и СССР, и представителей тех же народностей, развивавшихся в составе Афганистана. Можно говорить о том, что эти этносы, де-факто являясь разделенными, пошли различными путями модернизации.

Модернизация по российскому⁷ образцу характеризовалась встраиванием рудиментов традиционных систем Центральной Азии в российский и советский модернизационные проекты, расширением вертикальной мобильности и доступа к власти для представителей местных этносов, развитие инфраструктуры, в том числе для развития транспортных и экономических связей (в первую очередь железных дорог). Через проникновение в регион русского языка и культуры достигалось определенное приобщение центральноазиатских советских республик к европеизированной культуре. В советский период в регионе окончательно была установлена правовая система, опирающаяся на светское законодательство, а не на нормы адата и шариата, ограниченно применявшиеся после экспансии Российской империи в регионе.

Модернизация внутри Афганистана проходила на основе попыток преодоления отставания от западных стран прежде всего в военной сфере, гуманитарные сферы жизни общества (в особенности образование) были подчинены нуждам армии и государственного аппарата, поэтому говорить об их прорывном развитии не приходится⁸. При этом сохранялась концентрация власти в руках пуштунского большинства, доступ к властным ресурсам для представителей непуштунских этносов блокировался⁹.

За почти 150 лет развития в рамках двух различных модернизационных проектов сформировались и отличия в мировоззрении таджиков, узбеков и туркмен, проживающих на постсоветском пространстве и в Афганистане. Формально они относятся к одному этносу, однако уже значительно разошлись в своем мировосприятии и по классической бинарной дихотомии «свой – чужой» склонны воспринимать друг друга скорее как «чужих». И речи о выходе этих территорий из Афганистана с последующим вхождением в состав центральноазиатских государств в таких условиях быть не может, эта тема в дискурсе узбеков, таджиков и туркмен Афганистана отсутствует.

Ранее, в период восстановления Афганистана после правления талибов и фактического создания с нуля новой политической системы страны, в кругах этнических меньшинств страны муссировалась тема пуштунизации властных институтов Афганистана, которая рассматривалась как одна из предпосылок потен-

циальных сепаратистских настроений среди этнических меньшинств страны. Однако формирование политической системы страны, начавшееся в 2001 г. после свержения режима талибов, подразумевало хотя и ограниченное, но все же подключение представителей этнических меньшинств к процессам принятия политико-экономических решений. К примеру, несмотря на то что пост президента страны в постталибский период занимали лишь пуштуны, и у Хамида Карзая, и у Ашрафа Гани первый и второй заместители президента являлись представителями этнических меньшинств. Более того, выдвижение на пост президента в союзе представителями этнических меньшинств стало отличительной чертой любого кандидата-пуштуна, претендующего на серьезный результат, который и обеспечивался за счет привлечения голосов этнических меньшинств. Этнические меньшинства представлены и в иных органах государственной власти. Безусловно, подобная система межэтнического взаимодействия в политической сфере видится довольно хрупкой, она до сих пор не изжила исторически конфликтную динамику, однако в определенной степени ей удалось снизить градус недовольства этнических меньшинств по поводу «пуштунизации» системы государственной власти.

Кроме того, с точки зрения афганского законодательства право сепарации не предусматривается, в первой статье конституции страны недвусмысленно значится, что Афганистан является «единым и неделимым государством»¹⁰. Поэтому, с точки зрения афганских властей, данный вопрос закрыт. Аналогично в легальном политическом пространстве Афганистана отсутствуют массовые движения или партии, в программных установках которых фигурируют идеи территориальной сепарации.

Таким образом, идеи сепаратизма и ирредентизма в Афганистане довольно слабо представлены в общественно-политическом дискурсе страны и не выходят за рамки маргинальных позиций. При нынешнем раскладе сил внутри страны они имеют крайне мало шансов на реализацию, ни одна этническая или конфессиональная группа не желает таким образом всерьез идти на дополнительное обострение и без того нестабильной ситуации в стране. Распад Афганистана на ряд новых независимых государств пред-

ставляется практически нереальным сценарием. Впрочем, это не означает окончательного и безвозвратного забвения идей сепаратизма – при существенном изменении внутривнутриполитического контекста он может быть реанимирован, в первую очередь этническими меньшинствами. Но применительно к нынешним условиям корректнее было бы говорить о регионализации или о размягчении государственной власти в стране (в том числе и по этническому признаку), когда часть суверенитета страны и механизмы принятия решений находятся в руках региональных и племенных лидеров, что ведет к сегментации власти, но не к дезинтеграции страны.

¹ За точку отсчета берется конец 2001 г., когда в результате военной операции режим талибов был отстранен от власти и была сформирована сначала Временная, а затем Переходная администрация Афганистана под руководством Хамида Карзая, что положило начало созданию новой политической системы в стране.

² Тэвдой-Бурмули А. И. Сепаратизм // Большая российская энциклопедия. Т. 30. М., 2015. С. 33.

³ Бойко В. С. Сепаратизм или регионализм? Взаимоотношения «центр-периферия» в Афганистане в XX – начале XXI в. (территориальные и этнополитические аспекты) [Электронный ресурс] / Алтайская школа политических исследований // Режим доступа: <http://ashpi.asu.ru/ic/?p=3927> (дата обращения – 15.11.2018).

⁴ См., в частности: Нессар О. Афганистан в преддверии Московского формата / Россия в глобальной политике // Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Afganistan-v-preddverii-Moskovskogo-formata-19718> (дата обращения – 25.01.2019); Слинкин М. Ф. Этническая проблема в Афганистане (историко-политический анализ) // Культура народов Причерноморья. 2005. № 66. С. 46–60.

⁵ Атта Мохаммад Нур предупредил правительство о возможности общенационального восстания [Электронный ресурс] / Afghanistan.ru // Режим доступа: <http://afghanistan.ru/doc/117932.html> (дата обращения – 25.01.2019).

⁶ Асатрян Г. Э. Афганистан: о конфликте между Агтой Мохаммадом Нуром и Кабулом. Часть 1 [Электронный ресурс] / Институт Ближнего Востока // Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=42562> (дата обращения – 25.01.2019).

⁷ Представляет целесообразным использовать именно прилагательное «русский» в широком контексте, включая модернизацию народов Центральной Азии в рамках сначала Российской империи, а затем и Советского Союза.

⁸ Акимбеков С. М. История Афганистана. Астана-Алматы. 2015. С. 126–139.

⁹ Казанцев А. А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. 2008. С. 173.

¹⁰ Qanun-e asasi [Electronic resource] / President.gov.af [Official page] // URL: <http://president.gov.af/fa/%d9%82%d8%a7%d9%86%d9%88%d9%86-%d8%a7%d8%b3%d8%a7-%d8%b3%db%8c/> (на перс. языке; дата обращения – 23.11.2018)

ПРОБЛЕМА НАРКОМАНИИ В АФГАНИСТАНЕ

Резюме: В статье рассматривается проблема наркомании в Афганистане. Автор анализирует не только причины роста наркозависимости среди афганского населения, но также акцентирует внимание на проблемах детской и женской наркотической зависимости. Наркомания для Афганистана стала одной из самых острых социальных проблем в последние годы. Распространяясь стремительными темпами среди афганского населения, наркомания встает в один ряд с другими угрозами национальной безопасности. Внимание уделено также профилактике и лечению наркомании.

Ключевые слова: Афганистан, наркомания, социальные проблемы, бедность, производство наркотиков

Summary: This article examines the problem of drug addiction in Afghanistan. Characteristics of drug addiction in Afghanistan is given in the article. The author highlights the problem of growing drug addiction among the population of Afghanistan. Special attention is devoted to the problems of drug addiction among children and women. The problem of drug addiction has become one of the most serious social problems for this country. Spreading very quickly among the population, problem of drug addiction has become one of the most serious threats to the security. The author also pays attention to prevention of drug abuse and its' treatment.

Key words: Afghanistan, drug addiction, social problems, poverty, drug production

Наркомания эпидемического типа

Для лучшего понимания проблемы наркомании на уровне отдельного государства стоит ознакомиться с термином «нарко-

* Митрофаненкова Ольга Евгеньевна – младший научный сотрудник ИВ РАН

эпидемия». Он был введен Нильсом Бейрутом (шведский психиатр и криминалист, автор работ о наркотической зависимости) для характеристики массового роста наркомании в Швеции в 1960-е гг. Термин «наркоэпидемия» содержит в себе две части: одна из них медицинская – эпидемия, а другая социальная – наркомания. Наркоэпидемия представляет собой сложный социальный процесс, в который вовлекается большой процент населения (город, страна, регион и т. д.). При этом наблюдается тенденция постоянного роста людей, вовлеченных в процессы покупки, сбыта, производства, употребления наркотиков¹.

О наркомании эпидемического типа можно говорить, когда количество «заболевших» на определенной территории или в рамках социальной группы составляет 1%. Хотя для большинства заболеваний эпидемический порог составляет в среднем 5%.

Ключевой особенностью наркоэпидемии в социальном смысле является ее способность разрушать (или нарушать корректное функционирование) основ социальной жизни общества (семья, моральные нормы общества, ценности общества и т. д.). Наркомания является социальной проблемой, так как изначально оказывает влияние на сам социум.

Проблема массовой наркомании часто становится угрозой национальной безопасности государства. Для решения этой проблемы государству приходится задействовать все больше ресурсов (людские, денежные и т. д.), из-за чего могут страдать другие сферы жизни (образование, наука, экономика и т. д.).

Производство наркотиков в Афганистане

Производство наркотиков негативно сказалось на многих сторонах жизни афганского общества. Этот вид нелегальной деятельности не только усугубил уже имевшиеся в Афганистане проблемы, но также создал и новые.

В 1996–2001 гг., при режиме талибов, производство наркотиков в Афганистане стало играть существенную роль в жизни страны. Сформировалась полноценная наркоэкономика, а наркотрафик вышел далеко за пределы соседних с Афганистаном стран.

Напомним, что на протяжении большей части 1990-х гг. Мьянма продолжала удерживать мировое лидерство по производству героина, но к концу 1990-х гг. мировым лидером в этом стал Афганистан.

Сегодня Афганистан производит 90% героина от всего мирового производства. Он также является одним из лидеров среди стран мира по количеству наркозависимых на душу населения².

Согласно ежегодным отчетам УНП ООН (Управление ООН по наркотикам и преступности), наркопроизводство в Афганистане (несмотря на колебания в производстве наркотиков в отдельные годы) имеет тенденцию к постоянному росту.

2016–2017 гг., согласно отчетам УНП ООН оказались рекордными по объемам произведенных здесь наркотиков³ (см. рис. 1).

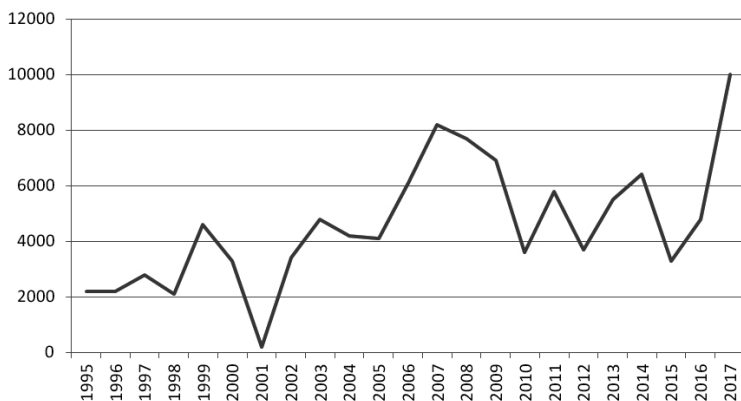

Рис. 1. Уровень производства наркотиков в Афганистане с 1995 по 2017 г.

Общая характеристика наркоситуации в Афганистане

На фоне постоянно растущих объемов наркопроизводства росла и численность вовлеченных в производство наркотиков афганцев. Эта проблема стала актуальной еще при режиме талибов.

После ввода МССБ (Международных сил содействия безопасности) в 2001 г. на фоне терактов 11 сентября вовлеченность местного населения в производство наркотиков продолжила расти. Это явление развивалось на фоне серьезных экономических, социальных и политических проблем.

Существенный рост наркомании среди афганского населения произошел еще в начале 2000-х гг. Самыми популярными наркотиками в Афганистане стали героин (из опийного мака) и каннабис (конопля). Синтетические наркотики распространены меньше.

Согласно оценкам ООН, количество наркозависимых среди взрослого населения в Афганистане составляет порядка 2,4 млн человек, или примерно 12,6% от взрослого населения страны. По потреблению героина и опиатов Афганистан занимает одно из первых мест в мире. По приблизительным оценкам, одно из трех домохозяйств в Афганистане сталкивается с проблемами употребления наркотиков и наркозависимостью (31% всех домохозяйств). Особенностью наркомании в Афганистане является также и то, что в сельской местности уровень наркомании в 2,5 раза выше, чем в городской среде. Для большинства развитых стран характерна обратная ситуация – уровень наркомании выше в городской среде, чем в деревне⁴.

Другой стороной проблемы наркомании в Афганистане является то, что в производство наркотиков активно вовлекаются дети. В результате они также становятся подверженными наркозависимости. В соответствии с оценками ООН, в сельской местности 11,3% детей употребляют наркотики, тогда как для городских детей этот показатель составляет 2,3%⁵. Примерно от 90 тыс. до 110 тыс. детей в Афганистане являются активными потребителями героина и других опиатов. Зачастую свои первые опиаты дети получают от взрослых. Примерно 48% городских детей, которые употребляют наркотики, получают их от взрослых. Для детей в сельской местности этот показатель составляет 46%. Только 8% детей в городской среде и 9% детей в сельских районах самостоятельно получали наркотики без посредничества взрослых. Приблизительно 30% взрослых дают опий своим детям. Эта цифра намного выше в южных и северо-восточных областях Афганистана, где 50% всех взрослых дают опий своим детям. В северных, восточных и западных областях этот показатель варьируется в пределах 25–35%. Самый низкий показатель наблюдается в центральных областях, где он составляет 20% и ниже. Исследования показывают, что дети и подростки в Афганистане в значительной степени страдают от употребления нар-

котиков как прямо, так и косвенно. У многих детей формируется зависимость от опиатов в довольно раннем возрасте, так как они находятся на попечении зависимых от наркотиков родителей или других членов семьи⁶.

В основном взрослые дают детям наркотики в периоды голода, когда нет возможности его удовлетворить. Наркотические вещества дают детям также, чтобы родители или взрослые на попечении, которых они находятся, могли работать.

Нищета вынудила многих родителей прибегать к использованию труда своих детей. Часто детям в Афганистане приходится работать на полях опийного мака. Вместо того чтобы ходить в школу, они вынуждены работать. Вовлечение в наркопроизводство в столь раннем возрасте приводит к росту наркомании и среди детей⁷.

Из-за того, что многие дети вынуждены работать и не посещают школу, уровень грамотности в Афганистане остается на крайне низком уровне. Среди мужчин он составляет 52%, а среди женщин – 24%⁸. Малая грамотность в будущем может существенно затруднить формирование полноценной экономики в Афганистане, так как большинство производств в современном мире требуют хотя бы минимального уровня образованности.

Отличительной чертой афганской действительности стал стремительный рост наркомании среди женщин. Кстати, этот важный аспект проблемы по-прежнему скрыт от глаз мирового сообщества. Десятки тысяч афганских женщин, которые привязаны к своим домам и семьям традициями и зачастую зависимы от мужей-наркоманов, тоже страдают от наркозависимости. В целом выросло количество домохозяйств, в которых важную роль играют наркотики. Из-за этого легко разрушаются семейные отношения, материальное благосостояние, и даже социальные традиции подвергаются угрозе⁹. Распространение наркомании среди женщин в Афганистане приводит иногда к разрушению семьи как института.

За 2010–2015 гг. количество наркозависимых женщин увеличилось почти в три раза. По мнению экспертов, большая часть афганских женщин познакомились с наркотиками благодаря мужу или родственнику мужского пола. Рост наркомании среди женщин

приводит к тому, что нередко разрушаются вековые традиции, основанные на исламских нормах. Традиционную роль афганской женщины можно описать как покорной, преданной жены и заботливой матери. Сегодня эта роль все чаще сменяется безумием поиска наркотиков и стремлением уйти от реальности.¹⁰

Женщины все чаще вынуждены заниматься проституцией или воровать. Детям дают наркотики, чтобы их успокоить и отправить спать. Иногда их продают в детские дома, чтобы достать деньги на наркотики. Бывают случаи, когда женщины продают своих дочерей замуж, чтобы достать деньги на наркотики¹¹.

Наркозависимые женщины сталкиваются обычно с такими проблемами, как безработный муж, употребляющий наркотики, дети, которых забрали и отправили в детский дом, конфликты с неодобряющими их жизнь родственниками, жизнь в бедности и в ожидании опасности. Наркотики дают короткое облегчение, но приносят долгосрочный ущерб¹².

В зарубежных СМИ (Washington Post¹³, The Guardian¹⁴ и т.д.) можно встретить ряд статей, которые приводят примеры продажи матерями своих детей в обмен на наркотики. В тяжелых условиях жизни в Афганистане подобные случаи возможны, поскольку наркомания способна сделать поведение человека полностью асоциальным.

В общем и целом неудивительно, что в Афганистане происходит рост употребления наркотиков. В стране, в которой с каждым годом их производится все больше и больше, естественно, происходит и рост их потребления местным населением.

Стоит заметить, что ранее в Афганистане не было устойчивой и давно зафиксированной традиции употребления наркотических культур. Хотя еще в глубокой древности на Ближнем Востоке (особенно в Ассирии) людям был хорошо известен опиум. В Индии стали употреблять опиум в I тысячелетии н. э., напитки на его основе в центральных районах страны до сих пор используются в религиозных обрядах.

Во многом рост употребления героина и распространение героиновой наркомании можно связать с отсутствием медикаментов и слаборазвитой системой здравоохранения. Совершенно естественно, что в подобных условиях часть местных жителей

используют опий и его производные в лечебных целях. Наиболее бедные же слои населения используют наркотики для притупления чувства голода. В итоге эти категории людей становятся со временем наркоманами¹⁵.

На фоне роста наркомании растет процент смертности от наркотиков, а также происходит распространение СПИДа/ВИЧ-инфекций, гепатитов и других инфекций, передающихся через кровь. В условиях иногда практически полного отсутствия медицинской помощи распространение заболеваний невозможно остановить. Кроме этого, многие больные не получают должного лечения, которое могло бы существенно продлить их жизнь.

На фоне роста наркомании также растет и уровень криминаленности в афганском обществе.

Правительство Афганистана пытается бороться с распространением наркомании и с сопутствующими ей проблемами. Важную роль в профилактике наркомании играет министерство образования Афганистана. В школах в 21 провинции учеников просвещают о наркотиках и вреде от их употребления. Количество школ, задействованных в политике профилактики наркомании, варьируется от провинции к провинции. В программе просвещения о вреде наркотиков задействовано около 800 школ. О проблеме наркотиков в школах рассказывают не только ученикам старших классов, но также младшим школьникам и ученикам средних классов. 600 тыс. учеников напрямую знакомятся с данной программой. Около 8 млн учеников знакомятся с этой программой опосредованно. В данной программе задействовано около 10 млн человек, включая учителей и учеников. Обучение в области профилактики наркомании было разработано и внедрено в учебную программу некоторых школ¹⁶.

Для профилактики наркомании среди молодежи с 2010 г. в Афганистане действует «Конгресс Молодежи» (КМ). КМ также функционирует и на территории Центральной Азии и Пакистана. Основной целью КМ является просвещение молодежи о вреде наркотиков¹⁷.

С 2005 г. в 14 провинциях Афганистана действуют также программы по предупреждению наркомании на базе мечетей. Муллы мечетей играют важную роль в профилактике наркомании. Они

информируют о вреде употребления наркотиков, а также рассказывают и о религиозном запрете на их употребление¹⁸.

В Афганистане реализуются программы, направленные на то, чтобы уменьшить вред от употребления инъекционных наркотиков. Однако данные программы не являются инструментом по лечению наркомании. Программы снижения вреда от употребления наркотиков в Афганистане финансируются Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) и УНП ООН. С 2011 по 2014 г. центры снижения вреда предоставляли широкий спектр услуг, включая консультирование по вопросам вреда от употребления наркотиков, консультирования по ВИЧ/СПИД, предоставление стерильных шприцев и сбор использованных. Проводилось тестирование потребителей наркотиков на ВИЧ, гепатиты В и С, сифилис¹⁹.

Что касается непосредственного лечения наркомании в Афганистане, то в 2015 г. в стране действовали 123 наркологические центры, которые могли предоставить медицинскую помощь примерно 10% наркозависимых в стране. Центры по лечению наркомании финансировались как афганским правительством, так и за счет международных доноров. Данные центры действовали в 28 провинциях Афганистана. В них предоставляется как стационарное, так и амбулаторное лечение, действуют программы борьбы с инъекциями²⁰.

В условиях Афганистана борьба с наркоманией является крайне сложной задачей. Несмотря на все меры, которые принимаются афганским правительством и международными организациями, проблема наркомании крайне остро стоит перед афганским обществом.

Заключение

Сегодня сложно говорить о положительной динамике в борьбе с наркоманией. Скорее всего, в Афганистане сохранится тенденция к росту употребления наркотиков. Проблема наркомании здесь имеет две составляющие: постоянно растущие объемы наркопроизводства и огромный комплекс политических, экономических и социальных проблем.

В условиях политической нестабильности и почти полного отсутствия жизнеспособной экономики наркопроизводство будет сохранять тенденцию к росту. На этом фоне скорее всего продолжится абсолютный и относительный рост населения, вовлеченного в наркопроизводство, а также увеличится угроза распространения наркоэпидемии.

Рост наркомании является одной из самых острых проблем для Афганистана. Распространение наркомании влечет за собой целый комплекс взаимосвязанных явлений. Из-за существенной «нарколизации» населения растет уровень смертности в стране, падает продолжительность жизни, происходит распространение ВИЧ и гепатитов. Растет, кроме того, уровень криминогенности, продолжает увеличиваться безграмотность и экономическая отсталость. Особую проблему представляют собой детская наркомания и смертность от нее.

Учитывая специфику афганской модели наркоэпидемии (детская и женская наркомания), можно прогнозировать, что в будущем это негативно скажется на институте семьи, ряде социальных норм и традиций афганского общества.

Меры по борьбе с наркоманией, которые предпринимаются на современном этапе, являются недостаточными. Совершенно очевидно, что афганское правительство не в состоянии самостоятельно справиться с этой проблемой. Помощь от международных доноров и международных неправительственных организаций также недостаточна, чтобы в области борьбы с наркоманией в Афганистане произошел прорыв.

Для успешного решения данной проблемы необходимо не только усилить меры по лечению и профилактике наркомании, но и изменить всю ситуацию в стране, прекратить войну и приступить к мирному развитию и строительству экономики.

¹ Шведская наркополитика http://www.ecad.ru/mn-pl4_58.html (дата обращения – 31.01.2019).

² Афганистан из экспортера героина стал потребителем № 1. https://www.bbc.com/russian/society/2013/04/130411_afghanistan_drugs (дата обращения – 31.01.2019)

³ Analysis of drug markets. Opiate, cocaine, cannabis, synthetic drugs. UNODC New York, 2018. P. 13–14/

⁴ UNODC drug report Afghanistan 2015. P. 56.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. P. 58–63.

⁷ Окимбеков У. В. О наркоситуации в Афганистане URL: <http://afghanistan.ru/doc/73104.html> (дата обращения – 31.01.2019).

⁸ Население Афганистана 2018. URL: <http://countrymeters.info/ru/Afghanistan> (дата обращения – 31.01.2019).

⁹ Constable Pamela. Opium use booms in Afghanistan, creating a «silent tsunami» of addicted women Washington Post https://www.washingtonpost.com/world/asia_pacific/opium-use-booms-in-afghanistan-creating-a-silent-tsunami-of-addicted-women/2017/06/19/6c5b16f2-3985-11e7-a59b-26e0451a96fd_story.html?noredirect=on&utm_term=.62867ca37d99 (дата обращения – 31.01.2019)

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

¹³ Ibid.

¹⁴ Inside mother camp: the woman tackling Afghanistan's drug problem <https://www.theguardian.com/global-development/2019/jan/02/inside-mother-camp-the-woman-tackling-afghanistans-drug-problem> (дата обращения – 31.01.2019).

¹⁵ Окимбеков У. В. О наркоситуации в Афганистане <http://afghanistan.ru/doc/73104.html> (дата обращения – 31.01.2019).

¹⁶ Там же. С. 65.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 69.

²⁰ Там же. С. 72.

О. М. Нессар*

ПЯТЬ ЛЕТ ПРАВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА АШРАФА ГАНИ

Резюме: В этом году исполнилось пять лет с момента формирования правительства национального единства во главе с А. Гани и А. Абдуллой. Независимо от того, каким образом произойдет переход власти, вероятно, 2019 г. станет очередным этапом эволюции политического процесса в современном Афганистане. В связи с этим становится актуальным рассмотрение развития ситуации в Исламской Республике Афганистан (ИРА) за пять лет деятельности ПНЕ. Анализ ситуации показывает ухудшение положения в сферах безопасности, политики, экономики. К началу 2019 г. президент А. Гани оказался в политической изоляции со стороны основных политических сил. Впрочем, в исполнительной власти он смог усилить свою позицию, что позволяет ему сегодня большинство важных решений принимать единолично без опоры на мнение А. Абдуллы.

Ключевые слова: Афганистан, мирный процесс, правительство национального единства, Ашраф Гани, Абдулла Абдулла.

Весной 2019 г. срок полномочий Правительства национального единства (ПНЕ), сформированного в 2014 г., закончился. Ранее Избирком страны неоднократно переносил президентские выборы. Так, в марте 2019 г. выборы были перенесены с 20 июля на 28 сентября. Хотя избирательная кампания уже началась, тем не менее окончательной уверенности в том, что выборы состоятся в намеченные сроки, нет. На сроки проведения выборов влияет, в том числе мирный процесс. Чем активнее ведутся пере-

* Нессар Омар Мохаммад – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН

говоры между США и Движением Талибан, тем жарче в афганских политических кругах разгорается дискуссия на тему создания временного правительства и переноса выборов. Независимо от того, каким образом произойдет переход власти, вероятно, 2019 г. станет очередным этапом эволюции политического процесса в современном Афганистане. В связи с этим становится актуальным рассмотрение развития политической ситуации в Исламской Республике Афганистан (ИРА) за пять лет деятельности ПНЕ.

Скандальные президентские выборы 2014 г., по итогам которых один из кандидатов – Абдулла Абдулла – отказался принять результаты подсчета голосов, привели Афганистан к острому политическому кризису, грозившему перерасти в вооруженный конфликт. Затянувшееся противостояние удалось разрешить при внешнем посредничестве. После длительных дискуссий сторонами был достигнут компромисс о признании победы Ашрафа Гани Ахмадзая в качестве президента на условиях предоставления А. Абдулле поста главы исполнительной власти (премьер-министр) и равного с президентом права назначения министров в будущем правительстве¹. В результате 21 сентября 2014 г. между А. Гани и А. Абдуллой было подписано соглашение о формировании Правительства национального единства (ПНЕ). В это соглашение, в частности, входили следующие положения:

- равный раздел власти;
- созыв Всеафганского съезда народов (Лойя Джирги) в целях реформы конституции страны;
- проведение реформы избирательной системы;
- создание Совета исполнительной власти (аппарата премьер-министра)².

В своем заявлении незадолго до инаугурации А. Гани пообещал, что новое правительство будет сформировано на компромиссной основе, чтобы отражать и защищать интересы всех политических сил. «Мы не будем следовать политике исключения, – подчеркнул он. – Те, кто вчера были нашими соперниками, сегодня – наши коллеги»³.

Таким образом, формирование ПНЕ стало, с одной стороны, выходом из острой фазы политического кризиса, с дру-

гой – новой ступенью эволюции политической системы Афганистана. Беспрецедентным шагом стало введение должности главы исполнительной власти, фактически соответствующей посту премьер-министра. Права и обязанности второго лица страны не были регламентированы действующей конституцией, в связи с чем возникла необходимость внесения изменений в Основной закон⁴.

Предполагалось, что преобразования в законодательстве будут осуществлены по итогам Лойя Джирги. В соответствии с положением соглашения о формировании ПНЕ съезд народных представителей предполагалось организовать в течение двух лет – до 8 августа 2016 г.⁵, но на данный момент эти планы так и не были осуществлены, впрочем, как и большинство других договоренностей. Очевидно, составители текста соглашения о формировании ПНЕ либо сильно торопились, либо преднамеренно упустили из виду некоторые крайне важные моменты. В частности, речь идет о легитимности Лойя Джирги – собрания, обладающего полномочиями для внесения поправок в Основной закон страны⁶. Согласно Конституции Афганистана, Лойя Джирга предполагает участие глав 381 уезда⁷, но лица, которые должны занимать эти посты, к весне 2019 г. еще не были избраны. Отсутствие столь значительного количества делегатов ставит под вопрос легитимность собрания в целом: формально проведение Лойя Джирги возможно только после избрания глав уездов, которое в соответствии с планами правительства должно проходить одновременно с парламентскими выборами⁸. В свою очередь, проведение выборов зависит от реализации другого пункта соглашения – реформы избирательной системы, также до сих пор не завершенной.

Таким образом, проведение Лойя Джирги является не единственным невыполненным пунктом соглашения: одна из главных причин разногласий между Гани и Абдуллой вместе с их сторонниками – назначение членов кабинета.

Несмотря на то что компромисс между двумя претендентами на пост главы государства позволил на время остановить движение страны в сторону острого кризиса с непредсказуемыми последствиями, теперь, к завершению срока полномочий ПНЕ,

страна подошла к новому витку политического кризиса. Промедление в реформах по-прежнему вызывает опасения афганской общественности⁹.

Параллельно с усилиями по урегулированию тяжелейшего внутреннего кризиса в Исламской Республике Афганистан США неоднократно высказывались за подписание договора с Кабулом, который определил бы статус ВС США и предусмотрел сохранение присутствия ограниченного воинского контингента на территории республики после вывода основных сил НАТО. Ранее Хамид Карзай по политическим соображениям долгое время избегал подписания этого документа. Лишь после того как победителем на выборах 2014 г. был признан Ашраф Гани, Кабул и Вашингтон достигли долгожданных договоренностей¹⁰.

Весомую роль в придании легитимности ПНЕ сыграли западные страны, вероятно действовавшие согласованно. В начале работы правительства лидеры ПНЕ в большинстве случаев посещали важные международные мероприятия, проводимые в западных странах, чтобы подчеркнуть значимость как президента, так и главы исполнительной власти¹¹. Безусловно, это обстоятельство не могло не оказать влияния на представителей внутренних политических сил, внимательно следивших за мнением внешних игроков.

Россия в числе других государств приветствовала формирование ПНЕ, выражая надежду, что данный шаг поможет афганцам стабилизировать ситуацию в стране¹². Тем не менее уже после первого года работы ПНЕ уровень двусторонних отношений между Россией и Афганистаном под воздействием целого ряда глобальных и региональных факторов постепенно начал снижаться¹³. Несмотря на внешнюю поддержку, недовольство проводимой ПНЕ политикой возрастало и внутри страны. Оппозиция неоднократно иронично отзывалась о «двухголовом правительстве», подвергая критике разделение ведомств между сферами влияния первых лиц¹⁴.

Примечательно, что в августе – сентябре 2016 г. сам Абдулла Абдулла, ставший объектом подобной критики наряду с Ашрафом Гани, в свою очередь, в публичных выступлениях возлагал

ответственность за промедление в выполнении соглашения на президента, требуя проведения реформ, а по факту – расширения своего участия в решении государственных вопросов¹⁵.

Несмотря на то что по итогам переговоров осенью 2016 г. А. Абдулле и А. Гани удалось частично уладить взаимные противоречия и достичь нового компромисса, основные пункты соглашения о формировании ПНЕ до сих пор не выполнены. А. Абдулла является фактическим премьер-министром, и гарантией его пребывания на посту главы исполнительной власти является соглашение о формировании Правительства национального единства¹⁶.

Тем не менее в сложившейся ситуации положение А. Абдуллы позволяет ему периодически выступать в качестве «пострадавшей стороны», подвергая критике деятельность президента и правительства и выдвигая обвинения в невыполнении условий соглашения, одновременно снимая с себя ответственность за сложившееся положение. В различных ситуациях А. Абдулла обладает возможностью играть роль как одного из первых лиц страны, так и лидера оппозиции, чего не может позволить себе А. Гани. Таким образом, в случае очередного политического кризиса А. Абдулла может вновь, как в предшествующем противостоянии, занять позицию противника и критика главы государства, способствуя понижению авторитета президента, чтобы укрепить свою власть.

Перспектива изменения системы государственного управления в связи с выборами 2014 г. и ранее рассматривалась как вероятный вариант развития событий, но эти ожидания были связаны прежде всего с фигурой Хамида Карзая, на тот момент еще занимавшего пост главы государства. В частности, не исключалось, что, оставив президентское кресло, Карзай останется у власти на правах премьер-министра – подобный вариант даже получил неофициальное название «путинского сценария» по аналогии с прецедентом в РФ¹⁷.

Вопреки ожиданиям, после ухода в отставку Х. Карзай не продолжил свою деятельность на государственной службе, хотя ранее обозреватели не исключали вероятности назначения его на пост советника президента. Однако бывший глава государства

по-прежнему продолжает активно участвовать в политической жизни страны, регулярно выступая с публичными заявлениями, в том числе критическими, в адрес действующего президента. Экс-президент подвергает резкой критике прежнюю политику США в отношении Афганистана, демонстрирует заинтересованность в развитии сотрудничества с Россией, а также в продвижении переговоров с Движением Талибан. Несмотря на то что Карзай неоднократно подвергался критике за проталибские высказывания, вопреки протестам он по-прежнему остается достаточно влиятельным политиком.

Ашрафу Гани предстояло начать свою деятельность на посту главы государства в сложных условиях, связанных как с выводом войск западной коалиции, так и с серьезным изменением баланса политических сил в ИРА. К ослаблению роли президента привели появление в государственной иерархии поста премьер-министра, а также рост политической активности парламента и представленных там партий, заинтересованных в усилении роли национального собрания. Ярким свидетельством указанной тенденции в конце 2016 г. стала инициатива парламента по отстранению от постов семи министров. Решение этого вопроса было отложено руководством страны на неопределенный срок, что послужило поводом для критики в адрес как президента, так и правительства. Между тем главы ведомств, получившие вотум недоверия, продолжили службу на прежних постах, а противостояние между правительством и парламентом приняло вялотекущий характер; в целом же сложившаяся ситуация нанесла урон не только авторитету главы государства, но и имиджу парламента, решение которого президент долгое время игнорировал¹⁸. Тем не менее ближе к 2019 г. президент усилил свои позиции в исполнительной власти, несмотря на то, что оказался в изоляции со стороны основных политических сил¹⁹.

Кризис легитимности

Проблема легитимности стояла перед афганским правительством начиная еще с 2001 г., и из года в год она принимает все

более острый характер. Сложно не согласиться с тем, что, пожалуй, показатель легитимности ПНЕ находится на самом низком уровне за весь постталибский период. Это обусловлено тем, что нынешнее правительство Афганистана было сформировано на базе политического соглашения между двумя сторонами при активном участии внешних сил. Еще одной причиной снижения уровня внутренней легитимности послужил фактический выход участников соглашения из двух действующих команд: ключевые члены команды Гани – узбек Абдул Рашид Дустум и таджик Ахмад Зия Масуд, – сыгравшие важную роль в избирательной кампании как влиятельные представители национальных меньшинств, уже в 2018 г. не входили в команду президента. Ситуация в команде Абдуллы также остается непростой: после того как испортились отношения главы исполнительной власти с бывшим губернатором Балха Атта Мохаммадом Нуром, Абдулла Абдулла больше не пользуется полной поддержкой партии Исламского общества Афганистана (ИОА), одним из лидеров которой является экс-губернатор. Ряд афганских авторов отмечают, что за исключением ограниченного количества губернаторов большинство глав провинций являются членами команды А. Гани, что сокращает влияние А. Абдуллы и идет вразрез с положениями соглашения о формировании ПНЕ²⁰. В итоге в 2017–2018 гг. афганские политики все чаще ставили под вопрос легитимность ПНЕ или напрямую называли его незаконным²¹.

В начале 2018 г. кризис легитимности достиг нового этапа. Продолжительные трения в отношениях между президентом и Атта Мохаммадом Нуром, на тот момент действующим губернатором северной провинции Балх, привели к появлению признаков сепаратизма, когда сначала глава Балха, а затем и другие чиновники отказались подчиняться указаниям центральных властей в лице президента²². Хотя в середине 2018 г., после ухода Нура в отставку, кризис удалось урегулировать, вероятность роста сепаратистских настроений среди афганских политиков по-прежнему сохраняется. Тема легитимности ПНЕ в очередной раз стала предметом острых обсуждений в афганских политических кругах после решения Верховного суда страны от 21 апреля

2019 г. о продлении полномочий президента. Лидеры оппозиции и некоторые кандидаты в президенты это решение назвали незаконным²³.

Безопасность

Безусловно, внутренняя легитимность ПНЕ зависит и от уровня контроля официальной власти над территорией страны, иными словами, от ситуации в сфере безопасности. Динамика здесь также негативна: в 2014 г. силы НАТО резко снизили уровень военного присутствия, что не могло не привести к усугублению обстановки в стране; помимо этого, именно после 2014 г. в Афганистане заявили о себе сторонники ИГИЛ (запрещено в РФ). В результате сложившейся ситуацией, вкупе с политическим кризисом, воспользовались талибы, резко усилившие свое влияние на территории страны. Впервые за много лет нестабильность переместилась с юга и востока Афганистана на север: северная провинция Кундуз за годы правления ПНЕ дважды попадала под контроль антиправительственных вооруженных формирований. Количество уездов, перешедших под контроль талибов, стало расти. В конце 2017 г. специальный генеральный инспектор США по восстановлению Афганистана (SIGAR) предупреждал о том, что уровень контроля официального Кабула над территорией страны достиг рекордно низкого показателя. Согласно отчету этой организации, под контролем или влиянием правительства на тот момент находилось около 56,8% от общего числа уездов. По данным ежеквартального исследования, за два года афганские власти потеряли контроль над 15% территории. Из общего количества уездов страны, по данным на август 2017 г., под контролем или влиянием правительства находился 231 уезд, а сил вооруженной оппозиции – 54 уезда. По-прежнему значительной остается доля спорных территорий – в случае со 122 уездами авторам отчета не представилось возможным определить преобладающую сторону. В число афганских провинций с наибольшим числом подконтрольных боевикам уездов вошли Урузган и Гильменд на юге страны, а также Кундуз на севере²⁴. В 2018 г. ситуация в этой сфере не улучшилась (см. табл. 1)²⁵.

Таблица 1

Контроль над территорией

Год	2016	2017	2018
Подконтрольные правительству уезды	65,6%	56,8%	55,5%
Спорные уезды ²⁶	27,5%	30%	32,4%
Подконтрольные движению талибов уезды	7%	13,3%	12%

В 2017–2018 гг. наблюдался рост количества терактов, особенно в крупных городах страны, в том числе в Кабуле. Об ухудшении ситуации в сфере безопасности в целом свидетельствует рост потерь среди афганского населения – как среди мирных жителей, так и в рядах сотрудников правоохранительных органов (см. табл. 2)²⁷.

Таблица 2

Потери среди мирного населения в 2014–2018 гг.

Год	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Погибшие	2969	3701	3565	3527	3440	3804
Раненые	5669	6834	7470	7925	7019	7189
Жертва	8638	10 535	11 035	11 452	10 459	10 993

В 2018 г. число потерь, ответственность за которые несут антиправительственные группировки, возросло.

Сокращение подконтрольной правительству территории – не единственный показатель ухудшения ситуации в сфере безопасности. Растут потери афганских сил безопасности. По данным НАТО, в июле 2018 г. состав афганской армии и полиции насчитывал 312 328 служащих – этот показатель достиг самого низкого уровня со времени 2012 г. По данным на декабрь 2018 г., по сравнению с предшествующим кварталом численность афганских стражей порядка сократилась на 1914 человек, а с июлем 2017 г. – на 8827²⁸. Правительство ИРА и НАТО начиная с 2016 г. не выпускают отчеты о потерях сил безопасности, но, по данным миссии НАТО, в период с мая по октябрь афганские правоохранительные органы понесли беспрецедентно высокое число потерь²⁹. По данным газеты «New York Times», с 2015 г. потери

афганской полиции и армии всего составили 28 тыс. человек. Это в среднем по 20 военнослужащих в день³⁰.

Рост потерь правоохранительных структур можно объяснить сменой тактики талибов. Анализ ежедневных сообщений, поступающих из Афганистана, позволяет сделать вывод о том, что за последний год, сокращая совершение терактов в крупных городах, талибы участвовали в нападениях на небольшие мало-защищенные блокпосты полиции, находящиеся в отдаленных районах. Подобные атаки, как правило, осуществляются в ночное время.

Социально-экономическое положение

Социально-экономическая ситуация в ИРА за годы работы ПНЕ также ухудшилась. По данным совместного исследования Центральной статистической организации Афганистана (ЦСОА) и американской финансовой компании «ICON International», опубликованного в мае 2018 г., на момент публикации отчета за чертой бедности проживало 54% афганского населения. Только в период 2016–2018 гг. уровень бедности возрос на 15,7%. 70% населения Афганистана страдают от плохих жилищных условий, а 44% вынуждены проживать в стесненных обстоятельствах в переполненных домах. В отчете содержится прогноз о том, что в 2018–2019 гг. уровень роста афганской экономики составит всего 2,5% с учетом по-прежнему низкого уровня безопасности и политической нестабильности. Общий уровень безработицы в стране на момент публикации доклада составлял 24%³¹.

Примечательно, что в условиях ухудшающегося социально-экономического положения и роста безработицы, несмотря на беспрецедентно высокие показатели потерь афганских силовых структур, национальная армия и полиция фактически стали главным источником рабочих мест для населения³², поскольку львиная доля выделяемой США финансовой помощи расходуется на нужды силовых структур.

В апреле 2017 г. западные эксперты отметили «определенный прогресс» ПНЕ в отдельных сферах экономики. В частности, обозреватели обратили внимание на повышение эффектив-

ности сбора налогов и, соответственно, увеличение внутренних доходов³³. Тем не менее авторы доклада из «International Crisis Group» полагают, что дальнейшие успехи ПНЕ в плане сбора налогов возможны только при условии стабилизации ситуации с безопасностью, политической стабильности и борьбы с коррупцией. С ситуацией в сфере безопасности и политической стабильностью связан не только уровень собираемости налогов, но и в целом рост экономики, так как это не позволит сократить расходы на безопасность³⁴.

Уровень протеста

Ухудшение ситуации в сфере безопасности, обострение социально-экономических проблем и межэтнических противоречий при ПНЕ естественным образом привели к недовольству граждан, что проявилось в росте уровня протестных настроений. Так, в 2015–2017 гг. возросло число демонстраций и митингов, большую активность в которых проявили афганские конфессиональные и национальные меньшинства. В ноябре 2016 г. в афганской столице прошла протестная акция, собравшая около 70 тыс. человек, в основном хазарейцев-шиитов³⁵. Причиной акции протеста послужили трагические события в южной провинции Забуль, где боевики ИГИЛ убили семерых заложников из числа хазарейцев-шиитов, среди которых были три женщины и 9-летняя девочка. Еще одна демонстрация, состоявшаяся за полгода до этих событий, носила беспрецедентный характер, поскольку ее участники выдвинули экономические требования. В мае 2016 г. тысячи хазарейцев-шиитов, сторонников оппозиционного движения «Роушнаи», потребовали пересмотра решения правительства о маршруте проекта по строительству ЛЭП из Туркменистана в Афганистан³⁶.

Еще одна протестная акция, состоявшаяся в июне 2017 г., послужила предпосылкой для серьезного обострения политического кризиса. В ходе демонстрации, причиной которой стало недовольство ситуацией в сфере безопасности³⁷, произошло столкновение с полицией, приведшее к жертвам. Когда демонстранты приблизились к президентскому дворцу, полицейские

попытались остановить их с помощью водометов, когда же это не помогло, по участникам акции был открыт огонь на поражение. По некоторым данным, стреляли в демонстрантов бойцы Кабульского военного гарнизона. В результате обстрела и потасовок погибли до 8 человек, в том числе Салим Изидьяр, сын одного из влиятельных политиков севера Афганистана³⁸. Впоследствии боевики-смертники произвели нападение на церемонию похорон Салима, в которой принимали участие А. Абдулла, а также политики-оппозиционеры, в частности Салахутдин Раббани, Юнус Кануни и др. Атака послужила поводом для обвинений команды президента со стороны политиков-таджиков. Впоследствии Исламское общество Афганистана, членами которого является Раббани и в прошлом являлся Изидьяр-старший, выдвинуло ультиматум президенту, потребовав увольнения руководителей силовых ведомств, в том числе секретаря Совета безопасности Мохаммада Ханифа Атмара.

Во время очередной демонстрации в кабульском районе Дехмазанг произошел взрыв, в результате которого погибли около 80 участников акции. Ответственность за теракт, направленный против демонстрантов, взяла на себя группировка ИГИЛ, в то время как Движение Талибан выступило с осуждением теракта³⁹. Афганские политические деятели, в том числе президент Ашраф Гани, также осудили теракт, однако организаторы санкционированного митинга обвинили в трагедии команду президента, в частности Атмара, и призвали подключить к расследованию инцидента международные организации⁴⁰.

Тем не менее, несмотря на рост общественного недовольства, для афганского протестного движения, активизировавшегося после прихода к власти ПНЕ, взрыв в Дехмазанге стал своего рода переломным моментом. Опасение активистов за себя и своих соратников послужило предпосылкой к резкому сокращению числа уличных протестов. Таким образом, действия ИГИЛ фактически привели к уменьшению давления на президента Гани. Зависимость ПНЕ от иностранной помощи как в финансовом, так и в военном плане делает степень его подотчетности перед собственным населением минимальной. Таким образом, влияние гражданского общества на важные государственные

решения сводится к нулю. Очевидно этим, помимо угрозы терактов, можно объяснить разочарование населения в результативности протестов.

В итоге в 2018–2019 гг. наблюдалось снижение уровня уличных акций. Но вряд ли можно ожидать такое же снижение напряженности в сфере безопасности и политики. С военными успехами растет и политическое влияние талибов как реальной оппозиционной силы, с которой придется договариваться. Начиная с 2016 г. наблюдается активизация различных внешних посредников, заинтересованных в реализации афганского мирного процесса. В 2018 г. начались прямые переговоры между США и талибами. Ожидается, что в 2019 г. начнутся переговоры между талибами и правительством ИРА. Пока сложно сказать, какими окажутся практические результаты актуального афганского мирного процесса, но, очевидно, что путь к реальному миру в ИРА не будет коротким. Неизвестно, что он принесет населению Афганистана и чем закончится для талибов. Но уже можно утверждать, что основным бенефициаром интриги под названием «афганский мирный процесс» оказался Талибан, усиливший свои политические позиции на международной арене, что особенно заметно на фоне ухудшения позиций афганского правительства.

¹ The 'government of national unity' deal // <https://www.afghanistan-analysts.org/miscellaneous/aan-resources/the-government-of-national-unity-deal-full-text/>

² См. подробнее: Нессар М.О. Правительство национального единства Афганистана // Вестник Института востоковедения РАН (№3). М., С. 145–155.

³ Ашраф Гани Ахмадзай обозначил ключевые принципы деятельности нового правительства // <http://afghanistan.ru/doc/78280.html>

⁴ Afghanistan Election Observation Mission 2014. Final Report // Democracy International. January 2015. P. 1–71.

⁵ The 'government of national unity' deal // <https://www.afghanistan-analysts.org/miscellaneous/aan-resources/the-government-of-national-unity-deal-full-text/>

⁶ В этом отношении одной из главных целей предстоящей Лойя Джирги должна стать легитимация статуса главы исполнительной власти.

⁷ Конституция ИРА. Ст. 110. // http://moj.gov.af/content/files/Pages/OfficialGazetteIndex_D-header.html

⁸ Выборы в парламент состоялись с трехлетней задержкой в 2018 г., однако выборы глав уездов «по техническим причинам» так и не были проведены.

- ⁹ Byrd W. A. Understanding Afghanistan's 2014 Presidential Election. Washington, DC, 2015. P. 13.
- ¹⁰ New leader, new chapter for U.S. in Afghanistan // <https://www.cbsnews.com/news/afghanistan-ashraf-ghani-ahmadzai-bsa-us-troops-training-advising-taliban/>
- ¹¹ سفر های رسمی سران حکومت وحدت ملی در ۱۰۰ روز نخست کارشان // <https://www.tolonews.com/fa/afghanistan>.
- ¹² Сергей Лавров рассчитывает на успешность работы Правительства национального единства // <http://afghanistan.ru/doc/79332.html>.
- ¹³ См. подробнее: Аналитический доклад «Россия и афганский вопрос». М., 2018.
- ¹⁴ Омар Даудзай: Правительство национального единства не смогло преодолеть кризис власти // <http://afghanistan.ru/doc/90440.html>; Анвар уль-Хак Ахади: Уступки в отношении талибов грозят Афганистану двоевластием // <http://afghanistan.ru/doc/95123.html>.
- ¹⁵ Абдулла Абдулла подверг резкой критике политику президента Ашрафа Гани // <http://afghanistan.ru/doc/100900.html>; Абдулла Абдулла представил аудитории своё главное требование к президенту // <http://afghanistan.ru/doc/100984.html>.
- ¹⁶ Barnett R., Gagnon G. The U.S. Presence and Afghanistan's National Unity Government: Preserving and Broadening the Political Settlement. New York, 2016. P. 10–12.
- ¹⁷ Замминистра Ирана: Хамид Карзай собирается последовать «путинскому сценарию» // <http://afghanistan.ru/doc/66510.html>.
- ¹⁸ Депутаты Волуси Джирги ждут от Верховного суда утверждения решения об импичменте министров // <http://afghanistan.ru/doc/105806.html>; Афганские СМИ обеспокоены отсутствием новостей по разрешению министерского кризиса // <http://afghanistan.ru/doc/106411.html>.
- ¹⁹ По мнению афганских экспертов, в 2019 г. политическая изоляция А. Гани усилилась. См. подробнее: URL: <https://mandegardaily.com/reports/اگاهان-دولت-کابل-منزوی-شده-است>.
- ²⁰ М. Кадири. «حکومت وحدت ملی» پایان یافته است؟ // <http://farsi.ru/doc/15168.html>.
- ²¹ Р. Д. Спанта: ПНЕ потеряло свою легитимность // <http://www.farsi.ru/doc/14891.html>
- ²² سخترانی «داغ» عظامحمدنور در بلخ // <https://af.sputniknews.com/afghan/201712231933807>.
- ²³ Afghan Supreme Court allows Ghani term to cover delay to election // <https://www.reuters.com/article/us-afghanistan-politics/afghan-supreme-court-allows-ghani-term-to-cover-delay-to-election-idUSKCN1RY0X9>
- ²⁴ SIGAR. Quarterly Report to the United States Congress. 30.10.2017. P. 106–107.
- ²⁵ <http://afghanistan.ru/doc/103972.html>; <http://afghanistan.ru/doc/115996.html>; <http://afghanistan.ru/doc/118279.html>
- ²⁶ Уезды с высоким уровнем боевых действий и находящиеся под угрозой падения.
- ²⁷ Afghanistan Annual Report, 2017 // UN, 2018; Afghanistan Annual Report, 2018 // UN, 2019.
- ²⁸ SIGAR. Quarterly Report to the United States Congress. 30.10.2018 P. 106–107. // <https://www.sigar.mil/pdf/quarterlyreports/2018-10-30qr.pdf>.
- ²⁹ <http://afghanistan.ru/doc/124489.html>.
- ³⁰ Rod Nordland, Fahim Abed. Afghan Military Deaths Since 2015: More Than 28,000 // <https://www.nytimes.com/2018/11/15/world/asia/afghanistan-military-death-toll.html>.

³¹ 54 Percent of Afghans Live Below Poverty Line: Survey. Sayed Haidar Shah Omid // <https://www.toloneews.com/business/54-percent-afghans-live-below-poverty-line-survey>; Более 50% населения Афганистана проживает за чертой бедности // <http://afghanistan.ru/doc/120502.html>.

³² См. интервью автора статьи в материале: Победа за горами: почему афганская армия не может уничтожить Талибан // <https://russian.rt.com/world/article/373612-afghanistan-armiya-taliban-unichtozhenie>

³³ Afghanistan: The Future of the National Unity Government // International Crisis Group. Brussels, 2017. P. 2–5.

³⁴ См. подробнее: Окимбеков У.В. Государственный бюджет Афганистана: проблемы формирования и исполнения // Восточная аналитика. М., 2018. С. 52–67.

³⁵ تظاهرات گسترده در کابل در اعتراض به تغییر مسیر برق نوناب // <http://www.dw.com/fa-af/a-19259937>

³⁶ تظاهرات کابل در اعتراض به تغییر مسیر خط انتقال برق پایان یافت // http://www.bbc.com/persian/afghanistan/2016/05/160516_k05_kabul_protest_roshnayee_movement

³⁷ Причиной демонстрации стал резонансный террористический акт, совершенный смертником 31 мая в кабульском районе Чахар-Раи Замбак. В результате взрыва автоцистерны, груженной полутора тоннами взрывчатых веществ, погибли около 150 человек.

³⁸ Afghan police kill 8 protesters amid angry Kabul rally: MP // <http://www.presstv.com/Detail/2017/06/02/523950/Afghanistan-unrest-protest-truck-bomb-Ashraf>

³⁹ حمله انتحاری به راهپیمایی 'جنبش روشنایی' در کابل ۸۰ کشته به جا گذاشت // http://www.bbc.com/persian/afghanistan/2016/07/160723_kk_kabul_power_demo_blast_death_toll.

⁴⁰ Ахмад Бехзад: Запад поддерживает кабульский режим в ущерб принципам демократии // <http://afghanistan.ru/doc/112450.html>.

Д. П. Елагин*

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ АФГАНИСТАНА: ВЛИЯНИЕ ВНУТРЕННЕГО ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

Резюме: В статье рассматриваются аспекты влияния внутреннего вооруженного конфликта в Афганистане на формирование и развитие социально-экономической модели страны. По мнению автора, эту взаимосвязь следует признать весьма значительной. Намечившаяся в текущем десятилетии активизация вооруженного противостояния в стране ухудшает экономическую динамику страны, обостряет социальные и территориальные диспропорции, создает условия для развития нелегального сектора, что в конечном итоге может стать причиной дальнейшей дестабилизации обстановки в стране.

Ключевые слова: социально-экономическая модель, конфликт в Афганистане, экономическое развитие Афганистана, влияние конфликта на экономику

Summary: The article analyzes the influence of internal violent conflict in Afghanistan on the formation and development of Afghanistan's socioeconomic model. The author believes this interconnection to be profound. The tendency towards more intense conflict in the country, which became apparent in the current decade, hampers the dynamics of Afghan economy, exacerbates social and territorial disparities in Afghanistan and facilitates the development of illegal sector of the economy, which, eventually, may further destabilize the situation in the country.

Key words: socioeconomic model, War in Afghanistan, economic development of Afghanistan, the influence of conflict on economy.

* Елагин Денис Павлович – аспирант, преподаватель кафедры мировой экономики МГИМО (У) МИД РФ

Под национальной социально-экономической моделью, как правило, понимают «модель, описывающую с помощью множества показателей хозяйственный механизм страны»¹. Анализируемые показатели, таким образом, призваны дать наиболее точную характеристику социально-экономическому механизму страны. Соответственно, национальная социально-экономическая модель может быть рассмотрена через набор индикаторов, которые раскрывают специфику страны, ее отличия от стран сходного уровня развития.

В статье предпринимается попытка охарактеризовать специфику социально-экономической модели Афганистана, учитывая, что наиболее важным фактором, влияющим на ее формирование и развитие, по мнению автора, является продолжающийся в стране внутренний вооруженный конфликт, который оказывает влияние не только на политические события в стране, но также во многом определяет и ее экономическое развитие; рассматриваются факторы влияния вооруженного конфликта в Афганистане на развитие социально-экономической модели страны в текущем десятилетии, которое, как будет показано, является чрезвычайно значительным, и даже определяющим.

Нет никаких сомнений, что в целом конфликт наносит существенный урон экономике страны, и эта взаимосвязь была подробно рассмотрена многими исследователями и аналитическими публикациями ведущих международных институтов, в частности Всемирным банком². В таких условиях труднее бороться с бедностью, возникают потери рабочей силы, сложности с развитием образования и т.п. Снижаются темпы экономического роста, они особенно заметны в сравнении со странами схожего уровня развития, которые не сталкивались с конфликтами (среди наименее развитых стран заметно более высокие темпы экономического роста демонстрировали те, в которых не наблюдались крупные вспышки насилия). В случае с Афганистаном особое беспокойство вызывает тенденция к интенсификации вооруженного конфликта в стране, что может стать препятствием для успешного и устойчивого экономического развития страны.

Влияние присутствия иностранных войск на экономическое развитие Афганистана

Исходя из существующих теоретических представлений, логичным предположением было бы признать исключительно негативное влияние внутренних конфликтов и гражданских войн на экономическое развитие государств, которые сталкиваются с ними. В этой связи некоторым сюрпризом, однако, оказывается наличие факторов, непосредственно связанных с вооруженным конфликтом в стране и позитивно влияющих на динамику развития экономики Афганистана. К их числу можно отнести продолжительное присутствие иностранных войск в стране, которые в значительной степени формировали потребительский спрос и тем самым обеспечивали позитивную динамику экономического роста. После начала вывода войск в 2013 г. и резкого сокращения их численности в Афганистане темпы экономического роста и потребительского спроса заметно и достаточно резко замедлились, что показано на рис. 1. Некоторые западные исследователи и политические деятели предсказывали такие изменения и указывали на то, что заметная часть платежеспособного потребительского спроса формируется именно за счет иностранных войск, размещенных в стране³, отмечая, что вывод войск может стать причиной экономического спада. В частности, это касается приобретения части продовольствия в стране, торговли, транспортных и транзитных услуг, услуг местных компаний-импортеров и т. д. Отчасти с этим может быть связан опережающий рост сферы услуг по отношению к другим секторам экономики в Афганистане, доля которого в ВВП за этот период выросла с 38 до 53%⁴, хотя, безусловно, отнюдь не вся динамика роста сектора услуг в Афганистане может быть объяснена исключительно спросом со стороны иностранных войск. Наряду с этим сектор услуг получал также и значительную часть иностранных инвестиций и финансовых дотаций за счет международной помощи. В то же время сокращение контингента, а затем и вывод большей части иностранных войск из Афганистана, произошедший в 2013–2014 гг., в этот период негативно отразился на экономической динамике страны, став одним из факторов резкого падения темпов экономиче-

ского роста и потребительского спроса, которые сократились почти в 2 раза и после 2014 г. едва превышали темпы прироста населения.

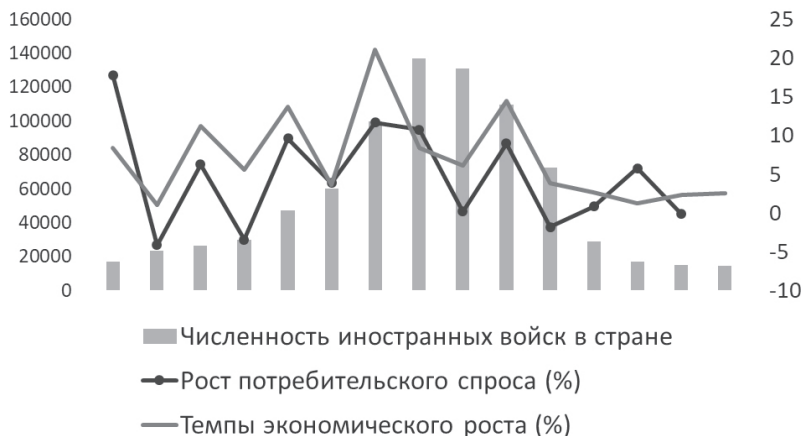

Рис. 1. Взаимосвязь между потребительским спросом и численностью иностранных войск в Афганистане

Источник: World Development Data // World Bank; Brookings Institution.

Активизация вооруженного конфликта в Афганистане и его влияние на развитие экономики страны

В то же время, как уже было отмечено, в целом влияние конфликта на экономическую динамику и эффективность национальной социально-экономической модели едва ли может быть признано позитивным. К структурным особенностям современной социально-экономической модели Афганистана, тесно связанным с активизацией вооруженного противостояния в стране, относятся замедление темпов экономического роста, низкая степень финансовой самодостаточности и зависимость от внешних финансовых поступлений, «опережающее развитие» теневого и нелегального сектора, углубление территориальных диспропорций и др.

В этой связи важнейшей тенденцией, проявившейся в текущем десятилетии, является интенсификация вооруженного про-

тивостояния в стране, которая проявляется не только в участвующих сообщениях о проведении военных операций Афганскими национальными силами безопасности или заявлениях талибов об установлении ими контроля над различными уездами провинций страны, но и на примере некоторых количественных показателей, которые, конечно, носят скорее оценочный характер, но в то же время дают представление о все более затруднительном положении в стране. Наиболее важными индикаторами, свидетельствующими об активизации вооруженного противостояния в стране, следует признать количество жертв среди мирного населения и военных, а также долю территории, которая находится под контролем правительства страны или противостоящих ему вооруженных группировок.

Что касается жертв среди мирного населения, то здесь сложно обнаружить устойчивую тенденцию к их увеличению, несмотря на то что количество жертв среди мирных жителей в результате вооруженных операций и террористических актов в стране несколько возросло после 2009 г.⁵ В то же время резкого роста жертв среди мирного населения после вывода иностранных войск не произошло, что свидетельствует о некоторой стабильности именно террористической активности.

Гораздо больший интерес представляют данные о количестве погибших среди афганских военных, поскольку они в большей степени связаны именно с динамикой и развитием военных действий в стране. По существующим оценкам, еще в 2013–2014 гг. количество погибших среди военных составляло около 4,5 тыс. человек, однако достигло 10 тыс. человек в 2017 г.⁶ По состоянию на конец 2018 г. количество погибших среди военнослужащих АНСБ превысило 16,5 тыс. человек⁷, о чем упоминал в том числе и президент страны М.А. Гани. Следует отметить, что данный показатель не охватывает последние несколько месяцев 2018 г. Динамика изменений представлена на рис. 2.

Кроме того, в силу целого ряда причин (например, поддержания социальной стабильности и обеспечения политической поддержки правительства страны) на деле данные показатели могут быть несколько выше, хотя дать более определенную оценку не представляется возможным. Резкий рост количества

погибших среди военнослужащих АНСБ после 2016 г. свидетельствует о более напряженной обстановке в стране в этот период, более высокой активности вооруженных группировок на территории страны, в особенности талибов.

Рис. 2. Жертвы среди мирных жителей и военных в ходе конфликта в Афганистане после 2009 г.

Источник: UNAMA; Brookings Institution; Office of the President of Afghanistan.

Наряду с увеличением потерь среди АНСБ одной из ключевых проблем является потеря правительством Афганистана контроля над частью территории страны. Хотя афганские власти едва ли когда-либо полностью ее контролировали, тем не менее на протяжении последних нескольких лет ситуация в стране и положение властей заметно ухудшились.

Так, по информации МИД РФ, талибы контролируют более половины территории страны⁸, хотя иностранные СМИ и исследовательские институты приводят более скромные показатели. Например, Brookings Institute, Tufts University и другие исследовательские организации указывают, что приблизительно около 20–30% территории страны находятся под контролем талибов, еще 20–30% находятся в спорном положении⁹, то есть являются ареной вооруженного противостояния между правительством страны и боевиками.

Подобная неблагоприятная военно-политическая ситуация, безусловно, оказывает прямое влияние и на экономику Афганистана. В частности, потеря контроля над территориями страны сокращает и без того незначительную налоговую базу страны, что в условиях активизации вооруженного противостояния может ограничить возможности правительства страны в финансовой сфере, в том числе в случае возникновения необходимости в наращивании военных расходов, также грозит ростом социальных проблем в результате концентрации внутренне перемещенных лиц в крупных городах страны, и особенно в столице страны, Кабуле. Кроме того, рост экономических рисков вследствие активизации конфликта препятствует осуществлению капиталовложений, ухудшает и так неблагоприятный инвестиционный климат, ограничивает возможности для использования международной финансовой помощи в наиболее проблемных регионах страны. Не менее важным аспектом влияния конфликта на экономику страны становится и упрощение условий для ведения нелегальной экономической деятельности, под которой в Афганистане мы прежде всего понимаем выращивание и производство опиатов. Все эти проблемы далее будут более подробно рассмотрены автором.

Фискальные аспекты влияния вооруженного конфликта в Афганистане

Как уже было отмечено, интенсификация вооруженного конфликта в стране приводит к сокращению налоговой базы афганского государства. Доля налогов по отношению к ВВП не превышает 7–8%¹⁰, оставаясь стабильной на протяжении уже многих лет, притом что индикативные планы развития страны предполагали постепенный переход к фискальной самодостаточности и увеличению доли налогов. Вклад налогов и сборов в бюджет страны, включая таможенные пошлины, составляет только около 30%¹¹ и остается сравнительно невысоким. Возможность сокращения налоговой базы бюджета в условиях необходимости хотя бы сохранения текущего уровня расходов ставит правительство страны в чрезвычайно сложное положение. Подобные трудности вынуждают государство к проведению более активной фискальной политики, в том числе к введению новых налогов, которые

призваны воспрепятствовать сокращению налоговых поступлений. В то же время сложно сказать, позволит ли это компенсировать вероятные потери бюджета, не говоря уже о запланированном постепенном переходе к самодостаточности¹².

Тем не менее в прошлом финансовом году правительством Афганистана был принят ряд мер, которые, как предполагается, позволяют сохранить уровень налоговых поступлений на прежнем уровне:

- увеличение сборов с авиакомпаний за пролет над территорией Афганистана на основе соглашения с Международной ассоциацией воздушного транспорта;
- увеличение ставки корпоративного налога на доходы от продажи товаров;
- увеличение таможенных пошлин на некоторые группы товаров;
- увеличение сборов за импорт 1 л топлива;
- введение налога на пополнение счета мобильных телефонов¹³.

Многие из этих мер, однако, можно подвергнуть критике. Некоторые из них могут оказать дополнительное сдерживающее влияние на деловую активность в стране в результате увеличения налоговой нагрузки, особенно на малый бизнес. Увеличение таможенных пошлин касается в первую очередь товаров с высокой долей добавленной стоимости, что в условиях фактического отсутствия соответствующих отраслей в стране может оказать сдерживающее влияние на потребительский спрос и доступность ряда импортных товаров (а таких на афганском рынке очень много), а налог на пополнение счета мобильных телефонов может стать препятствием для дальнейшего распространения мобильных технологий в стране, которые с экономической точки зрения являются очень важным фактором финансовой инклюзивности и т.п. Конечно, эти меры вряд ли окажут очень серьезное влияние на экономическую динамику страны, однако их нельзя рассматривать как меры, призванные стимулировать экономическое развитие. Подобные мероприятия фискальной политики скорее связаны непосредственно с попыткой увеличить доходы государственного бюджета.

Таблица 1

**Некоторые индикаторы
налогово-бюджетной сферы Афганистана**

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Доходы бюджета, % ВВП	21,3	25,2	24,3	23,7	24,5	26,1	24,5
Налоговые поступления, % доходов бюджета	42	35	33	32	36	-	25
Налоговые поступления, % ВВП	8,8	7,5	7	6,8	7,5	-	-
ОПР, млрд долл.	6,866	6,667	5,153	4,943	4,237	4,064	2,71914
ОПР, % ВНД	37,9	32	25,1	23,8	21,9	20,6	-
Внешнее финансирование бюджета, % расходов	56	-	-	60	63	71	69

Источник: World Development Data // World Bank.

Кроме того, в дополнение к отсутствию значительных достижений в фискальной политике зависимость страны от иностранной помощи остается очень существенной. За счет международной финансовой помощи формировалось до 69% расходов бюджета в текущем финансовом году, что, как уже отмечалось автором, более чем в 2 раза выше доли налогов, однако ранее, как правило, этот показатель составлял не менее 70%¹⁵. Хотя показатель зависимости от международной помощи (отношение ОПР к ВНД) сократился до 20%, когда еще в 2009 г. составлял до 50%¹⁶, сложно говорить о качественных изменениях. Следует признать, что в условиях интенсификации конфликта страна скорее нуждается в большем количестве финансовых средств, в то время как ОПР сократилась за последние 5 лет с 6,5 млрд. долл. до 2,7 млрд долл. (объем предоставленной помощи в 2016–2017 гг.)¹⁷. В то же время расходы бюджета поддерживались за счет распределения большей доли помощи через бюджет, фактически его дефицит (если исключить средства доноров) составляет почти 70%, что может вызвать кризисную ситуацию в стране в случае дальнейшей активизации конфликта и роста рисков, связанных с предоставлением и распределением помощи, которые могут стать причиной заметного сокращения ее объемов.

Проблемы регионального развития и качества роста

Активизация вооруженного противостояния и потеря контроля над территориями ограничивает возможности по проведению реформ и программ экономического развития, а также препятствует эффективному использованию иностранной финансовой помощи. Так, на данный момент на наиболее проблемные провинции юга страны приходится не более 10% распределяемой НГО помощи¹⁸, основная деятельность и большая часть проектов которых концентрируется в крупных городах страны, преимущественно в столице страны. Следствием этого становится углубление диспропорций в развитии между различными провинциями страны, когда более развитые территории получают также и больше дотаций. Проблемой в этой связи может стать то, что для жителей периферии страны участие в конфликте может оказаться связанным с меньшими альтернативными издержками. Это может способствовать как росту популярности различных вооруженных группировок, так и наряду с этим дальнейшей интенсификации конфликта, расширению круга его участников.

По мере вытеснения населения из находящихся в центре вооруженного противостояния провинций и уездов и роста числа внутренне перемещённых лиц, значительная часть которых концентрируется в крупных городах страны, наименее затронутых военными действиями, и в столице государства, также ведет к обострению диспропорций социального и экономического развития страны. По оценкам автора, доля Кабула в ВВП страны может составлять около 30–40%¹⁹, там же сосредоточена значительная часть национальных проектов, в том числе реализуемых при международном содействии. Хотя доля населения, проживающего в столице страны, насколько можно судить, пока еще не так велика, его вероятная концентрация в ней может осложнить социальную обстановку, учитывая недостаток создаваемых рабочих мест и серьезные проблемы со скрытой безработицей.

Уже отмеченные ранее низкие темпы роста афганской экономики обусловили и проблему качества экономического роста, обозначенную на рис. 3. В целом высокие темпы роста в начале десятилетия в результате их снижения в последние несколько лет в масштабе были фактически поглощены за счет относительно

стабильных темпов роста населения, т. е. ВВП за данный период вырос незначительно, всего на 2–3%²⁰, что свидетельствует об отсутствии заметных изменений в уровне экономического развития страны. Одной из причин резкого замедления динамики афганской экономики стали вывод большей части иностранных войск из страны и активизация вооруженного противостояния после 2014 г., рассмотренные ранее, а также недостаточная емкость внутреннего рынка и недостаточно эффективный внутренний спрос, который не смог компенсировать потери и обеспечить расширение потребления. Значительная часть населения по-прежнему слабо интегрирована в экономические процессы и занимается почти исключительно натуральным хозяйством.

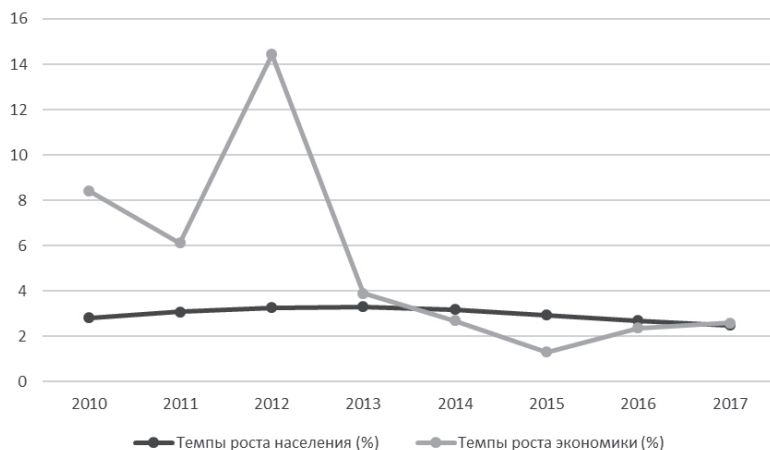

Рис. 3. Соотношение темпов роста населения и экономического роста в Афганистане в 2010-х гг.

Источник: World Development Data // World Bank.

Вероятно, важным следствием проблемы качества роста наряду с активизацией вооруженного конфликта стал рост масштабов проблемы бедности. Действительно, вполне очевидно, что в случае превышения темпов роста населения над экономическим ростом, а также в условиях достаточно высокого неравенства и уровня коррупции ситуация в этой сфере должна была ухудшиться. Так, по национальным стандартам, за чертой бед-

ности оказалось больше половины населения – 54,5%²¹. Также надо учитывать, что национальные стандарты бедности, как и в большинстве стран развивающегося мира, несколько меньше принятых международными организациями, например Всемирным банком. Хотя исследований бедности по международным стандартам в стране не проводилось, нет больших сомнений в том, что полученный в итоге показатель превысил бы данные национальной статистики. Кроме того, индекс глубины бедности в Афганистане составляет около 15%²², что является достаточно высоким показателем и говорит о том, что положение медианного бедного домохозяйства значительно ниже черты бедности. Важной тенденцией после активизации конфликта стал рост как доли бедных в населении страны, так и глубины бедности. В 2011 г. доля бедных составляла только около 40%, а глубина бедности – только около 8%²³, что заметно ниже текущих показателей.

***Проблема выращивания и производства наркотиков
в результате активизации вооруженного конфликта
в Афганистане***

Особое внимание следует уделить наркотическому сектору и его развитию на протяжении текущего десятилетия. Важной тенденцией последних лет, как показано в таблице 2, стало заметное ухудшение ситуации с выращиванием наркосодержащих растений и производством наркотических веществ в стране.

Таблица 2

**Некоторые индикаторы производства
наркотических веществ в Афганистане**

Показатель	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.
Площадь посевов, тыс. га	154	209	224	183	201	328
Урожайность, кг/га	23,7	26,3	28,7		23,8	-
Уровень производства опиума, тыс. т	3,7	5,5	6,4	3,3	4,8	7,6–7,9
Доля сектора, % ВВП	11	15	424	–	–	20–32

Источник: Afghanistan Opium Survey 2012–2017 // UNODC.

На основе представленных данных можно предположить, что расширение возможностей для производства наркотических веществ в Афганистане было напрямую связано с ухудшением ситуации в сфере безопасности. Для вооруженных группировок производство и контрабанда наркотических веществ является важным, хотя и не основным источником доходов, что побуждает их терпимо относиться к существованию наркопроизводства.

Важным индикатором является площадь, занятая посевами опиатов. Следует отметить, что она заметно увеличилась в результате активизации конфликта, резко увеличившись после 2015 г. и достигнув рекордных показателей в 2017 г.²⁵ В то же время необходимо обратить внимание на то, что уровень производства наркотических веществ, который в 2017 г. также достиг рекордных показателей, не является настолько важным показателем при оценке масштабов распространения нелегального сектора экономики в Афганистане. Дело в том, что уровень производства зависит от урожайности, которая определяется большим количеством факторов, например климатическими, и сильно колеблется в различные годы, составляя от 18 до почти 30 кг/га.

Представляют интерес и некоторые показатели, приводимые афганской национальной статистикой. По весьма умеренным оценкам производства наркотических веществ Центральной статистической организации Афганистана, темпы роста ВВП страны без учета производства наркотиков в прошлом году составили 2,9% (2,6% по ВБ²⁶) против более 7% для показателя, включающего данный сектор²⁷. Общая доля «опиумного сектора» экономики, по оценкам ООН, составляет сейчас около 20–32% ВВП²⁸, причем даже несмотря на пусть и относительно невысокий, но все же рост ВВП страны доля наркотического сектора заметно увеличилась за 5 лет, в 2012 г. опять же по оценкам ООН, его доля составляла 15%²⁹. Соответственно, среднегодовые темпы роста наркотического сектора афганской экономики составляли 8–20%³⁰ в зависимости от итоговой оценки сектора.

Можно отметить, что падение темпов роста афганской экономики мало отразилось на активности в нелегальном секторе, что дает основания для утверждений о том, что в целом ухудшение военно-политической обстановки в стране является бла-

гоприятным фактором для развития нелегального сектора в Афганистане. В условиях дальнейшего обострения обстановки в сфере безопасности можно ожидать продолжения данной тенденции, когда нелегальный сектор будет занимать все большую долю афганского ВВП. Подобный сценарий представляет опасность с нескольких точек зрения. Во-первых, рост производства в нелегальном секторе может стать источником дополнительных доходов для различных вооруженных группировок, активизировавшихся на территории страны. Во-вторых, вследствие высокой динамики сектора и его сравнительно высокой доходности он может перетянуть на себя часть рабочей силы, а также капиталовложений. А это уже, в свою очередь, ударит и по правительству страны. Увеличение доли нелегального сектора как в структуре ВВП, так и в структуре занятости может стать причиной сокращения доходов государства.

Таким образом, вооруженный конфликт в Афганистане, особенно его интенсификация, наметившаяся в последние годы, оказал глубокое влияние на социально-экономическую модель Афганистана и динамику экономики страны по целому ряду направлений.

Вывод иностранных войск, которые ранее были важным фактором поддержания потребительского спроса, оказал негативное влияние на экономическую динамику, став причиной спада эффективного спроса и невозможности его восстановления за счет внутренних ресурсов. Итогом этого стало замедление темпов экономического роста Афганистана, восстановление которых было дополнительно затруднено активизацией вооруженного конфликта. Важна в этой связи и проблема качества роста: в последние несколько лет темпы экономического роста Афганистана едва превышают темпы роста населения. Это ведет к сокращению издержек конфликта для его участников, может делать участие в нем более привлекательным, так как не происходит фактического улучшения уровня жизни, перехода на более высокий уровень развития, продолжает расти доля бедного населения.

Важной особенностью современной социально-экономической модели Афганистана является ее чрезвычайная зависимость от внешних факторов развития, складывавшаяся на протяжении

еще прошлого десятилетия благодаря предоставлению больших объемов помощи развитию. Следует отметить, что и сегодня переход к большей самодостаточности представляется затруднительным. Доля налогов в доходах бюджета весьма невелика, в то время как роль международной помощи остается очень высокой, даже несмотря на ее заметное сокращение. Более того, активизация вооруженного противостояния на территории страны может ударить по финансовым возможностям правительства страны, сократив его налоговую базу, а также сделать более рискованным предоставление стране финансовой помощи.

Следует отметить, что потеря контроля над частью территории страны на протяжении последних лет стала фактором роста площади, занятой посевами наркосодержащих растений, а также наркотического сектора в принципе, который растет значительно быстрее, чем экономика страны. Рост данного сектора может стать как фактором усиления вооруженных группировок (за счет роста их доходов), так и ослабления правительства страны (в результате перетекания части экономических ресурсов в нелегальный сектор).

Необходимо признать, что все выявленные особенности влияния вооруженного конфликта в Афганистане на экономику страны, скорее, способствуют его продолжению – многие современные тенденции и особенности афганской экономики ведут к сокращению потенциальных издержек участия в вооруженном конфликте. Снижение альтернативных издержек участия в конфликте означает, что для конкретных субъектов участие в конфликте может принести больший доход, чем отказ от участия в нем и занятие каким-либо другим видом экономической деятельности. Подобная ситуация представляется достаточно опасной и нуждается в дополнительном внимании со стороны исследователей.

¹ Булатов А. С. Российская экономическая модель и перспективы модернизации // Международные процессы. Т. 14. С. 6–9.

² World Development Report 2011. Conflict, Security and Development // World Bank, 2011. P. 386; Collier P., Hoeffler A., Rohner D. Beyond Greed and Grievance: Feasibility and Civil War // Oxford Economic Papers. №61. 2009. P. 1–27; Humphreys M. Economics and Violent Conflict / Macartan Humphreys. – Harvard University, 2003. URL: https://www.unicef.org/socialpolicy/files/Economics_and_Violent_Conflict.pdf

³ Асеф Н. Возвращение России в Афганистан: перспективы двустороннего экономического сотрудничества // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. № 4. С. 782; The Afghan War Economy Collapses // Foreign Policy. URL: <https://foreignpolicy.com/2014/06/09/the-afghan-war-economy-collapses/>; Afghanistan and Central Asia: Prospect and Challenges After Withdrawal of NATO/ISAF Forces. Workshop // European Parliament. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/457127/EXPO_STU\(2015\)457127_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/457127/EXPO_STU(2015)457127_EN.pdf)

⁴ World Development Data // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/>

⁵ Highest Record Civilian Deaths From Conflict at Mid-Year Point – Latest UNAMA Update // UNAMA. URL: <https://unama.unmissions.org/highest-recorded-civilian-deaths-conflict-mid-year-point-latest-unama-update>

⁶ Afghanistan Index // Brookings Institution. September 29, 2017. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/07/21csi_20171002_afghanistan_index.pdf; Mapping Taliban Control in Afghanistan // FDD's Long War Journal. URL: <https://www.longwarjournal.org/mapping-taliban-control-in-afghanistan>

⁷ CNN Anchor, Fareed Zakaria's Conversation With President Mohammad Ashraf Ghani During World Economic Forum's Annual Meeting (2019) in Davos, Switzerland // Office of the President of Islamic Republic of Afghanistan. URL: <https://president.gov.af/en/News/242019>

⁸ Россия пригласит талибов на встречу московского формата по Афганистану // ТАСС. 15 июля 2018 г. URL: <https://tass.ru/politika/5375760>

⁹ Mapping Taliban Control in Afghanistan // FDD's Long War Journal. URL: <https://www.longwarjournal.org/mapping-taliban-control-in-afghanistan>

¹⁰ World Development Data // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/>

¹¹ Annual Macro Fiscal Performance Report. Fiscal Year 1396 // Ministry of Finance of Afghanistan. URL: https://www.budgetmof.gov.af/images/stories/DGB/Reports_publication/FiscalBulletin/1396/FY%201396%20-%20Annual%20Macro%20Fiscal%20Performance%20Report.pdf

¹² Towards a Self-Sustaining Afghanistan: An Economic Transition Strategy // The Government of Islamic Republic of Afghanistan. 2011. – <http://mfa.gov.af/Content/files/205581080230%20Nov%20JCM%20Bonn%20Paper%20FINAL.pdf>

¹³ Annual Macro Fiscal Performance Report. Fiscal Year 1396 // Ministry of Finance of Afghanistan. URL: https://www.budgetmof.gov.af/images/stories/DGB/Reports_publication/FiscalBulletin/1396/FY%201396%20-%20Annual%20Macro%20Fiscal%20Performance%20Report.pdf

¹⁴ Предоставленная помощь в 2017/18 финансовом году. Финансовый год в Афганистане не совпадает по продолжительности с принятым в мировой практике, поэтому данные афганской статистики могут расходиться со статистикой, публикуемой ведущими международными организациями.

¹⁵ Annual Macro Fiscal Performance Report. Fiscal Year 1396 // Ministry of Finance of Afghanistan. URL: https://www.budgetmof.gov.af/images/stories/DGB/Reports_publication/FiscalBulletin/1396/FY%201396%20-%20Annual%20Macro%20Fiscal%20Performance%20Report.pdf

¹⁶ World Development Data // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/>

¹⁷ Afghanistan Statistical Yearbook 2016–2017 // Islamic Republic of Afghanistan National Statistics and Information Authority. URL: [http://cso.gov.af/Content/files/%D8%B3%D8%A7%D9%84%D9%86%D8%A7%D9%85%D9%87%20%D8%A7%D8%AD%D8%B5%D8%A7%D8%A6%DB%8C%D9%88%DB%8C/%D8%B3%D8%A7%D9%84%2096/English%20Yearbook%201396-min%20\(1\).pdf](http://cso.gov.af/Content/files/%D8%B3%D8%A7%D9%84%D9%86%D8%A7%D9%85%D9%87%20%D8%A7%D8%AD%D8%B5%D8%A7%D8%A6%DB%8C%D9%88%DB%8C/%D8%B3%D8%A7%D9%84%2096/English%20Yearbook%201396-min%20(1).pdf)

¹⁸ Afghanistan Statistical Yearbook 2016–2017 // Islamic Republic of Afghanistan National Statistics and Information Authority. URL: [http://cso.gov.af/Content/files/%D8%B3%D8%A7%D9%84%D9%86%D8%A7%D9%85%D9%87%20%D8%A7%D8%AD%D8%B5%D8%A7%D8%A6%DB%8C%D9%88%DB%8C/%D8%B3%D8%A7%D9%84%2096/English%20Yearbook%201396-min%20\(1\).pdf](http://cso.gov.af/Content/files/%D8%B3%D8%A7%D9%84%D9%86%D8%A7%D9%85%D9%87%20%D8%A7%D8%AD%D8%B5%D8%A7%D8%A6%DB%8C%D9%88%DB%8C/%D8%B3%D8%A7%D9%84%2096/English%20Yearbook%201396-min%20(1).pdf)

¹⁹ Оценка автора. Рассчитано на основе показателей потребления, так как афганская статистика не публикует данных о доле провинций в формировании ВВП страны.

²⁰ Рассчитано автором на основе World Development Data // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/>

²¹ World Development Data // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/>; Afghanistan Statistical Yearbook 2016–2017 // Islamic Republic of Afghanistan National Statistics and Information Authority. URL: [http://cso.gov.af/Content/files/%D8%B3%D8%A7%D9%84%D9%86%D8%A7%D9%85%D9%87%20%D8%A7%D8%AD%D8%B5%D8%A7%D8%A6%DB%8C%D9%88%DB%8C/%D8%B3%D8%A7%D9%84%2096/English%20Yearbook%201396-min%20\(1\).pdf](http://cso.gov.af/Content/files/%D8%B3%D8%A7%D9%84%D9%86%D8%A7%D9%85%D9%87%20%D8%A7%D8%AD%D8%B5%D8%A7%D8%A6%DB%8C%D9%88%DB%8C/%D8%B3%D8%A7%D9%84%2096/English%20Yearbook%201396-min%20(1).pdf)

²² World Development Data // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/>

²³ World Development Data // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/>

²⁴ Оценка добавленной стоимости произведенных в стране наркотических веществ без учета доли сопутствующих секторов.

²⁵ Afghanistan Opium Survey 2017. Cultivation and Production / United Nations Office on Drugs and Crime. November 2017. URL: https://www.unodc.org/documents/crop-monitoring/Afghanistan/Afghan_opium_survey_2017_cult_prod_web.pdf

²⁶ World Development Data // World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/>

²⁷ Afghanistan Statistical Yearbook 2016–2017 // Islamic Republic of Afghanistan National Statistics and Information Authority. URL: [http://cso.gov.af/Content/files/%D8%B3%D8%A7%D9%84%D9%86%D8%A7%D9%85%D9%87%20%D8%A7%D8%AD%D8%B5%D8%A7%D8%A6%DB%8C%D9%88%DB%8C/%D8%B3%D8%A7%D9%84%2096/English%20Yearbook%201396-min%20\(1\).pdf](http://cso.gov.af/Content/files/%D8%B3%D8%A7%D9%84%D9%86%D8%A7%D9%85%D9%87%20%D8%A7%D8%AD%D8%B5%D8%A7%D8%A6%DB%8C%D9%88%DB%8C/%D8%B3%D8%A7%D9%84%2096/English%20Yearbook%201396-min%20(1).pdf)

²⁸ Afghanistan Opium Survey 2017. Cultivation and Production / United Nations Office on Drugs and Crime. November 2017. URL: https://www.unodc.org/documents/crop-monitoring/Afghanistan/Afghan_opium_survey_2017_cult_prod_web.pdf

²⁹ Afghanistan Opium Survey 2013 // United Nations Office on Drugs and Crime. December 2013. URL: https://www.unodc.org/documents/crop-monitoring/Afghanistan/Afghan_Opium_survey_2013_web_small.pdf

³⁰ Расчеты автора.

Р. Д. Дауров
И. В. Шашков*

«ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОЯС ШЕЛКОВОГО ПУТИ» (ЭПШП) В СУБРЕГИОНЕ АФГАНИСТАН – ПАКИСТАН

Резюме: В статье рассмотрено многообразие явлений и процессов, как генерируемых южным направлением проекта «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП), так и влияющих на него извне. Дана комплексная характеристика и проведен анализ глобальной экономической и политической ситуации в контексте ее влияния на ЭПШП. Анализ реализации южного вектора ЭПШП – Китайско-Пакистанского экономического коридора (КПЭК) – осуществлен как в связи с глобальным аспектом продвижения китайской инициативы, так и в контексте отношений Китая и Пакистана; рассмотрен фактор нестабильности Афганистана. Исследование дифференцировано по двум основным направлениям рассмотрения проблемы – геоэкономическому и геополитическому, особо рассмотрена роль в реализации КПЭК (и вообще отношений Китая и Пакистана) Саудовской Аравии.

Ключевые слова: Китай, Пакистан, Афганистан, Шелковый путь, экономический коридор, Саудовская Аравия.

Summary: The article considers the variety of phenomena and processes, both generated by the southern direction of the Silk Road Economic Belt project (SREB), and influence on it from the outside. Authors give a comprehensive description and an analysis of the global economic and political situation in the context of its impact on the SREB. Authors make an analysis of the implementation of the southern vector of the

* Дауров Рамазан Джагафарович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН, доцент кафедры востоковедения МГИМО(У) МИД РФ

Шашков Иван Владимирович – инженер кафедры Физической географии мира и геоэкологии, МГУ им. М.В. Ломоносова

SREB – the China-Pakistan Economic Corridor (CPEC) – in connection with the global aspect of promoting the Chinese initiative, and in the context of relations between China and Pakistan; Afghanistan instability factor is considered. The study is differentiated in two main areas of the problem – geoeconomical and geopolitical, the role of Saudi Arabia in the implementation of the CPEC (and in general relations between China and Pakistan) is specifically considered.

Key words: *China, Pakistan, Afghanistan, Silk Road, economic corridor, Saudi Arabia.*

Современное положение Азии в мире

В начале третьего тысячелетия центр тяжести глобальной экономики начал смещаться в восточную полусферу земного шара, а именно в Восточную Азию, вследствие стремительного экономического и демографического роста Индии и Китая наряду с восстановлением развитых экономик стран Восточной Азии после регионального финансового кризиса 1997 г. и мирового финансового кризиса 2009 г.

На мировом экономическом плато расцвели Китай, Индия, Япония, Южная Корея и другие страны АТР. Прогнозы различных мировых институтов основаны на статистических данных, которые позволяют объективно понять политические и экономические реалии XXI в.

К 2012 г. ВВП Китая составлял 8,22 трлн долл. США (в 2017 г. – 12,3 трлн долл.), ВВП Японии – 5,96 трлн долл., ВВП Индии – 1,82 трлн долл., ВВП Южной Кореи – 1,15 трлн долл., ВВП стран Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) 2,31 трлн долл., тогда как, для сравнения, ВВП США составил 15,68 трлн долл. (в 2017 г. – 19,2 трлн долл.), а ВВП стран ЕС достиг 13,8 трлн. долл.

Таким образом, совокупный ВВП стран Восточной Азии оценивался в 18 трлн долл., что составило свыше 25 % мирового ВВП (71,70 трлн долл.) и 119% ВВП США.

Для сравнения – в 2006 г. совокупный ВВП стран Восточной Азии оценивался в 7,13 трлн долл., что составляло 63% ВВП США (10,98 трлн долл.)¹.

Объем внутренней и внешней торговли стран Восточной Азии становится все более впечатляющим и уже составляет половину объема всей мировой торговли. Согласно данным Департамента коммерции США и Министерства торговли КНР, уже к 2012 г. объем торговли Китая достиг 3,87 трлн долл., что сделало Китай самой крупной торговой державой. Более того, Китай является самым крупным торговым партнером 124 стран мира, что составило в среднем 10% всего объема мировой торговли, тогда как число торговых партнеров США снизилось со 127 до 70 стран².

Поражает также динамика регионального взаимодействия стран Восточной Азии, где в рамках АСЕАН партнеры переходят от двусторонних соглашений о свободной торговле к так называемому «Всестороннему региональному экономическому партнерству», сокращенно ВРЭП³, население стран-участников которого к 2015 г. достигло 3,3 млрд человек с совокупным ВВП свыше 19 трлн долл..

Важно отметить, что резервы иностранной валюты стран Восточной Азии составляют 70% мировых запасов, в том числе 70% в американской валюте, а 70% ценных бумаг казначейства США куплены инвесторами из Восточной Азии. Таким образом, восточноазиатские экономики являются самым главным инструментом доминирования доллара США на планете.

Однако реальный процесс переноса центра тяжести мировой экономики в Азию еще далек от завершения и проходит на фоне глобальных природных и социальных катаклизмов в условиях предсказуемых и непредсказуемых угроз и вызовов.

Совокупный политико-экономический потенциал Запада, помноженный на колоссальную военную мощь НАТО, позволяет США и Европейскому союзу доминировать как в Азиатско-Тихоокеанском регионе, так и в остальной части планеты на несколько десятилетий.

Геоэкономическое измерение китайской инициативы

В контексте исследования социально-экономического развития мусульманского Востока большой научный интерес представляют процессы, связанные с реализацией китайских эконо-

мических проектов в Центральной и Южной Азии. С конца XX в. КНР разрабатывает проекты усиления политического и экономического присутствия в данном регионе Евразии. Центральную Азию можно назвать одним из самых труднодоступных регионов мира. На Земле немного мест, где бы еще наблюдалось такое количество и такая плотность высоких и неприступных горных хребтов, препятствующих свободному движению населения, товаров и услуг. Вместе с тем здесь сосредоточено и значительное количество месторождений полезных ископаемых, многие водотоки обладают неиспользуемым гидроэнергопотенциалом, а равнины, несмотря на их малочисленность, могут быть весьма плодородны при должном уровне агротехники. В этом контексте можно вспомнить, что именно здесь располагается один из мировых центров видового разнообразия культурных растений, выделенный Н.И. Вавиловым. Наконец, крайне привлекательной для Китая выглядит перспектива открытия трансевро-азиатского маршрута для перемещения товаров и услуг, что может быть весьма актуальным на фоне возможного сокращения трансатлантического товарооборота, а также нестабильности в ряде ключевых точек (Южно-Китайское и Андаманское моря, Аденский залив) на южном морском пути из Азии в Европу.

Достаточно сложно досконально проследить историю проекта, известного в настоящее время под наименованием «Экономический пояс Шелкового пути», входящего в состав другого мегапроекта – «Один пояс – один путь». Он собрал под своим брэндом все зарубежные инфраструктурные проекты Китая в Азиатском регионе, которые начали реализовываться еще во второй половине XX в.

В пространственном отношении проект «Экономического пояса Шелкового пути» подразделяется на 3 основных вектора – северный, центральный и южный, – из которых в контексте обозначенной проблемы мы обратимся к центральному направлению, представленному Китайско-Пакистанским экономическим коридором (КПЭК), на котором к тому же ряд заявленных подпроектов уже находится в стадии реализации.

Китай и Пакистан связывают длительные политические отношения с середины XX в., которые успешно переживали раз-

личные вызовы истории, даже такие, как активное присутствие США в Пакистане во время советской кампании в Афганистане, и еще до этого Пакистан способствовал проведению тайных китайско-американских переговоров⁴. Учитывая столь долгую дипломатическую историю, логично считать, что именно Пакистан стал для Китая своего рода «испытательным полигоном» для проекта «Один пояс – один путь».

Важнейшей вехой в развитии экономического сотрудничества, косвенно послужившей спустя десятилетия и началом КПЭКа, можно считать прокладку 1300-километрового Каракорумского шоссе в 1966–1986 гг., соединившего Кашгар и Исламабад через Хунджерабский перевал. Другим важным объектом, также участвовавшим в заложении современной структуры КПЭК, можно считать модернизацию морского порта Гвадар на юго-западе Пакистана в 2002–2007-х гг., в результате чего Китай получил новое место базирования сил ВМФ в акватории Индийского океана⁵. В 2013 г. КПЭК стал признаваться частью Экономического пояса Шелкового пути, и весной 2018 г. уже прошли торжественные мероприятия, посвященные 5-летию китайско-пакистанского проекта⁶.

К настоящему времени Китайско-Пакистанский экономический коридор представляет собой конгломерат проектов по освоению пакистанского пространства, охватывающих сферы транспорта и логистики, коммуникации, энергетики, сельского хозяйства и т. д.

Пакистан имеет относительно развитую сеть автомобильных и железных дорог, унаследованную еще со времен британского владычества, которые были весьма важны для переброски войск во времена бесконечной войны с пуштунскими племенами. На текущий момент заявлено 5 проектов в области автодорожного сообщения и 3 – в области железнодорожного регионального уровня. Строительство открыто только на двух автодорогах – это продление Каракорумского шоссе (участок Такот – Хавелиан) и автомагистраль Пешавар – Карачи (участок Мултан – Суккур) – и уже завершено на дорогах N-85 Сураб – Хошаб и M-8 – Гвадар – Турбат – Хошаб. Система автомагистралей имеет схожую локализацию по стране. Некоторые проекты уже реализуются

или находятся в процессе проектирования, такие как реконструкция Каракорумского шоссе, шоссе Пешавар – Исламабад – Лагор (как часть большого проекта дороги Пешавар-Карачи протяженностью 1100 км), Ханжераб – Гилгит – Райкот, упоминавшиеся выше дороги в Гвадар. Параллельно существующим дорогам планируются трассы по долине Инда к побережью, а также дорога вдоль афганской границы Исламабад – Кветта – Гвадар. Прочие транспортные проекты пока находятся на различных стадиях проектирования и землеотвода. В долине Инда Китай планирует модернизировать 1800-километровую железнодорожную линию Пешавар – Исламабад – Лагор – Карачи (с достройкой участка протяженностью около 50 км от г. Торхам на афганской границе до Пешавара) и почти параллельный ей вариант Исламабад – Хайдарабад, а в будущем – проложить горную линию из Кашгара в Исламабад протяженностью 1059 км⁷. На горно-пустынном западе и юго-западе в более отдаленной перспективе также планируются модернизация приграничной линии Кветта – Котла – Джамм (560 км) и прокладка новых веток через Белуджистан в Гвадар (порядка 1300 км).

Реализация проектов в области электронной коммуникации обсуждалась странами около 10 лет, и к настоящему времени уже завершается проведение 800-километрового участка оптоволоконного кабеля от китайской границы до Исламабада и Равалпинди, который в отдаленной перспективе планируют продлить до побережья и затем выйти в море⁸. В целом стоит отметить, что, несмотря на достаточно большое количество объявленных транспортных и коммуникационных проектов, большая их часть пока пребывает в стадии изысканий и проектирования, завершение которых планировалось в 2018–2019 гг.

На данный момент заявлено около 20 проектов в области энергетики и промышленности суммарной мощностью более 11 000 МВт, большая часть из которых реализована или близка к завершению. В текущем году планируется завершение угольной ТЭС в Карачи на 1320 МВт, в прошлом году построена аналогичная станция в Сахивале и запущено несколько полей ветряков в Джимпире (50 и 100 МВт). Сложный энергопроизводственный комплекс из системы ТЭС (2 блока по 330 и 1 объединенный на

660 МВт) и угольного месторождения создается в Таре, где уже в конце текущего года планируется выход на запланированный объем добычи угля (до 3,8 куб. т/г) открытым способом⁹. География энергетических проектов распределяется достаточно равномерно по стране и затрагивает как равнинный Панджаб и Синд, так и более закрытые горные территории пуштунских племен и белуджей, однако, по утверждениям китайской стороны, в случае последних некоторые проекты наталкиваются на пассивность или непонимание местных администраций¹⁰.

Согласно имеющимся документам, в качестве основного региона для развития агропроизводства китайские инвесторы рассматривают преимущественно Панджаб¹¹. С их позиции, это, вероятно, наиболее эффективный шаг, поскольку данная провинция располагается в широкой долине р. Инд, хотя и имеет связанные с этим риски катастрофических наводнений, способных наносить серьезный урон не только сельскохозяйственной, но и прочей – транспортной, промышленной – инфраструктуре. Здесь имеется развитая, хотя и изношенная, система ирригации, заложенная еще в конце XIX в., а затем совершенствовавшаяся на протяжении почти 100 лет. В 1970–1980 гг. была завершена основная часть подпроектов, связанных с развитием канальной сети и строительством дамб в рамках Договора о водных ресурсах Инда¹², и с тех пор эта система обновляется весьма ограниченно. Разработаны проекты порядка трех новых элементов: плотин Калабагх в провинции Панджаб, Диамер – Бхаша в верхнем течении Инда и система водоснабжения г. Кветта в Белуджистане.

В других провинциях, охватывающих преимущественно горы и полупустыни, природные условия значительно суровее. При промышленном земледельческом освоении они будут требовать больших затрат и все равно иметь меньшую урожайность. В настоящее время в этих районах доминирующим источником продовольствия является отгонное скотоводство, однако его интенсификация до масштабов агрохолдингов остается под вопросом из-за низкой экологической емкости горных геосистем. Но при этом в самом Пакистане есть примеры успешного развития сельского хозяйства в условиях гор (но в первую очередь

в целях повышения уровня жизни местного населения, а потом уже для извлечения прибыли инвесторами), например Программа Ага Хана по поддержке сельского развития (ПАХПСР), реализуемая на севере страны. Однако «панджабский проект» в документах остается в виде общего плана действий – пусть и с разработанными финансовыми и экономическими показателями и планками, но о его практической реализации у пакистанских исследователей имеется мало пространственных данных¹³. Пока определена локализация основных пунктов обработки и перераспределения сельскохозяйственной продукции.

Согласно современным данным дистанционного зондирования¹⁴, в Сулеймановых и Макранских горах достаточно интенсивно растут пастбища, тогда как земледелие в долине Инда и любая антропогенная деятельность на территории белуджей пребывает в неподвижном состоянии. Также нельзя не отметить интенсивную урбанизацию, сопровождающуюся сильными вырубками, в районе от Пешавара–Исламабада и до Мултана, т. е. как раз в районе развития транспортных проектов КПЭК.

В категорию прочих проектов в рамках КПЭК можно отнести комплекс подпроектов, посвященных созданию «особых экономических зон» и различных общественных и образовательных проектов. Согласно текущей концепции, планируется создание 9 (а в дальней перспективе – и до 46) зон с особыми экономическими условиями, распределенных почти равномерно по стране – от высокогорий севера до приморского юга. Специализации их имеют некоторые различия, зависящие от места расположения и, соответственно, имеющихся в зоне логистической доступности ресурсов и потенциальных потребителей, но «среднестатистический портрет» зоны таков: продукция агрокомплекса (иногда сужаемая до фруктов, овощей или мяса) и ее переработка, металлообработка, авто- или мототехника, горюче-смазочные материалы, добыча и переработка полезных ископаемых, товаров народного потребления и т. д. Средняя площадь подобной зоны составляет около 1000 акров (хотя есть и другие – от 200 до 3000), и пока все они находятся на стадии предварительного проектирования¹⁵. Основная масса социальных проектов касается пакистано-китайских обменов в различных

комбинациях и формах, а также создания Пакистанской академии общественных наук (ПАОН) в кооперации с Китайской академией социальных наук (КАСН)¹⁶.

Планируемая локализация элементов Китайско-Пакистанского экономического коридора старается в общих чертах учитывать социально-экономическую ситуацию и интересы народов Пакистана (насколько это позволяют природные условия). Это крайне важно в условиях его фактической фрагментированности, однако в настоящее время назвать ее совершенной не получается. В силу различных обстоятельств – как объективных, так и субъективных, связанных с непониманием или разногласиями на местном уровне, – концепция КПЭК неоднозначно воспринимается в пакистанском обществе, особенно вне «столичного» Панджаба. Радикальные объединения Белуджистана и даже Синда объявили КПЭК и Китай вообще угрозой для своих регионов и уже приступили к ведению диверсионной и террористической деятельности. Большую озабоченность Китая вызывает и пассивная угроза афганской нестабильности, притом что стабильность и в Пакистане можно считать относительной.

Существует опасение, что по мере развития и наполнения экономического коридора будет расти и количество недовольных распределением дивидендов, а массы крестьян Панджаба, вынужденных перемещаться с земель, выкупаемых китайскими агрохолдингами, создадут дополнительный риск. Можно также вспомнить, что еще 80–100 лет назад развитие дорожно-транспортной сети для племен запада страны символизировало рост английской экспансии. В этом контексте нельзя не привести такой почти комический факт, что на официальном интернетпортале КПЭК первый же вопрос в разделе «Вопросы и ответы» звучит так: «Является ли КПЭК еще одной Ост-Индской компанией?».

Аналогично и в настоящее время, продвижение пакистанской армии на территории племен закрепляется расконсервацией старых тоннелей и перевалов. Как и в колониальный период, нынешнему пакистанскому правительству приходится зачищать эти земли с помощью тяжелого вооружения и авиации, чтобы сделать возможным прокладку северных частей КПЭК, однако эффективность данных мер в долгосрочной перспективе вызы-

вает сомнения. Это будет означать сохранение военного положения, по крайней мере, на части маршрута (и это не принимая во внимание южный коридор пуштунского влияния Кандагар–Кветта и вышеупомянутые риски Белуджистана и Синда).

Проект Экономического пояса Шелкового пути, выступающий главным потенциальным драйвером комплексной трансформации региона, и сам испытывает изменения под воздействием внешних факторов. На фоне различных политических и социальных причин особо выделяется фактор, из-за которого транспортная составляющая ЭПШП уже была изменена (причем с потерями для участников проекта) и который и в будущем способен непредсказуемо влиять на ситуацию в Центральной Азии в целом. Этот фактор – политико-социальная нестабильность Афганистана и зоны племен Пакистана своего рода инкубатор «черных лебедей»¹⁷.

В свете новой афганской стратегии Международных сил содействию безопасности (МССБ) во главе с США, делающей упор на симметричный ответ партизанской войне Талибана (организация запрещена в РФ) и уделяющей меньшее внимание разрастающейся угрозе Исламского государства (организация запрещена в РФ), следует ожидать как минимум сохранения нестабильности в Афганистане, а как максимум – развития нового витка в этой войне и вовлечения в нее новых участников. Кроме того, сам факт сохранения масштабного военно-политического присутствия США в субрегионе Афганистан – Пакистан, свидетельствует о сохранении ими своего инструмента влияния на ситуацию в Центральной Азии в целом и на проект ЭПШП, в частности.

Общее геополитическое измерение китайской инициативы

3 ноября 2018 г. новый премьер-министр Пакистана Имран Хан совершил официальный визит в Пекин, в ходе которого он предпринял попытку пересмотреть коммерческие условия и сменить фокус проектов, связанных с энергетикой и инфраструктурой КПЭК. Ранее его малайзийский коллега, Махатхир Мохамад, приостановил финансируемые Китаем проекты на сумму 26 млрд долл. Мьянма также ведет переговоры о существенном

сокращении финансируемого Китаем портового проекта в Бенгальском заливе с 7,3 млрд долл. до более скромных 1,3 млрд долл. За последнее время наблюдается рост антикитайских настроений в таких странах, как Казахстан, Непал и Дания.

Настойчивость Имран Хана по изменению фокуса китайских проектов КПЭК в размере 45 млрд долл., включающих сельское хозяйство, обрабатывающую промышленность и создание рабочих мест, приобретает дополнительное значение, поскольку Пакистан вынужден выполнить требования Международного валютного фонда (МВФ) и выплатить примерно 8 млрд долл., чтобы предотвратить масштабный финансовый кризис. С этой же целью он ведет переговоры с Саудовской Аравией об инвестициях до 10 млрд долл., которые позволили бы снизить долговое давление со стороны МВФ, но взамен дали бы саудовцам возможности по запуску собственных проектов, связанных с КПЭК.

При этом Хан маневрирует по нескольким «минным полям», которые «нашпигованы» требованиями МВФ и США о финансовой транспарентности проектов КПЭК, а также требованиями ФАТФ (Группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег) по борьбе с отмыванием денег и финансированием терроризма, которая угрожает внести Пакистан в черный список. Переговоры с Саудовской Аравией проходят в то время, когда международное положение королевства резко ухудшилось в результате убийства журналиста Джамали Хашогги в консульстве Саудовской Аравии в Стамбуле.

Готовясь к своему первому визиту в Китай в качестве премьер-министра Пакистана, Имран Хан настоял на том, чтобы фокус КПЭК переместился с инфраструктуры на сельское хозяйство, на создание рабочих мест и иностранные инвестиции.

«Раньше КПЭК был направлен только на строительство автомагистралей и вспомогательных дорог, но сейчас премьер-министр решил, что он будет использоваться для поддержки сельского хозяйства, создания большего количества рабочих мест и привлечения инвестиций других зарубежных стран, таких как Саудовская Аравия», – сказал министр информации Фавад Чаудхри, игнорируя тот факт, что в плане КПЭК уже упоминались эти вопросы¹⁸.

Решимость Хана вызвана стремлением обеспечить дополнительные выгоды Пакистану от китайских инвестиций в то время, когда различные азиатские и африканские страны обеспокоены тем, что инвестиции в инфраструктуру, связанные с «Новым шелковым путем», уже приводят к долговой зависимости от Китая и потере контроля над критической национальной инфраструктурой, а в некоторых случаях – и медиаактивами¹⁹. Так, Малайзия приостановила и даже отказалась от ряда проектов, финансируемых Китаем в размере 26 млрд долл.²⁰, в то время как Мьянма ведет переговоры о существенном сокращении финансируемого Китаем портового комплекса в Бенгальском заливе стоимостью 7,3 млрд долл. до более скромного проекта, который обойдется в 1,3 млрд долл.²¹

Китайская компания CWE Investment Corporation рассматривает возможность выхода из гидроэнергетического проекта мощностью 750 МВт, ссылаясь на высокие расходы на переселение и реабилитацию восьми непальских деревень после протестов против запланированной эвакуации²².

Опасения относительно китайской долговой ловушки начались в конце 2018 года, когда неприемлемый уровень долга заставил Шри-Ланку передать Китаю 80% акций порта Хамбантота²³. Китай списал нераскрытую сумму таджикского долга в обмен на уступку контроля над приблизительно 1158 квадратными километрами спорной территории²⁴ вблизи границы центральноазиатского государства с северо-западной провинцией Китая Синьцзян. Замбия считает, что у нее нет иного выбора, кроме как передать контроль над своим международным аэропортом, а также над государственной энергетической компанией²⁵.

Пакистан еще до того, как И. Хан призвал переориентировать КПЭК, стал более осторожным в отношении китайских инвестиций. Председатель пакистанского Управления по развитию водных ресурсов и энергетики Музаммил Хусейн заявил, что «китайские условия финансирования плотины Даймер-Бхаша невыполнимы и противоречат нашим интересам»²⁶.

Китай и Пакистан также ведут споры об условиях инвестиций более 14 млрд долл. на сооружение 4,500-мегаваттной (МВт)

гидроэлектростанции на реке Инд в проблемном регионе страны Гилгит–Балтистан вблизи Кашмира.

Ранее в исследовании Национального банка Пакистана был сделан вывод о том, что экспорт в Китай необработанного пакистанского мрамора, а также реэкспорт его полуфабриката «в значительной степени вредит мраморной промышленности Пакистана»²⁷.

Шансы Хана на переориентацию КПЭК могут быть увеличены внутренним и внешним давлением, который переживает Китай. Обещание председателя КНР Си Цзиньпина в сентябре предоставить Африке новые кредиты на сумму 60 млрд долл. вызвало волну недовольства в Китае. Цензоры быстро перешли к удалению критических постов, которые распространились в Интернете после того, как Си Цзиньпин объявил о новых обязательствах²⁸.

В свою очередь, Китай тоже становится более осторожным. Сокращение китайских инвестиций в Пакистане привело к 42-процентному падению прямых иностранных инвестиций в первом квартале этого финансового года. Центральный банк сообщил, что инвестиции из Китая, крупнейшего иностранного инвестора Пакистана, сократились в период с июля по сентябрь 2018 г. до 439,5 млн долл. по сравнению с 765 млн долл. в предыдущем году. Это снижение вызвало обеспокоенность и способствовало решению Пакистана обратиться к МВФ за поддержкой.

Желание правительства Хана переориентировать КПЭК решает ключевые вопросы, поднятые критиками проекта, которые потенциально могут повлиять на план Китая по умиротворению его проблемной северо-западной провинции Синьцзян посредством сочетания экономического развития и жестоких репрессий с целью «перевоспитания» тюркоязычного мусульманского населения СУАР. Первоначальный план КПЭК предусматривал позиционирование Пакистана в качестве поставщика сырья для Китая, экспортного рынка китайской продукции и рабочей силы, а также экспериментальной площадки для экспорта современной электронной системы тотального наблюдения и контроля, которую Китай успешно выстроил в Синьцзяне²⁹. План предусматривал, что китайские государственные компании

арендуют тысячи гектаров сельскохозяйственных земель для осуществления «демонстрационных проектов» в различных областях – от семеноводства до ирригационных технологий.

По замыслу Пекина китайские сельскохозяйственные компании получают в Пакистане «свободный капитал и кредиты» от различных министерств Китая, а также от Китайского банка развития. Кроме того, в нем прогнозируется создание производственного и строительного конгломерата, внедряющего механизацию, а также новые технологии в пакистанском животноводстве, разработку гибридных сортов и капельное орошение. По оценкам экспертов, Пакистан фактически станет поставщиком сырья, а не производителем добавленной стоимости, что является необходимым условием для устойчивого развития текстильной промышленности.

Концепция КПЭК рассматривает пакистанский текстильный сектор в качестве поставщика текстильным предприятиям в Синьцзяне дешевой пряжи и грубой ткани. «Китай может максимально использовать пакистанский рынок дешевого сырья для развития текстильной и швейной промышленности и впитать излишки рабочей силы в Кашгаре», – говорится на сайте КПЭК. Китайским компаниям будет предложен в Пакистане преференциальный режим в отношении «земли, налогов, логистики и услуг», а также «налога на прибыль предприятий, снижения тарифов и освобождения от уплаты налогов и ставок налога с продаж»³⁰.

Аналогичным образом Хан еще не высказал своего мнения относительно включения в план системы тотального мониторинга и наблюдения, которая будет построена в пакистанских городах для обеспечения правопорядка. Эта система будет предусматривать развертывание детекторов взрывчатых веществ и сканеров для «охвата основных дорог, подверженных риску мест скопления людей... в городских районах для проведения мониторинга в режиме реального времени и круглосуточной видеозаписи таких событий, как митинги и выступления конкурирующих партий, представителей племен, религиозных организаций и сообществ, подготовку и проведение террористических актов, а также вмешательство Запада». Последствия такого мониторинга для всего пакистанского общества под предлогом обеспе-

чения безопасности КПЭК выходят далеко за рамки экономического и инфраструктурного развития³¹.

Обозреватель Financial Times Джамиль Андерлини отмечает: «Китай рискует непреднамеренно начать свою колониальную авантюру в Пакистане – крупнейшем получателе инвестиций в рамках проекта “Один пояс, один путь” и стать современным прообразом Ост-Индской компании... Пакистан теперь фактически является государством-клиентом Китая. Многие внутри страны обеспокоены тем, что зависимость от Пекина уже превращает ее в колонию своего огромного соседа. Риски того, что отношения могут стать проблематичными, значительно увеличиваются из-за незнания Пекином того, как Китай воспринимается за рубежом, и его нежелания изучать историю через идеологическую линзу... Легко представить себе сценарий, при котором пакистанские военные не смогут эффективно отражать вооруженные нападения на китайские объекты и Пекин решит открыто развернуть Народно-освободительную армию Китая для защиты своих граждан и имущества»³².

Частное геополитическое измерение: саудовский фактор

Стремление Исламабада на «переориентацию» КПЭК приобретает дополнительное значение с учетом того, что Пакистан обратился к МВФ за помощью в размере до 12 млрд долл.³³ для предотвращения финансового кризиса с помощью нового кредита. Согласно достигнутым договоренностям с Саудовской Аравией, предусматривается финансовая поддержка в размере 6 млрд долл. и около 10 млрд долл. инвестиций, которые будут вложены в саудовские проекты, связанные с КПЭК³⁴.

Пекин обеспокоен тем, что саудовские инвестиции уменьшат зависимость Пакистана от КНР, и убедил Исламабад отказаться от своего первоначального заявления о том, что Саудовская Аравия станет партнером в КПЭК, но будет инвестировать отдельно от Китая³⁵.

Заместитель главы дипломатической миссии Китая в Исламабаде Лицзянь Чжао стремился сгладить назревающий конфликт интересов, настаивая на том, что его страна приветствует

саудовские инвестиции в рамках любых усилий по развитию пакистанской инфраструктуры, повышению уровня жизни и созданию рабочих мест³⁶.

Комментарии Чжао последовали за заявлением, сделанным в сентябре 2018 года министром иностранных дел Китая Ван Цзи после переговоров с премьер-министром Имран Ханом в Исламабаде, которое, как представляется, указывает на то, что Китай, признавая требования Пакистана, не будет рассматривать их немедленно. Ван предположил, что КПЭК будет лишь «постепенно переходить к промышленной кооперации»³⁷.

В качестве еще одного косвенного признания того, что некоторые из китайских проектов могут привести к долговой ловушке, министр заявил, что могут потребоваться корректировки условий финансирования.

«Это нормально и понятно, что фокус развития может меняться на разных этапах в разных странах, особенно с изменениями в правительстве. Таким образом, Китай также может внести некоторые стратегические коррективы при сотрудничестве с этими странами, но это определенно не пересмотр инициативы ОПОП», – сказал заместитель директора Департамента информации Китайского центра международных экономических обменов Ван Цзюнь газете Китайской коммунистической партии Global Times³⁸.

Китай, кроме того, беспокоится, что в худшем случае саудовские инвестиции вместо того, чтобы стимулировать экономическую активность и помочь порту Гвадар выйти на проектную мощность, могут заманить его в один из самых изнурительных конфликтов на Ближнем Востоке.

Китай обеспокоен и тем, что если он решит использовать Гвадар не только в коммерческих целях, но и в качестве военно-морской базы, то он попадет под пристальное внимание третьих стран. Саудовские инвестиции также могут помешать Китаю связать порты Гвадар (Пакистан) и Чабахар (Иран), что получило поддержку пакистанских и иранских официальных лиц³⁹.

Действительно, участие Саудовской Аравии в эксплуатации порта Гвадар может усилить напряженность в Белуджистане, где Китай уже является мишенью для националистических и

религиозных боевиков, потенциально втягивая Пакистан в обостряющееся соперничество между Саудовской Аравией и Ираном. Террорист-смертник Армии освобождения Белуджистана (АОБ), работавший на иранском нефтепроводе «Замяд», убил трех китайских инженеров и двух пакистанских пограничников в августе, когда он напал на автобус, перевозивший иностранцев на медно-золотой рудник Сайндак, который эксплуатируется металлургической корпорацией Китая⁴⁰.

Исследование американской корпорации «Рэнд корпорейшн» утверждало в 2014 г., что Пакистан является «стержнем политики Китая в Южной Азии»⁴¹. «Исламабад считается ключевой столицей, чтобы помочь Пекину справиться с проблемой как с точки зрения борьбы с радикальными исламскими группировками, поддерживающими и обучающими уйгурских боевиков в Пакистане, так и с его помощью представить Китай в качестве друга мусульманского мира ... С точки зрения Китая, Пакистан играет ключевую роль ... в активном развитии экономических отношений Китая с регионом и миром»⁴².

Пакистан также важен для Китая, поскольку он считается критически важным для стабилизации соседнего Афганистана – страны, которая стала вызывать растущую озабоченность Китая как источника терроризма и героина ... Пекину нужно правительство в Исламабаде, которое сможет поддерживать порядок внутри Пакистана, а также помочь стабилизировать Афганистан», – говорится в исследовании.

Другой исследовательский документ – «Рэнд Корпорейшин» – отмечает, что Пакистан является крупнейшим экспортным рынком военной техники Китая. В период с 2000 по 2014 г. на долю Пакистана приходилось 42 % от общего объема продаж оружия Китаем⁴³.

В качестве шага, направленного на укрепление потенциала Пакистана в области борьбы с терроризмом, а также в качестве жеста в отношении вооруженных сил, Пакистан стал второй страной после Саудовской Аравии, получившей от Китая «беспилотники-убийцы» и связанные с ними технологии, тогда как США отказались продавать свои более совершенные беспилотники Саудовской Аравии или Пакистану⁴⁴.

Мощная пакистанская Межведомственная разведка (ISI) преисполнена решимости играть важную роль в китайских и саудовских проектах. Начальник штаба армии генерал Камар Джавед Баджво назначил новым главой Межведомственной разведки, генерал-лейтенанта Асима Мунира, который получил опыт взаимодействия как с Китаем, когда он служил в провинции Гилгит–Балтистан, которая граничит с КНР, так и с королевством, когда он был откомандирован в Саудовскую Аравию⁴⁵.

Саудовская Аравия рассматривает вопрос об инвестировании в нефтеперерабатывающий завод в порту Гвадар на берегу Аравийского моря. Она также рассматривает вопрос о вложении денег в медно-золотой рудник «Реко Дик», который, как и Гвадар, находится недалеко от иранской границы и всего в 70 км от поддерживаемого Индией порта Чабахар на иранском побережье.

По иронии судьбы, убийство саудовского журналиста Джамаля Хашогги в Стамбуле дало пакистанскому премьер-министру то, в чем саудовцы отказали ему ранее. В качестве награды за его участие в конференции крупных инвесторов в Эр-Рияде, которую западные лидеры, политики и компании бойкотировали из этических соображений, Имран Хан был тепло принят королем Сальманом и его сыном, кронпринцем Мухаммедом бен Сальманом, после которой саудовцы предоставили Пакистану отсрочку нефтяных платежей на 6 млрд долл. и депозит в Центральном банке Пакистана на 3 млрд долл.⁴⁶

В интервью перед отъездом в Эр-Рияд, Имран Хан сказал, что он будет присутствовать на конференции, несмотря на «шокирующее» убийство г-на Хашогги, потому что, «если мы не получим кредиты от дружественных стран или МВФ, у нас на самом деле не будет в ближайшие два-три месяца достаточно иностранной валюты для обслуживания наших долгов и оплаты нашего импорта. Так что сейчас мы в отчаянии»⁴⁷. Валютные резервы Пакистана снизились до 8,1 млрд долл., которых едва хватает для покрытия суверенного долга до конца года. Дефицит текущего счета увеличился примерно до 18 млрд долл.⁴⁸

Вооруженный саудовской помощью, Имран Хан прибыл в Пекин более уверенным в том, что сможет заручиться аналогичной поддержкой Китая. Его переговоры, вероятно, будут

омрачены вопросом о том, какую геополитическую цену он, возможно, заплатил за саудовскую помощь. Привлечь на свою сторону Пакистан, в котором проживает крупнейшее в мире шиитское меньшинство, стало еще более важным для Саудовской Аравии, поскольку она стремится после смерти Хашогги доказать свою незаменимость для усилий президента США Дональда Трампа по изоляции Ирана и смены режима в Тегеране. Трамп рассматривает Саудовскую Аравию как ключевого партнера для принуждения Ирана к прекращению поддержки экстремистов в Йемене и Ливане, выводу иранских вооруженных формирований из Сирии и полному демонтажу иранской ядерной и ракетной программ.

Кроме того, Хан, вероятно, пытался убедить Пекин, что изменения финансовых условий проектов, связанных с КПЭК, а также помощь Саудовской Аравии уменьшит его потребность обращаться за помощью к МВФ.

Финансовая поддержка Саудовской Аравии означает, что Имран Хану может оказаться труднее защитить Пакистан от втягивания в американско-саудовские усилия с потенциально далеко идущими последствиями для китайских инвестиций, особенно в Белуджистане.

«Будут как минимум ожидания и, возможно, даже требования Саудовской Аравии, когда дело дойдет до поддержки Пакистаном вопросов, представляющих интерес для саудовской монархии. Когда он был оппозиционной фигурой, г-н Хан, казалось, понимал это и, следовательно, осуждал секретную сделку, которую предыдущие правители заключили с саудитами в обмен на кредит», – отмечалось в редакционной статье Dawn⁴⁹.

Министр финансов Пакистана Асад Умар отрицал, что поддержка Саудовской Аравии связана с политическими условиями. «Саудовцы не выдвигали никаких требований, которые мы отказывались выполнять. Они ничего не требовали. И это отношения между Пакистаном и Саудовской Аравией, это связь между людьми. Они будут стоять на стороне Пакистана в наше трудное время», – сказал Умар⁵⁰.

За неделю до визита премьер-министра Имран Хана в Саудовскую Аравию неизвестные похитили 14 иранских представи-

телей Корпуса стражей исламской революции (КСИР) на иранской стороне границы с Пакистаном.

Пакистан обязался помочь освободить похищенных лиц, которые, как полагают, были перевезены через границу в Белуджистан⁵¹. «Члены террористических групп, которые руководствуются и поддерживаются иностранными силами, осуществили это путем обмана и подкупа инфильтраторов», – говорится в заявлении КСИР, в котором, по-видимому, обвиняют Саудовскую Аравию и Соединенные Штаты, не называя их по имени.

¹ По данным МВФ. Обновлено 28.04.2018.

² По данным Associated Press. Декабрь 2012.

³ ВРЭП (RCEP) – соглашение о «зоне свободной торговли плюс» («ЗСТ+»), охватывающее 10 государств-членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) (Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины) и 6 государств, с которыми у АСЕАН уже подписаны соглашения о свободной торговле.

⁴ Денисов И. Главней всего погода в доме. Почему именно в Пакистане Китай построил самый крупный по площади посольский комплекс. Лента.Ру, 19.02.2015 (Режим доступа www.lenta.ru/articles/2015/02/19/chinapaki).

⁵ Китайско-пакистанский экономический коридор // ИД «Коммерсантъ», 01.07.2017.

⁶ China-Pakistan Economic Corridor. Официальный интернет-портал Китайско-пакистанского экономического коридора (Режим доступа www.cpec.gov.pk).

⁷ Там же.

⁸ Там же; КНР ударными темпами строит китайско-пакистанский экономический коридор // Проект EKD.ME, 28.05.2018 (Режим доступа www.ekd.me/2018/05/28/knr-udarnymi-tempami-stroit-kitajsko-pakistanskij-ekonomicheskij-koridor).

⁹ Катар заинтересовался строительством 2 тепловых электростанций в Пакистане. А что Газпром? // Портал Neftegaz.RU, 30.03.2016 (Режим доступа www.neftegaz.ru/news/view/147752-Katar-zainteresovalsya-stroitelstvom-2-teplovyh-elektrostantsiy-v-Pakistane.-A-cto-Gazprom).

¹⁰ CPEC Platform. Интернет-портал для представителей бизнеса и общественности Китайско-пакистанского экономического коридора (Режим доступа: www.cpecplatform.com).

¹¹ Agriculture sector opportunities in the context of China-Pakistan Economic Corridor. International Growth Centre. London School of Economic and Political Science. L., 2018.

¹² Экологические проблемы стран Азии и Африки. М., 2012. С. 235.

¹³ Riaz A., Usman M. Impact of CPEC Projects on Agriculture Sector of Pakistan: Infrastructure and Agricultural Output Linkages (Режим доступа www.pide.org.pk/psde/pdf/AGM32/papers/Impact%20of%20CPEC%20Projects%20on%20Agriculture%20Sector%20on%20Pakistan.pdf).

- ¹⁴ Nowosad J., Stepinski T. F., Netzel P. Global assessment and mapping of changes in mesoscale landscapes: 1992–2015. *International Journal of Applied Earth Observation and Geoinformation*. Elsevier, 26.10.2018 (Режим доступа www.doi.org/10.1016/j.jag.2018.09.01).
- ¹⁵ CPEC Portal. Интернет-проект Пакистанско-Китайского Института (PCI) в коллаборации с Международным Радио Китая (CRI) (Режим доступа www.cpecinfo.com).
- ¹⁶ Xinhua Silk Road Information Service (Режим доступа www.en.silkroad.news.cn)
- ¹⁷ Дауров Р. Д. «Черные лебеди» на Шелковом пути // интернет-портал Российского Совета по международным делам, 03.07.2017 (Режим доступа www.russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chernye-lebedi-na-shelkovom-puti).
- ¹⁸ Syed Irfan Raza. CPEC focus must be on job creation, agriculture: Imran. Dawn, 9 October 2018 (<https://www.dawn.com/news/1437770/cpec-focus-must-be-on-job-creation-agriculture-imran>).
- ¹⁹ Dorsey, James M. China struggles with Belt and Road pushback, *The Turbulent World of Middle East Soccer*, 16 September 2018 (<https://mideastsoccer.blogspot.com/2018/09/china-struggles-with-belt-and-road.html>).
- ²⁰ Needham Kirsty. Malaysia cancels Belt and Road projects with China over bankruptcy fears. *The Sydney Morning Herald*, 21 August 2018 (<https://www.smh.com.au/world/asia/china-malaysia-agree-to-mutual-respect-amid-belt-and-road-tensions-20180820-p4zyo3.html>).
- ²¹ Emont Jon, Myo Myo. Chinese-Funded Port Gives Myanmar a Sinking Feeling. *The Wall Street Journal*, 15 August 2018 (<https://www.wsj.com/articles/chinese-funded-port-gives-myanmar-a-sinking-feeling-1534325404>).
- ²² Yubaraj Ghimre. China Eyes Exit, Nepal's West Seti Hydropower Project in Jeopardy. *South China Morning Post*, 30 August 2018 (<https://www.scmp.com/week-asia/geopolitics/article/2161968/nepals-west-seti-hydropower-project-jeopardy-china-eyes-exit>).
- ²³ Fairclough Gordon, Jayasinghe Uditha. Sri Lanka to Sell 80% Stake in Strategically Placed Harbor to Chinese. *The Wall Street Journal*, 30 August 2016 (https://www.wsj.com/articles/sri-lanka-to-sell-80-stake-in-strategically-placed-harbor-to-chinese-1481226344?mod=article_inline).
- ²⁴ Atovulloev Bakhtiyor. Takiistan is turning into the new province of China. *Eurasia News*, 30 December 2016 (<https://tajikopposition.com/2016/12/30/tajikistan-is-turning-into-the-new-province-of-china-eurasianews>).
- ²⁵ Krah Richard. China to take over Zambia's international Airport for debt repayment. *African Stand*, 8 September 2018 (<https://www.africanstand.com/news/africa/east-africa/china-to-take-over-zambias-international-airport-for-debt-repayment>).
- ²⁶ Shahbaz Rana. Pakistan stops bid to include Damer-Bhasha Dam in CPEC. *The Express Tribune*, 15 November 2017 (<https://tribune.com.pk/story/1558475/2-pakistan-stops-bid-include-damer-bhasha-dam-cpec>).
- ²⁷ State Bank of Pakistan, Marble and Marble Products, 2017 (<http://www.sbp.org.pk/departments/ihfd/Sub-Segment%20Booklets/Marble%20and%20Marble%20Products.pdf>).
- ²⁸ Hornby Lucy, Hancock Tom. China pledge of \$60bn loans to Africa sparks anger at home. *Financial Times*, 5 September 2018 (<https://www.businessdayonline.com/financial-times/article/china-pledge-60bn-loans-africa-sparks-anger-home>).
- ²⁹ Dorsey James M. One Belt, One Road: A plan for Chinese dominance and authoritarianism. *The Turbulent World of Middle East Soccer*, 17 May 2017 (<https://mideastsoccer.blogspot.com/2017/05/one-belt-one-road-plan-for-chinese.html>).

³⁰ Ibid.

³¹ Ibid.

³² Anderlini Jamil. China is at risk of becoming a colonialist power. Financial Times, 19 September 2018 (<https://www.ft.com/content/186743b8-bb25-11e8-94b2-17176fb93f5>).

³³ Khaleeq Kiani. Govt to seek IMF bailout programme. Dawn, 9 October 2018 (<https://www.dawn.com/news/1437773/govt-to-seek-imf-bailout-programme>).

³⁴ Dorsey James M. The Khashoggi Crisis: A blessing in disguise for Pakistan's Imran Khan. The Turbulent World of Middle East Soccer, 24 October 2018 (<https://mideastsoccer.blogspot.com>).

³⁵ Dorsey James M. Remodelling the Belt and Road: Pakistan picks up the torch. The Turbulent World of Middle East Soccer, 10 October 2018 (<https://mideastsoccer.blogspot.com/2018/10/remodelling-belt-and-road-pakistan.html>).

³⁶ Gul Ayaz. China Welcomes Saudi Plans to Invest in CPEC Project With Pakistan. Voice of America, 8 October 2018 (<https://www.voanews.com/a/china-welcomes-saudi-plans-invest-cpec-project-with-pakistan/4604946.html>).

³⁷ Shah Saeed. Pakistan Pushes China to Realign Goals in Its Belt-and-Road Initiative. The Wall Street Journal, 12 September 2018 (<https://www.wsj.com/articles/pakistan-pushes-china-to-realign-goals-in-its-belt-and-road-initiative-1536773665>).

³⁸ Shen Weiduo. China open to adjustment of B&R projects based on countries' needs: analysts. Global Times, 9 September 2018 (<http://www.globaltimes.cn/content/1119564.shtml>).

³⁹ Gul Ayaz. China Welcomes Saudi Plans to Invest in CPEC Project With Pakistan. Voice of America, 8 October 2018 (<https://www.voanews.com/a/china-welcomes-saudi-plans-invest-cpec-project-with-pakistan/4604946.html>).

⁴⁰ Syed Ali Shah. 3 Chinese nationals among 5 injured in Dalbandin suicide attack. Dawn, 11 August 2018 (<https://www.dawn.com/news/1426367/3-chinese-nationals-among-5-injured-in-dalbandin-suicide-attack>).

⁴¹ Scobell Andrew, Ratner Ely, Beckley Michael. China's Strategy Toward South and Central Asia: An Empty Fortress. Santa Monica, Calif., RAND Corporation, 2014 (https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR525.html).

⁴² Saeed Shah, Pakistan Pushes China to Realign Goals in Its Belt-and-Road Initiative, The Wall Street Journal, 12 September 2018 (<https://www.wsj.com/articles/pakistan-pushes-china-to-realign-goals-in-its-belt-and-road-initiative-1536773665>).

⁴³ Andrew Scobell et. al. At the Dawn of Belt and Road, China in the Developing World. Santa Monica, Calif., RAND Corporation, 2018 (https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2273.html).

⁴⁴ China sells drones, transfers drone technology to Pakistan. Asia Times, 9 October 2018 (http://www.atimes.com/article/china-sells-drones-transfers-drone-technology-to-pakistan/?utm_source=The+Daily+Report&utm_campaign=dc237e721f-EMAIL_CAMPAIGN_2018_10_09_08_51&utm_medium=email&utm_term=0_1f8bca137f-dc237e721f-31513393).

⁴⁵ Kunwar Khuldine Shahid. Pakistan gets a hardline spy master to head the ISI. Asia Times, 15 October 2018 (<http://www.atimes.com/article/pakistan-gets-a-hardline-spy-master-to-head-the-isi>).

⁴⁶ Dorsey James M.. The Khashoggi Crisis: A blessing in disguise for Pakistan's Imran Khan. The Turbulent World of Middle East Soccer, 24 October 2018 (<https://mideastsoccer.blogspot.com>).

⁴⁷ Steele Jonathan. Khan Imran: Pakistan cannot afford to snub Saudis over Khashoggi killing. Middle East Eye, 22 October 2018 (<https://www.middleeasteye.net/news/imran-khan-pakistan-khashoggi-iran-saudi-arabia-syria-764307301>).

⁴⁸ Pakistan «desperate» for Saudi loans to shore up economy: PM Imran. Reuters, 22 October 2018 (<https://tribune.com.pk/story/1831630/1-pakistan-desperate-saudi-loans-shore-economy-pm>).

⁴⁹ PTI govt has nothing to do with hike in power tariff: Asad Umar. Dawn, 25 October 2018 (<https://www.dawn.com/news/1441263/pti-govt-has-nothing-to-do-with-hike-in-power-tariff-asad-umar>).

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Iran's spy officers among 14 security personnel kidnapped on Pakistan border. Agence France Presse, 16 October 2018 (<https://tribune.com.pk/story/1827199/1-irans-spy-officers-among-14-security-personnel-kidnapped-pakistan-border>).

Раздел V

ПАКИСТАН И ЮЖНАЯ АЗИЯ

В. Я. Белокреницкий*

КУЛЬТУРНАЯ СЛОЖНОСТЬ ПАКИСТАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ЭТНИЧЕСКИЕ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Резюме: В статье кратко рассмотрены этническая структура и регионально-демографическая динамика пакистанского общества на современном этапе, охарактеризованы конфессиональные, этноконфессиональные и субэтнические общности, а также изменения в этническом и конфессиональном составе правящей элиты. Выявлена тенденция усиления общенационального идентитета и ослабления этнонациональных движений.

Ключевые слова: Пакистан, этническая структура, конфессиональные, этноконфессиональные, субэтнические общности, остаточный этнонационализм.

Summary: The author succinctly characterises the ethnic structure and demographic dynamics by regions of the Pakistani society at the recent stage, as well as confessional, ethnoconfessional and subethnic groups. The article also examines changes in the ethnic and confessional composition of the ruling elite. Tendencies of growing nation-state identity and weakening of ethnonational movements are revealed as well.

Key words: Pakistan, ethnic structure, confessional, ethnoconfessional, subethnic communities, residual ethnonationalism.

Принято считать, что Пакистан находится в промежуточной зоне между Южной, Западной и Центральной Азией. Географи-

* Белокреницкий Вячеслав Яковлевич – доктор исторических наук, профессор, зав. Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока (ЦИСБСВ) ИВ РАН. Статья выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Культурно-сложные общества: понимание и управление».

чески непосредственно с ними соприкасается Афганистан, который из геополитического буфера, каким он был XIX–XX вв., превратился в яблоко раздора между глобальными и региональными игроками. Пакистан глубоко втянулся в афганскую «воронку» в конце 1970-х гг. Особенно усилилась взаимозависимость между двумя государствами с начала нынешнего столетия, когда на территорию Пакистана переместились тыловые базы противостоящего Кабулу движения Талибан.

Актуальность геополитических проблем, связанных с Пакистаном, делает весьма злободневным обсуждаемый в статье вопрос о культурной, прежде всего этнической и этноконфессиональной, сложности современного пакистанского общества. С момента появления страны, кстати, прошло уже более 70 лет, и даже в своих нынешних границах (без отколовшейся Бангладеш) она существует почти полвека. Срок этот представляется достаточным, чтобы национальное общество вполне сформировалось, однако процесс, похоже, затянулся, и на пути складывания нации-государства остаются проблемы подключения окраин и преодоления партикуляризма, унаследованного от колониального времени и даже предколониальной эпохи.

Этническая структура и регионально-демографическая динамика

Состав населения Пакистана, с точки зрения основных этнонациональных (социокультурных) общностей, на первый взгляд относительно прост. Большинство состоит из панджабцев (около 60%), основного контингента провинции Панджаб, расположенной в верхнем и среднем течении реки Инд и ее основных притоков. На втором и третьем местах почти равные друг другу по численности (13–14%) – пуштуны, расселенные на северо-западе страны вдоль границы с Афганистаном, и синдхи – коренные жители провинции Синд, расположенной к югу от Панджаба в нижнем течении Инда. Замыкают четверку основных этнорегиональных общностей белуджи, составляющие большинство в провинции Белуджистан. Помимо того, вид-

ное место в Пакистане занимает особая этнолингвистическая группа населения – говорящие главным образом на языке урду и отчасти на языке гуджарати мусульмане, переместившиеся из Индии после ее раздела в 1947 г. Эти переселенцы и их потомки известны под почетным наименованием *мухаджир* (совершившие *хиджру*, т. е. поменявшие место жительства в благочестивых целях, наподобие первых последователей пророка Мухаммеда). Такая состоящая из пяти элементов этнонациональная композиция осложнена наличием субэтнических (культурно-лингвистических) общностей, расселенных главным образом по окраинам страны.

Необходимо заметить, что Исламская Республика Пакистан, согласно действующей конституции, – федеративное государство. В его состав входят четыре вышеупомянутые провинции, столичный округ Исламабад и Территория племен федерального управления (в мае 2018 г. федеральный парламент принял 25-ю поправку к конституции, которая провозгласила соединение ТПФУ, населенной горными пуштунами, с провинцией Хайбер-Пахтунхва).

Особое положение, кроме того, занимают примыкающие к нему территории, которые до расчленения колониальной Индии в 1947 г. и образования на ее месте двух независимых доминионов входили в состав индийского княжества Джамму и Кашмир. Начавшаяся в 1970 г. политико-юридическая интеграция высокогорных областей северо-запада бывшего княжества привела к появлению сначала Северных территорий федерального управления, а в 2009 г. – к образованию управляемого из центра полуавтономного региона Гилгит-Балтистан. Примыкает к Пакистану и западная «кромка» двух историко-географических областей – Джамму и Кашмира, основная часть которых входит в состав Индии. Напомним, что осенью 1947 г. на западе бывшего индийского княжества была провозглашена Республика Азад (Свободный) Кашмир. В настоящее время она имеет свою конституцию, президента и парламент, правительство и бюджет, но административно – политически всецело подчиняется Исламабаду¹.

Таблица 1

Население Пакистана согласно переписям**

	1981 г.		1998 г.		2017 г.	
	млн чел.	%	млн чел.	%	млн чел.	%
Панджаб	47,3	56,1	73,6	55,6	110,0	53,0
Синд	19,0	22,5	30,5	23,0	47,9	23,0
Хайбер-Пахтунхва***	11,1	13,2	17,7	13,4	30,5	14,7
Белуджистан	4,3	5,1	6,6	5,0	12,4	6,0
Исламабад	0,4	0,5	0,8	0,6	2,0	0,9
Территория племен федерального управления	2,2	2,6	3,2	2,4	5,0	2,4
Пакистан	84,3	100,0	132,4	100,0	207,8	100,0

Источник: 6th Population and Housing Census. Pakistan Bureau of Statistics. Government of Pakistan/<http://www.pbscensus.gov.pk>

Что касается демографической динамики последних десятилетий по регионам, то представление о ней дает табл. 1. Из нее видно, что в конце прошлого и начале текущего века доля Панджаба в населении неуклонно сокращалась, а доля северо-западной, пуштунской по большинству жителей провинции, повышалась. Увеличился также удельный вес Белуджистана (на один процентный пункт) и столичного округа Исламабад. Эти подвижки были следствием разницы в темпах роста населения (см. табл. 2).

Таблица 2

Рост населения по переписям, %

	1981–1998 гг. (17 лет)		1998–2017 гг. (19 лет)	
	Рост	Средне-годовой прирост****	Рост	Средне-годовой прирост
Панджаб	155,6	2,6	149,5	2,1

** Население включает афганцев и других неграждан страны, проживающих вместе с местным населением, и исключает афганских беженцев в специальных лагерях.

*** До 2010 г. – Северо-Западная пограничная провинция.

**** Рассчитано с использованием: Айрапетов А.М. Таблицы исчисления среднегодовых темпов роста, прироста и снижения. М., 1967.

Окончание таблицы 2

Синд	160,5	2,8	157,1	2,4
Хайбер-Пахтунхва	159,5	2,8	172,3	2,9
Белуджистан	153,4	2,6	187,9	3,4
Исламабад	200,0	4,2	250,0	5,0
Территория племен федерального управления	145,5	2,3	156,3	2,4
Пакистан	157,1	2,7	157,0	2,4

Источник: см. табл. 1.

Характерная особенность демографической ситуации в Пакистане – небывало высокая скорость увеличения населения. Среднегодовые темпы прироста за 1981–1998 и 1998–2018 гг. снизились незначительно (с 2,7 до 2,4%), оставшись на уровне, далеко опережающем соответствующие показатели не только развитых, но и большинства развивающихся стран, в том числе государств Южной Азии, за исключением Афганистана (международные классификации относят эту страну, как правило, к Южно-Азиатскому региону).

Здесь мы специально не будем обсуждать демографические процессы, которые ранее анализировались как автором данной статьи, так и его коллегами-пакистанцами². Обратим внимание на относительно более высокие темпы увеличения числа жителей в западных и северо-западных областях, горных и предгорных, как бы обрамляющих равнинную и низменную части страны (Панджаб и Синд). За исключением территории племен, где темпы роста увеличились незначительно, окраины, как легко заметить, росли быстрее центра. В то же время наиболее быстрыми темпами росло население столицы. И в этом отразились не только возрастающая привлекательность Исламабада по мере утверждения его с 1969 г. в качестве столичного города, но и общая тенденция увеличения численности городских жителей.

Таблица 3

Доля городского населения, %

	1981 г.	1998 г.	2017 г.
Панджаб	27,6	31,3	36,7
Синд	43,3	48,8	52,0
Хайбер-Пахтунхва	15,1	16,9	18,8
Белуджистан	15,6	23,9	27,6
Исламабад	60,1	65,7	50,6
ТПФУ	–	2,7	2,8
Пакистан	28,3	32,5	36,4

Источник: см. табл. 1.

По доле городского населения Пакистан находится примерно на том же уровне, что и другие крупные страны Южной Азии (в Индии, по данным ООН, городское население составляет 34%, а в Бангладеш – 36%)³. Впрочем, большинство авторов, касающихся темы урбанизации в Пакистане, отмечают, что переписная статистика занижает удельный вес горожан, оценивая его в 40%, а то и выше⁴. К тому же значительное число плотнонаселенных поселений не считаются городскими ввиду отсутствия органов городского самоуправления (муниципалитетов, муниципальных корпораций и городских советов). Если брать за определяющие городскую местность показатели плотности населения и близости к городским центрам, то к обитателям урбанизированного ареала надо отнести еще 10–15% жителей. Наибольшая концентрация такого периферийно-городского населения наблюдается вблизи крупнейших городских агломераций (Карачи, Лахора, Исламабада и Равалпинди) и в наиболее развитых в аграрном отношении областях Панджаба и Синда.

В то же время следует иметь в виду крайне невысокое качество жизни в большинстве городских центров, как больших, так и малых. Только отдельные городские кварталы, обычно заселенные чиновниками, военными, богатыми торговцами и другими представителями среднего, т.е. обеспеченного, класса, выделяются на общем городском фоне своей застройкой, наличием водо- и электроснабжения, канализацией, асфальтовыми дорогами и системой безопасности.

Поскольку данные о средней численности домохозяйств в сельской и городской местности Пакистана мало отличаются друг от друга, а изменение статуса населенных пунктов с 1980-х гг. почти не практикуется, рост горожан происходит в основном за счет миграции. Перемещение происходит под действием сил выталкивания из деревни и притяжения в город. Решение о миграции вызывает, как правило, совместное действие двух этих сил, которые требуют специального анализа, не входящего в задачи статьи⁵. Впрочем, в качестве общей причины миграции нужно назвать постепенную модернизацию жизни, экономические и социальные изменения, подтачивающие традиционные устои в сельской местности и создающие новые возможности для обустройства в городах, особенно больших, а также в непосредственной близости от них.

О внутренней миграции в крупнейшие городские центры и росте их населения свидетельствуют данные табл. 4.

Таблица 4

Увеличение числа жителей 10 крупнейших городов

	1998 г., млн	2017 г., млн	Темп роста*****	Среднегодо- вой прирост
Карачи (Синд)	9,4	14,9	158,5	2,6
Лахор (Панджаб)	5,1	11,1	217,7	4,2
Фейсалабад (Панджаб)	2,0	3,2	160,0	2,5
Равалпинди (Панджаб)	1,4	2,1	150,0	2,2
Гунджранвала (Панджаб)	1,1	2,0	181,8	3,2
Пешавар (Хайбер- Пахтунхва)	1,0	2,0	200,0	3,7
Мултан (Панджаб)	1,2	1,9	158,3	2,6
Хайдерабад (Синд)	1,2	1,7	141,7	1,9
Исламабад (Панджаб)	0,5	1,0	200,0	3,7
Кветта (Белуджистан)	0,6	1,0	166,7	2,7
Итого	23,5	40,9	174,0	3,0

Источник: см. табл. 1.

***** Рассчитано с использованием книги А.М. Айрапетова (см. примеч. к табл. 2).

Доля 10 крупнейших городов в городском населении в 1998 г. составляла немного более половины (51,7%), а в 2017 г. – увеличилась до 54,1%. Таким образом, притягательность центральных городов сохранялась, несмотря на то что в данных о городском населении не учитывается отмеченный выше рост числа жителей вблизи городских агломераций. Особенно сильно, согласно распространенному мнению, этот недоучет сказался на оценке численности самой крупной из них – портовом городе Карачи. По различным оценкам, численность его населения достигает 17–18 или даже 22 млн человек⁶.

С похожей поправкой надо подходить и к увеличению всего городского населения, которое, согласно переписям 1998 и 2017 гг., увеличивалось в среднем в год на 2,7%, в то время как сельское – на 2,2%⁷. Оказалось, что разница между темпами роста городского и сельского населения в период между переписями 1981 и 1998 гг. была больше – 3,5% и 2,3%. Однако впечатление о снижении темпов перемещения людей из села в город, скорее всего, обманчиво. Оно создается, повторим, вследствие упомянутого выше отказа от включения в число городских густонаселенных пунктов при наличии средств сообщения, позволяющих регулярно перемещаться в центры городской активности. Это нежелание вызвано, кстати, как считают пакистанские публицисты, политическими причинами, а именно опасениями традиционной политической элиты «потерять», вследствие переквалификации населенных пунктов, «свои» сельские избирательные округа. Между тем разрастание квазигородской или периферийно-городской зоны обитания нужно отнести к характерным приметам сложившейся в Пакистане ситуации, отражающей динамичные и противоречивые социокультурные процессы.

К этому надо добавить миграцию за рубеж. По данным на 2013 г., за рубежами страны проживало 4,3 млн пакистанцев, обладающих идентификационными картами (паспортами) и имеющих право голоса на парламентских выборах⁸. По документам, попавшим в редакцию ведущей пакистанской газеты «Down», страну в поисках работы в 2009–2012 гг. нелегально покинули более 17 млн жителей⁹. Миграция за рубеж осущест-

вляется зачастую поэтапно, включая переезд в большие города, которые выполняют роль «трамплина» для скачка в «большой мир».

Конфессиональные, этноконфессиональные и субэтнические общности

Абсолютное большинство (96%) пакистанского населения составляют мусульмане, но внутри мусульманской общины наблюдается деление на направления (ортодоксальные секты) и школы. Основная часть мусульман (75–80%) – сунниты. В отношении религиозного права сунниты придерживаются главным образом школы Абу Ханифы. Помимо ханифитов имеется некоторое число шафиитов (юридическая школа, *фикх* или *мазхаб* Аш-Шафи), а также направления, близкие к ханбалитам или отрицающие важность различий между четырьмя суннитскими мазхабами¹⁰.

К другому основному направлению в исламе – шиизму – принадлежит, по разным оценкам, 20–25% мусульман (иногда 15–25%). Как бы ни оценивать долю шиитов, Пакистан – ныне второе после Ирана государство по их численности – 30–50 млн человек. Абсолютное большинство шиитов, как и в Иране, – имамиты, т.е. последователи 12 имамов (толк, известный в Пакистане как *эсна-аширий*). Меньшинство составляют исмаилиты (последователи семи имамов), распадающиеся на секты низаритов, или ходжа, и мусталитов (бохра). Наследственный глава ходжа-исмаилитов имеет титул Ага Хан (сегодня им является Ага Хан IV). Ходжа, как и бохра, возникли путем обращения в ислам индуистских торгово-ростовщических каст и, подобно им, гуджаратцы по языку. Последователи Ага Хана населяют, кроме того, север области Гилгит-Балтистан близ границы с Памиром. Небольшое число мусульман в заповедных уголках страны относятся к зейдитам и зикритам¹¹.

Главные религиозно-просветительские движения традиционалистской направленности сложились во второй половине XIX в. после антиколониального восстания 1857–1959 гг. Это деобанди (по семинарии в городе Деобанд на севере Индии), барелви (по имени основателя, родом из североиндийского города Барейли) и ахл-е-хадис (люди предания). Модернистские течения после

1970-х гг. в большинстве растеряли влияние и сторонников. Зато резко возросло значение фундаменталистов, представленных, в частности, организацией «Таблиги джамаат» («Общество призыва») и партий «Джамаат-е ислами» («Исламское общество»).

Массы простых людей и мусульманских интеллектуалов привлекает суфизм – мистическое, эзотерическое «лицо» ислама. Местами поклонения для суфиев служат могилы и усыпальницы святых (*мазхары*). Их особенно много в Синде и Южном Панджабе. Современными исламистами, сторонниками традиционалистских и фундаменталистских течений, суфизм отвергается. Радикально настроенные исламисты не останавливаются перед актами террора, приводящими к большим жертвам¹².

Остающиеся за рамками ислама жители составляют ныне около 10 млн человек. Сведения о конфессиональном составе, собранные в ходе проведения переписи 2017 г., пока не опубликованы. Поэтому о соотношении между последователями различных конфессий можно судить лишь на базе переписи 1998 г. (см. табл. 5).

Таблица 5

Религиозный состав населения Пакистана, %

	Мусульмане	Христиане	Индусы	Кадияни	Прочие
Панджаб	97,2	2,3	0,1	0,3	0,1
Синд	91,3	1,0	6,5	0,1	1,0
Хайбер-Пахтунхва	99,6	0,1	0,0	0,2	0,1
Белуджистан	98,8	0,4	0,5	0,2	0,2
Территория племен	99,6	0,1	0,0	0,2	0,1
Исламабад	95,5	4,0	0,0	0,3	0,1
Пакистан	96,3	1,6	1,6	0,2	0,3

Источник: Population Census 1998//Pakistan Bureau of Statistics. Government of Pakistan//www.pbscensus.gov.pk

Кастовые индусы проживают только на юго-западе Синда, в округе Мирпурхас, который граничит с индийским штатом Гуджарат. Среди сельского населения провинции они в 1998 г. составляли 10%. Тяжелые условия жизни, неблагоприятные

климатические изменения в дельте Инда и притеснения соседей вынуждают индусов, по некоторым сведениям, покидать родные места и пересекать границу. Вполне вероятно, что их доля к 2017 г. несколько уменьшилась. Но если она осталась неизменной, то численность кастовых индусов превышает 3 млн человек. Доля христиан между двумя последними переписями вряд ли сильно уменьшилась, а число на сегодняшний день составляет тоже более 3 млн. Причем большинство христиан, по преимуществу католиков, проживает в Панджабе. Христианские миссии в Панджабе, как и в остальной колониальной Индии, активно занимались прозелитизмом в конце XIX – начале XX в. Среди обращенных в новую религию большая часть состояла из неприкасаемых (внекастовых индусов), выполнявших ритуально грязную работу. Обращение не меняло, как правило, положение неприкасаемых, но давало им некоторую защиту от злоупотреблений. К тому же оно открывало возможности повысить образовательный уровень и открывало перед отдельными представителями самой забитой части жителей некоторые перспективы. Отчасти поэтому доля неприкасаемых (которые, как и в Индии, фигурируют под названием «зарегистрированные касты») в населении Пакистана крайне невелика – 0,25%, а численность не превышает 300 тыс. человек. К приверженцам прочих религий относится около 100 тыс., среди них есть буддисты и парсы (зороастрийцы), хотя большинство богатых парсов, проживавших когда-то главным образом в Карачи, покинули страну.

Особое положение среди меньшинств занимают ахмадийцы или кадияни. Сами себя они считают мусульманами, но учение основателя секты Мирзы Гулам Ахмада (1838–1908) содержит положения, вызывающие резкое неприятие в мусульманской среде¹³. Главным из них является отрицание конечности пророчества (принципа *кхатам ан-набийя*). Ссылаясь на принадлежащие будто пророку Мухаммаду предсказания о появлении в начале каждого века мусульманской эры нового пророка (*наби*), он был признан таковым членами основанного им общества. В начале XX в. сторонники Ахмада разделились – одна группа под названием кадияни (от панджабского города Кадиян, где он родился) сохранила верность догмату о «новом пророке» и после

раздела Индии переселилась в пакистанский город Рабвах. Другая группа, обосновавшаяся в Лахоре, признавала Ахмада только реформатором. В 1974 г. ахмадийцы (ахмадие, кадиани) были объявлены пакистанским парламентом общиной немусульман и попали в число религиозных меньшинств.

Помимо вопросов ортодоксии ахмадийцев отличало отношение к английским властям. Они наиболее последовательно среди исламских модернистов Индии выступали в поддержку политики колонизаторов и пользовались их покровительством. Общину отличал повышенный социальный статус и уровень образования. В первые десятилетия существования Пакистана некоторые ахмадийцы занимали крупные государственные посты, добивались успеха в науке и образовании. К ахмадийцам принадлежал д-р Абдус Салам, пакистанский физик-ядерщик, награжденный Нобелевской премией¹⁴. Численность общины в Пакистане насчитывает порядка 300 тыс. человек. Значительная по численности диаспора обосновалась в Европе, прежде всего в Англии¹⁵.

Соединение конфессиональной и этнической особи создает устойчивые этноконфессиональные группы. К наиболее заметным среди них принадлежат шииты-хазарейцы, переселившиеся в страну из Афганистана. В конце XIX в. Хазараджат, высокогорная территория, находившаяся под их контролем (хазарейцы считаются потомками завоевателей монголов, обосновавшихся на пастбищах Западного Гиндукуша), был завоеван эмиром Кабула, и часть хазарейцев бежала в Белуджистан¹⁶. Основным центром их расселения в Пакистане остается северная часть провинции, прежде всего ее главный город Кветта. Хазарейцев отличают сплоченность и более высокий уровень образования. Двойная отверженность (этническая и конфессиональная) в последнее время нередко делает их объектом кровавых террористических атак экстремистов¹⁷. К числу этноконфессиональных меньшинств можно отнести также язычников калаша и мусульман-зикритов, считающих себя носителями исконно белуджской культуры и имеющих на юге Белуджистана в районе Турбата места поклонения¹⁸.

К категории субэтнических общностей, имеющих существенное значение с социальной и политической точек зрения, следует отнести группы, сложившиеся на двух основаниях – региональ-

ном и лингвистическом. Наиболее крупной из них являются носители языка сирайки или серайки, который долгое время считался диалектом панджаби. Они составляют большинство на юге Панджаба (южнее Соляного хребта) и расселены по обе стороны от Инда. Левобережная часть Южного Панджаба совпадает с территорией бывшего княжества Бахавалпур, а в его центре расположен город Мултан, известный со времен индийского средневековья. Правобережье относится к числу самых отсталых в социально-экономическом отношении районов страны, мало отличаясь от соседних с ним белуджских, пуштунских и синдских территорий, где уклад сельской жизни основывается на сочетании перегонного скотоводства с неполивным земледелием.

Традиционная строго пирамидальная социальная структура, характерная для всех окраинных территорий страны (центральными можно считать при этом зоны поливного земледелия, простирающиеся благодаря густой сети каналов для орошения, вдоль русла Инда и его основных притоков), создала условия для возникновения верхушечных движений за отделение от Панджаба и создание провинций Южный Панджаб, Сераикистан и Бахавалпур. Тщательно исследовавшая этот вопрос А. Л. Филимонова отмечала, по состоянию на 2016 г., что «ни одно из трех движений за ретерриториализацию пакистанского Панджаба практически не имеет шансов на успех»¹⁹. Однако приход к власти после выборов в июле 2018 г. правительства Имран Хана вновь сделал, по-видимому, актуальным вопрос об обособлении части Панджаба в отдельную провинцию²⁰.

Другая крупная субэтническая общность состоит из говорящих на языке хиндко жителей области Хазара провинции Хайбер-Пахтунхва. Эта область – единственная в провинции, где пуштуны не составляют большинства. Свое название язык, видимо, получил благодаря пуштунам, которые завоевывали северо-западную часть Индии (Панджаба) во второй половине XVIII в. и позднее. По предложенной в начале XX в. классификации британского лингвиста Дж. Грирсона, хиндко, как и сирайки, а также потхохари, распространенный на плато Потвар на севере Панджаба, относится к западным диалектам панджаби, известным под общим названием лахнда²¹.

Подспудную грань культурной сложности пакистанского социума создает распространенное среди пакистанцев чувство принадлежности к той или иной этнокастовой общности, клану или племени. Поскольку патриархальные традиции в Панджабе и отчасти в Синде уходят корнями в индийскую кастовую систему, они сохраняют такую ее черту, как эндогамность в рамках джати (подкасты). Она часто преломляется в предпочтение браков внутри родственного клана, нередко среди кузенов, особенно потому, что связано со стремлением не допустить раздробления «фамильных» поместий.

Кроме того, представители высших слоев сохраняют память о происхождении от раджпутов и джатов, долгое время господствовавших на западе Индии крупных этнокастовых сообществ и их подразделений, таких как аваны, джанджуа, бхатти, ватту и др.²² Среди высших «касто-клановых» групп, известных как *аишафы* (благородные), имеются также группы, претендующие на арабское происхождение (саеды, куреши, ансари), а также на генетическое родство с персидской, афганской и среднеазиатской светской и духовной знатью (мирзы, ага, ханы, бухари, ахунды, пиры и др.).

К числу традиционных средних слоев, называемых *аджлаф*, можно, наверное, отнести членов торгово-ростовщических каст (помимо исмаилитов, к ним принадлежат сунниты-меманы), семейства шейхов из Чиниота, мианов из Кашмира и других мест, касты араинов (огородники и садоводы) и гуджаров (скотоводы и землевладельцы). Вместе с тем преуспевшие выходцы из этих общин иногда заявляют о претензиях на высокородное происхождение и добавляют к своему имени приставку или окончание раджа, рана (царь)²³.

Низшую ступень патриархального социума занимали ремесленники и члены других каст, обслуживающих нужды земледельцев и незнатных землевладельцев (знать проживала в городах и вела хозяйство через управляющих). Положение традиционно низких слоев под влиянием модернизации аграрного производства в целом улучшилось (повысился спрос на ремесленную квалификацию), а сама система разделения труда в рамках деревенской общины подверглась сильной эрозии²⁴.

Впрочем, это справедливо в первую очередь в отношении центральных регионов страны. На окраинах, включая большую часть сельского Синда, социальное и экономическое положение традиционных деревенских низов остается крайне тяжелым. В Синде велик слой бесправных арендаторов, известных как *хари*. Законодательно они слабо защищены от произвола землевладельца, на полях которого работают, а экономически крайне зависимы вследствие нищеты и глубокой задолженности. Хари, а вместе с ними и другие безземельные слои синдской деревни могут быть, вероятно, отнесены к мусульманам низшей категории *арзал*, они близки к положению социально отверженных²⁵. Традиционная приниженность большого слоя бедного населения юга страны объясняет широкое распространение там бесправного, по сути, рабского труда, особенно детей и женщин²⁶.

Субстратные характеристики общества на западных и северо-западных окраинах бассейна Инда типологически близки не индийской (земледельческой), а иранской или тюрко-иранской (перегонно-скотоводческой) модели, в основе которой лежит деление на племена и кланы. Общие и особенные черты белуджских и пуштунских племен изучены в ряде классических работ по этнографии, прежде всего норвежца Ф. Барта²⁷, но сегодняшнее их состояние остается не вполне проясненным²⁸. Очевидным представляется, что традиционная наследственная элита сохранила свои привилегированные позиции. Вместе с тем в условиях непрекращающегося на протяжении десятилетий вооруженного конфликта, принявшего религиозные формы, возросла роль священнослужителей и рядовых членов племен, вставших под знамена *джихада* (священной войны) и образовавших костяк исламо-экстремистских организаций, таких как пакистанский Талибан, Исламское государство (запрещено в РФ) и др.

Этническая и конфессиональная эволюция правлящей элиты

На протяжении семи десятилетий существования страны в составе ее правящих кругов происходили достаточно заметные перемены. Коснулись они и представленности основных этнических и этнорегиональных групп. На первых порах основные

позиции в господствующей элите занимали мухаджире, осевшие в городах Синда, главным образом в первой столице государства Карачи. Они составляли большую часть руководства партии Всеиндийская мусульманская лига и преобладали в первом Учредительном собрании Пакистана. К выходцам из Гуджарата принадлежал родившийся в Карачи «отец-основатель» страны М. А. Джинна, носивший сначала неофициально, а с 1947 г. и по решению Учредительного собрания титул «каид-и азам» (великий вождь). Мухаджирами из Соединенных провинций на севере Индии, из Бенгалии, княжества Хайдерабад в центре Индии, Бомбея и Гуджарата были и другие первые лидеры страны – Лиакат Али Хан, Х. Назимуддин, Ч. Халикуззаман, Ч. Мухаммад Али, М. А. Богра, Мирза Искандер, И. И. Чундригар. Преобладание мухаджиров в государственно-бюрократической и партийно-политической верхушке сохранялось примерно до середины 1950-х гг. Затем их стали теснить выходцы из провинций западной части страны, принадлежащие, как правило, к неформальному сословию крупных землевладельцев-лендлордов (джагирдаров и заминдаров). Среди них были по преимуществу панджабцы (М. М. Даултана, Х. Х. Тивана, М. Ф. Х. Нур), а также пуштуны (Хан Сахиб, А. Каюм Хан) и синдхи (М. А. Хуро, А. С. Пирзада)²⁹.

В элите тогдашнего Пакистана, включавшего восточную провинцию, определенное место занимали представители восточнобенгальских партийно-политических кругов – Х. Ш. Сухраварди, А. К. Фазлул Хак и др. Вместе с тем в другом «отсеке» формирующегося государственного механизма – вооруженных силах и органах безопасности – представленность Восточного Пакистана была минимальной. Из 47 старших офицеров в конце 1950-х гг. ни один не был родом из Бенгалии. В армии самое сильное представительство в то время имели пуштуны и панджабцы, соответственно 19 и 17 офицеров в ранге бригадиров и генералов. Лишь 11 были мухаджирами. Представителей других национальностей (синдхов и белуджей) в генералитете не оказалось³⁰. Надо полагать, что в первые годы доля «инонационалов» была выше, хотя основной набор мусульман-военнослужащих в Британской Индии производился именно на панджабо-пуштун-

ском северо-западе колонии, населенном так называемыми «воинскими расами» («martial races»).

Крупные латифундисты из Панджаба и Синда с самого начала составляли основу и политической, и экономической элиты страны. Однако земельные угодья долгое время имели низкую рыночную стоимость. После бегства сикхов и индусов цена на землю упала, сократилась к тому же масса денег в обращении. Восстановлению спроса на сельскохозяйственную землю, в первую очередь орошаемую, препятствовало наличие клина государственных земель (пустоши) и пополнение его за счет недораспределения покинутой земли среди беженцев из Индии, поскольку большинство стремилось осесть в городах.

Ввиду этого экономическую элиту (владельцы собственности и капиталов) составили в основном городские слои, а среди них преобладали представители некоренных этнонациональных групп. Они приехали в страну из Бомбея, Гуджарата, а также Калькутты, Дели и других центров Индии³¹. Местная буржуазия была представлена лишь немногочисленными купцами и предпринимателями из центральной части Панджаба, семействами шейхов, мианов и др.³²

Владельцы частных капиталов постарались воспользоваться благоприятной конъюнктурой и вложили средства в строительство новых и расширение имеющихся небольших промышленных предприятий. Превращению торгово-купеческой буржуазии в промышленную, а затем и финансовую способствовали импортно-экспортная политика и вложения государства в основной капитал возникающих промышленных предприятий. Символом государственного капитализма в Пакистане можно считать созданную в 1952 г. Корпорацию промышленного развития, которая стала, по выражению В. Г. Растяникова, «строительно-подрядной организацией» для частного бизнеса³³. Хотя среди первых промышленников доминировали инонациональные группы, но постепенно усилились и местные, в том числе пуштунские, особенно после того, как во главе государства в 1958 г. встал главнокомандующий армией пуштун М. Айюб Хан.

Новый этап в формировании пакистанской элиты открылся распадом страны в конце 1971 г. и национализациями, проведен-

ными правительством З. А. Бхутто. Они нанесли сильнейший удар по значительной части гуджаратской буржуазии, а также некоторым группам промышленников-пуштунов, близких к прежнему режиму. Довершил обновление элиты военный переворот 1977 г. Возглавивший государство панджабец скромного происхождения (из касты араинов) генерал М. Зия уль-Хак способствовал панджабизации правящих кругов. При нем она пополнилась за счет действующих и отставных военных. Практиковавшиеся и ранее в Пакистане раздачи государственной земли старшему офицерству превратились в широко распространенную практику³⁴. Причем земля, орошаемая, как правило, с помощью вводимых в действие ирригационных каналов, передавалась в собственность и имела немалую рыночную стоимость. Военные вступали в ряды экономической элиты и как корпорация, пользуясь дивидендами и другими льготами благодаря прибылям военных инвестиционных фондов. Крупнейший из них – Фауджи фаундейшн (Армейский фонд) – со времен Зия уль-Хака прочно вошел в категорию ведущих промышленных компаний³⁵.

Хотя между различными этнонациональными элитными группами оставались противоречия, нельзя не согласиться с Ю. В. Ганковским, который одним из первых заговорил о «единой общепакистанской элите»³⁶. С.П. Коэн использовал для ее обозначения термин «истеблишмент» и охарактеризовал ее как небольшую группу связанных между собой лиц и семейств аристократического происхождения. Олицетворением их «благородства» служило, как правило, владение крупной недвижимостью, полученной по наследству и (или) «за заслуги», а также финансовым и промышленным капиталом. В большинстве они состояли из панджабцев центральных и северных областей провинции³⁷.

Отметим, что в первые десятилетия существования страны заметное место среди ее элиты занимали отдельные немусульмане (например, индус Дж. Мандал из Восточной Бенгалии), шииты и тогда относимые к мусульманам ахмадийцы. М. А. Джинна, в частности, происходил из семьи исмаилитов-ходжа. К шиитам принадлежали второй лидер страны Лиакат Али Хан, Мирза Ибрагим и ряд других руководителей Мусульманской лиги и первых кабинетов министров³⁸. В существенной

степени это объясняется высоким положением, которые шииты занимали в Соединенных провинциях (Лакхнау и его окрестностях) и в княжествах центральной Индии, в которых правили мусульмане³⁹. О заметной роли ахмадийцев уже шла речь выше. В дополнение укажем, что первым влиятельным министром иностранных дел Пакистана был ахмадиец М. Зафрулла Хан. Видное положение в чиновной бюрократии вплоть до середины 1970-х гг. занимал М. М. Ахмад и некоторые другие представители общины, отлученной в конце концов в Пакистане от ислама⁴⁰.

На втором этапе, который с рассматриваемой точки зрения продолжается до сих пор, элита в Пакистане стала почти целиком суннитской. Попытка нынешнего правительства Имран Хана включить в число консультантов американского экономиста ахмадийца А. Миана потерпела неудачу из-за сопротивления клерикальных сил⁴¹. Истеблишмент вместе с тем считается с шиитами, сохраняющими сильные позиции в бизнесе и госаппарате. Новым президентом страны в сентябре 2018 г. избран д-р Ариф Алви, судя по всему, шиит.

На текущем этапе проявилась тенденция к переменам в составе управляющих верхов. Больше места в них отведено представителям окраинных, отстающих в социальном и экономическом отношении регионов, прежде всего юго-западным областям. Знаковым стало назначение главы белуджского племени из Южного Панджаба сардара У. Буздара на пост главного министра провинции⁴².

Усиление общенационального идентитета и остаточный этнонационализм

В начальные годы существования Пакистана сильное чувство общенационального единства и патриотизма, очевидно, отсутствовало среди широких масс населения. При этом главную роль в формировании пакистанского идентитета играла идея обособления от Индии и утверждения собственной, отдельной от нее государственности. «Обратный» идентитет, «отталкивание» от Индии, как справедливо замечает А. Л. Филимонова, появился еще в колониальный период на стадии борьбы за создание

Пакистана⁴³. После драмы раздела с ее кровавыми эксцессами и массовым исходом людей отторжение стало ощущаться глубоко и болезненно. Травму нанесли бои в Кашмире и нерешенность проблемы бывшего княжества, а также «обиды» на индийцев за «несправедливый» дележ денежных средств и имущества⁴⁴.

Главными «носителями» пакистанского идентитета на начальном этапе были переселенцы из Индии, мухаджире, о которых шла речь выше. Вместе с тем сплоченными на первом этапе были некоторые этнические общности, прежде всего пуштунская, особая идентичность которой окрепла в период между мировыми войнами, на гребне национально-освободительного движения в колониальной Индии. Созданная в конце 1920-х гг. Пуштунская конференция («Паштун джирга») блокировалась в общеиндийских делах с Индийским национальным конгрессом. Ее лидер – Абдул Гаффар Хан – пользовался большим авторитетом среди пуштунов Северо-Западной пограничной провинции Индии. Он выступил против идеи Пакистана и сумел повести за собой около половины политически активного населения провинции⁴⁵. Смирившись с фактом образования Пакистана, Гаффар Хан отказался войти в его политическую элиту, временно поддерживая лозунги создания на территории СЗПП и в полосе племен «Свободного Пуштунистана». За это его неоднократно сажали в тюрьму. Не раз он также пересекал границу и пользовался гостеприимством афганских властей. Одновременно верхушечная (Гаффар Хан и его род принадлежали к «малым ханам», т.е. племенной аристократии, хотя и не первого ряда) и демократическая, пользующаяся поддержкой средних и средненизких по доходам слоев города, Пуштунская конференция трансформировалась в Национальную народную (*авами*) партию, во главе с сыном Гаффара Абдул Вали Ханом и заняла место на леводемократическом фланге пакистанской политики.

Следует подчеркнуть, что Пакистан с первых лет независимости оказался в перекрестье геополитических интересов западного, так называемого «свободного», мира и социалистического лагеря во главе с СССР. В 1951 г. там был раскрыт «заговор в Равалпинди» с целью захвата власти «прогрессивно» настроенными интеллигентами и офицерами. Не сумев привлечь к про-

цессу членов Компартии Пакистана, правящие круги отложили запрет ее деятельности до 1954 г., когда страну, главным образом восточную провинцию, охватили массовые выступления против заключения пакистано-американского договора о помощи в обороне и вступления в СЕАТО⁴⁶.

Союзником прокоммунистических течений на Востоке, в том числе в Пакистане, выступали этнонациональные движения, поднимавшие на щит идеи переустройства обретших независимость государств с предоставлением прав широкой автономии национальным окраинам. Ассоциируя себя с представителями пуштунской нации (национальности) в Пакистане, левые силы выступили под лозунгами борьбы против эксплуатации трудящихся и дискриминации этнических меньшинств. На этой же основе к левому флангу тяготели элитные по составу руководства синдские и белуджские партии⁴⁷.

Национальные движения в 1970-х гг. оказались в существенно иной обстановке. На международном уровне закрепилось расхождение коммунистического движения на два течения – советское и китайское. Одновременно СССР встал на путь разрядки напряженности с Западом, по которому первые шаги начал делать и Пекин. Раскол коммунистов Индии на промосковскую и пропекинскую партии отразился и на сохраняющих с ними идеологические, а иногда и личные контакты пакистанских коммунистах. Деятельность компартии была официально разрешена в 1972 г., а занявшие по итогам выборов 1970 г. руководящие позиции в Белуджистане и СЗПП левые силы пользовались в течение более года пребывания у руля государства З. А. Бхутто терпимым к себе отношением федеральных властей.

Однако с марта 1973 г. положение круто изменилось. Провинциальное правительство Белуджистана было обвинено в измене и разогнано. В знак протеста подала в отставку коалиционная (левоклерикальная) администрация СЗПП, а в начале 1975 г. пуштунские и белуджские националисты (А. Вали Хан, А. Менгал и др.) были обвинены в убийстве одного из близких соратников Бхутто Х. М. Шерпао, и начался судебный процесс над ними, так называемый Хайдерабадский трибунал⁴⁸. В ответ на восстание белуджских племен в провинцию в 1973 г.

была введена армия, а авиация нанесла массированные удары по повстанцам и мирным жителям. В итоге власти подавили выступления племенных ополчений, пик которых пришелся на 1974 г. Некоторые руководители повстанцев (Х. Б. Марри и др.) скрылись в Афганистане. Руководство армии, совершившее в 1977 г. государственный переворот, выпустило на свободу 9 тыс. белуджей, арестованных прежним режимом, закрепив амнистией поражение левых по политическим лозунгам оппозиционных сил на периферии страны⁴⁹.

Военный режим генерала М. Зия уль-Хака эффективно расправился с протестами рабочих и левой оппозицией также и в центре страны, в Панджабе и Синде. С того времени правящие в стране силы сталкивались в основном только с правоконсервативной оппозицией, во главе с радикально-религиозными, исламистскими группами и организациями.

Их усилению в немалой мере способствовала внешняя международная обстановка. Как известно, в начале 1970-х годов произошел взлет мировой цены на нефть, добыча и вывоз углеводородов из зоны Персидского залива обогатили элиту Саудовской Аравии, арабских государств Залива и Ирана. Революция под исламскими лозунгами в шиитском Иране в 1978–1979 гг. и начавшаяся вслед за тем война между Ираком и Ираном сделали напряженными отношения Тегерана с суннитскими арабскими государствами, что, в качестве одного из следствий, имело превращение Пакистана в арену саудовско-иранского соперничества. Обострилась ситуация в Пакистане после Саурской (Апрельской) революции 1978 г. в Афганистане. Приход там к власти левой по провозглашенной идеологии Народно-демократической партии (НДПА) ознаменовал начало длительной гражданско-междоусобной войны, осложненной вмешательством региональных и глобальных сил. Пакистан оказался глубоко и надолго втянутым в нее, что не могло не сказаться на состоянии национального вопроса.

Этнонационализм на текущем этапе пакистанской политической истории сохраняет определенную силу и влияние, сказываясь, в частности, на результатах парламентских выборов. Дважды – в 1997 и 2008 гг. – успех на выборах в СЗПП сопут-

ствовал Народной (авами) национальной партии, основной политической организации «прогрессивных» пуштунских националистов. В 2008–2013 гг. ННП возглавляла провинциальное правительство и, действуя вместе с правящей в стране Пакистанской народной партией президента А.А. Зардари, добилась принятия в 2010 г. 18-й Поправки (Amendment) к конституции.

Согласно состоящей из ряда статей Поправки, республика превращалась из фактически полупрезидентской в парламентскую, а СЗПП была переименована в провинцию Хайбер-Пахтунхва (хайберско-пуштунскую). В названии отразилось стремление ликвидировать особый статус территории племен, поскольку район, прилегающий к знаменитому Хайберскому перевалу, входит в ее состав. Объединение провинции с половиной племен, как упоминалось выше, было оформлено законодательно спустя восемь лет.

Между тем правление ННП в провинции трудно признать в достаточной степени успешным, поскольку на выборах 2013 г. там победила партия «Движение за справедливость» («Техрик-е инсаф») во главе с Имран Ханом. Пять лет, проведенные у власти в провинции кабинетом во главе с одним из ее лидеров П. Хаттаком, были, если судить по результатам выборов 2018 г., более благоприятно восприняты населением провинции. Однако не исключено, что электорального успеха партия добилась во многом благодаря поддержке военных и их политике заигрывания с местными происламскими силами.

Пуштунский национализм, как подчеркивают современные пакистанские исследователи, нельзя смешивать с исламизацией и тем более – талибанизацией, хотя пуштуны составляют большинство в рядах талибов⁵⁰. Такие попытки делаются и в некоторых публикациях, и на практике. Не случайно в Пакистане в последние годы нарастает недовольство пуштунов, ощущающих растущее притеснение со стороны полиции и полувоенных формирований из-за подозрений по поводу их гипотетических связей с талибами. Особенно сильно оно ощущается в Карачи, который превратился вследствие миграции в город с наиболее крупным в мире пуштунским населением. По некоторым оценкам, число пуштунов достигает там 4–6 млн человек. Для

отпора антипуштунским нападкам и настроениям в 2014 г. возникла набирающая силу общественная организация «Движение в защиту пуштунов» («Паштун тахафуз мувмент») ⁵¹.

Остаточный этнонационализм (как наступательного, так и оборонительного типа) дает о себе знать также в Белуджистане, Синде и Южном Панджабе. Не останавливаясь здесь на этом вопросе, отметим, что одним из его примеров служит деятельность партии «Джийя Синдх муттахида махаз» («Объединенный фронт да здравствует Синд»), которая является наследницей партии «Джийя Синдх», образованной еще в колониальный период и вплоть до 1970-х гг. остававшейся влиятельной оппозиционной силой ⁵².

Заключение

Очевидно, что Пакистан в социокультурном плане меняется достаточно быстро, главным образом под воздействием процессов урбанизации и миграции за рубеж. Вместе с тем основные параметры культурной сложности общества с точки зрения ее этнических и этноконфессиональных аспектов остаются неизменными. Важнейшими константами остаются преобладание панджабской этнической общности и значительное влияние пуштунов и синдхов в обществе. Особое социально-культурное положение занимают белуджи и мухаджиры. Среди конфессий абсолютно доминирует ислам, главным образом суннитский, при весьма значительном числе шиитов. Конфессиональные меньшинства (ахмадийцы, христиане, индусы) и некоторые этноконфессиональные группы (шииты-хазарейцы) находятся в зоне риска ввиду угроз со стороны экстремистских организаций мусульман-суннитов на фоне нетерпимых к иноверию общественных настроений.

В составе правящей элиты за почти семь десятилетий существования государства произошли серьезные подвижки. Ключевое место в ней упрочили панджабцы, особенно из северных и центральных областей страны, а также часть пуштунов. Сохранили некоторые позиции мухаджиры, но их доминирование осталось в прошлом. Слабая представленность в элите синдхов, панджабцев ряда южных областей и белуджей во многом объясняет сохранение этнонационализма окраин. Вместе с тем, по

сравнению с первыми десятилетиями, он ныне носит в основном подспудный, латентный характер. Пакистану как нации-государству угрожает не столько этнический сецессионизм (хотя Белуджистан остается его «ахиллесовой пятой»), сколь исламский экстремизм, способный втянуть его в острые региональные конфликты. Он особенно опасен в сочетании с локальными междоусобными трениями на фоне нерешенности тяжелых социальных проблем: бедности, неграмотности, гендерного неравенства, низкого качества жизни.

¹ В данных о пакистанском населении примыкающие к нему территории не учитываются (перепись там не проводится), но ввиду их полной зависимости от Пакистана и, по сути, включенности в страну их население (порядка 7 млн человек) надо, видимо, для всех практических целей рассматривать как пакистанское.

² См., напр.: Белокреницкий В. Я. Социально-экологический кризис в Пакистане: история и современное состояние / История и современность. 1(15), Март 2012. С. 164–179; Каменев С. Н. Демографические процессы в Пакистане // Восток (Oriens), 2018. № 3. С. 133–147.

³ UN Population Division. World Urbanization Prospects 2018//www.WUP2018-F21-Proportion_Urban_Annual.xls

⁴ 4th International Conference on Energy, Environment and Sustainable Development. 2016. Reprint. P....2–3; Journal of Research Society of Pakistan. Vol. 54, № 1, Jan-June 2017. Reprint. P. 133–135.

⁵ О силах выталкивания из пакистанской деревни и притяжения в города см., напр.: Белокреницкий В. Я. Пакистан. Особенности и проблемы урбанизации. М., 1982. С. 87–104.

⁶ Census missed city's population by 7m.: Kamal//https://tribune.com.pk/1747396/1 Retrieved 10.03.2018.

⁷ 6th Population and Housing Census. Pakistan Bureau of Statistics. Government of Pakistan//http://www.pbscensus.gov.pk

⁸ 4,3 million Overseas Pakistanis registered as voters//http://www.pakistantoday.com.pk/2013/02/01 Retrieved 01.03. 2013.

⁹ Over 17m went abroad illegally//http://www.dawn.com.pk Retrieved 26.11.2012.

¹⁰ Пакистан. Справочник. М., 1991. С. 48; A History of Pakistan and Its Origins. L., 2004. P. 223; Rieck A.T. The Shias of Pakistan. An Assertive and Beleagured Minority. L., 2016.

¹¹ Пакистан. Справочник. С. 48, 51.

¹² At least 70 dead as bomb rips through Lal Shahbaz shrine in Sehwan, Sindh//Dawn.com Updated February 16, 2017.

¹³ Гордон-Полонская Л. Р. Мусульманские течения в общественной мысли Индии и Пакистана. М., 1963. С. 154–160; A History of Pakistan. P. 230–233; Malik H. Jihad, Hidutva and the Taliban. South Asia at the Crossroads. Oxford, 2005. P. 222.

¹⁴ О нем см: Халиуллин Ю. Лауреат Нобелевской премии Абдус Салам. М., 2006.

- ¹⁵ В качестве гостя на Всемирном конгрессе ахмадийцев в 2016 г. выступала старший научный сотрудник Института востоковедения РАН И. Н. Серенко. См. видео на институтском подсайте Центра изучения стран БСВ bsvivran.ru.
- ¹⁶ Barfield T. *Afghanistan. A Cultural and Political History*. Princeton. Princeton, 2012. P. 26–27, 150.
- ¹⁷ За 2012 г. в Кветте от рук террористов пострадали около 120 хазарейцев. От терактов в начале января погибли свыше 100, а 20 февраля – 94 члена хазарейской общины. Dawn, 21.02.2013.
- ¹⁸ Malik I.H. *Jihad, Hidutva and the Taliban*. P. 224–227.
- ¹⁹ Филимонова А. Бахавалпур, Сераикстан, Южный Панджаб: центробежные устремления в пакистанском Пятиречье. Территория и принадлежность. М., 2016. С. 697.
- ²⁰ Recommendations sought from committee for creation of new province in south Punjab: Qureshi//<http://www.dawn.com.pk/28/10/2018> Retrieved 29.10.2018.
- ²¹ Пакистан. Справочник. С. 37–40.
- ²² A History of Pakistan. P. 202–208.
- ²³ Ibid. P. 209.
- ²⁴ Qadeer M.A. *Pakistan. Social and Cultural Transformation in a Muslim Nation*. N.Y., 2006. P. 146–152.
- ²⁵ Jaffrelot Ch. *The Pakistan Paradox. Instability and Resilience*. N.Y., 2015. P. 19–20. Представляется, что подразделение мусульман на три группы – ашраф (три высшие варны), аджлаф (шудра) и арзал (неприкасаемые) – дано К. Жаффрело под влиянием доклада комиссии Сачара о положении мусульман в пронизанной кастовостью Индии.
- ²⁶ Child labour at alarming stage in Pakistan//<http://www.dailytimes.com.pk/print.asp?page=2011/03/21/st...> Retrieved 22/03/2011
- ²⁷ Barth F. *Political Leadership Among Swat Pathans*. L., 1959; Barth F. *Ethnic Processes on the Pashtun-Baluch Boundary*//*Indo-Iranica*. Wiesbaden, 1964.
- ²⁸ Belokrenitsky V.Y. *The Western Tribal Region in South Asia: The Limits of Our Knowledge*. Open Pages in South Asian Studies. Woodland Hills, 2014. P. 77–110.
- ²⁹ См.: Ганковский Ю. В. Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане. М., 1967.
- ³⁰ Jaffrelot C. *The Pakistan Paradox*. P. 129.
- ³¹ Левин С.Ф. Формирование крупной буржуазии Пакистана. М., 1970. С. 10.
- ³² Левин С.Ф. Там же. С. 45–54; Ганковский Ю.В. Национальный вопрос. С. 59.
- ³³ Растянников В.Г., Кузьмин С.А. *Проблемы экономики Пакистана*. М., 1958. С. 87.
- ³⁴ Раздача земли за службу и во временное пользование широко практиковалась в Могольской Индии и была известна как мансабдари. В Пакистане она приобрела характер постоянного пожалования военным чинам плодородной земли и неофициально прозвана системой «неомансабдари»; Jaffrelot C. *The Pakistan Paradox*. P. 376–377.
- ³⁵ Siddiqi A. *Military Inc. Inside Pakistan's Military Economy*. Karachi, 2007. P. 209–210.
- ³⁶ «За десятилетия, прошедшие после образования Пакистана, значительная часть имущей верхушки проживающих в этом государстве пуштунов слилась с имущей верхушкой панджабцев (а также мухаджиров) в единую общепакистанскую элиту, спаянную общностью экономических, социально-классовых и политических интересов».

См.: Ганковский Ю.В. Национальные движения в современном Пакистане//Западная Азия: этнополитическая ситуация. С. 160.

³⁷ Cohen S.P. The Idea of Pakistan. Wash., 2004. P. 69. Jaffrelot C. The Pakistan Paradox. P. 634.

³⁸ Подр. см.: Ганковский Ю.В. Национальные движения. С. 159–160; Пакистан. Справочник. С. 48.

³⁹ Rieck A.T. The Shias of Pakistan. Chapter 2.

⁴⁰ Халиуллин Ю. Выдающийся государственный деятель Пакистана Мирза Музаффар Ахмад. М., 2012.

⁴¹ Under pressure govt backtracks on Atif Mian's appointment//<https://www.dawn.com/07/09/2018> Retrieved 08.09.2018.

⁴² Civil-military tensions subside?//The Express Tribune, October 20th, 2018//<https://tribune.com.pk> Retrieved 21.10.2018.

⁴³ Филимонова А.Л. Идея национальной идентичности. Опыт Пакистана. М.–СПб., 2013. С. 11, 303.

⁴⁴ Следует иметь в виду, что только решимость Махатмы Ганди, объявившего голодовку, заставила индийское правительство в декабре 1947 г. согласиться на передачу Пакистану причитающихся ему материальных активов и денежных средств. См.: Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н. История Пакистана XX век. М., 2008. С. 86.

⁴⁵ На референдуме в июле 1947 г., в котором мог принять участие лишь достаточно узкий круг лиц – примерно 15% от взрослого населения (согласно Закону об управлении Индией 1935 г.) – проголосовало меньше половины (около 45%). Во многом это было следствием агитации партии А. Гаффар Хана в пользу бойкота референдума, на который не был вынесен вопрос о создании независимого Пуштунистана. См.: Ганковский Ю.В. Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане. С. 174.

⁴⁶ Энциклопедия Пакистана. М., 1998. С. 249.

⁴⁷ Подробнее об этом см.: Ганковский Ю.В. Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане, а также ряд других сочинений одного из основателей отечественного пакистановедения и его учеников – Г.П. Троценко, И.Д. Солтановского и др.

⁴⁸ Пакистан. История и экономика. М., 1980. С. 17–18.

⁴⁹ Jaffrelot C. The Pakistan Paradox. P. 371.

⁵⁰ Sheikh S.R. Pashtun Nationalism: Politics and Talibanization //Pakistan Horizon. January 2016. Vol. 69, № 1. P. 71–86.

⁵¹ Движение получило известность в феврале 2018 г., после убийства в Карачи одного из его молодых лидеров. Позиции движения сильны, помимо Карачи, на северо-западе страны. Идеологически оно близко левым «прогрессивным» силам и вызывает озабоченность у военных властей. См., в частности: Pashtun movements for right//<https://www.dawn.com/news/1391731> Retrieved 26.02.2018; ISPR (Inter-Services Public Relations) chief (Maj Gen Asif Ghafoor) reflects on nation's fault lines, says Pakistan is at 'watershed of history'. Dawn.com Updated December 06, 2018.

⁵² Eve of JSMM's strike. Nationalist party asks people to keep businesses shut today//The Express Tribune, 24 Jan. 2014//<http://tribune.com.pk/story...>Retreived 24.01.2014; Подробнее об истории синдского национализма см: Троценко Г.П. Национальный вопрос в Синде. М., 1990.

С. Н. Каменев*

РОСТ НАСЕЛЕНИЯ ПАКИСТАНА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Выбрал тему по демографии, поскольку перепись населения, проведенная в прошлом году, вновь показала, какую важную роль играет демографический фактор в социально-экономическом и даже в социально-политическом развитии Пакистана. А это в совокупности с таким геостратегическим фактором, как положение Пакистана на стыке регионов Южной Азии, Центральной Азии, Среднего Востока, Дальнего Востока, да и близость Юго-Восточной Азии, определяет его важное положение на международной арене. Сюда мыкает важность роли Пакистана в Индо-Тихоокеанском регионе, в частности его место в морском Шелковом пути, хотя пока что по сравнению с сооружением Китайско-пакистанского экономического коридора в этом отношении его положение не столь заметно.

Наконец, нельзя забывать о статусе Пакистана как ядерной державы, особенно в тесном тандеме с Китаем, и их совместном противостоянии с Индией.

По переписи, численность населения Пакистана в 2017 г. составила 208 млн человек, а среднегодовые темпы его прироста составили 2,4%. Иными словами, сегодня население Пакистана достигло 213 млн человек. И находится Пакистан формально на 6-м месте в мире по численности населения (после Китая, Индии, США, Индонезии и Бразилии). Более того, вполне вероятно, что Пакистан уже опередил Бразилию и вышел на 5-е место в мире.

* Публикуем доклад *Сергея Наумовича Каменева*, сделанный на конференции ЦИСБСВ 26 ноября 2018 г, за несколько дней до его трагической гибели.

Нужно иметь в виду к тому же население Азад Кашмира и района Гилгит-Балтистан, которые, по существу, входят в состав Пакистана, а это еще 6 млн человек.

Таким образом, по темпам роста населения Пакистан находится на одном из первых мест в Азии (я не беру в расчет нефтедобывающие государства Персидского залива, там рост населения в наибольшей степени происходит за счет мигрантов).

И еще одно обстоятельство: Пакистан находится на 2-м месте в мире по численности мусульманского населения после Индонезии.

Отмечу, что в стране почти 20 лет не проводилась перепись населения. В прошлом году перепись наконец-то была проведена. И оказалось, что в стране была огромная недооценка численности населения. Она составила примерно 9 млн человек.

Не намерен анализировать сейчас итоги этой переписи. Во-первых, потому что уже есть российские публикации на эту тему, в частности в журнале «Восток» и на сайте нашего Института. В сборнике по Пакистану, который вышел в свет в этом году, детально проанализированы вопросы урбанизации в Пакистане, я уже не говорю о публикациях в пакистанских изданиях.

Кроме того, в настоящий момент идет обработка данных этой переписи. Она займет еще пару лет, как минимум, а пока что есть лишь общие итоги, да и то предварительные. Они опубликованы в «Обзоре экономики Пакистана», вышедшем в свет летом этого года.

Но то, что такая недооценка численности народонаселения негативно влияла на социально-экономическую ситуацию в стране, – это однозначно. Да и на социально-политическую тоже.

Во-первых, это меняет основной макроэкономический параметр – доход на душу населения. Сейчас в Пакистане он составляет 1560 долл. и был бы еще меньше с учетом недооценки. Индия, кстати, недалеко ушла от Пакистана – 1720 долл. Но все равно, по классификации Всемирного банка, оба государства входят в группу низкодходных стран со среднеразвитой экономикой. Правда, разница в месте, которое они занимают в группе, существенная – Индия находится на 7-м месте по объему своей экономики в 2,5 трлн долл., а Пакистан – на 42-м месте с 320 млрд долл.

Во-вторых, недооценка численности населения меняет в сторону роста некоторые реальные среднедушевые нормы

потребления – в частности, неудивительно, что в XXI в. Пакистан постоянно испытывал острую нехватку электроэнергии. В последние несколько лет эта проблема заметно ослабла в результате сооружения новых и модернизации уже действующих ТЭС и ГЭС, в том числе в рамках строительства Китайско-пакистанского экономического коридора. По утверждению пакистанских энергетиков, добавленные мощности якобы почти покрывают дефицит электроэнергии в стране в размере 4 тыс. мегаватт. Тогда непонятно, откуда берутся периодически возникающие и сейчас всерные отключения электричества в стране.

Вообще, мне хочется отдельно сказать о достоверности пакистанской статистики, в частности, да и вообще – о достоверности информации в пакистанских СМИ. Пример недостоверности официальной статистики налицо – это существенный недоучет населения страны, хотя многие пакистанские и отечественные специалисты не верили данным о численности населения, полагая, что они явно занижены.

Но нельзя доверять и СМИ (думаю, что не только пакистанским: например индийские СМИ тоже страдают и враньем, и просто небрежностью), надо по возможности всё тщательно перепроверять.

Приведу такой пример из истории Китайско-пакистанского экономического коридора. Один китайский экономист, известный и в Китае, и за его пределами, заявил в своем выступлении о роли Китайско-пакистанского экономического коридора в развитии экономики Пакистана и осторожно сказал, что «при благоприятных условиях после завершения его сооружения возможно увеличение ВВП на 3%». Конечно, это было пиаром. Но пакистанские СМИ как с цепи сорвались, до сих пор постоянно цитируют последнюю фразу о трех процентах, без всяких оговорок в виде «возможно», «при благоприятных условиях», не понимая, что такое дополнительный ВВП на 3% (!).

Тем более что китайцы вкладывают деньги в отрасли производственной инфраструктуры, где оборот капитала крайне медленный и прибыль дает по истечении длительного периода времени. Если вообще дает. Рост был в 5,8% в истекшем году, если верить официальной статистике. Будет замедление – до 4,7%, о каких трех дополнительных процентах роста можно говорить!?

При такой численности населения остается очень острой проблема нехватки питьевой воды и в городах страны, и в сельской местности. Причем дело здесь не только в нехватке воды, но главное – в ее качестве. То, что вода плохая, не обеззараженная – это понятно, в большинстве стран воду из-под крана не стоит пить даже в зимний период. Главное в ином – в водопроводной воде содержится масса болезнетворных микробов и вирусов, распространителей эпидемий, и даже простое умывание может привести к серьезным заболеваниям. По оценкам самих пакистанских экспертов, даже к такой воде имеют доступ лишь 2/3 населения Пакистана¹.

Проблема воды в результате значительного роста населения Пакистана существует и в другой сфере – в области ирригации. Возможно, не напрямую, а опосредованно. Для обеспечения продовольствием быстро растущего населения, самообеспеченности продовольствием необходимо постоянное увеличение продукции сельского хозяйства, а это невозможно без эффективной работы ирригационных систем в стране. Я уже не говорю о том, что выращивание хлопка и особенно риса требует немало воды. Эти культуры составляют основу экспорта страны (рис и товары хлопковой группы). А Пакистан почти ежегодно испытывает нехватку воды. Для нормальной работы ирригационных систем требуется аккумулировать в Пакистане примерно 40% водных потоков рек (это некая среднемировая норма), а реально аккумулируется лишь 10% стока воды рек (в 4 раза меньше).

Конечно, очень серьезная социальная проблема, напрямую связанная с быстрым ростом населения, это безработица и неполная занятость. По самым приблизительным подсчетам, почти половина населения Пакистана – это дети в возрасте до 15 лет. И официально в Пакистане уровень безработицы оценивается в размере 6%². Насколько можно верить этим данным – не знаю. У меня есть сомнения в их достоверности. Некоторые пакистанские аналитики считают, что эти цифры занижены. Да и выборочные обзоры трудовых ресурсов Пакистана, на основе которых исчисляется экономически активное население, оценки занятости и безработицы рассчитываются на низком квалификационном уровне. Последний такой обзор был проведен в 2014 г., т. е. без учета последней переписи 2017 г., в то время считалось,

что темпы роста населения составляют лишь 1,8%. Так что у меня тоже есть сомнения в таком низком уровне безработицы. Миграция рабочей силы за рубеж (в первую очередь в страны Персидского залива) проблемы не решает. А в XXI в. эти страны стали весьма выборочно принимать пакистанских мигрантов (главным образом неквалифицированную и малоквалифицированную рабочую силу), да и количественно ограничивают приток мигрантов, есть определенная квота.

В Пакистане до сих пор отсутствует подсчет национального дохода на второй стадии воспроизводства – на стадии распределения. Его наличие дало бы возможность проследить социальное расслоение. В 60–70-е гг. прошлого века началась работа по такому подсчету, но потом такая деятельность постепенно затухла. В главном правительственном документе Пакистана о социально-экономическом положении страны – «Обзоре экономики Пакистана» – была еще в 80-е и 90-е гг. XX в. глава, которая называлась «Бедность и распределение доходов». Хотя на самом деле там уже не было ни слова о распределении доходов, все сводилось к тому, сколько процентов населения жило в нищете до прихода к власти того или иного правительства и как этот процент уменьшился за годы нахождения этого правительства у власти. А в XXI в. это уже была даже не Глава, а Приложение на 1,5 странички, где все сводилось к процентам населения, жившим ниже порога бедности.

Дело даже доходило до смешного. Очередное правительство, пришедшее к власти в стране, констатировало, что до прихода его к власти и 50% населения проживало ниже порога бедности, а к концу – не более 1/3. Так было в начале нынешнего столетия, так было в 2008 г., почти так было в 2013 г. Тогда только не половина населения, а около 40% до его прихода к власти проживало ниже черты бедности.

Главный вопрос, возникающий в этой связи, – а что считать порогом бедности, а тем более нищеты? Где эта грань? В Пакистане формально (т. е. по расчетам экспертов Плановой комиссии Пакистана) в начале XXI в. она определена в 0,5 долл. в день для взрослого человека. Считалось, что на эту сумму можно обеспечить 2300 килокалорий в день (я до сих пор не могу понять,

откуда у пакистанцев взялась эта цифра, насколько я знаю, даже в России норма для взрослого человека – это 1800 килокалорий в день). Так вот, в то время, по расчетам Плановой комиссии, 60% населения Пакистана проживало ниже черты бедности, поскольку имели доход меньше половины доллара в день. Постепенно, к 2018 г., эта планка была поднята до 1,25 долл. в день (это ООНовский минимум для слаборазвитых стран), и в настоящее время в соответствии с этим параметром 30% населения Пакистана проживают ниже черты бедности.

С учетом нынешнего уровня цен на основные продукты питания, по мнению самих же пакистанских экспертов, такой доход обеспечивает питание на уровне выживания. И по их мнению, минимальный доход, ниже которого уже начинается полная нищета, – это 2 долл. на взрослого человека в день.

При этом в Пакистане, как и в большинстве стран мира, существует прогрессивная шкала подоходного налогообложения, в рамках которой есть и необлагаемый налогом минимум, он составляет примерно 3 тыс. долл. в год.

Естественно, существуют государственные Программы по борьбе с бедностью. Как всегда, денег на их выполнение не хватает. Я не буду останавливаться на них, скажу лишь, что каждое правительство, пришедшее к власти, обещает обратить пристальное внимание на социальную сферу. Не стал исключением и нынешний режим. В рамках объявленного нынешним премьер-министром Пакистана Имран Ханом строительства так называемого «Нового Пакистана» он выдвинул план построить за 5 лет 5 млн домов для низкодходных слоев населения, не имеющих собственного жилья, потратив на эти цели 120 млрд долл. Я сначала решил, что это опечатка в пакистанских СМИ, однако потом было объяснено, каким образом будут найдены эти деньги, и понял, что это вовсе не опечатка.

Оказалось, что правительство решило обратиться к Китаю. Причем не только для того, чтобы побудить Китай дать деньги займы на решение текущих экономических проблем и еще дополнительно на Китайско-пакистанский экономический коридор, но и на социальные проекты, в том числе помочь построить те самые 5 млн домов.

Имран Хан пошел с протянутой рукой по миру. В первую очередь к добрососедским странам (Саудовская Аравия, Эмираты, Китай) и даже к МВФ.

А Китай четко дал понять – денег не дам. Разбирайтесь сами. В том числе решите проблему коррупции в Пакистане. Пока что Пакистан находится на 120-м месте из 180 стран мира по расчетам Transparency International по рейтингу 2017 г. Нет, Пекин не предлагал Пакистану свои методы борьбы с коррупцией – расстреливать за взятки. Да и сам Китай находится пока что на 79-м месте, несмотря на такие жестокие методы. Кстати сказать, изучаемые нашим Центром БСВ страны также не особенно блещут отсутствием коррупции – Афганистан традиционно находится среди самых коррумпированных стран мира, делит последние места с Сомали, Северной Кореей и Сирией. Иран – рядом с Россией, на 13-м месте; конечно, лучшее положение у Турции – она занимает 83-ю строчку. Ну а самые некоррумпированные страны – традиционно Новая Зеландия и Скандинавские государства.

Китай обратил внимание Пакистана на высокие темпы роста населения. Кстати, в Китае они менее 1% в среднем в год, известно, что Индия скоро обгонит Китай по численности населения, а там темпы роста населения 1,6%. Сейчас население Индии 1 млрд 370 млн человек, а Китая – 1 млрд 400 млн человек. И в ходе переговоров на уровне заместителей министров иностранных дел и финансов после визита Имран Хана китайцы порекомендовали Пакистану тратить больше средств на выполнение Программы планирования семьи.

В заключение хочу привести слова Главного судьи Пакистана, который назвал быстрый рост населения в стране второй по значимости социально-экономической проблемой после нехватки воды. Неважно, что это был Главный судья, не демограф, не социолог, не экономист. Но то, что быстрый рост населения Пакистана – серьезная проблема, это факт.

¹ Pakistan Economic Survey 2017–2018. Islamabad. Ministry of Finance, 2018. P. 238.

² Ibid. P. 144/

И. Н. Серенко*

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ РАДИКАЛИЗАЦИИ ПАКИСТАНСКОГО СОЦИУМА

Резюме: В статье исследуется роль образования в социально-экономическом развитии Пакистана, выявляются причины образовательного характера, породившие проблему радикализации пакистанского общества. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что современный курс государства на модернизацию национальной системы образования в формате единой, унифицированной модели обучения и воспитания для всех граждан страны может способствовать дерадикализации и консолидации пакистанского общества, его постепенной интеграции в общемировой процесс трансформации образовательного пространства.

Ключевые слова: исламизация, модернизация, дерадикализация, унифицированная система образования.

Summary: In this article the role of education in the socio-economic development of Pakistan is under the study, as well as the causes of educational nature which created the problem of the Pakistani society radicalization. The undertaken research reveals that the current State policy to modernize the National Education system in the form of a united, unified educational model for all citizens of the country may serve for the de-radicalization and consolidation of the Pakistani society, its gradual integration into the global process of the educational space transformation.

Key words: islamization, modernization, de-radicalization, unified system of education.

Трансформационные процессы, происходящие в мусульманском мире на современном Востоке, сопровождаются мно-

* Серенко Ирина Николаевна – кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН

гочисленными внутриконфессиональными и межэтническими противоречиями, ростом политического ислама, экстремизма и радикальных настроений в культурно сложных национальных государственных образованиях. Наглядное страновое отражение этих процессов можно проследить на примере Пакистана. Он был создан в 1947 г. как отдельное государство для мусульман в результате раздела Британской Индии по конфессионально-территориальному признаку. Единство новообразованной пакистанской нации осложнялось наличием различных этнических общностей и нерешенностью многочисленных межнациональных проблем в экономической, административной и культурной сферах страны, включая трудности лингвистического характера в межэтническом взаимодействии¹. В конечном итоге это привело к потере Пакистаном в 1971 г. Восточной Бенгалии и созданию в ее границах независимого государства Бангладеш².

Ислам при этом продолжал, наряду с государственным языком урду, оставаться основной скрепой национального единения в территориально усеченном Пакистане. Начавшийся здесь с 1977 г. процесс исламизации всех сфер жизнедеятельности, включая культуру и просвещение, на основе использования властями в своих политических целях жесткой интерпретации ислама способствовал постепенному росту в стране социальной напряженности и нетерпимости на конфессиональной почве, сопровождавшихся актами суннито-шиитских столкновений, насилия и террора. Радикализация пакистанского общества стала одной из основных проблем государства³. Религиозную ориентированность приобрели в Пакистане и социальные протесты, выстраиваемые, по экспертной оценке отечественного востоковеда В. Я. Белокреницкого, «вокруг конфликта между ценностями радикального исламизма, умеренного ислама и либерализма»⁴.

Государственная политика по исламизации пакистанского общества, включая его образовательную структуру, привела к первому масштабному взрыву исламизма в 2007 г. в столичном учебно-религиозном комплексе «Красной мечети», которая стала оплотом радикального суннизма Деобандийской школы, поддерживаемой внешними исламистскими силами. Радикально настроенные студенты мужского и женского медресе, а также

их сторонники впервые открыто заявили о своих требованиях по созданию теократического государства в Пакистане. Их антиправительственные выступления тогда были подавлены силой. Ответной реакцией исламистов из числа студентов и их сторонников стало создание ими боевой группировки «Армия Гази» (2007 г.). Впоследствии она стала составной частью Движения пакистанских талибов (ДПТ, «Техрик-е талибан Пакистан»), специализировавшейся на проведении терактов с использованием террористов-смертников. При этом сам учебно-религиозный комплекс не был закрыт властями, оставаясь площадкой распространения идеологии религиозного экстремизма⁵.

В последнее время в стране наблюдается активизация радикального суннизма Барелвийской школы ислама. Стоит отметить, что суннизм Барелвийского толка, вобравший в себя местные традиции и обрядность, является наиболее распространенным в Пакистане, но и он все в большей степени подвергается радикализации. В отличие от Деобандийской школы суннизма, выступающей против шиизма в исламе, Барелвийский направлен против немусульманских меньшинств страны. Радикальный суннизм Барелвийской школы ислама возглавляет созданная в 2015 г. исламистская партия «Техрик-и-Лабаик». Её лидер Хадим Хуссейн Ризви отстаивает главенство шариата и сохранение Закона о богохульстве в Пакистане⁶. Организуемые им многочисленные масштабные уличные протесты, невольным свидетелем которых стала и автор данной статьи во время очередной командировки в Исламабад в ноябре 2017 г., имеют антиправительственную направленность: будь то требования отставки министра юстиции Пакистана Захида Хамида, допустившего отмену положения в Законе о выборах (2017 г.), касающегося обязательного признания избираемыми кандидатами основополагающего постулата завершенности пророчества в исламе, или призыв казнить всех троих судей Верховного суда, отменивших смертный приговор обвиняемой в богохульстве христианки Асии Биби – матери пятерых детей (2018 г.) и т. д.⁷

Надо признать, что дебютное участие этой исламистской партии в последних парламентских выборах 2018 г. было довольно успешным. Она заняла пятое место по числу отдан-

ных ей голосов избирателей после впервые одержавшей победу на всеобщих выборах партии «Движение за справедливость» Имрана Хана (ДС, «Техрик-е инсаф»), опередившей своих главных политических соперников: «Пакистанскую мусульманскую лигу» отстраненного от власти Наваза Шарифа – ПМЛ (Н) и «Пакистанскую народную партию» Билавала Бхутто Зардари (ПНП), а также альянс праворегигиозных партий «Муттахида-маджлис-е амаль» (ММА, «Объединенный совет действия»). Их политический союз был создан в 2002 г. для участия в состоявшихся тогда всеобщих парламентских выборах и консолидации усилий против политики президента Первеза Мушаррафа, который после совершенных 11 сентября 2001 г. в США терактов присоединился к широкой международной коалиции государств по борьбе с терроризмом. Составной частью внутриполитического курса Пакистана стало реформирование религиозных учебных заведений, подвергшихся исламистскому влиянию.

Предпринятая в стране образовательная реформа (2001–2009 гг.) была направлена на осуществление государственного контроля за учебно-финансовой деятельностью религиозных учебных заведений, на их постепенное включение в общеобразовательный поток школ с целью ликвидации идеологической базы и материальной инфраструктуры религиозного экстремизма и радикализма. В соответствии с Указом президента Первеза Мушаррафа от 18 августа 2001 г. было учреждено специальное Федеральное ведомство религиозного образования, которое должно было отвечать за обновление учебно-воспитательного контекста теологических школ, создание образцовых государственных медресе нового типа. В рамках реформы было открыто всего лишь три подобных медресе (в Исламабаде, Карачи и Суккуре). Кроме того, в 2002 г. был также принят Закон о добровольной регистрации и регулировании деятельности религиозных учебных заведений Пакистана, включая осуществление государственного контроля за обучением в них иностранцев. В течение 5 лет планировалось интегрировать в общий поток школ до 8 тыс. медресе. На проведение реформы религиозного образования было выделено 5 млрд 759 млн рупий⁸.

После июльских терактов в Лондоне (2005 г.), где прослеживался пакистанский след, руководством Пакистана было принято решение о введении обязательной государственной регистрации теологических школ (в соответствии с поправкой № 22 от 21 августа 2005 г., внесенной в действующий Закон о регистрации общественных организаций). Все медресе, не прошедшие государственную аудиторскую проверку до 31 декабря 2005 г., подлежали закрытию, а студенты-иностранцы – депортации на родину. Предпринимаемые пакистанским руководством меры по модернизации религиозной системы образования встретили упорное сопротивление со стороны религиозных консерваторов. В 2003 г. все духовные управления мусульманских богословских школ Пакистана объединились в Ассоциацию теологических семинарий для защиты своих интересов перед государством. Из-за их отказа участвовать в реформе религиозного образования, поэтапно проводимой государством, она была фактически провалена⁹. Это в немалой степени способствовало укреплению позиций исламистов и их идеологии в пакистанском обществе. Однако в последнее время в стране наблюдаются попытки выявления новых форм взаимодействия официальной религии ислама с государством, его общественными структурами для выхода из кризисной фазы исламизации, породившей опасный социальный феномен радикализации общества. Просматривается курс Пакистана на трансформацию от радикального к умеренному исламу, использованию заложенного в исламской культуре потенциала к развитию и совершенствованию как самого человека, так и окружающего его общества.

Участие автора данной статьи в качестве приглашенного докладчика от РФ в трехдневной международной конференции «Аллама Мухаммад Икбал» в Исламабаде (6–8 ноября 2017 г.) также позволяет говорить об этой тенденции. На ней обсуждались возможности интеллектуального, социально-культурного взаимодействия государств на основе использования философско-мистического, литературного наследия мусульманских суфийских мыслителей и поэтов: Мухаммада Икбала (1877–1938), Султана Баху (1629–1691), Мирзы Бедия (1644–1720), Джалаладдина Руми (1207–1273) и др. В конференции приняли

участие свыше 500 представителей различных государственных и общественных структур, научной и культурной интеллигенции, духовные лидеры мусульман и студенческая молодежь из 18 стран, включая республики Центральной Азии и ряда африканских государств. Среди почетных выступающих на конференции можно выделить бывшего премьер-министра Судана Садыка аль-Махди, являющегося приверженцем умеренного ислама, пожизненным руководителем влиятельного суфийского ордена ансаров в современном Судане, основанного его предком Мухаммадом бен Ахмадом аль-Махди (1844–1885), который в свою бытность возглавил движение против англо-египетского правления в Судане. Турцию на конференции представлял бывший глава Управления по религиозным делам профессор Мехмет Гормез. Он также высказывался за необходимость опоры на гуманистические основы ислама, суфизма, нового формата образования и просвещения не только религиозного, но и современного научного плана перед лицом стоящих актуальных вызовов современности, включая всеобщность проблемы религиозной радикализации.

С приходом к власти в Пакистане в августе 2018 г. правительства во главе с лидером партии «Движение за справедливость» (ДС) Имраном Ханом курс государства на дерадикализацию общественного сознания граждан за счёт возврата и распространения в массах практики классического исламского мистицизма, народного суфийского ислама, обладающего социальной гибкостью и пацифизмом, заметно укрепился. Об этом свидетельствует выступление премьер-министра Пакистана Имрана Хана на открытии международной конференции в Исламабаде 20 ноября 2018 г., организованной Министерством по делам религий и межконфессиональному согласию, которая была посвящена теме завершенности пророчества в исламе. В ней приняли участие министры по религиозным делам, представители политических и дипломатических кругов из Афганистана, Египта, Ирана, Ирака, Марокко, Саудовской Аравии, Сирии, Турции, Великобритании. Премьер подчеркнул, что возглавляемое им правительство хочет показать мировому сообществу мирную сущность ислама, заложенный в нём потенциал религиозной гармонии, толерант-

ности, братства и равенства, уважения к человечеству, ненасилия, примирения и культуры диалога. С этой целью он призвал к всестороннему изучению жизни Пророка Мухаммада, указав на необходимость раскрытия истинности его учения сегодняшнему и последующим поколениям. Для этого в трех университетах страны планируется открыть специальные исследовательские центры для более глубокого изучения его жизни и пророчеств. Кроме того, Имран Хан выступил с инициативой подписания мировым сообществом всеобщей Декларации, направленной против диффамации мировых религий¹⁰.

Решение проблемы дерадикализации пакистанского общества руководство страны связывает с необходимостью улучшения качества жизни граждан. Оно направляет свои усилия на реализацию комплекса социально-экономических преобразований для создания «нового Пакистана» – государства, в котором «все равны перед законом и где все имеют равный доступ к здравоохранению, образованию и другим возможностям во всех областях», где «жизнь и достоинство всех граждан ставится превыше всего»¹¹. Правящие круги планируют осуществить проект выстраивания здесь современной модели социально ориентированного мусульманского государства на принципах всеобщего благоденствия и равенства по подобию первого мусульманского государственного образования в Медине. Оно ориентировано на достижение социальной справедливости и защиту каждого гражданина в соответствии с основными положениями предвыборного Манифеста партии ДС «Дорога к новому Пакистану», который позволил ей в конечном итоге завоевать популярность среди большинства избирателей, в первую очередь среди образованной молодежи.

Выдвинутая премьером Имраном Ханом 27 марта 2019 г. инициатива о внесении поправки в статью 38-ю Конституции Исламской республики Пакистан направлена на преодоление сохраняющейся среди населения страны бедности, обеспечение его доступа к продовольствию, жилью, одежде, здравоохранению и образованию как правовой основы социальной защиты пакистанских граждан. При этом расходы государства на помощь обездоленным слоям населения планируется увеличить к 2020 г.

с текущих 80 млрд пак. рупий до 120 млрд пак. рупий. Кроме того, намечается создание нового Министерства социальной защиты населения, которое напрямую будет заниматься вопросами ликвидации бедности в стране¹².

Умелое использование властями мусульманской риторики и популизма позволило поднять общий патриотический настрой широких слоев населения в преодолении многочисленных трудностей на сложном пути построения «нового Пакистана». Апеллируя к основным положениям теоретического и духовного наследия основателя первого мусульманского государства Мухаммада Али Джинны (1876–1948) и идейного вдохновителя пакистанской нации – философа, поэта и общественного деятеля Мухаммада Икбала, руководство ДС декларирует необходимость создания в стране так называемого «идеального общества», которое движимо «современными и реконструированными исламскими идеалами, как единое, интегрированное, эгалитарное, демократичное, мирное, высокообразованное, научно-технически развитое пространство»¹³.

Неудивительно, что развитие человеческого капитала легло в основу социальной политики правительства во главе с Имраном Ханом. Пакистан действительно обладает большим человеческим ресурсом. Численность населения достигает 220 млн человек. Из них 64% пакистанцев моложе 30 лет. Его человеческий потенциал во многом будет определять ближайшее будущее этого крупнейшего мусульманского государства, единственного среди стран мусульманской уммы, обладающего ядерным оружием. Наличие значительной экстремистской инфраструктуры в Пакистане вкуче с хорошо налаженной дисциплиной исламистов, их активная работа с населением, в том числе и через социальные сети на многочисленных сайтах различных религиозно-политических организаций и военизированных группировок в условиях довольно пока слабых позиций умеренных сил из-за их неспособности улучшить социально-экономическое положение основной массы пакистанцев, способствуют сохранению влияния исламистов не только на страновом, но и на региональном уровне с учетом недалековидного курса США в афгано-пакистанском векторе внешней политики.

Пакистанская молодежь в возрастной категории от 15 до 29 лет, определяющая развитие ближайшего будущего страны, составляет 29%. И эта тенденция омоложения населения, по предварительным расчётам, будет сохраняться, по крайней мере, до 2050 г. Однако качественные показатели человеческих ресурсов оставляют желать лучшего. Репрезентативный опрос пакистанской молодежи, проведенный в стране в 2017 г., показал неутешительные результаты: 29% молодых людей неграмотны, и лишь 6% из 300 тыс. респондентов различных слоев городского и сельского населения, принявших участие в социологическом опросе, имеют более 12 лет образования. При этом только 39% молодых людей трудоустроены (32% мужчин и 7% женщин), а 57% молодёжи не заняты оплачиваемой трудовой деятельностью (16% мужчин и 41% женщин). В активном поиске работы находится 4% опрошенной молодежи. Подключение к социальным сетям через Интернет имеют 15% молодых людей, сотовая связь доступна для 52% молодежи. Отсутствие в стране развитой инфраструктуры библиотечных и спортивных сооружений определяет низкий уровень их посещаемости молодыми людьми (соответственно 6% и 7%)¹⁴. В целом по индексу человеческого развития (2018 г.) Пакистан занимает лишь 150-е место среди 167 стран мира¹⁵.

Важное место в улучшении качественных показателей человеческих ресурсов отводится национальной системе образования, ее модернизации. Прежде всего большое внимание уделяется созданию единой системы национального образования. Наличие в стране двух параллельно существующих учебно-воспитательных систем религиозного и общеобразовательного типов, как частных, так и государственных, способствует дезинтеграции пакистанского общества, отсутствию единого видения перспектив развития Пакистана из-за сохраняющегося противоборства традиционалистских и модернистских компонентов в его социальной структуре. Министерством Федерального образования и профессиональной подготовки совместно с провинциальными министерствами образования 27 ноября 2018 г. была запущена Рамочная политика в области национального образования (2018–2023), которая рассматривает образование в

качестве важнейшего инструмента социально-экономического развития государства, выработки понимания у пакистанцев их «ответственной роли как граждан планеты»¹⁶. Она предусматривает деполитизацию учебных заведений для дерадикализации пакистанского общества и его консолидации. На это нацелены и другие задачи реформы: введение унифицированной системы образования с едиными стандартами и содержанием учебно-воспитательного процесса; расширение охвата школьным обучением 22,5 млн детей, не посещающих учебные заведения; увеличение грамотности среди взрослых; повышение качества образования за счет внедрения современных методов обучения с использованием информационно-коммуникационных технологий, увеличения числа педагогических кадров и усовершенствования их квалификационной подготовки; развитие у учащихся профессиональных навыков и компетенций, необходимых для раскрытия их творческого потенциала и социализации, эффективного использования квалифицированных человеческих ресурсов в целом. Расходы в области образования в течение 5 лет правления правительства ДС планируется увеличить с 2,1 до 5% ВВП¹⁷.

Как представляется, современный курс пакистанского государства на модернизацию национальной системы образования в формате единой, унифицированной модели обучения и воспитания для всех граждан страны может способствовать дерадикализации и консолидации пакистанского общества, его постепенной интеграции в общемировой процесс трансформации образовательного пространства для достижения целей устойчивого развития, закрепленных в Глобальной программе действий ЮНЕСКО в области образования (2015–2030).

¹ Об этом подробнее см.: Ганковский Ю. В. Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане. М., 1967.

² Об этом подробнее см., например: Белокреницкий В. Я. Этнорегиональные и религиозно-сектантские конфликты в Пакистане // Пакистан, Южная Азия, исламский мир, Восток. Избранные публикации 2008–2016 гг. М., 2016. С. 83–105.

³ Белокреницкий В. Я. Исламистский радикализм в Пакистане: факторы, этапы, циклы // Пакистан, Южная Азия, исламский мир, Восток. Избранные публикации 2008–2016 гг. С. 213–227.

⁴ Белокреницкий В. Я. Социальный протест в Пакистане: от классовых форм к религиозным // Пакистан, Южная Азия, исламский мир, Восток. Избранные публикации 2008–2016 гг. С. 200.

⁵ Серенко И. Н. Пакистан: от «Красной мечети» к «красному» уровню террористической опасности. В открытом архиве Института востоковедения РАН. Сетевой аналитический журнал Восточная аналитика ИВ РАН. М.: ivran.ru 2017, №2. URL: <http://ivran.ru/articles?artid=7004> (дата обращения – 13.04.2019).

⁶ Серенко И. Н. Становление и развитие национальной системы образования в Пакистане // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 8: Пакистан: история и современные проблемы. М., 2018. С. 295–296.

⁷ Zahid Hussain. The capital under siege. // Dawn. 15.11.2017. URL: <https://www.dawn.com/news/1370547/the-capital-under-siege>; 'Do not clash with the state': PM Khan issues stern warning to agitators after Asia Bibi verdict. // Dawn. 31.10.2018. URL: <https://www.dawn.com/news/1442630/do-not-clash-with-the-state-pm-khan-issues-stern-warning-to-agitators-after-asia-bibi-verdict> (дата обращения – 14.04.2019).

⁸ Education Sector Reforms. Action Plan (2001–2002 – 2005–2006). Government of Pakistan. Ministry of Education. Islamabad. 2004. P. 10.

⁹ Об этом подробнее см.: Серенко И. Н. Система образования в Исламской Республике Пакистан. М., 2006. С. 118–119.

¹⁰ Pakistan to lead global campaign against defamation of religions. URL: <https://nation.com.pk/21-Nov-2018/pakistan-to-lead-global-campaign-against-defamation-of-religions> (дата обращения – 26.03.2019).

¹¹ The Road To Naya Pakistan. PTI Manifesto 2018. URL: <http://pmo.gov.pk/documents/manifesto-pti.pdf> (дата обращения – 31.03.2019).

¹² Anti-poverty initiative //Dawn. 29.03.2019. URL: <https://www.dawn.com/news/1472561/anti-poverty-initiative> (дата обращения – 30.03.2019).

¹³ Walid Iqbal. Nature and Values of M. Iqbal's Ideal Society. /Труды Института востоковедения РАН. Вып. 8: Пакистан: история и современные проблемы. М., 2018. С. 364.

¹⁴ Pakistan National Human Development Report. Unleashing the Potential of a Young Pakistan. URL: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/reports/2847/pk-nhdr.pdf> (дата обращения – 26.04.2019).

¹⁵ Human Development Indices and Indicators: 2018 Statistical Update. URL: https://read.un-ilibrary.org/economic-and-social-development/human-development-indices-and-indicators-2018_243db5e4-en#page1 (дата обращения – 26.04.2019).

¹⁶ National Education Policy Framework 2018. Ministry of Federal Education and Professional Training. Islamabad, 2018. URL: <http://www.moent.gov.pk/userfiles1/file/National%20Education%20Policy%20Framework%202018%20Final.pdf> (дата обращения – 27.04.2019).

¹⁷ Ibid.

Н. А. Замараева*

ВОЕННО-ГРАЖДАНСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ ГЕНЕРАЛА П. МУШАРРАФА В ПАКИСТАНЕ (КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ)

Резюме: Статья посвящена анализу конституционно-правовых актов, цель которых – легитимировать захват власти военными во главе с генералом П. Мушаррафом в октябре 1999 г. путем военного переворота и в дальнейшем концентрировать законодательную, исполнительную ветви власти и командование вооруженными силами генералом-президентом (1999–2008 гг.); методов устранения военными властями оппонентов (политических партий и адвокатского сообщества); формирования генералитетом альянсов с оппозицией, лояльной военно-гражданским властям.

Ключевые слова: Пакистан, военный переворот, военно-гражданские власти, генерал П. Мушарраф, конституционные поправки, оппозиция, праворегиональные партии.

Summary: The article is devoted to the analysis of: constitutional legal acts, the purpose of which is to legitimize the military coup led by General P. Musharraf in October 1999 and to further concentrate the legislative, executive power and command of the armed forces by the general-president (1999–2008); methods of elimination by military authorities of political opponents; alliance of generals with opposition parties loyal to the military-civil authorities.

Key words: Pakistan, military coup, civilian military relations, general P. Musharraf, constitutional amendments, opposition, right religious parties.

* Замараева Наталья Алексеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН

Годы военно-гражданской модели правления в Пакистане (1999–2008) условно можно разделить на два этапа: Чрезвычайное положение (ЧП, 1999–2002 гг.) и конституционно-парламентский период (2003–2007 гг.). Они свидетельствовали о наивысшем триумфе и последующем падении генерала Первеза Мушаррафа с вершин государственной власти. Выйдя в отставку в ноябре 2007 г. с поста начальника штаба армии, уже в августе 2008 г. он под угрозой импичмента со стороны гражданских властей, пришедших к власти после всеобщих выборов в феврале 2008 г., вынужденно оставляет пост президента Пакистана. Трагедия его несостоятельности как гражданского президента заключалась, на наш взгляд, в отсутствии изначальной легитимности.

Главное внимание в статье уделено первому периоду пребывания у власти генерала Мушаррафа и части второго периода (до 2003 г.). Возглавив государственный переворот в октябре 1999 г. и добившись от судебных органов и практически неограниченных полномочий, укрепив личную власть, генерал-президент в 2002 г. отменил ЧП. А в октябре 2002 г. состоялись всеобщие выборы на непартийной основе, которые и положили начало конституционно-парламентскому (мушаррафовский сценарий) периоду правления в Пакистане (2002–2007 гг.) под руководством смешанной команды – генералитета и преданных ему гражданских лиц.

В статье ставится следующая цель: изучить механизм «вхождения во власть» генерала П. Мушаррафа, используя судебную, административную системы и опираясь на опыт военных переворотов 1958 г., 1965 г., 1977 г., в первую очередь конституционно-правового наследия генерала М. Зия-уль-Хака.

Государственный переворот 12 октября 1999 г. был последним и в Пакистане, и в мировой истории XX в. в классическом для армии варианте: смещение и арест главы Кабинета министров Наваз Шарифа**, приостановка действия ряда статей Конституции 1973 г. и работы законодательных и исполнительных органов власти. Захват власти военными нанес удар по основам парламентской демократии Пакистана.

** ПМЛ Н одержала победу на парламентских выборах в 1997 г., ее лидер Н. Шариф во второй раз занял пост премьер-министра Пакистана (ноябрь 1990 – апрель 1993 г., февраль 1997 – октябрь 1999 г.).

В международном сообществе события октября 1999 г. характеризовали как нарушение демократии. Пакистан был исключен из состава британского Содружества наций. США ввели экономические санкции. Исламабад погрузился в дипломатическую изоляцию, резко сократилась иностранная военная и экономическая помощь.

Захват власти военными произошел на фоне резкого обострения отношений между премьер-министром Н. Шарифом и начальником штаба сухопутных войск, председателем Объединенного комитета начальников штабов генералом П. Мушаррафом. Одна из причин – провал военной пакистано-индийской кампании в Каргиле летом 1999 г. Непосредственным сигналом стал отказ премьера разрешить посадку в аэропорту Карачи самолета, на котором командующий армией возвращался из официальной поездки в Шри Ланку. В ответ, еще на борту самолета, П. Мушарраф отдал приказ об аресте главы Кабинета министров. Последовали два дня безвластия, и 14 октября 1999 г. генерал подписал два документа: Указ о чрезвычайном положении (УЧП)¹ и Временный конституционный указ (ВКУ)². УЧП декларировал введение Чрезвычайного положения на всей территории Пакистана, роспуск обеих палат парламента (Национальной ассамблеи (НА) и Сената) и провинциальных собраний, приостановку работы представительных органов власти. Генерал П. Мушарраф принял на себя функции главы исполнительной власти; весь Пакистан перешел под контроль Вооруженных сил Пакистана³.

Второй документ – ВКУ – подтвердил, что глава исполнительной власти, генерал П. Мушарраф, «...получив законную власть путем внеконституционного акта, действуя в интересах и во благо народа, вправе совершать все действия и принимать законодательные акты, которые соответствуют или могли быть приняты в соответствии с Конституцией 1973 г., включая право вносить в нее поправки, несмотря на решение какого-либо суда...»⁴. Подчеркивалось, что военные власти предотвратили политическую дестабилизацию и экономический спад в стране.

Жесткие меры военные предприняли в отношении судебной системы. Верховному суду или судам низшей инстанции запре-

щалось принимать решения, направленные против главы исполнительной власти или иного лица, осуществлявшего полномочия под его руководством; ни один суд, трибунал или другой орган власти был не вправе ставить под сомнение или разрешать подвергать сомнению УЧП; в то же время президенту страны, губернаторам провинций предписывалось действовать в соответствии с указаниями главы исполнительной власти.

Одновременно генерал П. Мушарраф возродил и возглавил внеконституционную структуру – Совет национальной безопасности (СНБ)^{***} с участием военных и гражданских лиц. Цель СНБ – контроль и решение вопросов внутренней и внешней политики. На деле он подменял функции центрального правительства.

В те дни армия в целом поддержала генералитет. В памяти офицеров все еще были свежи воспоминания об увольнении годом ранее начальника штаба армии генерала Дж. Карамата вскоре после высказанного им предложения учредить СНБ по аналогии с турецким. Премьер-министр Н. Шариф счел это как попытку ввести контроль армии за его действиями и отправил генерала в отставку^{****}. Но П. Мушарраф столкнулся и с первыми вызовами со стороны военных. 12 октября 1999 г. действия главы Кабинета министров Н. Шарифа поддержал руководитель военной разведки З. Батт^{*****}.

В отечественной научной литературе встречаются утверждения о том, что П. Мушарраф не планировал, но и не исключал свой приход к власти. В первые дни после переворота вопрос о возврате к конституционно-парламентской форме правления уже не стоял. Военные пришли надолго. Но удержание ее генералитетом в 1999–2002 гг. диктовало основные задачи: разработку и принятие правовых актов, оправдывавших легитимность прихода военных к управлению страной в 1999 г. и нейтрализацию

^{***} СНБ действовал в период правления генерала М. Зия-уль-Хака.

^{****} В 2019 г. бригадный генерал в отставке Иджаз Шах (в 1999 г. возглавлял военную разведку) подтвердил отказ генерала П. Мушаррафа действовать против генерала Джахангира Карамата, возглавлявшего тогда военную разведку (ISI). Н. Шариф назначил на его место Зиауддина Батта.

^{*****} В ноябре 2000 г. бывший глава военной разведки Батт и бригадир Джавед предстали перед военным трибуналом.

основных оппонентов – политических партий и адвокатского сообщества.

Четкость оперативных действий генералитета в октябре 1999 г. была продиктована опытом трех военных переворотов 1958 г., 1965 г. и 1977 г. Линию защиты своих антиконституционных шагов, легистратуру законодательных актов, механизм и методы нейтрализации политических оппонентов, обретение новых союзников и «конституционное» строительство военно-президентской республики П. Мушарраф заимствовал у генерала М. Зия-уль-Хака (1977–1988). Тот, захватив власть в июле 1977 г., провозгласил себя главным военным администратором, а 8-я поправка (1985) к Конституции 1973 г., предоставила ему неограниченные полномочия президента страны^{*****}.

Именно такой «дорожной карты» восхождения к президентству генерал П. Мушарраф следовал все годы, корректируя ее в соответствии с вызовами времени. Но он все же извлек уроки из жесткого стиля правления своего предшественника. Во-первых, он дал себе слово никого не отправлять на виселицу^{*****}; во-вторых, «смягчил» вхождение военных во власть, введя ЧП, а не военное положение.

С первых дней прихода к власти команда П. Мушаррафа работала оперативно. Как и в событиях 5 июля 1977 г., военные оправдывали госпереворот 1999 г. «доктриной необходимости», действиями в интересах государства и во благо народа. В обращении к нации 17 октября 1999 г. глава исполнительной власти озвучил программу из семи пунктов: искоренение коррупции; деполитизация государственных институтов; широкие экономические реформы; сокращение уровня бедности путем переориентации государственных расходов; реформирование местных органов управления (с этой целью было учреждено Национальное бюро реконструкции (НБР). Военные ставили задачу оживить экономику, создать механизмы ускорения роста сельского хозяйства, развития малых и средних отраслей промышленно-

***** М. Зия-ль-Хак руководил Пакистаном в течение одиннадцати лет, вплоть до гибели в авиакатастрофе в августе 1988 г.

***** Премьер-министр Зульфикар Али Бхутто был казнен через повешение 4 апреля 1979 г.

сти, информационных технологий, нефтегазовой отрасли. Позднее, в декабре 1999 г., власти объявили о долгосрочной стратегии социально-экономического развития и достижении цели межпровинциальной гармонии под названием «Путь к демократии». Программа имела определенный успех у части населения, особенно ее социальная составляющая. Однако, по мнению П.Мушаррафа, своевременная ее реализация требовала расширения его конституционных полномочий.

Немного запоздав, по стране прокатилась волна антивоенных выступлений. Политические партии и адвокатское сообщество расценили указы главы исполнительной власти как внеконституционные. В ноябре 1999 г. руководство отстраненной от власти ПМЛ Н подало петицию в Верховный суд (ВС), в которой оспаривалась законность переворота 12 октября 1999 г., введение ЧП. Выдвигались требования восстановить Конституцию 1973 г. и освободить из-под ареста экс-премьера Н. Шарифа. Решение ВС от 6 декабря 1999 г. по обвинению военных в захвате власти стало первым вызовом для генерала П. Мушаррафа в общенациональном масштабе. Сопrotивление части судейского сообщества действиям генералитета и бойкот чиновников госаппарата убедили офицерский корпус усилить контроль за работой государственных учреждений.

Администрация П. Мушаррафа предприняла шаги по институционализации роли армии в управлении государством и расширении ее присутствия в госаппарате. Еще в ноябре 1999 г. по указанию П. Мушаррафа была создана общенациональная сеть по надзору за деятельностью госучреждений с целью реструктуризации правительственного механизма и разработки эффективной системы управления на низовом уровне; эти меры стали частью усилий армии по контролю за гражданскими институтами власти. С января 2000 г. должностные лица в униформе стали постепенно занимать позиции в госучреждениях. Армейские подразделения совместно с полицией контролировали порядок в общественных местах.

Политические партии представляли вторую группу оппозиции, действия которой военные успешно нейтрализовали. В ответ на антимушаррфовские выступления политических партий в про-

винции Синд 15 марта 2000 г. МВД в соответствии с УЧП и ВКУ ввело запрет на митинги в общественных местах, забастовки и шествия. Права на свободу выражения мнений, собраний и ассоциаций ограничивались Уголовным кодексом Пакистана (УКП). Согласно разделу 124-А (подавление мятежа) УКП вводилась уголовная ответственность за слова, которые вызывают или ставят целью вызвать ненависть или презрение, или возбуждают, или пытаются вызвать недовольство по отношению к центральному правительству или правительству провинции.

Выступления политических партий в начале апреля 2000 г. переросли в массовую акцию с требованием проведения всеобщих выборов. В ответ власти обнародовали решение ВС о пожизненном тюремном заключении экс-премьера Н. Шарифа. На основании Закона о борьбе с терроризмом ему были предъявлены обвинения в похищении людей, покушении на убийство, угоне самолета. Позднее, 10 декабря того же года, П. Мушарраф принес извинения семье Н. Шарифа, разрешив им выехать в Королевство Саудовская Аравия. Много лет спустя он признался, что решение о помиловании Н. Шарифа он сделал по просьбе короля Абдаллы.

Одним из механизмов «подавления» инакомыслия, преследования политических оппонентов стало возобновление работы военно-гражданскими властями в ноябре 1999 г. Национального бюро отчетности (НБО)⁵, которое возглавил генерал С. М. Амджад⁶. Указ подписал президент страны М. Тарар. Наделенное широкими властями полномочиями, НБО ставило цель искоренить коррупцию и коррупционную практику, а также привлечь к ответственности лиц, совершивших или подозреваемых в совершении коррупционных действий. Группы НБО формировались на провинциальном, региональном и районном уровнях, в состав которых входили военнослужащие Управления военной разведки и Межвидовой разведки. Общая численность военного персонала НБО превысила 3500 человек. Руководителями районных контрольных групп назначали офицеров, действия которых зачастую выходили за рамки возложенных на них функций.

В рамках НБО были учреждены специальные суды с правом на арест, содержание под стражей обвиняемого в коррупции и

освобождение под залог; замораживание его счетов и конфискация имущества; дисквалификация и запрет на участие в избирательной кампании и на занятие государственных должностей. Решения судов НБО часто использовались как ключевой инструмент в борьбе с политическими оппонентами, например членами кланов Шарифов и Бхутто.

Весной 2001 г. НБО заочно вынесло вердикт председателю ПНП Б. Бхутто по обвинению в коррупции. Решение ВС автоматически лишало ее права участвовать в выборах в представительные органы власти и занимать государственные должности в течение двадцати одного года в соответствии с Законом о политических партиях, поправки в который военно-гражданские власти внесли еще в августе 2000 г. Многие активисты ПНП и ПМЛН в Панджабе и Синде были арестованы за критику генералитета и попытки организовать антиправительственные митинги в общественных местах. Несмотря на недовольство политических партий, адвокатского сообщества, активистов народных движений, которые характеризовали НБО не иначе как параллельную судебную систему, тогдашний состав коллегии ВС под давлением военных подтвердил его легитимность.

Военные власти также предъявляли повышенные требования к судьям, от которых требовалась не только разработка нормативно-правовых актов, легализовавших действия военных, но и корректная правотворческая практика, гарантирующая их принятие. Во избежание вызовов военно-гражданская администрация в спешном порядке разработала «механизм подчинения» служащих Фемиды, вновь используя опыт генерала М. Зия-уль-Хака. 31 декабря 1999 г. глава исполнительной власти Указом о присяге судей, 1999 г.⁷ обязал судей всех инстанций принести присягу в соответствии с Указом о чрезвычайном положении и Временным конституционным указом. Объяснение было простое: – «...учитывая, что Пакистан должен регулироваться, насколько это возможно, в соответствии с конституцией; принимая во внимание, что все суды, функционировавшие до вступления в силу настоящего Указа, продолжали функционировать и осуществлять свои полномочия и юрисдикцию; и для того, чтобы судьи высших судов могли выполнять свои функции,

необходимо, чтобы они приняли присягу на своем посту...»⁸. Часть судей отказались, объясняя невозможность повторно дать клятву, которую они уже приносили на верность Конституции 1973 г. Противостояние генералитета и третьей власти длилось около месяца.

Выходом из трудной, по мнению военных, ситуации должна была стать новая редакция Указа о присяге присяжных (судей) 2000 г. от 25 января 2001 г.⁹, согласно которой судьи всех инстанций признавали право главы исполнительной власти вносить поправки в конституцию и законность УЧП, ВКУ и последующих действий военной администрации. В случае отказа они увольнялись. Судьям вменялось в обязанность дать присягу, текст которой был подготовлен военными властями и, соответственно, не прошел процедуру одобрения высшей судебной инстанции. Можно только предположить, какую разъяснительную работу военные провели с каждым из них.

Напряжение в стране усиливалось. 26 января 2000 г. коллегия ВС признала госпереворот 12 октября 1999 г. нарушением Основного закона страны и, как следствие, подтвердила нелегитимность указов 14 октября 1999 г. Главный судья ВС С. Сиддики, пять судей коллегии ВС и девять судей Высоких судов провинций (тринадцать судей, включая С. Сиддики, М. Кази, М. Джунеджо, А. Хана, М. Мирзу, Халил-ур-Рахмана, В. Ахмеда, Р. Хана, К. Аллама и др.)¹⁰ отказались 26 января 2000 г. принять присягу и в знак протеста подали в отставку. Незамедлительно в отношении них были приняты жесткие меры. СМИ писали об исчезновении и/или убийствах 34 судей.

Однако большинство судей из-за боязни уступили давлению военных, осознавая, что их поступок подрывал независимый статус третьей, после исполнительной, законодательной государственной, власти. Восемьдесят девять судей, включая часть судей ВС, принесли присягу. Во избежание повторных вызовов со стороны служителей Фемиды с января 2002 г. по ноябрь 2007 г. генерал П. Мушарраф лично утверждал кандидатуры в состав коллегии ВС, а также на пост главного судьи ВС, иными словами, он взял под личный контроль деятельность судебных органов страны.

В конце февраля 2000 г. обновленный состав ВС по рекомендации военных властей сформировал Высший судебный совет. Этот внеконституционный орган, призванный контролировать действия судей, получил полномочия от П. Мушаррафа принимать решения об их отстранении от должности в случае политической неблагонадежности¹¹.

И немногим позднее, 12 мая 2000 г., назначенный генералом П. Мушаррафом исполняющим обязанности главного судьи ВС И. Хусейн вынес решение о легитимности «перехода власти 12 октября 1999 г. в руки военных». Он оправдал действия генералов государственной необходимостью, вызванной ухудшением экономической ситуации, политическими и социальными вызовами; блокированием бывшей правящей ПМЛ Н работы демократических институтов (Национальной ассамблеи и провинциальных собраний), а также попытками политизировать армию, дестабилизировать и вызвать разногласия в ее рядах.

Таким образом, военным потребовалось всего шесть месяцев для оправдания военного переворота 1999 г. высшей судебной инстанцией страны.

Оправдательный вердикт ВС подтвердил полномочия главы исполнительной власти генерала П. Мушаррафа вносить поправки в Основной закон страны, т.е. «действуя во благо народа, совершать любые акты для упорядоченного управления государством; издавать законы или предпринимать какие-либо действия в нарушение статей 15–19 и 24-й Конституции 1973 г., касающиеся основных прав – свободы собраний, объединений, выражения мнений, передвижения, собственности и торговли, бизнеса в период действия ЧП. Все это придавало уверенности военно-гражданским властям.

Однако, учитывая обещание П. Мушаррафа выйти в отставку, ВС предоставил ему трехлетний срок для подготовки и проведения всеобщих выборов в НА, провинциальные собрания и Сенат, оставив за собой право рассмотреть вопрос о продлении срока действия ЧП.

Политическая оппозиция и адвокатское сообщество характеризовали «единоличное вмешательство» в конституцию как подрыв структуры Основного закона страны. Позднее специ-

альным указом П. Мушарраф «вычеркнул» слова «премьер-министр» и «главный министр» из официальных документов, заменив их на «главу исполнительной власти» и «губернатор» соответственно¹².

Получив из рук ВС решение, оправдывавшее антиконституционный захват власти и широкие полномочия, а также устранив основных оппонентов, генерал П. Мушарраф 18 августа 2000 г. выступил с ошеломляющим заявлением о том, что остается на военной службе. В подтверждение его слов офицерский корпус усилил контроль за работой государственных учреждений.

Выборы в местные органы власти в условиях ЧП

Политические партии продолжали выдвигать требование о проведении всеобщих парламентских выборов. Глава исполнительной власти помнил о своем обещании. Но вначале был взят курс на обновление избирательной системы и, как писал британский исследователь Р. Лонг, «... формирование нового класса политиков, более зависимых от П. Мушаррафа»¹³. В этом также заключалась и определенная потребность времени в ответ на слабое управление на местах в 1990-х гг., и реализация задачи военно-гражданской администрации о расширении социальной базы выборщиков¹⁴.

Национальное бюро реконструкции (НБР), учрежденное еще в ноябре 1999 г., к этому времени подготовило рекомендации по реформированию местных органов власти и полиции. Губернаторы провинций обнародовали Указы о формировании и регулировании органов местной власти в провинциях Белуджистан, Панджаб, СЗПП, Синд. Указы предусматривали децентрализацию административных и финансовых полномочий, передачу их органам местного самоуправления, а также право принимать решения через институционализированное участие населения на низовом уровне. Следует подчеркнуть, что органы местного самоуправления формировались в 2000–2001 гг., во-первых, в соответствии с Временным конституционным указом, и, во-вторых, в условиях роспуска законодательных собраний провинций.

Планировалось привлечь в административно-политическую сферу большее количество образованных граждан. С этой целью были введены повышенные квалификационные критерии для кандидатов в органы местной власти, в частности от них требовалось предоставить свидетельство об окончании университета. Пакистанские СМИ писали, что подобные инициативы в рамках реформы избирательной системы приведут к тому, что до 96% населения страны не сможет принять участие в выборах. Дискриминации подвергалось в первую очередь женское население, которое имело ограниченный доступ к образованию.

Рекомендации НБР, одобренные в августе 2000 г. Советом национальной безопасности и федеральным Кабинетом министров, дали старт избирательной кампании на низовом уровне. В преддверии выборов создавались дополнительные избирательные округа, которыми военно-гражданские власти могли манипулировать, как это делали их предшественники – М. Айюб-Хан и М. Зия-уль-Хак¹⁵. Поэтапно претворяя в жизнь обещание о возврате к демократической форме правления, военно-гражданские власти 1 января 2001 г. провели в 18 районах первый этап выборов в местные органы власти на беспартийной основе. Явка избирателей составила 35–50%. В стране по-разному объясняли столь высокие показатели в поддержку военных, которые рассматривали укрепление позиций на низовом уровне как цементирование военно-гражданского режима в целом.

Дальнейшее укрепление позиций военно-гражданской администрации

На фоне положительного резонанса в обществе итогов выборов Верховный суд Пакистана 7 февраля 2001 г. под давлением главы исполнительной власти вынес вердикт о легитимности действий военных 12 октября 1999 г. Однако взамен он потребовал от П. Мушаррафа выйти в отставку к концу года и провести всеобщие парламентские выборы в течение трех лет после прихода к власти, т. е. до октября 2002 г. Получив индульгенцию ВС на военный переворот, генерал уже в марте 2001 г. вновь отказался покинуть военную службу и взял курс на президентскую форму правления в Пакистане. Процесс занял два года.

Будучи главой исполнительной власти, командуя штабом армии, П. Мушарраф поставил новую цель – стать гарантом конституции, а также прав и свобод человека и гражданина, т. е. осуществлять контроль за исполнением Основного закона страны, иными словами, единолично управлять государством. Препятствием на этом пути оставался действовавший президент Мохаммад Рафик Таррар, пост которого оставался единственным выборным на тот момент. Под давлением военных он вышел в отставку 20 июня 2001 г. Многие в Пакистане расценили этот шаг как национальную трагедию¹⁶. Но уже на следующий день генерал П. Мушарраф был приведен к присяге в качестве нового президента Исламской Республики Пакистан.

Неконституционность подобного акта несколько не смутила генералитет. Еще в марте 2001 г. он принял решение начать процесс законодательного восстановления статьи 58-й (2) Конституции 1973 г., которая в 1985 г. впервые была включена в Основной закон генералом М. Зия-уль-Хаком. Главе государства предоставлялись широкие полномочия, включая роспуск нижней палаты парламента, отставку федерального правительства по рекомендации СНБ.

Начиная с 21 июня 2001 г. генерал-президент П. Мушарраф одновременно официально занимал две должности: главы исполнительной и законодательной ветвей власти Исламской Республики Пакистан. Вызовом для генерала по-прежнему оставался конституционный запрет одновременно выполнять обязанности президента и начальника штаба армии. Но и он был урегулирован позднее, в 2003 г., 17-й поправкой к Основному закону страны. Власти действовали осторожно. Стремясь привлечь общественное мнение, они пошли на компромисс, подтверждая выполнение генералом своих обещаний.

В очередную годовщину празднования образования Пакистана, 14 августа 2001 г., П. Мушарраф заявил о важности восстановления демократии, и первым шагом в этом направлении он планировал проведение всеобщих парламентских выборов на партийной основе. В тот же день он в соответствии с ВКУ опубликовал Указ о порядке проведения всеобщих выборов¹⁷, целью которого анонсировалось эффективное проведения выборов в

Сенат, Национальную ассамблею и провинциальные собрания в октябре 2002 г. Планировался ряд нововведений. Количество мест в НА увеличилось до 332; общее количество депутатов в провинциальных законодательных органах достигало 728 человек, число сенаторов составило 100 членов; избирательный ценз снижался до 18 лет по состоянию на 1 января 2001 г.; статус религиозных меньшинств, например секты ахмадия, оставался неизменным; вводилось квалификационное ограничение для кандидатов в депутаты, которые должны были иметь степень бакалавра (как и на выборах в органы местного самоуправления).

***Антитеррористическая международная
кампания в Афганистане и ее влияние
на военно-гражданские власти в Пакистане***

Переломным этапом для администрации Исламабада и лично для П. Мушаррафа стали события 11 сентября 2001 г. В ответ на теракт в Нью-Йорке, совершенный боевиками «Аль-Каиды», США объявили о начале войны с международным терроризмом и всю военную мощь НАТО обрушили на боевиков в Афганистане. Понимая, что Исламабад является главным логистом военных грузов, президент США Дж. Буш-младший в ультимативной форме потребовал от П. Мушаррафа поддержать военную акцию «Несокрушимая свобода», объявленную 7 октября 2001 г. силами специальных операций США.

Получив незамедлительное согласие П. Мушаррафа, уже в октябре 2001 г. Пентагон официально назвал Пакистан основным внеатовским союзником в международной антитеррористической кампании. Это означало признание крупнейшей иностранной державой легитимности П. Мушаррафа как главы государства, что было эквивалентно международной индульгенции военному перевороту 12 октября 1999 г. Сомнительная легитимность избрания генерала П. Мушаррафа президентом Пакистана была признана США и западными странами спустя три года после антиконституционного захвата им власти в Пакистане.

Решение П. Мушаррафа присоединиться к международной антитеррористической коалиции укрепило его имидж светского

правителя. В сложившейся обстановке в регионе, как человек военный, генерал П. Мушарраф в обращении к нации 19 сентября 2001 г. объяснил свое согласие, указав на четыре вызова Пакистану: безопасность страны и внешняя угроза; возрождение экономики, стратегические ядерные и ракетные силы и кашмирский вопрос.

США предложили Пакистану полную финансовую поддержку и поставки вооружений. В рассматриваемый период валютные резервы оставались на низком уровне, а экономика страны сильно пострадала от американских санкций, введенных после ядерных испытаний Исламабадом в 1998 г. Вашингтон отменил введенное в 1998 г. эмбарго, и миллиарды долларов в виде военной и финансовой помощи потекли в Пакистан.

Возобновили сотрудничество с Пакистаном Международный валютный фонд и Азиатский банк реконструкции и развития. Денежный поток после 11 сентября 2001 г. создал впечатление на долгие годы, что экономика страны стала процветать при П. Мушаррафе. В конце 2001 г. это способствовало формированию благоприятной социальной атмосферы для населения.

Военная кампания в соседней стране, операции натовских военнослужащих в пакистанской зоне пуштунских племен на границе с Афганистаном «диктовали» Исламабаду продление срока службы генерала П. Мушаррафа на посту командующего штабом сухопутных войск, мандат которого истекал 6 октября 2001 г. Но на тот момент П. Мушарраф занимал одновременно пост начальника Объединенного комитета начальников штабов (октябрь 1977 г. — октябрь 2001 г.). Комитет был учрежден с целью совместного планирования военных операций. В сложившихся обстоятельствах штаб армии предложил его упразднить. Одна из причин заключалась в том, что Комитет поставил под сомнение авторитет командующего армией. П. Мушарраф делегировал минимум полномочий новому начальнику ОКНШ.

Поддержка Вашингтоном военно-гражданской администрации генерала-президента П. Мушаррафа в антитеррористической кампании в Афганистане не только свидетельствовала о признании его легитимности на международном уровне, она повысила уверенность военных в корректности антиконституци-

онных действий. Однако включение Пакистана в число акторов антитеррористической кампании несло новые жесткие вызовы в стране.

В сентябре 2001 г. у генерала П. Мушаррафа не осталось шанса, кроме как официально разорвать связи с Талибан. Созданная в 1990-х гг. пакистанской армией и поддерживаемая Б. Бхутто и позднее – Н. Шарифом, это была та сила, благодаря которой Пакистан осуществлял стратегический военно-политический контроль над Афганистаном.

Антиамериканские настроения в Пакистане усилились сразу после теракта 9/11 и присоединения Исламабада к антитеррористической кампании. Население критиковало военно-гражданские власти за использование военнослужащих в качестве наемников в войне против террора. Военные операции США в районах афгано-пакистанской границы рассматривались как нарушение государственного суверенитета, что усиливало антиамериканские и антивоенные настроения в стране.

Позднее Вашингтон предоставил Пакистану в июне 2003 г. помощь в размере 3 млрд долл. Одновременно США и Пакистан в 2003 г. подписали рамочное соглашение о торговле и инвестициях, направленное на увеличение объемов двусторонней торговли и прямых американских инвестиций в экономику Пакистана. Уже в сентябре 2003 г. Пентагон согласился обновить флот F-16. В июле 2003 г. Германия сняла санкции на продажу оружия Пакистану.

Поддержка генералом П. Мушаррафом антитеррористической кампании США в Афганистане подняла волну экстремизма в самом Пакистане. По стране прокатилась серия террористических актов. Военно-гражданское руководство страны было поставлено перед необходимостью борьбы с появившимися группировками боевиков. Опасным явлением вновь стали столкновения на межрелигиозной почве. Позднее, в преддверии всеобщих парламентских выборов 2002 г., в рамках Указа власти предупредили, что «...ни одна политическая партия не должна поощрять сектантскую, этническую, региональную ненависть или враждебность или быть названной или сформированной как военизированная группа...»¹⁸.

Всеобщие парламентские выборы 2002 г. в Пакистане

Афганская кампания ненадолго отвлекла интерес к внутри-политической обстановке в Пакистане. Подготовка к всеобщим парламентским выборам началась заблаговременно с объявления в 2001 г. экономической программы. Она получила поддержку у определенной части населения, которая приветствовала политику в отношении коррупции, а также законопроект о налоговой реформе, согласно которому к судебной ответственности могли быть привлечены лица, признанные виновными в уклонении от уплаты налогов. Военно-гражданские власти стремились создать благоприятный образ, и это им удалось.

Сценарий подготовки к всеобщим парламентским выборам был также заимствован у генерала М. Зия-уль-Хака. Первым пунктом, как и в 1985 г., планировалось проведение референдума 30 апреля 2002 г. Указ о референдуме власти опубликовали в апреле 2002 г. Он ставил целью продлить срок полномочий генерала-президента еще на пять лет. Все понимали нелегитимность подобного акта, но П. Мушаррафу нужен был прецедент, видимость всенародной поддержки его правлению. Несмотря на высокие официальные результаты (78% из 98% проголосовавших в пользу генерала-президента, которые вызвали сомнения у оппозиции, бойкотировавшей голосование), референдум, как волеизъявление населения, не имел конституционных полномочий.

Основной закон 1973 г. предусматривает специальные положения для избрания президента коллегией выборщиков. Многочисленные петиции, поданные в ВС, подтверждали незаконность референдума об избрании главы государства. В них подчеркивалось, что «...несмотря на действие Указа о чрезвычайном положении и Временного конституционного указа № 1 от 1999 г., конституция по-прежнему остается высшим законом страны... положение о референдуме в конституции носит общий характер, в то время как статья 41-я (имеет преимущественную силу)¹⁹ предусматривает процедуру избрания на должность президента коллегией выборщиков Национальной ассамблеи, провинциальных собраний и Сената ...». Иными словами, на законодательном уровне полномочия президента вправе был подтвердить только депутатский корпус. Но Верховный суд признал итоги референдума, продлив

мандат президентских полномочий генерала, П. Мушаррафа на пять лет, т. е. до 2007 г. В ответ на обвинения ВС заявил, что петиции, поданные до дня его проведения, были преждевременными. Конституционная легитимность П. Мушаррафа как президента оставалась под вопросом.

Воодушевленная результатами референдума, военно-гражданская администрация, приступила к подготовке всеобщих парламентских выборов на партийной основе. Заявление властей о партийном списке было тщательно продумано. Старт избирательному процессу был дан с учреждения П. Мушаррафом политической партии, которая, по его мнению, отвечая всем требованиям избирательных процедур, должна была возглавить переход к демократии. Формирование собственного отряда народных избранников в формате Пакистанской мусульманской лиги Каид-и Азама (ПМЛ К) ставило целью придать неконституционному правлению военно-гражданской администрации видимость законности, и тем самым подорвать позиции политической оппозиции. П. Мушарраф воспользовался внутренними разногласиями в политических партиях и настоял, чтобы ряд видных деятелей (перебежчики из ПМЛ Н и ПНП) вступили в ряды ПМЛ К. Одним из первых откликнулся Ч. Элахи, который и возглавил ПМЛ К.

По признанию бывшего руководителя разведки Пакистана, бригадного генерала И. Шаха, генералитет сыграл определенную роль в формировании ПМЛ К, и на него была возложена ответственность за организацию и проведение парламентских выборов 2002 г. Он также подтвердил, что западные страны, в первую очередь США, признав легитимность генерала П. Мушаррафа, его личное участие в военном перевороте 1999 г., настоятельно рекомендовали ему укреплять союз с «либеральными», по их мнению, Пакистанской народной партией и Национальной народной партией, что генерал и сделал²⁰.

Регистрация ПМЛ К открыла дорогу П. Мушаррафу к политическому примирению с оппонентами. Наспех сформированная, партия не имела профессионального опыта, чтобы достойно пройти избирательную гонку и сформировать в дальнейшем центральное правительство, и ей требовалась поддержка.

Генералитет умело использовал разногласия в политических партиях, оказывая давление на одних, возбуждая судебные дела против других или вступая в альянсы с третьими. Раскол в рядах политической оппозиции играл важную роль, способствуя укреплению военно-гражданской администрации.

В преддверии выборов правоведы П. Мушаррафа также разработали проект реформы избирательной системы: Указ о проведении всеобщих выборов 2002 г.; Указ об избирательной комиссии 2002 г.; Указ о политических партиях 2002 г.; Кодекс поведения политических партий 2002 г. В августе 2002 г. Кабинет министров утвердил Полицейский указ. 26 октября 2002 г. президент обнародовал Указ о свободе информации, в соответствии с которым любой гражданин Пакистана был вправе запросить любую информацию или запись в любом государственном органе, за исключением информации, запрещенной Законом²¹. Многие в Пакистане расценили это как шаги в направлении демократии. Новая легистратура была одновременно и реформаторской, и отвечала интересам военных властей. Указ о проведении всеобщих выборов 2002 г. содержал пункт, требовавший от кандидата на выборную должность иметь степень бакалавра или ее эквивалент (по аналогии с выборами в органы местной власти). В итоге сотни партийных работников не смогли принять участие в избирательной кампании.

Обнародованный 28 июня 2002 г. Указ о политических партиях заменил Закон о политических партиях 1962 г. Новая редакция ставила целью формирование новой политической среды. Например, Указ предполагал большее представительство женщин в избирательных процессах. В связи с этим каждой политической партии предписывалось выделить 10% мест для женщин на всеобщих выборах и как минимум 33% – квоту для них в головном выборном органе партии и в каждом партийном комитете. Указ также ставил целью защищать женщин в судебных процессах. Одновременно обновленная редакция статьи 63-й запрещала государственным чиновникам занимать партийные должности, баллотироваться лицу, осужденному за преступление. Это положение было направлено прежде всего против лидеров общенациональных партий – ПМЛ Н и ПНП, экс-премьер-министров

Н. Шарифа и Б. Бхутто соответственно. Поэтому, когда в августе 2002 г. доверенное лицо Б. Бхутто (в то время она находилась за границей) подало документы в Избирательную комиссию на участке NA-207, то они были отклонены.

Новое наступление на политических оппонентов генерал-президент предпринял, подписав Указ об ограничениях занимать государственные должности (июль 2002 г.)²², лимитируя период полномочий премьер-министра только двумя сроками. Указ также блокировал участие экс-премьер-министров Б. Бхутто и Н. Шарифа в избирательной кампании 2001–2002 гг., которые к этому времени дважды возглавляли федеральные правительства в конце 1980-х–1990-х гг. Таким образом, основные конкуренты были исключены из предвыборной гонки. Очередной указ (сентябрь 2002 г.) запрещал возглавлять политические партии лицам, чьи имена по разным причинам не были включены в список кандидатов. Под действие трибунала о дисквалификации попали Шахбаз Наваз (брат Н. Шарифа) и Кульсум Наваз (жена Н. Шарифа).

В преддверии всеобщих парламентских выборов военно-гражданские власти предприняли новое наступление на Конституцию 1973 г. Разработка пакета поправок к Основному закону ставила целью «...обеспечение плавного и упорядоченного перехода к гражданской форме правления и ... восстановление конституции с внесенными в нее поправками». Указ о рамках законной деятельности (УРЗД) подписал генерал П. Мушарраф, глава исполнительной власти, начальник штаба армии 21 августа 2002 г.²³ В Указе сообщалось о проведении всеобщих выборов, внесении поправок в Основной закон и восстановлении действия Конституции 1973 г. Он подтверждал роль военных в политике и управлении страной и предоставлял президенту большие полномочия.

Выборы в нижнюю палату парламента были назначены на 10 октября 2002 г., в верхнюю палату – Сенат – 12 ноября 2002 г., в законодательные собрания провинций – согласно специальному распоряжению главы исполнительной власти.

Указ подтверждал легитимность главы исполнительной власти «...издавать распоряжения о внесении поправок в Основной закон или устранять любые положения, которые он сочтет нужными...»; «...глава исполнительного органа после ухода с

должности ... в соответствии с решением Верховного суда Пакистана от 12 мая 2000 г. немедленно вступает в должность президента Пакистана и занимает должность в течение пяти лет в соответствии с конституцией...» Президент назначает председателя Объединенного комитета начальников штабов, начальника штаба армии, командующего ВМС и командующего ВВС.

Вводились ограничения на членство или формирование политических партий; Указ запрещал лицам, имеющим депутатский мандат, выход из партии и/или переход в другую политическую партию. Одновременно снижался возрастной ценз избирателей. Молодые люди, достигшие возраста восемнадцати лет, получали право голоса. Однако официально деятельность студенческих организаций оставалась под запретом.

Ограничения коснулись и профсоюзов. Указ о производственных отношениях 2002 г. касался вопросов формирования профсоюзных организаций, регулирования отношений между работодателями и работниками. Арбитрами, согласно Указу, выступали назначенные государственными органами лица, которые в первую очередь защищали интересы официальных властей.

Но главное – УРЗД подтверждал легитимность всех указов главы исполнительной власти и далее президента, его распоряжения, т.е. оправдал действия военных в октябре 1999 г. и подтверждал легитимность всех последующих актов и действий военно-гражданских властей.

Полномочия премьер-министра переходили к главе государства, т.е. косвенно избранному президенту П. Мушаррафу, который получил право распускать НА, назначать командующих войсками и судей, включая коллегия судей ВС; полномочия провинциальных собраний были переданы губернаторам, которых также назначал генерал-президент.

Следует также упомянуть о законодательном оформлении реформы избирательной системы согласно УРЗД: был увеличен численный состав законодательных органов (342 депутата Национальной ассамблеи). Десять мест из 342 были зарезервированы для немусульман и 100 членов Сената. Одним из основных нововведений стала отмена куриальной избирательной системы, в основу которой еще при М. Зия-уль-Хаке был заложен религиоз-

ный принцип. Увеличилось число мест в провинциальных собраниях: в Белуджистане – 65, Панджабе – 371, Синде – 168, СЗПП – 124. Каждая провинция самостоятельно устанавливала систему местного самоуправления и передавала политическую, административную и финансовую ответственность и полномочия избранным представителям органов местного самоуправления.

Принципиально новым положением стало включение в текст конституции положения о Совете национальной безопасности. СНБ является органом для консультаций по стратегическим вопросам: суверенитета, целостности и безопасности государства; вопросам, касающимся демократии, управления и межпровинциального согласия; президент страны возглавляет СНБ, в состав которого входят премьер-министр, председатель Сената, спикер НА, лидер оппозиции, главные министры провинций, председатель Объединенного комитета начальников штабов и начальники штабов пакистанской армии, военно-морского флота Пакистана и военно-воздушных сил Пакистана. Широкие полномочия были предоставлены женщинам. В.Н. Москаленко в «Истории Пакистана» писал, что «...таким образом была создана организационная основа перехода к гражданскому правлению»²⁴.

Однако уже в первых числах сентября 2002 г. Указ о рамках законной деятельности вызвал негативную реакцию оппозиционных партий. Депутаты от ПНП и ПМЛ Н заявили, что президент не имеет полномочий единолично вносить какие-либо поправки в конституцию без предварительного одобрения парламентом, и все его указы не что иное, как вызов федерации. В поддержку своих доводов они приводили аргумент, что даже в Указе о возрождении конституции, подписанным бывшим генералом-президентом М. Зия-уль-Хаком, стоял вопрос о 8-й поправке к конституции. Оппозиция подала петицию в ВС с требованием отмены УРЗД. В ответ судебная коллегия ВС одобрила конституционные поправки. Многочисленные президентские указы в конечном счете блокировали представительство оппонентов П. Мушаррафа перед всеобщими парламентскими выборами. И только после введения всех ограничений Избирательная комиссия Пакистана (ИКП) с уведомления ВС разрешила 71 партии принять участие в избирательной кампании.

Немногим позднее, в августе 2002 г., ИКП опубликовала Кодекс поведения политических партий и кандидатов на выборах. 1 сентября 2002 г. власти отменили запрет на политическую деятельность. Оппозиционные партии имели только месяц времени для подготовки к парламентским выборам.

Всеобщие парламентские выборы 2002 г.

Всеобщие выборы в Пакистане состоялись 10 октября 2002 г., и победу ожидаемо одержала партия ПМЛ К. Однако несмотря на всю подготовительную работу, она не смогла получить простого большинства голосов в НА. ПМЛ К получила 78 мест. Заняв сильные позиции и в центре, и в трех из четырех провинций страны, за исключением Северо-Западной пограничной провинции, ее лидеры согласились сформировать коалиционное правительство с ПНП, ПМЛ Н и Народной национальной партией (ННП).

ПНП во главе с Б. Бхутто, проживавшей за границей, получила большинство мест в провинциальном собрании Синда. Сформировать подконтрольное правительство в этой оппозиционной провинции было непросто для федеральных властей. Чтобы гарантировать большинство для правящей ПМЛ К, военно-гражданские власти частично восстановили Конституцию в ноябре 2002 г. Это было сделано, чтобы разрешить десяти членам ПНП перейти в ПМЛ К. Позднее шестеро из них получили портфели в кабинете премьер-министра З. Джамали.

Очередным вызовом федеральным властям стал отказ членов провинциальных собраний Панджаба и Синда присягнуть тексту Указа о рамках законной деятельности, а не Конституции 1973 г. И только со второго раза, в январе 2003 г., законодатели дали присягу УРЗД. Одновременно центральные власти согласились с настоятельной просьбой депутатов повторно принести присягу, но только после восстановления всех статей Конституции 1973 г.

Сформированный ранее оппозиционными партиями альянс Движение за восстановление демократии (ДВД) совместно с адвокатским сообществом вновь выдвинули ряд требований: отменить УРЗД и заставить генерала-президента выполнить обещание оста-

вить военную службу. В июне 2003 г. оппозиция направила петицию в судебные органы. Однако Высокий суд города Лахора подтвердил намерение П. Мушаррафа оставаться на военной службе до даты по своему выбору. В июле 2003 г. адвокаты в знак протеста провели марш протеста по всей стране.

Знаменательным событием в рамках избирательной кампании стала бесспорная победа (52 из 99 мест) в СЗПП альянса шести праворегигиозных партий, объединенных в Мутахида Маджлис-и Амаль (Объединенный совет действия, ММА). Победа улемов позволила им сформировать правительство в провинции²⁵. Альянс занял третью позицию в центре, в Национальной ассамблее (11 %) после ПМЛ К и ПНП, добившись определенного влияния и в нижней палате парламента.

Благодаря полученным 14 местам из 51 возможного ММА также вошел в состав коалиции в Белуджистане, где военно-гражданские власти контролировали формирование коалиционного правительства ПМЛ К / ММА, выполнив ряд условий ММА (освободили из заключения двух бывших членов партии Джамаат-улема-Ислам ФАЗЛ). Альянс отдавал отчет в том, что своим политическим возвышением он обязан покровительству военных властей, но не всегда выполнял указания генералитета. Компромисс требовался от обеих сторон.

ПМЛ К, в отличие от оппозиционных партий, сумела сформировать коалицию с улемами, пойдя на ряд уступок. Придя к власти, П. Мушарраф обещал положить конец религиозному экстремизму в пограничной с Афганистаном Территории племен федерального управления (ТПФУ) и провинции СЗПП. До ввода американо-британского военного контингента в сентябре 2001 г. в соседнюю страну власти Исламабада предприняли ряд мер против праворегигиозных партий. Например, они инициировали план интеграции религиозных медресе с общей системой образования в ответ на их требование ввести законы шариата в СЗПП, что вызвало крайне негативную реакцию.

Начало антитеррористической кампании в Афганистане, ввод американо-британских войск на территорию соседней страны в сентябре 2001 г. улемы Пакистана восприняли как сигнал к антиамериканской и, соответственно, антифедеральной повестке дня,

призывая к вооруженным действиям против иностранных войск в Афганистане, а в Пакистане активно влились в ряды оппозиции, обвиняя П. Мушаррафа в продажности американцам.

В период избирательной кампании 2002 г. ММА выступал с лозунгами исламизации судебной системы и отмену действовавших законов правосудия в Пакистане. Но, несмотря на призывы, военно-гражданские власти были заинтересованы в лояльности хотя бы этой части оппозиции, смирившись с исламистской позицией альянса. Но взамен на благосклонность они предоставили привилегии ММА еще до начала выборов в центральные и провинциальные законодательные органы. Решение Избирательной комиссии Пакистана о признании сертификатов медресе, эквивалентными дипломам образца, утвержденного Министерством образования, позволило большому количеству выпускников религиозных школ, организованных партией Джамаат-улема-Ислам Фазл (ДУИ Ф), принять участие в избирательной кампании в СЗПП и таким образом повысить ставки ММА. В те дни мечети и медресе представляли собой альтернативные пункты для агитации молодежи, которые активно действовали в условиях запрета деятельности студенческих организаций²⁶.

В СЗПП и Белуджистане генерал-президент П. Мушарраф полагался на ММА для противодействия в парламенте оппозиционному Альянсу за восстановление демократии, возглавляемому ПНП и ПМЛ Н. Джамаат-и ислами (ДИ) и Джамаат-и-улема (ДУИ), крупнейшие партии в ММА поддерживали тесные связи с вооруженными силами на протяжении всего периода правления генерала-президента П. Мушаррафа²⁷.

Избранные депутаты приступили к работе в ноябре 2002 г., присягнув тексту Указа о рамках законной деятельности. Спикером НА в феврале 2003 г. был избран Ч. Хуссейн, пост главного министра крупнейшей провинции Панджаб занял П. Елахи – оба из правящей партии. Избранный в октябре 2002 г. депутатский корпус одной из первых резолюций одобрил результаты референдума 2001 г. об избрании генерала П. Мушаррафа на пост президента, но при условии его выхода в отставку. С этого дня начался отсчет его пятилетнего срока полномочий на посту главы государства, который завершился в октябре 2007 г. После

парламентских выборов в октябре 2002 г. Пакистан по форме стал президентско-парламентской республикой, несмотря на то что по сути режим власти оставался военным.

Компромиссное Соглашение между правящей ПМЛ К и ММА от 24 декабря 2003 г. предусматривало, что П. Мушарраф откажется от должности начальника штаба армии не позднее 31 декабря 2003 г. Но незадолго до назначенной даты он выступил по телевидению и радио, пообещав, что покинет пост начальника штаба армии до 31 декабря 2004 г., но конкретно дату назовет позднее.

Заявление П. Мушаррафа вызвало негодование оппозиции. Именно по этой причине была внесена поправка в параграф 7-й Статьи 41-й Конституции 1973 г. «...при условии, что пункт (d) пункта (1) статьи 63 вступает в силу с 31 декабря 2004 г.». Пункт 2 статьи 41-й предусматривает, что лицо, претендующее на пост президента, первоначально должно быть квалифицировано как кандидат для избрания в качестве депутата Национальной Ассамблеи.

Учитывая эту поправку, П. Мушарраф по-прежнему был не вправе занимать одновременно две должности – президента и начальника штаба армии – до и после 31 декабря 2004 г. Он соглашался, но считал, что выполнять президентские функции и одновременно командовать армией – требование переходного периода.

В условиях парламентской демократии лидерство в законодательных органах хотя и принадлежало промушаррафовской ПМЛ К, но ни партия, ни генерал-президент все еще не обладали полнотой конституционной власти. В этих условиях генералитет предпринял новое наступление на конституцию, приступив к разработке 17-й поправки к основному закону страны²⁸.

17-я поправка к Конституции 1973 г. – переход Пакистана к президентской форме правления

Текст Указа о рамках законной деятельности 2002 г. по сути представлял собой минипроект 17-й поправки к Конституции 1973 г., работу над которым команда П. Мушаррафа начала еще в 2001 г. Он был лично заинтересован в новой редакции Основ-

ного закона для дальнейшей легитимизации своих полномочий. Процедура ее одобрения парламентом 29 декабря 2003 г. состояла в том, что подписанный президентом Указ о рамках законной деятельности стал частью Конституции 1973 г. без обсуждения ее депутатами. Поправка вступила в силу 31 декабря 2003 г. Она легитимизовала захват власти военными 12 октября 1999 г., последующие законодательные акты, подписанные генералом П. Мушаррафом, подчеркивая невозможность «поставить под сомнение ни в одном суде или форуме ни на каком основании». Восстановление статьи 58-й (2) (b) вновь, как и при генерале М. Зия-уль-Хаке (8-я поправка к конституции, 1985 г.), ознаменовало переход Пакистана от парламентской к президентской форме правления. Полномочия президента были расширены – он получил право распускать избранный парламент.

Принятие 17-й поправки не оказало влияния на демократические институты и дальнейшее развитие парламентаризма. Наоборот, П. Мушарраф ставил цель ослабить функционирование парламентской системы и ограничить конституционные права премьер-министра настолько это возможно с тем, чтобы лично распоряжаться всем властным ресурсом страны. Пакистанские СМИ стали называть его военным диктатором.

Принятие парламентом 17-й поправки к конституции завершило процесс последовательной трансформации военной администрации в военно-гражданскую. В государственную структуру Пакистана внедрялось руководство вооруженных сил. Поправка фактически завершила переходный этап от нелегитимного захвата власти в 1999 г. к президентской форме правления. Эта система предполагала расширение роли армии, охватывая все гражданское общество. Государственные органы (законодательные, исполнительные и судебные) подверглись манипуляциям и искажениям, чтобы служить интересам и целям П. Мушаррафа и военного ведомства.

1 Proclamation of Emergency October 14, 1999// URL: http://www.pakistan.org/pakistan/constitution/post_12oct99/proclamation_of_emergency_14oct1999.html (дата обращения – 14.10.1999).

- ² Provisional constitutional order // URL: <https://pakistanconstitutionlaw.com/provisional-constitution-order-1999/> (дата обращения – 14.10.1999).
- ³ Proclamation of Emergency October 14, 1999 // URL: http://www.pakistani.org/pakistan/constitution/post_12oct99/proclamation_of_emergency_14oct1999.html (дата обращения – 14.10.1999).
- ⁴ Provisional constitutional order // URL: <https://pakistanconstitutionlaw.com/provisional-constitution-order-1999/> (дата обращения – 14.10.1999).
- ⁵ The National Accountability Ordinance, 1999 // URL: <http://www.molaw.gov.pk/molaw/userfiles1/file/MOLAW/NABORDINANCE-1999.pdf>
- ⁶ the National Accountability Ordinance, 1999 (No.XVIII of 1999) // URL: https://www.sbp.org.pk/l_frame/NAB_Ord_1999.pdf (дата обращения – 26.03.2010).
- ⁷ Oath of Office (Judges) Order, 1999 Order No. 10 of 1999// URL: <https://pakistan-constitutionlaw.com/oath-of-office-judges-order-1999/> (дата обращения – 31.12.1999).
- ⁸ The Oath of Office (Judges) Order, 1999 (Repealed)// URL: <http://nasirlawsite.com/laws/ojo1999.htm> (дата обращения – 31.12.1999).
- ⁹ Oath of Office (Judges) Order, 2000. The Oath of Office (Judges) Order // URL: <http://nasirlawsite.com/laws/ojo2000.htm> (дата обращения – 25.01.2000).
- ¹⁰ CHIEF JUSTICES OF PAKISTAN // URL: <http://emergingpakistan.gov.pk/pakistan/general-information/chief-justices-of-pakistan/>
- ¹¹ Supreme Judicial Council // URL: <http://www.supremecourt.gov.pk/web/page.asp?id=335>
- ¹² Chief Executive Order No. 10 of 2000. 14. 11. 2000. An Order further to amend the Provisional Constitution Order No. 1 of 1999. http://www.pakistani.org/pakistan/constitution/post_12oct99/ce10_2000.html (дата обращения – 14.11.2000).
- ¹³ Long R.D. A History of Pakistan. Oxford University Press. 2015. P. 694.
- ¹⁴ Musharraf firm on election timetable // URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/1242032.stm (дата обращения – 25.03.2001).
- ¹⁵ Long R.D. Op. cit. P. 694.
- ¹⁶ Musharraf 'forced out' president // URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/1400383.stm (дата обращения – 21.06.2001).
- ¹⁷ The Conduct Of General Elections Order, 2002 // URL: https://publicofficialsfinancialdis closure.worldbank.org/sites/fdl/files/assets/law-library-files/Pakistan_Conduct%20Of%20General%20Elections%20Order_2002_en.pdf (дата обращения – 31.07.2002).
- ¹⁸ Legal Framework Order, 2002, 3.Amendment of the Constitution and removal of difficulties // URL: http://www.pakistani.org/pakistan/constitution/musharraf_const_revival/lfo.html (дата обращения – 21.07.2002).
- ¹⁹ The Constitution of Pakistan, Second Schedule Election of President Article 41(3)// URL: <http://www.pakistani.org/pakistan/constitution/schedules/schedule2.html>
- ²⁰ Ijaz Shah says he opposed Musharraf-Bhutto deal // URL: <https://tribune.com.pk/story/2004232/1-benazir-murder-charge-politically-motivated-ijaz-shah/> (дата обращения – 02.07.2019).
- ²¹ The Conduct of General Elections Order 2002 // URL: <https://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/96214/113651/F1497294124/PAK96214.pdf> February 27, 2002.

²² the Qualification to Hold Public Offices Order 2002 // URL: <https://pakistanconstitutionlaw.com/category/15-the-qualifications-to-hold-public-offices-order-2002/> (дата обращения – 06.07.2002).

²³ Legal Framework Order, 2002 Chief Executive's Order No. 24 of 2002 // URL: http://www.pakistani.org/pakistan/constitution/musharraf_const_revival/lfo.html (дата обращения – 21.08.2002).

²⁴ Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н. История Пакистана. XX век. М., 2008. С. 417.

²⁵ Pakistan: The Mullahs and the Military// URL: <https://www.crisisgroup.org/asia/south-asia/pakistan/pakistan-mullahs-and-military> (дата обращения – 20.03.2003)

²⁶ Did govt strike deal with MMA? // URL: <https://www.dawn.com/news/75254> (дата обращения – 30.12.2002).

²⁷ Pakistan: The Mullahs and the Military// URL: <https://www.crisisgroup.org/asia/south-asia/pakistan/pakistan-mullahs-and-military> (дата обращения – 20.03.2003).

²⁸ The Constitution (17seventeenth amendment) act, 2003 // URL: <http://www.pakistani.org/pakistan/constitution/amendments/17amendment.html> (дата обращения – 30.12.2003).

В. В. Воробьев*

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНОЙ ВЕТВИ ВЛАСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОГО ПАКИСТАНА

Резюме: В статье прослеживается эволюция роли и значения в Пакистане такого неотъемлемого элемента современной политической системы, как судебная ветвь власти, которая за последние годы превратилась в один из весомых центров силы. С восстановлением конституционно-парламентской демократии Верховный суд (ВС) как высшая судебная инстанция во главе с ее председателем стал ключевым звеном в традиционной для периодов гражданских правлений конфигурации «троевластия», выступая в роли эффективного противовеса влиянию других игроков. В то время как страну раз за разом сотрясали кризисы, в том числе и вследствие обострения противоборства по линии «правлящая партия – оппозиция», ВС Пакистана выполнял функции арбитра, к которому апеллировали стороны конфликта. Нередко судебные вердикты приводили к ослаблению позиций гражданской администрации. Тем не менее деятельность судебной ветви власти была нацелена на обеспечение верховенства закона и неприкосновенности конституционного порядка.

Ключевые слова: Верховный суд, движение юристов, Указ о национальном примирении, «Мемогейт», Национальное бюро отчетности, Пакистанская народная партия, Пакистанская мусульманская лига (Н), Техрик-е-Инсаф.

Summary: The article examines the evolution of the role and significance in Pakistan of such an indispensable element of the modern political system as the judiciary which has turned into one of influential powerbrokers in recent years. Since the restoration of constitutional and parliamentary democracy

* Воробьев Владислав Владиславович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник ИВ РАН

as the highest judicial authority the Supreme Court headed by Chief Justice has become a key actor within the triple power structure which is traditional for the periods of civilian rule, an effective counterweight to the executive branch. While the country was periodically shaken by crises, partly due to escalating confrontation between ruling party and opposition, Pakistan's SC acted as an arbiter to which conflict parties appealed. Frequently the Court's verdicts led to weakening of civil administration's positions. Nevertheless activities of the judiciary were aimed at enforcing the rule of law and maintaining the integrity of the constitutional order.

Key world: *Supreme Court, lawyers' movement, National Reconciliation Ordinance, «Memogate», National Accountability Bureau, Pakistani Peoples Party, Pakistan Muslim League (Nawaz), Tehreek-e-Insaf.*

Судебная система Пакистана имеет давнюю историю и уходит своими корнями во времена Британской Индии. На территории компактного проживания мусульман на северо-западе полуострова Индостан с ее переходом под британский контроль стали возникать институты отправления правосудия, аналогичные тем, что уже функционировали на его остальной части. В 1866 г. был учрежден Главный суд провинции Панджаб, который в начале XX в. был повышен в своем статусе до уровня Высокого суда г. Лахор. В последние годы существования британской администрации в таких крупных городах, как Карачи, Кветта и Пешавар, функционировали Главный суд провинции Синд и суды судебных комиссаров с широкими полномочиями в сфере судопроизводства¹. После раздела Индии независимый Пакистан унаследовал уже сложившуюся структуру судебных органов. Однако по своей сущности она в значительной степени отличалась от британской модели, которая предполагает весомую роль судебной ветви в рамках парламентской демократии, а именно в механизме сдержек и противовесов. Позиции пакистанских судов были настолько слабы, что они не могли осуществлять контроль над выполнением всеми государственными институтами их четко установленных нормативно-правовой базой функций и гарантировать устойчивое конституционно-демократическое развитие страны. В силу как объективных, так и субъективных факторов военные в союзе с многочисленной когортой чиновников оказывали существенное влияние на политические процессы внутри

государства. В течение довольно длительного периода в истории Пакистана – порядка трех десятилетий – армия осуществляла непосредственное государственное управление. При этом высшая судебная инстанция – Верховный суд (ВС) страны – своими вердиктами по итогам рассмотрения различного рода петиций со стороны представителей общественности признавала легитимность пребывания у власти высшего армейского командования. Так продолжалось вплоть до последних лет правления военного режима генерала П. Мушаррафа (1999–2008), когда впервые в истории Верховный суд страны бросил вызов могущественной армии и возглавил широкомасштабное антиправительственное движение, что послужило прологом к восстановлению конституционно-парламентской демократии в Пакистане.

Упомянутые события тесным образом связаны с именем судьи Ифтихара Мухаммада Чоудхри, который был назначен в июне 2005 г. П. Мушаррафом на пост председателя ВС страны. За время работы И.М. Чоудхри проявил излишнюю самостоятельность² и стал представлять угрозу военному режиму. 9 марта 2007 г. по обвинению в должностных нарушениях и злоупотреблении служебным положением он был отстранен президентом от исполнения своих обязанностей. Дело об отстранении Чоудхри стало предметом рассмотрения высших судебных органов – Верховного суда и созываемого в чрезвычайных обстоятельствах Высшего юридического совета; последний состоит из главного судьи (в данном случае – из исполняющего его обязанности), двух членов Верховного суда, имеющих наибольший стаж работы в этом органе, и двух старших по стажу председателей Высоких судов провинций³. Решение данной проблемы заняло более четырех месяцев. Отстранение Чоудхри спровоцировало мощную волну антиправительственного движения, в котором принимали участие широкие слои населения, с требованиями отставки П. Мушаррафа. В ходе протестных акций укрепилось сотрудничество основных оппозиционных политических партий и организаций. 5 мая И.М. Чоудхри совершил триумфальную поездку из Исламабада в Лахор в автокортеже из 2000 транспортных средств, что свидетельствовало о степени народной поддержки бывшего судьи⁴. 20 июля Верховный суд своим

решением восстановил И.М. Чоудхри в должности председателя. Несомненно, это был серьезный удар по президенту и его окружению. Таким образом, впервые за всю историю страны судебная власть и движение юристов сумели заявить о себе как о серьезной и самостоятельной политической силе. С этого момента ВС стал играть более активную роль в системе сдержек и противовесов и, что немаловажно, в отношении исполнительных органов власти.

Очередное противостояние исполнительной и судебной ветвей власти разразилось сразу после президентских выборов в октябре 2007 г. Несмотря на формальную победу П. Мушаррафа, Верховный суд не позволил Избирательной комиссии официально объявить итоги выборов до момента рассмотрения петиций, поданных против генерала-президента. Время шло, а решение по данному вопросу не принималось. Согласно Конституции Пакистана, в середине ноября новый президент должен был приступить к исполнению своих обязанностей, а его все так и не было. Верховный суд то ли захотел затянуть принятие решения до последнего момента, чтобы, поторговавшись с П. Мушаррафом, вынести положительный для него вердикт перед самым его вступлением в должность, то ли под влиянием субъективных факторов намеривался отказать ему в праве участвовать в выборах. В сложившихся условиях власти не стали рисковать: 3 ноября 2007 г. было объявлено о введении чрезвычайного положения. Наряду с множеством ограничений и запретов, налагаемых на политическую деятельность внутри страны, власти требовали от членов высших судебных органов принести присягу фактически на верность президенту. Часть судей, включая председателя Верховного суда И.М. Чоудхри, отказались это делать. Лишь меньшая часть членов ВС и провинциальных Высших судов принесла требуемую присягу. Таким образом, произошло беспрецедентное обновление всей верхушки судебной системы страны, к чему и стремилась власть⁵.

Как считало руководство, режим ЧП должен был изменить положение дел в его пользу. Однако этого не произошло. По стране прокатилась волна протестов. Под давлением широкого оппозиционного движения и западных партнеров П. Мушар-

раф был вынужден отменить режим чрезвычайного положения и уйти с поста начальника штаба сухопутных войск. С утратой контроля над вооруженными силами страны президент лишился своей главной опоры. Теперь дни президентства Мушаррафа были сочтены.

После парламентских выборов 2008 г., на которых убедительную победу одержали оппозиционные партии, стали вырисовываться контуры новой власти. П. Мушарраф продолжал занимать пост президента страны. Новыми центрами силы стали коалиционное правительство Пакистанской народной партии, опиравшееся на поддержку парламента страны, и лидер партии Пакистанская мусульманская лига (Н) Наваз Шариф, располагавший большинством голосов в Законодательном собрании крупнейшей провинции Панджаб. Еще одной влиятельной фигурой выступал новый начальник штаба сухопутных войск Ашфак Парвез Кияни. Судебная ветвь власти функционировала в том составе, который принес присягу президенту в период ЧП. Бывший председатель ВС И. М. Чоудхри в союзе с ПМЛ(Н) и при опоре на движение юристов продолжал вести борьбу за восстановление в своей прежней должности. С уходом в отставку П. Мушаррафа и избранием президентом сопредседателя ПНП Асифа Али Зардари в сентябре 2008 г. новая власть не торопилась с решением данного вопроса, так как оно влекло за собой пересмотр ряда указов военного режима, изданных прежде всего в период ЧП, что, в свою очередь, также могло поставить под сомнение легитимность тогдашней гражданской администрации.

В феврале–марте 2009 г. в Пакистане развернулась антиправительственная кампания под руководством Н. Шарифа и И. М. Чоудхри. Поводом к выступлению послужило решение Верховного суда о запрете Н. Шарифу и его брату Шахбазу занимать государственные должности в связи с уголовными делами, заведенными против них в период правления П. Мушаррафа. В соответствии с судебным вердиктом Ш. Шариф был отстранен от занимаемого им поста главного министра правительства провинции Панджаб. Оппозиция считала, что за этими событиями стоял А. А. Зардари, который стремился подорвать позиции своего главного политического оппонента. На фоне массовых беспорядков

с участием сторонников ПМЛ(Н) в Панджабе Н. Шариф принял решение о проведении совместного с движением юристов марша на Исламабад. Во избежание эскалации противоборства власти пошли на уступки требованиям протестующих и приняли решение о восстановлении в должности «опального» судьи. Уже после смены руководства Верховный суд Пакистана снял с Н. Шарифа и его брата запрет на занятие государственных должностей.

С возвращением И.М. Чоудхри на свой прежний пост ВС сосредоточился на том, чтобы создать правовую основу для судебного преследования экс-президента П. Мушаррафа. 31 июля 2009 г. суд принял решение о признании неконституционности введения чрезвычайного положения бывшим военным правителем, что стало серьезным вызовом особому и привилегированному статусу армейской верхушки. Данный вердикт подразумевал наказание для него в связи с обвинением в госизмене, так как в соответствии с конституцией каждый признается виновным в случае ее нарушения⁶. Добившись приговора для Мушаррафа, судебная власть сумела бы «проучить» армию, «поставить ее на место». Несмотря на решительную позицию ВС, ситуация стала развиваться по иному пути. Гражданское правительство, выступив вначале в поддержку судебного процесса против экс-президента, пересмотрело свою позицию: премьер-министр Юсуф Реза Гилани не стал давать согласия на рассмотрение соответствующей резолюции в парламенте⁷.

16 декабря 2009 г. Верховный суд вынес вердикт о признании незаконным Указа о национальном примирении, который был издан при генерале-президенте П. Мушаррафе и предоставлял «иммунитет» от судебного преследования целому ряду политических деятелей высшего ранга, в том числе А.А. Зардари, обвиненных в коррупции, растрате и отмывании денег в период с 1 января 1986 г. по 12 октября 1999 г. Данное решение делало возможным возобновление судебных процессов против немалого числа представителей гражданской администрации⁸. Итак, в стране сложились предпосылки для досрочной отставки президента и правительства, при этом совершенно законным путем. Позиции новой власти были довольно шаткими, что подтверждал и дальнейший ход событий.

В октябре 2011 г. в стране разразился политический скандал, получивший в местных СМИ название «Мемогейт». В центре скандала оказался некий американский гражданин пакистанского происхождения Мансур Иджаз. Согласно его официальному заявлению, он якобы по просьбе тогдашнего посла Пакистана в США Хуссейна Хаккани передал адмиралу Майклу Маллену (на тот момент председателю Объединенного комитета начальников штабов США) меморандум, в котором выражалась озабоченность пакистанского правительства по поводу возможности очередного военного переворота после американской операции по устранению У. бен Ладена в Абботтабаде в мае 2011 г. Посредством секретного меморандума президент Пакистана пытался заручиться поддержкой администрации США и полностью заменить командование армией на лояльных назначенцев. В сложившихся условиях Верховный суд страны поспешил заверить в недопустимости легитимизации постфактум любого государственного переворота судебными органами власти⁹. Тем самым ВС гарантировал защиту гражданскому правительству от неконституционного свержения со стороны армии, в то время как генералитет был явно недоволен действиями президента и премьера. Вопрос о заговоре военных стал предметом рассмотрения высшей судебной инстанции, которая учредила специальную комиссию в целях расследования обстоятельств данного дела и подготовки соответствующего доклада. По итогам своей работы комиссия пришла к выводу, что бывший посол в США Х. Хаккани был инициатором и автором секретного меморандума и в связи с этим действовал не в интересах страны. Таким образом, гражданская администрация и армия, несмотря на очевидную причастность к скандалу, сумели «выйти сухими из воды» и избежать уголовной ответственности.

В то же время правительство, сумев пережить упомянутый кризис, не смогло окончательно уйти из-под удара. Такое положение дел было обусловлено тем, что Верховный суд страны продолжал играть взятую на себя роль «вершителя судеб» и был непреклонен в вопросе обеспечения исполнения своих вердиктов. В январе 2012 г. ВС Пакистана инициировал судебное слушание против премьера Ю. Р. Гилани по обвинению в неува-

жении к суду. Предлогом послужил отказ премьер-министра со ссылкой на действие президентского иммунитета¹⁰ обратиться в швейцарский суд с просьбой о возобновлении уголовного дела в отношении А. А. Зардари, замешанного в целом ряде коррупционных дел, на основании вынесенного вердикта о незаконности Указа о национальном примирении от 5 октября 2007 г. Ранее ВС предписал главе правительства направить запрос властям Швейцарии с тем, чтобы последние вновь начали коррупционное разбирательство в отношении президента¹¹. Решение Верховного суда о лишении Ю. Р. Гилани мандата парламентария «за неуважение к суду» автоматически (согласно конституции) лишило его премьерского поста. Тем не менее отставка премьера не повлекла за собой смену кабинета министров. Правящая партия ПНП сохранила за собой власть и обеспечила избрание своего представителя Раджи Первеза Ашрафа на пост главы правительства. Однако при приближении очередных парламентских выборов новый премьер так же, как и его предшественник, оказался в фокусе внимания Верховного суда. В январе 2013 г. ВС постановил арестовать Ашрафа по обвинению во взяточничестве на момент занятия им должности министра водных ресурсов и энергетики (2008–2011). Решение суда получило широкий резонанс в обществе. 13 января под руководством богослова барельвийской школы¹² Мауланы Тахира уль-Кадри был организован длинный марш из Лахора в Исламабад с участием около 30 тыс. человек с требованиями отставки действующего «корруптированного» правительства. Тем не менее кризисная ситуация была улажена, а кабинет министров ушел в отставку по истечении предусмотренного конституцией срока полномочий, проработав весь положенный пятилетний период.

В ходе дальнейших событий судебная ветвь власти неоднократно напоминала о своем интересе и участии в политическом процессе. Так, в марте 2013 г. по решению суда П. Мушарраф, который вернулся в Пакистан из добровольного изгнания для участия в парламентских выборах, был лишен данного права и взят под домашний арест¹³. Впервые в истории государства против бывшего военного правителя были заведены несколько уголовных дел, что вынудило его в очередной раз покинуть страну.

Серьезные нарушения на выборах в мае 2013 г., отмечаемые в отдельных избирательных округах, давали повод некоторым политическим силам ставить под сомнение законность победы Пакистанской мусульманской лиги Наваза Шарифа. Лидер партии Техрик-е-Инсаф (ТИ) Имран Хан, которая продемонстрировала второй после ПМЛ(Н) результат, отказался признавать итоги голосования. В декабре 2013 г. он направил в Верховный суд страны прошение о проверке бюллетеней в четырех избирательных округах. В августе 2014 г. ТИ организовала масштабный антиправительственный марш своих активистов на Исламабад совместно со сторонниками клерикала Мауланы Тахира уль-Кадри. И. Хан требовал от властей проведения расследования случаев злоупотреблений в ходе выборов 2013 г. Кампания растянулась на несколько месяцев и привела к серьезному ослаблению позиций гражданского правительства, которому пришлось обратиться за поддержкой к своему традиционному антагонисту – армии.

Последнее слово в вопросе о легитимности премьерства Н. Шарифа оставалось за высшей судебной инстанцией. В результате договоренности, достигнутой между оппозицией и правительством, была сформирована судебная комиссия под руководством председателя Верховного суда Насирула Мулька. В июле 2015 г. был обнародован доклад комиссии, в котором подтверждалось, что выборы 2013 г. в целом были справедливыми и проведены в соответствии с законом, несмотря на некоторые упущения со стороны Избирательной комиссии¹⁴. Таким образом, была поставлена точка в длительном противостоянии оппозиции и правительства по вопросу о легитимности прихода к власти партии ПМЛ(Н). Однако это не означало, что И. Хан полностью отказался от своей прежней тактики ведения жесткой и бескомпромиссной борьбы против Н. Шарифа при опоре на «улицы».

Новым предлогом к активным действиям послужила информация, обнародованная в апреле 2016 г. организацией Международный консорциум журналистов, занимающейся расследованиями данных панамской юридической компании «Моссак Фонсека» о принадлежности отдельным политикам и высокопоставленным чиновникам ряда стран оффшорных счетов. Согласно

раскрытым документам, в распоряжении детей действующего премьера находились несколько оффшорных компаний, активы которых не упоминались в декларации о доходах семьи. Лидер ТИ И. Хан потребовал незамедлительной отставки Шарифа. Впоследствии было объявлено об организации 2 ноября в Исламабаде антиправительственной акции протеста с участием активистов партии. Однако проведение масштабного выступления было отменено вслед за решением Верховного суда об инициировании на основании петиции Хана расследования обвинений Шарифа в финансовых злоупотреблениях¹⁵.

По результатам расследования специальной комиссии 28 июля 2017 г. ВС страны принял решение о лишении премьера депутатского мандата, обвинив его в «нечестности» (сокрытии данных о своих доходах в оффшорных компаниях); согласно конституции, пост премьера может занимать только избранный член парламента. Суд предписал Национальному бюро отчетности¹⁶ провести расследование в отношении Н. Шарифа и его детей по обвинению в коррупции¹⁷. В третий раз за время своей политической карьеры Наваз Шариф был досрочно отстранен от занимаемой должности премьера. Новым главой правительства был избран его ближайший сподвижник – министр нефти и природных ресурсов Шахид Хакан Аббаси. Таким образом, как и в случае с предыдущим правительством ПНП, ПМЛ(Н) сохранила с незначительными изменениями и перестановками свой кабинет министров, а проведение новых выборов было запланировано на период после завершения срока его полномочий.

В преддверии очередных выборов 2018 г. экс-премьер Шариф стремился сохранить за собой рычаги политического влияния. В октябре его партия обеспечила принятие парламентом законопроекта о выборах, позволявшего лицам, отстраненным от занятия государственных должностей, возглавлять политические партии и участвовать в выборах. На следующий день после голосования Н. Шариф был вновь переизбран председателем партии. Однако в феврале 2018 г. Верховный суд лишил его права занимать соответствующую должность, а уже в апреле вынес вердикт, согласно которому Н. Шариф не может участвовать в политической деятельности либо занимать какой-либо

государственный пост пожизненно в связи с нарушением статьи 62-й¹⁸ конституции страны. Помимо этого, позиции бывшего премьера пошатнули судебные решения от июля и декабря 2018 г., согласно которым он был приговорен к 10 и 7 годам тюремного заключения по двум уголовным делам о коррупции. Примечательно, что первый приговор был вынесен и стал приводиться в исполнение незадолго до парламентских выборов, что не могло не повлиять на их итог.

Фиаско Н. Шарифа сыграло на руку второй по популярности на тот момент партии – Техрик-е-Инсаф. В ходе выборов ТИ со значительным отрывом от ПМЛ(Н) одержала победу на национальном уровне. Партия Хана сумела размыть электоральную базу Пакистанской мусульманской лиги Наваза Шарифа в провинции Панджаб, где она традиционно пользуется поддержкой значительной части избирателей, продемонстрировав второй по числу голосов показатель, и сохранить свои позиции в провинции Хайбер-Пахтунхва¹⁹. Уже во второй раз в стране произошел исторически важный процесс легитимного перехода власти от одного гражданского правительства к другому, что весьма немаловажно с учетом свойственной пакистанской политической системе крайней неустойчивости.

За время существования Пакистана роль судебной власти в значительной степени трансформировалась, а значимость Верховного суда в системе органов государственной власти заметно усилилась. На протяжении большей части истории страны сфера самостоятельной деятельности судов была весьма ограничена. Зачастую могущественный военно-бюрократический альянс использовал их в качестве инструмента достижения своих политических целей, прежде всего обеспечения легитимности военных режимов. Все это предопределило зависимое и подчиненное положение судебной власти по отношению к исполнительной. Процесс утверждения ее независимого статуса начался с борьбы юридического сообщества против военного режима П. Мушаррафа за восстановление в должности незаконно отстраненного председателя Верховного суда И. М. Чоудхри. Именно движение юристов послужило главной опорой масштабной антиправительственной кампании, которая сыграла роковую роль в

судьбе последнего военного диктатора и подвела черту под его 9-летним правлением. С этого момента наметилась устойчивая тенденция к превращению ВС Пакистана в один из весомых центров силы.

После восстановления гражданского правления и ухода с поста П. Мушаррафа «опальный» судья при поддержке своих сторонников и партии ПМЛ(Н) сумел добиться повторного восстановления в прежней должности. Это стало отправной точкой для активизации деятельности судебных органов власти с тем, чтобы дать юридическую оценку отдельным нормативно-правовым актам предшествующего военного режима, некоторые из которых напрямую затрагивали интересы действующего на тот момент президента А. А. Зардари. Верховный суд начал выступать в роли эффективного противовеса влиянию исполнительной власти, интегрировавшись в традиционную для парламентской демократии пакистанского типа конфигурацию власти в форме так называемого «троевластия». В конкретном случае «тройка» подразумевала взаимодействие и противоборство таких звеньев, как президент, начштаба армии и председатель ВС. На определенных этапах действия Верховного суда отвечали интересам военных, которые стремились оказывать воздействие на политический процесс «из-за кулис». Несмотря на это, как это было продемонстрировано во время скандала «Мемогейт», высшая судебная инстанция гарантировала защиту гражданской администрации от любых попыток открытого вмешательства армии и государственного переворота. Во многом благодаря этому впервые в истории правящая партия сумела удержать бразды правления вплоть до очередных парламентских выборов, которые были проведены в установленные конституцией сроки.

Смена руководства Верховного суда в связи с уходом со своего поста И. М. Чоудхри уже при новом правительстве ПМЛ(Н) никак не отразилась на его дальнейшей деятельности. Судебная власть продолжала играть роль «арбитра», к которому апеллировали определенные политические силы при возникновении острых кризисных ситуаций. В ходе противоборства оппозиции и правительства решающий голос всегда оставался за ВС

страны. Политический провал Н. Шарифа к концу его правления и законный переход власти к сформированному по итогам выборов кабинету министров партии ТИ подтверждали тот факт, что Верховный суд намерен неукоснительно выполнять возложенные на него функции и гарантировать соблюдение конституционного порядка.

¹ Dr Hussain, Faqir. The Judicial System of Pakistan / Dr Faqir Hussain. P. 4–5. Mode of access: http://www.supremecourt.gov.pk/web/user_files/file/thejudicialsystemofpakistan.pdf (Accessed 28.01.2019).

² В 2006 г. особый общественный резонанс получило дело о приватизации крупнейшего государственного металлургического предприятия Pakistan Steel Mills Corporation (Pvt.) Limited. Несмотря на решение пакистанского правительства о продаже акций корпорации, Верховный суд страны во главе с И.М. Чоудхри приостановил данный процесс, признав тот факт, что установленная стоимость была преднамеренно занижена и значительно меньше реальной рыночной цены. Наряду с этим судья Чоудхри снискал себе популярность в связи с расследованием злоупотреблений правоохранительных органов и спецслужб в ходе контртеррористических операций в зоне пуштунских племен и Белуджистане, а именно насильственных исчезновений гражданских лиц, которых, вероятнее всего, либо убивали, либо незаконно держали под арестом на секретных базах.

³ Москаленко В. Н., Топычканов П. В. Пакистан: президентские выборы 2007 г. и современная политическая ситуация // Ближний Восток и современность. Вып. 35. М., 2008. С. 184–185.

⁴ Subramanian N. From Lahore to Karachi – Musharraf's crisis / N. Subramanian // The Hindu. 19 May 2007.

⁵ Москаленко В. Н., Топычканов П. В. Указ. соч. С. 184–185.

⁶ The Constitution of the Islamic Republic of Pakistan / Part I / Introductory / Article 6. High treason. P. 4–5.

⁷ Asghar, Raja. PM rules out Musharraf's treason trial / Raja Asghar // The Dawn, Internet edn. [Electronic resource]. 20 August 2009. Mode of access: <http://www.dawn.com/news/485293/pm-rules-out-musharrafs-treason-trial> (Accessed 04.03.2015).

⁸ Walsh, Declan. Pakistan denies coup as court ruling rocks Zardari government / Declan Walsh // The Guardian. 18 December 2009. Mode of access: <http://www.theguardian.com/world/2009/dec/17/pakistan-exit-ban-corruption> (Accessed 01.02.2019).

⁹ Raman B. Back to the past in Pakistan / B. Raman // The Pioneer. 27 December 2011.

¹⁰ Согласно статье 248-й Конституции Пакистана, президент обладает иммунитетом от судебного преследования. The Constitution of the Islamic Republic of Pakistan / Part XII / Chapter 4. – General / Article 248. P. 147.

¹¹ Более подробно см.: Филимонова А.Л. Пакистан: усиление политического влияния Верховного суда // Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке (Афганистан, Иран, Пакистан, Турция, этнический Курдистан, соседние мусульманские районы). М., 2014. С. 119.

¹² Последователи барельвийской школы представляют так называемый «народный ислам», сосредоточенный главным образом в сельской местности. Неотъемлемой его частью являются вера в местных религиозных авторитетов и мистические представления.

¹³ Crylli, Rob. Pervez Musharraf placed under house arrest / Rob Crylli // The Telegraph, Internet edn. [Electronic resource]. – 19 April 2013. – Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/asia/pakistan/10005061/Pervez-Musharraf-placed-under-house-arrest.html> (Accessed 25.02.2015).

¹⁴ Haider, Irfan. JC finds elections «fair and in accordance with law» / Irfan Haider // The Dawn, Internet edn. [Electronic resource]. 23 July 2015. Mode of access: <https://www.dawn.com/news/1195875> (Accessed 04.02.2018).

¹⁵ Masood Salman. Pakistani Opposition Leader, Imran Khan, calls off protest / Salman Masood // The New York Times [Electronic resource]. 1 November 2016. – Mode of access: https://www.nytimes.com/2016/11/02/world/asia/pakistan-protests-imran-khan.html?_r=0 (Accessed 20.01.2017).

¹⁶ Государственное учреждение, специализирующееся на борьбе с финансовыми махинациями и коррупцией, а также противодействию экономическому терроризму.

¹⁷ Bokhari, Farhan, Kazmin, Ami. Nawaz Sharif ousted as Pakistan's Premier in corruption case / Farhan Bokhari, Ami Kazmin // Financial Times [Electronic resource]. 28 July 2017. Mode of access: <https://www.ft.com/content/b5b046de-7368-11e7-aca6-c6bd07df1a3c> (Accessed 01.02.2019).

¹⁸ В данной статье перечислен целый ряд требований, предъявляемых к депутатам Маджлис-и Шура (парламент). Среди прочего, народный избранник должен быть честным и искренним. The Constitution of the Islamic Republic of Pakistan / Part III / Chapter 2 – The [Majlis-e-Shoora (Parliament)] / Article 62. P. 33–34.

¹⁹ Chaudhry, Fahad. PTI largest party with 115 NA seats as ECP releases final tally two days after polls / Fahad Chaudhry // The Dawn [Electronic resource]. 29 July 2018. – Mode of access: <https://www.thedailystar.net/pakistan-elections-2018/pakistan-polls-pti-wins-115-na-seats-ecp-releases-final-tally-1612483> (Accessed 03.02.2019).

Я.-В. Ю. Процаков*
(Белоруссия)

КОНФЛИКТ В БЕЛУДЖИСТАНЕ: КРАТКАЯ ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП

Резюме: Конфликт на территории Белуджистана продолжается уже более 70 лет и сегодня представляет непосредственную угрозу для безопасности как Пакистана, так и соседних стран. В основе данной проблемы лежат нежелание политических элит учитывать интересы белуджей, архаичность социального уклада местного населения и игнорирование потребностей региона в социально-экономическом развитии. Силовые методы, используемые властями, еще более усилили враждебность белуджей, а разработанный комплекс мер по урегулированию так и остался нереализованным. Сегодня данная проблема также приобретает новую грань – распространение религиозного экстремизма, из-за чего необходимость примирения националистов и государства становится весьма актуальной.

Ключевые слова: Белуджистан, Пакистан, терроризм, белуджский национализм, экстремизм, восстание белуджей, алчность и недовольство.

Summary: The conflict in Balochistan, which started almost more than 70 years ago, today poses an immediate threat to the security of Pakistan, as well as neighboring states. The problem is rooted within the reluctance of the political elites to take into account the interests of the Baloch people, archaic social structures of the local population, and neglect of the needs of the region for socio-economic development. The use of force by the government has increased the hostility of the Baloch towards it even more, with the set of measures worked out for settlement having remained unfulfilled. Today this problem is acquiring another dimension, that is the spread of religious extremism and the infiltration of IS fighters to the area,

* Процаков Ян-Витовт Юрьевич – магистрант МГИМО(У) МИД РФ

which makes the need for rapprochement between the state and nationalists even more urgent.

Key words: *Balochistan, Pakistan, terrorism, Baloch nationalism, extremism, Baloch insurgency, greed and grievance.*

Конфликт в пакистанском Белуджистане имеет давнюю историю и длится с момента образования Пакистана. Созданное в 1947 г. по признаку принадлежности большинства населения к мусульманам, государство включило в себя множество этнических групп. Пока, на наш взгляд, ему еще не удалось добиться создания полноценной гражданской нации и сгладить межэтнические противоречия. В отечественной науке проблему белуджского национального движения детально изучали Ю. В. Ганковский, Б. Ибрагимов и др. Процессы, протекающие в Белуджистане, зачастую отходят на второй план по сравнению с индийско-пакистанскими противоречиями, более острым противостоянием в пуштунском ареале, войной в Афганистане и деятельностью исламистских террористических организаций в Пакистане. Тем не менее обстановка в рассматриваемом регионе имеет непосредственное влияние как на Пакистан, так и на соседние страны. Для Пакистана выступления белуджей в богатом природными ресурсами регионе является препятствием на пути к улучшению политической и социально-экономической ситуации в стране. Для Ирана и Афганистана, на чьих территориях также проживают белуджские племена, развитие событий в Пакистане имеет серьезное значение. В последние годы все более серьезные геэкономические интересы Китая в данном регионе заставляют его обращать внимание на действия вооруженных белуджских группировок.

В статье анализируются основные причины и факторы, события, которые на разных исторических этапах, вплоть до настоящего времени, способствовали отчуждению населения провинции Белуджистан и росту вооруженного сопротивления. Вопрос также состоит в том, почему Пакистан, созданный как государство для мусульман, не сумел успешно интегрировать эту достаточно гомогенную в религиозном плане область, имеющую стратегическое значение, а, наоборот, допустил возникновение очага исламского терроризма и межрелигиозного насилия.

Условия и факторы возникновения конфликта

Пакистанский Белуджистан занимает территорию более 340 000 км² и является частью более обширного региона Белуджистан, разделенного между Ираном, Пакистаном и Афганистаном. По данным переписи 2017 г., население провинции составляет 12,3 млн человек (около 6% населения Пакистана), причем с 1998 г. наблюдается самый высокий годовой прирост населения (3,37%) по сравнению с остальной страной¹. Провинция не является этнолингвистически гомогенной, поскольку титульная этническая группа белуджей составляет лишь чуть более 50% населения, при этом их доля в населении постепенно падает². В свою очередь, наблюдается рост доли пуштунов, что во многом обусловлено непосредственной близостью к пуштунскому племенному поясу, частью которого также являются и северо-восточные районы провинции, где пуштуны составляют абсолютное большинство. Такого рода географическая и этническая конфигурация обуславливает непосредственное влияние социальных и политических процессов, происходящих в провинции Хайбер-Пахтунхва и Зоне племен, на развитие ситуации в белуджском ареале.

Рассматривая конфликт белуджских националистических движений и государства, следует отметить, что традиционно белуджское общество являлось крайне разобщенным, в первую очередь на племенные группы. Полноценная государственность – в классическом ее понимании – на данных территориях никогда не существовала, и разрозненные племена были объединены лишь под колониальной властью Британской империи. Единственная успешная попытка объединения белуджей была предпринята в XVIII в. Насиром Ханом, шестым ханом Калата, создавшим политическое объединение, которое сегодня идеализируют белуджские националисты, однако установленная им система взаимоотношений между племенами и центральной властью характеризовалась слабой институционализацией и являлась лишь военно-политическим союзом, прекратившим свое существование со смертью хана³. Таким образом, данную политическую единицу не следует рассматривать как опыт создания этнического белуджского государства, а скорее как очередную форму племенного объединения.

В племенном строе белуджского общества ключевую роль играет знать, в частности племенные вожди – сардары, возглавляющие племенные объединения: бугти, марри, менгал, мальгани, бхургари, кхетран, джатой, зардари и др. – всего более 60. В момент образования Пакистана племенная знать изначально выставила свои условия вхождения в новое государство: автономия провинции и невмешательство центральных властей в ее дела. Выдвигались также требования о предоставлении полной независимости княжества Калат, которые в условиях раздела Британской Индии оказались невыполнимы⁴. В независимом Пакистане власть племенных старейшин по-прежнему сохранилась на довольно высоком уровне: провинция с 1948 по 1958 г. находилась под управлением специального представителя в Кветте, а сардары получали жалованье от государства. На протяжении всего существования Пакистана белуджские сардары отказывались делегировать властные полномочия своим подданным и сопротивлялись процессам модернизации в регионе. Основной их целью являлось сохранение неграмотности и изолированности населения от процессов, происходящих во внешнем мире, чтобы таким образом воспрепятствовать возникновению новых сил, способных бросить вызов их власти. С властями Пакистана, в свою очередь, они добились своего рода соглашения: признание суверенитета государства над данными территориями в обмен на реальную власть над населением⁵. Однако в результате обнаружения в Белуджистане значительных запасов полезных ископаемых и с началом ряда проектов по развитию провинции неизбежным стало открытие её внешнему миру и, как следствие – утрата племенными вождями своей власти над населением, чего они и пытаются избежать, создавая напряженность в регионе. В пользу такого предположения также говорит и тот факт, что из более чем 60 племен именно на территориях марри и бугти, в которых власть сардаров наиболее сильна, наблюдается самое ожесточенное противостояние⁶. С другой стороны, деятельность националистических группировок можно рассматривать и как восстание против союза государства и архаичных общественно-политических институтов, тормозящих социально-политическое развитие в целях приобретения собственной выгоды.

Конфликт в Белуджистане можно также рассмотреть с точки зрения концепции в конфликтологии, называемой «алчность и недовольство» (англ. «greed and grievance»). Согласно данной теории, наличие в регионе доступных существенных запасов того или иного ресурса повышает вероятность возникновения внутреннего конфликта за обладание этим ресурсом. Прибыль от ресурса, в свою очередь, позволяет повстанческим движениям существовать продолжительный период времени. В случае Белуджистана можно говорить о конфликте государства, племенных вождей и населения за доходы от добычи полезных ископаемых. Бóльшая часть доходов от ресурсов Белуджистана направляется в федеральный центр, и свою долю, согласно договоренностям с центром, получают сардары, при этом остальное население проживает в крайней бедности⁷. По мнению К. Крамера, возникновение и продолжительность конфликтов зависит также и от степени доступности ресурсов: легкодобываемые будут притягивать скорее криминальные группировки, тогда как труднодоступные, требующие масштабных вложений становятся фактором, способствующим возникновению сепаратизма⁸.

Всеобщая бедность и неразвитость провинции, коррупция и низкая компетентность государственного аппарата вызывают у населения чувство отчуждения, недовольства и озлобленности («grievance»), что подталкивает молодых людей присоединиться к вооруженным группировкам. Недовольство белуджей также вызывает осуществление проектов по развитию провинции, в особенности строительство порта Гвадар. По мнению националистов, запуск подобных объектов кардинально изменит этнический состав региона, поскольку все работы осуществляются небелуджистанскими фирмами и их сотрудниками. К примеру, ожидается рост населения района Гвадар за счет миграции на 2 млн человек. С другой стороны, в процессе строительства значительное число бедного белуджского населения было принудительно выселено, при этом не получив соответствующих компенсаций⁹. В таких действиях центральных властей националисты видят лишь эксплуатацию своей территории, которая еще более негативно сказывается на жизни коренного населения.

Вдобавок следует отметить, что в верхних социальных слоях Белуджистана доминируют не белуджи, а представители других этносов Пакистана, многие из которых переселились в регион еще при колониальном режиме (как, например, торговцы из Панджаба и Синда)¹⁰. Такое совпадение этнического и имущественного разделения в обществе, а также исключение коренного населения из экономических отношений еще более способствует радикализации его беднейшей части.

Этнополитический и социально-политический аспекты

Зарождение белуджского национализма относят к 20-м гг. XX в., когда в учебных заведениях крупных городов северо-запада Британской Индии начали образовываться землячества белуджских студентов, выступавших с антибританских позиций¹¹. На тот момент политическая власть в Белуджистане находилась целиком в руках агента британского генерал-губернатора и его аппарата, состоявшего из панджабцев. Политическая деятельность в данных условиях была крайне ограничена: первая белуджская организация «Общество объединения белуджей», как и последующие, была запрещена британскими властями, и лишь в 1937 г. была сформирована первая националистическая партия – Национальная партия княжества Калат¹².

Как уже было отмечено ранее, в процессе деколонизации Индии были предприняты попытки создания независимого Белуджского государства. Хан Калата требовал независимости, основываясь на том, что его государство, подобно Непалу, было связано договорами напрямую с британской короной, а не с колониальной администрацией Индии. Британское правительство проигнорировало данные требования, а созданная из представителей других территорий Белуджистана Шахи джирга приняла решение о вхождении в состав Пакистана. 15 августа 1947 г. хан Калата провозгласил независимость. Центральные власти Пакистана в ответ весной 1948 г. оккупировали силами армии его территорию. Несогласные с капитуляцией хана Калата белуджи во главе с братом хана Каримом подняли восстание, продолжавшееся с 1948 по 1950 г.¹³ На раннем этапе Пакистан

сохранил установленную британцами систему управления данными территориями посредством политических агентов, отмененную лишь в 1955 г.

Б. Ибрагимов высказывает мысль, что уже на этапе образования Пакистана белуджский национализм активно подогревался племенной знатью. По его мнению, их целью было направить в данное русло общее недовольство народа традиционными порядками, отрезав его от сотрудничества со схожими силами в других частях Пакистана, и таким образом сохранить собственный статус¹⁴.

На 50-е гг. XX в. пришла активная фаза формирования белуджского движения, в ходе которой все яснее проступали противоречия между интересами сардаров и стремлениями националистов. Представители белуджского национального движения открыто высказывали в адрес сардаров и навабов обвинения в попытках использовать его в собственных интересах и в случае необходимости пойти на соглашение с правящими кругами Пакистана. В частности, по этой причине восстание, поднятое в 1958–1959 гг. белуджской знатью, не получило поддержки со стороны националистов¹⁵.

В дальнейшем в течение XX в. произошло еще несколько вспышек вооруженного восстания белуджей, наиболее значимая из которых длилась с 1973 по 1977 г. Усиление националистов вызвало серьезные опасения у тогдашнего лидера страны З.А. Бхутто. Он принял решение о роспуске правительства провинции, что спровоцировало открытый вооруженный конфликт. В нем было задействовано более 50 тыс. белуджей против 80 тыс. военных. Окончилось противостояние, перевес в котором был на стороне армии, лишь с приходом к власти в Пакистане генерала М. Зия-уль-Хака, которому удалось добиться шаткого мира с националистами¹⁶. Политические шаги пакистанского руководства, спровоцировавшие восстание, можно считать крупной стратегической ошибкой, поскольку был создан прецедент массового вооруженного восстания белуджей против государства. Центральные власти продемонстрировали свое нежелание считаться с настроениями этнических меньшинств. Более того, многие участники тех событий дожили до начала XXI в. и спо-

собствовали распространению идей сепаратизма среди молодого поколения своих соплеменников.

Продолжающееся, по некоторым оценкам, вплоть до настоящего времени вялотекущее противостояние берет свое начало в феврале 2002 г., когда о себе открыто заявила группировка Армия Освобождения Белуджистана (АОБ), на тот момент возглавляемая навабом (главой племени) Хайр Бахшем Марри. АОБ сконцентрировалась на нападениях на инфраструктурные объекты в провинции¹⁷. Основная ее претензия к пакистанскому правительству заключается как раз в том, что государство грабит богатую ресурсную базу провинции, а строительство газопроводов и порта Гвадар также является результатом сговора Пакистана и иностранных компаний, эксплуатирующих Белуджистан и лишаящих его народ законной прибыли.

Пакистанское руководство совершило еще одну серьезную ошибку в 2006 г., когда ликвидировало наваба Акбар Хана Бугти, опытного белуджского политика и главу племени бугти, выступившего в поддержку АОБ после противоправных действий, совершенных пакистанской армией¹⁸. Гибель наваба Бугти послужила толчком к еще большей радикализации белуджей, для которых он стал мучеником, образом непреклонного борца за свободу, а пакистанские власти, напротив, угнетателями, укрывающими от правосудия преступников.

Продолжающееся противостояние можно характеризовать как акты террора, направленные против государственных структур и представителей иных этносов. Наиболее известными группировками, участвующими в антипакистанской борьбе, являются Армия Освобождения Белуджистана, насчитывающая в своих рядах несколько тысяч человек, Белуджский фронт освобождения, Объединенная Белуджская Армия, Лашкар-е-Балочистан, и Белуджская Республиканская Армия¹⁹, насчитывающая в своих рядах несколько тысяч человек, Армия освобождения Белуджистана²⁰, Объединенная Белуджская Армия, Лашкар-е-Балочистан и Белуджский фронт освобождения²¹. Атаки против представителей других этносов и политической элиты являются их основным оружием борьбы, которое все же имеет некоторый эффект: только в первой половине 2010 г. более 100 тыс. человек покинули провин-

цию и вернулись в места своего происхождения²². Большая доля лиц небелуджского происхождения среди учителей делает эту группу особенно подверженной нападениям, что ставит на грань коллапса систему образования в провинции²³. О неспособности пакистанского государства дать адекватный ответ на данный вызов говорят начавшиеся похищения и убийства активистов, внесудебные задержания и помещение под стражу и т. д.²⁴

Приход к власти в провинции в 2013 г. (после очередных парламентских выборов) Белуджской Национальной Партии породил надежды на стабилизацию обстановки в регионе, однако снижение общего числа жертв террористических актов было гораздо ниже ожидаемого: 960 в 2013 г. против 635 в 2015 г.²⁵ Правительство Пакистана, в свою очередь, выступало с обвинениями, что за деятельностью террористических группировок стоят сардары, которые таким образом добиваются расширения автономии провинции и вместе с ней – увеличения собственных доходов, что в конечном счете вряд ли поспособствует улучшению благосостояния населения²⁶.

Попытки разрешить конфликт и выработать стратегию примирения и дальнейшего развития были предприняты еще в 2004 г. Тогда парламентский подкомитет по проблеме Белуджистана выработал следующий план действий:

- Увеличение выплат Белуджистану за использование его ресурсов.
- Расширение представительства белуджей в федеральных органах управления.
- Корректировка планов строительства порта Гвадар.
- Строительство в Белуджистане шоссе национального значения.
- Усиление мер по борьбе с засухой.
- Изменение принципов перераспределения средств между федеральным центром и субъектами (ранее только по численности населения, в чем Белуджистан уступает другим провинциям).
- Принятие политических и административных мер по укреплению доверия в Белуджистане²⁷.

Однако выполнение данной стратегии, как и ряда других, по-прежнему осложняется нежеланием обеих сторон идти на

уступки. Белуджские националисты не прекращают террор против представителей государственного аппарата и армии, а государство и армия не идут на выполнение требований белуджей, а также прибегают к аналогичной тактике террора против деятелей белуджского движения²⁸. Нанесенные же Армией Освобождения Белуджистана в марте 2019 г. локальные поражения армии и полувоенным структурам свидетельствуют о том, что говорить о серьезном ослаблении белуджского сопротивления преждевременно²⁹.

Усиление религиозного экстремизма

Наряду с националистическими движениями в Белуджистане в последние десятилетия все большую силу набирает радикальный ислам, и случаи межрелигиозных столкновений становятся все более частыми. Следует отметить, что исламистская радикализация присуща в первую очередь пуштунским регионам провинции Белуджистан, тогда как белуджский национализм основан на светских идеях. Рассматривая причины данного процесса, можно выделить следующие:

1. Наиболее высокий уровень бедности и наименьший уровень грамотности по сравнению с другими провинциями Пакистана.

2. Превращение данной территории, в первую очередь пуштунских районов, в тыловую зону сначала афганских моджахедов, а затем Движения Талибан, на которой была создана сеть медресе, проповедующих исламистские идеи.

3. Предполагаемая поддержка пакистанскими силовыми структурами исламистских группировок для противодействия белуджским националистам.

Установленная еще при Зия-уль-Хаке сеть медресе продолжила свою деятельность и после вывода советских войск из Афганистана. В свою очередь, после разгрома талибов в 2001 г. силами НАТО и Северного Альянса в Белуджистан, как и в Зону племен, переместилось значительное число боевиков-талибов и, что еще более важно, руководство Исламского эмирата Афганистан. Предположительно, местом их пребывания стала Кветта, столица провинции, откуда они стали руководить подрывной деятельностью на территории Афганистана. Имевшаяся сеть медресе при этом получила новые финансовые вливания из частных источников и

стран Персидского залива и в условиях всеобщей бедности стала для большого числа семей единственным способом обеспечить образование своим детям, что, однако, напрямую привело к индоктринации значительных групп населения исламистскими идеями. Основная часть этих медресе проповедует идеи Деобанди, фундаменталистского течения в исламе, родственного салафизму, которое возникло в Индии еще в XIX в. и сыграло ключевую роль в формировании идеологической платформы Движения Талибан и ряда других экстремистских группировок. Немаловажным является тот факт, что данное течение весьма нетерпимо относится к иным исламским течениям, в первую очередь к шиизму, называя его последователей кяфирами (неверными). В октябре 2010 г. парламент Белуджистана принял закон, запрещающий проповедование радикальных идей и разжигание межрелигиозной вражды в медресе, однако в условиях слабости госаппарата эффективный надзор за его исполнением не представляется возможным³⁰.

Хотя исламский радикализм в регионе в первую очередь ассоциируется с пуштунами, за прошедшие годы ряд белуджских районов, таких как округ Мастунг, некогда бывший одним из центров белуджского движения, также стали оплотами религиозного экстремизма³¹. По словам журналиста Р. Рехмана, в каждом дистрикте Белуджистана сегодня действуют как минимум две медресе, связанные с террористами. По его мнению, возвращаемый через их деятельность экстремизм направлен в первую очередь на борьбу против белуджского национализма³².

Рост экстремистских настроений закономерным образом вылился в обострение суннито-шиитских противоречий в регионе. Хотя население Белуджистана в подавляющем большинстве является суннитами, там также проживают около 700 тыс. хазарейцев-шиитов, главным образом в районе Кветты³³. Группировка Лашкар-е-Джангви является основной антишиитской силой, действующей в Белуджистане, причем на данной территории в ее рядах состоят в основном белуджи, что резко контрастирует с общепринятым суждением об относительно светских настроениях внутри данного этноса³⁴.

Однако наибольшую угрозу как для Белуджистана, так и для всего Пакистана и региона в целом в последнее время представ-

ляли боевики ИГИЛ (запрещено в РФ), активно проникавшие в страну после разгрома в Сирии и Ираке. Хотя речь не идет о возникновении на белуджской территории районов, полностью подконтрольных вооруженным группировкам, разрозненные боевики «Исламского государства» представляют угрозу ввиду их идеологической близости с Лашкар-е-Джангви. Это обуславливает возможные действия этих структур единым фронтом в первую очередь против шиитов и особой мусульманской секты зикри, последователи которой встречаются в Пакистане лишь среди белуджей. Нельзя также отвергать вероятность того, что идеи построения нового халифата по образу ранней мусульманской уммы могут с большой вероятностью найти отклик среди бедных слоев белуджского общества и, образовав своего рода «спайку» с белуджским национализмом в массах, станут мощной движущей силой для новых антипакистанских выступлений в провинции, схожих с вооруженными восстаниями пуштунов в ТПФУ.

Заключение

Конфликт в Белуджистане обусловлен целым рядом взаимосвязанных факторов, и его разрешение требует комплексного подхода со стороны как пакистанских властей, так и других региональных акторов. Во-первых, данное противостояние является последствием неудачной попытки интеграции этнической общности, отличающейся трайбализмом и клановостью, в общество современного типа. Такого рода усилия привели на деле к дальнейшему социально-экономическому отставанию провинции и дали племенным верхам инструмент давления на центральную власть. Во-вторых, радикализации и маргинализации способствовало стремление государства использовать обнаруженные на данной территории ресурсы, выплачивая долю от доходов племенным вождям и не считаясь при этом с интересами широких масс местного населения. Столкнувшись же с вооруженным сопротивлением, пакистанские власти избрали силовой способ решения проблемы, что, с учетом особенностей местного общества, его воинственности и решительности, стало стратегической ошибкой. Еще одним аспектом является усиливающаяся индоктринация исламистскими идеями, начатая при попустительстве

и на определенных этапах при содействии государства. Неспособность взять под контроль сеть медресе и остановить распространение исламского радикализма, как среди пуштунов, так и среди белуджей, придает насилию в регионе также и религиозный характер, а проникновение туда боевиков ИГИЛ (запрещена в РФ), имеющих боевой опыт, повышает вероятность еще большей эскалации насилия на религиозной основе.

По этим причинам разрешение данного конфликта в ближайшем будущем представляется маловероятным. На сегодняшний день приоритетной задачей видится борьба против распространения исламизма в массах, в которой должны принять участие, как государство, так и националисты. Что касается национального вопроса, то пакистанскому руководству необходимо проявить политическую волю и, вступив в диалог с влиятельными политическими силами Белуджистана, добиться политического урегулирования и провести пересмотр социально-экономической политики в регионе.

¹ <https://www.dawn.com/news/1353867/pakistans-population-has-ballooned-to-2078m-provisional-census-results-show> (дата обращения – 15.03.2019).

² <https://www.dawn.com/news/1356899> (дата обращения – 15.03.2019).

³ Khan A. Baloch Ethnic Nationalism in Pakistan: From Guerilla War no nowhere? /Adeel Khan // Asian Ethnicity. Vol. 4, № 2, June 2003; Cartfax Publishing. P. 283.

⁴ Siddiqi F.H. Security Dynamics in Pakistani Balochistan: Religious Activism and Ethnic Conflict in the War on Terror /F. H. Siddiqi // Asian Affairs: An American Review, 39:157–175. Routledge, 2012. P. 164.

⁵ Aslam R. Greed, creed and governance in civil conflicts: a case study of Balochistan / R. Aslam // Contemporary South Asia, Vol. 19, No. 2, June 2011, 189–203. Routledge. P. 193.

⁶ Samad Y. Understanding the Insurgency in Balochistan / Y. Samad // Commonwealth and Comparative Politics, 52(2), March 2014. P. 9.

⁷ Ibid. P. 16.

⁸ Aslam R. Greed, creed and governance. P. 191.

⁹ Ibid. P. 198.

¹⁰ Khan A. Baloch Ethnic Nationalism in Pakistan. P. 285.

¹¹ Ганковский Ю. В. Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане. М., 1967. С. 191.

¹² Там же. С. 137.

¹³ Khan A., Azhar M., Muhammdad A. Reasons of Violence in Balochistan: An Analytical Study of Various Uprisings / A.Khan // Contemporary South Asia Vol. 19. № 2, June 2011, 189–203. Routledge. P. 196.

- ¹⁴ Ибрагимов Б. Белуджский Пакистан (социально-экономическое положение в пакистанском Белуджистане и национальное движение белуджей в 1947–1970 гг.). М., 1973. С. 57.
- ¹⁵ Ганковский Ю.В. Национальный вопрос. С. 205–207.
- ¹⁶ Khan A. Baloch Ethnic Nationalism. P. 290.
- ¹⁷ Siddiqi F.H. Security Dynamics. P. 164.
- ¹⁸ Gall C. Tribal Leader's Killing Incites Riots in Pakistan // The New York Times, Aug. 28, 2006, <https://www.nytimes.com/2006/08/28/world/asia/28pakistan.html> (дата обращения – 16.03.2019).
- ¹⁹ <https://www.trackingterrorism.org/group/baloch-republican-army-bra> (дата обращения – 16.03.2019).
- ²⁰ <http://web.stanford.edu/group/mappingmilitants/cgi-bin/groups/view/297?highlight=baloch> (дата обращения – 16.03.2019).
- ²¹ <http://web.stanford.edu/group/mappingmilitants/cgi-bin/groups/view/457> (дата обращения – 16.03.2019).
- ²² Ali M. Violence drives settlers out of province // GulfNews, July 28, 2010, <https://gulfnews.com/world/asia/pakistan/violence-drives-settlers-out-of-province-1.660365> (дата обращения – 16.03.2019).
- ²³ Pakistan: Balochistan Militants Killing Teachers, Human Rights Watch, December 13, 2010. <https://www.hrw.org/news/2010/12/13/pakistan-balochistan-militants-killing-teachers> (дата обращения – 16.03.2019).
- ²⁴ Kupecz M. Pakistan's Baloch Insurgency: History, Conflict Drivers, And Regional Implications /M. Kupecz // InternationalAffairs Review. Vol. XX. № 3. Spring 2012. P. 104.
- ²⁵ <https://www.satp.org/satporgrp/countries/pakistan/Balochistan/index.html> (дата обращения – 16.03.2019).
- ²⁶ Aslam R. Greed, creed and governance. P. 195.
- ²⁷ Siddiqi F.H. Security Dynamics. P. 169.
- ²⁸ Pakistani Paramilitary Checkpost In Balochistan Annihilated In Insurgent Attack; 6 Personnel Dead, Mar 21 2019, <https://swarajyamag.com/insta/pakistani-paramilitary-checkpost-in-balochistan-annihilated-in-insurgent-attack-6-personnel-dead> (дата обращения – 24.03.2019).
- ²⁹ Sonavane A. INSIDER: 'Pakistan Army Abandoning Check-posts And Running For Cover After Baloch Liberation Army Attack'. Explosive Audio Tape Accessed, Republic, March 22, 2019, <https://www.republicworld.com/world-news/pakistan-news/insider-pakistan-army-abandoning-check-posts-and-running-for-cover-after-baloch-liberation-army-attack-explosive-audio-tape-accessed> (дата обращения – 24.03.2019).
- ³⁰ Siddiqi R.H. Security Dynamics. P. 161.
- ³¹ Notezai M. The Rise of Religious Extremism in Balochistan // The Diplomat, January 09, 2017, <https://thediplomat.com/2017/01/the-rise-of-religious-extremism-in-balochistan/> (дата обращения – 24.03.2019).
- ³² Ibid.
- ³³ Siddiqi F.H. Sectarian Violence in Balochistan, Middle East Institute, June 18, 2015, <https://www.mei.edu/publications/sectarian-violence-balochistan> (дата обращения – 24.03.2019).
- ³⁴ Notezai M. The Rise of Religious Extremism.

Р. Е. Прохоров*

ГЕОЭКОНОМИКА ПАКИСТАНО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Резюме: В статье рассматривается стратегическое партнёрство Пакистана и Китая в области экономики. Подчёркивается расширение экономического сотрудничества между странами после 2015 г. Особое значение придаётся вопросам сооружения китайско-пакистанского экономического коридора. Анализируются перспективы взаимодействия в треугольнике «Китай–Пакистан–США».

Ключевые слова: Пакистан, Китай, сотрудничество, китайско-пакистанский экономический коридор.

Summary: The strategic partnership of Pakistan and China in the field of economics is considered in the article. It is devoted to economic cooperation between two countries after 2015. Special importance is attached to the construction of the economic corridor between these countries. Future prospects of collaboration between China, Pakistan and the USA are analyzed.

Key words: Pakistan, China, cooperation, China – Pakistan economic corridor.

Отношения Пакистана и КНР традиционно складываются в позитивном ключе, о чём свидетельствуют многочисленные официальные встречи на уровнях глав государств и правительств, министров иностранных дел, постоянно проводимые межпарламентские консультации. В ходе встреч обсуждаются торгово-экономические вопросы, сотрудничество в сфере безопасности, образования и культуры. Регулярна практика телефонных

* Прохоров Руслан Евгеньевич – кандидат психологических наук, научный сотрудник ИВ РАН

переговоров глав государств и руководителей различных министерств. О привилегированности отношений между странами говорит, например, и тот факт, что один из первых официальных визитов каждого вновь избранного президента или премьер-министра Пакистана приходится на Китай.

В настоящее время во взаимоотношениях Пакистана и Китая на передний план вышла тема китайско-пакистанского экономического коридора. Очевидно, стремление двух стран к интенсификации взаимовыгодных партнёрских отношений подчинённо именно этому аспекту межгосударственных отношений. Согласно официальной статистике, пакистано-китайские торгово-экономические отношения в последние несколько лет показывают тенденцию к значительному росту по сравнению с предыдущим периодом.

Так, объем китайско-пакистанского товарооборота, который составлял около 4 млрд долл. в 2006–2007 г., достиг рекордного максимума в 15,60 млрд долл. в 2016–2017 гг., увеличившись на 290%. Экспорт Пакистана подскочил до 1,46 млрд долл. в 2016–2017 гг. с 575 млн долл. в 2006–2007 гг. Соответственно, экспорт Китая в Пакистан увеличился до 14,13 млрд долл. в 2016–2017 гг. с 3,5 млрд долл. в 2006–2007 гг.¹

Основными экспортными товарами Пакистана в Китай являются текстиль, кожа, хромовые и медные руды, сельскохозяйственная продукция и морепродукты. Взамен пакистанская сторона получает строительные материалы, продукцию химической промышленности и машиностроения. Военно-техническое сотрудничество является особой отраслью пакистано-китайских экономических отношений, так как включает не только поставки китайской техники в Пакистан, но и совместное производство. Например, в настоящее время развёрнуто совместное производство истребителя JF-17. Примечательно, что именно на базе этого самолёта предполагается разработка китайскими и пакистанскими специалистами нового лёгкого многоцелевого истребителя четвёртого поколения. Особо нужно отметить, что реализация этих планов позволит Китаю получить доступ на рынок вооружения африканских государств (например, Нигерия, Конго, Египет), увеличить своё экономическое влияние в этом регионе².

Технико-экономическое сотрудничество с Китаем охватывает такие ключевые отрасли пакистанской экономики, как тяжелое машиностроение, горнодобывающая промышленность, производство строительных материалов, энергетика, инфраструктура. Наряду с крупными объектами при участии китайской стороны в Пакистане построено или строится значительное число средних и малых промышленных предприятий как в государственном, так и в частном секторе. Китай оказывает содействие развитию пакистанского аграрного сектора и образовательной сферы, включая подготовку кадров³.

Параллельно с этим всё более отлаженным становится механизм взаимодействия торгово-экономических и таможенных органов двух стран. Например, в целях недооценки счетов и уклонения от уплаты пошлин Федеральный совет по доходам Пакистана ежеквартально стал получать от таможенной службы Китая данные об экспортируемых товарах⁴.

Определяя ряд направлений двусторонних контактов, развитие которых способствует дальнейшему экономическому сближению двух стран, в первую очередь нужно указать инвестиционное. С 2015 г. произошел десятикратный рост инвестиций со стороны Китая. Китайская сторона инвестирует преимущественно в энергетику Пакистана, строительство дорог, портовую и железнодорожную инфраструктуру, развитие информационно-коммуникационных технологий. Однако важным является следующий аспект этого направления, а именно многочисленные инвестиционные вложения Китая носят преимущественно кредитный характер⁵.

Важно также отметить, что с приходом к власти правительства Имран Хана предпринимаются попытки скорректировать договорные обязательства по проекту китайско-пакистанского экономического коридора в пользу Пакистана. Сложность этого вопроса заключается в том, что, во-первых, большинство контрактов проекта заключается не между правительствами стран, а между частными компаниями или государственными предприятиями. Во-вторых, поскольку китайско-пакистанский экономический коридор является сухопутным проектом, в случае если правительство Пакистана попытается пересмотреть какой-либо

контракт, любой арбитраж будет проходить в Китае по китайскому континентальному законодательству⁶. Данное обстоятельство также не устраивает Пакистан. Видимо, именно желанием официального Исламабада пересмотреть ряд условий уже подписанных соглашений, несогласием с этим китайской стороны и объясняется окончившийся практически безрезультатно официальный визит И. Хана в Китай в ноябре 2018 г. Разумеется, данное обстоятельство пока не служит существенным ограничителем при реализации проекта и рассматривается сторонами как текущая, рабочая экономическая процедура.

Вместе с тем самой большой проблемой в дальнейшей реализации китайско-пакистанского экономического коридора остаётся вопрос обеспечения безопасности. Особенно актуальна организация защиты китайских граждан, приезжающих работать в Пакистан. В этой связи особо важным был официальный визит начальника штаба армии Пакистана К. Баджвы в Китай в сентябре 2018 г. О значительности визита говорит перечень встреч с китайскими должностными лицами: генерал был принят главой КНР Си Цзиньпином, вице-председателем центрального военного совета КНР Чжан Юсом, командующим сухопутными войсками Народно-освободительной армии Китая Хань Вэйгом. Главной темой всех проведённых бесед стали вопросы в сфере обороны и военно-технического сотрудничества. Посетив штаб-квартиру специального отряда безопасности КНР, обеспечивающего охрану рабочих на объектах китайско-пакистанского экономического коридора, К. Баджва подтвердил решимость пакистанской армии создать все необходимые условия для обеспечения безопасности и бесперебойной работы объектов проекта.

Обострило настоящую проблему и нападение на генеральное консульство Китая в Карачи, совершенное группировкой «Освободительная армия Белуджистана» в ноябре 2018 г. Среди общих выступлений представителей китайской и пакистанской стороны, помимо традиционных заверений в нерушимости пакистано-китайской дружбы и метафорических сравнений её крепости (например, «Выше, чем Гималаи, и глубже, чем Аравийское море»), следует выделить заявление министра иностранных дел Ш. Куреши о намерении защитить китайских граждан наравне

с гражданами Пакистана⁷. Данный политический посыл можно трактовать как стремление ещё раз подчеркнуть не просто партнёрские, а союзнические отношения между странами.

Обращает на себя внимание и стремление пакистанской стороны найти внешнего врага, виновного в подготовке и совершении теракта на Калайском базаре (бывшее агентство Оракзай). Сразу после двух терактов премьер-министр Пакистана Имран Хан заявил о существовании заговора против стратегического сотрудничества Пакистана и Китая, попытках напугать китайских инвесторов. В официальных комментариях, размещённых на портале правительственной информации Пакистана, обращается внимание на предвзятость публикуемых работ, посвящённых экономическому коридору двух стран, содержащимся в них многочисленным искажениям фактов⁸.

Сотрудничая в сфере экономики, Пакистан и Китай подчёркнуто стараются не затрагивать политическую сферу. Отказ от вмешательства во внутренние дела страны – партнёра является одним из столпов пакистано-китайской дипломатии. Так официальный Пекин продемонстрировал полный нейтралитет в событиях 2017 г. относительно Панамского скандала. Китайские власти тогда никак не комментировали политическую ситуацию в Пакистане, не ставили вопрос легитимности действующего режима. Как правило, заявления ограничивались приветствием искреннего дружественного сотрудничества между двумя странами. И Пакистан отвечает своему партнёру тем же, в том числе при решении такой острой для Китая проблемы, как ситуация в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Правительство Пакистана систематически заверяет китайскую сторону в своей приверженности бескомпромиссной борьбе с терроризмом. В подтверждение этого МВД Пакистана внесло в список запрещённых организаций, подозреваемых в терроризме на территории Китая, Исламское движение Восточного Туркестана, Исламское движение Узбекистана, Союз Исламского джихада. Силовая компонента дополняется гуманитарным сотрудничеством, различными мерами публичной дипломатии. Например, по просьбе китайской стороны пакистанские власти оказывают содействие в организации паломничества – хаджа в Саудовскую Аравию для

групп китайских мусульман. И в этом случае сотрудничество Китая и Пакистана успешно переходит в экономическую сферу. Так, в Урумчи состоялось подписание Меморандума о взаимопонимании между Министерством науки и технологии Пакистана и Синьцзянским производственно-строительным корпусом, в соответствии с которым китайская сторона обязуется инвестировать 1,5 млрд долл. в создание технопарка в Исламабаде.

Проблемы в сфере безопасности в немалой степени возникают вследствие нерешённости социальных проблем населения, возникающих опасений о занятости пакистанского населения на вновь создаваемых предприятиях проекта. Социальный аспект нередко переходит в социально-экологический в связи с активно распространяемыми слухами противниками проекта о непоправимом вреде окружающей среде, который будет причинён Пакистану в ходе реализации экономического коридора. Реагируя на данный вызов, Китай и Пакистан начали развивать сотрудничество по мониторингу, обмену данными и информацией в области экологии. Это логическое продолжение всей инвестиционной политики Китая, где нормы экологического кредитования представляют собой часть экономической стратегии, своеобразную корпоративную ответственность в области охраны природы. Ещё в 2013 г. в Китае было принято Постановление по защите окружающей среды при проведении зарубежных инвестиций банками Китая, т.е. установлены базовые правила для китайских компаний и банков по управлению экологическими проблемами за границей⁹. В соответствии с этим документом предусматривается (вместе с вложением инвестиций) оценка воздействия на экологию, прогноз загрязнения окружающей среды, обсуждение этого вопроса с населением.

Анализируя пакистано-китайские отношения, отдельно остановимся на реакции со стороны США в связи с реализацией китайско-пакистанского экономического коридора. Данный транспортный проект, как может изначально показаться, окончательно ставит точку в многолетнем сотрудничестве Пакистана с США и делает Китай единственным стратегическим союзником Пакистана. Однако, учитывая важное местоположение Пакистана в регионе Южной Азии и, хотя и переменчивый, характер пакистано-американских отношений, стремление самих США

контролировать регион Южной Азии, можно предположить немного другой сценарий.

Недавно национальным исследовательским Институтом мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова была опубликована работа «Мир 2035. Глобальный прогноз». В данной работе авторами излагается стратегия будущих китайско-американских отношений, и в том числе указывается на продолжение попыток достижения взаимоприемлемых компромиссов и соглашений, устанавливающих новый тип отношений между этими государствами, основанный на признании взаимной значимости и полезности взаимодействия. Предполагается укрепление экономических связей между США и Китаем. Именно поэтому ни США, ни Китай не будут заинтересованы в обострении отношений¹⁰. На этом фоне можно предположить достижения американской и китайской дипломатией компромисса и по отношению выстраивания выгодных торгово-экономических связей с Пакистаном.

Кроме этого, по мнению руководителя Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, отечественного пакистановеда проф. В. Я. Белокреницкого, «китайские (не афишируемые) намерения по “обустройству” юго-западной дуги “Большой Восточной Азии” на данном историческом этапе не вступают, как кажется, в противоречие с американскими планами “Расширения Центральной Азии” или “Большого южно-центральноазиатского пространства”. Это объясняется тем, что США и их союзники по НАТО берут на себя “черновую” работу по утверждению гражданского порядка и безопасности во внутренних районах широкого пояса от Центральной Азии – на севере, до Афганистана и Пакистана – на юге»¹¹. Похожей точки зрения придерживается и почётный президент Совета по международным делам США Л. Гелб¹². Учитывая экономико-географическую широту транспортных проектов Китая, это будет только способствовать их успешному осуществлению. Вполне вероятно, что пакистанская сторона вновь разыграет карту своей значимости как посредника в отношениях между США и Китаем в регионе, постарается получить максимальные политические и экономические дивиденды.

* * *

К концу второго десятилетия XXI в. Пакистан и Китай перешли на абсолютно новый этап внешнеэкономических отношений. Активно продвигаемый двумя странами проект китайско-пакистанского экономического коридора способствует дальнейшему развитию их экономик.

Однако развитие проекта несёт в себе и потенциальные экономические споры между государствами, особенно при расхождении в оценках прибыли для каждой из сторон, системы кредитования, негативного влияния на окружающую среду. Для Пакистана возникают и риски технологической зависимости от Китая. Вместе с тем проект, задуманный Пекином, в том числе и как средство ослабления зависимости от Вашингтона, контролируемых им транспортных маршрутов, может стать взаимовыгодным как для Китая, так и для США. В этом случае перспективы взаимодействия в треугольнике «Китай–Пакистан–США» выглядят более чем благоприятными, и Пакистан вновь сможет извлечь как экономические, так и политические выгоды из сложившейся ситуации. В таком случае Пакистан будет балансировать между защитой своих государственных интересов и учётом интересов таких глобальных центров силы, как Китай и США.

¹ Pakistan Economic Survey 2017–2018. Government of Pakistan, Ministry of Finance. Islamabad, 2018. P. 118–119 [Электронный ресурс] // URL http://www.finance.gov.pk/survey/chapters_18/08-Trade.pdf (дата обращения – 19.02.2019).

² JF-17 китайско-пакистанский МИГ-21 нового века // Военное обозрение. 20.04.2013. [Электронный ресурс] // URL: <https://topwar.ru/4238-jf-17-kitaysko-pakistanskiy-mig-21-novogo-veka.html> (дата обращения – 24.02.2019).

³ Прохоров Р.Е. Пакистано-китайский геополитический союз // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 5. Мусульманский мир на исторических рубежах России. 2017. С. 271–276.

⁴ China shares data to check misdeclaration. Dawn. 13.12.2018 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.dawn.com/news/1451109/china-shares-data-to-check-misdeclaration> (дата обращения – 19.02.2019).

⁵ Каменев С. Н. Китайско-пакистанский экономический коридор и вопросы региональной безопасности // Восточная аналитика. 2018. № 3. С. 67–81.

⁶ Was Imran's visit to China a failure? Yes. Here's why. Dawn. 06.11.2018 [Электронный ресурс] // URL: <https://www.dawn.com/news/1443974> (дата обращения – 19.02.2019).

⁷ China condemns attack on consulate in Pakistan's Karachi. China Daily (Hong Kong). 23.11.2018. [Электронный ресурс] //URL: <https://www.chinadailyhk.com/articles/20/101/192/1542982706262.html?newsId=54502> (дата обращения – 24.02.2019).

⁸ URL: <http://www.pakistan.gov.pk/> (дата обращения – 22.02.2019).

⁹ Леванчук В. А. Банк развития Китая и устойчивое развитие // Вестник международных организаций. 2016. № 3. С. 153–166.

¹⁰ Мир 2035. Глобальный прогноз. М., 2017. С. 321.

¹¹ Белокреницкий В. Я. Пакистан, Южная Азия, исламский мир, Восток. Избранные публикации. 2008–2016 гг. М., 2016. С. 277.

¹² Гебл Л. Сегодня ВВП важнее силы. Внешняя политика США в эпоху экономического влияния // Современная наука о международных отношениях за рубежом. В 3 т. Т. 2. М., 2015. С. 408.

М. Д. Сазедул Ислам*
(Бангладеш)

ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ ИСЛАМИЗАЦИИ В БАНГЛАДЕШ

Резюме: Статья посвящена влиянию исламизации в Бангладеш. На основе исторических фактов выявляются негативные последствия исламизации в стране (экстремизм, терроризм). Автор предлагает новую модель соотношения ислама и политики, построенную на взаимодействии религиозного и светского факторов, на исключения доминантного положения ислама в политике.

Ключевые слова: секуляризм, исламизация, исламский шариат, исламские политические партии, терроризм.

Summary: This article is devoted to the influence of Islamization in the society of Bangladesh. Based on the analysis of historical facts, the negative consequences of Islamization in the country (extremism, terrorism) are revealed. The author proposes a new model of correlation between Islam and politics, based on the interaction of religious and secular factors, excluding the dominant position of Islam in politics.

Key words: Secularism, Islamization, Islamic Sharia, Islamic political parties, terrorism.

В Восточном Пакистане (ныне Бангладеш) религия всегда выступала влияющим фактором доминирования над людьми, бенгальская культура же игнорировалась. Оппозиционные светские партии Восточного Пакистана негативно реагировали на использование религии в политике, что усилило влияние бенгальского национализма. В этой связи само возникновение Бангладеш стало результатом конфликта между религией и секуляризмом¹.

* М. Д. Сазедул Ислам – аспирант кафедры сравнительной политологии РУДН

После получения независимости от Пакистана в 1971 г. секуляризм получает статус национального принципа в конституции страны. Кроме того, все религиозные политические партии были запрещены, что ослабило их влияние на государство и общество. Однако через несколько лет после убийства первого президента Муджибура Рахмана в августе 1975 г. страна вновь во главу угла ставит религиозный фактор, исключая принцип секуляризма из конституции. Исламские политические партии стали играть важную роль в стране. С 1977 г. этому активно способствовал пришедший к власти генерал Зиаур Рахман, рассчитывавший получить политическую и экономическую поддержку исламских стран. Военные правители, помимо покровительства исламским политическим партиям, формировали новую идентичность граждан. Зиаур Рахман выдвинул идею «бангладешского национализма», основанного на политическом исламе, языке, территории и антииндийских чувствах в качестве новой национальной идеологии.

Наряду с некоторыми изменениями в конституции режим принял ряд других мер по исламизации общества. К ним относятся публичные чтения стихов из Корана, поздравления людей главами государств и правительств по особым религиозным поводам, обязательная трансляция азана (призыва к молитве) по радио и телевидению пять раз в день, создание государственной структуры по делам религии, возглавляемой министром, образование исламского университета².

Сам стиль поведения Зиаура Рахмана отличался религиозно-исламской направленностью. В частности, свои публичные выступления он начинал с *Bismi Ilahir Rahman* ир-рахим. Происламская внешняя политика принесла ему известность среди мусульманских стран. В определенной степени это способствовало приему Бангладеш в Организацию Исламская Конференция (ОИК), где страна вскоре становится одной из влиятельных ее членов³.

Смерть Зиаура Рахмана в мае 1981 г. внесла еще одно изменение в контуры государственного национализма, который при генерале Х.М. Ершаде перешел от либерального исламского национализма к радикальному исламскому национализму. Ершад превратил бангладешскую модель государственности в более

жесткую и тоталитарную, придав ей полностью исламскую ориентацию. Его намерение состояло в том, чтобы привлечь людей, используя их чувственное отношение к религии. Этот шаг был якобы предпринят, чтобы обеспечить и узаконить свою собственную власть. Ершад обосновывал свою политику исламизации, исходя из двух принципов:

1. Общество должно быть ориентировано на мечеть: Ершад собрал большие средства для мечетей в 1986 г. Байтул Мукарам (мечеть, расположенная в Дакке) была объявлена государственной мечетью, и по всей стране в короткий срок были построены тысячи мечетей. При этом правительство активно способствовало привлечению капитала из арабских и других мусульманских стран.

2. Ислам как государственная религия: в соответствии с восьмой поправкой к Конституции Бангладеш, принятой в июне 1988 г., ислам был объявлен государственной религией Бангладеш (статья 2, пункт А) с положением о том, что другие религии могут исповедоваться в условиях мира и согласия в республике.

Оппозиционные партии и движения, несогласные с полной исламизацией общества в стране, активизировали сопротивление существующему режиму. Для подавления оппозиции Ершад использовал религию в качестве удобного оружия для своей деятельности, стремясь получить поддержку от народа и тем самым укрепить свое положение. Таким образом, религия была принята в качестве основы национализма Банггали⁴.

Примечательно, что с 1975 по 1990 г. армейские правители, чтобы удержать власть, опирались на исламских союзников и вместе способствовали процессу исламизации. В этот период ислам и становится государственной религией, религиозные лидеры оказывают мощное влияние через мечети на общество, создавая базу политического ислама в стране. Однако такая политика не разделялась большинством населения страны, и в 1990 г. в результате массового оппозиционного движения диктатура армии пала.

Тем не менее, бангладешское общество представляет наглядный пример того, как религиозный фактор влияет на изменения в социальном и политическом поведении общества. Это проис-

ходит, в том числе и потому, что сельские жители недостаточно хорошо знакомы с теорией и практикой секуляризма и процессом демократизации. Имея сильную идеологию, религия уходит корнями в суфизм и практические благочестивые традиции. В значительной степени это влияет на участие населения в демократических институтах страны.

В 1991 г. по итогам выборов к власти пришла демократическая партия, выступающая за отделение религии от государства, но по причине слабо функционирующей демократии это не уменьшило влияние и значение в обществе религиозных политических партий. С 1990 по 2001 г. они, хотя и не находились во власти, однако пытались активно влиять на политику. В эти же годы, опираясь на поддержку традиционного исламского общества, политические партии и группы призвали к созданию исламской страны.

Большинство радикальных исламистских группировок ориентированы на медресе, а многие их лидеры имели опыт боевых действий в Афганистане против СССР. Эти группы отвергали демократию и сыграли активную роль в пропаганде джихада и борьбе с демократическим правительством.

На первом этапе своего становления – с 1990 по 2001 г. – эти группы пользовались поддержкой, как народа, так и политических деятелей. В некоторых случаях им покровительствовали и политические лидеры.

На втором этапе они начали применять экстремистские методы, силовые действия, особенно в отношении представителей бенгальской культуры.

На третьем этапе экстремисты потребовали от правительства введения шариата. Поскольку демократическое правительство не могло гарантировать шариат в стране, экстремисты объявили джихад против правительства, нападали на полицию, судей и т. д. Примечательно, что в этот период правительство предприняло шаги по сокращению масштабов терроризма, и многие его лидеры были приговорены к смертной казни, что ослабило эти группы в стране.

На четвертом этапе проявилась связь данных групп с международными террористическими группировками и их методами.

Исламские экстремистские группы участвуют в целенаправленном убийстве светских писателей, социальных работников и интеллигенции⁵.

Таким образом, с 1991 г. исламские политические партии укрепили свое положение в политике страны, а в 2001 г. впервые пришли к власти. К примеру, в 2008 г. политическая партия Авами Лиг создала альянс из 14 партий, включая и ряд исламских политических партий. Светские же политические партии в этой обстановке вынуждены были пойти на компромисс с религиозными политическими партиями⁶.

Взросшее влияние исламских политических партий в Бангладеш сказывается на жизни религиозных меньшинств. Меньшинства, особенно индусы, становятся жертвами преследований в стране и мигрируют в Индию. Так, из отчета последней переписи населения, проведенной в 2011 г., видно, что население хинду уменьшилось до 8,5%⁷. Также отмечается тенденция увеличения числа исламских политических партий. Официально в стране зарегистрировано 13 исламских партий. В общей сложности существует 70 исламских партий и организаций. Среди них 29 находятся в союзе с Авами Лиг, 32 партии с партией Jatio и 5 – с Националистической партией⁸. Оценивая эту тенденцию, многие ученые предполагают, что исламские политические партии, возможно, в будущем станут третьей политической силой в стране.

Политические конфликты в Бангладеш, отсутствие демократии в стране активизировали рост исламских политических сил. В результате страна пережила много актов религиозной экстремистской деятельности и насилия. С нашей точки зрения, для решения этой проблемы необходимо укрепить демократические институты, бороться с коррупцией, обеспечивая общественно-политическую стабильность общества. Для того чтобы понять соотношение демократии и ислама, следует проанализировать состояние секуляризма в стране. В современной конституции секуляризм признается наряду с исламом как идеология. Но соотношение светского и религиозного факторов не равное, поскольку из-за активного действия исламских партий доминирует религиозный фактор. Современное поколение Бангладеш все больше готово склониться к поддержке исламских партий, что, по

нашему предположению, повлияет на явное снижение интереса к светским политическим партиям и, возможно, приведет к их полному исчезновению. Поэтому в целях социально-экономического развития страны действие исламского, или религиозного, фактора в политике необходимо как можно больше минимизировать. В то же время, поскольку Бангладеш является страной с мусульманским большинством населения, религию игнорировать нельзя. Политики должны понимать, что ислам и политика не должны мешать друг другу и что исламские теории прихода к власти и установления шариата являются основными причинами современного терроризма и политического ислама, который и является основным барьером развития демократии в стране.

Таким образом, вместо исламских политических партий все исламские группы могут быть сформированы в исламскую организацию, где они могут практиковать правила и положения ислама в частном порядке или в группе. Они должны осознать, что ислам является не только религией, но и культурой, а политика является лишь частью этой культуры. Отвергая политический ислам, а вместе с этим и экстремизм, человек должен практиковать шариат в своей личной, семейной и общественной жизни, избегая политического ислама, становясь благочестивым мусульманином.

¹ Ahmed Saifuddin. The roles of religion and national identity in Bangladesh // ABO akademi University printing house. ABO, 2000.

² Ahammed Emajuddin. Islamization in Bangladesh: Political Rhetoric or Substantive? Bangladesh: Bureaucracy and Development. Dhaka, 2006. P. 315–324.

³ Rahman Mohammad Sajjadur. Islamism in Bangladesh // Journal of International Relations. Vol. 8. № 1. 2010. P. 72–83.

⁴ Mohsin Amina A. Religion, politics and security: The case of Bangladesh // Studies 8, 1984.

⁵ Котин И. Ю. «Джихад ножей» в Бангладеш: причины и последствия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 8. С. 684–696.

⁶ Qawmi degree recognised // The daily star, April 12, 2017, URL: www.thedailystar.net/frontpage/qawmi-educationrecognised-1389901

⁷ Ali Raiz How Did We Arrive Here? // Forum. Vol. 6 issue 11. Nov. 2012.

⁸ National parliamentary election: Most of the Islamic parties are with Awami league // Parstoday, 20.11.2018 – URL: parstoday.com/bn/news/bangladesh-165971

Л. А. Черешнева*

ДВИЖЕНИЕ ТЕБХАГА В ИНДИИ: К ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ НА ВОСТОКЕ

Резюме: Статья посвящена движению тебхага, массовому крестьянскому социальному протесту под руководством Коммунистической партии Индии (КПИ), происходившему накануне и после достижения Индией независимости на северо-востоке страны. История тебхага показана в контексте партийной истории КПИ. Для освещения вопроса привлечены индийские опубликованные и архивные материалы.

Ключевые слова: Бенгалия, Ассам, Коммунистическая партия Индии, тебхага, заминдар, баргадар, адхиар.

Summary: The article is devoted to Tebhaga, the mass peasant social protest under the leadership of the Communist Party that took place in the North-East of the country before and after the achievement of India Independence. Tebhaga has been shown in the context of the CPI history. The Indian published and archival materials were used to cover the issue.

Key words: Bengal, Assam, Communist party of India, zamindar, tebhaga, bargadar, adhiar.

Изучение социальных движений вновь обретает свою научную значимость. Историки, социологи, социальные антропологи, экономисты, политологи проявляют все больший интерес к изучению одного из их вариантов – крестьянских движений, пытаются проанализировать их с точки зрения связи с социальными изменениями и классовыми конфликтами¹. Крестьянские движения воспринимаются как организованные коллективные

* Черешнева Лариса Александровна – доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

усилия, направленные на изменение мышления, убеждений, ценностей, взглядов крестьянства, социальных отношений и основных институтов общества или же, напротив, нацеленные на противодействие изменениям в любом из вышеупомянутых структурных элементов общества. Одним из таких социальных движений стало *тебхага* в Индии (1946–1949) под руководством коммунистов.

Задача данной статьи – охарактеризовать его в контексте истории Коммунистической партии Индии. В переводе с бенгали *тебхага* означает «третья часть». Так именуется движение крестьян-издольщиков (*баргадаров, адхиаров*) в Бенгалии в 1946–1949 гг. (до 15 августа 1947 г. в Британской Индии, затем до 1949 г. – в независимой Индии и Восточном Пакистане) за уменьшение арендной платы до 1/3 урожая.

Социальная и политическая жизнь Британской Индии была связана с появлением политических партий, которые стали возникать и активно действовать с конца XIX – первой четверти XX в. Наиболее авторитетной среди них являлась партия Индийский национальный конгресс (ИНК), созданная в 1885 г. Опиравшийся на широкие слои индийской национальной буржуазии, земельной аристократии, интеллигенции, крестьянства и средних слоев города, во главе с такими выдающимися лидерами, как Мохандас Карамчанд Ганди и Джавахарлал Неру, ИНК боролся за независимость страны и создание демократической республики.

На его фоне Коммунистическая партия была образована относительно поздно, в октябре 1920 г., в Ташкенте в среде индийских эмигрантов. В декабре 1925 г. она была воссоздана на объединительной конференции индийских марксистов в Канпуре. Компартия функционировала под эгидой Коммунистического Интернационала и ориентировалась на установки руководства международного коммунистического движения, находившегося в Москве. Она подвергала критике национальную буржуазию, Конгресс, Ганди и гандизм за их ненасильственные методы и сдерживание революции, долго оставалась малочисленной и не пользовалась влиянием. Коммунистическая идеология в Индии очевидно уступала буржуазному национализму в конкурентной политической борьбе, но со временем нашла опре-

деленную нишу в сознании беднейших слоев индийского крестьянства.

Первые крестьянские протестные выступления в Бенгалии под руководством КПИ происходили в 1920–1930 гг. В 1934 г. КПИ была запрещена местными властями, многие активисты оказались в тюрьмах. Однако значительная часть коммунистов укрылась в провинции, в глуши деревень, и нелегально продолжила борьбу. Они начали вести законспирированную и успешную работу по мобилизации беднейших слоев крестьянства, и в 1936 г. образовалась бенгальская *Кисан Сабха* (Бенгальский крестьянский союз), провинциальное отделение Всеиндийской *Кисан Сабхи*. Ее целями стало «обеспечение полной свободы крестьянства от экономической эксплуатации и достижение экономической и политической власти для крестьян и рабочих, для всех эксплуатируемых классов»².

Постепенно активисты *Кисан Сабхи* развернули широкую пропаганду «против тирании крупных землевладельцев»³, особенно популярную среди крестьян и рабочих. В конце 1930-х гг. *Кисан Сабха* радикализировала свою аграрную программу и в ноябре 1938 г. представила в Комиссию по земельным доходам провинциального министерства меморандум, в котором требовала «отменить заминдарство» и ввести право «крестьянской собственности»⁴.

Бенгальская деревня накануне достижения независимости Индии с точки зрения социальных и экономических параметров была отсталой, архаической. В основном использовались традиционные орудия и технологии возделывания земель, выращивания злаковых, плодовоовощных культур и пряностей. Засухи привели к значительным потерям лесного массива; охота, рыболовство давали меньший доход. В этой связи резко возросло демографическое давление на сельское хозяйство, так как иные, альтернативные, виды занятий населения полностью отсутствовали. Единственным «разгрузочным» фактором для сельского хозяйства была сезонная миграция отдельных каст и племен.

Бенгальская деревня оказалась в сложных исторических условиях, и требовались государственные усилия для вывода ее на новый уровень развития⁵. Аграрная экономика Бенгалии претер-

пела несколько мощных ударов, отразившихся на уровне жизни и умонастроениях крестьян. Депрессия 1929 г., великий голод 1943 г., Вторая мировая война привели к значительному ухудшению положения *баргадаров*. Невзирая на объективные трудности и вызванную ими угрожающую тенденцию обнищания, *баргадары* были обязаны выполнять свои повинности – отдавать часть полученного урожая землевладельцам. Активисты *Кисан Сабхи* оказывали помощь крестьянам, пострадавшим от засухи и голода, что укрепляло авторитет организации и установлению тесных контактов с населением бенгальских дистриктов. Личные связи, устная пропаганда помогали им агитировать арендаторов и *баргадаров* в пользу протестных акций: отказа вносить арендную плату или делиться урожаем с землевладельцами⁶.

Большое значение для левых сил Бенгалии имела резолюция КПИ, принятая в июле 1946 г., в которой партия призвала индийцев к революционной борьбе, и конкретно крестьянство – к участию в ней совместно с рабочим классом⁷. КПИ, как и СССР, не признала независимость Индии. В декабре 1947 г. КПИ оценила «Закон о независимости Индии» как «новый империалистический маневр». Она охарактеризовала пришедшее к власти правительство Дж. Неру как «правительство индийской крупной буржуазии», которое заключило соглашение «с британским империализмом и образовало союз с индийскими принцами и помещиками». И Москва, и КПИ заняли враждебную позицию по отношению к новой государственности Индии и по-прежнему считали ее «рабской страной под гегемонией англо-американского империализма»⁸. В руководстве КПИ всерьез задумались над тактикой, которой партии надлежало следовать для прихода к власти. Провинциальные выборы 1946 г. показали, что КПИ пользовалась ничтожной поддержкой народа – она смогла получить только 8 мест против 930, полученных ИНК. Теперь для КПИ было открыто два тактических курса⁹:

1) Объединенный фронт с ИНК, чтобы завоевать общественную поддержку, а затем прийти к власти демократическим путем,

2) путь вооруженной борьбы, революции, чтобы захватить власть и сформировать свое правительство в Индии насильственно.

В СССР индийским коммунистам было предложено пойти по второму пути, т.е. свергнуть правительство Неру, которое на раннем этапе испытывало большие трудности, решая серьезные проблемы реабилитации беженцев из Пакистана и вопросы формирования постколониального государственного аппарата и управления страной.

В ходе раздела Индии в 1947 г. провинция Бенгалия была расчленена на две части. В индийской Западной Бенгалии крестьяне-арендаторы, несмотря на изменение статуса и географии страны, традиционно отдавали землевладельцам (*заминдара*м, *джотедара*м) половину выращенного урожая.

Движение *тебхага* распространилось на самые труднодоступные районы Западной Бенгалии, такие как Сундарбан в дистрикте 24-Парганас, Домджур и Джагатбаллавпур в Хоурахе, Бора-Камалапур и Чандитала в Хугли, Джайпурский и Вишнупурский районы в Банкуре и на многие другие населенные пункты. Охватило *тебхага* и соседнюю провинцию Ассам¹⁰, где издольщина была распространенным явлением и проживало много зарегистрированных каст и племен.

Крестьяне прибегали к самым разнообразным методам борьбы. Из полицейских отчетов можно извлечь информацию о частных примерах, иллюстрирующих *тебхага* в действии. Так, в Хугли имели место столкновения с *заминдарами* и местными конгрессиистскими деятелями, поджоги домов и амбаров помещиков, диверсии и вооруженные нападения на крупных землевладельцев. Министр внутренних дел провинции Киран Шанкар Рой заявлял в Законодательном собрании, что «в этих районах (имеются в виду вышеперечисленные районы. — Л.Ч.) коммунисты властвуют более полугода. 22 февраля 1948 г. группа из 400–500 человек, с коммунистическими лозунгами, напала на дом одного из конгрессиистов, все члены его семьи были убиты... Также были сожжены некоторые административные здания и местная библиотека. 10 и 11 марта 1948 г. в деревне Камалпур несколько домов конгрессиистов вновь были атакованы и разрушены участниками движения»¹¹.

Организацию *тебхага* для КПИ и *Кисан Сабхи* осложняли многие юридические отягощения крестьян, ставившие их в уяз-

вимое положение. Каждый год землевладельцы заключали с ними новые договоренности, держали в зависимости. Крестьяне были вынуждены выполнять дополнительные экономические обязательства перед землевладельцами. С использованием собственного тягла, скота они распахивали участки помещиков, не получая никакой платы. В любое время по первому зову они должны были являться в дом *заминдара* для его нужд. Крестьяне, по своим ежегодным договоренностям, охраняли жизнь и имущество землевладельцев, не получая платы за эти услуги. Их заставляли давать ложные показания в суде, любой ценой защищать интересы землевладельцев. Обычной практикой являлись запреты для крестьян надевать цветную одежду, пользоваться зонтиком в присутствии помещиков, в знак уважения к последним. Крестьян вынуждали работать на поле помещиков в разгар сельскохозяйственного сезона без оплаты, только за продовольствие (система *бегар*). Они должны были относиться к землевладельцу как к кормильцу и проявлять к нему уважение во всех сферах жизни¹². В ходе *тебхага* землевладельцы имели все шансы отстоять свою правоту в суде независимой Индии, что юридически и психологически воздействовало на многих *баргадаров*, сужало базу движения.

Документы свидетельствуют о множественных фактах применения насилия участниками *тебхага*. Так, в населенных пунктах Гарбета, Панскура, Даспур, Тамлук, Чандрокона произошло более 17 случаев вооруженных выступлений крестьян под руководством КПИ¹³. В округе Раджшахи, на берегу Ганга, под руководством коммунистов восстали крестьяне Начоле. Деревни Гхасура, Чандипур, Кендуа, Раутара, Джагдаи, Дхарол, Шиампура и Напитпара отказались платить аренду землевладельцам, были случаи убийства помещиков. Крестьяне объявляли освобожденные районы «*тебхага элака*» и на общих собраниях избирали свои органы власти – «комитеты *тебхага*», объявляли о полной ликвидации помещичьего землевладения.

Участие женщин в движении показало глубину социального протеста, включения наиболее изолированной от социально-политической борьбы части бенгальского населения, заботу женщин о решении насущных социальных проблем. Женщины

участвовали в столкновениях с полицией, в митингах, агитационных и организационных мероприятиях. Они заботились о питании борцов *тебхага*, о запасах продовольствия, обеспечивали связь между активистами подполья¹⁴. Среди участников движения хорошо известны женщины: Рани Митра Дасгупта, Маникунтала Сен, Рену Чакравартти и Бимала Маджи. Был создан женский батальон «Нарибахини», а его лидером стала Бимала Маджи, которой при аресте вменили в вину «совершение 140 преступлений»¹⁵.

Власти бросали на подавление движения воинские подразделения и полицейские отряды, шла настоящая война между крестьянскими отрядами и карателями, которых поддерживали отряды помещичьих наёмников. Только прибывшие в начале 1950 г. крупные правительственные силы подавили восстание. Репрессии и аресты прокатились по всей Западной Бенгалии и Ассаму, в тюрьмы были заключены не менее 30 местных вожakov *тебхага*, мужчин и женщин¹⁶. Кровавое пролитие, смерть и пытки, которым подверглись крестьяне и их семьи за антиправительственные выступления, казалось, были напрасны¹⁷. Многие деревенские активисты сдались землевладельцам, чтобы избежать пыток и защитить свою семью и имущество. Политические события общендийского масштаба, подготовка конституции, учреждение демократических институтов власти в центре и на местах отодвинули на задний план идеологию и практику *тебхага*.

Итак, движение, начавшееся на северо-востоке Индостана при колониальном режиме, не завершилось после ухода британцев. Сохранение их земельно-налоговой системы заминдарства в Бенгалии после 1947 г. возмущало беднейшую часть индийского крестьянства. *Тебхага* стало одним из самых мощных вооруженных движений протеста в независимой Индии при Неру, показавших сложную систему социально-экономических и политических противоречий постколониального общества на его пути к становлению суверенной самодостаточной экономики (при сохранении крупной частной собственности). Что касается КПИ, то ее положение к началу 1950-х гг. было незавидным: крестьянские выступления были подавлены, рабоче-крестьянской революции не случилось. На общенациональном уровне ее деятель-

ность была ещё разрешена, но правительства почти всех регионов запретили деятельность коммунистов.

Но конструктивный результат *тебхага* все же был. Правительство Западной Бенгалии законодательно ограничило арендную плату землевладельцам одной третью урожая. Согласно Закону 1950 г., крестьяне объявлялись владельцами своих земельных участков. Таким образом, правительство Неру и его региональные министерства, сочетая силовые способы подавления массовых протестов и применение социальных реформ, способствовали понижению порога конфликтности в обществе и обеспечивали долгие периоды власти ИНК и стабильности в Индии.

¹ Dhanagare D.N. Peasant Protest and Politics – the Tebhaga Movement in Bengal (India) 1946–47 // Journal of Peasant Studies. 1976. № 3 (3). P. 613–614.

² Rasul M.A. A History of All India Kisan Sabha. Calcutta, 1974. P. 5.

³ Ibid.

⁴ Sen S. The Kisan Sabha // Peasant Struggle in India. Bombay, 1979. P. 433–436.

⁵ Singha Roy D.K. Women in Peasant Movements: Tebhaga, Naxalite and After. Delhi, 1992. P. 46.

⁶ Dhanagare D.N. Op. cit. P. 166–169.

⁷ Documents of the History of the Communist Party of India. Vol. VII (1948–50). New Delhi, 1976. P. 124–130.

⁸ Sinha V.B. The Red Rebel in India. A Study of Communist Strategy and Tactics. New Delhi, 1968. P. 42.

⁹ Ibid.

¹⁰ Proceedings of the Assam Legislative Assembly, 12th March, 1948. P. 24–25; Bandyopadhyay S. Decolonization in Asia. Meaning of Freedom in Post Independence West Bengal 1947–1952. L., 2009. P. 116.

¹¹ Weekly Confidential Report Ending 29th November, 1948 by SP, Cachar, No. 2881 – 82/C dt. 8.11.1947.

¹² Singha Roy D.K. Op. cit. P. 54.

¹³ Biswas G. Peasant Movement in North East India (1946–1950). New Delhi, 2002. P. 96–97, 111.

¹⁴ О произведениях индийских художников, посвященных женщинам тебхага в движении, см.: Hore S. Tebhaga. An Artist's Diary and Sketchbook. Calcutta, 1990.

¹⁵ National Archives of India. Government of India. Ministry of Home Affairs. 1949. Branch Police I. File № 12/A. P. 12–13.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Ibid. P. 14–15.

Раздел VI

ДРУГИЕ СТРАНЫ И РЕГИОНЫ

Н. Н. Цветкова*

ВОСТОЧНЫЙ СОЦИУМ В ПЕРСПЕКТИВЕ: НИЗШИЕ ГОРОДСКИЕ СЛОИ И АВТОМАТИЗАЦИЯ

Резюме: В статье рассматриваются низшие городские слои в странах Востока, которые в значительной степени связаны с неформальным сектором города. Важная составная часть низших слоев города – мелкие торговцы. В прогнозах МОТ о воздействии автоматизации на занятость в странах Востока (в частности, в 5 странах Юго-Восточной Азии) утверждается, что риск вытеснения мелких торговцев автоматизацией очень велик. Каковы же перспективы для восточного социума?

Ключевые слова: низшие слои города, неформальный сектор, мелкие торговцы, занятость, автоматизация.

Summary: The article deals with lower urban strata in Asian countries that are connected with the non-agricultural informal sector. An important part of lower urban strata are salespersons, hawkers. In forecasts on automation impact on employment in Asian countries, hawkers, salespersons are indicated as an occupation with the greatest risk of loss of jobs. What are the prospects for oriental society?

Key words: lower urban strata, informal sector, informal employment, salespersons, employment, automation.

Низшие слои города и неформальная занятость

В коллективной монографии под руководством выдающегося отечественного востоковеда А. И. Левковского, выпшедшей уже после его смерти (1986), был представлен детальный анализ

* Цветкова Нина Николаевна – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИВ РАН

анатомии низших городских слоев в странах Востока, в частности таких сегментов, как ремесленники, мелкие торговцы, низшие слои государственных служащих, представители традиционных низов¹. Низшие слои города связаны с неформальным сектором, хотя не все, кто работает в неформальном секторе, могут быть отнесены к низшим слоям (есть и «миллионеры из трущоб»), и не все представители низших слоев связаны с неформальным сектором – они могут иметь рабочие места на зарегистрированных предприятиях, в учреждениях. В монографии говорилось и о низших слоях государственных служащих, и о нефабричном пролетариате, а в последние годы в практику, и не только в странах Востока, вошло понятие «работающие бедные». Вместе с тем связь низших слоев города и неформального сектора очевидна. Очевидно и другое: их колоссальный удельный вес в городском населении, в городской занятости по сравнению с 1970-ми гг. во многих странах не только не сократился, но и возрос.

А. И. Левковский писал и о неформальном секторе, когда это понятие только появилось: «В начале 70-х годов в докладе по Кении, подготовленном группой экспертов МОТ в рамках Всемирной программы занятости, появилось деление на формальный и неформальный сектор. Показательна изначальная широта признаков неформального сектора: 1) легкость вхождения; 2) ориентация на местные ресурсы; 3) семейная форма собственности; 4) малый размах операций; 5) трудоинтенсивная технология; 6) квалификация, полученная за пределами систем обучения для формального сектора; 7) нерегулируемый и открытый для конкуренции рынок; 8) игнорирование властями и иными официальными институтами существования неформального сектора». «...Разные исследователи продолжают давать свои определения его социальных рамок (городская беднота, семьи с низкими доходами, городское население, живущее в трущобах и т. д.). Преобладание проблем занятости и бедности, однако, характерно для большинства подходов»². Следует отметить, что не все критерии обязательно соблюдаются. Легкость вхождения, например, может быть не столь уж большой – здесь большую роль играют

разного рода неформальные связи: земляческие, этноконфессиональные.

В 1993 г. на международной конференции по статистике трудовых отношений было дано определение, что «неформальный сектор – это незарегистрированные предприятия или мелкие неакционерные предприятия (например, менее чем с 5 занятыми). К занятым в неформальном секторе относятся владельцы мелких предприятий, а также работающие по найму и семейные работники на предприятиях неформального сектора». В 2003 г. концепция неформального сектора была расширена до концепции «неформальной занятости». К числу работников с неформальной занятостью, кроме занятых в неформальном секторе, относятся наемные работники предприятий организованного сектора и семейные работники, не охваченные системой социальной защиты. Понятие «неформальная занятость» включает всю занятость без социальной защиты и в неформальном секторе, и в организованном (формальном) секторе, и в домохозяйствах³. «Неформальная занятость не только не сократилась, но она появляется в новом обличье и неожиданных местах. Кроме того, в период глобального финансового и экономического кризиса 2008–2009 гг. неформальный сектор дал работу тем, кто ее лишился в организованном секторе. Есть еще концепция нестандартной занятости, к которой относят частичную, временную занятость, труд самозанятых, субподряды и поденную работу», – отмечено в докладе Международной организации труда (МОТ) 2013 г. В 15 из 41 страны, по которым есть соответствующие данные в докладе, неформальная занятость в начале 2010-х гг. превышала 2/3 всех занятых в несельскохозяйственной сфере, в 24 странах она была выше 1/2⁴.

Хотя модернизация экономики стран Азии способствовала в последние десятилетия росту занятости в современной промышленности, современных услугах (впрочем, достаточно ограниченному), доля низших слоев в городской занятости остается более чем значительной. А перспектива – внедрение новых трудосберегающих технологий: автоматизация, роботизация.

Таблица 1

**Занятость в неформальном секторе и неформальная
занятость за пределами неформального сектора
(% от несельскохозяйственной занятости)**

Страна	Год	Доля занятых в неформальном секторе (% от занятых в несельскохозяйственной сфере)	Неформальная занятость за пределами неформального сектора в несельскохозяйственной сфере, %	Всего неформальная занятость (% от занятых в несельскохозяйственной сфере)
Китай	2010	21,9	12,5	34,4
Шри-Ланка	2009	50,5	11,6	62,1
Вьетнам	2009	43,5	25,0	68,5
Индонезия	2009	60,2	12,2	72,4
Пакистан	2009/10	73,0	8,3	81,3
Филиппины	2008	72,5	11,5	84,0
Индия	2009/10	67,5	16,8	84,3
Уганда	2010	59,8	13,7	73,5
Танзания	2005/06	51,7	25,0	76,7
Мали	2004	71,4	11,3	82,7
Либерия	2010	49,5	10,8	60,3
Мадагаскар	2005	51,8	21,9	73,7

Составлено по: Women and Men in the Informal Economy: A Statistical Picture. Second Edition. ILO; Geneva, 2013. P. 9–11.

Относительно невелика к началу 2010-х гг. была доля неформальной занятости в несельскохозяйственной сфере (34,4%) в Китае, который стал второй экономикой мира, крупнейшей промышленной державой планеты (см. табл. 1). Вторая из двух крупнейших стран мира Индия – быстро развивающаяся страна с высокими темпами роста, с современной промышленностью и передовыми услугами, стала одним из мировых лидеров в сфере ИТ-услуг. Однако занято в сфере ИТ-услуг порядка 3 млн человек. А основная масса занятых сосредоточена в неформальном секторе. В Индии в 2009/10 г. насчитывалось 185,9 млн человек с неформальной занятостью, в том числе в городах – 90,8 млн человек и в сельской местности – 95,1 млн человек. На нефор-

мальный сектор приходилось 67% всех занятых в несельскохозяйственной сфере, еще 16,8% – на неформальную занятость вне неформального сектора, всего же на неформальную занятость – 83,8% от всей несельскохозяйственной занятости! На неформальную занятость приходилось 97,6% всех занятых в строительстве, 97,2% – занятых в сфере торговли, 87,1% – в производстве промышленной продукции, 84,5% – в сфере транспорта и 59,9% – в сфере услуг (без торговли и транспорта). То есть подавляющее большинство занятых в несельскохозяйственной сфере относилось к неформальному сектору или имело неформальную занятость; в сфере торговли и строительства, транспорта – практически все (хотя есть в Индии и крупные гипермаркеты, и крупные строительные, транспортные компании). Среди всех лиц с неформальной занятостью 18% было сосредоточено в сфере услуг (без торговли и транспорта), 24,4% – в обрабатывающей промышленности, 23,9% – в сфере торговли, 23,1% – в строительстве⁵.

В крупнейшей мусульманской стране мира – Индонезии в 2009 г. с неформальной занятостью было связано 72,5% занятых в несельскохозяйственной сфере, в том числе 91,9% занятых в строительстве, 90,9% – в сфере торговли, 77,9% – в сфере транспорта, 65,8% – в сфере услуг (без торговли и транспорта), 56,5% – в обрабатывающей промышленности. Среди лиц с неформальной занятостью 29,5% приходилось на сферу услуг (без торговли и транспорта), 20,5% – на обрабатывающую промышленность, 30,8% – на торговлю⁶.

В 2010-х гг. Вьетнам вошел в число стран с наиболее динамичными темпами роста. Он включился в группу стран – экспортных платформ по производству трудоемкой продукции. В 2015 г. Вьетнам занял четвертое место в мире по экспорту телекоммуникационного оборудования, в нем разместили производства такие крупные корпорации из стран Востока, как «Самсунг электроникс», LG, «Хон Хай» («ФоксCONN»), занятость в современном производстве возросла. Однако число лиц с неформальной занятостью в несельскохозяйственной сфере во Вьетнаме достигало в 2009 г. 17,2 млн человек, 68,2% от общего числа занятых в несельскохозяйственной сфере, причем особенность

Вьетнама заключалась в том, что в этой цифре доля занятых в неформальном секторе составляла 43,5%, высокой была доля неформальной занятости вне неформального сектора – 24,7% несельскохозяйственной занятости. Доля неформальной занятости среди занятых в сфере торговли составляла 75,8%, в строительстве – 89,9%, в транспорте – 72,7%, в обрабатывающем производстве – 58,7%. Из лиц с неформальной занятостью 27,3% было сосредоточено в обрабатывающей промышленности, 27% – в торговле⁷.

В Таиланде в 2010 г. число лиц с неформальной занятостью оценивалось в 9,6 млн человек, на неформальную занятость приходилось 42,3% всей занятости в несельскохозяйственной сфере (что заметно ниже, чем в Индии, Индонезии, Вьетнаме). Доля неформальной занятости в общем числе занятых в сфере торговли достигала 66,1%, в строительстве – 46,6%, в сфере транспорта – 49,8%. Из общего числа лиц с неформальной занятостью наибольшее число (41,9%) приходилось на сферу торговли, еще 31,2% – на услуги (без транспорта и торговли)⁸.

В Пакистане в 2009/10 г. доля неформального сектора в несельскохозяйственной занятости составляла 73%, кроме того, на неформальную занятость вне неформального сектора приходилось еще 8,3%, итого с неформальной занятостью было связано 81,3% всех работающих в несельскохозяйственной сфере. Среди лиц, занятых в неформальном секторе, 45% составляли наниматели, самозанятые и работники кооперативов, 44,1% – наемные работники и 10,6% – неоплачиваемые семейные работники. На неформальную занятость приходилось 96,7% всех занятых в строительстве и 96,1% – занятых в торговле, т.е. эти сектора почти полностью относились к неформальной занятости. Несколько ниже (но очень высокой) была доля неформальной занятости среди работающих в сфере транспорта – 84,9% и промышленности – 80%. Из общего числа лиц с неформальной занятостью в 21,9 млн человек наибольшая доля была сосредоточена в торговле (40,4%, порядка 9 млн человек), далее шли услуги (без торговли и транспорта) (26,1%), обрабатывающая промышленность (17,7%), строительство (9,4%) и транспорт (6,5%). Если рассматривать гендерные аспекты, то на сферу тор-

говли приходилось 31,7% общего числа женщин с неформальной занятостью⁹. Социальная значимость сферы торговли была колоссальной (более 2/5 неформальной занятости в несельскохозяйственной сфере, в то время как на неформальную занятость приходилось 4/5 всей занятости вне сельского хозяйства, то есть около 1/3 от всей несельскохозяйственной занятости). Сравним эти данные с 1972 г., тогда доля городской рабочей силы, занятой в неформальном секторе, определялась в 69%¹⁰. Доля неформального сектора в занятости в Пакистане не только не сократилась, она возросла!

Экономист Али Камаль отмечает, что неформальный сектор абсорбирует людей, которые иначе были бы безработными, предоставляет более дешевые услуги с более низкими издержками и дополняет формальный сектор¹¹. По некоторым оценкам, неформальный сектор Пакистана дает около 90 млрд долл. добавленной стоимости и мог бы генерировать налоговые поступления на сумму в 9 млрд долл. Некоторые эксперты считают, что глобализация в Пакистане привела к сокращению крупного индустриального производства и к росту неформального сектора. Экономист Кайзер Бенгали называет это расширение неформальной занятости «обратным эффектом каскада», «который втягивает тех, кто находится в самых низших слоях пакистанской экономики»¹².

При обследовании неформального сектора в Карачи, проведенном сотрудниками британского Кардиффского университета (2017 г.), было опрошено более 218 занятых в неформальном секторе в районах крупных рынков, таких как Садар Таун, Лиари, Оранджи. Среди опрошенных 48% составляли торговцы, они продавали кожаные изделия, ткани, овощи, фрукты, готовую еду, бакалейные товары, газеты. 23% опрошенных оказывали услуги, среди них были охранники, сапожники, ремонтировавшие обувь, носильщики, уборщики, механики, слесари. Среди опрошенных 37% вели свой «бизнес» прямо на улице, 15% – на рыночных лотках без крыши и только 26% – в помещении с крышей. Из 218 человек 57% родились в Карачи, 43% были мигрантами из Синда, Белуджистана, Панджаба. 5% мигрантов приехали в Карачи из Афганистана, Индии. 37% работников неформального сектора, участвовавших в опросе, не имели никакого образования, 33% окончили

начальную школу, но 5% опрошенных имели высшее образование. В Карачи безработица среди образованной молодежи достигает 40%. На улице или с лотков вели свой «бизнес» 53% торговцев, 42% работников сферы услуг. Среди работающих с улицы больше мигрантов. 76% уличных торговцев или торговцев с лотков работали в одиночку, были самозанятыми. Работа носила сезонный характер, а занятость отличалась уязвимостью, была нестабильной. Многие работали не на одной, а на двух или нескольких работах. Государственной поддержки не было, при этом торговцы жаловались, что чиновники вымогают у них взятки¹³. Большим спросом пользовалась торговля готовой едой. Продажа еды процветает – торговцы работают до глубокой ночи.

Кстати, даже в Сингапуре уличная еда остается популярной и сейчас, когда Сингапур превратился в суперсовременный мегаполис. Уличная торговля готовыми блюдами в Сингапуре включена в список Всемирного наследия ЮНЕСКО. В Сингапуре насчитывается около 6000 уличных торговцев готовой едой, сконцентрированных в сотне «точек»¹⁴.

В Турции доля неформальной занятости в несельскохозяйственной занятости была намного ниже, чем в Пакистане – 30,6% (4,9 млн человек). Заметно выше, чем в Пакистане, была доля в неформальной занятости работающих по найму (60%), в то время как доля наймодателей, самозанятых и работников кооперативов составляла 30,7%, а доля семейных работников – 9,2%. На неформальную занятость приходилось 55,2% занятых в строительстве, 39,6% – занятых в торговле, 35% – в сфере транспорта, 25,6% – в промышленности. В общей численности лиц с неформальной занятостью в несельскохозяйственной сфере доля торговли составляла 37,3%, обрабатывающей промышленности – 22,7%, услуг – 17,9%, строительства – 14,3%. В торговле было занято 29,5% женщин с неформальной занятостью, в обрабатывающей промышленности – 34,8%¹⁵.

Итак, в странах Востока и к началу 2010- х гг. очень высоким оставался удельный вес неформального сектора и неформальной занятости в целом в общем числе занятых в несельскохозяйственной сфере. Относительно ниже он в странах, дальше продвинувшихся по пути экономической модернизации: в

Китае (34,4%), в Турции (30%), в Таиланде (42%). Однако даже в странах, добившихся немалых успехов в развитии современных производств в промышленности и сфере услуг, он остается весьма высоким: 83,8% – в Индии, 72,5% – в Индонезии, 68,2% – во Вьетнаме. Характерно, что доля неформальной занятости в общем числе занятых в несельскохозяйственной сфере в Индии находится на таком же уровне, как в Пакистане.

Структура неформальной занятости по отраслям имеет определенные различия в разных странах: высокая доля обрабатывающей промышленности и строительства и низкая доля транспорта в Индии, в других странах (например, в Пакистане) выше доля транспорта. Однако практически для всех рассмотренных стран характерна высокая доля сферы торговли в неформальном секторе и неформальной занятости.

«И при развитии промышленного производства продолжают существовать предпосылки для гипертрофированного роста занятости в сфере мелкой торговли ... по мере развития индустриализации, как это ни парадоксально, число мелких торговцев возрастает». Сфера мелкой торговли выполняет важную социальную функцию, абсорбируя избыточную рабочую силу. «Численность и удельный вес мелких торговцев в самодельном населении зависят от остроты проблемы занятости, от роста относительно избыточного населения, выталкиваемого традиционными структурами, от остроты проблемы абсолютной и относительной бедности»¹⁶. Лишь на достаточно высокой стадии индустриализации значимость неформального сектора – мелкой торговли – снижается (Китай, Турция) (см. табл. 1). А перспектива – внедрение новых трудосберегающих технологий: автоматизация, роботизация.

Низшие слои города и автоматизация

Сотрудники Оксфордского университета Карл Бенедикт Фрей и Майкл Осборн в 2013 г. опубликовали исследование рисков замены рабочих мест в результате компьютеризации по 702 специальностям применительно к США. Они анализировали эти риски с помощью математических методов. Всего под угрозой в США находится 47% рабочих мест¹⁷.

Таблица 2

**Риск потери рабочих мест в результате компьютеризации
к 2030 г. (Оксфордский проект, 2013 г.)**

Профессиональные группы	Место	Вероятность от 0 до 1
<i>Высокий риск</i>		
Швеи, ручной труд	700	0,99
Офисный персонал: бухгалтер, аудит	671	0,98
Кассиры	657	0,97
Сельскохозяйственные рабочие	647	0,97
Работники животноводства	619	0,95
Уличные торговцы, разносчики, продавцы газет	606	0,94
Служащие в отелях, мотелях, курортных заведениях	604	0,94
Курьеры	599	0,94
Официанты	592	0,94
Промышленные рабочие в целом	572	0,92
Продавцы в розничных торговых заведениях	570	0,92
Бармены, персонал кафе-териев	555	0,91
Строительные рабочие, неквалифицированные	512	0,88
Работники лесного хозяйства	502	0,87
Портные, закройщики	479	0,84
Горничные, уборщицы	381	0,69
<i>Низкий риск замены в результате компьютеризации</i>		
Консьержи	211	0,21
Топ-менеджеры	70	0,15
Инженеры	63	0,14
Учителя и преподаватели, прочие	48	0,095
Учителя средней школы	41	0,0078
Учителя начальной школы	20	0,0044
Врачи и хирурги	15	0,0042
Психологи	17	0,043
Социальные работники	4	0,0031
Менеджеры антикризисного управления	3	0,003
Наладчики, ремонтники механического оборудования	2	0,003
Специалисты по трудотерапии и социально-бытовой реабилитации	1	0,0028

Составлено по: Frey C.B., Osborne M.A. The Future of Employment: How susceptible are jobs to computerization? Univ. of Oxford, 2013. P 57–72.

В Оксфордском проекте выделены, с одной стороны, рабочие места с максимальной вероятностью замены в результате компьютеризации – это промышленные рабочие, работники торговли, уличные торговцы, официанты, бармены (?), персонал гостиниц, низший офисный персонал, и, с другой стороны, «незаменимые»: среди них – специалисты по трудотерапии и социально-бытовой реабилитации; наладчики, ремонтники механического оборудования (роботов), менеджеры антикризисного управления, социальные работники, учителя, врачи, топ-менеджеры и консьержи (?) (см. табл. 2).

Согласно опубликованному в 2016 г. МОТ прогнозу, к 2030–2036 гг. (через 20 лет) автоматизация поставит под угрозу 56% рабочих мест в 5 странах Юго-Восточной Азии: Индонезии, Таиланде, Вьетнаме, Камбодже, на Филиппинах. Автоматизация затронет трудоемкие ориентированные на экспорт отрасли – швейную, электронную промышленность¹⁸.

Таблица 3

Индонезия: рабочие места с высоким и низким риском замены автоматизацией к 2036 г., %

Категории занятых	Число занятых 2015 г., тыс.	Риск автоматизации, %
<i>Высокий риск замены рабочих мест в результате автоматизации</i>		
Торговцы на рынке и с уличных лотков	14 324	94
Садовники	9105	81
Производители сельскохозяйственной продукции на продажу	5943	76
Работники, занятые в натуральном сельском хозяйстве и рыболовстве	2558	85
Строительные рабочие, неквал.	2133	80
Уличные торговцы едой	1892	90
Продавцы в магазинах	1771	76
Прочий офисный персонал	1652	93
Каменщики	1476	84
Портные	1119	84

Окончание таблицы 3

<i>Низкий риск замены рабочих мест в результате автоматизации</i>		
Учителя начальной школы	1870	8,7
Оказание личных услуг, прочие, неклассифицированные работники	1131	27,9
Учителя средней школы	1177	7,1
Ремесленники: плетение корзин и изготовление щеток	671	3,5
Строительные рабочие, из традиционных материалов	489	7,1
Учителя, дошкольное образование	448	7,9
Прочие преподаватели	397	8,9
Менеджеры	254	9,0
Менеджеры, торговля	249	16,0
<i>Риск автоматизации по отраслям (% от общего числа занятых)</i>		
Все отрасли		56,2
Сельское хозяйство, рыболовство, лесоводство		50,0
Горнодобывающая промышленность		14,2
Обрабатывающая промышленность		55,7
Производство компьютеров и электронная промышленность		64
Швейная промышленность		62
Строительство		80,8
Оптовая и розничная торговля		91,1
Гостиницы и рестораны		77,9
ИКТ		53,8
Образование		9,2
Здравоохранение		23,4

Источник: ASEAN in Transformation: the future of jobs at risk of automation. http://www.ilo.org/public/english/dialogue/actemp/downloads/publications/2016/asean_in_transf_2016_r2_future.pdf. P. 32, 30.

Индонезия – крупнейшая мусульманская страна мира, уже в силу этого она имеет немало общего со странами Ближнего и Среднего Востока. Среди низших слоев города в Индонезии важное место занимают мелкие торговцы, существуют подробные

описания иерархии мелких торговцев в Индонезии, роли «экономического персонализма» – земляческих связей, этноконфессиональных факторов¹⁹. Согласно прогнозу МОТ, в Индонезии по профессиональным категориям автоматизация больше всего угрожает мелким торговцам: среди торговцев на рынке и с уличных лотков (их в 2015 г. насчитывалось 14,3 млн) 93% лишатся работы, среди уличных торговцев готовой едой (их 1,9 млн) – 90%, среди продавцов в магазинах (1,8 млн) – 76%. Только к этим трем категориям занятых в торговле относилось в 2015 г. в Индонезии около 18 млн человек (см. табл. 3). Всего в сфере торговли под угрозой 91% рабочих мест.

Высокий риск потерять работу из-за автоматизации существует и для работников сельского хозяйства, их было порядка 18 млн в трех категориях, которые выделили авторы доклада, и риск от автоматизации для них оценивался в 76–85%, а в целом в сельском хозяйстве, рыболовстве автоматизация может вытеснить 50% рабочих мест.

Таблица 4

**Вьетнам: рабочие места с высоким и низким риском
замены автоматизацией к 2036 г., %**

Категории занятых	Число занятых, 2015 г., тыс.	Риск автоматизации, %
<i>Высокий риск замены рабочих мест в результате автоматизации</i>		
Сельскохозяйственные рабочие, растениеводство	12 770	87
Торговцы, на рынке и с лотков	3 893	94
Сельскохозяйственные рабочие, животноводство	2 558	87
Продавцы в заведениях розничной торговли	2 121	95
Садовники и поденщики в садоводстве и овощеводстве	1 006	95
Крестьяне, ведущие натуральное хозяйство, зерновое хозяйство	934	87
Строительные рабочие	911	80
Работники сферы рыболовства и рыбоводства / аквакультуры/	842	83
Операторы швейных машин	769	89
Производители животноводческой продукции	694	76

Окончание таблицы 4

<i>Низкий риск замены рабочих мест</i>		
Строители жилых домов	1599	7,1
Учителя средней школы	338	0,8
Учителя начальной школы	457	8,7
Ремесленники, плетение корзин и работа по дереву	196	3,5
Учителя дошкольного образования	165	7,9
Учителя старших классов средней школы	162	0,8
Ремесленники, ручная работа	161	3,5
Работники яслей	158	5,8
Аналитики по вопросам менеджмента и организаций	153,5	7,1
<i>Риск замены рабочих мест в результате автоматизации по отраслям</i>		
Все отрасли		70,4
Сельское хозяйство, рыболовство, лесоводство		83,3
Горнодобывающая промышленность		31,7
Обрабатывающая промышленность		74,4
Строительство		40,6
Торговля и авторемонтные работы		84,1
Отели и рестораны		93,0
ИКТ-услуги		32,2
Финансы и страхование		45,6
Образование и профессиональное обучение		7,6
Здравоохранение и социальные работники		13,1
Домашняя прислуга		9,0

Составлено по: Источник к табл. 3.

Среди двух ведущих категорий занятых во Вьетнаме, которые могут пострадать от внедрения автоматизации (и по численности занятых в настоящее время, и по доле рабочих мест с риском замены), первая – это работники сельского хозяйства (численность четырех групп, фигурирующих в прогнозе, – почти 19 млн в 2015 г., риск – от 83% до 95%). Вторая категория – торговцы на рынках и с лотков, продавцы в магазинах – около 6 млн

в 2015 г., риск замены – 94–95%. В городе – это самая многочисленная категория. По отраслям высокий риск потери работы из-за автоматизации прогнозируется в торговле – 84%, сельском хозяйстве – 83%. Но высок риск и в современных производствах – 74% в обрабатывающей промышленности (среди профессиональных категорий особенно велик риск у работников швейной промышленности (89%) – важной экспортной отрасли для Вьетнама), под угрозой 93% рабочих мест в гостиницах и ресторанах, а Вьетнам стремится развивать туризм.

Таблица 5

Таиланд: рабочие места с высоким и низким риском замены автоматизацией к 2036 г., %

Категории занятых	Число занятых, 2015 г., тыс.	Риск автоматизации, %
<i>Высокий риск замены рабочих мест в результате автоматизации</i>		
Крестьяне, ведущие натуральное хозяйство, растениеводство \ зерноводство\	3306	87
Продавцы в заведениях розничной торговли	992	95
Торговцы, на рынке и с лотков	891	94
Сельскохозяйственные рабочие, растениеводство	786	87
Производители животноводческой продукции	671	76
Продавцы готовых блюд	624	93
Повара	606	73
Строительные рабочие	582	80
Офисный персонал	422	97
Бухгалтеры	403	98
<i>Низкий риск замены рабочих мест</i>		
Хозяева розничных торговых заведений	1166	16
Менеджеры, торговля	440	16
Учителя начальной школы	385	8,7
Менеджеры в строительстве	228	7,1
Учителя средней школы	207	0,8
Электрики	196	15
Традиционная верхушка и главы деревень	185	1,5

Окончание таблицы 5

Ремесленники, плетение корзин и работа по дереву	172	3,5
Менеджеры ресторанов	153	8,3
Финансовые директора	146	6,9
<i>Риск замены рабочих мест автоматизацией по отраслям</i>		
Все отрасли		44,2
Сельское хозяйство, рыболовство, лесоводство		32,9
Горнодобывающая промышленность		37,0
Обрабатывающая промышленность		65,4
Строительство		70,0
Торговля и авторемонтные работы		50,7
Отели и рестораны		84,8
ИКТ-услуги		34,2
Финансы и страхование		40,3
Образование и профессиональное обучение		10,0
Здравоохранение и социальные работники		17,8
Домашняя прислуга		20,5

Составлено по: Источник к табл. 3.

В Таиланде, как и в Индонезии, Вьетнаме, больше всего пострадают от автоматизации две категории занятых. Первая категория – это занятые в сельском хозяйстве: крестьяне, ведущие натуральное хозяйство в растениеводстве (87% из 3,3 млн, т. е. 2,9 млн), занимающиеся животноводством (76% из 0,7 млн человек), сельскохозяйственные рабочие в растениеводстве (87% из 0,8 млн человек), производители продукции животноводства. Вторая категория – различные типы занятых в торговле: продавцы (95% из почти 1 млн человек, или 0,95 млн), торговцы на рынке и с лотков (94% из 0,9 млн человек, или 0,85 млн), продавцы готовой еды (93% из 0,6 млн человек, или 0,58 млн).

Среди тех, кто меньше всего испытывает риск замены в результате автоматизации во всех трех странах – Вьетнаме, Индонезии, Таиланде – названы учителя начальной, средней школы – действительно, роботам трудно будет справиться с детьми, и тем более с подростками. Меньше угрожает автоматизация высококвалифицированным ремесленникам: в Таиланде и Вьетнаме – заня-

тым плетением корзин и работой по дереву, в Индонезии сюда добавляется изготовление щеток (но они немногочисленны по сравнению с мелкими торговцами – в Таиланде их около 150 тыс., а торговцев, попавших в поле зрения авторов доклада, – 2,5 млн, в Индонезии торговцев трех категорий – 18 млн). Среди тех, кому автоматизация не угрожает, – традиционная верхушка, главы деревень (Таиланд), топ-менеджеры (все три страны).

В обрабатывающей промышленности, в развитии которой Таиланд достиг немалых успехов (например, он являлся к 2015 г. крупным экспортером электроники: компьютерного оборудования, электронных компонентов), под угрозой 65% рабочих мест. Таиланд стал крупным центром туризма: но автоматизация может лишить рабочих мест 85% занятых в отелях и ресторанах.

Во всех трех странах ЮВА параллельно сократятся возможности занятости и в современном производстве, где успешно развивается автоматизация, и в традиционных сферах занятости – сельском хозяйстве, мелкой торговле, где сегодня сосредоточена основная масса занятых.

Подобные прогнозы по странам Ближнего и Среднего Востока, Южной Азии автору настоящей статьи найти не удалось. Но если учесть колоссальную численность мелких торговцев в Пакистане, Индии, их долю в неформальном секторе, в неформальной занятости, то последствия от их возможной замены роботами, торговыми автоматами представляются просто катастрофичными. Кстати, торговые автоматы существуют уже довольно давно, но пока трудно представить себе ряды торговых автоматов вместо мелких торговцев на подступах к восточному (или африканскому) рынку или вместо этих рынков.

Нетрудно заметить, что авторы прогноза МОТ по странам ЮВА использовали выводы доклада Фрея и Осборна, которые относились к США. Среди занятий, которые могут быть вытеснены автоматизацией, в Оксфордском проекте фигурируют швеи, уличные торговцы, разносчики, продавцы газет, продавцы в розничных торговых заведениях, сельскохозяйственные рабочие. Лишь незначительная доля населения занята в США в сельском хозяйстве. Последствия их вытеснения роботами не столь драматичны. А в странах Азии и Африки и доля, и численность заня-

тых в сельском хозяйстве колоссальны. В США нет такой армии мелких торговцев, как в странах Азии и Африки, эта сфера не столь критична в качестве резервуара для избыточной занятости (к тому же уже сейчас есть система социальных пособий).

По числу рабочих мест, которые могут быть ликвидированы в результате автоматизации, на первом месте в городах стоит сфера мелкой торговли, лишатся работы мелкие торговцы: уличные торговцы, разносчики, торговцы едой с лотков. Между тем мелкие торговцы весьма многочисленны среди низших слоев города и в странах Ближнего и Среднего Востока, и в странах Африки, они вносят вклад в создание особого колорита восточного города. Сфера мелкой торговли выполняет важные социальные функции, она служит резервуаром для избыточной рабочей силы, которая не востребована современным организованным сектором.

В результате возможен коллапс. Одновременно могут сузиться возможности занятости и в современном секторе промышленности, услуг, и в неформальном секторе, в сфере мелкой торговли. Что станет с массой «избыточного» населения? Какими могут быть ответы на эти вызовы? Выплата базисного общедоступного дохода (БОД)? «Марш-бросок» на Север, в развитые страны? Востоковед А. Фурсов делает прогноз о том, что в 2030–2040 гг. численность населения трущоб Юга достигнет 2 млрд человек из 8 млрд: «Трущобники начнут штурмовать сначала более благополучные страны самого Юга, а затем, сметая государства-буферы, – Европу, Северную Америку и, по-видимому, Россию». «Более того, выходцы с Юга на Север – а, согласно прогнозу, в 2020–2030 гг. они составят 30–40% населения крупнейших городов Севера, т. е. его андеркласс, – оказываются объективными союзниками новых волн мигрантов из мира трущоб»²⁰. Все это может усугубиться действием таких факторов, как глобальное потепление, засуха, нехватка воды, голод, нищета, не говоря уже о гражданских войнах, политических конфликтах²¹.

¹ Низшие городские слои и социальная эволюция стран Востока. М., 1986.

² Левковский А. И. Введение: основные проблемы // Низшие городские слои и социальная эволюция стран Востока. С. 11, 13.

³ Women and Men in the Informal Economy: A Statistical Picture. Second Edition. ILO Geneva, 2013. P. 1.

⁴ Ibid. P. 2–5, 8.

⁵ Ibid. P. 107–109.

⁶ Ibid. P. 110–112.

⁷ Ibid. P. 194–196.

⁸ Ibid. P. 176–178.

⁹ Ibid. P. 146–48.

¹⁰ Левковский А. И. Введение: основные проблемы. С. 14.

¹¹ <https://www.voanews.com/a/millions-labor-in-pakistans-informal-economy/1894009.html>; <https://www.ilo.org/islamabad/areasofwork/informal-economy/lang-en/index.htm> (дата обращения – 10.11.2018).

¹² Эффект каскада – следствие жёсткой взаимозависимости, взаимообусловленности каких-либо процессов, видов деятельности, объектов. <https://dic.academic.ru/dic.nsf/proverbs/500472>; <https://www.dawn.com/news/729254> (дата обращения – 10.11.2018).

¹³ The Informal Economy in Urban Violence: Karachi – Pakistan. Cardiff University – Economic and Social Research Council – UK Aid https://www.cardiff.ac.uk/__data/assets/pdf_file/0009/1057734/The-informal-economy-in-urban-violence-Karachi.pdf (дата обращения – 12.11.2018).

¹⁴ What's so special about Singapore's hawker culture? <https://www.straitstimes.com/lifestyle/whats-so-special-about-singapores-hawker-culture23/8/2018> (дата обращения – 12.11.2018).

¹⁵ Women and Men in the Informal Economy. P. 179–181.

¹⁶ Цветкова Н. Н. Мелкие торговцы // Низшие городские слои и социальная эволюция стран Востока. С. 60.

¹⁷ Frey C. B., Osborne M. A. The Future of Employment: How susceptible are jobs to computerization? Oxford, 2013.

¹⁸ ASEAN in Transformation: the future of jobs at risk of automation. http://www.ilo.org/public/english/dialogue/actemp/downloads/publications/2016/asean_in_transf_2016_r2_future.pdf (дата обращения – 10.06.2017).

¹⁹ Цветкова Н. Н. Мелкие торговцы. С. 65–68.

²⁰ Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты и прогнозы. М., 2011. С. 125.

²¹ Цветкова Н. Н. Афро-азиатские страны: новые тенденции в глобализации и трудосберегающие технологии // Восток (Oriens). 2017. № 6. С. 98–102.

К. М. Труевцев*

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ИСЛАМСКИЙ МИР: ПОСЛЕ ДВУХ ВОЛН ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Резюме: Статья посвящена воздействию глобализации на ситуацию в исламском мире. Вызванные как самой глобализацией, так и внутрирегиональными и страновыми процессами, две волны турбулентности оказали существенное воздействие на кардинальное изменение этой ситуации.

Эпицентром первой волны турбулентности в 2011 г., охватившей более 80 стран мира, стали страны арабского мира. Результатом этого стала смена политического строя в ряде арабских стран, ослабление государственности в них, вплоть до полного распада, как это произошло в Ливии.

Вторая волна турбулентности, начавшаяся практически после первой, в 2013–2014 гг., привела к возникновению зон региональных конфликтов, две из которых, охваченных наиболее острым и многочисленным противоборством, оказались в районах Ближнего Востока и Северной Африки.

Результаты этого развития событий сказались, прежде всего, на арабском мире, который вследствие этого оказался отброшенным в своем социально-экономическом развитии и стал утрачивать позиции геополитического ядра исламского мира.

Тенденция развития глобализации на современном этапе, и прежде всего тенденция складывания геополитической структуры Большой Евразии, ведут к дальнейшей фрагментации исламского мира, притом что многие арабские страны рискуют оказаться на периферии этого процесса.

Ключевые слова: глобализация, исламский мир, волны турбулентности, Арабская весна, зоны региональных конфликтов, Ближний

* Труевцев Константин Михайлович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник ИВ РАН

Восток, Северная Африка, «Аль-Каида», ИГИЛ, «Братья-мусульмане», Движение Талибан.

Summary: *The article describes influence of Globalization on the situation in Islamic World. Two waves of Turbulence that were caused partly by Globalization and partly by regional and internal country processes led to dramatic changes of the situation in the entire Islamic World.*

The first wave that took place in 2011 and took a global dimension including more than 80 countries found its epicenter in the Arab World. It had a result of a change of political power in several states and severe weakening of governance up to complete split of state in Libya.

The second wave of Turbulence that started in 2012–2013 resulted in Zones of Regional Conflicts in various parts of the World. Two of the most dangerous and complicated of them occurred in the Middle East and North Africa.

The results of these events influenced greatly upon the Arab World throwing it back in its socio-economic development. It also started to lose its central role in the entire Islamic World.

Current stage of Globalization with its trend towards building geopolitical infrastructure of the Great Eurasia leads to further fragmentation of the Islamic World. Many Arab countries are risking to find themselves at the periphery of this process.

Key words: *Globalization, Islamic World, waves of turbulence, Arab Spring, Zones of Regional Conflicts, Middle East, North Africa, Al-Qaeda, ISIS, Moslem Brothers, Taliban.*

В своей первой статье «Глобализация и исламский мир», написанной в конце прошлого десятилетия, я уже касался теории глобализации, рассмотрения особенностей глобализации как политического процесса, структуры миропорядка и своего представления о роли в нем исламского мира¹. С тех пор произошли существенные изменения и в течении процесса глобализации, его содержании и структуре, и в структуре миропорядка. Что же касается исламского мира, и прежде всего его арабской части, то здесь произошли такие события, которые существенно изменили содержательное, в том числе страновое, наполнение этого понятия. Да и ряд положений, высказанных мною ранее, также нуждаются в дополнении и уточнении. Все это заставляет вновь вернуться к упомянутой теме с учетом вышеизложенного.

Глобализация как процесс, глубоко меняющий характер и структуру политических коммуникаций, горизонтальных и вертикальных связей и соотношения между ними, не могла не затронуть и характера общественно-политических структур большинства государств мира, и характера региональных и мировых отношений. При этом очевидно, что изменения стали носить убыстряющийся темп, а характер этих изменений, как правило, приобретал не линейно-фронтальный, а волнообразный характер. На определенном этапе это могло придать изменениям катастрофический характер, подобный тому, который производит сильный шторм или цунами. Это, собственно говоря, уже привело в политической литературе к использованию понятия «волны турбулентности», которое, однако, я буду применять в данной статье исключительно к тому, что связано с катастрофическими явлениями, проявляемыми в ходе течения процесса глобализации начиная с 2011 года.

С обозначенного времени прошли две волны турбулентности, причем одна хотя бы частично перетекла в другую. В конечном итоге обе волны имели глобальное значение, однако отдельные страны и регионы оказались затронуты ими в большей мере, чем другие. При этом важнейшая часть исламского мира – арабский регион, а также прилегающие к нему страны и регионы оказались непосредственно затронуты обеими волнами турбулентности, хотя, как особенно показал ход второй ее волны, они вовсе не являлись исключением.

Первая волна датировалась исключительно 2011 г. и охватила более 80 стран мира, включая США, некоторые страны Европы, Китай, Индию, Россию и ряд других стран СНГ. Однако кульминацией ее стал политический процесс в арабском мире, получивший название «Арабской весны». Волнения разной степени интенсивности произошли в 16 из 22 стран – членов Лиги арабских государств, притом что там, где они не произошли, лишь ОАЭ и Катар можно считать счастливо избежавшими конфликта, в то время как в Ираке и Палестинской автономии и так было внутреннее состояние военного конфликта, а Сомали было распавшимся государством с сохраняющимися очагами терроризма. Таким образом, не будет никаким преувеличением сказать, что процесс охватил весь арабский мир.

Но наиболее глубокие последствия имели место в Тунисе и Египте, где произошла смена политического строя, в Йемене, где после смещения президента установилось шаткое равновесие, имевшее отложенные последствия, в Ливии, где после свержения и убийства М. Каддафи произошел распад государства, и в Сирии, где гражданский конфликт перешел в стадию вооруженного противостояния, обозначивший, в свою очередь, переход во вторую волну турбулентности.

Следующая волна турбулентности, как уже очевидно, частично вытекала из первой, однако ее характер и содержание существенно отличаются от первой волны. Она обозначила возникновение региональных конфликтных зон, причем количество этих зон, их конфигурация, а отчасти и взаимодействие между ними придало им значение глобального явления, которое можно обозначить как «парад региональных конфликтов» по аналогии с «парадом планет».

Первая из конфликтных зон обозначилась в Сирии и вокруг нее, когда стало обнаруживаться стягивание во внутрисирийский конфликт региональных сил (Турции, Саудовской Аравии и Катара) уже в конце 2011 – начале 2012 г. Но отчетливый региональный характер конфликт стал приобретать в 2013 г., когда в действующие на ее территории исламистские силы стали поступать инсургенты из Саудовской Аравии, Египта, Ливии, Алжира, Йемена и других арабских стран, а вслед за ними потянулись новобранцы из других частей мира. Апогея региональный конфликт достиг в 2014–2015 гг., когда филиал «Аль-Каиды» – «Джабхат ан-Нусра» – обозначил свою региональную роль, а затем ИГИЛ (запрещено в РФ) вовсе ликвидировало границу между Сирией и Ираком, оккупировав не менее 40% территории обеих стран. Ответ Ирана обозначил его участие в конфликте на стороне сирийской власти вместе с ливанской «Хезболлой»; внутри Турции бушевал политический конфликт с вовлечением трансграничных курдов, победа хуситов в Йемене в конце 2014 г. повлекла вмешательство Саудовской Аравии и ОАЭ в йеменский конфликт и, таким образом, стягивание и этой части региона в общую зону ближневосточного конфликта.

Распад Ливии и активизация внутри нее исламистских сил породили возникновение второй, североафриканской зоны, реги-

онального конфликта. Появление в стране активно действующих филиалов «Аль-Каиды» и ИГИЛ, присоединение к ним радикальных исламистов из Алжира, Туниса и других арабских стран, растекание оружия из стратегических арсеналов ливийского государства – все это породило непосредственную угрозу соседним арабским странам, но еще в большей мере – африканским государствам, расположенным к югу от Ливии. Если действия террористов с ее территории для Туниса и Алжира характеризовались отдельными террористическими актами и не смогли составить серьезную угрозу государственности, то действия к югу от ливийской границы уже в 2013 г. повлекли за собой распад еще одного африканского государства – Мали, где наряду с местным населением туарегов действовала «Аль-Каида» Арабского Магриба (АКАМ), создавшая свой филиал под названием «Аль-Каида Западной Африки». Она отметилась террористическими действиями в Кот д'Ивуаре и Буркина-Фасо, а также осуществляла связь через территорию Нигера с террористами Боко Харам в Нигерии, которые, правда, затем присягнули не АКАМ, а ИГИЛ. В целом деятельность террористов с территории Ливии несла угрозу государственному строю и территориальной целостности примерно 30 стран Западной, Центральной и Восточной Африки. Апогей действия этой конфликтной зоны также пришелся на 2015 г.

Именно на десятки годы нынешнего столетия приходится и значительное оживление деятельности Движения Талибан в Афганистане, а после 2014 г. – и появление в этой стране новых отрядов ИГИЛ. При этом, учитывая тот факт, что Движение Талибан впервые за последние десятилетия распространило свою деятельность на прилегающие к таджикской границе северные районы Афганистана, а отряды ИГИЛ осуществили рейд на туркменскую территорию, уместно говорить о возникновении центральноазиатской зоны конфликта, эпицентр которой располагается в Афганистане. Непрерывающийся десятилетиями внутренний конфликт в этой стране с сильными элементами исламистско-террористической угрозы, вновь усилившийся в последние годы, таит в себе потенциальные опасности соседним странам – государствам Центральной Азии, Ирану, а также

Пакистану и Индии, учитывая трансграничность указанных и других связанных с ними террористических групп. Причем именно трансграничная активность террористов стала нарастать в период 2014–2015 гг., хотя, в отличие от ближневосточной и североафриканской региональных зон, пик этой активности здесь, очевидно, еще не пройден.

Следует отметить, что 2014 – 2015 гг. ознаменовались появлением еще одной зоны регионального конфликта – центральноевропейской – с эпицентром в Украине. Это позже – лишь начиная со второй половины 2015 г. – вооруженное противостояние на Донбассе удалось локализовать. Но в течение всего 2014 г. существовала реальная опасность его расползания, а учитывая тот факт, что географически не столь далеко расположен замороженный конфликт в Приднестровье, что в 2014–2015 гг. параллельно с этим развивался многосторонний структурный кризис в Евросоюзе, усугубившийся в 2015 г. масштабными проблемами, связанными с волной массовой миграции в европейские страны с Ближнего Востока, можно было говорить о всем центральноевропейском театре как о «гибридной» конфликтной зоне в том смысле, что соотношение понятий «кризис» – «конфликт» здесь приобрело поистине многомерный характер, при том что грань между тем и другим стиралась хотя бы в том отношении, что «трясло всю Европу».

В 2015 г. произошло нарастание политической конфронтации и в западной части Тихого океана. Нередко оно описывалось как противостояние между КНР и соседними странами по поводу ряда спорных приграничных островов. Но одновременно обострились отношения между Северной и Южной Кореей, между КНДР и Японией, менее заметные, но немаловажные споры между Южной Кореей и Японией по поводу островных территорий. И хотя ни в одном случае дело не дошло до прямой военной конфронтации, в самом общем контексте и здесь можно было говорить о появлении еще одной – восточноазиатско-тихоокеанской – зоны регионального конфликта.

Наконец, в Центральной Америке блок государств, в который входят Куба, Венесуэла, Боливия, Никарагуа и к которому примыкали в той или иной степени еще несколько континентальных и

островных государств к югу от Мексики и в Карибском бассейне, усилив вектор политического и экономического противостояния с США и одновременного наращивания отношений с Китаем и Россией, обозначили латентный на тот момент контур потенциального регионального конфликта (эпицентром которого в период 2015 г. была Никарагуа, а уже затем стала Венесуэла).

Все это достаточно убедительно свидетельствует о том, что зоны региональных конфликтов стали приобретать характер глобального феномена. Однако если сегодня общая картина конфликтных зон претерпела значительные изменения, в 2015 г. развертывание региональных конфликтов находилось на пике, причем это развертывание происходило настолько одновременно, что позволяло говорить о глобальной опасности, в определенном смысле беспрецедентной по своему размаху за весь период после Второй мировой войны.

Вмешательство России в сирийский конфликт, независимо от конкретной мотивации, связанной прежде всего с необходимостью противодействия терроризму, стало объективно стратегическим фактором, кардинально изменившим характер и течение всего конфликтного политического процесса:

1. «Военная хирургия» в Сирии была осуществлена в наиболее опасной зоне конфликта, где тенденция расползания до этого была практически неотвратимой. Она предотвратила не только уничтожение Сирии, но и Ирака как государств, а также непосредственную опасность, которая угрожала вслед за ними Ливану, Саудовской Аравии, Иордании.

2. Вмешательство России укрепило военно-политическое (в том числе внутреннее) положение Египта и Ирана – стран, которые являлись основным препятствием соединения трех конфликтных зон (североафриканской, ближневосточной и центральноазиатской) в единую зону конфликта с доминированием в ней исламистско-террористического компонента.

3. Результатом этого вмешательства стало не только уничтожение ИГИЛ как наиболее серьезной системной угрозы существованию политического порядка в исторически и цивилизационно важнейшей части исламского мира, но и существенное воздействие на другие региональные конфликтные зоны.

4. После 2015 г. и особенно в 2016–2017 гг. был нанесен серьезный удар по террористическим организациям в Ливии, что способствовало относительной локализации североафриканской зоны конфликта. Это не восстановило целостности распавшегося здесь государства, но острота террористической угрозы как в самой Ливии, так и в соседних государствах была существенно снижена.

5. Острота расползания конфликта в Афганистане далеко не снята, но появились возможности его локализации и блокирования, по крайней мере, на западных и северных границах усилиями международного сообщества и соседних стран.

6. Победа над терроризмом в Сирии и создание альянса между Россией, Ираном и Турцией вокруг сирийского урегулирования стали тем фактором, который повлиял на ход центрально-европейского конфликта (предотвратив нарастание в нем компонента миграции с Ближнего Востока).

В результате хотя конфликтный потенциал продолжает сохраняться в той или иной мере во всех перечисленных региональных зонах (а в некоторых, как было показано, имеет тенденцию к дальнейшему нарастанию), этот фактор перестает играть определяющее значение в дальнейшем течении процесса глобализации.

На передний план выступают другие тенденции, которые начинают играть первостепенную роль в развитии глобального геополитического процесса.

Прежде всего речь идет о новой революции в сфере коммуникаций, которая уже начинает оказывать и окажет в самом ближайшем будущем огромное воздействие на все аспекты жизни мирового социума, в том числе на течение и направления дальнейшего развития процесса глобализации.

Оба основных аспекта коммуникаций – «мягкие» (связанные с передачей и распространением информации) и «жесткие» (связанные с развитием различных систем транспорта) переживают процесс глубоких качественных изменений, причем процесс этих изменений имеет глубинную взаимосвязь, заключающуюся в складывании принципиально новой ткани глобальной кооперации и интеграции и втягивающие

в этот процесс все новые уровни и элементы глобального социума.

В области «мягких» коммуникаций это: 1) использование космических коммуникаций в сфере контроля и управления; 2) тотальная оцифровка производственных и управленческих процессов и 3) создание искусственного интеллекта (ИИ). В области «жестких» коммуникаций – это новая транспортная революция. Последняя касается прежде всего развития наземного, железнодорожного и автомобильного транспорта.

Речь здесь идет не только о новых технологиях, видах топлива и пр., (хотя все это также играет роль), но и прежде всего о создании трансконтинентальной сети коммуникаций.

При этом главным театром развития этой сети предстоит быть Большой Евразии, т. е. всего пространства Евро-Азиатского континента.

Не случайно в ходе целого ряда ведущих международных форумов – G20, АТЭС, АСЕАН и др. – во время встреч лидеров ведущих евро-азиатских стран эта тема неизменно была одной из ведущих.

Среди сложившихся сегодня в мире наиболее важных производственно-технологических кластеров значительная часть находится в азиатско-тихоокеанской зоне (Китай, Япония, Индия, АСЕАН), а еще один важнейший кластер расположен на северо-западной окраине Евро-азиатского континента (ЕС). Современное течение процесса глобализации диктует необходимость резкой интенсификации связей между ними, прежде всего в сфере обмена продукцией и кооперации в рамках высокотехнологичного уклада. Именно этим обусловлен, например, китайский проект Великого шелкового пути.

Однако, несмотря на выражение «Один пояс – один путь», китайский проект фактически предусматривает, по крайней мере, два пути – морской и трансконтинентальный. На самом деле путей гораздо больше, и отнюдь не только китайских. Но дело не только в этом.

Морской путь от юго-восточных кластеров до Европы составляет минимум 40–45 суток (от берегов Индии), притом что часть его пролегает через нестабильный регион Ближнего Вос-

тока. Гипотетическая скорость трансконтинентальных перевозок даже при существующих несовершенных коммуникациях, по крайней мере, в 2–2,5 раза быстрее².

Поэтому прокладка и технологическое усовершенствование трансконтинентальных переходов и становится фактически главным мотивом взаимодействия стран Большой Евразии на сегодняшний момент. Таких переходов на сегодня, по крайней мере, 6, и все они проходят через территорию России. Это три перехода с территории Китая – через Маньчжурию, Монголию и Казахстан; соединение Транскорейской железной дороги с Транссибом (фактически здесь речь идет только о модернизации, поскольку дорога есть, но замороженная за годы корейского противостояния, и не случайно поэтому, что представители Южной Кореи недавно провели инспекцию пути в КНДР с целью его скорейшей модернизации); Япония – Россия (в контексте вышеизложенного российско-японские переговоры вокруг мирного договора и Курил имеют гораздо более широкий контекст, чем кажется некоторым узким специалистам: Россия заинтересована в конкуренции коммуникаций через ее территорию, но Япония может и опоздать); и наконец, коридор Север – Юг (железная дорога, проходящая от портов Ленинградской области через Азербайджан к южным портам Ирана), который связывает Европу с Индией и АСЕАН.

Очевидно, что развитие всей этой транспортной сети – неизбежный императив самых ближайших лет. Более того, перевозки через Транссиб и БАМ уже происходят, пробные перевозки через коридор Север – Юг состоялись. Кроме того, происходит создание дублирующих автомобильных путей. Что же касается дальнейшей модернизации железнодорожных путей и строительства новых высокоскоростных магистралей, все это позволит сократить время перевозок из Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии в Европу кратно – по крайней мере, до одной недели, а в дальнейшем – до считанных дней. При такой скорости перевозок никакие морские пути будут не в состоянии конкурировать с ними в обозримое время.

За этой назревающей коммуникационной (транспортной) революцией просматриваются следующие тенденции:

1. Начало создания единого геополитического пространства большой Евразии – от западных оконечностей Европы до побережья Тихого и Индийского океанов. Под этим единым пространством, разумеется, не подразумевается скорая ликвидация всех существующих диспропорций и противоречий, но существенное пространственно-временное сближение всех основных производственных кластеров на этом пространстве.

2. Основным предметом торгового обмена и производственной кооперации на этом пространстве при этом становится не сырье, энергоресурсы, продукция сельского хозяйства и товары массового потребления (при всем их сохраняющемся значении), а компоненты создания новой высокотехнологической экономики XXI в. Именно они становятся и основным драйвером развития коммуникационной системы.

3. Опережающие позиции в развитии указанной тенденции сейчас пытается занять Китай, о чем свидетельствует проект Великого шелкового пути и предпринимающиеся им в этом плане конкретные усилия, направленные на установление прямых коммуникационных связей и конечных позиций в Европе, включая инвестиции в порты назначения в Греции, Италии и Испании, приобретение долей в крупнейших европейских технологических компаниях и другие меры.

4. Однако проект Великого шелкового пути, предусматривающий, несмотря на название («Один пояс – один путь»), два транспортных коридора – морской и сухопутный (первый через Индийский океан, Красное море, Суэцкий канал и Средиземное море, второй – через территорию Центральной Азии и Турции в обход России), имеет существенные уязвимые места. Об одном из них уже было сказано: длительность сроков морских перевозок (частично это относится и к сухопутному коридору). Другим, не менее важным, уязвимым местом является то, что оба эти коридора пролегают через зоны нестабильности (по этой причине, кстати, прокладка сухопутного коридора, несмотря на заявленный проект, по сути дела, так и не началась).

5. В связи с этим совершенно очевидны потенциальные преимущества путей, пролегающих через российскую территорию. Некоторая задержка их реализации (хотя использование Китаем

российских транспортных путей фактически началась, но далеко не в тех объемах, которые гарантировали бы полное использование их объективных преимуществ) связана с упорным российско-китайским торгом по поводу технических, финансовых и других условий. Однако нарастающая конкуренция со стороны других азиатских производственных кластеров – Кореи, Японии, Индии и АСЕАН – несомненно, будет подталкивать и Китай к активизации своей роли в этом направлении.

6. Указанные тенденции в ближайшее время приведут (а фактически уже начали приводить) к изменению содержания деятельности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в направлении превращения ее в механизм евро-азиатской экономической интеграции, причем потенциально – в ведущий драйвер развития перечисленных тенденций на всем пространстве Большой Евразии. При этом следует ожидать не только включение в ШОС все новых стран, но и все более тесное сотрудничество и кооперацию с другими интеграционными структурами и зонами свободной торговли (ЕАЭС, АСЕАН, АТЭС, ЕС).

7. Очевидные преимущества от реализации указанных тенденций должны повлечь за собой и снижение уровня конфликтности на всем пространстве Евразии. Прежде всего речь идет о потенциальной возможности купирования конфликта в Афганистане и предотвращения его распространения на соседние государства путем совместных усилий прежде всего странами ШОС, а также недопущения разрастания индо-пакистанского конфликта. В дальнейшем, по мере развития коммуникационной сети на пространстве Большой Евразии, просматривается и решение украинского конфликта в связи с неизбежностью вовлечения Украины в общий коммуникационный процесс.

Исключение на достаточно обозримый период, очевидно, будет представлять Ближний Восток.

Сохраняющаяся конфликтность на Ближнем Востоке, а также в Северной Африке будет в ближайшем будущем, а возможно, и в более отдаленной среднесрочной перспективе, оказывать негативное воздействие на всю ситуацию в исламском мире, но не в том смысле, что она и дальше станет основным источником дальнейшего расползания терроризма (возможности

этого, по моему мнению, становятся более ограниченными по сравнению с самым недавним периодом), а в том отношении, что эта ситуация приведет к дальнейшей фрагментации исламского мира и утраты им казавшейся недавно возможной перспективы превращения в одного из реальных (а не виртуальных) центров формирующегося нового миропорядка.

Для того чтобы осознать более глубоко, почему это происходит, необходим комплексный взгляд на характер цивилизационных, геополитических, региональных, страновых и, если угодно, идейно-политических подвижек, которые происходят в исламском мире начиная с последней четверти XX в. и, в убыстряющемся темпе, в первых двух десятилетиях XXI в.

Объективно, с точки зрения историко-цивилизационной, Ближний Восток всегда был ядром исламского мира, независимо от того, где был его политический центр – в Хиджазе, Дамаске, Багдаде или Стамбуле. С появлением идей панисламизма в конце XIX в. возник новый импульс понимания исламского мира как единого идейно-цивилизационного целого с попыткой включения его в канву современного развития. Именно так стремился трактовать современное позиционирование исламского мира основатель идеологии панисламизма Джамаль ад-Дин аль-Афгани.

Исторический процесс в XX в., однако, привел к главенству других, светских, тенденций именно в ближневосточном ядре исламского мира. Идеи пантюркизма, затем теория и практика кемализма в Турции, а вслед за этим осуществление лозунга панарабизма в арабском мире привели к тому, что понимание единства исламского мира (исламской уммы) на долгое время оставалось в основном фактором религиозного самосознания, но не общественно-политической практики именно в его ближневосточном ядре. И, тем не менее, Ближний Восток с его преобладанием республиканских режимов, руководствовавшихся в основном светскими идеологиями, продолжал оставаться ядром исламского мира в 60–70-х гг. XX в. Главное исключение составляла Саудовская Аравия, на территории которой расположены главные святыни ислама.

Реальное возвышение Саудовской Аравии не только как религиозного, но и геополитического центра началось после

1967 г., с созданием Организации Исламская конференция (ОИК), ныне – Организация Исламского сотрудничества (ОИС), в 1969 г. ставшей крупнейшей международной политической организацией исламского мира.

При этом реальное содержание понятия «Ближний Восток», соотношение сил между странами, претендовавшими на роль региональных лидеров, а также группировок стран внутри региона претерпевало постоянные, причем весьма динамичные, изменения. Начиная с 50-х гг. XX в. доминирующие позиции в регионе стали занимать арабские страны, объединяемые понятием «арабский мир» или, в терминологии панарабизма, «арабская умма» (тракуемая панарабистами также как «арабская нация»). Международно-правовое оформление арабского мира происходило начиная с 1945 г., когда была создана Лига арабских государств, в которую теперь входят практически все арабские страны. При этом арабский мир включает в себя и страны Северной Африки, тем самым практически расширяя ареал Ближнего Востока от побережья Атлантического океана до Персидского залива. В то же время роль таких важных для региона стран, как Иран и Турция, вплоть до конца 70-х гг. относительно маргинализировалась.

После революции 1952 г. и вплоть до октябрьской войны 1973 г. на роль доминирующей державы в регионе не без основания претендовал Египет. Однако в последующем, особенно после заключения Египтом мирного договора в Кэмп-Дэвиде с Израилем, его региональная роль неуклонно снижалась. Вместе с тем усилилась фрагментация арабского мира. Ряд республиканских режимов (Сирия, Ирак, Ливия, Алжир), казалось бы, занимал близкие политические позиции, но каждая из них претендовала на региональное лидерство. Вместе с тем Саудовская Аравия, опиравшаяся на растущие нефтяные и финансовые ресурсы, исподволь усиливала свою региональную и общеисламскую роль. Это нашло выражение в идеолого-политической сфере, в частности в выдвижении концепции «арабской и исламской уммы», объединяющей исламский мир и его арабское ядро. Эта роль Королевства Саудовская Аравия (КСА) еще более укрепилась в 1981 г. с созданием Совета сотрудничества арабских

государств Персидского залива (ССАГПЗ), который объединил, помимо КСА, Бахрейн, Катар, Кувейт, Оман и ОАЭ. Таким образом, возник блок наиболее значимых в ресурсно-финансовом отношении стран не только арабского, но всего исламского мира, причем лидирующая, если не сказать доминирующая, роль в нем КСА была неоспоримой.

В этот период произошли два события, оказавшие существенное воздействие на политический процесс во всем исламском мире: афганская война и иранская революция.

Общее между двумя событиями, произошедшими практически одновременно, – резкая активизация исламского дискурса на политическом пространстве всего мусульманского мира. Этот фактор, в свое время существенно недооцененный как в Советском Союзе, так и в большинстве республиканских режимов арабского мира (за исключением разве что Ливии, где политический ислам был составной частью господствовавшей там «Третьей мировой теории»), фактически знаменовал собой начало смены исторических парадигм: светские режимы и доминирующие политические течения, основывавшиеся на националистических принципах, нередко с примесью национально-социалистических или либеральных идей, вступали в полосу нисходящего развития, а на смену им все более активно занимали место на политической арене тенденции, связанные с идеями исламского возрождения.

Сама по себе активизация политического ислама, разумеется, не прошла мимо внимания исследователей и политиков. Однако универсальное, если угодно глобальное, измерение этого явления далеко не просматривалось.

Вместе с тем в политическом исламе начиная с 1979 г. явно обозначились две линии: 1) условно революционная, связанная с иранской революцией (сразу поддержанной Ливией и отчасти левыми силами, например в Палестине)³ и направленная как против Запада во главе с США, так и против восточного лагеря во главе с СССР, и 2) консервативная, направленная своим острием против СССР и всех левых в исламском мире, но настроенная на союз с Западом. Вторую линию возглавила Саудовская Аравия, что проявилось, в частности, в ее идейно-организационном

и финансовом участии в афганской войне на стороне противников поддержанного Советским Союзом левого режима в Кабуле. Промежуточную позицию между этими двумя линиями набирало исторически существовавшее, но неуклонно набиравшее силу движение «Братьев-мусульман» в Египте, Алжире, Тунисе, Сирии, Иордании, Йемене и ряде других стран.

Несмотря на различие этих линий, все они занимали общие позиции по ряду аспектов. Прежде всего это касалось поддержки исламистских сил в Афганистане, боровшихся против режима в Кабуле и советских войск. Эта общность позиций способствовала тому, что Саудовская Аравия укрепляла свои ведущие позиции в исламском мире, опираясь прежде всего на другие государства – члены ССАГПЗ, но одновременно усиливая свое влияние на большинство мусульманских стран от Марокко и Египта на Западе до Пакистана, Малайзии и Индонезии на Востоке, а также на значительную часть рядовых мусульман.

В результате к концу XX в. стала проступать проекция, пусть весьма относительная, некоего единства исламского мира с ведущей ролью в нем Саудовской Аравии.

Проблемой, однако, оставался вопрос о встраивании исламского мира в реалии постиндустриальной эпохи и, соответственно, глобализации. В то время как в Тихоокеанском регионе вслед за Японией выявился повторяющий ее успех феномен «четырех тигров» – Южной Кореи, Гонконга, Сингапура и Тайваня, а затем и с некоторым временным лагом быстро поднимающейся КНР, – в мусульманских странах ничего подобного не происходило.

Между тем успешный транзит всех этих стран показывал возможности не только форсированной индустриализации, но и перехода к постиндустриальной эпохе лишь частично за счет инструментов, заимствованных у Запада, но при этом с массированным использованием своих цивилизационных особенностей, таких как государственно-частное сотрудничество, корпоративная солидарность, взаимодействие доминирующих крупных корпораций с обилием мелких и средних предприятий, наконец, использование традиций кропотливого постоянного труда с использованием мелкой моторики пальцев рук, характерной

для векового миниатюрного ремесленного производства. Все эти компоненты оказались востребованными как для современного индустриального производства, так и для перехода к массовому производству электронной техники, а затем и кибернетической продукции. Но еще одним условием обеспечения этого транзита оказалось жесткое внедрение современных «правил игры», т.е. институтов в их законодательно-хозяйственном понимании, обеспечивавших неукоснительное соблюдение нормативных основ обозначенного развития. Все это и превратило эти страны в значимые субъекты глобализации, в то время как подавляющее большинство мусульманских стран по большому счету оставались лишь ее объектами.

Впрочем, по одному важному параметру именно Саудовская Аравия и другие страны – члены ССАГПЗ вошли в число важных компонентов глобализации. Речь идет о банковско-финансовом секторе. Избыточный капитал, активно наращивавшийся в этих странах в результате нефтяных кризисов 1973 и 1979 гг., позволил их финансовому капиталу стать к концу XX в. одной из важнейших частей мировой финансовой системы. При этом система исламских банков начала быструю экспансию не только в рамках исламского мира, но и в большинство стран Африки, Европы и Америки.

Следует отметить при этом, что финансовая экспансия сопровождалась и религиозно-культурной экспансией, что нашло свое выражение в Африке в расширении ареала ислама к югу от Сахары (и включении ряда африканских стран в ОИК), в Европе и Америке – в создании исламских центров, строительстве мечетей в ряде столиц и крупных городов. В европейско-американском ареале это способствовало обращению в ислам определенного процента местного населения, однако этот процент был не столь существенен. Однако наибольший эффект это имело на усиление религиозности среди диаспор из мусульманских стран, приобретавших растущую долю в населении прежде всего стран Западной Европы.

Продвижение исламского дискурса в целом лежало в общем русле глобализации, поскольку товарная, финансовая и культурная экспансия, а также миграция значительного числа людей

стала происходить уже не только и не столько в направлении Запад – Восток, как это было в эпоху индустриализации, начиная с периода Великих географических открытий, но и с увеличивающейся интенсивностью в обратном направлении – с Востока на Запад.

Однако если экспансия из Азиатско-Тихоокеанского региона приобрела в основном товарный (с растущей долей в нем все более наукоемкой продукции) и научно-технический характер, товарная часть экспансии из исламского мира продолжала носить преимущественно сырьевой характер (с основной долей в ней углеводородной составляющей).

Противоречие между интенсивным продвижением исламского дискурса и превращением его в глобальный фактор, с одной стороны, и отсутствием его наполнения современным, постиндустриальным содержанием, в том числе в основных центрах исламского мира – с другой, имело существенные последствия.

В сознании значительной части элит и, более широко, в сознании представителей «исламской улицы» складывался растущий когнитивный диссонанс, который, с одной стороны, порождал потребность во внутренних изменениях исламских обществ, а с другой – порождал растущее противопоставление себя как представителей исламского мира неисламскому, прежде всего западному. Это укладывалось в существующую в исламской традиции формулу разделения универсума на «дар аль-ислам» («пространство ислама») и «дар аль-харб» («пространство войны»), которое в радикальной интерпретации настраивало на противостояние исламского мира с Западом (и ареалами других религиозных конфессий вообще).

В результате в исламском мире стали набирать силу радикальные исламистские течения, такие как «Аль-Каида» и ИГИЛ, произошла радикализация и значительной части «Братьев-мусльман». Последствиями этого стали потрясения, описанные выше в ходе двух волн турбулентности. Они оказали существенное воздействие на сам исламский мир, и прежде всего на его ядро в виде Ближнего Востока и Северной Африки.

Последствия этих процессов выразились в следующем:

1. Районы Ближнего Востока и Северной Африки оказались отброшенными на периферию современного развития не только по сравнению Европой, Америкой, но и со странами АТР и Южной Азии (имея в виду Индию и АСЕАН). Несмотря на наличие компонентов современного общества, таких как индустриализация и урбанизация, их переход к постиндустриальной стадии не состоялся (за исключением небольшого количества стран Персидского залива, прежде всего ОАЭ).

2. Государственность ряда стран – членов ЛАГ либо разрушена полностью (Сомали, Ливия) или частично (Йемен), либо существенно ослаблена (Ирак, Сирия, Алжир). Сохранил свою государственность, но продолжил терять свою региональную роль Египет. В результате сирийского и йеменского конфликта обозначилась тенденция к снижению региональной роли Саудовской Аравии. К этому стоит добавить и тот факт, что распространение радикальных джихадистских движений в исламе, а затем их серьезное стратегическое поражение снизили вес ведущей роли Саудовской Аравии в арабском и исламском мире. Все это ведет к дальнейшей фрагментации арабского мира. Несмотря на то, что он объективно сохраняет роль религиозно-цивилизационного центра всего исламского ареала, возможности его воздействия на ход исторического процесса в этом ареале минимизированы, если не утрачены на обозримый период.

3. Возросла роль Ирана и Турции как региональных держав. Однако их претензии на роль не только политических, но и религиозно-цивилизационных центров исламского мира объективно ограничены, и ни одна из этих стран сегодня не может претендовать на место лидера исламского мира. Это показал как провал Турции в попытках воздействия на политические процессы в арабских странах (в Тунисе, Египте, Ливии, а сейчас все в большей мере и в Сирии), так и пределы воздействия Ирана за границами шиитского ареала.

4. Становится все более очевидным, что дальнейшее направление развития исламских стран будет определяться все в большей мере либо их нахождением в тех экономико-политических (интеграционных) кластерах, где они уже находятся, – Индонезии, Малайзии и Брунея в рамках АСЕАН, Казахстана, Кыргыз-

стана и, возможно, Таджикистана в рамках ЕАЭС, – либо по намечающимся интеграционным линиям – Пакистана и, возможно, Ирана в рамках ШОС.

5. Определенные перспективы развития сохраняются в рамках кластера ССАГПЗ, где явным драйвером развития является ОАЭ, компоненты постиндустриального общества созданы в Катаре, Кувейте, Омане. Перспективы подобного развития намечены и в Саудовской Аравии, однако проблема заключается в том, справится ли ее руководство с рисками в ходе осуществления экономических и политических реформ.

6. Эта картина в целом свидетельствует о том, что различные регионы исламского мира развиваются разнонаправленно в геополитическом отношении. Сохраняя свои религиозные и цивилизационные корни, исламский мир в то же время, очевидно, будет далек от какой-либо перспективы осуществления единого политического проекта.

¹ Труевцев К. М. Глобализация и исламский мир: проблемы адаптации // Россия и исламский мир: историческая ретроспектива и современные тенденции. М., 2010. С. 244–266.

² Двенадцать стран обсуждают в Тегеране транспортный коридор «Север – Юг». <https://eadaaily.com/ru/news/2019/03/04/dvenadcat-stran-obsuzhdayut-v-tegerane-transportnyy-koridor-sever-yug>

³ Руководство иранской революции во главе с Хомейни изначально позиционировало себя не как шиитскую, а как общеисламскую революционную силу. При этом, несмотря на обозначенную им не только антиамериканскую, но и антисоветскую направленность, часть радикальных сил, вначале поддержанных рядом религиозных лидеров, таких как, например, «моджахеддин-и-хальк» позиционировали себя как «исламо-марксисты». Отсюда была их поддержка со стороны ряда арабских левых.

Г. Г. Косач*

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

Резюме: Принятый в апреле 2016 г. в Саудовской Аравии проект социально-экономических преобразований – «Видение Королевства Саудовская Аравия: 2030» – наиболее яркий показатель развивающегося ныне в этой стране модернизационного процесса. Этот процесс отталкивается от реформ прошлых лет и опирается на союз власти (в первую очередь наследного принца Мухаммеда бен Сальмана) и ставшего реальностью национального социума «образованного класса». Вместе с тем саудовская модернизация консервативно-охранительна. Ее важнейшая цель – расширение социальной базы правящей семьи и ликвидация фрагментарности и хрупкости саудовского общества.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, «Видение: 2030», саудовский «образованный класс», принц Мухаммед бен Сальман, социально-экономические реформы

Summary: The project of socio-economic transformations "Saudi Arabia Vision: 2030", which has been adopted in April 2016, is the best example of modernization process developing now in this country. This process is based on the reforms of previous years and on the union between the power, represented by Crown Prince Mohammad Bin Salman and "educated class", which became a reality of national society. However, Saudi modernization is conservative, preserving traditions. Its main goal is to widen the social basement of the ruling family and to put an end on the fragmentary and fragility of Saudi society.

Key words: Saudi Arabia, "Vision: 2030", Saudi "Educated Class", Prince Muhammad bin Salman, social and economic reforms.

* Косач Григорий Григорьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета

Изменения, происшедшие после восхождения на трон Сальмана бен Абдель Азиза (январь 2015 г.), ознаменовали начало нового этапа в жизни Саудовской Аравии. Начавшаяся реализация выдвинутого нынешним наследным принцем Мухаммедом бен Сальманом проекта социально-экономической перестройки «Видение: 2030», поддерживаемое политическим истеблишментом, и все большее выдвижение к вершине власти выходцев из рядов «разночинного» образованного класса, декларируемое неприятие «экстремистского» ислама и «возвращения к исламу умеренности», – все это выглядит как преддверие к серьезной трансформации страны, движущейся к преодолению состояния застывшего *цивилизационного* феномена.

Процесс преодоления этого состояния имеет свою предысторию – рубеж прошлого и нынешнего столетий, когда ранее растянутая во времени модернизация (к осуществлению которой подталкивало развитие международных связей после начала «нефтяной эпохи», потребности становления современной экономики и перемен в общественной жизни) получила необходимое ей и приданное истеблишментом ускорение. Для этого были как внешние, так и внутренние причины.

Кувейтский кризис позволил Саудовской Аравии обрести в 1992 г. первые конституционные акты – Основной закон правления, Закон о Консультативном совете, создавший основу для становления формальной системы представительства – *прото-парламента*, а также Закон об управлении провинциями, в значительной мере расширявший полномочия региональной власти. Консервативно-охранительное движение в направлении перемен ускорялось, создавая механизмы реагирования на внутреннее, порожденные фрагментированностью социума вызовы и на адаптацию к воздействию внешних угроз.

11 сентября 2001 г. подтолкнуло истеблишмент к пересмотру внутренней (и внешней) политики – Саудовская Аравия присоединилась к возглавляемой Соединенными Штатами международной антитеррористической коалиции, обвинявшиеся в поддержке террористических группировок частные «благотворительные фонды» (среди них крупнейший – «Аль-Харамейн») были распущены или огосударствлены. В январе 2003 г. (когда

активизировалось внутрисаудовское антисистемное и апеллировавшее к религии оппозиционное движение) представители «нового образованного класса» вручили (в то время) наследному принцу и будущему королю Абдалле бен Абдель Азизу составленное ими «Видение настоящего и будущего родины». Лейтмотивом этого документа была идея трансформации страны в «государство институтов во взаимодействии с монархом»¹. Итогом «арабской весны» стало превращение этой идеи в ведущее направление внутренней политики.

Ускорение процесса преодоления состояния застывшего *цивилизационного* феномена осуществлялось при опоре на новые социальные страты, представленные «разночинным» образованным классом, ставшего итогом развития «нефтяной эпохи». Начало 2000-х гг. ввело в саудовский дискурс термин *либералы* – «остававшиеся почвенниками», как характеризовал их саудовский автор, поборниками «обновления, плюрализма, общественных и личных свобод»². Ему не противоречил представитель либеральных кругов, подчеркивавший: «Мы гордимся нашей принадлежностью к исламу, религии справедливости, равенства и свободы, мы против тех, кто искажают Божественное послание, воплотившееся в Королевстве»³. Апелляция к «либерализму» означала видение его источника не столько в «западных ценностях», сколько в реинтерпретируемой вероисповедной норме, из которой исключалось «религиозное рвение».

Сегодня к «либералам», обобщенно характеризуя их как «молодежь» и ассоциируя себя с ними, обращается наследный принц, заявив в январе 2016 г.: «Саудовская Аравия, которую хочу создать я и 70% саудовцев, – это Саудовская Аравия, не опирающаяся на нефть, это страна с растущей экономикой, с прозрачными законами, занимающая сильное место в мире, способная осуществить мечту каждого гражданина, предоставив ему мотивирующие стимулы. Это страна с хорошей экологией, обеспечивающая участие всех в принятии решений, часть мира, участвующая в его развитии, противостоящая тем же вызовам, что и остальной мир»⁴. В свою очередь, эта «молодежь» видела в наследном принце желанного реформатора, стремясь укрепить свой союз с властью. Власть же говорила о появлении саудов-

ской идентичности, более не определявшейся лишь «исламом и арабизмом»⁵, но и «многогранными связями с миром», утверждая, что движение к ее формированию «непреодолимо»⁶.

I

Анализируя процесс общественной трансформации в «нефтяную эпоху», саудовский автор отмечал, что в его прежней структуре присутствовал «правлящий класс» – семейства Аль Сауд и Аль Аш-Шейх, «классы ихванов, торговцев, земледельцев, кочевников и скотоводов, рыбаков, ремесленников и рабов». Последующая эволюция меняла эту структуру. «Класс торговцев» обрел черты «предпринимательского класса». В начале 1960-х гг. было запрещено рабство. Исчезли «классы ихванов и ремесленников», растворившиеся в Национальной гвардии и страже рабочих-нефтяников. Наконец, все тот же автор отмечал возрастание роли «класса интеллигенции, нового предпринимательства, служащих и лиц с ограниченным доходом»⁷.

Саудовский социум урбанизирован, – 81% населения, достигшего в середине 2018 г. 32,5 млн человек, жители городов⁸ 60% жителей сосредоточено в трех крупнейших городах – Эр-Рияде, Мекке и Медине⁹. Этот социум образован – в стране действуют 25 университетов (среди них крупнейшие учебно-исследовательские комплексы – Университет нефти и природных ресурсов имени короля Фахда в Дахране и Университет науки и технологии имени короля Абдаллы вблизи Джидды) и 52 региональных технических колледжа. Ежегодно не менее 90 тыс. молодых саудовцев (мужчин и женщин) отправляются на учебу в зарубежные (в первую очередь американские) университеты. 26,8% работающих саудовцев (мужчин и женщин) обладают дипломами об окончании средней школы, а 34,4% – дипломами бакалавров.

Образованность саудовского социума – итог развития начала 2000-х гг., когда власть (представленная первоначально наследным принцем, а затем королем Абдаллой бен Абдель Азизом) впервые сформулировала потребность в общественно значимом «проекте», реализация которого могла бы не только ввести саудовский социум в современный мир, но и содействовать его «национально ориентированной» организации.

Первым официально провозглашенным «национальным проектом» стал «Национальный проект принца Абдаллы», выдвигавший задачу полной компьютеризации системы образования на всех ее ступенях. Обращаясь в этой связи к учащимся и студентам, предшественник нынешнего монарха подчеркивал: «Национальный проект компьютеризации направлен на то, чтобы сделать доступными новым поколениям знания о нынешнем постоянно меняющемся мире. Этот проект поможет нам создать современную нацию»¹⁰.

Содержание проекта определялось его важнейшим положением: «Информатика стала, – отмечали его авторы, – одним из источников национального дохода современных государств», что позволило им «обеспечить высокий уровень развития образования, привлекая необходимые для этого капиталовложения». Источником привлекаемых для «Национального проекта принца Абдаллы» инвестиций должны были стать (и становились, что подтверждал визит в Саудовскую Аравию главы Microsoft Билла Гейтса¹¹) «крупнейшие мировые компании, действующие в сфере информационных технологий»¹². В документе подчеркивалось, что «по истечении ближайших десяти лет (к 2010 г. – Г.К.) число учащихся и студентов в Саудовской Аравии составит 10 млн человек»¹³, что предполагало и обновление корпуса преподавателей школ и высших учебных заведений.

Саудовский политический истеблишмент был ориентирован на коренную реформу в сфере среднего и высшего образования. Речь шла в первую очередь о содействии, как отмечал в августе 2006 г. король Абдалла, «развитию современных технических наук». В основе требовавшегося истеблишментом изменения лежала мысль о расширении (и создании) системы преподавания естественных и технических наук, поскольку лишь так можно добиться «качественного скачка в сфере образования и содействовать тем самым прогрессу»¹⁴.

В начале ноября 2006 г. усилия государства, направленные на развитие отвечающей потребностям современности системы образования («Национальный проект принца Абдаллы» был трансформирован в «Национальный проект развития образования»), увенчались значимыми успехами. По словам чиновника высшего ранга

Министерства образования, эти успехи состояли в том, что если в 2003 г. высшие учебные заведения (или отделения столичных университетов) существовали только в 16 районах основных провинций, то в 2006 г. – уже в 42. Как отмечал представитель министерства, «ныне нет ни одного крупного центра любой провинции, где не действовал бы университет либо факультет столичного университета, способный в обозримом будущем стать ядром вновь формируемого высшего учебного заведения». Все вновь возникавшие центры высшего образования специализировались только «на технических и прикладных науках»¹⁵.

Ориентация на развитие в первую очередь технических и прикладных наук естественна. Она отталкивалась от реалий социально-экономической эволюции государства, где ранее безгранично развивавшееся гуманитарное образование (в контексте которого ведущую роль играли *исламские науки*) более не соответствовало потребностям рынка, вызывая «скрытую безработицу в среде образованной молодежи». Страна, в которой на развитие образования ежегодно расходовалось 9,5% ВВП (или 25% от ежегодных общих расходов государства) «все еще испытывает потребность в 60 тыс. фармацевтов и 100 тыс. инженеров»¹⁶.

Важной чертой того, что король Абдалла называл «качественным скачком в сфере образования», было планомерное включение в эту сферу женщин. По словам генерального секретаря действовавшего под непосредственным патронажем монарха Высшего совета по делам образования, «в сфере образования нет предпочтения молодым людям за счет девушек, все наши решения имеют одинаковую силу для тех и для других». Только за период с 2003 по 2006 г. в Саудовской Аравии были вновь открыты 102 женских факультета¹⁷.

В конце декабря 2008 г. в Саудовской Аравии был предан гласности очередной бюджет страны. Впервые в истории страны более четверти предусматриваемых им расходов (122 млрд риалов из 475 млрд¹⁸) было выделено, как подчеркивал, обращаясь к нации, король Абдалла, на нужды образования. Речь шла в первую очередь «о развитии высшего образования, научных исследований, как и программ, связанных с обучением студентов за границами королевства». В стране продолжает претворяться в

жизнь один из официально провозглашенных «национальных проектов», расширяющий страту современного «образованного класса». Принципиальная черта этого процесса, по словам монарха, состояла в том, чтобы «предоставить гражданам и гражданам королевства большие возможности влияния на принимаемое правителями их отечества политическое решение»¹⁹.

Образование и в дальнейшем оставалось приоритетным направлением саудовского государства. «Видение: 2030» ставило задачу перестройки системы образования «в соответствии с потребностями рынка труда», что предполагало расширение системы среднего и высшего профессионально-технического образования, как и продолжение курса на подготовку кадров в «ведущих зарубежных университетах»²⁰. Все тот же документ, определяющий нынешнее движение страны по пути социально-экономической трансформации специально оговаривал роль женщин, – они составляют «более 50% выпускников университетов», важной целью объявлялось содействие «развитию их талантов, получению ими возможностей для созидания собственного будущего». К 2030 г. уровень экономической занятости женщин предполагалось повысить с 22 до 30%²¹.

II

Время правления короля Абдаллы (2005–2015) окончательно сформировало саудовский «образованный класс» как одну из опор власти, а также новые государственные институты, ставшие инструментами деятельности этого «класса».

Особая роль в списке этих институтов отводилась назначаемому монархом Консультативному совету, задачи которого определял связанный с его созданием Закон: «Следуя источникам исламского шариата, члены Совета служат общему благу, охраняя единство общества»²². Если в момент формирования Консультативного совета (весна 1992 г.) в нем было 60 членов, то после 2005 г. – 150, включая 30 женщин. В 2012 г. Совет обрел право законодательной инициативы. Абсолютное большинство новых лиц (в том числе все женщины), введенных в состав Совета, обладает дипломами о высшем образовании или магистерскими и докторскими степенями. Эти дипломы и степени

получены в первую очередь по светским специальностям. Новые члены Совета – уроженцы всех регионов страны и представляют все конфессиональные страты (в составе нынешнего *протопарламента* 7 уроженцев шиитских районов Восточной провинции и 2 – Неджрана²³). Абсолютное большинство членов Совета – разночинцы.

Создав Совет, власть расширила социальную базу правления семьи Аль Сауд. Это не снижало значимости Консультативного совета как «мозгового центра», ставшего каналом влияния на принятие политических решений и трибуной для выражения точек зрения по вопросам внешней и внутренней политики, равно как и органом контроля над реализацией утвержденных правительственных решений. Работа в Консультативном совете представляла представителям «образованного класса» возможность войти в исполнительную власть. В сформированное в феврале 2015 г. правительство вошли бывшие члены Консультативного совета (за исключением постов министров обороны и внутренних дел, остающихся в руках принцев династии, а также министра исламских дел, принадлежащего члену семьи Аль Аш-Шейх). Впервые в саудовской истории пост министра иностранных дел получил «разночинец» Адиль Аль-Джубейр. Это положение не изменилось и в конце декабря 2018 г., когда король Сальман осуществил «переформатирование» правительства, – новым министром иностранных дел все так же стал «разночинец», бывший министр финансов Ибрагим Аль-Ассаф. Заняв пост государственного министра по внешним сношениям, А. Аль-Джубейр возглавил аппарат внешнеполитического ведомства.

В 2003 г. возник Центр национального диалога как орган, призванный содействовать «укреплению национального единства, базирующегося на неизменных принципах шариата»²⁴. Открывая работу Центра первая «общенациональная встреча» объединила законоучителей-последователей ханбалитской доктрины, глав шиитской и исмаилитской общин и руководителей суфийских *тарикатов*. Задача этой встречи определялась как «поиск пути к умеренному исламскому дискурсу»²⁵. В дальнейшем же на обсуждение участников «национальных встреч» (включая шиитскую и исмаилитскую интеллигенцию) выно-

сились вопросы, связанные с положением женщин, ситуацией в среде молодежи, в сфере образования и здравоохранения, а также «экстремизм и сохранение национального единства»²⁶. Возникновение Центра внесло новые нюансы и в систему власти – создавая этот институт, власть заявляла, что нуждается в том, чтобы знать мнение общества (при ограничении этого мнения точкой зрения «избранных групп граждан»), опираясь на которое она могла бы продолжать движение по пути реформ. Каждая из прошедших в различных регионах десяти «национальных встреч» разрабатывала рекомендации, направлявшиеся «политическому классу».

В 2005 и 2011 гг. в Саудовской Аравии прошли частичные выборы в муниципальные советы. При ограниченности сферы деятельности этих советов (из нее исключена политика) процесс муниципальных выборов весьма показателен: он создает конкурентную среду, в ходе которой возникают межплеменные и межконфессиональные «блоковые объединения», способные представить единые списки кандидатов и обеспечить им победу. В районах же расселения неханбалитских меньшинств (шиитов в Восточной провинции и исмаилитов в провинции Неджран) членство в муниципальных советах – монополия местных уроженцев. В конце лета 2015 г. началась третья муниципальная избирательная кампания, завершившаяся в декабре 2015 г.²⁷, в которой участвовали и женщины. В руководящие органы муниципальных образований были избраны 12 женщин. Этому начинанию предшествовали шаги, направленные на расширение сферы женской эмансипации – введение в государственную табель о рангах, право получать удостоверения личности, избираться в руководящие органы торгово-промышленных палат и общественных организаций. С июня 2018 г. женщины получили право водить автомобиль, – важнейшее требование саудовских «либералов» было реализовано.

Власть вводила в саудовский дискурс новые термины – *родина – ватан* и производное от этого термина *муватынун – граждане*. В 2005 г. Абдалла бен Абдель Азиз учредил отмечаемый 23 сентября национальный праздник – День объединения. Сообщая в 2015 г. об этом празднике, саудовское издание под-

черкивало: «Национальный день воплощает единство родины, развитие всех регионов страны, успешное преодоление вызовов и кризисов»²⁸. Так, террористическая акция (в мае 2015 г.) в шиитской мечети местечка Эль-Кудейх (Восточная провинция), приведшая к жертвам, была использована властью для организации кампании «общенациональной солидарности» под лозунгами «исламского суннитско-шиитского братства»²⁹.

Опираясь на «образованный класс», наследный принц развивал наступление на корпус религиозных законоучителей. В конце сентября 2017 г. Консультативный совет одобрил принятое политическим истеблишментом решение о введении женщин-специалистов по мусульманскому праву в Генеральный совет фетв³⁰. В Саудовской Аравии впервые появились женщины-муфтии. Выступая в конце октября 2017 г. на международном экономическом форуме в Эр-Рияде, принц провозгласил символом саудовских перемен особую экономическую зону площадью 25 тыс. км² – город науки (включая генную инженерию и нанотехнологии) NEOM³¹, который создается на побережье Акабского залива и Красного моря. Он должен будет стать и ведущим центром культуры, образования и туризма. Мухаммед бен Сальман подчеркивал, что, «следуя устремлениям молодого саудовского общества», страна «покончит с идеями религиозного экстремизма». Речь шла о «возвращении к тому, что существовало до 1979 г. (дата исламской революции в Иране и захвата религиозными экстремистами Запретной мечети в Мекке. – Г.К.), «к умеренному исламу, открытому миру, всем религиям, всем традициям, всем народам»³².

III

Проект «Видение: 2030» – концентрированное выражение требований выпестованного государством «образованного класса», ориентированного на «реформатора во власти». Важнейшие положения этого проекта – перестройка экономики на принципах открытости, приватизация и избавление от нефтяной зависимости, дальнейшее развитие процесса женской эмансипации, как и повышение качества жизни – были выдвинуты еще в январе 2003 г. в «Видении настоящего и будущего родины».

Этому «классу» в октябре 2018 г. на втором Инвестиционном форуме в Эр-Рияде принц Мухаммед бен Сальман предлагал модель саудовского будущего – эмират Дубай, обещающая «через пять лет коренным образом изменить Саудовскую Аравию» и сделать «Ближний Восток новой Европой»³³.

Контуры того, чем должна стать Саудовская Аравия, определило «Видение: 2030», открывавшееся «обязательствами», связанными с улучшением качества жизни – сферой здравоохранения, образования, культуры и досуга. Их резюме – «поддержка культуры и организация досуга», «здоровая жизнь» и «учиться, чтобы трудиться». К моменту завершения программы «расходы саудовской семьи на культуру и досуг» должны были повыситься с 2,9 до 6%, а доля тех, кто «занимается спортом хотя бы один раз в неделю, с 13 до 40%». Создание «любительских кружков для детей и подростков» в «использующих современный мировой опыт социально-культурных клубах» впервые в саудовской истории становилось направлением деятельности власти³⁴.

«Новая эра» развития обретала черты реальности. В апреле 2018 г. были вновь открыты кинотеатры³⁵. В мае 2018 г. Саудовская Аравия впервые участвовала в Каннском кинофестивале³⁶. Проведенное 27 сентября 2018 г. празднование «национального дня» сопровождалось фейерверками и концертами (на которые допускались и женщины): прежде табуированные публичные выступления певцов и музыкантов стали достоянием общества. Частью повседневности стали театральные постановки, музыкальные вечера (в 2018 г. в Дахране выступал симфонический оркестр петербургского Мариинского театра³⁷) и выставки живописи.

Спорт (и улучшение медицинского обслуживания) как путь к повышению продолжительности жизни (с нынешних 74 до 80 лет³⁸) объявлялся условием жизни «общества, отвечающего потребностям современности» и «экологической безопасности». К 2030 г. не менее 3 городов должны быть включены в число «лучших для проживания человека ста городов мира»³⁹. Экономическая часть проекта делала акцент на поощрении малого и среднего предпринимательства, провозглашенного «одним из основных источников экономического роста». Долю его участия в ВВП «Видение: 2030» предполагалось повысить с 20 до 35%.

Государство обязывалось расширить банковско-финансовую поддержку этого сектора, а его развитие должно было сократить безработицу – с 11,6 до 7%⁴⁰.

Поддерживая наследника престола, «образованный класс» приветствовал не только «Видение: 2030», но и выдвижение Мухаммеда бен Сальмана на вершину саудовской властной пирамиды. Инструментом этого выдвижения стала беспрецедентная «антикоррупционная кампания», стартовавшая в начале ноября 2017 г., когда монаршим указом был создан руководимый наследным принцем Национальный антикоррупционный комитет. Глава Комитета подчеркивал: «Никто, ни принц, ни министр, ни чиновник высокого ранга не останется безнаказанным, если он причастен к коррупции»⁴¹. Возвращенные государству средства предназначались для финансирования «Видения: 2030» и проекта NEOM.

Саудовская Аравия далека от того, чтобы быть страной, свободной от коррупции, заняв в 2016 г. 62-е место по индексу ее восприятия⁴². Но происходящие события – «чистка» политического поля, необходимая, как подчеркивали западные аналитики, для «консолидации власти» наследного принца, сравнивая действия Мухаммеда бен Сальмана с «антикоррупционными мерами» Си Цзиньпина, обеспечившими трансформацию китайской экономики⁴³. Второе лицо саудовского государства инициировало ускоренные модернизационные преобразования, опираясь на методы, кажущиеся единственно приемлемыми в государстве, отягощенном традицией застывшей власти и однобокой экономики. Для некоторых западных аналитиков речь могла идти о «саудовском варианте “арабской весны”»⁴⁴. Для этого были серьезные основания. «Проклятие природных ресурсов» превращало саудовское государство в «слабое (*fragile*)», занимавшее в 2016 г. 101-е место в *Fragile States Index*⁴⁵. Власть семьи Аль Сауд, ранее отталкивавшаяся от безусловного подчинения подданных правителю (как и создания взаимоприемлемых отношений с лидерами кланово-племенных структур), ограничивала возможности новых общественных страт, появление которых стало итогом времени «нефтяного развития». Коррекция этого положения превращалась в нетерпящую отлагательств задачу.

Курс на модернизацию воспринимался «образованным классом» как возможность укрепления своих позиций. Ситуация, возникшая после создания Национального антикоррупционного комитета, описывалась активистами Twitter под хэштегами «революция 4 ноября», «никто не спасется» и «король борется с коррупцией». Авторы сообщений под этими хэштегами требовали продолжить «революцию», призывая к новым арестам и задержаниям⁴⁶. Принц Мухаммед бен Сальман получил поддержку тех, представителем которых он провозглашал себя с момента своего прихода на вершину политического истеблишмента. Их поддержку он получил и в итоге развязки дела Хашогги. Саудовские пользователи Twitter, писавшие под хэштегом «Джамаль Хашогги», видели в Мухаммеде бен Сальмане «жертву необоснованных обвинений» и «защитника величия Саудовской Аравии» – надежда на «реформатора во власти» превалировала. Идентичная поддержка стала реальностью и в конце ноября 2018 г., когда в социальных сетях появился хэштег «Король Сальман и принц Мухаммед – красная линия»⁴⁷.

* * *

Движение в направлении модернизации не только инициировано властью, но и выглядит как консервативно-охранительное – модернизационные изменения дозированы, степень их реализации – исключительная монополия государства. То же государство жестко подавляет «революционное нетерпение» сторонников коренных перемен, игнорируя протесты международного сообщества и требуя от вводимых во власть по его инициативе «разночинцев» безусловной лояльности авторитарному правителю.

¹ Руайя ли хадыр аль-ватан ва мустакбилихи (Видение настоящего и будущего родины). Б/м, б/д. С. 1. – Личный архив автора.

² Аль-Хабиб А. Р. Ман хувва аль-либералий ас-саудий (Кто такой саудовский либерал)? // Аль-Джазира, 10 января 2011. – <http://www.al-jazirah.com/2011/20110110/ar1.htm>.

³ Аль-Омани Ф.А. Ат-Тайяр аль-либералий ас-саудий (Саудовское либеральное течение) // Ар-Рияд, 8 января 2012. – <http://www.alriyadh.com/2012/01/08/article698925>

⁴ Transcript: Interview with Muhammad bin Salman. – The Economist, 06 January 2016 // <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2016/01/06/transcript-interview-with-muhammad-bin-salman>

⁵ Двусмысленность этого термина очевидна. В саудовской риторике «арабизм» часто сопрягается с понятием «племенное общество». Как подчеркивало официальное издание, «правители и граждане Королевства – арабы, принадлежащие к ста древним племенам, образующим саудовский народ». – Ламахат ан савабит ас-сияс ас-саудийя (Очерки о константах саудовской политики) // Эр-Рияд, Дар Аль-Харриджи, 1995. С. 114.

⁶ Руайя Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя: 2030 (Видение Королевства Саудовская Аравия: 2030). С. 17. – <http://vision2030.gov.sa/ar/media-center>.

⁷ Аз-Захрани С. Х. Мушкилят ат-танмийя аль-иджтима'ийя фи Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя (Проблемы общественного развития в Королевстве Саудовская Аравия) // Эр-Рияд, Дар Аль-Харриджи, 2000. С. 129–147.

⁸ Оценочные данные численности населения на середину 2018 г., основанные на данных всеобщей переписи 2016 г., составляют 32 млн 552 тыс. чел. – 20 млн 768 тыс. саудовцев и 12 млн 645 тыс. несаудовцев (<https://www.stats.gov.sa/ar/43>).

⁹ Сяяс мудун тахтадын 60% мин адад ас-суккан Ас-Саудийя (Население трех городов составляет 60% от его численности в Саудовской Аравии) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 17 сентября 2017. – <https://aawsat.com/home/article/1026611/-من-عددسكان-السعوديةثلاثمدن-تحتضن-٦٠>

¹⁰ Здесь и далее: САБК ястаарид абраз инджазат аль-малик Абдалла хияля 10 санават (Агентство САБК представляет важнейшие достижения короля Абдаллы за 10 лет). 25 января 2015. – <https://sabq.org/SGwgde>

¹¹ В начале ноября 2006 г. король Абдалла принял посетившего Саудовскую Аравию главу Microsoft. Итогом переговоров стало заключение соглашений, предусматривавших участие компании в компьютеризации школ и университетов, а также гражданских и военных учреждений, включая Национальную гвардию и Службу государственной безопасности. – Хадим Аль-Харамейн ястакбил Билл Гейтс (Служитель Двух Святынь принимает Билла Гейтса) // Ар-Рияд, 9 ноября 2006. – <http://www.alriyadh.com/200570>

¹² Здесь и далее: САБК ястаарид абраз инджазат аль-малик Абдалла хияля 10 санават.

¹³ Согласно данным саудовского Министерства образования, общее число студентов университетов (без учета обучающихся за пределами страны) составило в 2017–2018 учебном году почти 1500 млн чел. // Аль-Батан, 15 августа 2018. – http://alwatan.com.sa/Local/News_Detail.aspx?ArticleID=344915&CategoryId=5

При этом общая численность учащихся в стране (включая школьников различных ступеней) достигла в 2018 г. 6,4 млн чел. // Сахифа ат-таалим, 19 января 2019. – <http://saudied.com/إحصائيات-التعليم-بالمملكةلعام>

¹⁴ Хадим Аль-Харамейн Аш-Шарифейн: аль-алям яъиш ляхза дабабийя (Служитель Двух Благородных Святынь: мир живет в туманную эпоху) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 26 августа 2006. – <http://archive.aawsat.com/print.asp?did=379793&issueno=10133>

¹⁵ Вакиль ат-таалим аль-али: тахаллуф джамиatina ан ат-тасниф аль-алямий сабабуху визарат аль-малийя ва аль-хидма аль-мадания ва аль-иктисад ва ат-тахтыт (Заместитель министра высшего образования: если наши университеты отстают от мировых стандартов, то вина за это лежит на министерствах финансов, гражданской службы, экономики и планирования) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 9 ноября 2006. – http://archive.aawsat.com/details.asp?article=391112&issueno=10208#.XEVpL81S_IU

- ¹⁶ Удва гурфа Джидда: сук аль-амаль би хаджа иля 60 альф сайдалил ва 100 альф мухандис (Член торгово-промышленной палаты Джидды: рынок труда нуждается в 60 тыс. фармацевтов и 100 тыс. инженеров) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 9 ноября 2006. – http://archive.aawsat.com/details.asp?issueno=9896&article=394252#.XEWWM1S_IU
- ¹⁷ Амин Аль-Маджлис аль-аали ли ат-таалим ли Аш-Шарк Аль-Аусат: ля хазва ли аш-ша-баб аля аль-фатайят (Секретарь Высшего совета по делам образования заявляет «Аш-Шарк Аль-Аусат»: юноши не пользуются преимуществом по сравнению с девушками) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 30 сентября 2006. – http://archive.aawsat.com/details.asp?article=391125&issueno=8206#.XEVpL81S_IU
- ¹⁸ Аль-Малик Абдалла юкирр акбар мизания фи тарих Ас-Саудийя (Король Абдалла утверждает самый большой бюджет в истории Саудовской Аравии) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 23 декабря 2008. – <http://www.aawsat.com/details.asp?section=1&issueno=10983&article=500054>.
- ¹⁹ Тасрих хасс ли Хадим Аль-Харамейн Аш-Шарифейн ли Аш-Шарк Аль-Аусат (Специальное интервью Служителя Двух Благородных Святынь «Аш-Шарк Аль-Аусат») // Аш-Шарк Аль-Аусат, 26 августа 2006. – <http://www.aawsat.com/details.asp?section=1&issueno=10133&article=379793>.
- ²⁰ Руайя Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя: 2030 (Видение Королевства Саудовская Аравия: 2030). С. 36. – <http://vision2030.gov.sa/ar/media-center>
- ²¹ Там же. С. 38–39.
- ²² Низам Маджлис аш-шура (Закон о Консультативном совете) // Бен Баз А.А. Ан-Низам ас-сиясий ва ад-дустурий ли Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя (Политико-конституционная система Королевства Саудовская Аравия) // Эр-Рияд, Дар Аль-Харриджи, 2000. С. 319.
- ²³ Ас-Сияр аз-затийя ли аада Маджлис аш-шура (Биографии членов Консультативного совета). – Сайт Консультативного совета. – <http://www.shura.gov.sa/wps/wcm/connect/shuraarabic/internet/cv>
- ²⁴ Марказ аль-малик Абдель Азиз ли аль-хивар аль-ватаний. Далиль таарифий (Центр национального диалога имени короля Абдель Азиза. Ознакомительный справочник) // Эр-Рияд, 2004. С. 3.
- ²⁵ Там же. С. 10.
- ²⁶ Аль-Ликуат аль-ватанийя (Национальные встречи). – Сайт Центра национального диалога. – http://www.kacnd.org/all_national_meetings.asp
- ²⁷ Саада байн ас-саудийят би мушарикатихинна аль-уля фи аль-интихабат аль-баядий таршихан ва интихабан (Саудовские женщины счастливы впервые выдвигать свои кандидатуры и избираться в муниципальные советы) // Аль-Хайят, 12 декабря 2015. – <http://www.alhayat.com/article/715334/السعوديات-بمشاركتهن-الأولى-في-الانتخابات-البلدية-ترشحواانتخابا>
- ²⁸ Ас-Саудийя фи румиха аль-ватаний (Саудовская Аравия в свой национальный день) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 23 сентября 2015. – <http://aawsat.com/home/article/458926>
- ²⁹ Аль-Малик Сальман ятавваад би ат-тасадди ли аль-фикр ад-далль (Король Сальман обещает дать отпор заблудшей идее) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 25 мая 2015. – Режим доступа: <http://aawsat.com/home/article/368386>

³⁰ Муфтият ли аль-марра аль-уля фи Ас-Саудийя (Женщины-муфтии впервые в Саудовской Аравии) // Аль-Хайят, 27 сентября 2017. – <http://www.alhayat.com/article/889066/مفتيات للمرة الأولى في السعودية>

³¹ Название образовано от греческого нео – новый и первой буквы арабского мадина – город.

³² Мухаммед бен Сальман: снакды аля ат-татарруф (Мухаммед бен Сальман: мы покончим с экстремизмом) // Аш-Шарк Аль-Аусат, 25 октября 2017. – <https://aawsat.com/home/article/1062851>

³³ Вали аль-ахд ас-саудий: Аш-Шарк Аль-Аусат саякун Ауробба джаджида (Саудовский наследник престола: Ближний Восток будет новой Европой). – Аль-Хайят, 25 октября 2018. – <http://www.alhayat.com/article/4608913/اقتصاد/استثمار/ولي-العهد-السعودي-الشرق-الوسط-سيكون-أوروبا-الجديدة>

³⁴ Руайя Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя: 2030. С. 25–36.

³⁵ Ифтитах дур ас-синема фи Ас-Саудийя (Открытие кинотеатров в Саудовской Аравии) // Синема Ас-Саудийя, 18 апреля 2018. – <https://ksacinema.tv/2018/04>

³⁶ 2018: Синема Ас-Саудийя фи михраджан Канн (2018: саудовское кино на Каннском фестивале) // Аль-Арабийя, 12 мая 2018. – <https://www.alarabiya.net/ar/saudi-today/views/2018/05/12/2018-html>.

³⁷ Оркестр Мариинки впервые выступил в Саудовской Аравии // ТАСС, 17 июня 2018. – <https://tass.ru/kultura/5298405>

³⁸ Руайя Аль-Мамляка Аль-Арабийя Ас-Саудийя: 2030. С. 29.

³⁹ Там же. С. 25–29.

⁴⁰ Там же. С. 37–39.

⁴¹ Аль-Джубейр: натабанна сияса адам ат-тасамух маа аль-фисад (Аль-Джубейр: мы проводим политику непримиримости в отношении коррупции) // Аль-Хайят, 10 ноября 2017. – <http://www.alhayat.com/Articles/25311254/الجبير-نتبنى-سياسة-عدم-التسامح-مع-الفساد>

⁴² Corruption Perceptions Index, 2016 // Transparency International, 25 January 2017. – https://www.transparency.org/news/feature/corruption_perceptions_index_2016.

⁴³ Leber A., Carothers C. Is the Saudi Purge Really About Corruption? // Foreign Affairs, 15 November 2017. – <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2017-11-15/saudi-purge-really-about-corruption>.

⁴⁴ Friedman T. Saudi Arabia's Arab Springs, a last // The New York Times, 23 November 2017. – <https://www.nytimes.com/2017/11/23/opinion/saudi-prince-mbs-arab-spring.html>.

⁴⁵ Fragile States Index // The Fund for Peace, 14 May 2017. – <http://fundforpeace.org/fsi/2017/05/14/fsi-2017-factionalization-and-group-grievance-fuel-rise-in-instability>.

⁴⁶ Саура 4 новембер (Революция 4 ноября) // Аль-Ватан, 5 ноября 2017. – <https://www.elwatannews.com/news/details/2682150>

⁴⁷ Хашогги ва кувалис аль-масрахийя (Хашогги: за кулисами комедии) // Аль-Ватан, 9 октября 2018. – http://www.alwatan.com.sa/Politics/News_Detail.aspx?ArticleID=349738&CategoryID=1

Е. С. Мелкумян*

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ АРАБСКИХ МОНАРХИЙ ЗАЛИВА: ОСНОВНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ

Резюме: Арабские монархические государства Персидского залива принимают стратегические программы развития на предстоящий период. Зависимость их экспортных возможностей и дохода от нефти и газа ставит перед ними задачу осуществления диверсификации экономики. В статье анализируются стратегии развития всех шести монархий Залива, рассматриваются присущие им общие направления развития, а также те специфические национальные задачи, которые ставит перед собой каждая из стран Залива. Стремление сохранить характер существующих политических режимов и осуществление преобразований реформаторами, представляющими правящий класс, объединяет все анализируемые проекты стратегического развития.

Ключевые слова: арабские монархии Залива, стратегии развития, диверсификация, инновации, Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ, Оман, Саудовская Аравия.

Summary: Arab Gulf monarchies adopted strategic development programs for future periods. The dependence of their export possibilities and revenues on oil and gas demanded the diversification of their economies. The article is analyzing development strategies of all six Gulf monarchies, describing common directions of development, as well as specific National goals which were defined in each of the Gulf States. All analyzing projects of strategic development are directed to conserve the character of existing

* Мелкумян Елена Суреновна – доктор политических наук, профессор кафедры современного Востока факультета истории, политологии и права Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета, ведущий научный сотрудник ИВ РАН

political regimes and the reforms are performing by representatives of ruling class.

Key words: *Arab Gulf monarchies, development strategies, diversification, innovation, Bahrain, Qatar, Kuwait, the UAE, Oman, Saudi Arabia.*

Нефтедобывающие монархии Персидского залива достигли высокого, по сравнению с другими арабскими государствами, уровня экономического развития и благосостояния своих граждан. Они создали социально ориентированную модель, при которой государство заботится о повышении уровня жизни своих граждан и их социальной защите, включая образование, здравоохранение, оказание помощи нуждающимся слоям населения.

Эти страны характеризуются схожестью политических систем, основанных на власти правящих семей, а также ускоренными темпами модернизационных процессов, которые позволили им в кратчайшие сроки преодолеть социально-экономическую отсталость и стать процветающими, динамично развивающимися и политически стабильными государствами, осуществляющими проекты, направленные на дальнейшее совершенствование их экономической базы и социальной сферы.

Все арабские монархии Залива разрабатывают стратегии долгосрочного развития. Их претворение в жизнь должно снизить зависимость экономического развития от добычи и экспорта энергетических ресурсов и создания новых современных наукоемких отраслей экономики. Эти программы были призваны обозначить долговременные перспективы, наметить направления развития, в рамках которых разрабатывались бы конкретные планы по их претворению в жизнь.

В условиях транснационального характера современной экономики перед ними была поставлена задача повысить свою конкурентоспособность и привлекательность для иностранных инвестиций, диверсифицировать источники национальных доходов, уделять повышенное внимание вопросам образования и здравоохранения.

Все стратегические программы развития арабских монархий Залива объединяет стремление добиться устойчивого развития, ускорить темпы экономических и социальных преобразований.

В то же время конкретные цели каждой из этих программ значительно отличаются друг от друга из-за различий в потенциальных возможностях арабских монархий, а также достигнутых результатов в процессе осуществления модернизации и уровнях социально-экономического развития. Если Саудовская Аравия сегодня входит в число двадцати наиболее экономически развитых стран мира и принимает участие в ежегодных совещаниях стран «двадцатки», то Бахрейн нацелен на продолжение реформ для повышения его конкурентоспособности, и поэтому саудовские амбициозные долгосрочные планы несравнимы с весьма скромными задачами, которые призван осуществить в ближайшие годы Бахрейн. Однако способы, с помощью которых можно добиться устойчивого развития, предлагаются одни и те же. Это – развитие науки, технологий и инноваций, поощрение деятельности частного сектора, совершенствование кадровой политики и повышение уровня квалификации рабочей силы и расширение участия женщин в трудовой деятельности. Кроме того, первостепенное внимание во всех арабских монархиях Залива уделяется развитию человеческого капитала, что предполагает совершенствование системы образования и здравоохранения, а также пропаганду здорового образа жизни, прежде всего занятий спортом. «Доминирующая роль государства в условиях сильного государственного предпринимательства и преимущественно административных методов регулирования экономики в целом и госсектор в частности при всех вытекающих из этого диспропорций и противоречий» была характерной чертой всех арабских монархий Залива¹. Преодоление подобного положения должно стать одной из приоритетных задач их экономической политики.

Резкое снижение цен на нефть в 2014 г. стало одним из стимулов для активизации деятельности по разработке перспективных планов экономического развития. Хотя доля ненефтяных секторов в ВВП этих стран неуклонно повышается, их экспорт и государственные доходы продолжают зависеть от нефти и газа, поэтому во всех стратегиях одной из важнейших экономических задач названа диверсификация.

Еще одним стимулом стал стремительный рост населения этих государств. В соответствии с оценочными данными

на 2016 г. общая численность населения шести монархических государств Залива составила 37 млн человек, причем большая их часть – люди молодого возраста. К 2020 г. она должна возрасти до 53 млн, одна четверть которых будут лица моложе 15 лет. Уже в настоящее время в структуре населения арабских стран Залива преобладают молодые люди. Так, в Катаре лица в возрасте от 16 до 40 лет составляли 67% общей численности населения страны, в Омане дети до 15 лет составляют треть всего населения².

Каждое из арабских государств Залива в своих стратегических планах формулировало свои основные задачи в соответствии с их потребностями и возможностями. Так, Бахрейн в своей программе «Экономическое видение 2030» главными целями объявил «переход от экономики, базирующейся на нефтяных богатствах, к производительной, конкурентной на глобальном уровне экономике, управляемой государственными органами и стимулируемой передовым частным сектором». Важнейшей задачей этой программы должно стать обеспечение «каждому бахрейнцу средства для безопасной, полноценной жизни и реализации всех его потенциальных возможностей»³. В то же время королевство не ориентировано на претворение в жизнь грандиозных проектов, так как его экономический потенциал ограничен.

Стратегия развития Катара была изложена в документе, который был назван «Катар. Национальное видение 2030». Он был инициирован прежним эмиром Хамадом бен Халифа Аль Тани и опубликован Генеральным секретариатом экономического планирования в 2008 г.

Во главу угла была поставлена проблема развития человеческого потенциала, так как, как было отмечено в программе, «только всестороннее развитие жителей государства Катар позволит им создать процветающее государство»⁴. Одним из важнейших инструментов формирования человеческого капитала было названо образование.

Власти Катара подчеркивали свое понимание того, что изменился мировой порядок, который «сегодня основывается на знаниях и конкурентоспособности. Поэтому для того, чтобы вписаться в современный мир, необходимо, как отмечалось в документе, «совершенствовать систему образования и здравооух-

ранения, развивать рабочую силу, состоящую как из национальных кадров, так и квалифицированных иностранных рабочих и специалистов»⁵.

Перспективные проекты развития Катар также уделяли повышенное внимание высшему образованию. В 2016 г. численность студентов Катарского университета составила 17 000, а число факультетов – 9. Университет готовил бакалавров – 31 программа, магистров – 26 программ и докторов наук – 6 программ⁶. Университет уделял повышенное внимание качеству образовательных программ и их соответствию мировым стандартам. В соответствии с рейтингом международного агентства Round University Ranking он вошел в бронзовую лигу университетов мира и занял первое место среди университетов арабских стран⁷.

Новым шагом в развитии университетского образования стало строительство Города образования, призванного стимулировать создание инновационных отраслей. Этот студенческий центр был оборудован новейшими средствами обучения, в нем были созданы специальные лаборатории для проведения экспериментов и научных исследований по многим отраслям науки. Центр готовит специалистов главным образом по тем специальностям, которые востребованы в Катаре. Прежде всего это специалисты для нефтяной и газовой отраслей, инженеры, бизнес-администраторы. В Городе образования были расположены филиалы перво-классных западных университетов, готовящих специалистов-технологов, инженеров, экономистов и политологов.

«Национальное видение» ставило задачу превратить Катар в региональный центр знаний и промышленной активности. Экономика, основанная на знаниях, как было отмечено в программе, характеризуется инновациями, эффективным сектором услуг, отличным образованием и прозрачностью и предсказуемостью деятельности государственных учреждений.

Как и другие арабские монархии Залива, Катар нацелен осуществить диверсификацию экономики, с тем чтобы снизить зависимость от гидрокарбонатов и сохранить на длительный период их резервы. Для этого должна быть повышена роль частного сектора, которому государство должно оказывать всестороннюю помощь, в

том числе финансовую, что позволит стимулировать деятельность малого и среднего бизнеса. Катар должен развивать те отрасли экономики, в которых он может специализироваться⁸.

На экономическое развитие Кувейта негативным образом повлияла иракская агрессия и оккупация страны, осуществленная в августе 1990 г. Тяжелые последствия этого периода были преодолены после освобождения страны и возврата к мирной жизни в феврале 1991 г., но Кувейт не смог вернуться к прежним темпам экономического роста.

Другим фактором, приведшим к отставанию экономического развития Кувейта от соседних стран, стала внутривосточная нестабильность, проявившаяся в череде политических кризисов в первое десятилетие XXI в., вызванных противостоянием между правительством и парламентом.

Для ускорения развития экономики была принята программа – «Видение Кувейта 2035». Она направлена на превращение Кувейта в финансовый и торговый центр региона, привлекательный для иностранных инвестиций, где частный сектор станет локомотивом активности, где восторжествует конкурентный дух, возрастет эффективность благодаря поддержке со стороны государства, а также укреплению идентичности общества, осуществлению развития человеческого капитала, созданию необходимой инфраструктурной базы, передовой законодательной системы и благоприятной среды для предпринимательства⁹. Одной из основных задач долгосрочного развития Кувейта является снижение зависимости его экономики от нефти, составлявшей в 2015 г. примерно 90%¹⁰. Для осуществления поставленных целей необходимо будет продолжить реформы по либерализации экономики и добиться их поддержки со стороны парламента.

В 2010 г. в ОАЭ была принята стратегия развития страны на ближайшие годы, получившая название «Видение ОАЭ 2021». Ее главная цель – сделать общество счастливым и закрепить за государством престиж счастливой страны¹¹. Не случайно в составе правительства ОАЭ появилось Министерство счастья.

В 2016 г. ОАЭ утвердили новую стратегию развития, направленную на подъем экономики. По словам премьер-министра страны, правителя Дубая Мухаммеда бен Рашида Аль Мактума,

был намечен «переход к новому этапу развития и процветания»¹². Он призвал к созданию новых отраслей промышленности и созданию сбалансированной экономики, отметив, что уже 70% национальной экономики не связано с нефтью. ОАЭ планируют увеличить капиталовложения для развития торговли, финансовых и банковских услуг, туризма, гражданской авиации, альтернативных источников энергии, космических исследований. К 2021 г. они планируют запустить первый космический зонд¹³.

ОАЭ осуществляют грандиозные проекты: осваивают пустыню и создают насыпные острова, на которых возводят новые жилые кварталы, развивают транспортные магистрали. Государство основное внимание уделяет развитию социальной сферы, что создает условия для сохранения внутривластической стабильности и укрепления единства всех эмиратов федерации.

Каждый эмират, входящий в состав ОАЭ, обладает автономным правом в определении стратегии своего развития, но он обязан руководствоваться общими рекомендациями, принятыми на федеральном уровне. Кабинет министров ОАЭ в январе 2017 г. создал Национальный комитет по устойчивому развитию, состоявшему из 15 членов. Их число было увеличено в 2018 г. до 17 человек¹⁴. На него возложена задача контролировать претворение в жизнь планов перспективного развития в каждом из эмиратов. Главной их целью было обозначено формирование нации, объединенной чувством ответственности, общим национальным наследием и ставящей перед собой амбициозные задачи. ОАЭ должны стать союзом, имеющим общее будущее, опирающимся на всеобщее процветание и создание благоприятных условий для повышения качества жизни. Важным условием для достижения успеха была названа единая идентичность и сплоченность общества, хорошо работающая юридическая система, конкурентоспособность, основанная на знаниях, и экономика, развивающаяся благодаря использованию инноваций¹⁵.

В 2013 г. в ОАЭ была разработана Национальная стратегия инноваций. С 2014 г. в каждом эмирате появилась официальная должность главного исполнительного директора по инновациям. Это способствовало тому, что ОАЭ стали безусловным лидером в инновационной сфере среди монархий Персидского залива¹⁶.

ОАЭ также наметили основные цели, которые должны быть реализованы к 2071 г. – столетнему юбилею этого федеративного государства. Эта долгосрочная стратегия была сформулирована наследником престола Абу-Даби, заместителем главнокомандующего вооруженными силами ОАЭ Мухаммедом бен Зайедом Аль Нахайяном и получила дальнейшее развитие в выступлениях Мухаммеда бен Рашида Аль Мактума – вице-президента и премьер-министра ОАЭ и эмира Дубая. Мухаммед бен Зайед так обозначил ее главную цель: «Будущие поколения должны жить более счастливо, в более благоприятных экологических условиях и иметь более широкие возможности и более тесные связи с миром». Мухаммед бен Рашид представил эту программу на заседании совета министров в марте 2017 г. Он выделил четыре направления развития: образование, экономика, управление и общество¹⁷. Лидеры ОАЭ стремятся прежде всего добиться повышения уровня образования до самых высоких мировых стандартов, обеспечить экономический рост путем использования новых технологий и инвестирования в научные исследования, повысить сплоченность общества, которое должно уважать другие культуры.

Оман разработал стратегию долгосрочного развития страны на 2020 г. Она предусматривала реализацию ряда проектов, направленных на диверсификацию источников дохода, а также создание новых рабочих мест для молодежи. Предусматривалось строительство новых алюминиевых, металлургических и нефтехимических заводов, а также промышленного порта в Сохаре и развитие туристического сектора. Одним из наиболее масштабных проектов является создание новой промышленной зоны в пустыне, на расстоянии 550 км от столицы Маската¹⁸.

Оманское правительство наметило планы дальнейшего развития до 2040 г. В документе «Видение Омана 2040» ставится цель добиться того, чтобы рост ВВП составил 6% в год. При этом ненефтяные сектора должны составлять 93% ВВП. Диверсификация экономики должна осуществляться путем развития следующих секторов: туризм, логистика, обрабатывающая промышленность, рыболовство и добывающая промышленность. Кроме того, была поставлена цель увеличить число оманских

граждан, занятых в частном секторе до 42% и увеличить долю иностранных инвестиций в ВВП до 10%¹⁹.

Саудовское «Видение 2030» направлено на перемещение саудовского королевства с 25-го места на место в первой десятке наиболее конкурентоспособных экономик мира²⁰. Для реализации этой цели предусмотрено дать толчок развитию возобновляемой энергии, горнодобывающей промышленности, металлургии, туризму, военной промышленности. Большое внимание саудовские разработчики уделили необходимости создания цифровой инфраструктуры, логистической обеспеченности и модернизации транспорта как железнодорожного, так и морского. В саудовском королевстве создается своя научно-техническая база, которая призвана внедрять новые технологии и способствовать развитию наукоемких отраслей.

Арабские монархии Персидского залива не ставят перед собой задач внести изменения в политическое устройство своих государств. Политические режимы будут сохранять свой авторитарный характер. Реформы, которые предстоит проводить, инициируются представителями их правящей элиты. Мухаммед бен Сальман в Саудовской Аравии, Мухаммед бен Зайед Аль Нахайян и Мухаммед бен Рашид Аль Мактум в ОАЭ олицетворяют образ тех «просвещенных правителей», благодаря которым эти государства могут достичь новых горизонтов в своем развитии.

¹ Руденко Л. Н. Экономическая модернизация в арабских странах (конец XX – начало XXI века). Казань, 2017. С. 200.

² Нидаля Абу Заки. Халидж аль мустакбаль (Залив будущего) –Ад-дар аль-арабийя ли аль-улум. Бейрут? 2017. С. 185.

³ The Economic Vision 2030 for Bahrain. – <http://www.moic.gov.bh/en/Ministry/Documents/Vision%202030.pdf>

⁴ Руаят Катар аль-ватанийя: 2030 (Национальное видение: Катар 2030). Аль-Имана аль-амма ли ат-тахтит ат-танмавий (Генеральный секретариат планирования и развития). Доха, 2008.С.8. -http://www.mdps.gov.qa/ar/qnv/Documents/QNV2030_Arabic_v2.pdf.

⁵ Там же.

⁶ Qatar University. – qu.edu.qa/theuniversiti.students.php.

⁷ Round University Ranking – roundranking.com/world-map.html.

⁸ Руаят Катар аль-ватанийя: 2030 (Национальное видение: Катар 2030). Аль-Имана аль-амма ли ат-тахтит ат-танмавий. Доха, 2008. С. 19–21. – http://www.mdps.gov.qa/ar/qnv/Documents/QNV2030_Arabic_v2.pdf.

⁹ Vision of His Highness the Emir. – http://www.da.gov.kw/eng/festival/vision_his_highness.php.

¹⁰ More Arabs come out in support of UAE proposal on Iraq- Emirates News Agency – <http://wam.ae/en/details/1395227213999>.

¹¹ The United Arab Emirates. The Ministry of community development. – <https://www.mocd.gov.ae/en/about-mocd.aspx>.

¹² Нидадь Абу Заки. Указ. соч. С. 100.

¹³ Там же.

¹⁴ United Arab Emirates and the 2030 Agenda for the Sustainable Development. 10 July 2018. – https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/27628UAE_VNR_Slides_2018.pdf

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Бочарова Л. С. Арабский мир в поисках эффективной стратегии роста // Арабский мир и экономические вызовы. Многоликая реальность. М., 2018. С. 15.

¹⁷ Мухаммед бен Рашид ютлак «Миавийят имарат 2071» (Мухаммед бен Рашид представил программу «Столетие эмиратов 2071» – Имарат альум, 23.03.2017. – <https://www.emaratalyoum.com/local-section/other/2017-03-23-1.980529>

¹⁸ Нидадь Абу Заки. Указ. соч. С. 126–127.

¹⁹ Yasmie El-Genessi Oman Vision 2040 – Majalla, 28 January 2019 – <https://eng.majalla.com/node/65606/oman-vision-2040>

²⁰ Косач Г. Г. Социально-экономические реформы в Саудовской Аравии: «Видение 2030» // Мусульманский мир на исторических рубежах России. Труды Института востоковедения РАН. Вып. 5. М., 2017. С. 385.

И. В. Рыжов
М. Ю. Бородина*
(Нижний Новгород)

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ШИИТОВ И СУННИТОВ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА И АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ

Резюме: Противостояние шиитов и суннитов в регионе Ближнего Востока не является новым феноменом и насчитывает почти 14 веков. Однако наиболее масштабные формы суннитско-шиитский конфликт приобрел в контексте событий «арабской весны» и стал нести явную угрозу не только региональной безопасности, но и международной. В последние годы в связи с геополитической конкуренцией таких региональных игроков, как Саудовская Аравия и Иран, к религиозному контексту суннитско-шиитского противостояния добавилась еще и политическая составляющая. Гражданская война в Сирии, сложная внутривосточная ситуация в Ливане, беспорядки в Йемене, Бахрейне, Ираке, создание Исламским Государством Халифата на захваченных землях Ирака и Сирии – все это уже в той или иной мере является следствием противостояния между двумя течениями ислама на Ближнем Востоке.

Ключевые слова: суннитско-шиитский конфликт, Ближний Восток, Иран, Саудовская Аравия, Исламское Государство, Ирак, Сирия.

Summary: The confrontation between Shiites and Sunnis in the Middle East region is not a new phenomenon and has almost 14 centuries. How-

* Рыжов Игорь Валерьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политики России Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского;

Бородина Мария Юрьевна – ассистент кафедры истории и политики России Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

ever, the most extensive forms of the Sunni-Shiite conflict acquired in the context of the events of the «Arab spring» and began to pose a clear threat not only to regional security, but also to international security. In recent years, in connection with the geopolitical competition of regional players such as Saudi Arabia and Iran, a political component has been added to the religious context of the Sunni-Shiite confrontation. The civil war in Syria, the difficult political situation in Lebanon, the unrest in Yemen, Bahrain, Iraq, the creation Of the Islamic state Caliphate in the occupied lands of Iraq and Syria, all this is in one way or another is the result of the confrontation between the two currents of Islam in the Middle East.

Key world: *Sunni-Shiite conflict, Middle East, Iran, Saudi Arabia, Islamic State, Iraq, Syria.*

Тема, касающаяся антагонизма мусульман, исповедующих одно из двух основных течений ислама – суннизм или шиизм, является актуальной и с научной, и с практической точек зрения. В последние годы разногласия шиитов и суннитов и вовсе вышли на первый план, поскольку существенно влияют на региональную безопасность Ближневосточного региона.

Тем не менее, в современной исторической науке и исследованиях в области международных отношений наблюдается существенный недостаток работ, посвященных всестороннему анализу данного вопроса, поскольку в российской и зарубежной историографии противостояние суннитов и шиитов рассматривается лишь с исторической, или же догматической, точки зрения. Среди авторов пишущих об истории возникновения ислама, истоках и тонкостях суннитско-шиитского антагонизма, можно выделить таких исследователей, как Л. С. Васильев¹, А. А. Алиев², С. М. Прозоров³.

Следует отметить, что в последние несколько лет в российской науке появился значительный пласт работ, рассматривающих суннитско-шиитский конфликт в контексте событий «арабской весны». Огромный вклад в понимание ситуации, складывающейся на Ближнем Востоке в контексте событий «арабской весны», которая усугубила противоречия внутри исламского мира, внесли работы В. М. Ахмедова, В. В. Наумкина, Е. С. Мелкумян, С. Н. Сереброва⁴ и др. Исследования вышеперечисленных авторов, содержащие глубокий анализ внешней и внутренней

политики ряда ближневосточных государств, помогают достоверно оценить причины и следствия современной ситуации в Ближневосточном регионе.

Также необходимо отметить работы известного российского востоковеда Г.Г. Косача⁵, которые способствуют более глубокому пониманию региональной политики Саудовской Аравии, а также причин ее противостояния с Ираном.

Подробно рассматривалось положение шиитов в ряде ближневосточных государств в работах таких российских исследователей, как Г. И. Мирский⁶, А. А. Кузнецов⁷, Б. З. Миркасымов⁸.

Противостояние шиитов и суннитов восходит к ранней истории ислама, когда после смерти пророка Мухаммеда в 632 г. встал вопрос о главе мусульманской общины. Уже в первый день смерти Пророка среди его сподвижников возникли разногласия. Одни полагали, что он на самом деле не умер, а лишь отправился на встречу с Творцом, поэтому временно отсутствует. Другие поверили в его смерть и начали искать ему замену. Однако и здесь возникли серьёзные разногласия, которые легли в основу антагонизма двух течений ислама. Речь шла о «сакральном» или же «общинном» принципе передачи власти.

Так или иначе, первым халифом был избран старейший сподвижник и родственник Мухаммеда Абу Бакр, несмотря на то что двоюродный брат и зять Мухаммеда – Али многими рассматривался как более близкий к Пророку. Абу Бакр был одним из первых, кто принял ислам и являлся спутником Пророка на протяжении всей его земной миссии, а также иногда заменял его в качестве имама на коллективных намазах. Он возглавлял общину два года.

Преемником Абу Бакра стал Омар, который правил 10 лет. После его смерти халифом стал Осман, принадлежавший к богатому мекканскому роду Омейядов. При Османе Омейяды выдвинулись на передний план и стали занимать наиболее доходные должности. Возвышение Омейядов породило в обществе большое недовольство, в особенности среди сторонников Али, получивших наименование шиитов (шиа – группа, партия, сторонники).

Следует отметить, что основой доктрины шиитов стал тезис об исключительном праве потомков Пророка на власть над правоверными. В дальнейшем это стало фундаментом учения шии-

тов во всех его деталях и вариантах. В отличие от суннитов, для которых Мухаммед был высшим божественным символом, осуществлявшим непосредственную связь правоверных с Аллахом, шииты воспринимали Пророка как отмеченную Аллахом личность, наделенную сакральной благодатью и в силу этого призванную не только управлять, но и передать эту благодать своим потомкам. Но и это еще не все. Для шиитов важна была святость не только Мухаммеда, но и Али, чей авторитет базировался как на родственной близости к Пророку, так и на личных качествах, благодаря которым наследственная благодать, выпавшая на долю потомков Мухаммеда и Али, становилась еще более весомой и неопровержимой. Вот почему Али как великий символ шиитов, как решающее звено в их учении был со временем обожествлен ими не менее, чем Пророк, а в некоторых шиитских сектах – даже больше⁹. При произнесении азана – призыва на молитву – шииты даже произносят его имя, свидетельствуя о том, что Али является правителем от Всевышнего.

Особая роль имама Али стала еще одним различием между суннитами и шиитами. Стремление шиитов поднять статус Али как высшего и бесспорного носителя небесной благодати породило большое количество легенд, согласно которым Аллах почитал Али за равного Мухаммеду или, что посланник его – архангел Джебраил просто перепутал Мухаммеда и Али, так как они были очень похожи.

В соответствии с этим в догматике шиизма сложилось представление о святых имамах, суть которого сводилась к тому, что предводителем правоверных может быть лишь имам из числа потомков Али. Обычно шииты насчитывают всего двенадцать святых имамов, должность и благодать которых передавалась по наследству от Али через Хасана, Хусейна, их детей и внуков, вплоть до Мухаммада ибн аль-Хасана, который около 941 г. исчез (и начался период «великого сокрытия»). Этот двенадцатый имам играет в верованиях шиитов особую роль. Считается, что рано или поздно он вновь явится людям в виде мессии и принесет с собой царство истины и справедливости¹⁰. Важно отметить, что эта теология изначально определила политизированность и повышенную социальную активность шиитов.

Пропаганда шиитов, утверждавших, что халифы должны быть из рода Пророка, привлекала многих, недовольных возвышением Омейядов. В результате в 656 г., после убийства Османа в ходе восстания, халифом был провозглашен Али. Однако политическое противостояние в умме привело его к гибели в 661 г., после чего шииты лишились политической власти в масштабе Халифата. Новым халифом стал Муавия, начавший династию Омейядов, правившую Халифатом до 750 г.

Начиная с Омейядов, покровительствовавших суннитам и противостоящих сторонникам Али, суннитское направление в исламе стало господствующим, по отношению к которому все иные толки и направления, в первую очередь шиизм, перешли в явную или скрытую оппозицию¹¹. В этот период произошло резкое ухудшение материального и общественного положения шиитов, что привело к обострению борьбы между ними и правящим родом Омейядов. Центром антиомейядской пропаганды стал Ирак, который к тому времени уже утратил положение центра Халифата и связанные с этим статусом привилегии. Кроме того, Ирак стал базой алидства – социально-политического движения, отстаивавшего наследственный принцип передачи власти в «семье Пророка»¹².

Суннитами именуются все мусульмане, признающие святость Сунны, своеобразного «священного предания», состоящего из рассказов о жизни и деятельности Пророка. Сложившаяся на протяжении первых двух веков ислама, вобравшая в себя немало исторического материала и еще больше легендарных преувеличений, шеститомная Сунна стала чем-то вроде комментария и пояснений к Корану. Это не означает, что шииты не признают Сунны, просто хадисы в этот сборник у них отбирались иначе, с опорой на сведения, переданные членами семьи Пророка, и именуются ахбар (хабар), иногда совпадая в значении со словом «хадис», а иногда имея смысловые нюансы. Это также является существенным различием двух течений ислама.

После прихода к власти в 749 г. династии Аббасидов произошел дальнейший раскол противостоящих религиозных течений в исламе. Ввиду того, что законность прихода к власти Аббасидов признало суннитское большинство Халифата, были предпри-

няты шаги к постепенному превращению суннизма в официальное религиозное обрамление государства. И хотя по форме правления Халифат первых Аббасидов по инерции еще оставался таким же полусветским государством, как и Халифат Омейядов, новые властители сделали все, чтобы обрести атрибуты теократической власти. При этом суннизм стал как бы олицетворением правящих кругов, а шиизм – воплощением религиозной оппозиционности и нестабильности¹³.

Хотя шииты составляют лишь одну десятую часть почти миллиардного мусульманского населения планеты, было бы неверным называть шиитов сектой. Наряду с суннизмом шиизм является одним из двух основных толков ислама. На протяжении всей своей истории шииты в арабских странах подвергались гонениям, ощущали себя людьми второго сорта. Нередко им приходилось скрывать свою принадлежность к шиитской конфессии; недаром среди них укоренилось особое понятие – *ат-такия* – допустимость сокрытия своей веры, главным образом ради личной безопасности и во имя интересов общины¹⁴.

В отличие от шиитов для суннитов вопрос о допустимости внешнего отречения от веры имеет, по существу, лишь теоретическое значение, поскольку они традиционно представляют господствующее большинство в исламе и до недавнего времени (например, прошиитский курс иракского премьер-министра Н. аль-Малики в 2006–2014 гг.) практически не подвергались дискриминации¹⁵.

Более того, следует отметить, что трагическая судьба последователей Али породила тот самый протестный шиизм, который мы знаем сегодня. Об этом по-прежнему напоминают флаги и одежда паломников в Кербеле и впечатляющие церемонии самобичевания во время Ашуры. Такая религиозная экзальтация шиитов, которая символизирует сопротивление и жертву, становится антиподом ортодоксальности суннитов, которые называют тех «еретиками»¹⁶.

По приблизительным оценкам, численность шиитов на Ближнем Востоке составляет 10–15% от общего числа мусульман. Точное число последователей шиизма назвать сложно, что связано с огромным множеством направлений и течений, кото-

рые хотя и формировались на базе шиитского ислама, однако имеют существенные расхождения в догматике и принципах своей деятельности. Кроме того, практически все арабские страны, за исключением Ливана, не фиксируют конфессиональную принадлежность своего населения. Сегодня шииты проживают в таких ближневосточных государствах, как ОАЭ, Иран, Бахрейн, Саудовская Аравия, Ирак, Турция, Ливан, Иордания, Сирия, Кувейт, Йемен, Оман, Катар¹⁷.

Качественно новый виток обострения шиитско-суннитского противостояния совпал с событиями Исламской революции 1979 г. в Иране, результатом чего стало провозглашение Исламской Республики Иран во главе с аятоллой Рухоллой Мусави Хомейни. Аятолла Хомейни признавал, что Иран, являясь частью мусульманского мира, приобрел свою индивидуальность именно благодаря распространению среди иранцев шиизма¹⁸. В современном Иране официально господствует шиитская идеология, которую можно определить как «панисламский неошиизм Хомейни». Важно отметить, что в Иране шиизм – это не только религия, но также и политика. Иранские богословы подчеркивают, что «наша политика – то же самое, что наша религия, а наша религия – то же, что наша политика». На базе основополагающих концепций учения Хомейни формируются национальные интересы не только Ирана, но и шиитской части мусульманской цивилизации¹⁹.

После победы Исламской революции и провозглашения Исламской Республики Иран иранское теократическое руководство стало реализовывать доктрину «экспорта исламской революции», прежде всего в арабские страны.

Концепция «экспорта исламской революции» была детально изложена во многих выступлениях Р. Хомейни, который назвал Иран «страной-моделью» и «страной власти Аллаха» и выразил уверенность, что все иные народы «последуют его примеру в перестройке своей жизни». В своем выступлении перед иранскими дипломатами 6 января 1981 г. он говорил: «Вы должны помнить, что вы – послы исламской страны и вы превосходите любую сверхдержаву. Вы должны вести себя так, чтобы иметь возможность постепенно экспортировать нашу революцию туда,

где находитесь»²⁰. Опираясь на разветвленную сеть шиитских общин в арабских странах, которые поддержали антимонархический переворот, совершенный под руководством шиитского духовенства, иранская власть стремилась изменить сложившийся в регионе баланс сил в свою пользу путем отстранения от власти правителей соседних арабских государств, которых они обвиняли в отходе от «истинного ислама»²¹. Для реализации политики «экспорта исламской революции» в соседние государства в Иране применялись как методы «мягкой силы», так и чисто силовые методы. При этом Иран пошел путем создания специальных органов, таких как Отдел национально-освободительных движений, созданный по личному указанию Хомейни, а также различные подразделения Корпуса стражей исламской революции. Наиболее заметными шиитскими движениями, созданными под началом Ирана и действовавшими за рубежом, стали «Исламский фронт освобождения Бахрейна»²², организовавший крупные демонстрации в Манама в 1979 г. и в 1994 г., а также оппозиционная группа «Арабские революционные бригады»²³ в Кувейте, которую возглавлял зять и личный представитель аятоллы Хомейни Аббас ал-Мухри. В Саудовской Аравии ряд шиитских оппозиционных группировок действовал под различными названиями²⁴.

Политическая активность шиитов заметно возросла в ряде ближневосточных государств, среди которых Саудовская Аравия, Кувейт, Бахрейн, Ирак и Ливан. Шииты стали отказываться от поддержки идеи арабского национализма в пользу шиитских политических движений и групп, ориентированных в первую очередь на продвижение шиитских интересов. Среди этих групп можно отметить Партию исламского призыва «Амаль» и «Хезболлу» в Ливане, Партию исламистского призыва «Дава» в Ираке, шиитскую коалицию «Аль-Вифак» в Бахрейне, Движение исламской реформы «Аль-Харака аль-Ислахия аль-Исламия» в Саудовской Аравии²⁵.

Кроме того, придя к власти, аятолла Хомейни начал подстрекать шиитов Ирака к свержению режима баасистов. В ответ весной 1980 г. иракские Ирака арестовали и убили одного из главных представителей шиитского духовенства – аятоллу Мухаммеда

Бакира ас-Садра. Убийство аятоллы, спор о границе, возникший еще со времен британского правления, разрыв С. Хусейном Алжирского договора, спровоцировали начало ирано-иракской войны, продолжавшейся с 1980 по 1988 г.

Необходимо отметить, что исторически Ирак в большей степени, чем другие ближневосточные государства, оказался затронут суннитско-шиитским противостоянием. В Ираке шиитская община составляет около 55% населения и является большинством, хотя и отстраненным на долгие годы от власти. В Ираке находятся основные шиитские святыни – Кербела (где похоронен имам Хусейн) и Наджаф (где находится могила имама Али), что делает Ирак важнейшим религиозным центром шиитов-иснаашаритов²⁶. По количеству паломников-мусульман, посещающих ежегодно Наджаф, этот город уступает пальму первенства лишь Мекке и Медине. В 2016 г., в период обострения отношений с Саудовской Аравией, иранские духовные власти рекомендовали своим гражданам воздержаться от посещения Мекки (где их безопасность не гарантировалась), а совершить паломничество в Наджаф и Кербелу. Годом ранее во время паломничества среди восьмисот погибших в давке в предместьях Мекки оказалось более 160 иранских граждан. А в ноябре 2016 г. в Кербеле проходил Арбаин-комплекс ежегодных траурных мероприятий шиитов в память о мученической смерти имама Хусейна в 680 г. При этом число верующих, совершивших пешее паломничество в Кербелу, превысило все ожидания²⁷.

Однако, несмотря на численное превосходство шиитов, арабы-сунниты, составляющие численное меньшинство, еще со времен турецкого владычества были правящей элитой в Ираке. Это объяснялось тем, что турки также исповедуют ислам суннитского толка и, естественно, что Стамбул опирался в Ираке на суннитскую элиту. Но и после освобождения от власти турок ничто не изменилось – укоренившаяся в административном аппарате и во вновь созданной армии суннитская верхушка монополизировала власть в стране²⁸. Формально в годы правления Саддама Хусейна (1968–2003) баасистский режим²⁹ провозглашал равенство всех народов и религиозных общин Ирака, в состав руководства партии входили представители шиитов, например

министр нефти Саадун Хаммади, министр информации и культуры Латиф Нуссейф Ясим. Однако реальную политику в Ираке определяли не они, а армия и другие силовые структуры, куда входили люди, специально подбиравшиеся Саддамом Хусейном из родственников и групп лояльности. Таким образом, среди руководителей вооруженных сил и спецслужб Ирака не было ни одного шиита³⁰.

После падения режима С. Хусейна положение шиитов, составляющих большинство населения страны, изменилось. Впервые за много лет они обрели не только возможность открыто исповедовать свою веру, но и получили широкий доступ во властные структуры. Шииты получили большинство мест (13 человек) во Временном управляющем совете Ирака, созданном в июле 2003 г., а от суннитов и курдов в совет вошло по 5 человек.

По результатам первых свободных выборов в Ираке, которые прошли в январе 2005 года, шиитские партии оказались в большинстве в парламенте страны. «Объединенный иракский альянс», в котором доминируют шиитские партии, получил 140 мест из 275³¹. Отчасти это объяснялось бойкотом выборов в суннитских провинциях. Преобладание шиитских партий в новом правительстве выразилось в чистках государственного аппарата, в результате которых было уволено около 150 тыс. человек: офицеров, врачей, чиновников, учителей, университетских преподавателей из числа бывших баасистов (в основном суннитов)³². Кроме того, новая власть в Ираке пользовалась открытой поддержкой двух геополитических противников – США и Ирана. В 2004 г. американский спецназ при поддержке авиации дважды штурмовал город Фаллуджу в суннитской провинции Анбар, что было воспринято суннитами Ирака как «геноцид со стороны оккупантов». Недовольством суннитской общины умело воспользовалась такая международная террористическая организация, как «Аль-Каида», которая поспособствовала проникновению в Ирак иностранных джихадистов. Наиболее опасную из джихадистских организаций возглавил иорданец Абу Мусаб Заркауи. Взрыв его боевиками гробницы имама Хасана аль-Аскари в Самарре в феврале 2006 г. послужил сигналом для начала полномасштабной гражданской войны между

шиитами и суннитами. Гражданская война в Ираке впервые привела к расколу страны по конфессиональному признаку, до этого периодические разногласия между шиитской и суннитской общинами проходили по линиям правые – левые, баасисты – коммунисты, арабы – курды и никогда не приобретали черты военно-политического конфликта³³.

Беспрецедентный случай, когда к власти в арабской стране пришли руководители, исповедующие ислам шиитского толка, вызвал серьезные опасения в ряде ближневосточных государств. Марк Линч – профессор политологии и международных дел Университета Джорджа Вашингтона по этому поводу написал, что возникновение шиитской власти в Ираке пересеклось с давно шедшей холодной войной Ирана и монархий Персидского залива³⁴.

В этот период появился термин «шиитский полумесяц», который впервые употребил иорданский король Абдалла в 2004 г.³⁵ Два года спустя в интервью телеканалу «Аль-Арабия» бывший президент Египта Хосни Мубарак предупредил, что «Иран имеет влияние на шиитов», отметив, что «большинство шиитов лояльны Ирану, а не тем странам, где они живут»³⁶. С того момента геополитический термин «шиитский полумесяц» активно используется аналитиками и журналистами для характеристики растущего влияния Ирана в регионе.

Необходимо отметить, что к «шиитскому полумесяцу» исследователи относят Иран, Ирак, Сирию, Ливан с проирански настроенной шиитской «Хезболлой», район компактного проживания шиитов Саудовской Аравии, а также Бахрейн, где до 80% населения составляют шииты. Безусловно, феномен «шиитского полумесяца» встретил ярых противников в лице монархий Персидского залива, а также Турции и США, которым распространение на Ближнем Востоке влияния ИРИ мешает в реализации своей внешней политики в регионе. И если для арабских государств Иран – один из главных геополитических конкурентов практически на протяжении всего XX в., то недовольство США «шиитским полумесяцем» объясняется в первую очередь обеспокоенностью вопросом безопасности Израиля и поддержкой монархических режимов в Заливе³⁷.

Положение суннитской общины в Ираке после событий 2003 г. создало благоприятные условия для усиления влияния экстремистских и джихадистских организаций, среди которых особый размах приобрело «Исламское государство Ирака и Леванта»³⁸. ИГИЛ (запрещено в РФ) было создано в качестве дочерней группировки «Аль-Каиды» для помощи суннитам, потерявшим власть в Ираке в 2003 г. Первоначальное название – «Аль-Каида в Ираке», второе – «Исламское государство в Ираке», затем – «Исламское государство Ирака и Леванта». В настоящее время название организации – «Исламское государство», т. е. Халифат³⁹.

Когда события «арабской весны» коснулись Сирии, то джихадисты из Ирака двинулись туда, чтобы воевать против режима Башара Асада, и весной 2014 г. вернулись обратно в Ирак, понимая, что там их поддержат суннитские племена, ненавидящие шиитское правительство аль-Малики⁴⁰. В дальнейшем под полным или частичным контролем ИГИЛ оказались три северо-западных провинции Ирака (Ниневия, Самарра, Салах Эд-Дин), что составляет практически одну треть его территории. На захваченных территориях от Алеппо на северо-западе Сирии до провинции Диала на востоке Ирака было объявлено об образовании теократического государства под названием «исламский Халифат». Директор Центра партнерства цивилизаций Института международных исследований В.В. Попов назвал провозглашение «исламского Халифата» новой вехой в деятельности исламских радикалов на Ближнем Востоке⁴¹.

В это же время, т.е. с 2014 г., начинается формирование массового шиитского ополчения, что вполне может стать началом строительства параллельной иракской армии. Ополчение начало формироваться после провозглашения фетвы аятоллы Систани. В ней духовный лидер иракских шиитов призвал к войне с группировкой «Исламское государство», провозгласив борьбу с ним «священной обороной». К началу 2017 г. численность сил шиитского ополчения достигла 60 тыс. человек⁴².

В последние несколько лет, а именно с началом сирийского конфликта, проблема суннитско-шиитского противостояния перестает носить только религиозный характер, приобретая

черты межгосударственного противоборства, что превращает ее в одну из острейших региональных проблем. Об этом свидетельствует и выход противостояния на уровень международных организаций, подтверждением чему может служить статья Заместителя Постоянного Представителя Российской Федерации в Организации исламского сотрудничества Ильдуса Илишева, вышедшая в серии Viewpoints Центра Вудро Вильсона⁴³.

Наглядной иллюстрацией религиозно-политического антагонизма шиитов и суннитов на современном этапе являются взаимоотношения Саудовской Аравии и Ирана, которые традиционно претендуют на лидерство в суннитском и шиитском мире. Преследуя свои национальные интересы, КСА и ИРИ используют существующие религиозные противоречия между двумя основными течениями в исламе, придавая религиозным разногласиям политическую окраску.

Грегори Гос, профессор политологии Вермонтского университета, в сферу научных интересов которого входят страны Персидского залива, обращает внимание на то, что как Иран, так и Саудовская Аравия видят себя в качестве регионального лидера, а противостояние между ними легко разглядеть в событиях «арабской весны», когда эти две державы искали союзников среди единомышленников. Он отмечает, что «Саудовская Аравия находит суннитских союзников, Иран – шиитских»⁴⁴.

Таким образом, основным нервом ирано-саудовских противоречий является то обстоятельство, что Эр-Рияд заинтересован в усилении суннитского влияния в регионе и сохранении той региональной ситуации, при которой в большинстве ближневосточных государств у власти будут находиться мусульмане-сунниты, а Тегеран, в свою очередь, стремится к укреплению позиций шиитов или к изменению уже сформировавшегося баланса сил в регионе.

Необходимо отметить, что для Саудовской Аравии вопрос суннитско-шиитских противоречий весьма актуален из-за проживающей в стране шиитской общины. И хотя по различным оценкам шииты составляют лишь 10–15% населения КСА⁴⁵, проживая в основном в Восточной провинции Королевства, данное меньшинство является серьезной проблемой для Королев-

ства, учитывая то обстоятельство, что именно в этой провинции сосредоточены основные нефтяные месторождения. Кроме того, шииты Саудовской Аравии представляют собой дискриминируемое меньшинство, поскольку их политическая активность подавляется правящим режимом, вопреки договоренностям их лидеров с основателем правящей династии КСА. Суннитская саудовская правящая верхушка причисляет шиитов к группе риска, так называемой «пятой колонне», способной дестабилизировать государственность королевства. Негласная дискриминация шиитов проявляется в фактическом запрете их трудоустройства в органах государственного управления, элитных частях вооруженных сил и органах безопасности. Саудовские средства массовой информации полностью игнорируют наличие шиитской проблемы. На официальном уровне эта проблема также почти никогда не затрагивается⁴⁶.

Ареной ожесточенного силового шиитско-суннитского, или ирано-саудовского, противостояния стал внутригосударственный конфликт в Сирии. Необходимо отметить, что сирийский режим является формально светским. Однако противники Башара Асада упирают на то, что президент исповедует алавитизм, который является одной из многочисленных шиитских сект⁴⁷, в то время как основное население государства составляет суннитское большинство. Очевидно, что в этом противостоянии Иран поддерживает алавитское правительство Башара Асада, а Саудовская Аравия поддерживает сирийскую оппозицию, в большинстве своем представленную мусульманами суннитского толка.

После начала гражданской войны в Сирии летом 2011 г. Саудовская Аравия открыто заявила о том, что будет поставлять оружие сирийской оппозиции. Эту же позицию занял и Катар⁴⁸, заинтересованный в экспорте своего газа, чему мешает позиция, занимаемая Б. Асадом, являющемся сторонником проведения совсем других трубопроводов.

Интерес монархий Персидского залива в сирийском кризисе состоит прежде всего в стремлении разорвать ось Тегеран – Дамаск, тем самым лишив Иран практически единственного союзника на Ближнем Востоке. Необходимо заметить, что ослабление Сирии – это ослабление Ирана. Именно Саудовская Ара-

вия, которая на протяжении многих лет стремится к лидерству в регионе, наиболее заинтересована в свержении существующих режимов как в Иране, так и в Сирии⁴⁹.

Иранские власти также осознают, что сирийские события представляют главную угрозу для позиций ИРИ на Ближнем Востоке. Для Ирана поддержка действующего режима в Сирии крайне важна не столько по причине того, что Сирия для Ирана – ключевой союзник, или потому, что Иран опасается прихода к власти в САР враждебных Тегерану сил, а именно из-за боязни утратить статус ключевого регионального игрока и лишиться права стратегической инициативы⁵⁰. Кроме того, Иран опасается, что победа революции в САР подорвет моральный авторитет власти в самой Исламской Республике, что может поколебать внутривластную стабильность в государстве.

Г.И. Мирский справедливо отмечал, что в Сирии идут сразу несколько войн, одна из которых региональная – между США, Саудовской Аравией и суннитскими государствами, с одной стороны, и Ираном и ливанскими шиитами – с другой⁵¹. Очевидно, что стороны, заинтересованные в сирийском конфликте, не собираются так просто уступать свои позиции, что означает, что в дальнейшем ими также будут предприняты попытки для смещения сирийской ситуации в свою пользу.

Следует также отметить, что религиозно-политический антагонизм двух течений в исламе существенно обострил суннитско-шиитские противоречия в Ливане, которые привели к ухудшению политической и экономической обстановки в стране. Даже несмотря на тот факт, что официальная позиция Ливана направлена на уклонение от участия в любых региональных кризисах, в том числе и от сирийского кризиса, это не уберегло государство от распространения сирийского конфликта на его территорию. Более двух лет Ливан находился в состоянии перманентного политического кризиса: парламент не мог выбрать президента, страна продолжительное время существовала без бюджета, не было согласия по поводу избирательного закона, да и сами парламентские выборы многократно откладывались на неопределенный срок⁵².

Важно, что ситуация в Ливане по-прежнему напрямую зависит от ситуации в соседней Сирии. Положение осложняется еще

и тем, что на территории САР проживают представители многих этнических и религиозных групп, населяющих Ливан и имеющих с ним связи (например, марониты и друзы). Помимо внутренних противоречий Ливан раздирают и ведущие региональные игроки, прежде всего Иран и Саудовская Аравия, оказывая давление на политические силы страны с целью обеспечения своих национальных интересов. Это противостояние крупнейших региональных противников в Ливане, играющих на религиозных и политических противоречиях представителей суннитов и шиитов, может спровоцировать очередной политический кризис в стране кедров.

Конфликт шиитов и суннитов также не затихает и в Бахрейне. Необходимо отметить, что в Бахрейне шииты, которые составляют, по разным оценкам, от 65 до 85% населения, подвергаются серьезной дискриминации. Численность шиитов в рядах государственных служащих составляет всего 18%, а в армии и полиции – лишь 3%. Правящая верхушка во главе с королем уверена, что шииты мечтают о захвате власти, поэтому их следует держать от нее подальше. Именно против такой дискриминации борются шииты в Бахрейне.

На межконфессиональной почве также разгорелся и конфликт в Йемене между последователями шиитского зейдизма хуситами (около 40% населения Северного Йемена) и последователями суннитского шафиизма (почти 60%). Поскольку хуситов поддерживает Иран, то Саудовская Аравия опасается установления проиранского режима в соседнем Йемене. Разумеется, было бы неправильно объяснять конфликт в Йемене только с точки зрения религиозного противостояния. В этом конфликте переплетено большое количество различных причин. Однако религиозный фактор, в совокупности со столкновением интересов монархий Персидского залива и Ирана, играет существенную роль во внутрийеменском конфликте.

Как удалось проследить, происходящий в настоящее время всплеск враждебности между шиитами и суннитами не является новым феноменом в регионе Ближнего Востока. Однако исторические и догматические противоречия суннитов и шиитов обостряются тем, что данный конфликт приобрел форму борьбы

за региональное лидерство двух ведущих государств Ближневосточного региона, а именно шиитского Ирана и суннитской Саудовской Аравии, превратился в политический рычаг, используемый правящими элитами обеих стран для реализации своей региональной политики.

Антагонизм суннитов и шиитов является ярким примером проявления религиозного фактора в международных отношениях. А Тегеран и Эр-Рияд, осознавая это, умело играют на религиозных противоречиях, и во многом именно от ирано-саудовских отношений зависит накал суннитско-шиитского противостояния. Межгосударственное соперничество Ирана и Саудовской Аравии, тесным образом переплетенное с шиитско-суннитским противостоянием, является одним из конфликтообразующих факторов, который существенно дестабилизирует систему региональной безопасности на Ближнем Востоке.

Это противостояние уже обострило серьезные проблемы в ряде ближневосточных государств, будь то гражданская война в Сирии, гражданская война в Йемене, Ираке, создание «Исламским государством» Халифата на захваченных землях Ирака и Сирии.

Надежду на то, что суннитско-шиитское противостояние может быть элиминировано, дает исторический опыт совместного мирного проживания суннитов и шиитов на одной территории, в составе одного государства вплоть до совместного отражения внешних угроз.

¹ Васильев Л. С. История религий Востока. М., 2000.

² Алиев А.А. Иран vs Ирак: история и современность. М., 2002.

³ Прозоров С. М. Ислам как идеологическая система. М., 2004.

⁴ Сборник статей этих авторов, вышел в 2012 г. под названием «Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше?»

⁵ Косач Г.Г. Саудовская Аравия и «арабская весна» // Свободная мысль. 2012. № 5–6(1633). С. 91–101; Косач Г.Г. Эволюция внешней политики Саудовской Аравии после «арабской весны» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 3. С. 50–62.

⁶ Мирский Г. И. Исламский фундаментализм, сунниты и шииты // Россия и мусульманский мир. 2009. № 1. Мирский Г. И. Новый поворот в судьбе Ирака // Россия и мусульманский мир. 2003. № 12. Мирский Г. И. Шииты в современном мире // Россия в глобальной политике. 2004. № 4.

- ⁷ Кузнецов А. А. Конфессиональная поляризация в постсаддамовском Ираке и проблемы суннитско-шиитских отношений // Исламоведение. 2016. № 1. Т. 7. Кузнецов А. А. О влиянии суннитско-шиитских противоречий на ближневосточную ситуацию // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 3.
- ⁸ Миркасымов Б. З. Шииты в Ираке и других государствах Ближнего Востока: Как шиитский фактор влияет на политику стран региона и ведущих мировых держав // Азия и Африка сегодня. 2007. № 11.
- ⁹ Васильев Л. С. История религий Востока.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Прозоров С. М. Указ. соч. С. 233.
- ¹³ Алиев А. А. Указ. соч. С. 238–239.
- ¹⁴ Мирский Г. И. Драма Арабского Востока // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 7. С. 78.
- ¹⁵ Чекризова О. С. К вопросу о методологии изучения суннито-шиитских взаимоотношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. Т. 15. № 3. С. 76–77.
- ¹⁶ Tincq H. Entre sunnites et chiites, une guerre fratricide et millénaire // URL: <http://www.slate.fr/story/100265/sunnites-chiites-guerre-fratricide-millenaire>.
- ¹⁷ Кольчугин Н. П. Иран борется за Сирию шиитской солидарностью // URL: <http://www.iimes.ru/?p=14520>
- ¹⁸ Жигалина О. И. Этносоциальная эволюция иранского общества. М., 1996. С. 141.
- ¹⁹ Сажин В. И. Иран и шииты в Ираке // URL: <http://www.iimes.ru/?p=3167>
- ²⁰ Юртаев В. И. Исламизация как фактор внешней политики Ирана. М., 2018. С. 50.
- ²¹ Мелкумян Е. С. Ирано-арабская конкуренция в регионе Ближнего Востока и Персидского залива // Вестник РГГУ. 2015. № 11. С. 60–61.
- ²² Военизированная шиитская религиозно-политическая организация, действующая в Бахрейне. Создана в начале 80-х гг. при поддержке Ирана. Программная цель – свержение правящей суннитской династии Аль Халифы.
- ²³ Оппозиционная группа, созданная в 1979 г. в Кувейте зятем Хомейни Аббасом ал-Мухри.
- ²⁴ Чернова А. Ф. Влияние Исламской революции на монархические режимы в Персидском заливе // Вестник Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2013. № 161. С. 25.
- ²⁵ Миркасымов Б. З. Шииты в Ираке и других государствах Ближнего Востока: Как шиитский фактор влияет на политику стран региона и ведущих мировых держав // Азия и Африка сегодня. 2007. № 11. С. 45.
- ²⁶ Речь идет о шиитах-двунадесятниках, признающих последовательно двенадцать имамов из рода Али. Данный вид шиизма преимущественно распространен в Иране, Ливане, Бахрейне.
- ²⁷ Подкопаева М. Иракские шииты: армия Кербелы // Суть времени. 2017. № 215. С. 14.
- ²⁸ Мирский Г. И. Новый поворот в судьбе Ирака // Россия и мусульманский мир. 2003. № 12. С. 73.

- ²⁹ Партия арабского социалистического возрождения, или сокращенно БААС, находилась у власти в Ираке в 1963 г. и 1968–2003 гг.
- ³⁰ Кузнецов А. А. О влиянии суннитско-шиитских противоречий на ближневосточную ситуацию // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 3. С. 148.
- ³¹ Кузнецов А. А. Конфессиональная поляризация в постсаддамовском Ираке и проблемы суннитско-шиитских отношений // Исламоведение. 2016. № 1. Т. 7. С. 28.
- ³² Там же. С. 29.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Lynch M. The Arab Uprising: The Unfinished Revolutions of the New Middle East. New York, 2012. P. 60–61.
- ³⁵ Iraq, Jordan See Threat to Election from Iran: Leaders Warn against Forming Religious State // Washington Post. December 8, 2004.
- ³⁶ Mubarak's Shia remarks stir anger // URL: <http://www.aljazeera.com/archive/2006/04/200849132414562804.html>
- ³⁷ Barzegar K. Iran and the Shiite Crescent: Myths and Realities // The Brown Journal of World Affairs. 2008. Vol. 15. Issue I. Fall/Winter. P. 87.
- ³⁸ Кузнецов А. А. Конфессиональная поляризация в постсаддамовском Ираке и проблемы суннитско-шиитских отношений. С. 31.
- ³⁹ Мирский Г. И. Феномен ИГИЛ // Запад – Восток – Россия 2014. М., 2015. С. 108.
- ⁴⁰ Там же. С. 109.
- ⁴¹ Попов В. В. Необходимость корректировки подходов к основным планетарным и национальным проблемам // Ежегодник ИМИ. 2014. № 2 (8). С. 132.
- ⁴² Подкопаева М. Иракские шииты: армия Кербелы. С. 14.
- ⁴³ Ilishev Ildus G. The Iran-Saudi Arabia Conflict and its Impact on the Organization of Islamic Cooperation // Viewpoints № 104. June 2016.
- ⁴⁴ Gause G. Why the Iran Deal Scares Saudi Arabia // URL: <http://www.newyorker.com/news/news-desk/why-the-iran-deal-scares-saudi-arabia>
- ⁴⁵ Точные сведения о численности шиитов в Саудовской Аравии не публикуются.
- ⁴⁶ Федорченко А. В. Межконфессиональные противоречия в Саудовской Аравии: «Шиитский вопрос» // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 2 (29). С. 107–112.
- ⁴⁷ Васильев Л. С. История религий Востока.
- ⁴⁸ Мелкумян Е. С. Арабские монархии: моделирование регионального пространства и «арабская весна» // Вестник РГУ. 2013. № 1(102). С. 133.
- ⁴⁹ Рыжов И. В., Бородин М. Ю. «Арабская весна» как квинтэссенция межарабских противоречий // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2012. № 6(1). С. 254.
- ⁵⁰ Там же. С. 255.
- ⁵¹ Мирский Г. И. Драма арабского востока. С. 82.
- ⁵² Presidential crisis imperils parliamentary elections // URL: <http://www.dailystar.com.lb/News/Lebanon-News/2014/Jul-07/262904-presidential-crisis-imperils-parliamentary-elections.ashx#axzz3FSmOq86K>

М. А. Малов*
(Нижний Новгород)

МОДИФИКАЦИЯ СТАТУСА МАЛЫХ ЭТНОСОВ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Резюме: В статье анализируется развитие статусов малых этносов ближневосточных стран, влияющее на международные отношения, раскрываются основные позиции сохранения, развития малых народов Турции, Ирана, Ирака, Сирии, Израиля, что актуально по причине искусственного создания большинства государств Ближнего Востока.

Ключевые слова: Ближний Восток, этнос, национальное меньшинство, самоопределение, независимость, курды

Summary: The article deals with the transformation of statuses of minorities in the Middle East as part of international agenda. The artificial creation of the many states in the region led to many minorities' issues in Turkey, Iran, Iraq, Syria, Israel, which affect not only these countries and their neighbors but whole international community.

Key words: Middle East, ethnos, national minority, self-determination, independence, Kurds

В настоящий момент можно говорить о трансформации статуса меньшинств в регионе Ближнего Востока и Северной Африки на фоне политики демократических реформ в регионе и тенденции укрепления самой культуры прав человека и гражданского самосознания.

* Малов Максим Анатольевич – аспирант кафедры истории и политики России ИМОМИ, Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского

Если не рассматривать североафриканские этносы, чей статус также меняется, такие как берберы (самоназвание – амазиги) и копты в Египте, то трансформацию следует логично отслеживать на примерах курдов в Ираке, палестинцев в Израиле, миноритарных режимов в Сирии и Бахрейне и различных этнических меньшинств в Иране.

После «арабской весны» регион Магриба стал новой «линией фронта» в борьбе за демократизацию и открытое общество. Как показал опыт других регионов, одна из наиболее серьезных проблем, стоящих перед демократизацией, связана с правами меньшинств. И её роль продолжает расти из-за изменений в более широком международном контексте. Хотя этот вопрос и достаточно спорный и такие эксперты, как, например, С. Хантингтон, выделили бы подъем самодостаточной исламской культуры как часть отдельного цивилизационного процесса¹, нельзя отрицать, что мы живем сегодня в мире, который насыщен глобальным дискурсом разнообразия и плюрализма, сильно сформированном в данном случае западным либерально-демократическим опытом прав меньшинств и коренных народов, который определяет эти права как естественное и надлежащее расширение существующих прав человека. Борьбу за права меньшинств можно отслеживать как часть более широкой трансформационной повестки дня, включающей также и права женщин.

Это отражено, например, в Декларации о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам 1992 г.² и в Декларации ООН о правах коренных народов 2007 г.³ И все же этот глобальный дискурс о правах меньшинств и мультикультурализме всё еще подвергается своеобразному ostracismу во многих странах Леванта и Магриба и воспринимается как иностранное и вызывающее раскол влияние. Во всем регионе меньшинства остаются определенной группой граждан, к политической мобилизации которых относятся с недоверием, если не с прямым противодействием. Проблема меньшинств остается запретной темой во многих странах. Именно поэтому Ближний Восток является одним из наиболее проблемных регионов мира уже в течение долгого времени.

Проблемы Ближневосточного региона связаны с вопросом самоопределения национальных меньшинств, напряженными отношениями между расположенными в этом регионе Израилем и арабскими странами, сложным внутригосударственным положением во многих странах, непрекращающимися актами вмешательства стран Запада во внутригосударственные дела ближневосточных государств. Однако одним из главных тревожащих факторов является рост национально-освободительного движения, межэтнические столкновения.

Между тем большая конфликтогенность Ближневосточного региона ставит вопрос о возрастании роли малых этносов в системе международных отношений. Современная мировая политическая система основана на главенствующей роли государств в геополитических процессах. Однако на рубеже XX–XXI вв. появились новые акторы мировой политики, которые активно изменяют поведение государств в международных отношениях. Это и этнические группы, и диаспоры, и мигранты. Эти акторы активно провоцируют события, влияющие на международные отношения стран Ближневосточного региона. В результате действий этнических групп, диаспор обозначилось множество постоянно конкурирующих друг с другом региональных политических подсистем, в частности государств и негосударственных образований, в том числе и квазигосударств. Большинство населения Ближнего Востока на сегодняшний день – мусульмане, как это было на протяжении веков. Однако, являясь местом происхождения целого ряда религий, включая мировые, такие как иудаизм и христианство и многие менее распространенные, Ближний Восток остается регионом религиозного разнообразия.

Крупные исторические события XX в. привели к формированию сложной ситуации для многих групп меньшинств на Ближнем Востоке. Арабо-израильская война 1948 г. и вызванное ею перемещение палестинцев стимулировали арабский национализм в 1950-х гг., а создание Израиля привело к почти утроению еврейского населения между 1948 и 1972 гг.

Между тем холодная война достигла своего пика, в районе Персидского залива были открыты крупные нефтяные место-

рождения а растущий мировой спрос лишний раз показал, что эта нефть является ресурсом стратегического значения, вызвав интерес к региону чужеродных, в том числе внешнеполусферных, акторов, таких как США, чье влияние на судьбу меньшинств можно считать противоречивым⁴.

Рост населения в арабских странах и высокие темпы урбанизации привели к расцвету низшего класса, который был восприимчив к призывам арабского национализма или религиозного фундаментализма. Сектантская напряженность в религиозно разнообразном Ливане – уже разделенном по поводу того, должна ли страна ориентироваться на Францию и средиземноморскую Европу или на своих арабских соседей – обострилась в результате израильско-палестинского конфликта, в котором участвовало большое палестинское сообщество беженцев, и привела к гражданской войне в 1975 г.⁵ Деливших карту Ближневосточного региона практически по линейке особо не интересовало этническое и конфессиональное разнообразие стран региона. Это привело и к ситуации с курдами – крупнейшим в мире народом, который не имеет собственного государства. Не стоит забывать и о Палестине, ситуация с которой превратилась в длительный кровопролитный палестинско-израильский конфликт.

Первоначально, после распада колониальной системы, государства региона столкнулись с деликатной задачей создания чувства национального единства при одновременном управлении этническими и религиозными меньшинствами.

Государственные границы в данном случае не облегчали самоопределение народам региона, будучи часто произвольным результатом колониального господства, объединяя разрозненные группы в новое государство, одновременно разделяя исторические общины через границы. Эти противоречия обострились еще больше после окончания холодной войны, когда влияние двух противоборствующих лагерей на страны-сателлиты и их соседей ослабло.

Игнорирование сложности положения малых народов Ближнего Востока, что и явилось истоком большинства кровопролитных конфликтов в этом регионе, следует искать в тех действиях, которые были предприняты Великобританией и Францией в пер-

вые два десятилетия перед Второй мировой войной. И то, что сегодня наблюдается в регионе (в том числе действия России в Сирии), – это борьба за сохранение в неизменном виде договоренностей, достигнутых почти 100 лет назад колониальными державами. Нельзя допустить полного распада Ирака или Сирии, поскольку это может разрушить всю политическую конструкцию Ближнего Востока, и эти территории могут в будущем представлять более серьезную опасность, чем существующую в настоящее время.

Граждане новообразованных государств часто испытывали чувство панарабской или панисламской верности, а также локальной этнической, конфессиональной или региональной идентичности (некоторые из которых пересекают государственные границы), но, возможно, не испытывали особого «пиетета» перед самим государством. Также у них не было традиций политического суверенитета или гражданства, которые были бы этнически и религиозно подкреплены. Требуется настойчивое и планомерное руководство страной, направленной на формирование всеобъемлющего и солидарного чувства государственности в этих условиях.

Вместо этого постколониальные государства, будь то светские или исламизированные, тяготеют к жестким методам государственного строительства, которые со временем усугубляют чувство маргинализации и изоляции малых этносов.

Многие страны остаются примерами «слабых государств, но сильных обществ», где государство борется за то, чтобы утвердить свою легитимность в отношении конкурирующих идентичностей на уровне субгосударств и/или трансгосударств, и поэтому выступает в качестве «защитника нации» или «защитника веры», чтобы легитимизировать, в том числе и в глазах собственных граждан, свое хрупкое правление. На практике защита нации и веры слишком часто означает не только сопротивление агрессии внешних сил, но также угнетает меньшинства внутри.

Кроме того, политика по отношению к малым этносам также обременена колониальным наследием манипуляций и стратегии «разделяй и властвуй», защита меньшинств была одним из оправданий колониального правления, это

можно даже экстраполировать до вывода, что колониальные державы «изобрели» меньшинства, которые они сами же и защищали, но они в то же время таким поведением укрепили границы между этническими и религиозными группами и противодействовали возникновению какого-либо единого национально-освободительного движения против колониальной власти.

Колониальные правители не только защищали определенные меньшинства, но и предоставляли некоторым из них привилегии, как материальные (например, предоставляя им более легкий доступ к школьному образованию и, следовательно, более широкий доступ к государственной службе), так и символические (например, описывая меньшинства как более цивилизованные или более свободолюбивые), при этом унижая большинство. Сама «фигура» малого этноса в истории Ближнего Востока послужила примером выражения европейской мощи⁶.

Наличие диаспор различных народов в странах Ближнего Востока влияет на взаимосвязь этнополитики с геополитикой. Обсуждение меньшинств в регионе экспертами часто интерпретируется в свете политики Османской империи в отношении меньшинств, известной как система миллетов. Некоторые комментаторы утверждают, что термин «меньшинство» в арабском мире является просто современной светской заменой термина «миллет», и, следовательно, права меньшинств считаются чем-то вроде претензий «неомиллет». В рамках данной системы Османская империя признавала, что другие монотеистические «народы Книги», особенно христиане и евреи, имели право на определенную степень самоуправления и внутренней автономии. Это подкреплялось таким требованием ислама, как предписыванием Корана защищать религиозные меньшинства, если они, в свою очередь, принимают мусульманское правление⁷.

Ярким примером являются курды, разделенные государственными границами между Турцией, Ираном, Сирией и Ираком. Каждый раз обострение социального и политического положения в южных населенных курдами вилайетах Турции неизбежно отражается на других трех государствах, в которых на граничащих с ней территориях компактно проживают курды. Не раз под предлогом преследования курдских боевиков турецкие воинские

подразделения вторгались на территорию Ирака⁸. Началом этой конфликтной ситуации стало разделение массового расселения курдов в 1916 г. при территориальном делении Ближнего Востока между вышеперечисленными государствами.

Это создало условия для появления среди курдов сепаратистских настроений и противодействия насильственной ассимиляции. Так, например, в Турции ещё со времён Мустафы Кемаля Ататюрка всем малочисленным народам прививалась идеология единой турецкой нации, и курдам постоянно внушали, что они являются всего лишь горными турками, волей исторической судьбы обязанными принять турецкую ментальность, культуру и язык. Тем самым турецкое правительство целенаправленно проводило политику насильственной ассимиляции курдов. Единство турецкой нации было зафиксировано во всех турецких конституциях, включая ныне действующую, и на практике вылилось в то, что всякие проявления национального сознания нетурецких народов карались как «сепаратизм». Указанная позиция привела к протесту нетурецких народов, к числу которых относятся и курды. Вместе с тем Турецкая Республика не является мононациональным государством. На ее территории проживают представители многих национальностей, однако преобладающим этносом являются турки. И проблемным является вопрос национальной самоидентификации малых этносов, в том числе и курдов, в Турецкой Республике. Так, статья 66-я четвертого раздела новой Конституции Турецкой Республики, принятой в 1982 г., вызвала неоднозначную реакцию общества, поскольку гласит: «Каждый связанный с Турецким государством через обязательства гражданства – турак»⁹.

«Арабская весна» также изменила соотношение сил между Турцией и курдами, новая курдская геополитика приведет к созданию новой парадигмы в Турции. Поскольку Турция не в состоянии ограничить автономию курдов в регионе, политика Анкары неизбежно приведет к разработке новой стратегии мирного сосуществования с автономными курдскими регионами в таких странах, как Ирак и Сирия. И выходом Турции может стать укрепление отношений с курдами-суннитами. Однако остается открытым вопрос, найдет ли Турция такую же стратегию разумной и для

сирийских курдов. Поэтому успех Турции будет определяться ее способностью сосуществовать с существующими и зарождающимися курдскими автономными регионами на Ближнем Востоке. Тем не менее вторая курдская автономия приведет курдскую политику к заключительному этапу – строительству нации. Теоретически такое развитие событий может вызвать изменения границ в будущем, хотя с точки зрения международного права легитимность такого развития событий вызывает сомнения¹⁰.

В Иране притеснение курдов началось ещё при шахском режиме. Курдское население Ирана всегда испытывало к себе отношения дискриминационного характера, связанные с приёмом на работу, правом на обучение на родном языке, на поступление в высшие учебные заведения страны и проявлениями культурной жизни.

Однако в целом курдское население Ирана не проявляет активности в противодействии подобным явлениям, и вопрос национального самоопределения иранских курдов не является в настоящее время актуальным.

В Ираке, напротив, движение курдов обрело мощный и повсеместный характер. Причиной тому стала антикурдская политика, проводимая во второй половине XX в. Саддамом Хусейном, направленная на увеличение в северных районах страны, населённых курдами, доли арабского населения, и силовым подавлением вооруженных отрядов сепаратистов. Несмотря на это, борьба иракских курдов увенчалась успехом и принятием в Ираке 11 марта 1974 г. Закона о провозглашении Курдского автономного района (КАР) в провинциях Эрбиль, Дохук и Сулеймания. Что касается статусного изменения положения курдов в Ираке, то благодаря сложившимся благоприятным факторам в ходе военной операции Запада против режима С. Хусейна лидеры курдских общин провозгласили широкую автономию, ведущую к независимости в соответствии с новой Конституцией Ирака 2005 г.

Поддержка курдов Ирака позволила США приобрести союзника в регионе в лице фактически независимого и относительно стабильного Курдистана, что значительно усилило их позиции США на Ближнем Востоке. Это дало возможность использования так называемой «курдской карты» в качестве геополитиче-

ского инструмента при проведении ближневосточной политики США по отношению к странам, где есть проблемы с курдским сепаратизмом.

Руководство же Сирийской Арабской Республики, наряду с другими странами, где существует курдская проблема, негативно относится к стремлению курдов к самоопределению и настаивает на сохранении территориальной целостности государства, хотя тенденция к самоорганизации курдов в Сирии сформировалась давно и постепенно растет. Несмотря на сильное ассимиляционное давление Дамаска, сирийские курды поддерживают контакты с внешними силами и стремятся добиться изменения статуса курдского меньшинства в стране. Курды являются полноправными хозяевами автономного региона, и многие наблюдатели предсказывают скорое создание курдского государства. Тем не менее стандартные представления об арабо-курдских отношениях как в научной литературе, так и в популярной прессе искажены дихотомией «ассимиляция/сопротивление», что усложняет способность понять условия, при которых возможны подлинный мир и стабильность. Это имеет значение не только для курдов в Ираке, но и для отношений большинства меньшинств в регионе.

Не менее интересными являются палестино-израильские отношения. Большая часть израильских арабов относит себя к четырем общностям – палестинцам (этническая принадлежность), арабам (либо друзьям, черкесам – наднациональная, панарабская самоидентификация), израильтянам (гражданская принадлежность) и мусульманам (либо христианам, друзьям – религиозная самоидентификация). К этому построению примешивается частное самосознание – региональное, культурно-экологическое (у бедуинов), клановое – оно все еще значимо в связи со сравнительной молодостью палестинского, равно как и панарабского национализма (до начала XX в. все арабы считали себя прежде всего мусульманами и были преданны главным образом Османской империи). Очевидно, что самоидентификацию израильских арабов можно считать гибкой.

Арабские граждане Израиля – это палестинские арабы, оказавшиеся в пределах созданного государства Израиль в 1948 г. и ставшие его гражданами. Сегодня арабы – граждане Изра-

или насчитывают более 1 млн человек, составляя свыше 20% от общего числа населения¹¹. Политика Израиля в отношении арабов основывается на трех противоречащих друг другу принципах. Принцип демократического развития Израиля провозглашает равенство всех граждан и предусматривает включение арабского населения в жизнь израильского общества.

Такие принципы, как еврейский характер государства, принцип приоритета безопасности страны до полного урегулирования конфликта, препятствуют арабскому населению включиться в процесс этой интеграции. Поскольку Израиль создан как государство для евреев, то включение арабов в планы развития этого государства руководством страны не предусмотрено.

До создания Израиля проблема нееврейского меньшинства не находилась в центре внимания. Декларация независимости Израиля провозглашала полное равноправие, предоставление социальных и политических прав всем гражданам независимо от пола, религии и расы.

Между тем никто не задумался о том, что исторически еврейский народ находился на этой территории в роли этнического меньшинства. Предполагалось, что палестинские арабы будут бесп проблемно включены в демократическое устройство этого региона, и арабы и евреи будут готовы к сотрудничеству в новом государстве. В результате какой-либо четкой и последовательной политики в этом вопросе выработано не было. Итоги этой проблемы озвучил израильский автор А. Даути: «... сторонники равноправия оказались бессильны перед проблемой отсутствия коллективного арабо-еврейского национального сознания и не смогли сформировать условия, необходимые для его возникновения».

Изначально политика Израиля была направлена на разобщение и ослабление арабского меньшинства, что выражалось в сокращении транспортного сообщения между арабскими поселениями, отсутствии коммуникаций, конфискации земель, создании еврейских населенных пунктов на заселенных арабами территориях, в создании препятствий в получении рабочих мест. Как следствие, арабское меньшинство Израиля оказалось за чертой бедности, ухудшилось его социально-экономическое поло-

жение. Непримируемая позиция Израиля в отношении арабского меньшинства изменилась в конце 1950-х – начале 1960-х гг. Арабам стали предоставлять рабочие места, повысился их жизненный уровень, экономическое состояние, стало возможным создание выборных палестинских органов.

Как правило, этническое меньшинство, подверженное оккупации, испытывает многоуровневое и разностороннее давление, целью которого является насильственная ассимиляция через применение силовых воздействий, искоренение или изменение религиозных взглядов и культурных ценностей. Это приводит к размытию культурных ценностей этнического меньшинства, изменению его религиозного мировоззрения, ослаблению национальных ценностей.

Противодействовать внешнему давлению и принять меры к самосохранению национальные меньшинства могут исключительно с помощью применения объединяющих факторов, например религии, обычаев, национальных ценностей. Это позволяет малым этносам обрести поддержку в обстановке, угрожающей их идентичности. Точно так и произошло с арабо-палестинским этническим меньшинством в Израиле, когда палестинцами игнорировались требования официальных властей стать израильянами и ассимилироваться в израильском, по сути еврейском, обществе, оторваться от своих традиций и обычаев и принять чужие. Национальное меньшинство Израиля – арабы – сохранили чувство принадлежности к арабской нации, чувство родины и связь со своим историческим и культурным прошлым.

Поскольку арабское меньшинство в Израиле связано с остальным арабским миром, власти Израиля делали все, чтобы оторвать арабов от своих национальных корней. Стали распространяться чуждые арабам западные идеи (марксизм, национализм, плюрализм), усилилось воздействие еврейской национальной культуры¹². Арабское меньшинство переживало период, когда его пытались оторвать от исламских корней, обычаев, что выразилось в следующем:

– политический и экономический прессинг; неприязнь к арабскому меньшинству, требование подчиниться воле меньшинства;

- запрет на религиозное воспитание в арабских школах и преподавание арабского языка;
- внушение принадлежности арабского меньшинства к израильскому государству

В принципе арабское меньшинство Израиля никогда не забывало, что оно принадлежит к арабскому миру по языку, культуре, по крови и вероисповеданию. Израильское руководство в целом дало им возможность после провозглашения государства остаться на своей территории, предоставило гражданство. Вместе с тем израильские арабы ощущали себя этническим меньшинством, гражданами второго сорта.

Военные действия 1967 г. обострили ощущение двойственности своего положения, непринадлежности к государству проживания и родственной солидарности с палестинскими арабами, проживающими вне территории Израиля. В результате Шестидневной войны произошло объединение двух ранее полностью изолированных территорий – израильских арабов и палестинцев сектора Газа и Западного берега реки Иордан, что положительно повлияло на положение арабского национального меньшинства на территории израильского государства.

Некоторые формы проявления самовыражения и самоопределения меньшинств способствуют демократизации и правам человека, в то время как другие формы укрепляют или воспроизводят авторитаризм. Каждый случай надо рассматривать отдельно, при условии готовности сторон к сотрудничеству и, вероятно, наличия третьей стороны, готовой взять на себя роль фасилитатора.

Поэтому во время независимости группы большинства иногда рассматривали малые этносы как в лучшем случае незаконно привилегированные, а в худшем – нелояльные. И конечно же, иностранные державы продолжают эксплуатировать проблему меньшинств на Ближнем Востоке, так что те продолжают рассматриваться как своего рода «коллорабационисты»¹³, угрожающие территориальной целостности государства.

Сама идея «защиты меньшинств», особенно в том случае, когда она подразумевает потенциальную привлекательность для международных участников, рассматривается не как законная и

нормальная форма внутривосточного противостояния, а как геополитическая угроза безопасности государства.

Сейчас, когда дихотомия Север – Юг и деление на развитые и развивающиеся страны размывается и посторонние акторы не могут полноправно повлиять на ситуацию своим авторитетом, государствам Ближнего Востока нужно самим выбирать стратегию модернизации и трансформации статуса своих малых этносов в соответствии как с их требованиями, так и с общей социокультурной обстановкой в стране и требованиями международной повестки дня. Таким образом, политика меньшинств в регионе переплетена с проблемами безопасности. Эти факторы объясняют враждебность по отношению к политике меньшинств на Ближнем Востоке. Существует сопротивление не только каждому конкретному случаю борьбы за права меньшинств, но и самой идее прав меньшинств или даже самому понятию «меньшинство».

¹ Хантингтон С. Ф. Столкновение цивилизаций. М., 1996.

² Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml

³ Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml

⁴ Religious Minorities in the Modern Middle East // URL: <https://www.fpri.org/article/2015/11/religious-minorities-in-the-modern-middle-east/>

⁵ Overview of Middle East // URL: <https://minorityrights.org/minorities/overview-of-middle-east/>

⁶ Mahmood, Saba. 2012. 'Religious Freedom, the Minority Question, and Geopolitics in the Middle East. <https://www.cambridge.org/core/journals/comparative-studies-in-society-and-history/article/religious-freedom-the-minority-question-and-geopolitics-in-the-middle-east/25D603F7CF2B946D8172C7F48B67A8AE>

⁷ Minority Politics in the Middle East and North Africa: The prospects for transformative change // URL: https://www.researchgate.net/publication/283184303_Minority_Politics_in_the_Middle_East_and_North_Africa_The_prospects_for_transformative_change

⁸ Ганиев Т. А., Карякин В. В. Курдский фактор и его роль в формировании геополитической обстановки на Ближнем Востоке // Архонт. 2018. № 2. С. 5.

⁹ Мустафаев М. М. Курдская карта в геополитике мировых держав на Ближнем Востоке // URL: http://russiancouncil.ru/blogs/mamed-mustafaev/32537/?sphrase_id=5728016

¹⁰ How the Arab Spring transformed Turkey's Kurdish issue // URL: https://www.researchgate.net/publication/292162604_How_the_Arab_Spring_transformed_Turkey%27s_Kurdish_issue

¹¹ Макаренко Е. Ю. Приоритет внутренних или внешних факторов в процессе самоидентификации израильских арабов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. №. 5. С. 325.

¹² Карасова Т. А. Политика в отношении арабского этнического меньшинства в государстве Израиль // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 7. С. 99.

¹³ Minorities in the Middle East // URL: https://www.researchgate.net/publication/275352702_Minorities_in_the_Middle_East

Научное издание

Труды Института востоковедения РАН
Выпуск 26

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
НА ВОСТОКЕ**

**Культурно-сложные общества
в мусульманском ареале,
геополитическая и геоэкономическая динамика**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Редактор: М. С. Грикурова
Верстка: Н. В. Максеева

Подписано 21.10.2019
Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 40,5. Уч.-изд. л. 31,5.
Тираж 500 экз. Зак. № 398

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Федулов
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в ПАО «Т8 Издательские Технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5